Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА»—12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря,* получатъ премію—третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію каждаго подписчика. При этомъ редакція проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакція допускаетъ разсрочку въ уплатѣ денегъ — для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ,—для всѣхъ прочихъ—по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к. Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. Съ перес. 4 р. 50 к. Разсказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ нравовъ ТЕККЕРЕЯ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель **графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года

Цензоръ *Е. Волковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

X.

РУССКОЕ СЛОВО

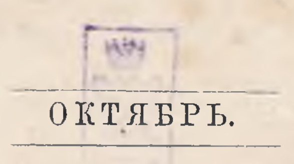
ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

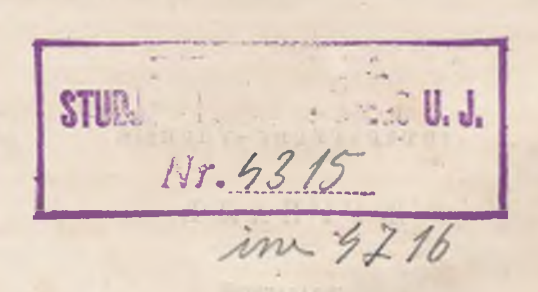


ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.



Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 30 октября 1861 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ*.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Къ этой книжкѣ приложено окончаніе изъ исторіи Грота.

ТРИ ДОРОГИ.

I.

Въ концѣ лѣта 184.. года, по одной изъ петербургскихъ улицъ, шли три молодые офицера. По новенькому, лоснящемуся ихъ платью, блестящимъ эполетамъ, пуговицамъ и гербамъ на каскахъ, безукоризненно бѣлымъ перчаткамъ, совершенно юнымъ, весело улыбающимся лицамъ, выражавшимъ дѣтскую безпечную радость, полное безсознательное самодовольствіе и нѣкоторую гордость ко всему окружающему, какъ будто говорившую: «любуйтесь на насъ, люди добрые, завидуйте намъ сюртуки и фраки», по робкимъ, но зоркимъ взглядамъ на всѣхъ встрѣчныхъ женщинъ, наконецъ даже по нѣкоторой неловкости въ движеніяхъ, какъ у людей надѣвшихъ въ первый разъ незнакомые имъ костюмы, видно было, что эти три офицера недавно покинули школьную скамейку, быть можетъ, часъ тому назадъ сбросили кадетскую куртку и принадлежали къ числу только-что произведенныхъ прапорщиковъ. Они шли чинно, ровно, въ ногу, всѣ трое рядомъ, точно ровнялись въ шеренгѣ, разговаривали ни громко, ни тихо, останавливались передъ окнами магазиновъ, на все любовались, многое купить хотѣли; потомъ повернули въ другую улицу, причемъ на заворотѣ одинъ изъ нихъ какъ-то запутался въ собственную шинель и саблю, неловко при-

скакнулъ, покраснѣлъ, проворно оглянулся вокругъ и рысью догналъ опередившихъ его товарищей. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, офицеры остановились передъ кондитерской.

— Зайдемте, господа, жарко... я мороженаго съѣмъ, произнесъ одинъ довольно громко, какъ бы желая обратить на себя вниманіе проходившаго мимо статскаго.

— Мнѣ домой пора, нерѣшительно замѣтилъ другой.

— Я ничего, я могу зайти, отозвался третій.

Они постояли еще нѣсколько минутъ, наконецъ первый съ громомъ распахнулъ двери кондитерской, остальные потянулись за нимъ.

— Порцію мороженаго! крикнулъ онъ мальчику и направился въ слѣдующую комнату.

Второй остановился у буфета, выбралъ два пирожка, освѣдомился о ихъ цѣнѣ, расплатился и послѣдовалъ вслѣдъ за первымъ.

Третій ограничился однимъ обзоромъ, пощупалъ-было слоеный пирогъ, но только замаралъ палецъ перчатки и принялся тщательно вытирать его.

Офицеры усѣлись въ углу за столикомъ; двое закурили папироски.

Мальчикъ принесъ мороженое и стаканъ воды.

— Однако вамъ сукно и очень хуже поставили, произнесъ первый, прищуривая глаза на сюртуки своихъ товарищей.

Послѣдніе оглядѣлись.

— Твое лучше, имѣетъ глянцу больше, замѣтилъ одинъ изъ нихъ и сдунулъ съ своей груди какую-то соринку.

— Нынче подъ рукавами подкладку бѣлую носятъ, перемѣнить надо, снова произнесъ первый.

— Бѣлая мараться будетъ, такой цвѣтъ имѣетъ прочности больше, отозвался второй и вторично сдунулъ соринку.

— Это у васъ въ гвардіи, флегматически заключилъ третій.

Первый, изподтишка, самодовольно улыбнулся и провелъ рукою по небывалымъ усамъ.

— Да, намъ одѣваться хорошо нужно, одно шитье сколь-

ко стоитъ, замѣтилъ онъ и небрежно отодвинулъ пустое блюдечко.

— Ты воду не хочешь пить? позволь мнѣ выпить, спросилъ второй, снялъ перчатку и осторожно протянулъ руку къ стакану.

Наступило небольшое молчаніе.

— Господа, поѣдемъ въ театръ завтра, въ кресла, вдругъ произнесъ офицеръ, съѣвшій два пирожка, многозначительно ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Завтра я не могу, завтра я въ Павловскъ ѣду; тамъ всѣ наши полковые будутъ, отвѣтилъ гвардеецъ.

— Почемъ билетъ стоитъ? спросилъ третій; но узнавъ цѣну, отговорился какимъ-то званымъ вечеромъ.

— Вездѣ побывать нужно, продолжалъ гвардеецъ, какъ-то мимоходомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желая задать тону передъ товарищами; въ Павловскѣ быть необходимо, къ Излеру нужно, въ театръ нужно, въ пятницу въ собраніе звали; теперь визитовъ сколько и по начальству и по знакомымъ, сегодня вотъ день пропалъ... Мы, Ползиковъ, у тебя обѣдаемъ?

— Разумѣется, у меня, отвѣтилъ звавшій въ театръ; такъ и маменька ждетъ... Глюкъ, вѣдь ты будешь? добавилъ онъ, обращаясь къ третьему.

— Я буду, мнѣ свободно сегодня, отвѣтилъ фонъ-Глюкъ.

— Ахъ, господа, видѣли вы, какая цѣпочка у Храпача? Емельянъ Иванычъ любовался, говоритъ, самая шикарная! продолжалъ гвардеецъ; я себѣ непремѣнно такую куплю, къ лацканамъ очень идти будетъ!—Онъ провелъ рукою по болтавшейся на его груди цѣпочкѣ.

Товарищи ничего не отвѣтили, какъ будто не слыхали сказаннаго, они только искоса взглянули на пустые борты своихъ мундировъ.

— Вотъ, господа, всѣ мы разбредемся въ разныя стороны; лѣтъ черезъ десять, пятнадцать и не узнаешь другъ-друга, тогда все измѣнится, все!.. какъ-то грустно произнесъ Ползиковъ.

— Ну, Яша философствовать начинаетъ, поэтъ! со смѣхомъ замѣтилъ гвардеецъ.

— Годовъ черезъ пятнадцать Пигоцкій полковникомъ будетъ! глубокомысленно проговорилъ Глюкъ.

— Ну!.. рано очень! самодовольно отозвался гвардеецъ, улыбнулся, потупилъ глаза и забарабанилъ пальцами по столу.

— Нисколько не рано, въ этотъ срокъ всегда будешь! вторично подтвердилъ Глюкъ.

— Можетъ быть... тридцати трехъ лѣтъ значитъ!..

Въ послѣднихъ словахъ гвардейца прозвучало столько значенія, что Ползиковъ невольно поднялъ глаза и взглянулъ на своего товарища.

— А чѣмъ мы будемъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Глюку.

— Ротами командовать будемъ, серьезно отозвался послѣдній.

Ползиковъ улыбнулся.

Еще нѣсколько времени проговорили офицеры, поспорили о качествѣ эполетъ, гдѣ ихъ лучше заказывать, о сапожникахъ, портныхъ, перчаткахъ, о необходимости пріобрѣсти то одно, то другое; казалось, въ карманѣ каждаго изъ нихъ звенѣли тысячи; гвардеецъ собирался завести бархатную мебель и повѣсить драпри, фонъ-Глюкъ мечталъ о серебряныхъ часахъ на тринадцати камняхъ, вѣрныхъ какъ солнце, и складной желѣзной кровати; одинъ Ползиковъ восторгался менѣе, изъявилъ-было желаніе выписывать какой нибудь журналъ, завести кое-какія книги, но не встрѣтивъ сочувствія, замолчалъ тотчасъ же; затѣмъ разговоръ принялъ болѣе идеальное направленіе; на сцену появились женщины, блондинки, брюнетки, всѣ безъ исключенія красавицы, душки, по выраженію офицеровъ; гвардеецъ разсказалъ о какой-то очень богатой купчихѣ, прелестной какъ ангелъ, на которой онъ какъ дважды-два-четыре могъ бы жениться и сдѣлаться милліонеромъ, и мало-ли о чемъ еще говорили, чѣмъ гордились и радовались эти минутные счастливцы, эти дѣти въ обновкахъ...

А между тѣмъ въ одной изъ отдаленныхъ частей города, въ небольшомъ, сѣромъ, деревянномъ домикѣ съ палисадникомъ на улицу, въ маленькой квартиркѣ вдовы, чиновницы,

Пелагеи Ивановны Ползиковой, происходила большая суматоха. Здѣсь, съ ранняго утра, мыли полы, двери, протирали оконныя стекла, обметали пыль, передвигали мебель. Сама хозяйка, успѣвшая уже побывать у ранней обѣдни, напиться чаю и сбѣгать на рынокъ, въ сопровожденіи своей кухарки Аксиньи, поминутно сновала изъ комнаты въ комнату, приказывала, суетилась, поправляла то одно, то другое, забѣгала на кухню и освѣдомлялась хорошо-ли всходитъ тѣсто, вычищена-ли рыба, удачно-ли стынетъ приготовленный для заливнаго бульонъ. Истощивъ кругъ своей дѣятельности, она остановилась посреди крошечной гостиной, съ какимъ-то заботливымъ вниманіемъ снова оглядывала каждый предметъ, задумывалась, припоминала и непремѣнно находила новую для себя работу. Видно было, что Пелагеѣ Ивановнѣ эти хлопоты приходились по душѣ: она суетилась для своего единственнаго сына Яши или Якова Петровича Ползикова, того самаго юнаго офицера, который съѣлъ два пирожка въ кондитерской.

Пелагея Ивановна, женщина лѣтъ сорока пяти, роста средняго, съ доброй, пріятной наружностью, лишилась мужа спустя пять лѣтъ послѣ рожденія Яши. Съ тѣхъ поръ много тяжкихъ испытаній перенесла она. Покойникъ оставилъ въ наслѣдство свое благословеніе, два форменныхъ вицъ-мундира, пару бритвъ, три или четыре патента на чины и весьма скудную пенсію, которая въ наше время не могла бы удовлетворить даже и діогеновскимъ требованіямъ. Забота о средствахъ для кой-какого существованія и воспитаніе подроставшаго сына все пало тяжелымъ камнемъ на душу бѣдной Пелагеи Ивановны. Будь она одна, такъ и горя мало, хоть недоспитъ и недоѣстъ, такъ самой тошно, да на другихъ глядя не плачешься, а тутъ ненаглядный сынъ, единственное утѣшеніе матери, его и одѣнь и обогрѣй и накорми и обучи, все же дворянское дитя, такъ по-мужицки не поведешь, хочется и полакомить ребенка, и рубашечку хорошенькую сдѣлать, такъ каково же материнскому сердцу, когда ни того ни другаго не на что, и говорить нечего!—тяжело! Правда, Яша, вскорѣ послѣ рожденія, при помощи какого-то родственника, человѣка съ случаями, былъ записанъ кандидатомъ въ

одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, но до времени поступленія оставалось еще лѣтъ пять. Притомъ нужно было хоть кое-какъ да подъучить мальчика, подготовить его; сама Пелагея Ивановна, по ограниченности своихъ познаній, сдѣлать этого не могла, а для учителя, даже и весьма простенькаго, все же требовались деньги.

И вотъ будущій прапорщикъ Яковъ Петровичъ поступаетъ въ Александровскій кадетскій корпусъ, а Пелагея Ивановна переѣхала на жительство въ Царское Село и поселилась въ одномъ изъ домовъ, находящихся противъ стѣнъ корпуснаго зданія, въ маленькой, уютной комнатѣ.

Куда какъ грустно было сначала доброй матери не видѣть подлѣ себя своего сына! Проснется она бывало, да такъ втихомолку и зальется слезами, вспомнитъ, какъ Яша, протирая глазенки, еще въ полупросоньи, цѣловалъ и обнималъ ее, какъ она его одѣвала, заставляла молиться Богу, читать «Отче нашъ» и «Богородицу», поила чаемъ, и т. д. Скоро впрочемъ Пелагея Ивановна мало по малу привыкла къ своему одиночеству, тѣмъ болѣе, что Яшу она видѣла нетолько ежедневно, но понѣскольку разъ въ день. Кадеты въ садъ — и она въ садъ, кадеты на плацъ — и она туда же; хоть сквозь рѣшетку да посмотритъ на нихъ; кадеты изъ классовъ бѣгутъ, она ждетъ непремѣнно на лѣстницѣ, переглянется съ Яшей, поцѣлуется, скажетъ словцо-другое, перекреститъ его и пойдетъ, успокоенная, почти счастливая, въ свою уединенную келью.

Въ праздникъ госпожа Ползикова выкупала всѣ тѣ часы, въ которые на недѣлѣ не видѣла Яшу; каждое воскресенье было для нея торжествомъ, а Рождество, Святая и масляница какими-то эпохами. Въ эти дни и обѣдъ у Пелагеи Ивановны готовился лучше, прибавлялось третье, иногда четвертое блюдо, и костюмъ ея отличался нѣкоторою изысканностью, и бѣлье на столѣ было чистое и все, начиная съ физіономіи хозяйки до угрюмой собаки Валетки, принимало лучшій, обновленный видъ.

Съ своей стороны и Яша былъ безгранично преданъ матери. Кромѣ ея у него не было никого близкаго сердцу, отца онъ почти не помнилъ, родные не отличались особенною

нѣжностью къ ребенку: стало быть, весь пылъ дѣтской любви сосредоточился на одной матери.

Прошло пять лѣтъ. Яша былъ переведенъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а Пелагея Ивановна переѣхала на новоселье въ Петербургъ и поселилась попрежнему бокъ о бокъ съ роднымъ ей корпуснымъ зданіемъ, но не въ одной, а въ двухъ комнатахъ, чтобъ Яшѣ въ праздникъ было уютнѣе, чтобъ не стыдился онъ своей бѣдности, не зналъ бы ея, чтобъ къ нему могъ и товарищъ заглянуть.

Тихо, и однообразно, какъ заведенные часы, отъ субботы до субботы, текла жизнь любящей матери. Съ недостатками она сжилась, опредѣленныхъ средствъ къ жизни никакихъ не имѣла, а все перебивалась какъ-то; если и горевала иногда, то не о своей участи, а о будущемъ Яшѣ, уже взросломъ мальчикѣ. Ей представлялось въ перспективѣ офицерство сына съ его скудными средствами для жизни; крѣпко задумывалась въ такихъ случаяхъ добрая женщина и кончала свою думу теплой молитвой къ Богу, возлагая все упованіе на помощь и милосердіе его.

Стукнуло Яшѣ шестнадцать лѣтъ, оставалось два года до офицерства—и новый, тяжелый камень, прежде только угрожавшій Пелагеѣ Ивановнѣ, теперь въ дѣйствительности свалился на ея душу. Для новаго офицера нужно было приготовить все необходимое, одѣть, обуть, снарядить на службу; правда, казна мундиръ сдѣлаетъ, но вѣдь и подъ мундиръ и на мундиръ тоже своего рода одежда требуется. Хорошо бы и начать тотчасъ же, думала мать, сама бы ему исподоволь и бѣлье сшила и то и другое справила, но для начатія нужны были деньги, а ихъ-то и не водилось у госпожи Ползиковой. Разрывалось сердце матери, невольно позавидовала она участи людей богатыхъ: не хуже ихъ ея Яша, можетъ и лучше, да на тѣхъ оболочка шелковая, а на немъ нитяная.

Много хлопотала Пелагея Ивановна, много бѣдствовала, много пролила слезъ, много ночей не спала, много вынесла горькихъ упрековъ, кое-что продала, кое что заложила, и съ боя, какъ израненный солдатъ вырвавшій непріятельское знамя, успѣла сколотить кой-какое приданое сыну.

Не мудрено послѣ этого, что Пелагея Ивановна съ такою торжественностію ждала вновь произведеннаго офицера; нѣсколько лѣтъ она мысленно готовилась къ этому дню, видѣла его во снѣ, томилась, боролась, изыскивала средства, наконецъ всѣ препятствія побѣждены, все устроено, улажено, Яша офицеръ, Яша снаряженъ, заботы, слезы, мученія кончены, остается гордиться, любоваться и радоваться ненаглядныиъ дѣтищемъ. Притомъ материнское самолюбіе требовало вознагражденія за свои труды, оно желало похвастаться, блеснуть, выставить на-показъ свое произведеніе въ полномъ его блескѣ: смотрите, дискать, люди добрые, какого я молодца выростила! Вотъ почему рѣшилась Пелагея Ивановна, что называется, кутнуть, поставить ребромъ послѣднюю копѣйку, бывшую плодомъ тяжкой предшествовавшей экономіи.

Новый офицеръ былъ выпущенъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Учился онъ въ корпусѣ, несмотря на свои прекрасныя способности, такъ-себѣ, ни хорошо, ни дурно, нѣкоторыми предметами занимался усердно, основательно, другими напротивъ вполнѣ пренебрегалъ; не занимали они сердца мальчика, не трогали его душу, не шли ему въ голову. Съ жадностію, напримѣръ, иногда просиживалъ онъ цѣлыя ночи за какой нибудь посторонней интересующей его книгой, а между тѣмъ не готовилъ заданнаго урока изъ математики, химіи, ботаники и тому подобныхъ премудростей. Онъ какъ бы сознавалъ, что знать этихъ предметовъ никогда не будетъ, если и схватитъ кой-какія верхушки, то послѣ экзамена тотчасъ же ихъ позабудетъ, стало-быть и учиться не къ чему, только лишнимъ соромъ заваливать голову. Правда, были въ корпусѣ воспитанники, зубрившіе все съ одинаковымъ рвеніемъ французскіе стихи, и формулу ньютонова бинома и катихизисъ, и физику, и исторію, словомъ мастера на все,—имъ и книги въ руки!—они вышли въ гвардію, а Яковъ Петровичъ напялилъ на себя скромнѣйшій армейскій мундиръ, съ красною рогожкою и нумеромъ на эполетахъ. Любимыми предметами Ползикова, отчетливымъ знаніемъ которыхъ иногда удивлялъ онъ, были именно тѣ, которые въ системѣ корпуснаго

образованія стояли на второмъ планѣ, а музыка, живопись и вообще изящныя искуства какъ-то особенно симпатично дѣйствовали на его душу. Долго, съ полнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ онъ иногда на какую нибудь замѣчательную картину, и хотя самъ не рисовалъ, но судилъ о ней здраво, человѣчно, отчасти правильно. Онъ зналъ на-перечетъ нетолько русскихъ, но и лучшихъ иностранныхъ писателей, особенности и направленіе каждаго изъ нихъ; понѣскольку разъ перечитывалъ любимыя произведенія; даже серьезныя философскія книги не ускользали отъ его вниманія. Вообще не восхищали душу Якова Петровича, не были для него кумиромъ совершенства и предѣломъ человѣческихъ стремленій ни блестящіе мундиры, ни другія наружныя отличія, нѣтъ, умъ и сердце его благоговѣли предъ торжествомъ науки или предъ творчествомъ художника,

Много доставалось бывшему кадету за такое направленіе: часто дежурный офицеръ конфисковалъ бывшія у него постороннія книги, какъ неидущія къ дѣлу, отрывающія воспитанниковъ отъ прямыхъ занятій; начальство и товарищи въ насмѣшку называли его Байрономъ; но всѣ эти гоненія нисколько не измѣняли мальчика, напротивъ, онъ еще какъ-то упорнѣе, исключительнѣе погружался въ любимый міръ свой.

Притомъ Ползиковъ не отличался бойкостію, умѣньемъ переливать изъ пустаго въ порожнее, говорить на экзаменахъ иногда сущій вздоръ и вообще тонкими снаровками ловкаго кадета. Онъ учился собственно для себя; если на экзаменахъ чего не зналъ, то не старался вывернуться, а просто отказывался отъ предложеннаго билета и уходилъ спокойно на свое мѣсто, какъ-будто такъ и быть должно. Что же касается до фронта, то въ этомъ отношеніи онъ былъ слабъ совершенно; на смотры и парады ходилъ только въ числѣ запасныхъ, а ротный командиръ называлъ его не иначе, какъ своею пагубою.

Наружность Якова Петровича нисколько не соотвѣтствовала его новому званію. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, худенькій, тщедушный, съ впалою грудью и низкими плечами. Лице его было блѣдно, задумчиво; большой лобъ, окан-

чивавшійся темнорусыми короткими волосами и большіе сѣрые глаза сообщали всей физіономіи что-то особенно привлекательное, пріятное, умное. Движенія его отличались медленностію; казалось, онъ весь вѣкъ готовъ былъ просидѣть на одномъ мѣстѣ, въ задушевной, теплой бесѣдѣ съ пріятелемъ или съ любимой книгой. Вотъ главныя черты портрета Якова Петровича.

Въ чепцѣ съ лиловыми лентами, въ пестрой шали, той самой, которая надѣвалась при особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, и въ шелковомъ платьѣ съ двойнымъ сизо-бронзовымъ отливомъ, ждетъ не дождется госпожа Ползикова своего сына. Вотъ уже два часа пробило и въ комнатахъ все прибрано, чѣмъ-то такимъ пріятнымъ накурено, и гости скоро наѣдутъ, а Яши все нѣтъ... Ужъ не боленъ-ли, думаетъ Пелагея Ивановна, можетъ ушибся какъ, долго-ли до грѣха, а можетъ и платье еще неготово,—эка жаль будетъ! да нѣтъ, придетъ, непремѣнно придетъ; кажется, не отъ чего и нечему такому случиться, безъ отпуска оставить ужъ не могутъ теперь, во снѣ худаго ничего не видала. Она задумалась, машинально оглядѣла вокругъ себя, машинально обдернула висѣвшую у окна занавѣску и вышла въ полисадникъ на улицу, облокотилась на деревянный заборикъ, приставила въ видѣ зонтика ладонь ко лбу и устремила свой взглядъ на противуположный конецъ улицы, на тотъ уголъ, изъ-за котораго долженъ былъ показаться Яша. Вотъ что-то блеснуло тамъ, кажется офицерская каска, такъ и есть офицеръ идетъ, онъ, Яша, Яша, и на глазахъ Пелагеи Ивановны навернулись слезы, а рука какъ-то невольно сотворила крестное знаменіе.

Черезъ минуту мать и сынъ были въ объятіяхъ другъ-друга.

Не стану описывать подробностей этой сцены... Скажу только что у Пелагеи Ивановны, отъ восторга и объятій, сдвинулся на сторону чепчикъ и распустилась правая косичка, а у Якова Петровича свалилась съ головы каска.

Когда первый пылъ встрѣчи прошелъ, счастливые мать и сынъ вошли въ комнату.

— Какой же ты молодецъ, говорила она, оглядывая съ

ногъ до головы юнаго офицера, поглядѣлъ бы покойникъ папенька, налюбовался бы на тебя! и эполеты-то какіе новенькіе, какъ жаръ горятъ, подика-сь скоро чернѣютъ? Я думаю, ихъ бы, Яшенька, кляксъ-папиромъ обертывать; вотъ я ужо въ чайной лавкѣ достану, купецъ-то знакомый, не откажетъ, да квасцами пересыпать, отъ табаку чай чернѣютъ,.. вонъ сегодня гости будутъ, накурятъ, ну да куда не шло, радость сегодня! Она махнула обѣими руками и снова поцѣловала Яшу.—А что, и приказъ роздали?.. покажи-ка, покажи, голубчикъ.

Яковъ Петровичъ вынулъ изъ кармана бумагу и, улыбаясь, подалъ ее матери.

Пелагея Ивановна надѣла очки и два раза, съ какою-то торжественностію, сквозь слезы радости, прочла слѣдующія строки: «кадетъ Ползиковъ въ прапорщики .....скаго полка».

— А вотъ, Яша, говорила Пелагея Ивановна, выдвигая ящики комода, посмотри, какое я тебѣ приданое справила, ужъ не взыщи, чѣмъ Богъ послалъ; кабы не горькая доля моя, не тѣмъ бы и наградила тебя, что дѣлать... Вотъ рубашечки, всего полдюжинки, маловато, правду сказать, ну да съ бережью, для начала, справиться можно; вотъ платочки, простыньки, полотенца, носки, всѣ сама вязала, а вотъ одѣяльце; изъ старенькаго сшила, а какое славное вышло, теплое да мягкое... Ты, Яшенька, какъ въ стирку отдавать будешь, такъ записывай всегда, а то вѣдь и распропасть не долго. А вотъ посудишка кой-какая; кажется ничего не забыла; это тебѣ собственно стаканчикъ, ты изъ него завсегда пей, вотъ столовая ложечка, серебряная, а вотъ двѣ чайныхъ, и вензеля твои вырѣзаны... Охъ и радость моя сегодня, а какъ подумаю, что разстаться придется, такъ лучше бы кажется... Пелагея Ивановна не договорила и залилась слезами, Яковъ Петровичъ бросился ее обнимать.

Ползиковъ съ производствомъ въ офицеры долженъ былъ уѣхать далеко изъ Петербурга. Тяжка была для бѣдной матери разлука съ любимымъ сыномъ, единственной своей отрадой, такъ тяжка, что все ей казалось, даже до настоящей минуты, что авось Яша не уѣдетъ, авось какимъ нибудь чудомъ да останется съ ней. Воображеніе ея никакъ не мо-

гло представить предстоящей грозы, не сознавало возможности ея ударовъ. Вотъ почему Пелагея Ивановна до сихъ поръ какъ-то мало горевала объ ожидающемъ ее одиночествѣ, она просто не вѣрила въ него, какъ иногда умирающій больной не вѣритъ въ близкую смерть.

Между тѣмъ квартира госпожи Ползиковой наполнилась гостями. Тутъ была и какая-то очень полная дама, въ желтомъ платьѣ, носившая титулъ ея превосходительства, и какой-то почетный господинъ съ орденомъ на шеѣ, и другой господинъ, безъ ордена, и еще дама, съ прищуренными глазками, и товарищи Яши по корпусу, гвардеецъ Сергѣй Михайлычъ Пигоцкій, и произведенный съ Ползиковымъ въ одинъ полкъ Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ фонъ-Глюкъ, оба круглые сироты, безъ родныхъ и знакомыхъ.

Первый, десяти лѣтъ отъ роду, былъ привезенъ въ корпусъ какимъ-то дядею благодѣтелемъ, который тотчасъ затѣмъ уѣхалъ въ свою дальнюю деревню, второй присланъ изъ Курляндіи съ оказіею и сданъ на полное, исключительное попеченіе корпуснаго начальства.

Пигоцкій и фонъ-Глюкъ въ основѣ своихъ характеровъ близко подходили другъ къ другу и различались до безконечности въ подробностяхъ. Оба, завезенные въ корпусъ съ малолѣтства, незнакомые и прежде съ теплыми родственными чувствами, они пріобрѣли ту сухость характера, которая можетъ развиться только подъ вліяніемъ холоднаго, безсердечнаго воспитанія. Сперва строгіе, разсчетливые дяди и тетки, старавшіеся только сбыть мальчиковъ, потомъ дежурные офицеры и ротные командиры, были единственными близкими для нихъ людьми, исключительными предметами ихъ дѣтской наблюдательности. Бѣдныя дѣти не знали, что̀ значитъ пойти въ праздникъ въ отпускъ, подышать вольнымъ воздухомъ неказенной жизни. Некому было воспитать ихъ нравственно, ни что не заставляло биться сердце, не согрѣвало душу, во всемъ дѣйствовала одна корпусная рутина, одинъ корпусный интересъ, вездѣ господствовала одна сухая воля начальника, никогда не могущая замѣнить теплаго, родственнаго вліянія отца или матери. Пигоцкій всему отлично учился, Глюкъ учился всему одинаково посредственно. Пигоцкій прекрасно велъ себя, Глюкъ велъ

себя хорошо, ни въ чемъ не попадался, но ни въ чемъ и не высказывался. Первый былъ лучшимъ воспитанникомъ во всѣхъ отношеніяхъ; всѣ желанія, всѣ стремленія, всѣ страсти его не выходили за предѣлы корпусной жизни, всѣ отношенія заключались въ отношеніяхъ къ товарищамъ и начальникамъ, на нихъ однихъ сосредоточивалась и любовь и ненависть. Второй былъ воспитанникомъ такъ-себѣ, никого не ненавидѣлъ, никого и не любилъ особенно, слѣпо исполнялъ приказанія начальства, не изъ страха наказанія, не изъ желанія выдвинуться, а просто по своей натурѣ. Пигоцкій былъ мальчикъ расчетливый, мальчикъ, что называется, кулакъ, зорко глядѣвшій въ будущее; онъ мечталъ, во что бы то ни стало, сдѣлаться первымъ; у Глюка расчетъ ограничивался повседневными мелочами, нѣмецкою аккуратностію, ярко вычищенными сапогами, опрятною курточкою, перочиннымъ ножикомъ, карандашемъ, чистенькими тетрадями, пріобрѣтеніемъ какой нибудь вещицы за услугу товарищу и т. п. невинными предметами. Правда, товарищи часто подсмѣивались надъ Нѣмцемъ, растаскивали его вещи, производили въ его столикѣ безпорядокъ, но хладнокровный мальчикъ нисколько не возмущался такими нападками, вещи поступали обратно въ его владѣніе и прятались въ новое мѣсто, дальше обыкновеннаго. Пигоцкій былъ чрезвычайно самолюбивъ; для достиженія своихъ цѣлей онъ готовъ былъ ползать и унижаться передъ начальникомъ, насплетничать на своего лучшаго друга, поддѣлаться подъ любой тонъ, залѣзть въ душу кого хотите. Глюкъ до-нельзя гордился словомъ «фонъ»; въ этомъ словѣ онъ видѣлъ что-то святое; Боже сохрани, еслибъ кто вздумалъ смѣяться надъ этимъ словомъ; честность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Разъ даже онъ поклялся убить одного изъ своихъ однокашниковъ за то, что послѣдній измѣнилъ данному слову: отказавшись отъ булки, съѣлъ ее; клятва не была приведена въ исполненіе потому только, что виновный на слѣдующій день выкупилъ свою жизнь двойной порціей булокъ. Пигоцкій во всемъ—и во фронтѣ и въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ, его во всемъ отличали, выставляли вездѣ на-показъ; на экзаменахъ онъ отвѣчалъ такъ бойко, такъ гладко, такъ ловко уга-

дывалъ малѣйшій намекъ учителя, сыпалъ такими возвышенными взглядами, что поневолѣ приводилъ въ умиленіе своихъ слушателей. Глюка, напротивъ, никуда не показывали; во фронтѣ онъ стоялъ въ задней шеренгѣ, а на экзаменахъ такъ вялилъ и путался, что почти усыплялъ долготерпѣливыхъ наставниковъ. Пигоцкій во все время пребыванія въ корпусѣ никогда не читалъ никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя были помѣчены казенною печатью. Глюкъ цѣлые пять лѣтъ перечитывалъ исторію Фридриха Великаго, на нѣмецкомъ языкѣ, и остановился только на ея половинѣ. Вообще оба они учились не для того, чтобъ знать что нибудь, первый хлопоталъ единственно изъ—за своего первенства и блеска на экзаменахъ, второй ни о чемъ не хлопоталъ и учился по приказанію.

Пигоцкаго не любили товарищи и отчасти боялись его, къ Глюку товарищи не чувствовали особенной симпатіи и безпрестанно надъ нимъ подтрунивали. Оба они были черствые эгоисты; только эгоизмъ перваго имѣлъ обширную цѣль, извивался на тысячу ладовъ, примѣнялся ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, могъ вредить ближнему; второй былъ ни больше, ни меньше, какъ сухой, холодный Нѣмецъ, скупой, аккуратный, съ самыми ничтожными, мелочными цѣлями, ни на волосъ никому несдѣлавшій ни добра, ни зла.

По наружности оба товарища рѣзко отличались другъ отъ друга. Пигоцкій былъ мальчикъ молодецъ, ловкій, проворный, средняго, почти высокаго роста, съ недурнымъ, даже красивымъ лицемъ, съ вьющимися на головѣ свѣтлорусыми волосами; курточка на немъ сидѣла всегда хорошо, талья была перетянута. Глюкъ отличался необыкновенною, не по лѣтамъ, массивностью и неуклюжестью. Онъ былъ огромнаго роста, сутуловатъ, имѣлъ большія руки, большую голову, черные, стоячіе какъ щетина, волосы; будучи въ корпусѣ, брился, ходилъ какъ—то тяжело, безпрестанно задѣвалъ за что нибудь; въ танцевальномъ классѣ такъ прыгалъ, что возбуждалъ общій хохотъ и совершенно походилъ на медвѣдя огромной величины. Платье на немъ сидѣло неловко, изъ—подъ куртки вѣчно выглядывала рубашка.

Съ Глюкомъ Ползиковъ, какъ и всѣ прочіе товарищи,

никогда не находился въ тѣсныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Онъ сблизился съ нимъ только въ послѣднее время пребыванія въ корпусѣ, единственно по случаю выпуска ихъ въ одинъ и тотъ-же полкъ. Напротивъ, съ Пигоцкимъ Яковъ Петровичъ сошелся, если не внутренно, то по крайней мѣрѣ наружно, года четыре тому назадъ. Причина этой видимой дружбы заключалась не въ сходствѣ характеровъ товарищей и ихъ душевномъ стремленіи другъ къ другу, нѣтъ, она была скорѣе слѣдствіемъ матеріальнаго расчета съ одной стороны и теплой довѣренности съ другой. Два мальчика поговорили какъ-то разъ дольше, откровеннѣе обыкновеннаго, послѣ чего Ползиковъ пригласилъ Пигоцкаго въ праздникъ къ себѣ, Пигоцкій разумѣется воспользовался приглашеніемъ, побывалъ разъ, другой, третій, понравился Пелагеѣ Ивановнѣ и сдѣлался постояннымъ воскреснымъ ея нахлѣбникомъ. Добрая женщина, несмотря на собственныя скудныя средства, считала своею обязанностію пріютить сироту; она принимала его какъ сына, скучала и сама бѣгала въ корпусъ, когда Сергѣй Михайловичъ почему либо не приходилъ. Притомъ же видимая дружба лучшаго корпуснаго воспитанника охраняла отчасти Яшу, служила ему покровительствомъ и щекотала самолюбіе госпожи Ползиковой. Несмотря однако на эту наружную привязанность другъ къ другу, внутренной симпатіи между двумя мальчиками не было, дружба ихъ отзывалась чѣмъ-то искуственнымъ, натянутымъ. Яковъ Петровичъ скорѣе уважалъ Пигоцкаго, видѣлъ въ немъ образцоваго кадета, а Пигоцкій, съ своей стороны, отвѣчалъ только нѣкоторою благодарностью за принятое въ немъ участіе.

Пробило четыре часа и гости госпожи Ползиковой, по рангамъ и достоинствамъ, усѣлись за столъ. Обѣдъ по русскому обычаю начался кулебякой, предметомъ особой заботливости Пелагеи Ивановны. Вначалѣ разговоръ какъ-то не клеился, была даже такая минута, въ которую, какъ говорится, тихій ангелъ пролетѣлъ, но съ третьимъ блюдомъ, состоявшимъ изъ заливнаго, языкъ у всѣхъ развязался, бесѣда сдѣлалась шумнѣе, оживленнѣе, вѣроятно вслѣдствіе хереса изъ ближайшаго россійскаго вейнганд-

лунга; даже неразговорчивый Адамъ Адамычъ улыбался, басилъ и разсказывалъ сосѣду, господину съ орденомъ на шеѣ, свою курляндскую родословную. За жаркимъ бокалы гостей наполнились шипучимъ отечественнаго произведенія. Орденъ на шеѣ сказалъ краткій, приличный случаю, спичъ, закричалъ ура, прочіе гости дружно подхватили и пошли чокаться и чмокаться съ вновь произведеннымъ офицеромъ и его матерью. Пелагея Ивановна отвѣчала, какъ только могла, на сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ поздравленія. Яковъ Петровичъ, Адамъ Адамычъ и Сергѣй Михайлычъ къ концу обѣда сдѣлались исключительными предметами разговора. Началось похвальное слово россійскому воинству вообще и офицерскому званію въ-особенности. Вновь произведеннымъ офицерамъ, какъ героямъ праздника, предсказывалось будущее генеральство, со всѣми его атрибутами, лентами и звѣздами. Господинъ съ орденомъ на шеѣ хватилъ выше: представилъ картину войны, сопряженныя съ нею отличія и наградилъ прапорщиковъ будущимъ званіемъ фельдмаршаловъ, а потомъ и генералиссимусовъ. Прочіе гости подтвердили примѣрами возможность такого событія. Явились на сцену Потемкинъ, Суворовъ. Дама въ желтомъ платьѣ вытащила самого Наполеона.

Кончился обѣдъ. Гости поблагодарили хозяйку за хлѣбъ за соль, посидѣли, поболтали, поиграли въ грошевый преферансъ и разъѣхались, вполнѣ довольные угощеніемъ и радушнымъ пріемомъ. Пелагея Ивановна была весела несказанно; оставшись одна, она снова бросилась обнимать Яшу, какъ бы благодаря его за свою радость, за свое счастіе.

Вскорѣ мать и сынъ разошлись по своимъ угламъ. Первая усердно помолилась Богу, второй бережно снялъ съ себя офицерскій мундиръ, стряхнулъ его, оглядѣлъ, тщательно уложилъ на стулѣ и покрылъ носовымъ платочкомъ.

Пелагеѣ Ивановнѣ грезился Яша, да такой странный, какъ-будто и не онъ совсѣмъ: съ большими усами, въ небываломъ, шитомъ золотомъ красномъ мундирѣ, съ длинными, предлинными фалдами. Потомъ ей представилась кулебяка, огромная; вотъ она разрѣзываетъ ее, а въ ней генеральскіе эполеты, толстые да тяжелые, необыкновенно ши-

рокая лента, красная и голубая вмѣстѣ; испугалась Пелагея Ивановна и вдругъ слышитъ какую-то дикую пальбу, видитъ войско, состоящее изъ ея превосходительства, ордена на шеѣ, отца Ивана и кухарки Аксиньи. Вся эта картина такъ увлекла госпожу Ползикову, что она закричала съ-просонья ура! но тотчасъ же опомнилась, перекрестилась, перевернулась на другой бокъ и заснула покойнѣе.

Якову Петровичу представилась во снѣ казенная куртка, вывороченная наизнанку, съ фамиліею написанною на спинѣ, представился бывшій его ротный командиръ, только такой тихій да скромный, не кричащій на кадетъ, а напротивъ цѣлующій у нихъ руки; потомъ какая-то женщина, молодая, красивая, наклонилась къ самому уху Ползикова, цѣлуетъ его, гладитъ по головѣ, шепчетъ ему: «ты офицеръ, офицеръ, я тебя любить буду!»—Яковъ Петровичъ заключаетъ ее въ свои объятія и—о ужасъ!.. вмѣсто женщины оказывается дежурный офицеръ. «Ты куришь», свирѣпо вскрикиваетъ онъ на Ползикова и молодой прапорщикъ отъ страха просыпается, взглядываетъ на близьлежащій эполетъ, улыбается и снова засыпаетъ.

Рано утромъ по обыкновенію встала Пелагея Ивановна, сходила къ ранней обѣднѣ, сообщила свою радость пономарю, роздала гривну нищимъ, возвратилась, приготовила чай и только тогда рѣшилась разбудить Яшу.

Напившись съ сыномъ чаю, госпожа Ползикова вручила ему красненькую десятирублевую бумажку. «На, Яша, возьми, голубчикъ, погуляй,» говорила она; «при такой радости не грѣхъ; ничего ни жалѣй, не долго тебѣ и погостить у меня; Богъ знаетъ, придется ли увидать больше.»

При послѣднихъ словахъ Пелагея Ивановна залилась слезами, Яковъ Петровичъ бросился ее успокоивать.

Ползикова цѣловала сына, но не могла удержаться отъ слезъ: весь ужасъ близкой разлуки вдругъ представился ея воображенію.

«Яша!» продолжала она какъ-то торжественно, положивъ голову на эполетъ сына, «не забудь ты мать свою, помни ее, горемычную; ты одна моя радость, въ тебѣ одномъ мое счастіе, нѣтъ у меня никого и ничего больше! сердце мое

изныло, выболѣло о тебѣ! не погуби-жъ ты меня!» Она поцѣловала его руку.

Яковъ Петровичъ прослезился въ свою очередь и повисъ на шеѣ матери. Нѣсколько минутъ они оставались молча, говорили только капавшія слезы и съ трудомъ сдерживаемое всхлипыванье, невольно по временамъ вырывавшееся. Наконецъ и мать и сынъ, какъ-бы утѣшенные настоящею сценою, крѣпче увѣренные во взаимной преданности, нѣсколько успокоились и розняли свои руки.

Скоро летѣло время отпуска молодаго офицера, роковой день отъѣзда приближался мало по малу. Десять рублей полученные отъ матери, и казавшіеся Якову Петровичу значительнымъ капиталомъ, истощились. Правда, онъ на эти деньги успѣлъ повеличаться въ креслахъ въ театрѣ, похлопать хорошенькой актрисѣ, прокатиться на лихачѣ-извощикѣ, посѣтить раза два кондитерскую, завиться у француза-парикмахера, купить сткляночку духовъ, выставить изъ-подъ шинели руку въ бѣлой какъ снѣгъ перчаткѣ и вообще усладить свою душу исполненіемъ нѣкоторыхъ желаній, не вполнѣ доступныхъ прежнему кадетскому званію. Словомъ, первые дни офицерства пронеслись для Ползикова въ какомъ-то туманѣ, если не веселой, то по крайней мѣрѣ новой, незнакомой жизни.

А между тѣмъ Пелагея Ивановна, въ отсутствіи сына, съ каждымъ днемъ замѣтнѣе, смѣняла радостную улыбку на горькія слезы. Иногда и ничего, какъ будто и весела, и любимый свой пасьянсъ раскладываетъ, а взглянетъ на Яшинъ мундиръ, да такъ вдругъ и зальется. Ужъ она плачетъ, плачетъ втихомолку, точно рада, что есть ей время выплакаться, а зазвенѣлъ колокольчикъ, сынъ домой вернулся, оботретъ глаза насухо, проглотитъ насильно слезы и какъ ни въ чемъ не бывало—весела и покойна.

Такъ прошла недѣля, другая, потянулась за нею и третья, наступилъ наконецъ и невообразимый для матери день Яшинаго отъѣзда.

Наканунѣ Яковъ Петровичъ остался вечеромъ дома. Пришелъ на часокъ и Пигоцкій проститься съ товарищемъ. Грустно, молча, только изрѣдка мѣняясь отрывочны-

ми фразами, сидѣли и гость и хозяева за чайнымъ столомъ. Сергѣй Михайлычъ видимо тяготился предстоящимъ прощаніемъ; онъ хотѣлъ поскорѣй сбыть его, какъ непріятную обязанность, и безпрестанно поглядывалъ на часы. У Пелагеи Ивановны на сердцѣ кошки скребли; любимый чай не шелъ ей въ горло, налитая чашка давно простыла; Яковъ Петровичъ сидѣлъ понуривъ голову, украдкой взглядывалъ то на Пигоцкаго, то на мать; даже лежавшая на стулѣ собака Валетка и та какъ-то особенно угрюмо поглядывала на господъ своихъ. Самоваръ заунывно гудѣлъ и выдѣлывалъ какія-то трели, точно пѣлъ прощальную пѣснь своему хозяину. Двѣ нагорѣвшія свѣчи тускло освѣщали всю комнату. Проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ стучалъ въ окна и наводилъ пущую тоску на сцену и безъ того тоскливую.

— Какъ-то ты, Яша, завтра поѣдешь: погода-то такая скверная, сказала, изъ другой комнаты, Пелагея Ивановна.

— Ничего, маменька, я и съ Глюкомъ сговорился, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Откладывать нельзя, всѣ наши уѣхали, равнодушно замѣтилъ Пигоцкій.

Молчаніе возобновилось.

Черезъ минуту Сергѣй Михайлычъ всталъ, его примѣру послѣдовалъ и Ползиковъ; они протянули другъ-другу руки; у Яши удерживаемыя до сихъ поръ слезы невольно брызнули изъ глазъ. Онъ бросился къ Пигоцкому, крѣпко поцѣловалъ его, сильно потрясъ его руку и вышелъ за нимъ въ переднюю. Пелагея Ивановна, чтобъ не видать тягостной для себя сцены, удалилась въ свою спальню. Оба товарища еще разъ крѣпко обнялись и поцѣловались; казалось, они оба были тронуты, только Ползиковъ не спѣшилъ прощаться: онъ бы обнялъ еще и еще разъ своего товарища, онъ бы многое сказалъ ему, онъ бы просидѣлъ съ нимъ до послѣдней минуты, а Пигоцкій торопился уйдти.

— Ну, прощай, счастливаго пути, кланяйся Фону! сказалъ послѣдній уже весело, вырвавшись изъ объятій Ползикова, и шмыгнулъ на лѣстницу.

— Прощай! грустно отвѣтилъ остановившійся въ две-

ряхъ Яша. Прощай! повторилъ онъ, когда Пигоцкій уже выходилъ на улицу.

— Прощай! весело отозвался товарищъ. Напиши, какъ тамъ у васъ въ арміи? громко крикнулъ онъ и хлопнулъ дверью.

На другой день Пелагея Ивановна встала еще раньше обыкновеннаго; ночь она почти не спала, а утромъ прямо съ кровати бросилась къ окну, надѣясь, что хотя погода удержитъ на лишній денекъ ея Яшу.

На-бѣду небо было совершенно чисто; взошедшее солнце ярко свѣтило.

Машинально Пелагея Ивановна вытащила чемоданъ сына, поставила его на стулъ и сама сѣла возлѣ. Нѣсколько минутъ оставалась она неподвижною, уставивъ глаза на крышку чемодана. Наконецъ, собравшись съ силами, вздохнула, перекрестилась, встала и пошла укладывать офицерское достояніе. Однако какъ-то особенно лѣниво дѣйствовала бѣдная мать; въ другое время каждое дѣло боится ее, за что ни примется, мигомъ и кончитъ; а тутъ и руки еле-движутся, вяло, безсознательно берутся за каждую вещь, кладутъ ее не туда, куда слѣдуетъ. Богъ знаетъ, ералашъ какой-то. Казалось, еслибъ въ эту минуту спросить Пелагею Ивановну, что̀ она дѣлаетъ, то и на этотъ простой вопросъ не было бы удовлетворительнаго отвѣта: такъ мысли хозяйки были разсѣянны, такъ не сочувствовали работѣ ея рукъ. По временамъ Пелагея Ивановна останавливалась, какъ бы соображая что, утирала свои слезы и затѣмъ продолжала прерванное занятіе. Нѣсколько разъ вынимала она изъ комода Яшины рубашки, платки и прочее, клала ихъ въ чемоданъ, потомъ вытаскивала снова, перекладывала; въ забывчивости она было-сунула даже, между сыновними вещами, свою байковую юбку и сама какъ-то горько улыбнулась своей ошибкѣ. Не разъ она принималась считать укладываемое бѣлье, доходила до пяти или семи и останавливалась въ недоумѣніи, какъ бы припоминая, какая цифра слѣдуетъ далѣе.

Между тѣмъ всталъ Яковъ Петровичъ и принялся помогать матери. Чемоданъ былъ скоро наполненъ.

— Вотъ, Яша, наказывала Пелагея Ивановна, тамъ у

тебя деньщикъ что-ли будетъ, чтобъ обворовывать не сталъ, смотри за нимъ, сахаръ да чай завсегда самъ запирай и ключикъ у себя держи. Теперь насчетъ обѣда тоже, фунта полтора говядины тебѣ совсѣмъ достаточно, хоть и съ товарищемъ будешь жить, все довольно, и супъ и щи все можно сварить; ну, а другой день случится и дома не отобѣдаешь: все экономія; вонъ сказывали, у васъ тамъ курица семь копѣекъ. Господи! дешевизна-то какая! Все это Пелагея Ивановна говорила довольно хладнокровно; казалось, она рѣшилась испить чашу до дна и вооружилась непоколебимою твердостью; только при концѣ рѣчи двѣ слезы выкатились изъ глазъ матери и тотчасъ же были незамѣтно отерты.

Многое говорила Пелагея Ивановна своему сыну, наставляла его какъ вести себя, просила чаще писать, беречь себя, молиться Богу и тому подобное. Яковъ Петровичъ слушалъ мать свою, цѣловалъ ея руки. Оба они, во все время разговора, видимо притворялись другъ передъ другомъ, старались казаться возможно хладнокровнѣе, каждый боялся выраженіемъ своей боли вызвать наружу и увеличить боль другаго.

Скоро явился фонъ-Глюкъ съ небольшимъ чемоданомъ, узелкомъ подъ мышкой и картонкой въ рукѣ.

— Очень чудесное время ѣхать сегодня, пыли совсѣмъ не будетъ, между прочимъ замѣтилъ онъ.

Отобѣдали наконецъ на скорую руку или, вѣрнѣе, посидѣли за столомъ мать съ сыномъ: кусокъ въ горло не шелъ ни тому ни другому. Зато Адамъ Адамычъ ѣлъ больше обыкновеннаго; казалось, онъ хотѣлъ набить желудокъ на все время пути. Вотъ зазвенѣлъ у крыльца и колокольчикъ на почтовыхъ клячахъ, Пелагея Ивановна поблѣднѣла, выронила изъ рукъ ложку и осталась неподвижно на мѣстѣ. Вздохнулъ Яковъ Петровичъ и сталъ собираться.

— Пріѣхали, какъ-то протяжно, полушепотомъ говорила бѣдная мать; пріѣхали! повторяла она, гладя рукой похолодѣвшій лобъ свой.

— Очень тощія лошади! хладнокровно замѣтилъ Глюкъ.

Прибѣжала Аксинья, одной рукой схватила одинъ чемо-

данъ, другою–другой, сердито взметнула ихъ какъ два перушка, на плечи и вылетѣла къ телѣгѣ на улицу.

Совсѣмъ готовый, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ фуражкой въ рукѣ вышелъ Яша къ матери.

Пелагея Ивановна бросилась на шею къ сыну; крѣпко обвила ее своими руками, какъ бы говоря: не выпущу я тебя, и такъ зарыдала, точно въ груди у ней порвалось что-то. Яша разинулъ-было ротъ, хотѣлъ сказать что нибудь, чтобъ успокоить мать, но остановился на полу-словѣ, зарыдавъ въ свою очередь.

Адамъ Адамычъ стоялъ на порогѣ, неподвижно уставивъ глаза на присутствующихъ и, казалось, удивлялся ихъ горю.

— Яша! говорила Пелагея Ивановна какъ-то отчаянно. Яша, радость моя! повторяла она, покрывая своими поцѣлуями голову, плечи и грудь сына, прощай! какъ–то особенно трудно вымолвила она и зарыдала пуще прежняго.

Яша, въ свою очередь, схватилъ обѣими руками голову матери, гладилъ ея волосы, обтиралъ ими глаза свои... «Маменька, маменька, родная моя!» повторялъ онъ всхлипывая.

Пелагея Ивановна не выдержала и упала въ ноги къ сыну. Яковъ Петровичъ бросился ее поднимать, но она обвила его колѣни такъ крѣпко, такъ прижала свою голову къ ногамъ его, покрывая ихъ поцѣлуями, что бѣдному Яшѣ оставалось одно средство, опуститься на возлѣстоящій стулъ, чтобъ имѣть возможность ближе нагнуться къ матери.

Возвратившаяся между тѣмъ Аксинья фыркала, утирая грязнымъ передникомъ глаза свои. Даже вѣчно молчавшая собака Валетка, глядя на господъ своихъ, какъ–то особенно отрывисто лаяла. Только на лицѣ Адама Адамыча выражалось одно тупое удивленіе.

Наконецъ Пелагея Ивановна встала, поклонилась въ землю предъ стоявшимъ въ углу на столѣ образомъ, потомъ взяла его въ руки, и нѣсколько разъ осѣнила имъ сына какъ готовый къ смерти больной, спокойно, указывая на образъ, сказала:

— Вотъ, Яша, мое тебѣ благословеніе, береги его, молись ему и не забывай меня, горемычную.

Яковъ Петровичъ перекрестился и приложился къ образу.

— Дайте и васъ благословлю, вдругъ произнесла она, обращаясь къ Глюку; будьте счастливы, берегите Яшу, берегите голубчика! протяжнымъ, болѣзненнымъ тономъ повторила она.

Адамъ Адамычъ смѣшался и выпуча глаза смотрѣлъ на образъ.

— Онъ ничего! здоровъ будетъ! сквозь зубы произнесъ онъ.

— Садитесь теперь, передъ дорогой всѣмъ присѣсть слѣдуетъ; садись Аксинья! добавила Пелагея Ивановна.

Всѣ присѣли и черезъ минуту встали; Аксинья схватила остальные офицерскіе доспѣхи, Глюкъ опомнился, сдѣлалъ два шага, задѣлъ ногою стулъ и подошелъ къ рукѣ хозяйки, Пелагея Ивановна крѣпко поцѣловала его, хотѣла что-то сказать, но не могла, снова зарыдала и, поддерживаемая съ одной стороны кухаркой, съ другой сыномъ, поплелась кое-какъ на улицу. Здѣсь возобновилась прежняя сцена прощанья.

Адамъ Адамычъ успѣлъ уже взобраться на телѣгу и очень серьезно принялся считать мѣдныя деньги.

Сидѣвшій на облучкѣ ямщикъ долго, совершенно апатично смотрѣлъ на окружающихъ, но потомъ отвернулся, вздохнулъ, почесалъ затылокъ, поправилъ шлею и принялся въ раздумьи помахивать тоненькимъ кнутикомъ. Даже пристяжная почтовая кляча, и та повернула назадъ свою голову, моргала глазами и казалось сочувствовала людскому горю.

Наконецъ Яша съ трудомъ вырвался изъ объятій матери и вскочилъ въ телѣгу. Пелагея Ивановна уцѣпилась-было за колесо, но могучія руки Аксиньи съ помощію дюжихъ рукъ Глюка оттащили ее.

Яковъ Петровичъ вполголоса сказалъ, «пошелъ!» толкнулъ ямщика, тотъ дернулъ возжами, хлыстнулъ кнутомъ—и застучала перекладная по тряской мостовой. Пелагея Ивановна взвизгнула и упала на плечо возлѣ стоявшей Аксиньи, Валетка съ лаемъ бросилась вслѣдъ за телѣгой.

Когда опомнилась Пелагея Ивановна и взглянула вдоль улицы, то ничего не было видно, все было тихо, только изъ-за

угла показалась Валетка; она бѣжала, помахивая хвостикомъ, къ своей хозяйкѣ, да въ нѣсколькихъ шагахъ остановился мальчишка съ тарелкой огурцовъ и, выпуча глаза и разиня ротъ, смотрѣлъ на плачущую барыню.

II,

Уѣздный городъ О..., мѣсто стоянки того полка, въ который на службу назначены были два молодые офицера, ничѣмъ не отличался отъ тысячи прочихъ уѣздныхъ городовъ, разбросанныхъ по Россіи. Онъ состоялъ изъ одной улицы, носившей названіе главной и нѣсколькихъ закоулковъ безъ названія. На первой помѣщались двѣ церкви, присутственныя городскія мѣста, семь кабаковъ, одно уѣздное училище, грязный рынокъ, подъ именемъ гостинаго двора, гостиница «горотъ Европа», для пріѣзжающихъ, городничій съ полиціею, исправникъ, судья, уѣздный лекарь, почтмейстеръ съ почтовою конторою, изрядное количество нищихъ и два или три юродивыхъ. Лѣтомъ населеніе улицы увеличивалось: здѣсь паслись лошади, коровы и свиньи, горланили пѣтухи, кудахтали куры. Въ закоулкахъ вся городская мелкота; изъ сильныхъ властей въ одномъ изъ нихъ помѣстился только инвалидный начальникъ, и то по своей склонности къ тишинѣ и хозяйственной жизни.

Особыхъ же достопримѣчательностей городъ О... положительно не имѣлъ.

Ползиковъ и Глюкъ пріѣхали сюда въ сумерки и направились прямо въ «Европу,» имѣя намѣреніе переночевать въ ней, а завтра утромъ явиться къ начальству и начать свое служебное поприще. Ползиковъ хотѣлъ занять номеръ, но таковыхъ, къ немалой радости расчетливаго Глюка, оказался всего одинъ, да и тотъ былъ отданъ пріѣзжимъ купцамъ; дѣлать было нечего, по необходимости пришлось помѣститься въ общей залѣ, то есть, въ довольно большой комнатѣ съ какимъ-то прокислымъ воздухомъ, съ портретами на стѣнахъ или, скорѣе, съ фантазіею мѣстнаго художни-

ка, съ двумя клѣтками какихъ-то двухъ птицъ, съ маленькими столиками, покрытыми отвратительно грязными скатертями и съ двумя кожаными засаленьими диванами. Ямщикъ внесъ офицерскія вещи; вертлявый, съ лоснящимися волосами половой освѣдомился, не потребуется ли чего нибудь, и вытянулся передъ пріѣзжими въ струнку.

— Два стакана и горячей воды подай! произнесъ Глюкъ.

— Чаю-съ потребуется?

— Не твое дѣло, приборъ и горячей воды, повторилъ Адамъ Адамычъ.

— Сливокъ или лимону прикажите-съ?

— Я тебѣ приказываю—одной воды! почти крикнулъ офицеръ.

Половой тряхнулъ головой и поспѣшно удалился.

Глюкъ принялся рыться въ чемоданѣ, вытащилъ изъ него маленькій сверточекъ съ чаемъ, фунтикъ съ сахаромъ, нѣсколько баранокъ, положилъ все это на столъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Яковъ Петровичъ растворилъ окно и взглянулъ на улицу: тамъ была совершенная тишь, только шептался солдатъ съ бабою, да гдѣ-то собака заливалась лаемъ. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана маленькое портмоне, раскрылъ его, досталъ лежавшія въ немъ ассигнаціи, синенькую, зелененькую и двѣ желтенькія, штуки двѣ-три серебра мелочи; подержалъ все это въ рукѣ, два раза пересчиталъ, повертѣлъ, тщательно сложилъ, спряталъ въ прежнее мѣсто и задумался. Грустно стало Ползикову. Городъ-ли произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, усталость-ли съ дороги, недостатокъли капитала, воспоминаніе-ли о матери и времени, проведенномъ въ Петербургѣ, не знаю, только какъ-то особенно тяжело вздохнулъ молодой офицеръ, повертѣлъ въ рукахъ папироску и закурилъ ее.

— Глюкъ, я тебѣ ничего не долженъ, мы за дорогу квитъ? какъ бы опомнившись вдругъ, спросилъ онъ.

— Еще четыре копѣйки долженъ, очень серьезно отвѣтилъ Адамъ Адамычъ.

Половой принесъ подносъ съ друмя чайниками и стаканами, громко брякнулъ имъ объ столъ и самъ всталъ въ по-

чтительномъ разстояніи. Глюкъ положилъ въ чайникъ ложку чаю, налилъ въ него кипятку и тщательно выполоскалъ стаканы.

Тишина въ комнатѣ нарушалась только возней висѣвшихъ въ клѣткахъ птицъ. Половой первый прервалъ молчаніе:

— Къ намъ на службу изволили пожаловать? обратился онъ съ вопросомъ къ пріѣзжимъ.

— Да, въ полкъ, нехотя отвѣтилъ Ползиковъ и сѣлъ къ столу.

— Хорошіе господа все-съ, снова началъ половой.

— Какіе господа?

— Господа офицеры то есть!

— А ты почемъ знаешь?

— Намъ нельзя не знать-съ: заведеніе посѣщаютъ, отвѣчалъ половой. Наше ужъ мѣсто такое: всякаго человѣка насквозь узнаемъ! съ гордостію прибавилъ онъ.

— А генерала знаешь? спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Знаемъ-съ, генералу тоже извѣстны.

— Онъ гдѣ живетъ?

— А у Клинихи квартируютъ, на томъ концѣ улицы.

— У какой Клинихи?

— А Клиниха—мѣщанка здѣшняя, значитъ прозывается такъ! замѣтилъ половой.

— А зачѣмъ у васъ такая вода мутная, очень нехорошо, пахнетъ спросилъ Глюкъ, принимаясь за второй стаканъ.

— Не могу знать-съ, такая ужъ есть, изъ рѣки беремъ, равнодушно отозвался половой.

— А что, генералъ хорошій? офицеры любятъ его? произнесъ Ползиковъ.

— Любятъ-съ! рѣшительно отвѣтилъ половой. Пріятный человѣкъ, больше по простотѣ все дѣйствуетъ, оттого значитъ и любятъ-съ! прибавилъ онъ и смахнулъ со стола салфеткой.

— Какъ по простотѣ?

— По своему порядку, безъ фальшу то есть, по душѣ, какъ начальнику теперича слѣдуетъ быть, такъ и есть.

— А женатые офицеры есть въ полку?

— Есть, только малость, все одно званіе больше.

— Какъ званіе?

— Такъ точно-съ, званіе, по ничтожеству все; одинъ казначей только, тотъ свои средства имѣетъ, а то поручикъ еще нонѣшнимъ лѣтомъ женился, такъ изъ неволи больше.

— Какъ изъ неволи?

— Изъ неволи-съ, такой случай имъ вышелъ. Стояли-то они на квартирѣ, почитай-что цѣлый годъ; у хозяина значитъ всѣмъ продовольствовались, тоже и деньгами заимствовались, заплатить трудно, такъ они взяли да на его сестрѣ и женились; такой ужъ уговоръ у нихъ былъ; пятьсотъ серебра приданаго получили. Трудно, ваше благородіе, и жениться теперь, потому у насъ въ уѣздѣ невѣсты все аплеке больше, а чтобъ настоящихъ—такихъ малость, только изъ купеческихъ найдутся, да и тѣ тоже разборчивы больно.

— Богатые офицеры есть? спросилъ Глюкъ.

— Богатыхъ нѣтъ-съ, извѣстно, другіе на формѣ только, а такихъ, чтобъ богатыхъ-нѣтъ, подтвердилъ половой.

За дверью послышались шаги. Въ комнату вошли два офицера. Половой быстро подскочилъ, снялъ съ нихъ шинели, стряхнулъ и повѣсилъ на гвоздикъ. Замѣтивъ незнакомыя лица, вошедшіе поклонились; Ползиковъ и Глюкъ привстали и отвѣтили тѣмъ-же, причемъ послѣдній задѣлъ рукою за чайникъ и чуть не уронилъ его.

— Въ нашъ полкъ кажется изволили прибыть? сказалъ одинъ изъ офицеровъ, оглядывая пріѣзжихъ съ ногъ до головы.

— Да, сюда на службу назначены, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Очень пріятно познакомиться! смѣю спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить? сказалъ, протягивая руку, тотъ-же офицеръ.

— Ползиковъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, подавая руку новому товарищу.

— Имя и отчество? повторилъ послѣдній.

Яковъ Петровичъ назвалъ себя.

Офицеръ протянулъ руку Глюку.

— Съ кѣмъ имѣю честь?.. спросилъ онъ.

— Адамъ Адамычъ фонъ-Глюкъ.

— Какъ-съ?

— Фонъ-Глюкъ! очень явственно, по складамъ подтвердилъ Адамъ Адамычъ.

— Нѣмецъ-съ?

— Нѣмецъ! довольно гордо отвѣтилъ товарищъ Ползикова.

— Позвольте съ своей стороны,—подпоручикъ Илья Захарычъ Зарубкинъ! сказалъ офицеръ, кланяясь и указывая пальцемъ на свою грудь. Другъ всѣхъ порядочныхъ людей, продолжалъ онъ; не прочь отъ выпивки, отъ жуирства и coetera; помните, даже Пушкинъ сказалъ: блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!.. А это,—онъ показалъ на своего товарища,—мой воспитанникъ, прапорщикъ Василій Семенычъ Усовъ.

Воспитанникъ неизвѣстно почему фыркнулъ, но въ ту же минуту принялъ серьезный видъ, поклонился и протянулъ руку новымъ сослуживцамъ.

Послѣдніе отвѣтили тѣмъ-же.

Компанія усѣлась.

— А позвольте узнать, почему это вы нашъ полкъ избрали? началъ, совершенно безъ церемоніи, Зарубкинъ.

— Какъ почему!?.. извините, я право не понимаю вашего вопроса; насъ назначило начальство, отвѣтилъ Ползиковъ.

— Здѣсь вакансіи имѣлись, замѣтилъ Глюкъ.

Зарубкинъ улыбнулся.

— Какъ не быть вакансіямъ, вакансіи всегда есть... Ванька, водки! неожиданно крикнулъ онъ.

Яковъ Петровичъ не зналъ что̀ и подумать и вопросительно поглядывалъ то на одного, то на другаго офицера.

— Извините, по словамъ вашимъ... развѣ въ полку такъ дурно? довольно робко спросилъ онъ.

— Не знаю-съ!.. послужите—увидите, все отъ человѣка зависитъ, отъ души... какъ вамъ понравится! многозначительно отвѣтилъ Илья Захарычъ.

Усовъ вторично, безъ всякой причины, фыркнулъ.

— Генералъ, говорятъ, очень прекрасный человѣкъ? вмѣшался Глюкъ.

— Да-съ, и генералъ прекрасный! подтвердилъ Зарубкинъ.

— Вы изъ корпуса? спросилъ онъ.

— Изъ корпуса, отвѣтилъ Ползиковъ.

Половой принесъ графинъ съ водкой и поставилъ на столъ. Зарубкинъ налилъ четыре рюмки, взялся за одну и на другія указалъ присутствующимъ, сказавъ: милости просимъ.

— Пріѣзжіе отказались.

— Не употребляете? возразилъ Илья Захарычъ, усмѣхнулся, выпилъ залпомъ рюмку и крякнулъ. Это только по молодости, прибавилъ онъ, ставя рюмку на столъ; поживете съ наше, такъ поневолѣ этой гадостью заливать горло станете... тьфу!.. мерзость какая!..

— Вася, тебя тоже просить надо, тоже изъ корпуса, видно! замѣтилъ Зарубкинъ съ ироніей, указывая товарищу на рюмку.

Вася фыркнулъ, взялъ рюмку и выпилъ.

— Эхъ житье, житье! продолжалъ вздохнувши Илья Захарычъ; не хорошо-съ, пусто, ничего этакого забирательнаго, душевнаго нѣтъ, крошки однѣ!..

«День за день, нынче какъ вчера:
Къ вину отъ картъ и къ картамъ отъ вина!»

произнесъ онъ нараспѣвъ.

— Вы давно здѣсь на службѣ состоять изволите? спросилъ Глюкъ.

— Давно-съ, восьмой годъ тяну... пора и вонъ.

— Перейти хотите? замѣтилъ Ползиковъ.

— Я въ коммисаріатъ, мѣсто получаю, рѣшительно заключилъ Илья Захарычъ и выпилъ.—Вася, да ты что миндальничаешь? прибавилъ онъ, обращаясь къ Усову и указывая ему на графинъ съ водкой.

— Не хочется что-то! отвѣчалъ Вася и потянулся за рюмкой.

Илья Захарычъ громко захохоталъ.

— Здѣсь по характеру жить нельзя, продолжалъ онъ нѣсколько спустя, постепенно одушевляясь; для меня и развлеченіе, и то и другое нужно, а здѣсь что? уѣздъ, мракъ какой-то, ни одного живаго предмета нѣтъ... женскаго общества никакого... Въ Петербургѣ можно въ кругъ войти, карьеру себѣ составить,.. теперь хоть бы насчетъ женитьбы: на дурѣ я не женюсь, на бѣдной тоже, я себѣ цѣну знаю!

— А вдругъ перейти не удастся, довольно робко замѣтилъ Усовъ.

— Какъ же это не удастся, ужъ не ты ли помѣшаешь? нѣсколько сердито возразилъ Зарубкинъ; протекціи что-ли не хватитъ?.. у насъ въ ходъ такіе колокола пущены, что не то-что въ коммисаріатъ, а куда угодно могу! три тысячи жалованья дадутъ, вотъ что! заключилъ онъ и выпилъ.

Оба пріятеля посидѣли еще нѣсколько минутъ и взялись за шапки.

— А что, Усовъ безъусый, куда путь-дороженька? спросилъ Зарубкинъ Василія Семеныча.

Послѣдній фыркнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— А вотъ, батюшка, съ дороги,.. началъ-было громко Илья Захарычъ, но вдругъ, неизвѣстно почему, отвелъ новыхъ знакомыхъ нѣсколько въ сторону и продолжалъ нашептывать имъ на ухо.

Глюкъ нахмурилъ брови и опустилъ глаза, Яковъ Петровичъ улыбнулся, сказалъ, что усталъ и раскланялся съ гостями.

— Ну, какъ знаете! отвѣтилъ Зарубкимъ и махнулъ рукой.

Шестнадцать только лѣтъ,
Бровь черная, дугой!..

продекламировалъ онъ на прощаньи.

Половой подалъ офицерамъ шинели, причемъ получилъ отъ Зарубкина щелчокъ въ носъ и приказаніе записать водку. Пріятели вторично поклонились новымъ сослуживцамъ и исчезли.

Эта встрѣча рѣшительно ошеломила Якова Петровича: слова Зарубкина такъ были неопредѣленны, отзывались такою желчью, двусмысленностью, въ улыбкѣ его выражалось столько ироніи, обращеніе было такъ безцеремонно, что молодой офицеръ рѣшительно не зналъ что̀ и подумать; онъ обратился–было за разъясненіемъ своего сомнѣнія къ Глюку, но послѣдній замѣтилъ только, что Илья Захарычъ долженъ быть кутила большой, много денегъ имѣетъ, что въ коммисаріатѣ дѣйствительно служить хорошо; затѣмъ зѣвнулъ, вытянулся на жесткомъ диванѣ и скоро захрапѣлъ на всю комнату.

Ползиковъ усѣлся–было у окна, задумался, но вскорѣ и онъ раздѣлся, легъ, покрылся своею офицерскою шинелью, приказалъ половому пораньше разбудить себя и заснулъ какъ убитый.

На другой день оба офицера умылись и причесались какъ можно тщательнѣе; Глюкъ долго возился съ проборомъ на головѣ; одѣлись въ полную форму; обчистились такъ, что пылинки не осталось, натянули новыя, бѣлыя какъ снѣгъ перчатки и отправились къ новому начальству.

Первый визитъ разумѣется былъ къ генералу.

Не безъ волненій подошелъ Ползиковъ къ генеральской квартирѣ; оглядѣлся еще разъ съ ногъ до головы, поправилъ шарфъ, галстухъ. Глюкъ казался спокойнѣе, онъ только держалъ руки врознь, изъ боязни замарать перчатки. Они поднялись по лѣстницѣ. Дремавшій въ передней вѣстовой, при входѣ офицеровъ, вскочилъ какъ угорѣлый и вытянулся въ струнку.

— Принимаютъ генералъ? вполголоса, съ нѣкоторою робостію, спросилъ Ползиковъ у солдата.

— Не могу знать, ваше благородіе! громко отвѣчалъ послѣдній малороссійскимъ выговоромъ.

— Дома? освѣдомился Адамъ Адамычъ.

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Можно войти? спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Не могу знать, ваше благородіе!

— Намъ, любезный другъ, слѣдуетъ являться, мы на службу пріѣхали, началъ доказывать Глюкъ.

— Слушаю, ваше благородіе! громче прежняго прокричалъ вѣстовой.

Товарищи посмотрѣли другъ на друга, сняли шинели и вступили въ первую комнату. Тамъ никого не было. Яковъ Петровичъ посмотрѣлся въ зеркало, взялъ въ лѣвую руку каску, обдернулъ мундиръ, тихонько высморкался; Глюкъ сдѣлалъ то же самое и крѣпко гладилъ рукою волосы, всячески стараясь уложить ихъ. Прошло нѣсколько минутъ, никто не являлся. Адамъ Адамычъ кашлянулъ. Въ комнату вбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, и увидѣвъ офицеровъ, повернула назадъ и скрылась. Прошло еще съ четверть часа; въ слѣдующей комнатѣ раздалось шарканье туфлей и черезъ минуту фигура генерала въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣльчьемъ мѣху, ввалилась въ пріемную и остановилась у дверей.

Яковъ Петровичъ, вспомнивъ недавніе уроки танцованія, сдѣлалъ пять шаговъ впередъ, отбросилъ въ сторону лѣвую ногу и шаркнулъ правой. Глюкъ послѣдовалъ его примѣру, но какъ-то неуклюже раздвинулъ обѣ ноги и черезчуръ громко щелкнулъ каблуками.

— Къ вашему превосходительству имѣю честь явиться: прапорщикъ Ползиковъ... прапорщикъ Фонъ-Глюкъ... произнесли оба товарища одновременно, нѣсколько дрожащимъ голосомъ и низко поклонились.

— А!.. замѣтилъ генералъ, и оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы. Хорошо-съ... каковы дороги? вопросительно прибавилъ онъ.

Ползиковъ смѣшался и искоса взглянулъ на Адама Адамыча.

Послѣдній стоялъ вытянувшись, какъ пень, и неподвижно уставивъ глаза на начальника.

— Каковы дороги? повторилъ генералъ, вѣдь вы ѣхали?»

— Точно такъ, ваше превосходительство .. порядочныя дороги... плохія, ваше превосходительство! поспѣшно добавилъ Яковъ Петровичъ.

— Много пылитъ очень, ваше превосходительство! чуть не по складамъ выговорилъ Глюкъ.

— На перекладныхъ ѣхали? произнесъ генералъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Трясетъ?

— Трясетъ, ваше превосходительство! въ одинъ голосъ отвѣтили офицеры.

— Гмъ! произнесъ генералъ. Родители есть у васъ? добавилъ онъ.

Ползиковъ вопросительно посмотрѣлъ на начальника.

— Родители у васъ есть? повторилъ послѣдній.

— Родители были, всѣ померли, ваше превосходительство! отвѣчалъ Глюкъ.

— Одна матушка, ваше превосходительство! прибавилъ Яковъ Петровичъ.

— А батюшка?

— Батюшка померъ, ваше превосходительство.

— Въ военной службѣ служилъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, по гражданской части.

— Гмъ!.. Матушка пенсію получаетъ?

— Получаетъ, ваше превосходительство!

— Вы изъ какихъ губерній? спросилъ генералъ.

— Я изъ Петербурга и родился тамъ, отвѣтилъ Ползиковъ.

— Митавской губерніи, изъ Курляндіи, ваше превосходительство! попрежнему проговорилъ Глюкъ.

— Нѣмецъ?

— Нѣмецъ, ваше превосходительство.

— Это хорошо, Нѣмцы хорошій народъ, аккуратный, службу любятъ, замѣтилъ генералъ.

Адамъ Адамычъ самодовольно улыбнулся и очень низко поклонился.

— Ну, прощайте. Отправьтесь къ адъютанту, онъ васъ назначитъ, заключилъ генералъ.

Шарканье раздалось снова, представленіе кончилось.

Глюкъ остался совершенно доволенъ пріемомъ генерала; онъ съ какою-то гордостію вышелъ на улицу, точно вдругъ сдѣлался старше чиномъ; ни съ того, ни съ сего поздоровался съ встрѣчнымъ солдатомъ, и всю дорогу толковалъ, что генералъ очень почтенный старикъ и даже очень важный видъ

имѣетъ. Ползиковъ, напротивъ, какъ-то угрюмо переступалъ черезъ лужи главной улицы города О... Онъ никакъ не могъ понять, что̀ было за дѣло начальнику до родителей, дорогъ, перекладныхъ и тому подобныхъ предметовъ. «Сухо, очень сухо!» шепталъ онъ про себя, безсознательно смотря на перебиравшагося по камешкамъ Адама Адамыча.

— Гдѣ адъютантъ живетъ? спросилъ онъ вдругъ встрѣчнаго, ставшаго во фронтъ солдата, съ бойкой, лукавой наружностью, еврейскаго происхожденія.

— Здѣсь, васе благородіе, позалуйте; я проведу, васе благородіе! скороговоркой отвѣчалъ солдатъ и побѣжалъ впередъ маленькой рысью.

— Накройся! закричалъ ему въ слѣдъ Яковъ Петровичъ.

— Ницего, васе благородіе, не далеце, погода хоросая, васе благородіе, говорилъ Еврей, переходя изъ рыси въ шагъ. Вотъ, здѣсь казнацей зивутъ, тутъ доктуръ, продолжалъ онъ, указывая пальцемъ то на одну, то на другую сторону улицы; это казнацейской барыни спальня; молодая барыня у нихъ, красивая оцень, васе благородіе, а это кабинетъ ихъ благородія, тутъ и залованье раздаютъ. Цудесный цай, васе благородіе; продаютъ здѣсь, замѣтилъ солдатъ, проходя мимо какой-то лавки, самый цвитоцный. Онъ побѣжалъ опять рысью и остановился у дверей сѣраго деревяннаго домика. Здѣсь, васе благородіе; позалуйте!

Глюкъ и Ползиковъ оправились и вошли.

Адъютантъ былъ занятъ съ писаремъ, но увидѣвъ офицеровъ, всталъ и какъ-то особенно галантерейно раскланялся.

Они рекомендовали себя.

— Очень радъ. Pardon, одну минуту, сказалъ адъютантъ, указывая на стулья. Такъ переписать это! продолжалъ онъ, обращаясь къ писарю и подавая ему какую-то бумагу; сказано, чтобъ оставалось внизу не менѣе двухъ вершковъ, а тутъ и полутора нѣтъ! Онъ смѣрилъ пальцемъ. Да сказать музыкантамъ, чтобъ они черезъ недѣлю знали ту кадриль, которую я имъ далъ, а то пусть не жалуются, я разговаривать не буду!

Комната адъютанта была убрана не дурно. Въ ней помѣщался изрядной величины письменный столъ съ разными

украшеніями, разставленными въ самомъ симметрическомъ порядкѣ; тутъ были пресъ-папье, куколки, флакончики съ духами, строевой уставъ, въ отличномъ переплетѣ, и визитныя карточки съ гербомъ и фамиліею хозяина: Jean Ogouretchnikoff, lieutenant de l'armèe russe. Надъ столомъ висѣла картина, изображающая женщину въ какомъ-то чудномъ дезабилье. У противуположной стѣны стоялъ небольшой диванъ; передъ нимъ столикъ съ лампою, покрытый вязаною салфеткою, очевиднымъ издѣліемъ дамскихъ рукъ; надъ диваномъ развѣшаны были, въ самомъ строгомъ порядкѣ, стоившемъ немалаго головоломнаго труда хозяину, портреты разныхъ генераловъ отечественныхъ знаменитостей. Наконецъ, желѣзная складная кровать, съ вязанымъ шерстянымъ одѣяломъ, довершала убранство комнаты.

По всему казалось, что адъютантъ былъ франтъ большой руки; и костюмъ его отличался какою-то особенностію: халатъ не халатъ, а что-то болѣе приличное, вышитое красными снурочками, и прическа съ большимъ проборомъ, оканчивавшимся у самой шеѣ, такъ шла къ нему, и кончики усовъ такъ искусно были завиты въ колечки.

— Bon jour! произнесъ адъютантъ, по уходѣ писаря, обращаясь къ молодымъ офицерамъ, и довольно нахально оглядывая ихъ. Генералу имѣли честь представляться?

— Имѣли, отвѣтили товарищи и поклонились.

— Его превосходительство крайне любезенъ былъ, замѣтилъ Глюкъ.

— Да-съ... очень пріятно... неопредѣленно повторилъ адъютантъ и снова оглядѣлъ офицеровъ. Не знаю, господа, какъ бы васъ удобнѣе назначить, сказалъ онъ нѣсколько спустя, угодить вамъ и соблюсти, такъ сказать, интересы службы.. Смѣю спросить, вы вмѣстѣ будете жить?

— Желали бы вмѣстѣ, отвѣтилъ Ползиковъ.

— Мы общее хозяйство имѣемъ, проговорилъ Глюкъ.

— Хозяйство!.. повторилъ адъютантъ и задумался.

— Въ шестую роту неугодно-ли? это здѣсь въ городѣ; вы потрудитесь явиться къ ротному командиру—штабсъ-капитанъ Нерыгай-Мачинскій,—а мы пошлемъ ему письменное свѣдѣніе.

Офицеры поклонились.

— Извините, господинъ адъютантъ, насчетъ квартиры: намъ по отводу будетъ? спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Какъ-же-съ, по отводу; квартира даже готова: прекрасныя двѣ комнаты, tout à fait a part, обои, все какъ слѣдуетъ; вамъ не угодно-ли будетъ?.. эй! крикнулъ адъютантъ.

На порогѣ, въ одно мгновенiе, какъ изъ земли выросъ, вытянулся солдатъ и выпучилъ глаза на поручика.

— Проводить господъ офицеровъ на квартиру, гдѣ докторъ стоялъ, къ Куролесову. Понимаешь?

— Понимаю, ваше благородiе! крикнулъ солдатъ, необыкновенно быстро повернулся налѣво-кругомъ и въ одно мгновенiе скрылся.

Молодые офицеры поблагодарили хозяина и раскланялись съ нимъ, причемъ послѣднiй успѣлъ ввернуть нѣсколько словъ по-французски и очень грацiозно запахнулся полой вышитаго халата.

Квартира, указанная адъютантомъ, оказалась прекрасною только въ его воображенiи. Она состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ съ ходячимъ, растрескавшимся поломъ, покосившимися окнами; въ углахъ висѣла густая паутина; стѣны были дѣйствительно оклеены обоями, только такими разнообразными, что никакъ нельзя было сказать какой рисунокъ и цвѣтъ преобладалъ въ каждой комнатѣ?—одинъ уголъ желтый, съ разводами, другой гладкiй зеленый; надъ окнами какiя-то розовыя птички, подъ ними цвѣты фiолетовые; въ одномъ простѣнкѣ, неизвѣстно почему, наклеены были даже двѣ модныя картинки изъ стараго дамскаго журнала. Мебель состояла изъ необыкновенной величины какого-то подобiя туалета, съ самымъ крошечнымъ зеркаломъ, ломбернаго стола безъ сукна, нѣсколькихъ разнокалиберныхъ стульевъ и такого жесткаго дивана, что опустившiйся на него Адамъ Адамычъ привскочилъ, какъ мячикъ, и принялся ощупывать подушку, вѣроятно желая удостовѣриться, чѣмъ бы она могла быть набита.

Ползикову сдѣлалось грустно; онъ сидѣлъ на окнѣ, безсознательно уставивъ глаза на половыя щели.

— Квартира приличная, жить можно! только зачѣмъ такой диванъ крѣпкій? рѣшилъ Глюкъ.

— Можно! повторилъ ему вслѣдъ Яковъ Петровичъ. Мнѣ все равно; лучше не найдешь, прибавилъ онъ.

Товарищи рѣшили тотчасъ-же сдѣлать визитъ ротному командиру и затѣмъ перебраться на новоселье.

Штабсъ-капитанъ Нерыгай-Мачинскій, ближайшій начальникъ молодыхъ офицеровъ, ходилъ между тѣмъ взадъ и впередъ по своей квартирѣ, въ глубокомъ раздумьи. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, очень высокаго роста, сухой, сгорбленный, съ желтымъ, рябымъ лицомъ, съ длиннымъ носомъ, черными длинными усами, щетинистыми волосами на головѣ и кислымъ выраженіемъ физіономіи. Одѣтъ онъ былъ въ черкесскій нанковый казакинъ, отороченный узенькимъ галунчикомъ; на ногахъ, обутыхъ въ желтыя остроконечныя туфли, болтались синія демикатоновыя, широчайшія шаравары.

Голоса въ передней заставили штабсъ-капитана очнуться. Онъ остановился и поднялъ голову.

— Кто тамъ? крикнулъ онъ довольно громко.

Въ комнату вошли, одинъ за другимъ, Глюкъ и Ползиковъ.

Послѣ обычныхъ, взаимныхъ рекомендацій, хозяинъ усадилъ гостей.

Послѣдовало молчаніе.

Штабсъ-капитанъ сильно тянулъ изъ длиннаго чубука, какъ бы вытягивая изъ него тему для разговора.

Молодые офицеры безпрестанно взглядывали на хозяина и не рѣшались заговорить первые.

— Изъ Петербурга? произнесъ наконецъ послѣдній, не подымая глазъ.

— Изъ Петербурга, отвѣтилъ Глюкъ.

— Вмѣстѣ въ корпусѣ были, прибавилъ Ползиковъ.

— Газеты читали-съ?

— Давно не читали, негдѣ, все въ дорогѣ.

Штабсъ-капитанъ быстро поднялъ голову.

— Какова новость-то!... вѣдь это, я вамъ скажу, не то, что штучка какая нибудь,—это всемірное значеніе можетъ

имѣть переворотъ, тутъ катастрофа выйдетъ! поглядите, выйдетъ!.. вдругъ заговорилъ онъ, постепенно одушевляясь.

Офицеры навострили уши и уставили глаза на хозяина.

— Помилуйте, продолжалъ послѣдній: французскій посланникъ изъ Вѣны уѣхалъ, Французы на границахъ войска собираютъ, Пруссія косится, Австрія косится, Наполеонъ... Наполеонъ вы думаете что? Позвольте, позвольте. Вы думаете... Онъ остановился и пристально глядѣлъ на офицеровъ.

— Наполеонъ очень умный человѣкъ, замѣтилъ Ползиковъ, никакъ не ожидая подобнаго разговора и не понимая, почему Нерыгай-Мачинскій принимаетъ такое горячее участіе въ европейской политикѣ.

— Умный! мало того что умный! продолжалъ хозяинъ, тыкая себя въ грудь, нѣтъ-съ, онъ куда мѣтитъ!.. Понимаете ли вы, куда мѣтитъ онъ?.. Онъ цѣль имѣетъ... а тогда что?... Германія что́ скажетъ? Англія, вы полагаете, молчать станетъ?—Пруссія? Англія сильна; у ней финансы. Швеція тоже, Испанія тоже, Данія тоже, Италія тоже, Турція тоже... Америка вмѣшается! ей-Богу вмѣшается... не можетъ не вмѣшаться. Вы разсудите только!

— Вѣроятно вмѣшается! подтвердили въ одинъ голосъ Ползиковъ и Глюкъ, рѣшительно непонимавшіе тревоги капитана отъ будущей европейской катастрофы.

— Прусскій король заболѣлъ... почему заболѣлъ?.. все это понимать нужно. Вы думаете онъ болѣнъ? я говорю: вздоръ! здоровъ!..—Онъ щелкнулъ пальцами и самодовольно улыбнулся.

Долго еще штабсъ-капитанъ рѣшалъ судьбы Европы, тасовалъ государства, сыпалъ арміями. Ползиковъ и Глюкъ молчали или отдѣлывались общими фразами и безпрестанно толкали другъ-друга; наконецъ Яковъ Петровичъ, улучивъ минуту капитанской паузы, всталъ, его примѣру послѣдовалъ и Адамъ Адамычъ.

Хозяинъ очень любезно простился съ новыми сослуживцами, крѣпко пожалъ имъ руки, просилъ не забывать, заходить время убить, и обѣщалъ въ слѣдующій разъ сообщить свое мнѣніе касательно послѣдняго парламентскаго засѣданія.

Глюкъ отправился въ гостиницу, вызвавшись перевезти оттуда вещи. Ползиковъ побрелъ на квартиру.

Онъ шелъ молча, опустивъ голову, безпрестанно пожималъ плечами; на губахъ его мелькала улыбка, въ ушахъ еще раздавались грозныя слова капитана.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! кричалъ чей-то голосъ.

Ползиковъ поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ Зарубкинъ.

— Вотъ кстати, а я къ вамъ шелъ; дай, думаю, навѣщу. Эй Богу, полюбилъ васъ какъ-то!.. ужъ меня не надуешь: Лафатеръ! чортъ возьми!—съ перваго взгляда вижу, что порядочный человѣкъ!.. Знаете, заходите сегодня вечеромъ къ намъ, мы плезирчикъ устраиваемъ, soirée brillante этакой; всѣ наши соберутся, народъ разлихой! Ужъ вы меня знаете: съ дрянью возиться не стану!.. Давайте два цѣлкача: дѣло въ складчину идетъ; никому не обидно,—и душа и сюртукъ все на-распашку! Онъ протянулъ руку.

— Я... я право... я не устроился еще, началъ-было Ползиковъ.

— Все вздоръ! устроитесь, перебилъ его Зарубкинъ. На-послѣдкахъ кучу̀!—такое мѣстишко получаю, что у!.. страсти!.. Что̀, вамъ размѣнять что-ли?..

Что было дѣлать?—показать себя неимущимъ—унизительно: отказаться нежеланіемъ—значило пренебречь приглашеніемъ, то есть съ перваго шагу заслужить негодованіе Зарубкина и его общества; положительной же причины никакой не было, тѣмъ болѣе, что Ползиковъ былъ пойманъ врасплохъ, такъ что онъ и выдумать никакой отговорки не нашелся.

Съ прискорбіемъ въ душѣ, отдалъ Яковъ Петровичъ требуемую сумму.

— Товарища пригласите... слышите... непремѣнно пригласите! крикнулъ ему въ слѣдъ Зарубкинъ.

Когда Глюкъ прибылъ съ вещами, Ползиковъ объявилъ ему о вечерѣ.

Адамъ Адамычъ сначала очень обрадовался, но узнавъ о складчинѣ, рѣшительно отказался, объявивъ, что за такую

цѣну можно и безъ вечера много всякаго удовольствія имѣть.

— Неловко! офицеры могутъ обидѣться, замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Зачѣмъ обидѣться? я свою волю имѣю; зачѣмъ я два цѣлковыхъ терять буду! отвѣтилъ фонъ-Глюкъ.

Часовъ въ восемь вечера въ квартирѣ Зарубкина, состоящей изъ одной, средней величины, комнаты, человѣкъ шесть или семь офицеровъ сидѣли вокругъ ломбернаго стола и играли въ карты. Одинъ изъ нихъ, за недостаткомъ стульевъ, помѣщался на сундукѣ, другой на двухъ положенныхъ другъ на дружку чемоданахъ, третій полулежалъ на стоящей возлѣ кровати. На столѣ помѣщались стаканы съ чаемъ, съ запахомъ рома, разбросаны были: мѣлъ, карты, папиросные окурки, трехрублевыя и рублевыя ассигнаціи, мелкія серебряныя и даже мѣдныя деньги. Хозяинъ, безъ сюртука, въ рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ, металъ штосъ, прочіе офицеры понтировали, Яковъ Петровичъ не игралъ, но внимательно слѣдилъ за игрой. Лица гостей безпрестанно мѣнялись, то хмурились, то улыбались, то какъ-то странно вытягивались. Отвсюду сыпались отрывистыя фразы: «ну-ка, барышня, вывези! мадамъ по усамъ! подлецъ тузъ! шельма двойка! экое счастье! не везетъ, анаѳема!» и такъ далѣе.

— Проигрываю! Яковъ Петровичъ, сказалъ Зарубкинъ, обращаясь къ Ползикову, а все оттого, что пріятель не играетъ, право!—ну-ка четвертачекъ примажьте, куда не шло!

— А вотъ, посмотрю сначала, отвѣтилъ Ползиковъ.

Хозяинъ проигралъ, заложилъ штосъ другой офицеръ. «Господа, на чистыя!» предупредилъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, «въ счетъ жалованья не играю».

Игра возобновилась.

Яковъ Петровичъ вынулъ портмоне, подержалъ его, потомъ раскрылъ, вытащилъ-было полтинникъ, да опустилъ обратно и смѣнилъ его четвертакомъ.

— Позвольте и мнѣ, сказалъ онъ, нѣсколько минутъ спустя, протягиваясь за картой.

— Ага!.. человѣческое сердце не камень, замѣтили, смѣясь, нѣсколько офицеровъ.

Четвертакъ былъ убитъ. Яковъ Петровичъ вынулъ полтинникъ — и полтинникъ былъ убитъ, цѣлковый — и цѣлковый постигла та же участь. Ползиковъ остановился, даже отодвинулся отъ стола и принялся прихлебывать чай; лице его замѣтно раскраснѣлось, руки слегка дрожали.

Между тѣмъ игра сдѣлалась живѣе; банкометъ выигрывалъ; одинъ изъ партнеровъ, по недостатку мѣста на столѣ, писалъ цифры, перечеркивалъ и круглилъ ихъ на сюртукѣ лежавшаго своего товарища. Яковъ Петровичъ снова приблизился въ качествѣ наблюдателя. Прошло съ четверть часа, онъ снова опустилъ руку въ карманъ, подержалъ ее въ немъ, снова вытащилъ портмоне, потихоньку, подъ столомъ, раскрылъ его, пересчиталъ деньги, вынулъ полтинникъ, повертѣлъ его въ рукѣ, машинально посмотрѣлъ означенный на немъ годъ и поставилъ на карту. Полтинникъ былъ данъ. Ползиковъ подвинулся ближе къ столу и поставилъ цѣлковый,—цѣлковый былъ убитъ, другой—и другой убитъ, третій—и третій убитъ. У Ползикова опустилось сердце, руки его дрожали, голова пошла кругомъ.

— Пять рублей! какъ-то нерѣшительно сказалъ онъ, накрывая картой синенькую депозитку.

— Браво! закричалъ Зарубкинъ, вотъ люблю!

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты; вскрикивалъ другой!

подхватилъ онъ.

Пять рублей были убиты.

Яковъ Петровичъ поблѣднѣлъ, сосчиталъ уцѣлѣвшія у него деньги: ихъ оказалось шесть рублей, да сколько-то серебра мелочи. Онъ вспомнилъ, что у него не было ни сахару, ни чаю, ни табаку, ни ваксы, что Глюкъ не станетъ даромъ кормить его, да и взаймы не дастъ, что онъ еще долженъ ему за чай въ трактирѣ, да за перевозку вещей, стало-быть всего капитала, необходимаго для будущей жизни, за расплатою и покупками, оставалось, увы! нѣсколько копѣекъ!— Что теперь дѣлать? какъ быть? что за день несчастный! думалъ Ползиковъ и невольно взглянулъ на столъ: тамъ лежа-

ли недавно принадлежавшія ему деньги и какъ-будто подсмѣивались надъ нимъ, дразнили его. Яковъ Петровичъ было-заплакалъ, но, взглянувъ на своихъ товарищей, самъ испугался своей чувствительности, проглотилъ слезы и, желая казаться хладнокровнѣе, сталъ что-то напѣвать вполголоса.

Между тѣмъ гости мало-по-малу развеселились; нѣкоторые изъ нихъ перестали играть; пѣли, шутили, смѣялись, спорили, перебивали другъ-друга, толковали о производствѣ, о послѣднемъ ученьи, о генеральскихъ замѣчаніяхъ, о промахахъ товарищей, о лишнихъ дежурствахъ и караулахъ, о маіорскомъ бобровомъ воротникѣ и таковыхъ же отворотахъ, о какой-то Матренѣ Андреевнѣ или просто Матрешкѣ, какъ отзывались о ней нѣкоторые изъ офицеровъ. Поданная закуска, состоявшая изъ очищенной водки, селедки съ неимовѣрнымъ количествомъ лука и паюсной икры, еще болѣе воодушевила гостей. Посыпались разсказы за разсказами, анекдоты за анекдотами, каждый старался перещеголять другаго, затмить повѣсть о его похожденіяхъ похожденіями собственными.

Между тѣмъ деньщикъ и помогавшій ему вѣстовой солдатикъ собрали ужинать, то есть, на ломберный столъ, вмѣсто скатерти, была постлана запачканая салфетка, прикрывшая только одно зеленое сукно; затѣмъ поставилось нѣсколько разнокалиберныхъ тарелокъ, таковыхъ же стакановъ, четыре бутылки съ хересомъ и полуштофъ съ очищенной. Переломанные ножи и вилки, три салфетки и два полотенца, назначавшіеся взамѣнъ салфетокъ, въ которыхъ былъ недостатокъ, довершали необходимое убранство трапезы.

— Господа! ружье въ банкѣ. Кто на ружье играетъ? вопросительно закричалъ Зарубкинъ.

— На вещи значитъ пошло! замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

Зарубкинъ проигралъ ружье; хотѣлъ-было еще заложить какую-то особенную, по увѣренію его, англійскую папиросницу, но желающихъ понтировать не оказалось. Офицерство усѣлось за ужинъ, состоявшій изъ необыкновенной величины пирога съ капустой и говяжьихъ битковъ съ солеными огурцами. За ужиномъ шумъ и говоръ увеличились еще бо-

лѣе и не умолкали ни на минуту; никто не стѣснялся, всѣмъ было до крайности весело, говорили всѣмъ—ты, безъ разбору, даже и Якову Петровичу; двое или трое изъ офицеровъ развеселились ужъ черезчуръ и ѐдва говорили, а одинъ, не дождавшись ужина, тяжело храпѣлъ, растянувшись на хозяйской кровати.

По уничтоженіи пирога, котлетъ и хереса трое изъ офицеровъ усѣлись снова играть; только на этотъ разъ ружье замѣнилось чьей-то цѣпочкой отъ часовъ; самыхъ же часовъ не существовало.

Долго еще шумѣли, играли офицеры; цѣпочка два раза перешла изъ рукъ въ руки; наконецъ общество угомонилось и разбрелось. Кто пошелъ самъ собою, а кто нуждался и въ посторонней помощи, кто отправился домой, а кто остался у хозяина, или побрелъ къ какимъ-то знакомымъ.

Яковъ Петровичъ вышелъ вмѣстѣ съ прочими и черезъ нѣсколько минутъ былъ у себя дома. На дворѣ разсвѣтало. Глюкъ спалъ какъ убитый. Ползикову сдѣлалось почему-то совѣстно; онъ осторожно раздѣлся, легъ, но долго заснуть не могъ, мысли мѣнялись и копошились въ головѣ его.

— Господи Боже мой! думалъ онъ, вотъ началась моя новая, настоящая жизнь, и какъ, съ чего, подъ какимъ предзнаменованіемъ!.. Денегъ ни гроша, о будущемъ и подумать страшно!.. Начальство приняло какъ-то странно, дико... товарищи — свои у нихъ разговоры, свои исключительные интересы, ни одного живаго слова не услышишь!.. Неужели всегда и вездѣ одно и то же?.. Не можетъ быть! вѣроятно, несчастный случай показалъ мнѣ лѣвую сторону здѣшняго общества, его отдыхъ, увлеченіе, забаву; вѣроятно тѣ же люди завтра будутъ другими; не одни же бобровые воротники занимаютъ ихъ! не одно же вино, карты и пошлые анекдоты соединяютъ ихъ! — есть же какая нибудь жизнь, есть служба!... Для чего-жъ живутъ они, къ чему стремятся, что дѣлаютъ ихъ умъ и сердце?..

Долго еще не могъ заснуть Яковъ Петровичъ, онъ вспомнилъ опять о своемъ проигрышѣ, потомъ представились ему: Пигоцкій съ красными отворотами, веселый, счастливый, расхаживающій по Петербургу, и корпусъ, и день производ-

ства въ офицеры, и Пелагея Ивановна, да такая жалкая, плачущая, исхудалая. «Дурно ведетъ себя, Яша, дурно! говоритъ она, забылъ совѣты матери, въ карты играетъ, съ дурными людьми знается! охъ горько, горько мнѣ!—сынъ любимый обманулъ меня!»

На другой день Яковъ Петровичъ проспалъ дольше обыкновеннаго. Его разбудилъ Глюкъ.

— Вставать время,—чай очень прѣетъ! сказалъ онъ.

Ползиковъ вскочилъ и сталъ поспѣшно одѣваться.

— Ты поздно возвратился вчера? спросилъ его товарищъ, сидя за чаемъ.

— Нѣтъ, не поздно, я думаю, часъ первый былъ, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ, не подымая глазъ и усердно мѣшая ложкой въ стаканѣ чай.

— Много гостей было?

— Да,.. человѣкъ семь...

— Весело было?

— Ничего,.. весело,.. какъ-то глухо проговорилъ Ползиковъ.

— Хорошій ужинъ былъ?

— Ужинъ ничего, хорошій...

— Въ карты играли?

— Играли! отрывисто отвѣтилъ Яковъ Петровичъ и закашлялся.

Онъ рѣшился умолчать передъ товарищемъ о своемъ проигрышѣ. Будь на мѣстѣ Глюка другой-кто, Ползиковъ бы высказался, ему даже хотѣлось съ кѣмъ нибудь раздѣлить свое горе, но Адамъ Адамычъ человѣкъ сухой, аккуратный, расчетливый! Адамъ Адамычъ боится за каждую копѣйку; онъ не облегчитъ, не пожалѣетъ, не успокоитъ его, не приметъ дружескаго участія, только ужаснется, упрекнетъ, пожалуй, да тотчасъ-же потребуетъ денегъ въ артель, а не дашь—разойдется, чего добраго, на вѣки разсорится.

— Намъ нужно вѣстоваго просить, вдругъ произнесъ Яковъ Петровичъ, желая перемѣнить не совсѣмъ пріятный для него разговоръ.

Въ комнату вошелъ солдатикъ съ конвертомъ въ рукѣ и вытянулся на порогѣ.

— Что тебѣ? спросилъ его Ползиковъ.

— Ва... ва... ва, началъ солдатъ заикаясь, но не кончилъ, сдѣлалъ три шага, какъ автоматъ, у котораго передвигаются однѣ ноги, подалъ конвертъ, отчетливо повернулся налѣво-кругомъ и удалился.

Яковъ Петровичъ взялъ конвертъ и нѣсколько безпокойно взглянулъ на адресъ: тамъ было написано: господину прапорщику Ползикову. № 1113.»

— Глюкъ, что-жъ это?!. произнесъ онъ, нѣсколько спустя, дрожащими руками подавая товарищу бумагу.

— Что? спросилъ послѣдній.

— Какъ что!.. читай!

Адамъ Адамычъ очень явственно прочелъ слѣдующее:

«Предписываю вашему благородію, съ полученія сего, немедленно отправиться въ д. Бѣлашки, мѣсто расположенія 3-й роты, при коей и состоять при службѣ, въ вѣдѣніи ротнаго командира капитана Кренкина.»

— Въ другую роту назначаютъ, въ деревню,.. слѣдовательно намъ вмѣстѣ жить нельзя, совершенно хладнокровно замѣтилъ Глюкъ.

— Да какъ-же?.. чтожъ это?.. за что?.. отчего-жъ наконецъ?! я непремѣнно... проговорилъ Ползиковъ и уставилъ глаза на товарища.

— Стало-быть такая воля начальства, стало-быть такъ генералъ желаетъ, онъ свои соображенія имѣетъ, попрежнему отвѣтилъ послѣдній. Ты мнѣ долженъ одинъ рубль сорокъ три копѣйки, напомнилъ онъ.

Якову Петровичу было не до долга, онъ надѣлъ сюртукъ и побѣжалъ къ адъютанту.

— Извините, я васъ безпокою; я сейчасъ получилъ увѣдомленіе, говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да-съ, предписаніе, замѣтилъ адъютантъ съ особеннымъ удареніемъ; не угодно-ли садиться... Генералъ желаетъ перечислить васъ въ 3-ю роту: тамъ офицеръ выбылъ; это верстъ тридцать отсюда.

Ползиковъ оторопѣлъ и какими-то жалостными, умоляю-

щими глазами глядѣлъ на хозяина, какъ-бы ожидая отъ него своего спасенія.

— Извините,.. я право,.. я совершенно не ожидалъ,.. расположился,.. можетъ другой кто... проговорилъ онъ.

— Кто другой?.. сыщите,.. можно сдѣлать уваженіе, перемѣнить!

Яковъ Петровичъ опустилъ голову.

— Кто-же другой?.. Глюкъ тоже не поѣдетъ, онъ хочетъ въ городѣ жить, произнесъ онъ самъ съ собою.

— Очередь за вами, вы, m-er Ползиковъ, младшій офицеръ въ полку,—началъ адъютантъ нѣсколько наставительнымъ тономъ, играя кисточкой халата,—въ городѣ въ настоящее время расположенъ только одинъ батальонъ, остальные помѣщаются въ окрестныхъ деревняхъ, туда мы и отправляемъ всѣхъ вновь поступающихъ офицеровъ: это служитъ для нихъ, такъ сказать, школою. Батальоны очередуются стоянкой въ городѣ; на слѣдующій годъ быть можетъ доведется и вамъ жить здѣсь. Я право не знаю, отчего вамъ такъ не нравится новое назначеніе: въ деревнѣ такъ спокойно! заключилъ онъ.

— Я,.. я думалъ заняться, началъ-было Яковъ Петровичъ; притомъ мнѣ генералъ сказалъ, что мое назначеніе будетъ зависѣть отъ васъ...

— Да!.. но понимаете, m-er Ползиковъ, это нашъ коренной порядокъ; нѣтъ никакой причины сдѣлать для васъ исключеніе! другое дѣло, еслибъ вы были больны, женились, или что нибудь такое, а то, согласитесь сами, послѣ этого всѣ захотятъ въ городѣ жить!.. нельзя-же допустить подобную вещь!—городъ существуетъ только для насъ, штабныхъ!.. Что же касается до вашихъ, какъ вы говорите, занятій, прибавилъ адъютантъ, иронически улыбаясь и особенно ударяя на послѣднемъ словѣ, то заниматься вы можете сколько угодно, свободнаго времени вдоволь,.. деревня даже такъ располагаетъ къ занятіямъ.

Дѣлать было нечего, оставалось одно, покориться необходимости.

— Господи! думалъ Ползиковъ, выходя изъ адъютантской квартиры, что-жъ это такое?.. вотъ располагалъ заниматься,

читать, образовать себя, слѣдить за жизнію,—я такъ мало знаю,—здѣсь все-таки живутъ люди, хоть кой какое да общество есть, можно бы было и книгъ достать,—а тамъ деревня, глушь, трущоба! трущоба!.. Что-жъ я буду дѣлать?.. служить, да вѣдь этого мало!.. гдѣ-жъ пища для души, для ума, для сердца?.. Притомъ же у меня и денегъ нѣтъ! на мѣстѣ я бы перебился кое-какъ, а ѣхать туда—нужно всѣмъ запастись, расплатиться,.. что-жъ я буду дѣлать!?. занять у Глюка, не дастъ, да и нѣтъ у него,.. взять въ счетъ жалованья?.. Боже мой! не успѣлъ пріѣхать—и просить!... совѣстно такъ, а между тѣмъ нельзя же... Ползиковъ вспомнилъ указанную Евреемъ-солдатомъ казначейскую квартиру—и повернулъ назадъ.

Казначей, между тѣмъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, за столомъ, заваленнымъ казенными счетными книгами, и выкладывалъ что-то на щетахъ.

Вошедшій Яковъ Петровичъ почтительно поклонился и началъ-было рекомендоваться, но занятый блюститель казенныхъ интересовъ, молча указалъ ему на стулъ и снова принялся за свое дѣло, не обращая ни малѣйшаго вниманія на новаго сослуживца.

Прошло нѣсколько минутъ, обѣ стороны не переставали хранить молчаніе. Казначей видимо былъ занятъ, щеты его такъ и щелкали, Ползиковъ не смѣлъ помѣшать занятію. Наконецъ, первый повернулъ свою голову къ послѣднему, вопросительно взглянулъ на него, громко высморкался и отрывисто произнесъ: «что угодно?»

— Извините, если я обезпокою васъ, робко началъ Яковъ Петровичъ, сконфуженный и пріемомъ и своею просьбою. Я поступилъ сюда въ полкъ и теперь, совершенно неожиданно, назначенъ въ 3-ю роту, въ деревню, долженъ завтра ѣхать, тоже кое чѣмъ запастись нужно, такая неожиданность... Ползиковъ остановился.

— Да-съ! выговорилъ казначей.

— Я рѣшился васъ просить, одолжить мнѣ въ счетъ жалованья, докончилъ Яковъ Петровичъ.

— Нельзя-съ, на васъ аттестата не получали, попрежнему отвѣчалъ казначей.

— Извините, мнѣ право крайность, такая неожиданная командировка, аттестатъ вѣроятно на-дняхъ будетъ присланъ.

— Не знаю-съ, какъ пришлютъ, тогда и пожалуйте, а теперь денегъ нѣтъ; изъ казенныхъ только амуничныя и остались, изъ нихъ давать не велѣно, отвѣчалъ казначей, перебирая костяжки на щетахъ. Просите у генерала, сухо прибавилъ онъ.

— Я... я не смѣю безпокоить его превосходительство изъ-за такой бездѣлицы, я думалъ, что вы сдѣлаете такое одолженіе, мнѣ очень нужно!.. Ползиковъ замялся.

— Извольте, дѣлать нечего, я дамъ изъ своихъ... сколько вамъ?

— Рублей пятнадцать,.. даже десять! прибавилъ поспѣшно Яковъ Петровичъ, испугавшись вѣроятно громадности спрошенной суммы.

— Со ста рублей сдача есть?

Ползиковъ улыбнулся.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ, еслибъ у меня было столько денегъ, я бы никакъ не рѣшился утруждать васъ.

Казначей подалъ Якову Петровичу четвертушку бумаги, заставилъ его росписаться въ полученіи десяти рублей серебромъ и, по окончаніи этой операціи, вручилъ ему красненькую бумажку.

— Очень вамъ благодаренъ, извините, что обезпокоилъ, началъ-было Ползиковъ.

— Ничего-съ! отрывисто отвѣчалъ казначей и принялся снова щелкать щетами.

Яковъ Петровичъ возвратился домой, отдалъ одинъ рубль сорокъ три копѣйки Глюку, купилъ чаю, сахару, табаку и ваксы, и сталъ укладывать свои необременительные пожитки.

— Я въ этой комнатѣ себѣ гостиную сдѣлаю, а тамъ кабинетъ и спальня будутъ, замѣтилъ Адамъ Адамычъ, остановившись передъ товарищемъ.

Ползиковъ ничего не отвѣчалъ и только какъ-то сердито сунулъ въ чемоданъ сапожную щетку.

III.

На другой день, по узкому проселку, поросшему травой, мимо пустошей, выгоновъ, мелкаго кустарника, пашней и деревенскихъ лачугъ, двѣ тощія клячи, запряженныя въ тряскую телѣгу, тащили молодаго офицера, сидѣвшаго торчкомъ на своемъ измятомъ чемоданѣ. Уныло, повѣся головы, тянули лошади, уныло сидѣлъ ямщикъ на передкѣ, слегка помахивая кнутикомъ, уныло глядѣлъ по сторонамъ и Яковъ Петровичъ. Молчаніе долго не нарушалось, наконецъ Ползиковъ обратился съ вопросомъ къ ямщику:

— А что, братецъ, большая это деревня Бѣлашки?

— Бѣлашки-то?. Большая, отвѣчалъ ямщикъ, ничего, порядочная, прибавилъ онъ, никакъ дворовъ двадцать будетъ.

— А избы хорошія? продолжалъ Ползиковъ.

— И избы есть, отвѣчалъ ямщикъ; вамъ стоять что-ли? прибавилъ онъ.

— Стоять.

— Къ Антону значитъ... У Ивана Трофимыча тоже хоромы бѣлыя, да тѣ почесть заняты, господа стоятъ.

— А что это деревня господская?

— Господская!

— А баринъ кто?

— Баринъ то?—а Семенъ Миколаичъ баринъ.

— Что-жъ онъ и живетъ тамъ?

— Не, не живетъ, наѣзжаетъ только, объ позапрошломъ Миколѣ наѣхалъ.

— А другіе помѣщики есть?

— Не, и другихъ господъ нѣту.

— Трущоба! невольно подумалъ Яковъ Петровичъ и замолчалъ.

Часа черезъ три онъ дотащился до мѣста своего жительства и тотчасъ же отправился къ капитану Кренкину.

Семенъ Семенычъ Кренкинъ служилъ когда-то рядовымъ, а потомъ унтеръ-офицеромъ въ одномъ изъ полковъ гвардіи. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго ро-

ста, сухой, немного сгорбленный, съ грубыми, угловатыми чертами лица. Сѣдые волосы на головѣ его были коротко выстрижены, за ними слѣдовалъ маленькій, покрытый морщинами лобъ, потомъ носъ, весьма некрасивый, вздернутый и широкій; подъ нимъ торчали жесткіе сѣдые усы, подстриженные въ уровень съ верхнею губою; далѣе начинался синеватый подбородокъ. Небольшіе, впалые, сѣрые глаза, съ нависшими черными бровями, довершали характеръ физіономіи.

Добрый въ душѣ, Семенъ Семенычъ былъ грубъ и жестокъ по наружности. Хвалитъ-ли, сердится-ли, говоритъ-ли солдатамъ наставленіе, все одно—что бранится. Первыми достоинствами солдата въ глазахъ Кренкина были аккуратность и безсловесность предъ начальникомъ; въ этихъ двухъ качествахъ заключалась вся дисциплина; служебный лексиконъ солдата долженъ былъ ограничиваться слѣдующими шестью фразами: никакъ нѣтъ, слушаю, не могу знать, рады стараться, здравія желаю и счастливо оставаться.

Сквозь такую грубость обращенія проглядывало однако и своего рода уваженіе и какая-то теплая, истинная любовь къ ближнему. Заболѣвалъ, напримѣръ, солдатикъ,—Семенъ Семенычъ тотчасъ шелъ навѣщать его, иногда присылалъ ему чаю или давалъ гривенникъ денегъ. Умиралъ солдатикъ, и Кренкинъ отдавалъ послѣдній долгъ покойному: въ полной формѣ провожалъ его до самой могилы, сыпалъ въ нее землю и утиралъ выкатившуюся по покойникѣ слезу. Въ случаѣ какого нибудь несчастія, постигшаго солдата, выручалъ его изъ бѣды, помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ своей стороны и солдаты любили своего капитана: «рука дюжая, языкъ порченый, да сердце отходчивое», говаривали они обыкновенно.

Вообще только и дѣлалъ Семенъ Семенычъ, что возился съ своею ротою; въ ней одной заключался весь его міръ, вся жизненная дѣятельность. Рота была его семьею, необходимою принадлежностію; далѣе ея онъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ что творится на бѣломъ свѣтѣ; не будь ея, онъ бы кажется умеръ съ тоски, съ бездѣлья. Здѣсь онъ видѣлъ исключительный почетъ себѣ, могъ наказывать, миловать, награждать, заботиться, любить, ненавидѣть. Онъ чувствовалъ,

что здѣсь и кончится его человѣческое бытіе, что командованіе ротою составляетъ апогей его славы и величія.

Съ полковыми офицерами Семенъ Семенычъ знакомъ былъ только шапочно; они гордились передъ нимъ, а онъ съ своей стороны не старался заискивать ихъ расположенія, даже отчасти былъ доволенъ одиночествомъ. Только полковой аудиторъ, да фурштадтскій офицеръ, находились въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ капитаномъ Кренкинымъ. Изъ постороннихъ же навѣщалъ его одинъ священникъ, съ ближайшаго деревенскаго погоста, да проживавшая неподалеку вдова становаго пристава, сильно чванившаяся знакомствомъ съ господиномъ офицеромъ.

Когда Ползиковъ вошелъ въ капитанскую избу, Семенъ Семенычъ занимался пришиваньемъ пуговицъ къ старому форменному сюртуку.

Увидѣвъ вошедшаго офицера, Кренкинъ всталъ, бережно снялъ большіе круглые очки, бережно положилъ сюртукъ на лавку, запахнулся полами пестраго, истертаго халата и подошелъ къ Якову Петровичу.

Послѣдній рекомендовался.

— Слушаю-съ, произнесъ Семенъ Семенычъ такимъ голосомъ, какъ будто отвѣчалъ на полученное приказаніе. Присѣсть не угодно ли? прибавилъ онъ, указывая на лавку.

Гость и хозяинъ сѣли; послѣдовало небольшое молчаніе.

— Трубочки не прикажете ли? произнесъ Кренкинъ, протягиваясь за чубукомъ.

Ползиковъ закурилъ папироску.

— Чѣмъ подчивать прикажете? водку употребляете? проговорилъ Кренкинъ.

Яковъ Петровичъ отказался. Молчаніе возобновилось.

— Въ корпусѣ изволили учиться? заговорилъ Семенъ Семенычъ.

— Да, въ корпусѣ.

— Хорошее ученіе, замѣтилъ хозяинъ, разнымъ наукамъ учатъ.

— Я бы желалъ знать, капитанъ, началъ Ползиковъ, не отвѣчая на слова начальника, въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности, позвольте въ этомъ случаѣ попросить ваше-

го добраго, откровеннаго совѣта, я совершенный новичекъ на службѣ, ничего не знаю.

— То есть, какія же это обязанности? вопросительно проговорилъ Кренкинъ.

— Обязанности служебныя, повторилъ Яковъ Петровичъ.

— Ужъ я право не знаю, какъ доложить вамъ, какія же обязанности? съ разстановкою отвѣчалъ Семенъ Семенычъ. Вотъ-съ въ лагерное время, ну тамъ дѣло другое, и караулишка есть, и дежурства, и ученья бываютъ разныя, иной разъ набѣгаешься до изнеможенія, ну а теперь ничего этого нѣтъ, потому по квартирамъ стоятъ, одна одиночка только, да и ту я завсегда самъ производжу, значитъ, зачѣмъ и безпокоиться вамъ! а то,.. я право не знаю,... вотъ развѣ генералу будетъ угодно какой неожиданный маневръ сдѣлать или кто изъ высшаго начальства наѣдетъ, инспекторскій смотръ что ли произведетъ, а то... Какія же обязанности, да никакихъ обязанностей нѣтъ, рѣшительно добавилъ онъ.

— Однако, быть можетъ, надзоръ за солдатами, наблюденіе за ихъ поведеніемъ, такъ сказать, воспитаніе ихъ?—Согласитесь, нужно же что нибудь дѣлать, приносить нѣкоторую пользу.

Кренкинъ вопросительно посмотрѣлъ на Ползикова.

— Право, не знаю, какъ доложить вамъ, у насъ ничего такого не полагается; провинился солдатикъ, такъ произведешь надъ нимъ надлежащее взысканіе, да тѣмъ дѣло и кончишь, по-домашнему то есть, а то какое же воспитаніе? Это вотъ въ учебныхъ полкахъ, такъ тамъ этакія школы понадѣланы, а у насъ никакого воспитанія нѣтъ, что прикажешь, то исполнятъ,.. когда выправкой, когда маршировкой, когда ружейными пріемами займешься, иной разъ репетичку какую сочинишь, потому залежатся, распустятся,.. а насчетъ воспитанія не знаю, никакого такого приказанія не было.

— Но если нѣтъ никакой службы, такъ я не понимаю, зачѣмъ же и жить здѣсь? возразилъ Ползиковъ.

— Какъ зачѣмъ? а невзначай генералъ могутъ пріѣхать, всѣ господа на-лицо должны быть,.. оно извѣстно, уѣзжаютъ, а только закона на это нѣтъ; домашнимъ образомъ денька на два отлучатся, а такъ чтобы совсѣмъ не жить, такъ это

какъ-же-съ? Потому начальство требуютъ, такой ужъ порядокъ заведенъ, стало быть нужно-съ.

— Но какъ же, я право не понимаю... замѣтилъ снова Ползиковъ, нельзя же сидѣть сложа руки..

— А вы займитесь чѣмъ нибудь, возразилъ Кренкинъ, можетъ искуство какое знаете; а тамъ и службишка навернется, зимой полковой праздникъ нашъ, такъ генералъ завсегда въ городѣ церковный парадъ производятъ, всѣ офицеры должны быть.

— Позвольте узнать, къ кому слѣдуетъ обратиться?—мнѣ нужно отвести избу, со вздохомъ сказалъ Яковъ Петровичъ.

— А это просто сами займете, вотъ рядышкомъ-то у Антона, только и есть изба бѣлая; тараканы тамъ водятся, да это отъ мужиковъ все, отъ духу-то ихняго, а вы поживете, такъ пропадутъ.

Ползиковъ всталъ и хотѣлъ уйдти, но Кренкинъ удержалъ его, оставивъ у себя обѣдать.

— Часъ-то теперь такой, говорилъ Семенъ Семенычъ, а тѣмъ временемъ у Антошки горенку почистятъ, повывѣтрятъ, приготовятъ для васъ. Назаровъ! крикнулъ онъ.

Явился Назаровъ, деньщикъ капитана.

— Что-жъ ты, закусить не даешь? положеннаго времени не знаешь! поворачивайся! Семенъ Семенычъ, совершенно неожиданно, кончилъ фразу энергическимъ словцомъ.

Деньщикъ смахнулъ со стола ладонью, покрылъ его синею салфеткою, затѣмъ высморкался, по-своему, по-деньщичьи, взглянулъ на Якова Петровича, икнулъ на всю избу, досталъ съ полки полуштофъ съ какою-то настойкою, стаканчикъ, замѣнявшій рюмку, два прибора, поставилъ все это на столъ, вытеръ рукою носъ, фыркнулъ, погладилъ разостланную салфетку и удалился.

Кренкинъ налилъ стаканчикъ водки, поднесъ его дрожащею рукою ко рту и проговорилъ: «здравія желаемъ», вылилъ жидкость въ ротъ, подержалъ ее тамъ, причемъ щеки его надулись, потомъ проглотилъ, поморщился, отломилъ кусочекъ хлѣба, обмакнулъ его въ солонку и закусилъ.

— Напрасно не употребляете! проговорилъ онъ, указывая на полуштофъ,—самъ настой дѣлалъ, рѣдкая водка-съ, лекар-

ственная! отъ всѣхъ недуговъ помогаетъ! У меня, знаете, все поясницу ломитъ, а выпьешь,—такъ и ничего, облегчаетъ!

Явился Назаровъ съ полною чашкою щей; онъ осторожно несъ ее, но жидкость все-таки колыхалась и обмывала пальцы капитанскаго камердинера.

— Полно наливаешь, хладнокровно замѣтилъ Кренкинъ и при этомъ заключилъ энергическимъ словцомъ.

Затѣмъ, онъ три раза перекрестился и указалъ Ползикову на лавку.

Гость и хозяинъ сѣли.

— Давно вы, капитанъ, служить изволите? началъ Яковъ Петровичъ.

— Порядочно-съ! отвѣчалъ Кренкинъ, наливая стаканчикъ водки и повторяя весь процессъ питія, восемнадцать лѣтъ въ гвардіи отзвонилъ, да пятнадцать вотъ здѣсь въ полку вытягиваюсь... капитанъ-то я молодой еще, второй годъ всего!

— Это ужасно! замѣтилъ Ползиковъ.

— Какъ ужасно-съ? возразилъ Семенъ Семенычъ, привычка-съ! какъ же безъ службы-то? скучно-съ, настоящаго занятія нѣтъ, пропадшимъ человѣкомъ будешь, не то что чего другаго, такъ даже и разсѣяться нечѣмъ. Да вотъ, вѣрите-ли Богу, хворалъ я тутъ какъ-то долго, въ госпиталѣ лежалъ, такъ такая одурь напала, не знаешь, то есть, куда мысли свои приклонить,. взглянулъ разъ въ окошко, тутъ солдатикамъ ученье производилось, такъ даже слеза выступила, по тѣлу дрожь прошибла, словно что родное увидѣлъ, потому трудно, привычка сдѣлана!..

Назаровъ подалъ говяжьи битки.

Семенъ Семенычъ снова налилъ водки и снова повторилъ весь прежній процессъ питія.

— Вы были женаты, капитанъ? спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Нѣтъ-съ, этимъ добромъ не заводился, все въ одиночку пробавляюсь, отвѣчалъ Кренкинъ; въ молодости, какъ служилъ въ гвардіи, чуточку-было не окочурился, да спасибо начальство запретъ положило: извѣстно, нижнему чину какая

женитьба?—только тягость одна! а потомъ года вышли, да и случая такого не было.

— Да, вотъ въ гвардіи лучше служить, замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Какъ кому-съ, возразилъ Кренкинъ, свои средствія нужно имѣть, а безъ нихъ какая служба, скудящая! Въ гвардіи, теперь, что годъ, то новый мундиръ справить слѣдуетъ, потому на-наружѣ все.

Семенъ Семенычъ снова налилъ стаканчикъ и осушилъ его прежнимъ порядкомъ.

Кончился обѣдъ. Хозяинъ проводилъ гостя до дверей; попросилъ его быть знакомымъ, заходить поболтать, скуку разгонять; приказалъ Назарову указать Ползикову отведенную избу, причемъ, неизвѣстно почему, замѣтилъ деньщику, чтобы онъ въ баню сходилъ, попрекнулъ какой-то карявой Матрешкой и назвалъ фараономъ.

Яковъ Петровичъ вошелъ въ свое новое жилище, оглядѣлъ его, познакомился съ хозяиномъ; отворилъ окно.

Изба дѣйствительно была довольно чистая; четверть ея занимала неуклюжая русская печь; въ переднемъ углу помѣщались очень темные образа съ висѣвшею лампадою, съ правой ихъ стороны приклеена была лубочная картина, изображавшая какое-то огненное чудовище, съ страшною, разинутою пастью, изъ которой выглядывали три человѣческія головы, красная, желтая и черная, съ надписью: «Литва, Кизилбаши и Арапы».

Ползиковъ дотронулся-было до чемодана, вѣроятно разобраться хотѣлъ, да тотчасъ же отнялъ руки, сѣлъ и задумался.

Богъ знаетъ, какія мысли бродили въ умѣ его?—думалъ ли онъ о прошедшемъ, о настоящемъ или о будущемъ, выводилъ ли заключеніе изъ всего видѣннаго и слышаннаго въ послѣдніе два дня, убивался ли безденежьемъ или просто скучалъ,—не знаю; всего вѣроятнѣе, что и то и другое и третье въ головѣ Якова Петровича тревожило его, не давало ему покоя. Долго сидѣлъ онъ, подперевъ рукою голову, безъ всякаго движенія, выкурилъ сряду три папиросы и неизвѣстно

сколько бы просидѣлъ еще, еслибы внезапный шумъ на улицѣ не разбудилъ его.

«Ногу, бабій сынъ, ногу!.. кричалъ чей-то голосъ, разъ, два, три,.. не толчи!.. не дыши!.. Иванъ Непомнящій, брюхо скрой! плавно!.. плавно!.. хорошо!»

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Ползиковъ взглянулъ въ окошко: капитанъ производилъ ученье; всѣ вышесказанные эпитеты относились къ цѣлой шеренгѣ марширововавшихъ солдатъ. Казалось, всѣ чувства Семена Семеныча сосредоточились на ногахъ учившихся; глаза его сверкали, даже сдѣлались какъ-то больше обыкновеннаго, голова склонилась на бокъ, рука била тактъ по колѣну. Пропустивъ мимо себя шеренгу, онъ снова проворно обѣжалъ ее,—нельзя было не удивляться легкости ногъ пятидесятилѣтняго старика,—присѣлъ на корточки, вытянулъ шею и уставилъ глаза на своихъ воспитанниковъ, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ полководецъ, разсматривающій вдали расположенныя непріятельскія силы.

«Семенишь! продолжалъ капитанъ, брюхо прочь!.. каши наѣлся, ты, на печи что-ли лежалъ? брюхо»!.. закричалъ онъ во все горло.

Много еще кричалъ Семенъ Семенычъ, употребляя самыя разнообразныя выраженія, наконецъ шеренга, окончательно одобренная, была отпущена домой.

Къ капитану подошелъ фельдфебель.

— Къ вашему высокоблагородію! быстро проговорилъ онъ. Все обстоитъ благополучно, неудовольствіе есть.

— Опять Еремкинъ? вопросительно произнесъ Кренкинъ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, совсѣмъ гнусный солдатикъ, никакихъ, то есть, резоновъ нѣтъ, всякія средствія предпринимали; ваше высокоблагородіе, въ своемъ присутствіи изволили взыскивать, и ничего этого не дѣйствуетъ, просто бездушный человѣкъ совсѣмъ. Жители, ваше высокоблагородіе, жалуются: теперича замужнюю жену увлекъ.

Семенъ Семенычъ замоталъ головой и разразился цѣлымъ потокомъ своего отборнаго лексикона. «Да ты научи меня: что

съ этимъ соглядатаемъ дѣлать? Мазепа, Мазепа и есть!» добавилъ онъ какъ-то жалобно, «ну что?.. ну, подъ судъ отдать»?

— Это, осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, дѣло выйдетъ хлопотливое, а я такъ полагаю, чтобъ въ полицію перечислить, потому тамъ изъ него прокъ будетъ; теперича во 2-й ротѣ, Калиникъ, то есть, такого солдатика свѣтъ не производилъ, а перечислили въ полицію, тамъ первымъ человѣкомъ сталъ!

Семенъ Семенычъ снова выбранился. «Больше ничего нѣтъ?» спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, все благополучно. Еврей Ханкинъ изъ лазарета выписался, больныхъ пятеро.

— Колотыркину легче?

— Легче, ваше высокоблагородіе, нонче рожки ставили, къ обѣду въ апетитѣ былъ, каши просилъ.

— Дать!

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе; счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе! прокричалъ фельдфебель, повернулся налѣво-кругомъ и удалился.

Капитанъ подошелъ къ окну Якова Петровича.

— Видѣли? произнесъ онъ съ сіяющимъ лицемъ, каково ходятъ? травы не сомнутъ!

— Хорошо! замѣтилъ Ползиковъ, только зачтожъ вы сердились?

Семенъ Семенычъ улыбнулся. «Это не отъ сердца, отвѣчалъ онъ, это такъ, нельзя-съ, безъ этого солдатикъ заспитъ, развлеченія ему нѣтъ. Да что вы однѣ сидите? чайку не зайдете ли напиться?

Ползиковъ отказался.

— Нѣтъ ли у васъ, Семенъ Семенычъ, какой нибудь книги почитать?

— Книги? отвѣчалъ Кренкинъ, а есть какая-то, нашъ аудиторъ далъ, да вотъ я поищу, пришлю вамъ.

Капитанъ ушелъ.

Наступили сумерки. Ползиковъ продолжалъ сидѣть у окна, выкуривая папиросу за папиросой. Скоро явился капитанскій деньщикъ съ засаленою, оборваною книжкою. Яковъ Петро-

вичъ отвернулъ одинъ листъ и прочелъ слѣдующее заглавіе: «Рыцарь и красная дѣвица или жизнь, смерть и приключенія двухъ страстныхъ любовниковъ». Ползиковъ съ негодованіемъ швырнулъ книгу, всталъ, вынулъ изъ чемодана стеариновый огарокъ, зажегъ его, досталъ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу, сѣлъ за столъ и принялся писать къ матери. Исписавъ одну страницу, онъ остановился и снова задумался, даже какъ будто слеза выкатилась изъ глазъ его. На дворѣ между тѣмъ совершенно стемнѣло. Кругомъ настала глубокая тишина; казалось, вся деревня вымерла, только въ избѣ скреблась гдѣ-то мышь да копошились тараканы; одинъ изъ нихъ взобрался на эполетъ Ползикова.

Яковъ Петровичъ ничего не замѣчалъ, онъ продолжалъ думать и думать, безсознательно уставивъ глаза на исписанную страницу; мысли его перенеслись сначала въ Петербургъ, въ корпусъ, въ квартиру матери, потомъ перелетѣли въ уѣздный городъ О., въ гостиную фонъ-Глюка. Онъ видѣлъ, какъ Адамъ Адамычъ бережно, съ какою-то особенною любовію, вынималъ свои вещи изъ чемодана, каждую изъ нихъ оглядывалъ, обтиралъ, вытряхалъ, ставилъ на одно, на другое, потомъ на третье мѣсто; какъ умильно гладилъ сукно на мундирѣ, съ какимъ мастерствомъ и знаніемъ дѣла зашивалъ въ бумажку его петлицы и кантики; какъ повѣсилъ провѣтриться и затѣмъ упаковалъ герметически, какъ рѣдкость, которую никогда и надѣвать не придется; какъ мило убралъ свой столъ письменный: посрединѣ поставилъ чугунную чернильницу, по бокамъ два подсвѣчника аплеке, положилъ одинъ томъ исторіи Фридриха Великаго, тотъ самый, который перечитывалъ въ корпусѣ, коробочку облатокъ, палку сургучу, перочинный ножикъ; отошелъ шага на два, прищурилъ глаза, полюбовался и перемѣстилъ ножикъ; затѣмъ досталъ каску, подышалъ на нее, потеръ, подышалъ снова, опять потеръ, посмотрѣлся въ гербъ какъ въ зеркало, увидѣлъ пылинку на носу своемъ и снялъ ее, а каску въ чехолъ уложилъ; потомъ вынулъ сапоги, совсѣмъ новые, повертѣлъ ихъ передъ собою, щелкнулъ въ подошву, сказалъ «гутъ», и спряталъ; досталъ мыло и банку съ ваксой: мыло понюхалъ, а ваксу помѣстилъ съ сапогами, погладилъ са-

ножную щетку, пересчиталъ бѣлье, раздѣлилъ его по названію и достоинству, убилъ муху, сѣвшую на новенькій эполетъ, а эполетъ долго теръ, долго закутывалъ въ бумагу и на коробкѣ надписалъ: «эполеты № 1-й», и мало-ли чѣмъ восхищался, что еще осматривалъ, какихъ надписей на коробкахъ надѣлалъ Адамъ Адамычъ!..

«Счастливецъ! счастливецъ! думалъ Ползиковъ и даже какъ-то иронически улыбался. Ты найдешь себѣ дѣло и развлеченіе; ты нигдѣ не соскучишься! займешься хоть чисткою пуговицъ да мытьемъ перчатокъ, заглянешь въ сотый разъ въ исторію Фридриха; у тебя день размѣренъ, пролиневанъ, какъ записная книжка! ты даже не вздохнешь сильнѣе положеннаго»!..

Яковъ Петровичъ замоталъ головой и закрылъ глаза руками, какъ вдругъ гаркнула, зазвенѣла и засвистѣла солдатская пѣсня: заливался солистъ солдатикъ, отчетливо выговаривая:

«Капитанъ нашъ молодой,
Разлюбезный, удалой!»

А хоръ дружно подхватывалъ:

«Вотъ житье, вотъ бытье!
Вотъ армейское житье!»

IV.

Три года прослужили Глюкъ и Ползиковъ и ничего не измѣнилось въ это время въ полку. Такъ же предводительствовалъ своей компаніи Зарубкинъ, такъ же декламировалъ цитаты изъ Пушкина, такъ же собирался въ коммисаріатъ перейти, такія же вечеринки въ складчину устраивались въ его квартирѣ; адъютантъ такъ же завивалъ свои усики, казначей попрежнему бряцалъ щетами; штабсъ-капитанъ Перыгай-Мачинскій все читалъ Инвалидъ, бредилъ политикой и, въ послѣднее время, предвѣщалъ гибель Англіи; тотъ-же зеленый шелковый халатъ носилъ его превосходительство; не

измѣнился и Семенъ Семенычъ Кренкинъ: попрежнему учился и бранилъ свою роту. Измѣнялось только, смотря по времени года, мѣсто дѣйствія: на лѣто полкъ уходилъ въ лагерь, на зиму возвращался на свои прежнія зимнія квартиры.

Въ одну зиму, живя въ городѣ, Ползиковъ познакомился въ домѣ казначея и сдѣлался постояннымъ его посѣтителемъ.

Нельзя сказать, чтобъ онъ чувствовалъ особое расположеніе къ самому хозяину, Петру Богданычу Шпицбардъ,—такъ звали казначея,—человѣку сухому, исключительно преданному щетамъ и шнуровымъ книгамъ,—нѣтъ, Яковъ Петровичъ сблизился съ его женой, Софьей Васильевной, женщиной лѣтъ двадцати пяти, неглупой, образованной, безъ претензій, съ доброю, пріятною наружностью. Сближеніе это отнюдь не было слѣдствіемъ сердечнаго влеченія.

Ползиковъ радъ былъ, что нашелъ кого нибудь, съ кѣмъ могъ поболтать по душѣ, убить праздное время, разсѣять скуку одиночества; онъ воспользовался приглашеніемъ Софьи Васильевны такъ-себѣ, отъ нечего дѣлать, пошелъ разъ, другой, третій, потомъ, быть можетъ, по силѣ привычки, сталъ бывать чаще и чаще.

Съ своей стороны и казначейша отвѣчала тѣми-же симпатіями. Мужъ ея велъ жизнь однообразную, тихую, въ карты не игралъ, обѣдовъ, ужиновъ не дѣлалъ, а былъ постоянно занятъ. Полковые офицеры посѣщали его болѣе по денежнымъ обстоятельствамъ; рѣдко кто изъ нихъ шелъ провести здѣсь вечеръ: они скучали въ этой тишинѣ семейной жизни, не находили въ ней ничего для себя заманчиваго, требовали другихъ, болѣе шумныхъ развлеченій. Немудрено послѣ этого, что Софья Васильевна привыкла къ Ползикову, всегда радовалась его приходу. Онъ ей читалъ книги, спорилъ съ ней, шутилъ, смѣялся, она играла на фортопьянахъ и общее, скучное, долгое время кое-какъ коротáлось и убивалось.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ Ползиковъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ маленькой, не богато-убранной, но чистенькой гостиной госпожи Шпицбардъ. Сама хозяйка по-

мѣщалась на диванѣ и что-то работала, въ сосѣдней комнатѣ, казначейскомъ кабинетѣ, брацали щеты.

— Знаете, я вамъ новость скажу, говорила Софья Васильевна, улыбаясь и взглядывая на Ползикова, у насъ вчера Глюкъ съ визитомъ былъ.

— Да?.. очень радъ... вамъ понравился? спросилъ Яковъ Петровичъ и улыбнулся.

— Очень!.. онъ такой милый, разсудительный, серьезно замѣтила хозяйка. Стыдно, милостивый государь, надъ товарищемъ смѣяться! вдругъ произнесла она и погрозила пальцемъ.

— Развѣ я смѣюсь, Боже меня сохрани! напротивъ, я желаю ему всего хорошаго, я только не сочувствую ему, не могу сочувствовать,—это дѣло другое! мы слишкомъ не похожи другъ на друга... кто знаетъ! быть можетъ, я во многомъ даже завидую, удивляюсь ему?

— Завидовать не чему, онъ такой же офицеръ, какъ и вы.

— Не такой, Софья Васильевна, позвольте въ этомъ случаѣ вступиться, онъ лучше меня!

— Положительнѣе! поправила хозяйка и углубилась въ работу.

— Нѣтъ, просто—лучше! снова возразилъ Ползиковъ,—у него всегда деньги есть, а у меня никогда; у него отъ жалованья остается экономія, а я долженъ и беру впередъ; онъ всегда одѣтъ какъ съ иголочки, эполеты блестятъ, торчатъ какъ крылушки, у меня вонъ висятъ, почернѣли; онъ увлекается только молочнымъ супомъ, я могу увлечься чѣмъ хотите, я весь—одно увлеченіе и ничего больше. Знаете, какъ живетъ онъ?—у него составлено росписаніе кушаньямъ на всю недѣлю; онъ никогда не истратитъ болѣе пятиалтыннаго на столъ; онъ самъ себѣ бѣлье чинитъ; любитъ чай и пьетъ одинъ стаканъ съ сахаромъ, а другіе въ-прикуску; если сегодня напоитъ кого нибудь, завтра самъ пить не будетъ; онъ никогда не проспитъ, никогда не опоздаетъ на службу; офицеры собираются на ученье, когда видятъ, что Глюкъ прошелъ туда; начальство можетъ приказать ему что хотите—и онъ исполнитъ. Посмотрите, съ какимъ рвеніемъ маршируетъ онъ,

какъ командуетъ, какъ вытягивается передъ генераломъ!— прелесть! какое-то невольное величіе чувствуешь!

— Насмѣшникъ! замѣтила Софья Васильевна и улыбнулась.

— Что дѣлать! зато васъ разсмѣшилъ, отвѣтилъ Ползиковъ со вздохомъ.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Знаете, Яковъ Петровичъ, вы играете роль разочарованнаго? вопросительно произнесла хозяйка и взглянула на гостя.—Правда? признайтесь, будьте откровенны.

— Нисколько, напротивъ. Если вамъ угодно знать, я ищу очарованія, только не нахожу его. Чѣмъ же я виноватъ, если до сихъ поръ не встрѣтилъ человѣка по душѣ себѣ! явись онъ, протяни мнѣ только руку,—я первый брошусь къ нему на шею; я ли виноватъ, если окружающее общество не нравится мнѣ, если его интересы не трогаютъ, не волнуютъ меня, если наконецъ оно не въ моемъ характерѣ? Да, притомъ, развѣ я не заглядывалъ въ это общество, не знакомился съ нимъ? ну, быть можетъ, оно недоступно моимъ понятіямъ, выше, лучше меня!..

— Хладнокровнѣе! замѣтила Софья Васильевна, вы слишкомъ строго смотрите на все: хотите совершенства, гдѣ оно? загляните поглубже, помиритесь, вездѣ есть добрые, хорошіе люди.

— Кто же говоритъ! я совершенно согласенъ съ вами; только эти люди не по вкусу мнѣ, вотъ и все! Да притомъ... Онъ не договорилъ и взглянулъ на хозяйку.

Она замялась и слегка покраснѣла.

Ползиковъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Знаете, что, Софья Васильевна? продолжалъ онъ, позвольте говорить прямо: вы составляете для меня истинную поддержку; не будь васъ, я бы, кажется, рехнулся съ тоски и бездѣлья.

Казначейша украдкой взглянула на гостя, и тотчасъ же опустила глаза на свою работу.

— Вотъ какъ! произнесла она протяжно; это, кажется, изъ какого-то романа?

— Нѣтъ, не изъ романа, а изъ самой обыкновенной, да-

же горькой дѣйствительности. Въ васъ я нашелъ человѣка, съ которымъ дѣлюсь своими мыслями, впечатлѣніями, который не смотритъ на меня дико, который наконецъ понимаетъ меня, даже сочувствуетъ мнѣ! Извините за правду, заключилъ онъ съ жаромъ.

— Полноте, Яковъ Петровичъ, вы право меня краснѣть и сердиться заставляете! перестаньте... я вамъ лучше новость скажу: одинъ изъ вашихъ сослуживцевъ къ кресту представленъ.

— Очень радъ!

— Боже мой! какой вы несносный!.. васъ должно интересовать это, вѣдь вы служите.

— Служу! со вздохомъ произнесъ Ползиковъ, вы знаете, какая моя служба, добавилъ онъ.

— И очень дурно дѣлаете. Стыдно, милостивый государь! Я васъ тоже распекать буду. Вы этимъ роняете себя во мнѣніи начальства; кажется, служба ваша не обременительна.

Ползиковъ улыбнулся.

— Знаете, Яковъ Петровичъ, мнѣ право больно за васъ. Помните, лѣтомъ, въ лагеряхъ, эти безпрестанные выговоры генерала, его рѣзкія замѣчанія, вѣдь они же трогали васъ, неужели не было средства ихъ избѣгнуть, неужели эти ученья такъ для васъ трудны?

— Невозможны! отвѣтилъ Ползиковъ. Чтожъ мнѣ дѣлать, я самъ знаю, самъ сознаю себя виноватымъ, желаю поправиться—и не имѣю ни силы, ни воли; ну, можетъ природа обидѣла меня, не дала мнѣ средствъ для всего этого.

— Вы бы подъучились, наивно замѣтила хозяйка.

— Не могу, способностей нѣтъ, отвѣтилъ Ползиковъ.

Они оба засмѣялись.

Въ комнату вошелъ Петръ Богданычъ и обратился съ вопросомъ къ женѣ:

— Какъ ты думаешь, Соничка, я полагаю Харченку изъ кучеровъ поваромъ сдѣлать, а повара въ кучера перечислить?

— Право не знаю, отвѣтила Софья Васильевна, озада-

ченная неожиданнымъ вопросомъ; да какъ же?—тотъ править не умѣетъ, а этотъ готовить?!. добавила она.

— Выучатся! рѣшительно замѣтилъ Петръ Богданычъ, потому Харченко совсѣмъ не кучеръ, лошадей боится. А вамъ, Яковъ Петровичъ, жалованья-то и копѣйки получить не придется: забрали все, добавилъ онъ, обращаясь къ Ползикову.

— Забралъ-съ! со вздохомъ отвѣтилъ послѣдній.

Казначей высморкался, постоялъ съ минуту, и удалился.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

— Знаете, что̀, Яковъ Петровичъ? начала хозяйка, мнѣ кажется вы не на своемъ мѣстѣ, вамъ не слѣдовало бы служить въ военной службѣ! Право, когда я смотрю на васъ одѣтаго въ мундиръ, мнѣ какъ-то жаль васъ становится: такъ онъ нейдетъ къ вамъ!.. ну, посмотрите и теперь, право, вы совсѣмъ на офицера не похожи.

— Не знаю, вонъ вашъ Харченко тоже не на мѣстѣ, отвѣтилъ Ползиковъ, все равно! добавилъ онъ.

— Какъ все равно? Полноте, не стыдно ли вамъ! что̀ за равнодушіе къ себѣ и своему положенію, что̀ за отчаяніе!—на все есть средства.

— Нѣтъ, Софья Васильевна, къ сожалѣнію, не на все! А если и есть, то средства трудныя, почти невозможныя. Я право не понимаю, что̀ за разговоръ завязался у насъ, къ чему? Мнѣ все это такъ надоѣло, опостылѣло; я только и спокоенъ, что у васъ да у себя дома,—и вдругъ вы начинаете толковать о службѣ, крестахъ, чинахъ!.. Еслибы зналъ, ей Богу не пошелъ бы къ вамъ.

— Боже мой! вы кажется не на шутку разсердились?

— Скучно, Софья Васильевна, ей Богу скучно!.. безъ-того на меня находитъ такая хандра, что я жизни не радъ; куда ни оглянись, вездѣ душно; дайте хоть у васъ подышать свѣжимъ воздухомъ, разсѣяться!..

— Да мнѣ жаль васъ, Яковъ Петровичъ, вы убиваете себя, а все оттого, что у васъ прямаго дѣла нѣтъ; ну, займитесь чѣмъ нибудь.

— Чѣмъ-же?.. вонъ Глюкъ себѣ туфли по канвѣ вышилъ, я не умѣю. Книгъ нѣтъ, достать негдѣ, какія были

всѣ перечиталъ; ну, и остается мечтать, строить воздушные замки; теперь, отъ нечего дѣлать, азбукѣ хозяйскаго сына учу, а въ деревнѣ жилъ—крестьянъ лечилъ, все хоть польза какая нибудь. Впрочемъ, право этотъ разговоръ слишкомъ тяжелъ для меня, лучше сыграйте что нибудь, или будемъ читать Пушкина.

Въ комнату вошелъ адъютантъ; онъ ловко поклонился, брякнулъ шпорами и какъ-то подозрительно взглянулъ на Ползикова.

Яковъ Петровичъ и хозяйка привстали.

— Bon jour! что новаго?.. сказала Софья Васильевна, обращаясь къ вошедшему и указывая ему на стулъ.

— О! новостей не оберешься, съ чего прикажете начать? первое, entre nous soi dit, адъютантъ понизилъ голосъ и вставилъ въ глазъ лорнетку, — одинъ офицеръ къ наградѣ представленъ... но какую шубу себѣ сдѣлалъ маіоръ—это выше всего! Можете себѣ представить!—енотъ! а воротникъ—боберъ, совершенно сѣдой! Адъютантъ провелъ рукою по воздуху. Что еще?.. продолжалъ онъ, закручивая свои усики, да! представьте, производство нынче маленькое будетъ, вотъ четвертый годъ въ чинѣ сижу... ну, остальное знаете; завтра балъ у судьи,—ей Богу отъ этой кутерьмы съ ума сойдешь, тутъ и служба и танцы, завтра ужъ на всѣ кадрили дамъ ангажировалъ, c'est affreux... Ахъ,чтобъ не забыть! васъ, Яковъ Петровичъ, завтра генералъ къ себѣ требуетъ, добавилъ адъютантъ совершенно неожиданно.

— Меня? это зачѣмъ?

— Право не знаю, вѣроятно, желаетъ васъ видѣть, заключилъ адъютантъ, побрякивая шпорами.

Софья Васильевна вопросительно взглянула на Ползикова.

— Быть можетъ,.. c'est à dire, я говорю свое мнѣніе, есть маленькое обстоятельство, продолжалъ адъютантъ, на послѣднемъ дежурствѣ вы, кажется, насчетъ пищи людей что-то замѣтили.

— Ахъ, Яковъ Петровичъ, охота вамъ навлекать на себя непріятности! замѣтила казначейша съ упрекомъ.

— Я только исполнилъ долгъ свой какъ дежурный офицеръ, возразилъ Ползиковъ.

— Позвольте, Яковъ Петровичъ, дежурный офицеръ обязанъ смотрѣть, такъ сказать, только за внѣшнимъ порядкомъ.

— То есть за какимъ-же внѣшнимъ?.. Вѣроятно вамъ извѣстно, что въ батальонѣ существуетъ даже пробная порція, длячего-жъ она послѣ этого?

— Это для формы, такъ ужъ заведено, замѣтилъ адъютантъ.

Ползиковъ пожалъ плечами.

— Безъ этого нельзя-съ, Яковъ Петровичъ, вы по неопытности увлекаетесь, субалтернъ офицеръ въ полку, такъ сказать, только, только... адъютантъ замялся.

— Что-жъ онъ? спросилъ Ползиковъ.

— Да, ничего, просто офицеръ! рѣшилъ адъютантъ.

Яковъ Петровичъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Адъютантъ всталъ и щелкнулъ шпорами.

— **Au revoir**! Софья Васильевна,.. нужно еще Петра Богданыча навѣстить,.. мое почтеніе! добавилъ онъ, кланяясь и уходя въ другую комнату.

Казначейша взглянула на Якова Петровича, онъ сидѣлъ, понуривъ голову.

— Боже мой! я право боюсь за васъ, Яковъ Петровичъ, успокойтесь, вы такъ разстроены, ну что-жъ дѣлать! сказала Софья Васильевна и тяжело вздохнула.

— Не разстроенъ, а взбѣшонъ, поправилъ Ползиковъ, мое положеніе становится страшнымъ, что-жъ будетъ дальше?.. за что-жъ гибну я?.. чѣмъ-же все это кончится?.. ужасно, ужасно!.. Онъ закрылъ глаза руками.

Въ комнату вошелъ казначей.

— Знаешь что, шеръ, говорила Софья Васильевна мужу, Якова Петровича завтра генералъ къ себѣ требуетъ.

— Да-съ, распечка маленькая, отвѣтилъ Петръ Богданычъ очень весело. А что? и закусить бы пора, выпьемте-ка водочки, авось, легче будетъ!

— Покорно благодарю, не пью, отвѣтилъ Ползиковъ, я и то засидѣлся... Прощайте, Софья Васильевна, прощайте, Петръ Богданычъ! Онъ пожалъ имъ обоимъ руки.

— Смотрите, завтра зайдите, разскажите,.. лучше бы ужъ меня распекли! сказала хозяйка, провожая гостя.

Онъ ничего не отвѣтилъ и крѣпко поцѣловалъ ея руку

На другой день утромъ Ползиковъ напялилъ на себя мундиръ и отправился къ начальнику.

Войдя въ пріемную комнату, онъ остановился и кашлянулъ, давая тѣмъ знать о своемъ прибытіи. У генерала докладчиковъ не было и кашель означалъ присутствіе посторонняго лица. Ползиковъ кашлянулъ второй, третій, четвертый разъ, никто не являлся, наконецъ онъ громко высморкался и скоро, въ сосѣдней комнатѣ, раздалось шарканье туфель и фигура генерала, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, явились въ пріемную и остановилась у порога.

Яковъ Петровичъ поклонился —. —. —

Не знаю, что̀ происходило въ начальнической пріемной, только голосъ генерала звучалъ громче обыкновеннаго, но словъ не было слышно. Спустя съ четверть часа, Ползиковъ вышелъ и въ передней столкнулся съ адъютантомъ.

— Ну-что, какъ?... заговорилъ послѣдній торопливо.

— Вѣдь вы слышали? отвѣтилъ Яковъ Петровичъ, съ ироніей, оглядывая своего сослуживца.

— Я только что вошелъ, ейБогу! произнесъ адъютантъ, особенно ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Очень жаль,.. если такъ, то спросите у генерала, онъ повторитъ, заключилъ Ползиковъ и вышелъ на лѣстницу.

На дорогѣ онъ встрѣтился съ Глюкомъ.

— Тебя генералъ звалъ?! произнесъ послѣдній какъ-то таинственно, вытаращивъ глаза на товарища.

— Я былъ! отвѣтилъ Ползиковъ и хотѣлъ идти.

— Постой,.. скажи, много говорилъ?

— Много!

— Что ты предпримешь теперь?

— Ничего,.. домой иду.

— Нужно стараться загладить,.. очень усердно служить.

— Нужно,.. прощай!

Ползиковъ удалился, но Адамъ Адамычъ догналъ его.

— Скажи,.. генералъ сердитъ очень? спросилъ онъ.

— Очень, очень, очень! громко отвѣтилъ Яковъ Петровичъ и прибавилъ шагу.

*

Возвратившись къ себѣ на квартиру, Ползиковъ снялъ мундиръ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ столу, взялся за голову и задумался. Съ часъ просидѣлъ онъ въ такомъ положенiи, неподвижно, какъ бы собираясь на что-то рѣшительное, наконецъ вынулъ большой листъ почтовой бумаги и принялся писать къ матери слѣдующее посланiе.

«Любезная, дорогая матушка! Простите меня, если письмо мое, быть можетъ, огорчитъ, разстроитъ васъ. Давно я хотѣлъ откровенно поговорить съ вами и наконецъ рѣшился; прошу объ одномъ, выслушайте меня со вниманiемъ, обсудите, обдумайте, вникните въ мое положенiе.

«Вотъ уже четвертый годъ, какъ я офицеръ по мундиру и несчастный человѣкъ по той роли, которую играю; настоящая моя служба рѣшительно не по нутру мнѣ, я не способенъ къ ней ни физически, ни нравственно. Долго я скрывался передъ вами, долго боролся самъ съ собою, думалъ преодолѣть, изнасиловать себя, но все это не повело ни къ чему лучшему. Я не приношу пользы ни себѣ, ни обществу; мнѣ стыдно, больно, я не служу, а только показываю видъ службы, обманываю и другихъ и самого себя; я лишнее бремя въ полку, болѣзнь его. Вы спросите, отчего это происходитъ?.. Не знаю, только не отъ лѣни или нерадѣнiя, я самъ не понимаю себя, сознаю одно, я хочу работы, хочу знанiя, я чувствую, что ничего не знаю, я способенъ на что нибудь; вотъ мысли, которыя меня преслѣдуютъ, не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Настоящее мое назначенiе не для меня, я останусь вѣчнымъ въ немъ гостемъ, смѣшнымъ, жалкимъ, неловкимъ. Я ни на кого и ни на что не жалуюсь, обвиняю только самого себя, свою тревожную, слишкомъ сильно бьющуюся натуру. Душа моя проситъ пищи, рвется къ чему-то родному, ей свойственному; я хочу другой жизни. Отъ вашего материнскаго совѣта зависитъ воскресить, успокоить меня, направить мои силы на новый путь, болѣе свойственный и уму и сердцу. Если вы хотите моего обновленiя, позвольте мнѣ выйдти въ отставку, я прiѣду въ Петербургъ, я найду работу себѣ, я готовъ трудиться день и ночь, во мнѣ есть потребность труда, есть силы, грѣшно же пренебрегать ими, зарывать

ихъ въ землю; пройдетъ еще годъ, другой и поздно будетъ, тогда не вернешь назадъ потеряннаго. Простите меня, матушка, не бойтесь моего желанія, оно вылилось изъ необходимости, изъ глубины сердца, не сочтите его за увлеченіе молодости, нѣтъ, тремя годами здѣшняго моего пребыванія обдумано оно; это плачъ души, переполненной болью и нестерпимостью ей несвойственнаго положенія, это голосъ совѣсти, задавленный до сихъ поръ притворствомъ передъ другими и предъ самимъ собою. Мнѣ не нужно денегъ, я пѣшкомъ приду въ Петербургъ, прошу одного вашего материнскаго благословенія на новый путь, на новую жизнь. Я преданный вамъ сынъ, матушка; я любилъ и люблю покаместъ только однѣхъ васъ; изъ одной этой любви къ вамъ, я не позволю себѣ сдѣлать ничего худаго, ничего меня недостойнаго, только нашего обоюднаго счастія желаю я. Прощайте! Тысячу разъ цѣлую васъ и со слезами, на колѣняхъ прошу прощенія, если невольно огорчилъ васъ.

Преданный вамъ сынъ, Я. Ползиковъ.»

Яковъ Петровичъ перечиталъ письмо, дрожащими руками сложилъ его, запечаталъ, надписалъ адресъ Пелагеи Ивановны, кликнулъ вѣстоваго и отправилъ свое посланіе на почту. Потомъ онъ вздохнулъ такъ, какъ будто гора съ его плечъ свалилась, бросился на постель, пролежалъ нѣсколько времени, наконецъ одѣлся и отправился къ Софьѣ Васильевнѣ.

Въ это же самое время, Глюкъ сидѣлъ, углубившись, у своего письменнаго стола съ чугунной чернильницей; передъ нимъ лежала довольно толстая, на-половину исписанная, тетрадь; на заглавномъ листѣ ея было четко, очень красиво написано: «дневной журналъ господина прапорщика ....скаго пѣхотнаго полка, Адама Адамыча фонъ-Глюка».

Не желая утомлять читателя чтеніемъ всего журнала, мы выпишемъ только нѣкоторые дни, болѣе выражающіе образъ жизни и характеръ товарища Ползикова, въ теченіи трехъ лѣтъ со дня поступленія его на службу.

21-го сентября .... года.

Прибылъ въ полкъ. Явился къ генералу, онъ очень обласкалъ и говорилъ много пріятнаго. Ползикова назначили въ деревню. Онъ очень горюетъ, а я радъ, потому, одному

жить можно экономнѣе. Разобралъ всѣ вещи, новый сюртукъ въ дорогѣ измялся, но это ничего, повѣсить—пройдетъ, еще одинъ носокъ пропалъ неизвѣстно куда. Денегъ въ остаткѣ оказалось 43 рубля 37 коп: сер.; квартирой я очень доволенъ; какъ все убралъ, хорошо сдѣлалось. Вечеромъ осматривалъ городъ, достопримѣчательностей никакихъ не имѣется.

17-го октября.

Сегодня пріобрѣлъ у Еврея очень дешево шесть новыхъ платковъ, платки тонкіе и безъ бумаги. Вообще здѣсь въ городѣ можно жить выгодно. Въ прошлый мѣсяцъ было прожито 9 руб. 21 коп.; по приблизительному расчету въ годъ можетъ остаться экономіи около 70 руб. сер.; это очень хорошо, богатѣйшіе часы пріобрѣсти можно. Генералъ спрашивалъ, не родственникъ-ли мнѣ какой то генералъ-маіоръ фонъ-Глюкъ, я сказалъ нѣтъ, мнѣ неизвѣстно, какой Глюкъ генераломъ сдѣлался?

7-го ноября.

Вчера былъ дежурный по батальону, все обстояло благополучно.

29-го ноября.

Неизвѣстно, зачѣмъ заходилъ господинъ Зарубкинъ, долго сидѣлъ и все въ лице мнѣ смотрѣлъ, полагать слѣдуетъ денегъ хотѣлъ взаймы просить, но я понялъ и впередъ сказалъ: денегъ не имѣю.

15-го декабря.

Всталъ въ восемь часовъ. Чай пилъ. Читалъ исторію Фридриха Великаго, интересно знать жизнь такого великаго человѣка. Сосчиталъ расходъ и деньги, привелъ вещи въ порядокъ. Эполеты очень скоро чернѣютъ, нужно укладывать такъ, чтобъ воздуху не попадало. Обѣдалъ. Вѣстовой очень хорошій супъ сварилъ. Пошелъ гулять, я всегда послѣ обѣда гуляю, это здорово, пищеваренію способствуетъ. Пробовалъ свою силу, могу пять пудовъ подымать. Вечеромъ пошелъ къ городничему, онъ свою рану давалъ смотрѣть, большая и весьма поучительная рана. Въ 10-ть часовъ спать легъ.

26-го декабря.

Очень любовался какъ командиръ 4 й роты живетъ, большой порядокъ и хозяйство хорошое, это все его Авдотья Семеновна распоряжается, куръ много, всегда яйца свѣжія, корова тоже есть, огородъ свой, все отлично устроено. Я еще ротнымъ командиромъ не скоро могу быть.

16-го февраля.

Былъ въ караулѣ, все обстояло благополучно.

7-го іюня.

Полкъ пошелъ въ лагери. Большой расходъ эти лагери составляютъ, одинъ подъемъ стоитъ 10 р. 12 коп. сер. Ползиковъ просилъ денегъ взаймы, я отказалъ. Съ какой стати онъ думаетъ, что я деньги имѣю?

3-го іюля.

Было батальонное ученье. Генералъ замѣтилъ, что я очень отчетливо командую, это хорошо. Ползиковъ совсѣмъ ничего не знаетъ, все путаетъ.

21-го іюля.

Генералъ очень Ползикова распекъ и меня въ примѣръ поставилъ, «исполнительнымъ офицеромъ» называлъ. Я поклонился. Ползиковъ совсѣмъ дисциплины не знаетъ, стоитъ предъ генераломъ и руки къ каскѣ не прикладываетъ, полагать надо, онъ завидуетъ на мое отличіе.

1-го сентября.

Послѣ лагерей я поздоровѣлъ и возмужалъ очень; новый сюртукъ передѣлывать приходится.

15-го октября.

Рота стоитъ въ деревнѣ, я радъ, здѣсь жить дешевле можно, все одинъ бываешь. Познакомился съ становымъ приставомъ, очень почтенный человѣкъ, приглашалъ меня обѣдать къ себѣ.

10-го декабря.

Всталъ въ восемь часовъ. Много ходилъ. Пилъ чай и молоко. Дѣлалъ переплетъ на уставъ; переплетнымъ мастерствомъ очень весело заниматься; вымылъ перчатки. Обѣдалъ у становаго пристава, пилъ у него чай и кислое молоко ужиналъ. Пробовалъ силу, могу подымать $6^1/_4$ пудовъ.

11-го декабря.

Всталъ въ восемь часовъ. Гулялъ. Пилъ чай и молоко. Занимался мелочами по хозяйству. Обѣдалъ. Гулялъ. Занимался мелочами по хозяйству. Чай пилъ. Въ девять часовъ спать легъ.

12-го декабря.

Ничего замѣчательнаго не произошло, тоже что и вчера.

13-го декабря.

Тоже что и вчера. Ночью спалъ дурно.

5-го января.

Пріобрѣлъ часы съ цѣпочкой!—На доскѣ своей гербъ велѣлъ вырѣзать. Ходятъ очень вѣрно. Впослѣдствіи нужно шубу пріобрѣсти.

3-го марта.

Очень большая грязь сдѣлалась, ходить совсѣмъ нельзя, нужно все дома сидѣть. Воспользовался временемъ и занялся мелочами по хозяйству.

4-го марта.

Занимался мелочами по хозяйству.

5-го марта.

Занимался мелочами по хозяйству.

13-го іюля.

Сегодня случилось большое несчастіе, я опоздалъ на ученье и получилъ генеральское замѣчаніе. Много бранилъ себя, зачѣмъ я проспалъ, такая судьба скверная. Виноваты мухи, занавѣсилъ палатку, чтобъ темно сдѣлать и не замѣтилъ какъ утро пришло; на будущее время буду благоразумнѣе, отъ мухъ ничего не сдѣлается, какъ служба требуетъ, такъ и поступать надлежитъ. Много бранить себя нужно!

18-го августа.

Большая радость! Произведенъ въ подпоручики. Генералъ поздравилъ и желалъ дослужиться до генеральскаго чина. Теперь жалованье прибавилось, можно пропорціонально и расходъ увеличить. Сегодня очень хорошо обѣдалъ и бутылку пива выпилъ. Послѣ обѣда мимо окна очень хорошенькая прошла, я засмѣялся, она засмѣялась, эти женщины весьма лукавы. Подпоручикъ совсѣмъ другой видъ имѣетъ,

я очень радъ. Вечеромъ пошелъ въ гости, всѣ поздравляютъ и желаютъ много. Дай Богъ!

3-го ноября.

Генералъ распекалъ Ползикова, онъ совсѣмъ службы не знаетъ и дѣлаетъ не свое дѣло; жаль, изъ него очень неблагонадежный офицеръ вышелъ. Полагать надо генералъ меня опять въ примѣръ поставилъ, потому Ползиковъ весьма странно посмотрѣлъ на меня и ничего говорить не хотѣлъ. Вообще я всѣмъ вполнѣ доволенъ, служба моя идетъ очень хорошо, расходовъ мало, послѣ лагерей можетъ буду къ кресту представленъ. Дай Богъ!

Этотъ послѣднiй день дневника Глюкъ велъ въ то самое время, когда Яковъ Петровичъ писалъ письмо къ матери.

Недѣли черезъ три Ползиковъ получилъ слѣдующiй отвѣтъ отъ Пелагеи Ивановны:

«Господь съ тобою, голубчикъ Яша! Не знаю, какъ у меня и духу хватило прочитать письмо твое, взгляну на него да такъ и обомру, глазамъ своимъ не вѣрю, сынъ ли родной, мой ненаглядный, пишетъ это? Лишилъ ты меня послѣдняго спокойствiя, видно по грѣхамъ моимъ Господь Богъ наказываетъ меня. Опомнись, Яша, что̀ ты вздумалъ надъ головой своей сдѣлать? я право и ума не приложу что̀ за фанаберiю ты затѣялъ. Какъ получила твое письмо, съ тѣхъ поръ глазъ не осушаю. Не понимаю я, чѣмъ же нехороша твоя служба; какой еще нужно? вѣрно, не хуже тебя люди служатъ да не жалуются; развѣ можно смѣнить офицерскiй мундиръ на какой нибудь фрачишко? Что̀ ты, Яша, такой-ли офицеру и почетъ вездѣ?—Вонъ тебѣ, ничего не видя, и второй чинъ дали, а Богъ дастъ-и полковникомъ будешь, тамъ и до генерала не далеко, неужто и этого мало тебѣ? Лучше бы старался въ коммисарiатскую часть перейдти: сказываютъ, хорошо служить тамъ, а то, Господи, Господи! этакiя страсти затѣялъ. Про какую это работу, дѣятельность какую-то что ли, пишешь ты? Не въ плотники же пойти тебѣ. Полно, Яша, не губи меня и себя, опомнись! ты дворянское дитя, не мужикъ какой нибудь. Развлекись лучше, въ городѣ вашемъ вѣрно и дѣвицы есть, танцовалъ бы больше, а если которая понравится, такъ на это дѣло я и благословить не прочь, и на

свадьбу бы къ тебѣ пріѣхала, только смотри, чтобы не опутали; тебѣ безъ денегъ нельзя жениться, а тамъ, говорятъ, денежныя есть, изъ купеческихъ. Разсуди самъ, голубчикъ Яша, дѣло ли говоришь ты; пишешь, что ничего не знаешь, что учиться хочешь, какое же тебѣ теперь ученье? развѣ мало учили въ корпусѣ? кажется всякія науки проходили. Бывало, слушаешь, какъ ты урокъ твердишь да только дивишься, не звѣздочетомъ же, въ самомъ дѣлѣ быть тебѣ. Помолись ты лучше Богу, чтобы отрѣшилъ отъ тебя грѣховныя мысли, да, благословясь, за службу примись; а я, какъ получила твое письмо, тотчасъ въ церковь сходила, Іоанну Воину за твое здравіе молебенъ отслужила; показывала я письмо твое Антонъ Антонычу, онъ тоже надивиться не могъ, говоритъ, что должно быть начитался чего нехорошаго. Ради Бога, умоляю тебя, Яша, выкинь вздоръ изъ головы, если только считаешь меня за мать свою, если хочешь моей жизни, не губи себя. Ужъ не обокрали ли тебя тамъ, можетъ прямо сказать не хочешь, такъ обиняками писать вздумалъ, или, ужъ... и сказать боюсь,... не выпивши ли нагородилъ ты этакъ?—порокъ это, большой порокъ! У насъ въ церкви священникъ новый, молодой такой, а служитъ хорошо. Прощай! да благословитъ тебя Богъ; молись ему, онъ сохранитъ отъ всѣхъ золъ и напастей.

Любящая тебя мать.

V.

Потянулось опять своимъ чередомъ время и служба Якова Петровича. Дни, недѣли, мѣсяцы смѣняли другъ друга, но ни что не волновало, не разнообразило сонную жизнь Ползикова. Прошла зима, наступило время лагеря, а съ нимъ ученья, дежурства, караулы, тамъ опять зима, за нею опять лагери и потомъ снова долгіе осенніе вечера. Такъ же Ползиковъ просиживалъ ихъ въ гостиной казначея, на томъ же диванѣ помѣщалась Софья Васильевна, съ работой въ рукахъ, такъ-же щелкали щеты въ сосѣдней комнатѣ.

— Ну что? опять распекли вчера? спрашивала казначейша, встрѣчая въ дверяхъ вошедшаго Якова Петровича.

— Конечно, распекли, отвѣтилъ послѣдній, и махнулъ рукой. Знаете, продолжалъ онъ, садясь на кресло, право я сталъ совершенно равнодушенъ. Видно, сама судьба мнѣ опредѣлила вѣкъ прокоптѣть здѣсь, ничего не дѣлать, вечера у васъ просиживать, а тамъ умереть съ чистой совѣстью... вѣдь прямо въ рай попадешь!

— Чего вы только не выдумаете! замѣтила хозяйка.

— Серьезно, Софья Васильевна! вѣдь ужъ безмятежнѣе моей жизни ничего быть не можетъ; всѣ люди хлопочутъ, бьются изъ-за чего-то, ломаютъ себѣ головы, завидуютъ, обманываютъ другъ друга, а я то, Господи! Господи! Онъ развалился на креслѣ. День деньской ничего не дѣлаешь, лежишь себѣ! встанешь, пообѣдаешь, тамъ къ вамъ пойдешь и каждый день одно и то же, хорошо, спокойно, тепло, уютно, иной разъ всякую мысль отъ себя гонишь, даже думать лѣнь!

— А что жъ книги? вы достать обѣщались.

— Извините, Софья Васильевна, не успѣлъ.

— Не успѣли... и вамъ не стыдно?

— Что-жъ дѣлать! не собрался, все думаешь, сходить нужно.

— А помните, два года назадъ, за десять верстъ вы бѣгали за журналами.

— Помню!.. моложе былъ!.. Онъ слегка зѣвнулъ.

— Очень хорошо! какъ это весело! вы, кажется, сюда досыпать приходите? замѣтила хозяйка.

— Простите, Софья Васильевна, впередъ не буду, отвѣтилъ Ползиковъ, улыбаясь.

— Не будете!.. повторила она и тяжело вздохнула.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Знаете, вы что-то не веселы сегодня, даже какъ будто глаза заплаканы? говорилъ Яковъ Петровичъ, глядя на хозяйку

— Нисколько!.. съ чего вы взяли? мнѣ не съ чего ни плакать, ни веселиться! Она опустила голову и принялась усерд-

но работать. Я вамъ новость скажу, угадайте, какую? добавила она, нѣсколько минутъ спустя, не подымая головы.

— Знаю, кто нибудь къ наградѣ представленъ, или купилъ новую лошадь или часы проигралъ?

— Не угадали! замѣтила казначейша и пытливо взглянула на Якова Петровича. Новость болѣе для меня важная, даже, быть можетъ, интересующая и васъ, добавила она и какъ–то грустно улыбнулась.

— Скажите прямо, я угадывать не мастеръ.

— Не скажу, угадайте... новость важная и для мужа и для меня. Она сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ и снова пристально взглянула на гостя.

— Что–жъ бы это такое?.. право не знаю! развѣ Петръ Богданычъ мѣсто получилъ: онъ все хлопоталъ, кажется, какъ–то нерѣшительно сказалъ Ползиковъ и, въ свою очередь, посмотрѣлъ на хозяйку.

Она молча кивнула головой, въ знакъ согласія.

Немного помолчали. Яковъ Петровичъ все смотрѣлъ на хозяйку. Она работала.

— Какое же мѣсто? не совсѣмъ твердымъ голосомъ спросилъ первый.

— Мѣсто въ Петербургѣ, отвѣтила казначейша, не подымая головы.

— Стало–быть, вы уѣзжаете?

— Да!.. какъ-то глухо выговорила Софья Васильевна.

Яковъ Петровичъ опустилъ глаза и гасилъ въ пепельницѣ папироску.

Въ комнату вошелъ казначей и подтвердилъ сказанное.

— Да-съ, Яковъ Петровичъ, говорилъ онъ, растягиваясь на креслѣ, мѣстишко ничего, изрядное, жить можно! Этакъ, недѣли черезъ три, Богъ дастъ, и выберемся отсюда. Кто-то у васъ казначеемъ будетъ?

Ползиковъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ взялся за шапку, раскланялся и крѣпко пожалъ руку Софьи Васильевны.

Она отвѣтила тѣмъ же.

Выйдя на улицу, онъ тяжело вздохнулъ, взглянулъ на

окно только-что оставленной гостиной: тамъ стояла хозяйка и слегка кивала ему головой.

Яковъ Петровичъ низко поклонился и побрелъ далѣе.

Придя къ себѣ на квартиру, онъ, не раздѣваясь, бросился на постель и закрылъ глаза руками, потомъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ и принялся писать слѣдующее письмо:

«Многоуважаемая и добрѣйшая Софья Васильевна! Простите меня, если я рѣшаюсь писать къ вамъ: быть можетъ, обстоятельства не позволятъ мнѣ лично, откровенно поговорить съ вами, быть можетъ, у меня не хватитъ на это и смѣлости.

Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я имѣю честь, или, вѣрнѣе, счастіе пользоваться вашимъ знакомствомъ, даже, смѣю думать, вашимъ нѣкоторымъ расположеніемъ, вашею ко мнѣ привычкою; счастіемъ потому, что знакомство это до сихъ поръ поддерживало меня, спасало отъ многаго. Когда я ѣхалъ сюда въ полкъ, я мысленно представлялъ себѣ свое будущее, я думалъ служить со всѣмъ усердіемъ и что-жъ вышло!... Кто виноватъ?.. Положимъ, я, или, лучше сказать, моя молодость, мое тревожно-бьющееся сердце, пусть такъ, не все-ли равно? Я ни въ чемъ не раскаяваюсь, не могу раскаяваться, я разочаровался во всемъ; всѣ мечты мои, всѣ надежды разбились о горькую дѣйствительность. Только въ бесѣдахъ съ вами, въ этихъ милыхъ вечерахъ въ вашей гостиной, въ этихъ иногда даже отрывочныхъ фразахъ, я отыскалъ утѣшеніе для себя; кромѣ васъ, въ окружающемъ обществѣ, для меня не существовало другихъ людей, я забылъ ихъ, я жилъ только вами, вы были моимъ ангеломъ-хранителемъ. Я любилъ и люблю васъ, нетолько какъ женщину, но какъ истиннаго друга, какъ человѣка, который понималъ меня, не смѣялся надъ моими убѣжденіями, снисходительно выслушивалъ ропотъ больной души моей. Я никогда не задавалъ себѣ вопроса, что рано или поздно могу лишиться этого послѣдняго сокровища, никогда не думалъ о слѣдствіяхъ этого лишенія и только теперь чувствую, что съ потерею васъ лишаюсь жизни, умру если не физически, то по крайней мѣрѣ нравственно. Я ничего не требую отъ васъ, да и

не могу требовать, я только хочу высказаться окончательно передъ вами, раскрыть душу, поблагодарить за то вліяніе, которое до сихъ поръ охраняло, спасало меня, вѣяло вокругъ меня здоровой атмосферой; мнѣ легче отъ этого будетъ, какъ бывало всегда, когда я, въ самыя тяжкія для себя минуты находилъ облегченіе въ бесѣдѣ съ вами. Да, съ сегоднишнимъ вечеромъ все кончено!.. онъ такъ тяжелъ для меня, что все мнѣ кажется, будто я вижу во снѣ ужасную новость вашего отъѣзда. Софья Васильевна! объ одномъ умоляю васъ, не выкиньте меня изъ вашей памяти, дайте еще пожить хоть сю. Клянусь честію, вы не найдете болѣе преданнаго вамъ друга. Пишите иногда ко мнѣ и позвольте мнѣ писать къ вамъ, это будетъ лучшимъ лекарствомъ, спасеніемъ для умирающаго; говорить, думать съ вами сдѣлалось моею потребностію, какъ пища, какъ воздухъ; не лишайте же меня этихъ послѣднихъ элементовъ для жизни. Дай Богъ вамъ полнаго, истиннаго счастія. Господи! зачѣмъ обстоятельства сковали меня, не позволяютъ мнѣ полетѣть за вами въ Петербургъ!»

Онъ кончилъ, перечиталъ письмо, сложилъ его, спряталъ въ папиросницу и задумался. Двѣ слезы выкатились изъ глазъ Ползикова и упали на столъ.

Въ слѣдующій вечеръ, Софья Васильевна играла на фортепіано сонату Бетховена, Яковъ Петровичъ сидѣлъ сзади, на креслѣ, и внимательно слушалъ. Казалось, всѣ чувства его сосредоточились въ звукахъ музыки, то разсыпавшихся плачущею трелью, то гармонически стройныхъ, пѣвучихъ, то веселыхъ какъ смѣхъ, то заунывныхъ какъ болѣзненные стоны.

Хозяйка кончила и обернулась къ гостю.

— Боже мой! какъ вы сегодня играете, сколько чувства, сколько души! произнесъ онъ, какъ будто опомнясь отъ сна.

— Это оттого, что не долго мнѣ остается играть при васъ, грустно отвѣтила она, отвернулась и начала перебирать клавиши.

— Развѣ это для васъ не все равно? робко, нерѣшительно замѣтилъ Ползиковъ.

— Привычка! возразила хозяйка и вздохнула. Вы любите музыку, понимаете ее, сочувствуете ей, а такихъ людей...

— Что?

— Не много! добавила казначейша.

Яковъ Петровичъ вынулъ изъ кармана сложенное письмо, всталъ и подошелъ къ Софьѣ Васильевнѣ.

— У меня до васъ просьба, началъ онъ, вы не разсердитесь?

— Какая? она обернулась и вопросительно взглянула на Ползикова.

— Прочтите, продолжалъ онъ, и дрожащею рукою положилъ на фортепіяно сложенную бумагу, потомъ отошелъ, опустился на стоявшее въ углу кресло и устремилъ глаза на казначейшу.

Она взяла письмо, развернула его и начала читать. Повидимому, не разъ пробѣжала она нѣкоторыя строки, щеки ея разгорѣлись, она медленно сложила письмо и спрятала его въ карманъ, потомъ машинально взяла нѣсколько аккордовъ.

Ползиковъ опять подошелъ къ ней.

— Благодарю васъ! и Софья Васильевна протянула ему руку.

Яковъ Петровичъ ничего не отвѣчалъ, онъ схватилъ ея холодѣющую руку и прижалъ къ губамъ своимъ, какъ будто хотѣлъ отогрѣть ее поцѣлуями.

— Умоляю васъ объ одномъ, продолжала она, не спрашивайте у меня ничего болѣе, вы знаете, я бы не уѣхала отсюда, я была довольна своимъ положеніемъ, счастлива привычкой къ вамъ... что-жъ дѣлать! я не принадлежу себѣ...

Ползиковъ плакалъ, не выпуская ея руки.

— Будемъ друзьями, продолжала казначейша, будемъ помнить другъ друга, даже... Она встала, схватила его голову и поцѣловала его въ лобъ. Вотъ вамъ доказательство моего чувства, моей дружбы, добавила она, особенно ударяя на послѣднемъ словѣ.

Яковъ Петровичъ не зналъ что̀ сказать, онъ совершенно растерялся. Господи! какъ я счастливъ... вотъ она, жизнь,

жизнь истинная!.. вотъ награда за всѣ страданія!.. бормоталъ онъ сквозь слезы, не выпуская рукъ Софьи Васильевны.

— Ахъ, Яковъ Петровичъ, грустно, такъ грустно!.. мужъ идетъ! добавила она поспѣшно, высвободила свои руки и сѣла за фортепіано.

За дверью послышались шаги, въ комнату вошелъ Петръ Богданычъ.

— А какъ вы думаете, кто на мѣсто меня назначенъ будетъ? заговорилъ онъ съ какою-то торжественностію, ну-ка, угадайте.

— Право не знаю, отвѣтила казначейша за Ползикова.

— Ну-ка, Яковъ Петровичъ, какъ вы полагаете?

— Мнѣ все равно, Петръ Богданычъ, кто бы ни былъ, меня ужъ конечно не выберутъ.

— Нѣтъ-съ, не все равно, я вотъ вамъ денегъ заимообразно давалъ, жалованье впередъ забирали, а тутъ ужъ не выжмете, нѣтъ-съ!... Пуговкинъ казначей!

Съ этого вечера просвѣтлѣла на время жизнь Ползикова, онъ встрепенулся и зажилъ полною жизнію, онъ зналъ, что есть существо, которое ему сочувствуетъ, даже любитъ его. Всѣ неудачи, всѣ жалобы затмились счастіемъ видѣть Софью Васильевну, говорить съ нею. Онъ забылъ прошедшее, не думалъ о будущемъ, а торопился жить настоящимъ. Хотя для полноты ея недоставало еще многаго, хотя Софья Васильевна принадлежала другому, уѣзжала и никогда, быть можетъ, не придется увидать ее Ползикову; наружныя отношенія между нимъ и ею нисколько не измѣнили своего прежняго характера, тѣмъ не менѣе Яковъ Петровичъ покамѣстъ былъ счастливъ совершенно. Онъ не думалъ ни о чемъ дальнѣйшемъ, ничего не искалъ, онъ радовался, что нашелъ человѣка, который принималъ въ немъ участіе, облегчалъ, чѣмъ только могъ, его положеніе. Конечно, Ползиковъ отчасти пользовался всѣмъ этимъ съ самаго начала своего знакомства съ казначейшей, но тогда онъ видѣлъ въ ней только женщину образованную, добрую, съ которой можно поговорить, которая, наконецъ, можетъ статься, только изъ собственной скуки одиночества была ему рада. Теперь, внезапное извѣстіе объ отъѣздѣ показало Ползикову

всю силу его привязанности, теплая душа его потребовала взаимнаго сочувствія, она нашла его и радовалась своей находкѣ, забыла все на свѣтѣ и жила только ею.

Скоро однако пролетѣли три недѣли, наступилъ и день отъѣзда.

Передъ домомъ казначея стоялъ совсѣмъ готовый, запряженный тройкою тарантасъ, въ него таскали чемоданы, картонки и прочія вещи.

— Вотъ вамъ моя исповѣдь, мое послѣднее прости, говорила казначейша, со слезами на глазахъ, подавая Ползикову исписанный листъ почтовой бумаги. Здѣсь все, больше я ничего не могу сказать, да и не въ силахъ говорить лично!

Яковъ Петровичъ схватилъ бумагу и крѣпко поцѣловалъ руку Софьи Васильевны.

— Я скоро напишу къ вамъ, пишите и вы ко мнѣ.

Она оглянулась кругомъ и поцѣловала Ползикова.

— Въ послѣдній разъ, добавила она; три недѣли тому назадъ первый, а теперь второй и послѣдній!.. Прощай! Она пожала ему руку.

Яковъ Петровичъ стоялъ какъ онѣмѣлый, онъ рѣшительно не зналъ что̀ говорить, всѣ слова казались ему такими слабыми, ничтожными, въ сравненіи съ его чувствомъ. Онъ только глядѣлъ на Софью Васильевну такими глазами, какъ будто говорилъ: не покидай меня, я умру, погибну безъ тебя!

Скоро явился казначей и объявилъ, что все готово.

— Ну, Яковъ Петровичъ, счастливо оставаться, говорилъ онъ, цѣлуясь съ Ползиковымъ, спасибо за дружбу, дай вамъ Богъ всего хорошаго, крестовъ, чиновъ, эполетъ генеральскихъ!.. А вѣдь скучненько безъ насъ будетъ, привыкъ, я думаю?

— Какъ не привыкнуть, Петръ Богданычъ! я такъ много обязанъ и вамъ и Софьѣ Васильевнѣ, такъ!.. Ползиковъ не договорилъ и невольно прослезился. Потомъ онъ крѣпко, нѣсколько разъ, поцѣловалъ руку у казначейши.

— Пишите къ намъ, сказалъ Петръ Богданычъ, влѣзая въ тарантасъ.

— Если позволите, отвѣчалъ Ползиковъ, подсаживая Софью Васильевну и крѣпко сжимая ея руку.

— Ну, трогай! съ Богомъ!.. прощайте, Яковъ Петровичъ, прощайте!.. закричалъ казначей и тарантасъ двинулся.

— Прощайте! едва слышно отвѣтилъ Ползиковъ и остановился провожать глазами экипажъ, уносившій отъ него все дорогое, милое, отрадное на свѣтѣ.

Софья Васильевна высунулась и кивала головой.

Тарантасъ скрылся.

Почти бѣгомъ отправился Яковъ Петровичъ на свою квартиру, поспѣшно вынулъ изъ кармана полученное письмо и прочелъ слѣдующее:

«Благодарю васъ, добрый, безцѣнный другъ мой! тысячу разъ благодарю за тѣ минуты, за тѣ часы, которые вы проводили со мною; вѣрьте, что это время было для меня лучшимъ временемъ всей моей жизни. Въ это время я оцѣнила, узнала васъ, полюбила какъ друга... этого времени я никогда не забуду. Да, я люблю васъ, Яковъ Петровичъ, люблю давно, только не имѣла случая высказаться вамъ, я была довольна и счастлива тѣмъ, что видѣла васъ, говорила съ вами. Извѣстіе объ отъѣздѣ невольно заставило насъ открыться другъ другу, и знаете, я благодарю Бога, что только это извѣстіе вызвало наружу нашу взаимную тайну, безъ этого мы прожили бы нѣсколько лѣтъ и любили бы другъ друга тихо, сами вполнѣ не сознавая этой любви, не вѣря въ ея возможность... Вы никогда не измѣнили бы благородству души своей; я не имѣла бы причины стыдиться своего чувства... Видитъ Богъ, какъ мнѣ тяжело разстаться съ вами, какъ я цѣню теперь тихую бесѣду въ нашей гостиной, но что дѣлать! видно, судьба не даетъ никому полнаго счастія. Берегите себя, Яковъ Петровичъ. Я знаю, вы готовы упасть, вы слишкомъ слабы, чтобъ бороться съ окружающимъ, или, лучше сказать, слишкомъ горячи, слишкомъ воспріимчивы, чтобъ помириться съ нимъ. Старайтесь преодолѣть себя, будьте строже къ самому себѣ, снисходительнѣе къ другимъ, умѣряйте холоднымъ разсудкомъ порывы вашего сердца. Что-жъ дѣлать, если въ этой жизни такъ мало сердечнаго!.. Помните, что есть существо, есть

женщина, которой вы дороги, которая думаетъ о васъ, дышетъ, живетъ вами. Прощайте. Писать больше некогда. Да сохранитъ васъ Богъ! Не скоро придется видѣться, да и придется-ли?!»

Ползиковъ судорожно смялъ письмо, нѣсколько разъ поцѣловалъ его и глубоко задумался.

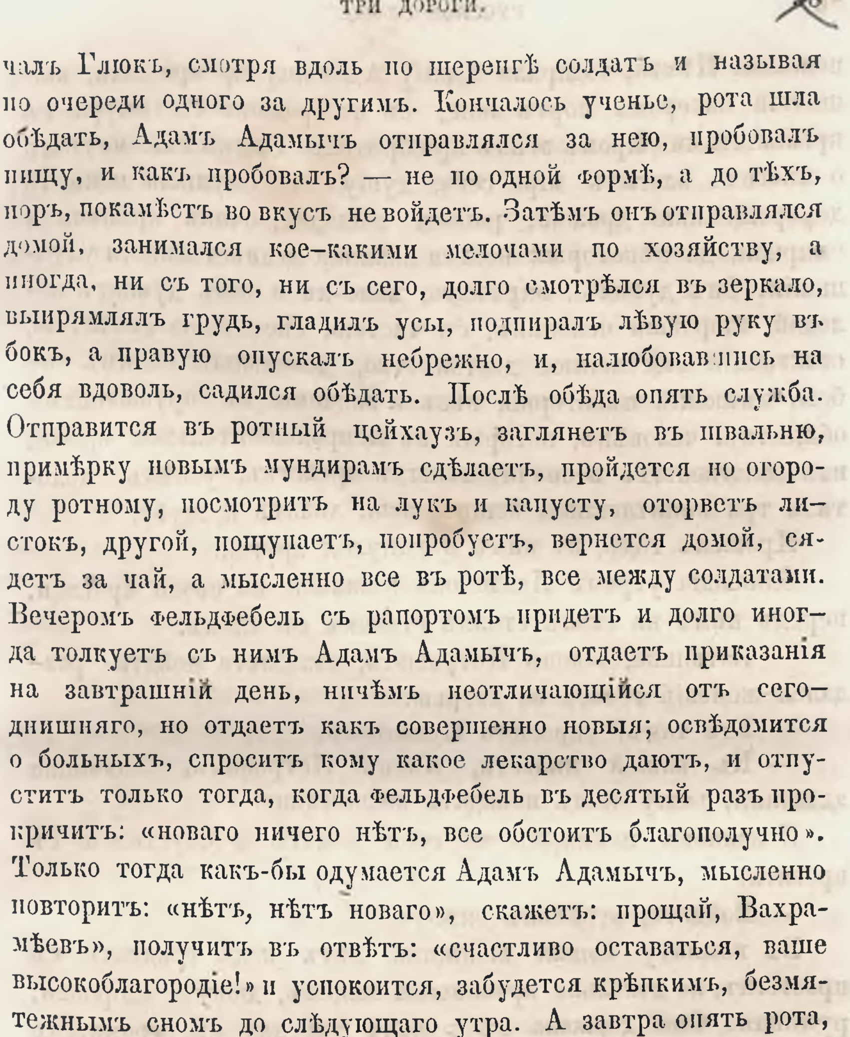
Грустно, въ одиночествѣ, потянулось время для Якова Петровича. Теперь онъ осиротѣлъ совершенно, негдѣ было убить скучный, долгій вечеръ, некуда преклонить голову, не съ кѣмъ подѣлиться накипѣвшимъ горемъ, вездѣ холодно и мертво. Теперь еще болѣе все окружающее опротивѣло ему; вездѣ ему скучно, все ему чуждо, все несносно, какая-то лихорадочная раздражительность появилась въ его характерѣ; казалось, онъ наперекоръ самому себѣ искалъ только худшаго для себя. Другіе офицеры хохочутъ, веселятся, а Якова Петровича даже злость на нихъ беретъ; онъ если и улыбается когда, то такъ горько, что, кажется, всякія слезы слаще его улыбки.

Только когда приходило письмо отъ Софьи Васильевны, или попадалось Ползикову интересная его книга, или разговоръ въ обществѣ касался любимыхъ предметовъ Ползикова — искуства или науки, — только тогда оживалъ онъ, глаза его блестѣли попрежнему, вся физіономія вспыхивала, онъ весь загорался, а потомъ, потомъ погасалъ снова, надолго, до новой вспышки. А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ вспышки происходили рѣже и рѣже, тѣмъ менѣе волновали Якова Петровича даже и письма Софьи Васильевны.

Зато фонъ-Глюкъ былъ совершенно счастливъ; въ послѣднее время дѣятельность его значительно расширилась, приняла болѣе серьезное направленіе; онъ попрежнему велъ дневникъ, такъ же аккуратно записывалъ расходъ, но уже не пробовалъ силы, не вышивалъ туфлей, не клеилъ коробочекъ, даже меньше читалъ Фридриха Великаго; большую часть его времени поглотили чисто-служебныя занятія, онъ временно командовалъ ротою, за болѣзнію своего ротнаго командира, капитана Нерыгай-Мачинскаго, у котораго разлилась желчь

по поводу послѣднихъ политическихъ преній въ англійскомъ парламентѣ.

Адамъ Адамычъ, принявши роту, даже похудѣлъ, вытянулся какъ-то, не спалъ нѣсколько ночей,—такъ взволновало кровь и озаботило его новое назначеніе! Онъ успокоился только тогда, когда выучилъ наизустъ имена и фамиліи всѣхъ ввѣренныхъ его попеченію солдатъ, узналъ каждаго изъ нихъ, кто какой губерніи и когда поступилъ на службу. Правда, такое изученіе стоило Глюку большаго труда. По нѣскольку часовъ сряду онъ просиживалъ за ротнымъ спискомъ, закрывалъ рукой фамиліи, и по нумерамъ, по порядку и въ разбивку, отвѣчалъ урокъ свой. Зато нужно было видѣть, съ какою невыразимою важностью, съ какимъ торжествующимъ лицемъ онъ являлся въ роту, какъ отчетливо выговаривалъ: «здорово, ребята!», какъ внутренно, самодовольно улыбался при обычномъ, громогласномъ отвѣтѣ: «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!», какъ внимательно выслушивалъ, нѣсколько опустивъ глаза въ землю, подскочившаго съ рапортомъ дежурнаго унтеръ-офицера, какъ затѣмъ обходилъ роту, останавливался то у одного, то у другаго солдатика, называлъ его по имени и фамиліи и дѣлалъ какое нибудь легкое замѣчаніе, иногда для того только, чтобъ проэкзаменовать себя, вполнѣ удостовѣриться въ собственномъ знаніи. «Сидоръ Лягушкинъ, разстегнись!» говорилъ онъ, обращаясь къ одному изъ солдатъ. Сидоръ Лягушкинъ разстегивался. «Сидоръ Лягушкинъ, застегнись!» Сидоръ Лягушкинъ застегивался. Глюкъ слѣдовалъ дальше, ошалѣвшій солдатикъ провожалъ его глазами и долго мучился, доискивался причины и выводилъ слѣдствіе капитанскаго приказанія. «Тебя Трофимъ Сапожокъ зовутъ?» спрашивалъ Адамъ Адамычъ. «Точно такъ, ваше благородіе», вскрикивалъ другой солдатикъ. «Тверской губерніи?» «Тверской, ваше благородіе». «Илья Петрюковичъ двадцать лѣтъ на службѣ?» «Точно такъ, ваше благородіе», отвѣчалъ лысый солдатъ, съ головой на бокъ и съ серьгой въ правомъ ухѣ. На ученьи повторялось то же самое. «Прохоръ Завадкинъ, Адамъ Липко, Касьянъ Кривой, Мошка Мошковичъ, руку, ногу, животъ подъ себя, плечо выстави!» кри-



чалъ Глюкъ, смотря вдоль по шеренгѣ солдатъ и называя по очереди одного за другимъ. Кончалось ученье, рота шла обѣдать, Адамъ Адамычъ отправлялся за нею, пробовалъ пищу, и какъ пробовалъ? — не по одной формѣ, а до тѣхъ поръ, покамѣстъ во вкусъ не войдетъ. Затѣмъ онъ отправлялся домой, занимался кое-какими мелочами по хозяйству, а иногда, ни съ того, ни съ сего, долго смотрѣлся въ зеркало, выпрямлялъ грудь, гладилъ усы, подпиралъ лѣвую руку въ бокъ, а правую опускалъ небрежно, и, налюбовавшись на себя вдоволь, садился обѣдать. Послѣ обѣда опять служба. Отправится въ ротный цейхаузъ, заглянетъ въ швальню, примѣрку новымъ мундирамъ сдѣлаетъ, пройдется по огороду ротному, посмотритъ на лукъ и капусту, оторветъ листокъ, другой, пощупаетъ, попробуетъ, вернется домой, сядетъ за чай, а мысленно все въ ротѣ, все между солдатами. Вечеромъ фельдфебель съ рапортомъ придетъ и долго иногда толкуетъ съ нимъ Адамъ Адамычъ, отдаетъ приказанія на завтрашній день, ничѣмъ неотличающійся отъ сегодняшняго, но отдаетъ какъ совершенно новыя; освѣдомится о больныхъ, спроситъ кому какое лекарство даютъ, и отпуститъ только тогда, когда фельдфебель въ десятый разъ прокричитъ: «новаго ничего нѣтъ, все обстоитъ благополучно». Только тогда какъ-бы одумается Адамъ Адамычъ, мысленно повторитъ: «нѣтъ, нѣтъ новаго», скажетъ: прощай, Вахрамѣевъ», получитъ въ отвѣтъ: «счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе!» и успокоится, забудется крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ до слѣдующаго утра. А завтра опять рота, опять ученье, проба пищи, и прочее, и прочее.

Матеріальное благосостояніе Глюка съ теченіемъ времени болѣе и болѣе улучшалось; послѣ часовъ онъ пріобрѣлъ себѣ очень хорошій халатъ изъ персидской тармаламы, но надѣвалъ его не иначе, какъ въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при пріемѣ какого-нибудь важнаго лица или въ большой праздникъ, во время кейфа, когда, сидя на диванѣ, мечталъ, ничего не дѣлалъ и очень походилъ на персидскаго падишаха. Послѣ халата была пріобрѣтена, весьма дешево, у одного изъ офицеровъ, шуба, правда, подержанная, но тѣмъ не менѣе хорошая. Городская аптекарша, очень милая,

пожилая Нѣмка, подарила Адаму Адамычу прекрасный, вышитый бисеромъ портъ-моне, съ изображенiемъ амура съ крылышками. Кромѣ этихъ прiобрѣтенiй, Глюкъ еще мечталъ о многихъ благахъ мiра сего; душу его смущали какiе-то доморощенные дрожки, рыжая лошадка, очень крѣпкая и смирная, да нѣкоторыя весьма важныя хозяйственныя улучшенiя. Онъ думалъ.. впрочемъ, мало-ли о чемъ думаетъ молодой, здоровый человѣкъ, съ чистою, спокойною совѣстью, сознающiй собственное достоинство, довольный самимъ собою, имѣющiй нѣкоторый вѣсъ и значенiе въ окружающемъ обществѣ! человѣкъ, который въ непродолжительное время, изъ собственыхъ незначительныхъ средствъ, успѣлъ сколотить три капитальныя вещи: часы, халатъ и шубу!

Прошелъ годъ, за нимъ потянулся другой.

Однажды утромъ Ползиковъ нѣжился на своей кровати, передъ нимъ на столѣ стоялъ стаканъ съ чаемъ.

— Батюшка, Яковъ Петровичъ, позвольте войдти? раздался женскiй голосъ за дверью.

— Кто тамъ? спросилъ Ползиковъ.

— Къ вашей милости, Яковъ Петровичъ, хозяюшка здѣшняя, вашу честь повидать желательно!

Ползиковъ накинулъ на себя халатъ и спустился съ кровати.

— Войдите, отвѣтилъ онъ.

Въ комнату вошла женщина лѣтъ подъ тридцать, съ простымъ, но довольно красивымъ лицемъ, дюжая, здоровая, румяная. Она держала въ рукахъ тарелку съ огромнымъ кускомъ пирога и рюмкой водки; голова ея была повязана темнымъ шелковымъ платкомъ, въ ушахъ висѣли большiя серги, на шеѣ красовалось жемчужное ожерелье, пальцы на рукахъ были унизаны кольцами, зеленое съ желтыми разводами штофное платье обхватывало довольно полную талью, на плечахъ была надѣта малиновая бархатная мантилья. Она три раза перекрестилась предъ висѣвшимъ въ углу образомъ и поклонилась Ползикову.

— Къ вашей милости, Яковъ Петровичъ, позвольте просить пирожка откушать!

— Покорно благодарю, извините, я не одѣтъ, я не зналъ;

только что всталъ, говорилъ Ползиковъ, конфузясь и запахиваясь полами халата.

— Долго нѣжиться изволите! чай поздно легли съ вечера? ужъ и обѣдня отошла. У меня вѣдь, батюшка, день ангела нонче, такъ вотъ, дай, думаю, попрошу Якова Петровича, постоялецъ-то хорошій такой, тихій да непьющій, такой хорошій! Она поставила тарелку на столъ и вторично поклонилась.

— Позвольте поздравить, я не зналъ... Развѣ сегодня вашей святой? спросилъ Ползиковъ, не желая обидѣть хозяйку незнаніемъ ея имени.

— А какъ-же, батюшка, великомученицы Агафьи, нонче вѣдь пятое число, а то бываетъ еще Агафьи, такъ та особенная, другая какая-то.

— Покорно благодарю.. извините, мнѣ совѣстно, у меня память такая плохая, ваше отчество забылъ совсѣмъ?

— Агафья Захарьевна! подхватила хозяйка.

— Да, Агафья Захарьевна... покорно благодарю... извините, садиться не угодно-ли?.

Она сѣла.

— Вы, если не ошибаюсь, вдова, кажется? спросилъ Ползиковъ, желая съ своей стороны оказать нѣкоторое вниманіе хозяйкѣ за ея радушіе.

— Вдова, Яковъ Петровичъ, вдова! отвѣтила она и вздохнула.

— Однако вы рано овдовѣли...

— Рано, точно что рано, на все воля Господня, отъ божьяго не уйдешь, не скроешься!... Извѣстно, дѣло вдовье плохое, беззащитное, всякій то-есть тебя обидѣть можетъ, потому заступы нѣтъ, злой языкъ найдетъ укорить чѣмъ, такіе ужъ, Яковъ Петровичъ, злые языки есть, есть, точно есть! Она покачала головой.

— Кто же вашъ мужъ былъ, Агафья Захарьевна? спросилъ Ползиковъ.

— А купеческаго званія, купецъ здѣшній, желѣзомъ торговалъ, отвѣтила хозяйка.

— Вы имѣете состояніе?

— А ничего, Яковъ Петровичъ, что̀ Бога гнѣвить, жа-

ловаться!—состоянiе не состоянiе, а на прожитокъ хватитъ. Извѣстно, кабы покойникъ жилъ подольше, можетъ иное бы и дѣло вышло, а померъ — лавку закрыли, потому безъ хозяина какъ? мое дѣло женское, некасающее... Вотъ домъ этотъ на мое имя записанъ былъ, такъ за мной и остался, а изъ денегъ, извѣстно — что́ по закону слѣдуетъ, потому, тоже другiе наслѣдники были.

— Домъ хорошiй! замѣтилъ Ползиковъ.

— Хорошiй, Яковъ Петровичъ, ничего, хорошiй, большой домъ, какъ не хорошiй!... Попадья тамъ у меня сидитъ, наждалась-чай, добавила она. — Такъ прощайте, Яковъ Петровичъ, будьте здоровы, пирожка-то откушайте.

— Откушаю, откушаю, Агафья Захарьевна, мнѣ право совѣстно, вы безпокоитесь...

— Что за совѣстно? не худое дѣло какое! къ намъ милости просимъ; чайку что-ли когда напиться, однимъ-то тоже чай скучно сидѣть?

— Скучно, Агафья Захарьевна! отвѣтилъ Ползиковъ. Хозяйка поклонилась. Яковъ Петровичъ проводилъ ее до дверей, поблагодарилъ, сказалъ, что почтетъ за особенное удовольствiе быть у ней.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Ползиковъ довольно тщательно одѣлся, причесался, вычистился и отправился къ Агафьѣ Захарьевнѣ, а возвратясь отъ нея, написалъ къ Софьѣ Васильевнѣ между прочимъ слѣдущее:

«Сегодня я познакомился и былъ съ визитомъ у моей хозяйки, здѣшней купчихи; право, предобрая и премилая женщина, гораздо лучше всѣхъ этихъ уѣздныхъ приторныхъ барынь, до-нельзя исковерканныхъ и уродливыми шляпками и уродливыми мыслями. Здѣсь по крайней мѣрѣ все ново, оригинально, начиная отъ необыкновенно-огромнаго пирога до необыкновенно жирнаго кота Васьки; здѣсь меньше мишуры, здѣсь все проще, сердечнѣе, теплѣе, здѣсь есть надъ чѣмъ посмѣяться чистымъ, дѣтски веселымъ смѣхомъ, а не злобнымъ и раздраженнымъ; здѣсь услышишь знаменитую глупость, наивную до-пошлости фразу, но не содрогнешься, а улыбнешься ей, какъ забавному, безвредному говору невиннаго младенца. Здѣсь все дышетъ особымъ, исключительнымъ мi-

ромъ, здѣсь больше правды, больше природы. Да, не смѣйтесь, Софья Васильевна, хозяйка моя чудная женщина, она удивляется мнѣ, благоговѣетъ предо мною; она, уставя глаза и разиня ротъ, слушаетъ меня, она говоритъ, что не видала офицера такого, какъ я! Я очень радъ моему новому знакомству. Она на нѣсколько дней займетъ меня, разгонитъ скуку этой невыносимо однообразной жизни; хоть новое слово услышишь, хоть на минуту забудешься, хоть подивишься да посмѣешься, и за то спасибо!»

Недѣли черезъ три Ползиковъ находился въ самомъ мрачномъ расположенiи духа, писемъ отъ Софьи Васильевны давно не было, въ карманѣ не имѣлось ни гроша денегъ.

Ползиковъ зашелъ къ Кренкину, думая прихватить у него нѣсколько рублей до полученiя жалованья.

Семенъ Семенычъ сидѣлъ за обѣдомъ и пилъ водку.

— Чудное право дѣло, Яковъ Петровичъ! говорилъ онъ, наливая рюмку, когда Ползиковъ расположился на стулъ! Вотъ сколько лѣтъ ужъ вы служите, а водки до сихъ поръ не употребляете! Я полагаю этакiе, примѣры рѣдко бываютъ, потому пьянство человѣку вредно, а такъ чтобъ рюмку, другую пропустить, грѣха никакого нѣтъ, облегчаетъ еще... выкушайте-ка, лѣкарственная! Онъ подвинулъ къ гостю рюмку.

— Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, скучно очень, тоска такая.

— А вы выпейте-ка, посмотрите, какъ подѣйствуетъ! Это все оттого, что вы водой себя наливаете, внутренность-то ваша и поослабла, тоской и томитъ, ничего то есть крѣпительнаго въ ней нѣтъ,.. вонъ посмотрите, муха и та пьетъ!

Ползиковъ взглянулъ, въ самомъ дѣлѣ по рюмкѣ ползала муха.

— Да пожалуй, выпью, какъ-то нехотя отозвался онъ, налилъ рюмку, осушилъ ее залпомъ и закашлялся.

Кренкинъ засмѣялся.

— Это съ непривычки, говорилъ онъ, а тамъ обойдется! Вы вотъ на зло другую хватите, чтобъ она, подлая, не першила!.. Семенъ Семенычъ помянулъ родителей водки.

— Будетъ! отозвался Ползиковъ и тяжело вздохнулъ.

Онъ просидѣлъ еще съ четверть часа у Кренкина и выпросилъ у него пять цѣлковыхъ.

— Вамъ никогда не откажу, человѣкъ-то больно хорошій, вѣрный!.. А только и вы старику почетъ сдѣлайте, еще рюмочку выкушайте. Я, знаете, сегодня въ расположеніи. То все пробовали, а теперь по-настоящему, хозяина добрымъ словомъ помяните.

Яковъ Петровичъ выпилъ, поблагодарилъ Семена Семеныча и вышелъ на улицу.

— Здравствуйте, Агафья Захарьевна, вы ужъ чай кушаете, а я зашелъ поблагодарить васъ, балуете вы меня, право балуете! говорилъ Ползиковъ, очень весело, растворяя двери къ хозяйкѣ и заглядывая въ ея комнату.

Чѣмъ же это балую, Яковъ Петровичъ? да зайдите, стаканчикъ выкушайте!

Ползиковъ вошелъ.

Агафья Захарьевна сидѣла на диванѣ, за столомъ, покрытымъ синей десертной салфеткой; передъ ней шипѣлъ пузатый самоваръ, изъ большой золоченой чашки струился паръ налитаго чая.

Яковъ Петровичъ сѣлъ возлѣ.

— Какъ чѣмъ? говорилъ онъ, помилуйте, давно-ли я знакомъ съ вами—и въ такую честь попалъ! третьяго дня яицъ прислали, вчера масла сливочнаго.

— Такъ что что прислала! а вы кушайте на здоровье, у насъ яицами-то хошь дворъ усыпь, слава те Господи, куда ихъ!

Ползиковъ улыбнулся.

Хозяйка достала изъ шкафика графинъ съ ромомъ, налила въ стаканъ чаю и подала гостю.

— Выкушайте-ка, побесѣдуйте да разскажите что, а то такъ что-то глухо стало, можетъ новости есть какія? спросила она.

— Никакихъ новостей нѣтъ, отвѣтилъ Ползиковъ и взглянулъ на графинъ. Вы напрасно безпокоитесь, я съ ромомъ не пью, добавилъ онъ.

— Знаю, что не пьете, да вода-то нонче словно отзываетъ чѣмъ, такъ для запаху только, затѣмъ и держу его.

Ползиковъ повелъ глазами, взялъ графинъ и налилъ рому въ стаканъ.

— Грустно мнѣ сегодня, такъ грустно, точно предчувствіе какое! вдругъ произнесъ онъ, тяжело вздохнулъ, закурилъ папироску, облокотился на столъ и опустилъ голову.

Агафья Захарьевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Господь съ вами, Яковъ Петровичъ! или случилось что недоброе?... Яковъ Петровичъ! говорила она съ участіемъ, заглядывая въ лицо Ползикова.

Онъ поднялъ голову, глаза его были тусклы, на лбу выступилъ потъ, руки слегка дрожали.

— Ничего нѣтъ, ничего не случилось,.. произнесъ онъ, спокойнѣе прежняго, залпомъ отпилъ полъ-стакана и облокотился на спинку дивана.

Хозяйка покачала головой.

Вы, Яковъ Петровичъ, рыжычки въ смѣтанѣ любите? вдругъ спросила она.

— Какіе рыжички?

— Да, рыжички... я бы ужо прислала вамъ...

— Полноте, Агафья Захарьевна! отвѣтилъ Ползиковъ и какъ-то грустно улыбнулся.

Она искоса взглянула на него; онъ сидѣлъ повѣся голову.

— Можетъ, нездоровится вамъ? спосила она, нѣсколько спустя, и дотронулась до руки Ползикова.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Вишь руки-то какъ горятъ, словно каленыя, эка страсти какія! продолжала Агафья Захарьевна, не отнимая руки своей.

Ползиковъ вдругъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на хозяйку, ему показалось, что и она, въ свою очередь, пожала руку его.

Агафья Захарьевна отвернулась.

—Никакъ дождичекъ собирается? разсѣянно замѣтила она, глядя въ окно.

— Да, дождичекъ, отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Дождливое нонче время такое, снова замѣтила хозяйка

— Ползиковъ быстро нагнулся и крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Что вы это дѣлаете?!. какъ-то неопредѣленно спросила она, покраснѣла и снова отвернулась.

— Ничего не дѣлаю, только благодарю васъ, вы добрая женщина! отвѣтилъ Ползиковъ, не выпуская ея руки, и залпомъ выпилъ вторые полъ стакана. Да, добрая, вы принимаете во мнѣ участіе, вамъ жаль меня! повторилъ онъ.

— Какое участіе? чего жалѣть? жалѣть нечего! отвѣтила она и на глазахъ ея навернулись слезы.

Физіономія Ползикова вдругъ прояснилась.

— Агафья Захарьевна, взгляните на меня! произнесъ онъ.

— Да чего глядѣть, глядѣть нечего, на улицу лучше глядѣть.

— Ну, я прошу васъ, взгляните, ради Бога взгляните!

Она повернула голову. Глаза ея улыбались, но не были влажны, щеки горѣли; гладко зачесанные спереди каштановые волосы растрепались на затылкѣ, платокъ съ плечъ свалился и обнажилъ бѣлую, полную шею.

Ползиковъ пристально смотрѣлъ на хозяйку.

Она засмѣялась.

— Да чего вы право?.. выпейте-ка чайку еще.

— Я не хочу чаю!

— Вонъ въ шкапикѣ-то варенье есть, съ вареньемъ-бы выпили,.. я достану.

— Я и съ вареньемъ не хочу!

— Кто васъ знаетъ!.. пустите лучше, пожалуй, кто мимо пройдетъ, только бѣды себѣ наживешь!.. довольно серьезно произнесла она и попробовала высвободить руку.

— Какой бѣды, Агафья Захарьевна?

— Извѣстно какой! вамъ легко говорить, долго-ли опорочить человѣка?—Вонъ дьячиха прошла,.. право, пустите! Она снова засмѣялась.

— А если не пущу, Агафья Захарьевна,' вы разсердитесь?

— Извѣстно, разсержусь!

— И очень,.. меня принимать не станете?

— Да, что мнѣ принимать-то васъ, сами придете,.. вонъ сигарку не докурили, огня, что-ли вамъ?

— Агафья Захарьевна!..

— Пустите, нужно сорочки строчить, вонъ и холстъ лежитъ!

— Не пущу, Агафья Захарьевна, право не пущу, хоть разсорюсь съ вами, а не пущу... Мнѣ было грустно, теперь весело стало, очень весело, теперь я все забылъ! Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ шею.

— Да полно вамъ, вишь руку-то словно въ тискахъ сжали, дайте хошь платокъ поправить,.. то грустно, то весело, и не разберешь ихъ.

У Якова Петровича кружилась голова, предметы въ глазахъ двоились; онъ подвинулся ближе къ хозяйкѣ, рука его коснулась ея тальи.

— Агафья Захарьевна, Агафья Захарьевна! шепталъ онъ въ какомъ-то упоеніи, самъ себя не помня, простите меня, не гоните меня, здѣсь хорошо, свѣтло, весело, здѣсь,.. я полюбилъ васъ, Агафья Захарьевна!

За дверью паслышались шаги.

— Идетъ кто-то! произнесла хозяйка съ испугомъ, вырвалась изъ рукъ гостя и вскочила съ дивана.

Она заглянула за дверь, прислушалась и вернулась, взглянула на Ползикова и засмѣялась, взяла холстъ, сѣла на стулъ у окошка и принялась работать. — — —

На другой день утромъ, у себя въ комнатѣ, Яковъ Петровичъ читалъ только-что полученное письмо отъ Софьи Васильевны:

«Поздравляю васъ, писала она между прочимъ, съ новымъ знакомствомъ. Душевно буду рада, если оно оправдаетъ ваши ожиданія, на нѣсколько времени займетъ и разсѣетъ васъ, только на долго-ли?.. Боюсь думать, не хочу вѣрить, но какой-то внутренній голосъ невольно шепчетъ мнѣ, что вы стали не тѣмъ Ползиковымъ, какимъ были три года тому назадъ. Въ письмахъ вашихъ проглядываетъ полное, сухое самозабвеніе, жестокое равнодушіе къ самому себѣ. Удержитесь, Яковъ Петровичъ: легко пойти ко дну, но не легко выплыть на поверхность; вы молоды, жизнь ваша велика, положеніе не безъисходное. Вспомните, у васъ есть другъ, котораго лучшее счастіе заключено въ вашемъ счастіи,

въ вашемъ нравственномъ совершенствѣ. Отблагодарите-же этого друга, докажите силу его вліянія!»

За дверью раздался голосъ хозяйки.

— Яковъ Петровичъ, приходите кофэ пить, говорила она.

На физіономіи Ползикова выразилась досада.

— Благодарю васъ, я не одѣтъ еще! отвѣтилъ онъ.

— Одѣньтесь, я подожду!

— Да вы однѣ кушайте, мнѣ не хочется что-то.

— Да какъ-же одна! я и сварила на двоихъ и сливки вскипятила, какъ вы любите, думала вы придете, и хлѣбъ принесли горячій...

Ползиковъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Приходите, Яковъ Петровичъ, я подожду, снова повторила она.

— Благодарю васъ... приду! отвѣтилъ Ползиковъ, взялъ себя за голову, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и снова перечиталъ письмо. Видно было, что какая-то досада, злость на самого себя тяготила его. Онъ то останавливался, то бормоталъ какія-то несвязныя слова, точно въ чемъ нибудь каялся, наконецъ, какъ будто утомился, присѣлъ на постель, посидѣлъ, подумалъ, одѣлся и отправился кофе пить.

Почти черезъ годъ, въ комнатѣ Агафьѣ Захарьевны сидѣлъ Ползиковъ съ гитарой въ рукахъ.

— Яковъ Петровичъ, сыграйте что нибудь грустное: словно тянетъ нонче къ грустному что-то! говорила хозяйка.

— Грустное,.. а вы, Агафья Захарьевна, пуншику приготовьте, холодно!.. отвѣтилъ Яковъ Петровичъ и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Знаете, къ ужину бы яичницу сдѣлать, продолжалъ онъ, посыпать туда лучку, перцу, хлѣбца поджарить!.. прелесть!

— Можно и яичницу, отвѣтила хозяйка, доставая изъ шкапа стаканъ и графинъ съ ромомъ. Тамъ еще и пирогъ есть, добавила она.

— Пирогъ самъ-собой,.. экая жизнь!.. избаловали, закормили вы меня, Агафья Захарьевна! вонъ растолстѣлъ какъ! спишь, ѣшь, эхъ!.. Онъ сильно дернулъ по струнамъ гитары и запѣлъ:

Сяду я за столъ да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить одинокому.

И въ самомъ дѣлѣ что-то тяжелое, обдающее душу холодомъ слышалось въ этомъ простомъ, безъискуственномъ нѣніи; казалось, само сердце выговаривало слова пѣсни.

Агафья Захарьевна разинула ротъ, опустила глаза и не смѣла пошевельнуться.

Въ комнату вошелъ вѣстовой и подалъ письмо съ черной печатью.

Яковъ Петровичъ бросилъ гитару, взялъ письмо, взглянулъ на адресъ, тамъ было нацарапано незнакомой рукой: «Его Высокоблагородію, Гаспадину Афицеру, Іакову Петровичу Ползикову, крайне нужное. Въ городъ О..»

Ползиковъ перевернулъ письмо, увидѣлъ черную печать и судорожно распечаталъ конвертъ; вытащилъ изъ него маленькій листъ почтовой бумаги и прочелъ слѣдующее:

«Ваше Высокоблагородіе, милостивый государь, Іаковъ Петровичъ! Симъ имѣю честь увѣдомить васъ, что матушка ваша, Пелагея Ивановна, посылая вамъ свое родительское благословеніе на вѣки нерушимое, въ ночь на сіе нижеписанное число, волею Божіею, скончалась, а послѣ завтра послѣдуетъ погребеніе. За симъ, имѣю счастіе имяноваться вашего высокоблагородія всенижайшею слугою: Мавра Тихомирова.

Ползиковъ онѣмѣлъ, руки его дрожали.

— Яковъ Петровичъ, что съ вами? развѣ худое пишутъ что? спрашивала, глядя на него, хозяйка.

Ползиковъ молчалъ и сидѣлъ какъ ошалѣлый, выпучивъ глаза на Агафью Захарьевну.

Она подошла къ нему.

— Яковъ Петровичъ, Христосъ съ тобой! неужто и сказать не въ мочь?!

— Мать умерла! какъ-то глухо, неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

Агафья Захарьевна перекрестилась и пристально взглянула ему въ лицо!

— Владыко милостивый! прошептала она, крестясь, цар-

ство ей небесное! эка голубушка!.. вонъ оно горе-то, словно знала его,.. полно, Яковъ Петровичъ, полно!.. Господи, Господи!.. Пунштику не налить-ли, авось легче станетъ?.. Она взяла его за руку.

— Ненужно! отвѣтилъ Ползиковъ и, какъ бы желая съ кѣмъ нибудь раздѣлить свое горе, упалъ головой на грудь хозяйки и горько заплакалъ.

Агафья Захарьевна громко всхлипывала.

А между тѣмъ, дня за три до полученія Яковомъ Петровичемъ извѣстія о кончинѣ матери, въ отдаленной Петербурской улицѣ, въ небольшой комнатѣ съ опущенными сторами, той самой, гдѣ нѣкогда спрыскивались эполеты новаго прапорщика, на столѣ, покрытомъ бѣлою простынею, стоялъ крашеный деревянный гробъ, а въ немъ лежала, съ сложенными на-крестъ руками, въ бѣломъ коленкоровомъ чепчикѣ и такомъ же капотѣ, пожелтѣвшая и посинѣвшая Пелагея Ивановна. Тускло горѣли свѣчи кругомъ покойницы; священникъ, въ поношенной черной ризѣ, чадилъ кадиломъ, заунывно въ одинъ тонъ вытягивалъ дьячекъ вѣчную память. Немногіе собрались отдать послѣдній долгъ бѣдной женщинѣ, слезилась только старушка пріятельница, та самая, которая увѣдомила сына о смерти матери, да вопила и голосила кухарка Аксинья.

Прощанье кончилось. Застучалъ молотокъ по гробовой крышкѣ, гробъ кое-какъ вынесли, поставили на грязныя дроги,—и похоронныя клячи, подъ рваными черными попонами, потащили на вѣчную квартиру бѣдную Пелагею Ивановну. За дрогами поплелось бывшее въ комнатѣ общество, еще какая-то нищая изъ ближайшей церкви, знакомая покойницы, да собака Валетка.

VI.

Мѣсяца два спустя, однажды вечеромъ, Агафья Захарьевна сидѣла за столомъ у окна своей комнаты и что-то стегала. Напротивъ нея на диванѣ полусидѣлъ, полулежалъ

Яковъ Петровичъ. Онъ лѣниво курилъ папироску, на грудь его сыпался пепелъ, физіономія выражала не то задумчивость, не то совершенную апатію, голова его опрокинулась назадъ, ноги его свѣсились, открытые глаза безсознательно смотрѣли въ потолокъ.

Въ комнатѣ все молчаніе. Хозяйка не разъ пробовала разговорить гостя, заводила рѣчь о самыхъ близкихъ предметахъ, но все тщетно: казалось, гость или не слушалъ ее, или отвѣчать лѣнился. Только однообразное мурлыканье кота Васьки, отрывочныя слова, долетавшія съ улицы, да продергиванье хозяйкою нитокъ нарушали тишину этой сцены.

Прошло съ четверть часа, молчаніе не прерывалось.

Вдругъ Ползиковъ глубоко вздохнулъ, точно стряхнулъ съ души своей какую-то тяжелую думу, и повернулъ къ хозяйкѣ голову. Она работала.

— Агафья Захарьевна, знаете, что я думаю?.. произнесъ онъ, устремивъ глаза на дюжія плечи и бѣлую шею хозяйки.

— Кто васъ знаетъ! думаете вы иной разъ мудрено больно, не угадать! отвѣтила она отрывисто, какъ бы желая наказать гостя за его долгое молчаніе.

— Я думаю о важномъ дѣлѣ, о такомъ дѣлѣ, отъ котораго все зависитъ.

— О дѣлѣ, такъ хорошо надо быть! Какъ о дѣлѣ не думать!

— Я думаю, Агафья Захарьевна, въ Петербургъ уѣхать, въ отставку выйти, получить мѣсто, работать... Тамъ у меня знакомые, родные,.. тамъ.... Онъ остановился и, казалось, выжидалъ отвѣта.

Агафья Захарьевна повернулась и вопросительно смотрѣла на него.

—Ужъ точно что мудреное!..Вы, Яковъ Петровичъ, надо быть, лежать устали! Извѣстно, отъ бездѣлья чего человѣку въ голову не придетъ! всякая блажь одолѣетъ! произнесла она съ упрекомъ и снова принялась работать.

— Какая же блажь, Агафья Захарьевна? уѣхать не долго, было бы только желаніе.

— Ѣхать долго,.. авось не доѣдете.

— Нѣтъ, я говорю серьезно, пора одуматься! Право, самого себя совѣстно; долговъ я не имѣю, а тутъ распродамъ коечто, только бы доѣхать! денегъ не много нужно! а тамъ... что жъ тамъ?..съ головой да съ руками нигдѣ не пропадешь!..

Агафья Захарьевна, неизвѣстно почему, швырнула клубокъ съ нитками.

—Только первый шагъ труденъ...облѣнился, продолжалъ Ползиковъ самъ съ собою. Стоитъ только преодолѣть себя, приказать себѣ...

—Да приказывайте, уѣзжайте, держатъ что-ли?... плакать не кому, такъ и уѣзжайте! туда и дорога, съ Богомъ! проговорила хозяйка съ сердцемъ.

—Вы думаете, что я такъ говорю только?—уѣду, право уѣду.

—Ничего я не думаю! безъ васъ есть думать о чемъ! только за душу своимъ разговоромъ тянете,..готовый хлѣбъ надоѣлъ, такъ и уѣзжайте,..ну!..

Ползиковъ ничего не отвѣчалъ.

Молчанiе возобновилось.

Агафья Захарьевна все работала, только руки ея дѣйствовали какъ-то проворнѣе, судорожнѣе, она съ сердцемъ обрывала каждую нитку, раза два кольнула себя въ палецъ иголкой.

—Агафья Захарьевна, можетъ ужинать пора, спустя нѣсколько минутъ, замѣтилъ Ползиковъ.

—Да ужинайте; что, я держу что-ли? эка присталъ, прости Господи!...ужо въ Питерѣ наужинаетесь, тамъ и родные и знакомые, тамъ пиры пойдутъ! злобно добавила она, бросила работу, отвернулась къ окну и подгорюнилась.

—Вы разсердились, кажется? спросилъ Ползиковъ.

—Чего это сердиться? какъ же! эко золото, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ-ли еще свое сердце надрывать! плевать я хотѣла, вотъ что!. Она сильно отодвинула отъ себя стоявшiй на окнѣ горшокъ съ геранiей и подперла обѣими руками голову.

—Извините,.,я думалъ, вы безъ меня скучать будете.

—Скучать!..эка драгоцѣнность какая! брилліантъ! какъ-же!

такъ вотъ безъ васъ свѣтъ клиномъ сойдется!..да провались ты сквозь землю! Что это, право, присталъ какъ съ ножомъ къ горлу! безстыжій человѣкъ совсѣмъ!—Она заплакала.

Ползиковъ не зналъ что отвѣчать, ему сдѣлалось совѣстно.

—О чемъ же плакать, Агафья Захарьевна? сами вы говорите, вамъ все равно.

—Такъ не равно что-ли? равно и есть!..Отстаньте вы отъ меня Христа-ради! повторила она, всхлипывая.

Яковъ Петровичъ замолчалъ.

—Агафья Захарьевна, перестаньте! сказалъ онъ, нѣсколько спустя.

—Чего перестаньте!..что это за напасть такая! въ своемъ дому не вольна!—Она заплакала сильнѣе.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ былъ слышенъ только тихій, сдерживаемый плачъ хозяйки.—Ползиковъ сидѣлъ на диванѣ, опустивъ голову.

Вдругъ Агафья Захарьевна встала, лице ея было красно, она утерла кулакомъ слезы, подошла къ шкафу, вынула изъ него графинъ съ водкой, приборъ, тарелку съ пирогомъ и поставила все передъ гостемъ.

—Ужинайте!..жаль мнѣ что-ли! произнесла она, сильно брякнувъ тарелкой.

—А вы плакать не будете? спросилъ Ползиковъ.

—О чемъ плакать-то? я и плакать не думала!

—Плакали, вонъ и по лицу видно!

—Ну и плакала, стало-быть хотѣла такъ! не объ васъ только!..рыжиковъ хотите, что-ли?

—Незнаю,..вы ужинать будете?

—Извѣстно буду! не голодомъ же сидѣть!

—Агафья Захарьевна, вы не сердитесь? спросилъ Ползиковъ.

—Какъ не сердиться? на свою бабью глупость сержусь!

—Полноте, Агафья Захарьевна, не сердитесь?..что?.. Онъ махнулъ рукой.

—Я, Яковъ Петровичъ, одно скажу, отвѣтила хозяйка, качая головой; клеплете вы на свою душу, себя мараете, вотъ что!..думаете-то вы одно, а говорите другое!

—Какъ другое?

—Такъ другое, несообразное, повторила хозяйка, совѣсть-то есть у васъ, вотъ у нее и спросите!..Рыжечковъ принести? добавила она, довольно весело.

Ползиковъ глубоко вздохнулъ.—Хозяйка посмотрѣла на него, улыбнулась и вышла въ сѣни за рыжиками.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Яковъ Петровичъ писалъ къ Софьѣ Васильевнѣ:

«Вы требуете, чтобъ я описывалъ вамъ образъ моей жизни, дѣлился съ вами моими впечатлѣніями, сообщалъ свои мысли, желанія,..увы! сдѣлать это не такъ легко, какъ кажется. Образъ моей жизни однообразенъ какъ ходъ часовъ: сегодняшній день ничѣмъ не отличается отъ завтрашняго, развѣ проспишь больше обыкновеннаго да съѣшь что нибудь лишнее. Впечатлѣній не имѣется никакихъ, мысли остановились на повседневныхъ мелочахъ, да и о чемъ мнѣ думать?..только иногда вспомнишь о васъ, да о своемъ прошедшемъ, и какъ-то досадно на самого себя станетъ; во всемъ остальномъ я совершенно спокоенъ, спокоенъ до послѣдней крайности, ни что не тревожитъ меня; желаній у меня нѣтъ; я не знаю, чего хочу я, потому что ничего не хочу. Я такъ свыкся съ заведеннымъ порядкомъ моего суточнаго существованія, что мнѣ показалось бы страннымъ, еслибъ я, по какому нибудь случаю, не могъ выспаться послѣ обѣда, не прошелся бы вечеромъ взадъ и впередъ по одной и той-же улицѣ; и знаете, Софья Васильевна, право, эта неподвижность, эта мертвенность и души и ума, эта рутинность жизни, имѣетъ свою прелесть, по крайней мѣрѣ она не тяготитъ, не мучитъ меня, не отталкиваетъ, а болѣе и болѣе притягиваетъ къ себѣ.—Видите, какъ я остепенился, я не тотъ котораго вы когда-то бранили и миловали,—я протягиваю руку тому, съ кѣмъ ссорился, на что вооружался, отъ чего приходилъ въ негодованіе, и прошу у него прощенія, потому что сдѣлался хладнокровнѣе, сталъ смотрѣть на вещи простыми глазами.—Правда, я попрежнему плохой служака, попрежнему служба нисколько не занимаетъ меня; но что жъ дѣлать! видно, уродился и безпечнымъ и ни къ чему негод-

нымъ! Да, Софья Васильевна, я очень перемѣнился и наружно и внутренно, вы не узнали бы меня!»

Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ говорилъ правду; наружность его потеряла свою прежнюю жизненность, волосы повылѣзли, на макушкѣ образовалась порядочная плѣшь, глаза съузились, сдѣлались тусклыми, лицо обрюзгло, все туловище какъ-то расползлось. Казалось, ему было лѣнь и ходить, и сидѣть, и лежать. Костюмъ его отличался неопрятностью, сюртукъ новый-ли, старый-ли, все равно, въ пуху вѣчно, сапоги плохо вычищены, борода большею частію не брита, эполеты на плечахъ свѣсились, еле держатся, бѣлье иной разъ было такъ грязно, что Агафья Захарьевна морщилась.

— Что это, Яковъ Петровичъ, ужъ больно вы нерадѣете о себѣ: никакъ сорочку-то недѣли двѣ не мѣняли? говорила она.

— А что, развѣ грязная? спрашивалъ Ползиковъ, недовѣрчиво взглядывая на обшлагъ рубашки. Завтра перемѣню, добавлялъ онъ.

Приходило завтра, Ползиковъ забылъ свое намѣреніе.

А между тѣмъ время тянулось своимъ чередомъ. Прошла зима, наступило лѣто, тамъ опять зима, опять лѣто и лагери. Полкъ успѣлъ погостить въ губернскомъ городѣ, откалывалъ въ немъ мазурку и занималъ караулы, побывалъ и въ уѣздныхъ, посѣтилъ села, деревни, помѣщичьи усадьбы, побродилъ по шоссейнымъ, почтовымъ, проселочнымъ и другимъ дорогамъ и возвратился обратно, на родное пепелище, въ городъ О...

Яковъ Петровичъ сталъ попрежнему посѣщать Агафью Захарьевну; безъ нея ему чего-то недоставало; онъ проживалъ у ней по цѣлымъ днямъ, выкуривалъ папироску за папироской, иногда по нѣскольку часовъ сряду брянчалъ на гитарѣ, иногда игралъ съ котомъ Васькой, иногда лежалъ, опрокинувъ назадъ голову и устремивъ глаза въ потолокъ, но не думалъ объ отъѣздѣ въ Петербургъ, а слушалъ разсказы хозяйки, ограничивавшіеся обыкновенно мелкими уѣздными сплетнями. Къ Софьѣ Васильевнѣ Ползиковъ писалъ очень рѣдко, да и то по какой-то обязанности; письма становились

съ каждымъ разомъ короче и суше, наконецъ прекратились вовсе.

Внутренность полка и его жизнь во все это время измѣнились мало, важныхъ событій не произошло никакихъ. Нѣкоторые офицеры увеличили или уменьшили число звѣздочекъ на эполетахъ, иные перемѣнили и самые эполеты, другіе повышли вонъ, третьи вновь поступили. У генерала поубавилось волосъ на головѣ, зеленый шелковый халатъ его замѣнился новымъ, также шелковымъ, но цвѣта масака; адъютантъ женился на какой-то помѣщицѣ съ сотнею душъ крестьянъ и зажилъ припѣваючи; Зарубкинъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и получилъ роту; его soirées buvantes въ складчину кончились, онъ поостепенѣлъ, завелъ дрожки съ лошадью, и ужъ не мечтаетъ въ коммисаріатъ перейти. Перыгай-Мачинскій надѣлъ маіорскіе эполеты; онъ все читаетъ Инвалидъ и очень сердится на Австрійцевъ. Семенъ Семенычъ такъ же училъ свою роту, такъ же пилъ лѣкарственную, только языкъ его обогатился нѣкоторыми новыми выраженіями.

Адамъ Адамычъ фонъ-Глюкъ изъ временнаго сдѣлался настоящимъ ротнымъ командиромъ. Онъ сильно возгордился новымъ назначеніемъ: молодымъ офицеромъ протягиваетъ не руку, а только два пальца, даже относительно Ползикова держитъ себя съ особеннымъ достоинствомъ, въ нѣкоторомъ начальническомъ отдаленіи. Хозяйство его замѣтно увеличилось; онъ живетъ уже не въ двухъ, а въ трехъ комнатахъ; на окнахъ его висятъ кисейныя занавѣсы съ шерстяной красной бахромочкой; онъ пріобрѣлъ давно желанную, очень крѣпкую, рыжую лошадку, завелъ кучера изъ вѣстовыхъ, привязалъ ему даже накладную бороду; въ кабинетѣ его появились кресла, сдѣланныя подъ орѣхъ; правда, какой-то очень доморощенной работы, но тѣмъ не менѣе весьма удобныя для сидѣнья. Подъ письменнымъ столомъ легъ коверъ, на среднемъ пальцѣ лѣвой руки Адама Адамыча заблестѣлъ перстень съ вырѣзаннымъ на немъ фамильнымъ гербомъ.

Мечты Глюка также значительно расширились. Развалясь въ креслѣ, послѣ обѣда, онъ часто думалъ о какой-то женщинѣ, полной, высокой, называвшей его самыми нѣжны-

ми именами; предъ нимъ рѣзвились и прыгали маленькіе дѣти, очень на него похожіе, на плечахъ его тряслись штабъ-офицерскіе эполеты. Адамъ Адамычъ внутренно улыбался, а разъ даже такъ увлекся своей думой, что вдругъ, Богъ знаетъ почему, однимъ прыжкомъ подскочилъ къ зеркалу и сдѣлалъ самъ себѣ ручку. Глюкъ не былъ влюбленъ, даже ни за кѣмъ не ухаживалъ, онъ только сознавалъ свое настоящее достоинство, видѣлъ положеніе свое упроченнымъ, независимымъ, чувствовалъ себя счастливымъ, и, для полноты этого счастія, намѣревался жениться.

— Теперь жениться слѣдуетъ! ротному командиру приличнѣе женатому быть! ротный командиръ постъ такой имѣетъ! думалъ онъ самъ съ собою.

Невѣсты у Глюка не было, даже онъ и не зналъ никого подходящаго къ этому званію, носившійся передъ нимъ идеалъ былъ созданъ его послѣобѣденнымъ воображеніемъ. Этотъ идеалъ долженъ былъ обладать нѣкоторыми душевными и тѣлесными достоинствами, а главное, извѣстнымъ количествомъ движимаго или недвижимаго имущества, впрочемъ весьма умѣреннаго. Адамъ Адамычъ, какъ человѣкъ разсудительный, не дѣйствующій на авось, составилъ даже смѣту расходовъ будущей семейной жизни, и, сообразно съ этими расходами, опредѣлилъ норму невѣстинаго достоянія. Онъ любилъ, напримѣръ, чтобъ женщина была пышно одѣта, чтобъ на ней шумѣло шелковое платье, и опредѣлилъ въ въ своей смѣтѣ: два шелковыхъ платья въ годъ. Даже количество будущихъ дѣтей было соображено и размѣрено съ грядущими доходами. Нормальнымъ числомъ полагалось имѣть четырехъ, но въ случаѣ увеличенія благосостоянія прибавлялся пятый, шестой и такъ далѣе. Онъ весьма логично разсуждалъ самъ съ собою: «у меня свое, у жены свое! Я себя самъ содержать буду, жена тоже сама себя; столъ общій, дѣти общіе, мы будемъ любить другъ друга и ничего другъ другу стоить не будемъ». Въ видахъ женидьбы Адамъ Адамычъ познакомился-было съ уѣзднымъ аптекаремъ, для чего даже израсходовался, два раза купилъ капель отъ зубной боли, хотя зубы были совершенно здоровы. Потомъ пригласилъ къ себѣ уѣздную сваху, по пунктамъ объяснилъ ей

свои физическія и нравственныя достоинства и свои требованія; о послѣднихъ для памяти даже записку далъ; но всѣ эти дѣйствія оказались безуспѣшными. Послѣ такихъ неудачъ Глюкъ сталъ чаще задумываться, перебиралъ мысленно всѣхъ свободныхъ женщинъ, даже тѣхъ, о которыхъ зналъ только по слухамъ, но увы! ни на одной изъ нихъ долго не останавливался, всѣ онѣ, по нѣкоторомъ соображеніи, оказывались неподходящими къ разъ навсегда опредѣленной Адамъ Адамычемъ нормѣ.

Такъ шло время, тихо, однообразно, невозмутимо, как вдругъ случилось весьма важное, неожиданное обстоятельство, обратившее на себя вниманіе цѣлаго полка.

Старикъ генералъ крѣпко заболѣлъ и вскорѣ умеръ; мѣсто его временно заступилъ старшій офицеръ въ полку.

Нѣсколько дней сряду офицеры только и дѣлали, что толковали о томъ, кто будетъ новымъ начальникомъ? пошли догадки, толки, предположенія. Спорили и шумѣли даже полковыя дамы. Ротные командиры больше обыкновеннаго бѣгали по ротамъ; Глюкъ забылъ о женидьбѣ и принялся учить своихъ подчиненныхъ смотрѣть весело; полковой адъютантъ зарылся въ бумагахъ, казначей былъ заваленъ счетами, маіоръ Нерыгай-Мачинскій отложилъ Инвалидъ въ сторону и занялся подтягиваніемъ ввѣреннаго ему батальона, Кренкинъ велѣлъ выздоровѣть всѣмъ больнымъ своей роты. Всѣ суетились, всѣ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали чего-то сверхъестественнаго. Только Ползиковъ не принималъ участія въ общей суматохѣ, онъ попрежнему оставался невозмутимъ, совершенно покоенъ, и зѣвалъ, слушая офицерскіе толки.

Однажды, послѣ плотнаго обѣда у Агафьи Захарьевны, когда Яковъ Петровичъ, по обыкновенію, намѣревался завалиться на боковую, къ нему въ комнату вбѣжалъ Глюкъ.

Онъ весь запыхался, лице его горѣло, глаза бѣгали.

— Я пришелъ сказать, тебѣ новость такую важную новость... Я сію минуту въ канцеляріи былъ, говорилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.

Ползиковъ смотрѣлъ на него вытаращенными глазами.

— Сейчасъ изъ Петербурга бумага получена... къ намъ новый полковой командиръ назначенъ!

— Какая же новость?.. мнѣ все равно...

— Нѣтъ, не равно! какъ ты говоришь равно? совсѣмъ не равно! спроси—кто? тогда не равно будетъ!. твердилъ Глюкъ.

— Такъ кто-жъ?.. ты, что ли?

— Нѣтъ, не я! зачѣмъ я? я не могу такое назначеніе получить... назначенъ... полковникъ Пигоцкій назначенъ!

— Какой Пигоцкій?

— Ахъ, Пигоцкій!.. который съ нами въ корпусѣ вмѣстѣ товарищемъ былъ?.. О! это важно, очень важно!

— Сережа Пигоцкій? переспросилъ Ползиковъ.

— Какой Сережа!.. я тебѣ говорю Пигоцкій!.. который въ корпусѣ въ однокашникахъ былъ... Полковникъ! чуть не крикнулъ Глюкъ.

Яковъ Петровичъ вопросительно смотрѣлъ на него.

— О, какая карьера, какая прекрасная карьера! твердилъ Адамъ Адамычъ съ необыкновеннымъ, несвойственнымъ ему увлеченіемъ. Такой молодой человѣкъ—и такое важное назначеніе получить!.. о! онъ далеко пойдетъ, очень далеко пойдетъ! онъ важнымъ лицемъ будетъ, онъ можетъ министромъ быть!.. этому очень радоваться нужно!

— Чему радоваться?.. мнѣ все равно, хладнокровно отвѣтилъ Ползиковъ.

Яковъ Петровичъ говорилъ противъ себя; полученное извѣстіе сильно взволновало его; онъ легъ, но не могъ заснуть, мысли его невольно перенеслись въ прошедшее, въ корпусъ, въ квартиру покойницы матери, когда Пелагея Ивановна такъ радушно принимала и угощала бывшаго кадета, однокашника, теперешняго начальника. Ползикову сдѣлалось грустно, онъ вспомнилъ многое, вспомнилъ и обѣдъ въ день производства въ офицеры, и свое прибытіе въ полкъ и письмо къ матери, и Софью Васильевну, и тотъ день, когда Пигоцкій, прощаясь съ нимъ, громко крикнулъ: «напиши, какъ тамъ у васъ въ арміи?»

Глюкъ сидѣлъ между тѣмъ у своего письменнаго стола и заносилъ въ свой дневникъ слѣдующее:

«Сегодняшній день есть день черезвычайный. Командиромъ нашего полка назначенъ господинъ полковникъ Сергѣй Михайлычъ Пигоцкій, который со мной въ корпусѣ вмѣстѣ въ однокашникахъ былъ. Человѣкъ этотъ очень далеко пойти можетъ, если въ тридцать лѣтъ такое назначеніе и ордена имѣетъ. Въ корпусѣ онъ постоянно, во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ кадетомъ былъ, любимъ начальствомъ и уважаемъ товарищами. Въ настоящее время наши отношенія должны измѣниться: онъ полковникъ, я штабсъ-капитанъ; очень высокая ступень стоитъ между нами. Конечно, онъ долженъ вспомнить меня, но военная дисциплина раздѣляетъ насъ. Нужно умѣть очень благоразумно и тонко держать себя. Можно много выиграть. Дай Богъ!»

Читатель помнитъ Пигоцкаго еще мальчикомъ, въ казенной кадетской курткѣ, а потомъ прапорщикомъ на пиру у Пелагеи Ивановны. Теперь и не узнать его!—катитъ онъ на новое мѣсто въ щегольскомъ дормезѣ, запряженномъ шестеркою почтовыхъ лошадей, катитъ съ супругою, маленькимъ трехлѣтнимъ сыномъ, гувернанткою, камердинеромъ на козлахъ и поваромъ на запяткахъ.

Въ бытность свою на службѣ еще молодымъ офицеромъ, Сергѣй Михайлычъ нетолько не думалъ измѣнить своего корпуснаго характера, но напротивъ, развивалъ, совершенствовалъ его, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе. Страсть быть непремѣнно во всемъ и вездѣ первымъ не давала ему покоя. Онъ только и бредилъ отличіями, повышеніями, изыскивалъ всевозможныя средства для полученія ихъ: въ тонкости изучилъ весь служебный механизмъ, удивлялъ и начальство и товарищей необыкновеннымъ его знаніемъ и исполненіемъ, одѣвался щеголевато, съ иголочки, ловко танцовалъ, сыпалъ французскія фразы въ рускомъ разговорѣ, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, скоро сдѣлался образцовымъ офицеромъ въ полку. И дѣйствительно, стоило только взглянуть на Пигоцкаго, чтобъ отдать ему полное преимущество. Умный, милый, любезный, расторопный, предупредительный, онъ во всемъ и всегда умѣлъ выказать себя въ полномъ блескѣ, отуманить запасомъ своихъ разнообразныхъ познаній. Онъ зналъ, какъ и кому поклониться, какъ и когда

говорить, когда улыбаться и когда смотрѣть весело или серьезно.

Правда, офицеры не очень-то жаловали своего товарища, но Сергѣй Михайлычъ дѣйствовалъ чрезвычайно тонко: онъ втирался къ недовольнымъ, насильно завоевывалъ себѣ, по крайней мѣрѣ, ихъ видимое расположеніе и между тѣмъ, какъ-бы на зло врагамъ, еще усиленнѣе, съ большею энергіею, продолжалъ разработывать и примѣнять къ дѣлу свою тактику.

Года черезъ два послѣ поступленія въ полкъ, Пигоцкій былъ сдѣланъ батальоннымъ адъютантомъ, а затѣмъ, спустя нѣсколько времени, и полковымъ.

Только одно обстоятельство мучило, убивало Сергѣя Михайлыча, не давало ему покоя, разбивало въ прахъ его лучшія мечты, не позволяло ему выказаться въ полномъ блескѣ и величіи,—это недостатокъ денежныхъ средствъ. Говорили, правда, что ему помогаетъ какая-то купчиха, но только говорили, за вѣрность такихъ слуховъ я не ручаюсь; извѣстно только то, что Пигоцкій иногда обѣдалъ коркой чернаго хлѣба, разумѣется украдкой отъ посторонняго глаза, а послѣ обѣда блестѣлъ на вечерѣ, эполеты его горѣли какъ жаръ, перчатки необыкновенной бѣлизны были туго натянуты, отъ тонкаго батистоваго платка вѣяло прекрасными духами. На него любовались и засматривались дамы, мужчины ему завидовали, объ обѣдѣ его никто не помышлялъ, никто не зналъ, что тонкій батистовый платокъ, быть можетъ единственный, былъ тщательно вымытъ за часъ до бала, что прекрасныхъ духовъ было куплено всего одинъ золотникъ. Иногда, поздно вечеромъ, въ дождь и слякоть, Сергѣй Михайлычъ отмахивалъ пѣшкомъ значительныя разстоянія, а завтра, днемъ, летѣлъ по Невскому на лихачѣ-извощикѣ. Случалось, что единственная серебряная ложка неслась въ закладъ, для покупки легкихъ папиросъ, которыми онъ долженъ былъ угощать какую-то ея превосходительство. Бывало даже такое время, въ которое Пигоцкій... впрочемъ, при безденежьи мало-ли чего не бываетъ! всему свѣту извѣстно, что на пятакахъ мѣдныхъ далеко не уѣдешь!

Къ чести Пигоцкаго нужно сказать, что онъ обладалъ удивительнымъ умѣньемъ скрывать недостатокъ своихъ средствъ, вселять довѣренность къ себѣ въ комъ хотите. Онъ былъ много долженъ, а между тѣмъ о долгахъ его никто не зналъ, ни одна денежная претензія никогда не поступала на него. Портной вѣрилъ ему безусловно, и если безпокоилъ иногда напоминовеніемъ объ уплатѣ, то какъ-то чрезвычайно деликатно, почти мимоходомъ. Правда, и Сергѣй Михайлычъ въ такихъ случаяхъ велъ себя неподражаемо: онъ встрѣчалъ портнаго, какъ гостя, жалъ ему руку, усаживалъ въ кресла, предлагалъ папиросу, говорилъ съ нимъ понѣмецки, спрашивалъ о супругѣ и дѣтяхъ, такъ что добродушный Нѣмецъ, тронутый оказаннымъ ему вниманіемъ господина офицера, о деньгахъ совѣстился и заикнуться. Съ сапожникомъ повторялось то же самое. Нельзя сказать, чтобъ Пигоцкій думалъ увернуться отъ своихъ кредиторовъ и не платить имъ, Боже сохрани!—онъ дѣйствовалъ только какъ человѣкъ, который былъ увѣренъ, что рано или поздно разбогатѣетъ, во что бы то ни стало, и тогда заплатитъ всѣмъ разомъ. Онъ дѣлалъ долги не съ вѣтра, а изъ тонкаго расчета, для своего будущаго счастія; онъ любилъ блеснуть, любилъ задать шику, потому, что этимъ ложнымъ блескомъ, этою мишурою настоящаго завоевывалъ себѣ будущее золото.

Дѣйствительно, Сергѣй Михайлычъ не ошибся; лѣтъ семь—восемь перебивался онъ, терпѣлъ, обманывалъ другихъ и самого себя, а тамъ познакомился въ домѣ какого-то большаго барина, женился на его воспитанницѣ и взялъ сто тысячъ серебромъ приданаго.

Съ этихъ самыхъ поръ, связи, знакомство, деньги, наконецъ, собственныя достоинства окончательно возвысили Пигоцкаго, совершенно упрочили его служебное положеніе, даровали ему полную побѣду надъ всѣми видимыми и невидимыми врагами.

Вотъ краткая біографія бывшаго однокашника Ползикова и Глюка.

Не безъ тревожнаго любопытства прочитали господа офицеры знакомаго намъ армейскаго полка разосланный имъ приказъ слѣдующаго содержанія:

«По случаю прибытія къ мѣсту своего назначенія господина полковника и кавалера Пигоцкаго, предписывается всѣмъ господамъ офицерамъ, завтрашняго числа къ 10 часамъ утра, собраться въ квартиру его высокоблагородія, для представленія. Одѣтымъ быть въ полной парадной формѣ».

На другой день, въ назначенный часъ, зала новаго начальника наполнилась офицерами всевозможныхъ видовъ и калибровъ. Тутъ были и старые и молодые, и тоненькіе и толстые и, такъ-себѣ, средственные, эполеты-ватрушки, эполеты густые, съ звѣздочками и безъ звѣздочекъ; головы лысыя, завитыя, прилизанныя; усы огромные, усы маленькіе, сѣдые, рыжіе, черные, поднятыя колечками вверхъ и небрежно опущенные внизъ; за усами,. кое-гдѣ, торчали бакенбарды, также различныхъ формъ и оттѣнковъ.

Всѣ офицеры одѣты были весьма тщательно; видно было, что каждый изъ нихъ старался показаться новому начальнику въ полномъ наружномъ великолѣпіи. Эполеты Глюка горѣли какъ солнце; мундиръ, брюки, усы, волосы на головѣ, все лоснилось, перчатки на рукахъ были необыкновенной бѣлизны. Онъ такъ сильно перетянулъ талью, что еле дышалъ, боялся пошевельнуться и стоялъ, вытянувшись, по срединѣ комнаты. Ползиковъ также причесался, выбрился, пообчистился и смотрѣлъ франтомъ. Съ самаго извѣстія о назначеніи Пигоцкаго, онъ какъ бы переродился, меньше спалъ, меньше ѣлъ, купилъ новыя перчатки, пересмотрѣлъ свое платье, собственноручно вычистилъ эполеты, каску, и засадилъ Агафью Захарьевну шить новый галстухъ.

Адъютантъ разставилъ офицеровъ по старшинству, кругомъ всей комнаты, и отправился въ кабинетъ начальника доложить, что для представленія все готово.

Офицеры, между тѣмъ, вполголоса толковали о новомъ командирѣ, о его характерѣ, служебной дѣятельности, дормезѣ, женѣ, будто бы княгинѣ, камердинерѣ, поварѣ и прочемъ. Богъ знаетъ, откуда пріобрѣли они всѣ эти свѣдѣнія? Молчалъ только Ползиковъ.

Прошло добрые полчаса, дверь въ кабинетъ распахнулась, изъ нея выскочилъ адъютантъ и шаркнулъ, а за нимъ гордо выступилъ новый начальникъ, во всемъ своемъ величіи.

Офицеры, молча, почтительно поклонились. Пигоцкій отвѣтилъ легкимъ движеніемъ головы внизъ и окинулъ взоромъ собраніе.

Глюкъ стоялъ устремивъ глаза на начальника.

Ползиковъ нѣсколько поблѣднѣлъ и опустилъ глаза.

Началось представленіе.

Сергѣй Михайлычъ подходилъ по очереди къ каждому изъ офицеровъ, причемъ послѣдній вторично кланялся, а адъютантъ произносилъ его фамилію.

Дошла очередь до Адама Адамыча.

Онъ громко стукнулъ каблуками, низко поклонился и быстро выпрямился.

— Штабсъ-капитанъ фонъ-Глюкъ! произнесъ адъютантъ.

Пигоцкій кивнулъ головой и подошелъ къ нижестоящему.

Адамъ Адамычъ медленно, ворочалъ голову справа налѣво, провожая глазами начальника.

— Штабсъ-капитанъ Ползиковъ! произнесъ адъютантъ.

Яковъ Петровичъ поклонился, поднялъ глаза и вдругъ покраснѣлъ, руки его затряслись такъ, что слышно было, какъ каска застучала о саблю.

Представленіе кончилось.

Сергѣй Михайлычъ всталъ на средину комнаты и обратился къ офицерамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Господа! Начальству угодно было назначить меня командиромъ вашего полка. Надѣюсь, что общими силами,—онъ поклонился,—мы поддержимъ честь того мундира, который имѣемъ счастіе носить. Предваряю васъ господа, что я привыкъ смотрѣть на службу, какъ на первую, святую свою обязанность. Разъ взявшись за дѣло, мы должны стремиться къ возможному его совершенству.

Я требую,—онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ,—отъ господъ офицеровъ твердаго знанія службы и неуклоннаго ея исполненія. Увѣренъ, что вы мнѣ не откажете въ моемъ желаніи, въ моемъ требованіи. И такъ, будемъ служить, будемъ помогать другъ-другу. Прощайте, господа!»

Онъ кивнулъ головой на всѣ стороны, офицеры низко поклонились.

— Господинъ адъютантъ! громко произнесъ Пигоцкій, уходя къ себѣ въ кабинетъ.

— Здѣсь, господинъ полковникъ! отвѣтилъ подскочившій адъютантъ и шмыгнулъ за начальникомъ.

Офицеры гурьбой вывалили изъ залы и столпились въ передней.

— Гвардейская косточка! замѣтилъ кто-то изъ нихъ.

— Подтягивать станетъ! произнесъ другой.

— Извѣстно, у всякаго попа свой уставъ, заключилъ третій.

Нѣсколько дней всѣ городскіе умы, даже и непричастные къ полку, только и были заняты Сергѣемъ Михайлычемъ.

Про него толковали вездѣ, начиная отъ исправника до послѣдняго мѣщанина. Предъ домомъ, гдѣ поселился Пигоцкій, образовалось что-то въ родѣ гулянья: каждый желалъ взглянуть на молодаго полковника и полковницу, на ихъ повара, камердинера, на стоявшій на улицѣ дормезъ, и прочія вещи, прибывшія изъ Петербурга. Всѣ полковыя дамы отправились съ почтительнымъ визитомъ къ супругѣ новаго начальника. Жена одного офицера, за цѣлую недѣлю впередъ, учила какое-то замысловатое привѣтствіе на французскомъ языкѣ, другая сдѣлала новое платье съ чудовищными фестонами, называвшимися: à la madame la colonelle.

Молчалъ и не интересовался только одинъ Ползиковъ. Пріемъ Пигоцкаго произвелъ на него какое-то потрясающее дѣйствіе; сердитый возвратился онъ домой послѣ представленія, ни за что, ни про что обругалъ бывшаго при немъ вѣстоваго, швырнулъ каску, пырнулъ ногой ласкавшуюся собаку, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, не пошелъ, по обыкновенію, къ Агафьѣ Захарьевнѣ, а все думалъ, все шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда же хозяйка вздумала спровѣдать своего постояльца, онъ такъ крикнулъ на бѣдную женщину, что та только перекрестилась и ротъ разинула.

На другой день Ползиковъ снова увидѣлъ Пигоцкаго, и снова Пигоцкій не обратилъ вниманія на бывшаго товарища, не протянулъ ему руки.

Дня два или три Ползиковъ не могъ успокоиться, на все сердился, безпрестанно уходилъ изъ дому, рано вставалъ, да

и ночью не спалось ему, только на третій день онъ очнулся и отправился въ обычные гости. Тамъ зашелъ-было разговоръ о новомъ полковникѣ, но Ползиковъ замялъ его, перевернулъ какъ-то, отговорился незнаніемъ, взялъ гитару и принялся перебирать струны.

Напротивъ Глюкъ удостоился чести обратить на себя вниманіе новаго начальства.

Пигоцкій осматривалъ его роту, остался совершенно доволенъ, протянулъ бывшему товарищу руку и важно, съ разстановкой, произнесъ:

— Я васъ помню, господинъ Глюкъ, вы и въ корпусѣ всегда были исполнительнымъ кадетомъ... вы счастливо служете: уже ротой командуете!

— Имѣю счастіе! проговорилъ совсѣмъ не кстати растерявшійся Адамъ Адамычъ и поклонился.

Онъ проводилъ начальника до экипажа, поклонился еще разъ, вытянулся въ струнку и очнулся только тогда, когда улеглась и пыль отъ дрожекъ новаго полковника.

Счастливый возвратился Глюкъ домой, дотого счастливый, что купилъ солдатамъ на свой счетъ два ведра водки.

Недѣли двѣ спустя, всѣ офицеры полка были приглашены къ новому командиру откушать. Обѣдъ былъ на славу, хозяинъ и хозяйка, что называется, щегольнули, выказали полное радушіе. Гости, разсаженные въ нѣсколькихъ комнатахъ, дружно ѣли и пили, только разговоръ ихъ былъ не оживленъ, на всѣхъ лицахъ выражалось что-то принужденное, будто они стѣснялись чѣмъ-то, точно находились не на пиру, а на службѣ. Только Зарубкинъ смѣшилъ ближайшее общество, безпрестанно подкладывая то хлѣбные шарики, то щепотки соли и перцу на тарелки сосѣда своего капитана Кренкина, которыхъ послѣдній не замѣчалъ и глоталъ вмѣстѣ съ различными соусами. Къ концу обѣда гости однако нѣсколько развеселились, разрумянились, бокалы ихъ наполнились шампанскимъ, посыпались разные тосты, загудѣло ура! музыка загремѣла туши.

— Подкинуть! шепнулъ чей-то голосъ,—и въ одно мгновеніе, какъ электрическая искра, отдался во всѣхъ комнатахъ, на всѣхъ углахъ стола.

Офицеры обступили командира. Онъ упирался, благодарилъ за честь, отказывался, но душа его говорила противное, онъ трепеталъ отъ упоенія, ему казалось дѣйствительно, что онъ совершилъ что-то великое, очаровалъ людей и встрѣчаетъ теперь выраженіе ихъ благодарности и восторга.

— Ура! дружно грянуло нѣсколько голосовъ—и Пигоцкій вознесся къ потолку и опустился на руки офицеровъ.

— Ура! раздалось снова—и Пигоцкій вторично совершилъ путешествіе къ верху.

— Ура! неистово заревѣлъ Глюкъ—и ноги Пигоцкаго снова заболтали на воздухѣ.

— Благодарю васъ, господа! благодарю васъ! говорилъ, стоя уже на ногахъ, тронутый Сергѣй Михайлычъ. Дай Богъ, чтобъ мы всегда взаимно сочувствовали другъ-другу въ нашемъ общемъ дѣлѣ! дай Богъ, чтобъ ваше довѣріе къ командиру отплатило ему за то уваженіе, съ которымъ онъ принимаетъ начальство надъ вами.

Раздалось новое оглушительное ура, музыка заиграла «Боже! Царя храни!»

Послѣ обѣда одни офицеры усѣлись за карты, другіе, дамскіе кавалеры, обступили полковницу, третьи разошлись домой.

— А гдѣ Ползиковъ? спрашивалъ, спускаясь съ лѣстницы, подполковникъ шедшаго съ нимъ офицера.

— Не знаю право, отвѣтилъ послѣдній, его эти дни нигдѣ не видать, вѣрно, все у купчихи веселится? заключилъ онъ, улыбаясь.

Офицеръ не ошибся, дѣйствительно Яковъ Петровичъ сидѣлъ во время обѣда у Агафьи Захарьевны; только не веселился онъ, звуки долетавшаго ура и музыки какъ-то нервически дѣйствовали на его душу; порой онъ даже вздрагивалъ.

— Агафья Захарьевна, дайте пить... я пить хочу! вдругъ произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Какъ пить, Яковъ Петровичъ?

— Пить!.. я напиться хочу... хочу забыть все, легче будетъ!

— Фы! ты страсти какія!.. эка выдумали! точно позволю

я въ своемъ дому безчинство производить... Христосъ съ вами!.. Чѣмъ бы объ такихъ мерзостяхъ думать, лучше бы туда же шли, вѣдь небось звали?

— Звали! протяжно, со вздохомъ, повторилъ Ползиковъ, только здѣсь лучше! На глазахъ его блеснули слезы, онъ замолчалъ, уперъ въ колѣни руки и опустилъ на нихъ голову.

— Да, у васъ лучше! Агафья Захарьевна! продолжалъ онъ, какъ бы самъ съ собою, лучше! я вамъ много обязанъ; вы до сихъ поръ спасали, поддерживали меня... я дремалъ, вы усыпляли меня, я забылъ прошлое, все забылъ!.. не думалъ о будущемъ, не соображалъ настоящаго, я спалъ какъ убитый, потому что спать было покойно... теперь не то!.. теперь я проснулся, меня разбудили, только не на жизнь, а на смерть... теперь я совсѣмъ погибнуть долженъ!

— Да Господь съ вами, Яковъ Петровичъ! что это за наказанье, право!.. эка бѣда, человѣкъ возгордился!—на то онъ и начальникъ. Извѣстно, какъ и не взгордиться ему?—такое ужъ званіе его! ваше дѣло умѣрить себя ..

Ползиковъ горько усмѣхнулся.

— Я, Агафья Захарьевна, не объ начальникѣ говорю, Богъ съ нимъ!.. мнѣ совѣстно, больно за самого себя... что я сдѣлалъ съ собой! я очнулся, и страшно мнѣ стало... во что обратился, куда гожусь я!

— Да что сдѣлалъ?—ничего и не сдѣлалъ, какимъ были, такимъ и остались... развѣ что облѣнились маленько, эка бѣда какая!

— Бѣда! теперь я на самое дно пойду! отвѣтилъ Ползиковъ, тяжело вздохнулъ и крѣпко провелъ рукою по груди, какъ бы желая выдавить изъ нея накипѣвшее горе. На глазахъ Агафьи Захарьевны сверкнули слезы. Теперь я все потерялъ, теперь я на зло всѣмъ, на зло самому себѣ, такимъ человѣкомъ сдѣлаюсь, что и вы со мной знаться не захотите. Онъ махнулъ рукой.

— Не позволю я вамъ, Яковъ Петровичъ, такимъ человѣкомъ сдѣлаться, стыдно говорить такъ! твердо отвѣтила хозяйка и взяла Ползикова за руки.

— Полно!.. Яковъ Петровичъ, а, Яковъ Петровичъ!.. го-

губчикъ!.. полно, Христа ради!.. что, у меня души что-ли нѣтъ, полно!.. взгляни на меня!.. говорила она.

Ползиковъ поднялъ глаза, взглянулъ на Агафью Захарьевну. Она плакала.

Онъ громко застоналъ и припалъ головой на грудь хозяйки.

VII.

Мѣсяца два спустя, какъ-то подъ вечеръ, Яковъ Петровичъ очень тщательно вымылся, выбрился, причесался, осмотрѣлъ развѣшанный на стулѣ мундиръ, прицѣпилъ къ нему новые эполеты, взглянулъ на часы и сталъ одѣваться.

Лице его было совершенно покойно, даже отчасти весело; онъ одѣвался прилежнѣе обыкновеннаго, долго чистилъ себя щеткой, нѣсколько разъ оправлялъ эполеты, досталъ чистый носовой платокъ, чистыя перчатки, посмотрѣлся въ зеркало, выдернулъ изъ-подъ воротника галстухъ, еще разъ посмотрѣлся, поправилъ проборъ на головѣ. Врядъ ли когда нибудь съ самаго производства въ офицеры, послѣ перваго обновленія офицерскаго мундира, Ползиковъ одѣвался такъ старательно, съ такимъ вниманіемъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ уже кончилъ туалетъ, оглянулся вокругъ себя, какъ бы придумывая, не забылъ-ли чего нибудь, сунулъ въ карманъ платокъ и перчатки, поставилъ на столъ каску, снова взглянулъ на часы и опустился на стулъ.

— Еще четверть часа! пробормоталъ онъ и закурилъ папиросу.

Въ комнату вошелъ вѣстовой съ письмомъ въ рукахъ.

— Это откуда?! спросилъ Ползиковъ съ удивленіемъ, давно неполучавшій никакихъ писемъ.

— Съ почты, ваше благородіе! крикнулъ вѣстовой.

Яковъ Петровичъ взялъ письмо, взглянулъ на адресъ и вдругъ на физіономіи его выразилось нѣкоторое смущеніе,

онъ узналъ руку Софьи Васильевны. Долго онъ медлилъ, точно не рѣшался распечатать неожиданнаго посланія, долго вертѣлъ его въ рукахъ, долго разбиралъ знакомый почеркъ, сильно, нѣсколько разъ затянулся, наконецъ, дрожащею рукою сломилъ печать, медленно вытащилъ письмо, медленно развернулъ его, пожалъ плечами, взглянулъ на подпись, аккуратно разложилъ на столѣ и, какъ-то нехотя, принялся читать когда-то любимыя строки.

По мѣрѣ чтенія, физіономія его дѣлалась оживленнѣе, глаза быстрѣе и быстрѣе перебѣгали со строчки на строчку, на щекахъ выступилъ румянецъ.

«Милостивый государь, Яковъ Петровичъ! писала Софья Васильевна. Простите меня, если я рѣшаюсь, въ послѣдній разъ, моими нѣсколькими словами, нарушить ваше, ничѣмъ невозмутимое, мертвое спокойствіе. Бываютъ обстоятельства, когда молчать становится слишкомъ трудно, почти невозможно. Знаю напередъ, что письмо мое удивитъ васъ, покажется вамъ страннымъ, быть можетъ, еще не распечатывая, вы съ негодованіемъ его отбросите отъ себя, какъ скучную, надоѣвшую вамъ галиматью; быть можетъ, боюсь сказать, вы осудите въ немъ женщину, вашего бывшаго друга, которымъ вы нѣкогда такъ дорожили, съ которымъ прощались и плакали, котораго такъ нѣжно, искренно любили когда-то!.. Да, любили, я увѣрена въ этомъ, несмотря на настоящую вашу холодность, несмотря на сухую форменность вашихъ послѣднихъ писемъ, несмотря, наконецъ, на ваше годовое, жестокое, ничѣмъ не заслуженное молчаніе. Я не хочу тревожить васъ напоминаніемъ прошедшаго, не думаю ни въ чемъ упрекать васъ, я желаю только оправдать себя въ настоящемъ, доказать, почему я такъ смѣло, настойчиво рѣшаюсь снова заговорить съ вами. Упорнымъ молчаніемъ вашимъ на мои неоднократныя письма, на мои усиленныя просьбы, на мой плачъ, вы задѣли самую чувствительную струну женщины, ея самолюбіе, насмѣялись надъ ея довѣрчивостію, изъ друга вы хотѣли сдѣлать врага себѣ; всякая другая на моемъ мѣстѣ сдѣлалась бы этимъ врагомъ, я поступила иначе, потому, что слишкомъ хорошо знала васъ.

Мнѣ было больно, невыносимо, я убивалась и плакала, но не за себя, а за васъ. Въ вашемъ молчанiи я видѣла вашу нравственную смерть, ваше самоуничтоженiе; я бранила себя, называла себя слабой, ничтожной, бездушной, за то, что не умѣла спасти васъ, не сковала сильнѣе вашего сердца. Мнѣ было жаль васъ, только жаль... Я знала, что вы больше не властны надъ собою, что время и обстоятельства уничтожили энергiю души вашей, сдавили ваши прежнiя чувства; я знала, что у васъ не было причины смѣяться надо мною, пренебрегать мною, разлюбить меня, что вы не въ состоянiи бы были даже выдумать этой причины. Я поняла, что вы больны какимъ-то нравственнымъ и физическимъ отчужденiемъ отъ самого себя, отъ всего жизненнаго, человѣческаго!.. Я страшно терзалась; но чтобъ вылѣчить васъ, оставалось одно средство, ѣхать къ вамъ самой, и силою, противъ вашей воли, разбить рутину вашего прозябанiя, растолкать, разбудить, спасти васъ!.. Я этого не могла сдѣлать, какъ замужняя женщина. Теперь я знаю, что я пишу не къ тому Ползикову, котораго знала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но къ Ползикову, у котораго все же есть совѣсть, есть память о прошедшемъ, къ Ползикову, который называлъ меня когда-то своимъ ангеломъ-хранителемъ, своимъ единственнымъ другомъ. Во имя этой дружбы, не изгладившейся изъ моего сердца, я обязана испытать послѣднее средство для вашего спасенiя. Этимъ я по крайней мѣрѣ себя облегчу, успокою мою тревожную совѣсть. Я вдова, Яковъ Петровичъ, бѣдный мужъ мой скончался мѣсяцъ тому назадъ!»

Ползиковъ привскокнулъ на стулѣ; лице его поблѣднѣло.

— Вдова!.. скончался!.. вдова!.. шепталъ онъ, совершенно растерявшись, потомъ проворно развернулъ письмо и съ какою-то лихорадочною жадностiю принялся его дочитывать.

«Да, я вдова, я свободна. Я бы была совершенно счастлива, еслибы и теперь могла воскресить, спасти васъ.

Ползиковъ вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ на лбу его.

«Все зависитъ отъ васъ, судьба вамъ благопріятствуетъ, насильно тащитъ васъ! Если сохранилась въ васъ хоть тѣнь прежняго чувства, или сохранилась хоть любовь къ самому себѣ, вы не вправѣ отвергнуть моего предложенія. Очнитесь, встрепенитесь, Яковъ Петровичъ, заставьте заговорить ваше сердце; вспомните прошедшее, справьтесь съ совѣстью, не смотрите ни на что, бросьте все, пріѣзжайте въ Петербургъ, вы найдете во мнѣ прежняго истиннаго друга, я попрежнему люблю васъ и, силою этой любви, я могу, я должна спасти васъ!»

Шумъ подъѣхавшаго экипажа заставилъ Ползикова очнуться. Руки его тряслись, сердце сильно билось, лицо было совершенно блѣдно, онъ судорожно смялъ письмо, взглянулъ на часы,—на нихъ было семь.

Въ комнату вошелъ Кренкинъ, въ мундирѣ и съ каскою въ рукѣ.

— Готовы, Яковъ Петровичъ? я не опоздалъ, кажется? спросилъ онъ.

Ползиковъ молчалъ и выпуча глаза смотрѣлъ на него.

— Что-же, готовы? повторилъ Семенъ Семенычъ.

— Готовъ! какъ-то неопредѣленно, безсознательно прошепталъ Ползиковъ. Казалось, языкъ его насильно повернулся и выговорилъ это слово.

— Да вы блѣдны что-то?

— Блѣденъ?.. такъ! попрежнему прознесъ Ползиковъ.

— Тамъ дожидаются чай, я видѣлъ проѣхали, замѣтилъ Кренкинъ; вынулъ изъ каски небольшой образъ, положилъ его на столъ, снялъ съ рукъ перчатки, высморкался и всталъ, выпрямившись, въ какомъ-то ожиданіи.

Ползиковъ вытеръ рукою лобъ и зажегъ на свѣчкѣ письмо.

— Что это вы жжете такое? спросилъ Кренкинъ.

— Глупую, жестокую судьбу свою жгу, свое счастіе, свою совѣсть... все пропадай! выразительно отвѣтилъ Ползиковъ, пристально смотря на пламя, охватившее бумагу.

— Небось амурное.

— Амурное! повторилъ Ползиковъ и повернулся къ Семену Семенычу.

Кренкинъ снова высморкался, принялъ торжественную позу, взялъ образъ и трижды осѣнилъ имъ голову Якова Петровича.

— Будьте счастливы... живите въ любви и согласіи, по совѣсти, какъ слѣдуетъ доброму мужу съ женой... Господь да благословитъ васъ!., проговорилъ онъ.

Ползиковъ поднялъ голову, по щекамъ его текли слезы, онъ бросился на грудь къ Семену Семенычу, крѣпко обвилъ руками его шею, крѣпко, горячо поцѣловалъ его въ губы, какъ будто на вѣки прощался съ нимъ.

Старикъ также прослезился.

— Господь съ вами, Яковъ Петровичъ! будете жить въ радости и благоденствіи многія лѣта! Чего вамъ?—нешто на худое идете что? была бы только совѣсть чиста да спокойна, тогда все хорошо, ни другихъ, ни самого себя не стыдно.

Ползиковъ упалъ на стулъ и зарыдалъ какъ сумашедшій.

Семенъ Семенычъ совершенно растерялся и вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ смотрѣлъ на своего сослуживца.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!.. да Христосъ съ вами, Бога побойтесь... Яковъ Петровичъ!.. повторялъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Что за причина такая неслыханная!.. пора... нехорошо... наждутся насъ, право наждутся... давно собрались всѣ... нехорошо, другихъ томимъ только... Яковъ Петровичъ!..

Ползиковъ вскочилъ.

— Ведите меня! съ тупымъ, безсильнымъ отчаяніемъ произнесъ онъ, схватилъ со стола каску и быстро вышелъ изъ комнаты.

Кренкинъ послѣдовалъ за нимъ, пожимая плечами и качая головой.

Они сѣли въ экипажъ и поѣхали въ ближайшую церковь.

Тамъ ярко горѣла паникадила; на клиросѣ толпился хоръ пѣвчихъ, по срединѣ церкви помѣщался аналой, а въ сторонѣ отъ него, опустивъ голову и потупивъ глаза въ землю, съ раскраснѣвшимся лицемъ, бѣлой, открытой шеей, въ

подвѣнечномъ платьѣ, съ большими бриллiантовыми серьгами въ ушахъ, стояла Агафья Захарьевна. Поодаль отъ нея шушукала пестрая толпа дюжихъ родственницъ, большею частiю съ платками на головахъ; около нея увивались, сильно напомаженные, кавалеры въ длиннополыхъ кафтанахъ.

Въ церковь вошелъ Яковъ Петровичъ. Толпа засуетилась, Агафья Захарьевна весело подняла голову и принялась обдергивать платье, а пѣвчiе грянули концертъ жениху.

Въ это самое время АдамъАдамычъ фонъ-Глюкъ вносилъ въ свой дневникъ слѣдующее:

«Ползиковъ совсѣмъ чортъ знаетъ что такое! совсѣмъ сумашедшимъ человѣкомъ сдѣлался, онъ ужасно виноватъ, вся его служебная карьера пропала! Онъ имѣлъ долгое объясненiе съ господиномъ полковникомъ, полагать надо, что господинъ полковникъ усовѣщевалъ его, дѣлалъ ему нѣкоторое начальническое наставленiе, но все напрасно, онъ ведетъ себя очень странно; подалъ прошенiе объ увольненiи себя отъ службы и женится на совершенно необразованной мужичкѣ. Это очень стыдно, большой скандалъ для полка цѣлаго. Онъ звалъ меня шаферомъ быть, но я отказалъ, и поступилъ весьма благоразумно. Зачѣмъ я пойду туда, гдѣ совсѣмъ быть не слѣдуетъ? Полковому командиру такой поступокъ могъ бы показаться очень неприличнымъ; на службѣ весьма осторожно держать себя слѣдуетъ, я не хочу получить замѣчанiе начальства. Зачѣмъ у Ползикова такая новая каска? Когда ему выйдетъ отставка, нужно будетъ прiобрѣсти, онъ продастъ дешево. Я себѣ деньщика завелъ, ротному командиру совсѣмъ нейдетъ безъ деньщика жить.»

VIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Яковъ Петровичъ давно въ отставкѣ. Онъ мирно проживаетъ въ городѣ О... состарѣлся, посѣдѣлъ, полысѣлъ,

лице его раздулось, сдѣлалось краснымъ, глаза совсѣмъ потускнѣли, руки трясутся. Онъ большею частію сидитъ дома, ходитъ вѣчно въ грязномъ, истертомъ халатѣ, въ туфляхъ на босую ногу, нечесаный, небритый, только въ праздникъ облачается въ нанковый сѣрый сюртукъ, отправляется въ церковь и поетъ на клиросѣ съ дьячками и пѣвчими. Онъ нигдѣ не служитъ, ничѣмъ серьезно не занятъ; онъ то сидитъ развалясь на диванѣ, то мѣрными шагами ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то засалеными картами гранъ-пасьянсъ раскладываетъ, то передъ образомъ лампаду поправитъ, то играетъ съ котомъ Васькой, то на гитарѣ побрянчитъ, то выйдетъ на крылечко, сядетъ и куръ покормитъ, то въ огородъ заглянетъ: походитъ между грядами, посмотритъ на лукъ и капусту, пересчитаетъ яблоки на яблони, потомъ въ комнату возвратится, посвищетъ чижу въ клѣткѣ, къ окошку подойдетъ, побарабанитъ пальцами по стеклу, въ сотый разъ гераньку понюхаетъ, у лежанки погрѣется.

Вокругъ него шумятъ и толпятся ребятишки, одни ходятъ, другіе ползаютъ; суетится по хозяйству Агафья Захарьевна.

Она тоже значительно измѣнилась: волосы на головѣ у ней порѣдѣли, коса сдѣлалась такою тоненькою, глаза осунулись, румянецъ на щекахъ пропалъ, шея потеряла прежнюю полноту. Она вѣчно занята, шьетъ, моетъ, толчетъ, мелетъ, одно поправитъ, другое уберетъ, въ кухню навѣдается, въ кладовую заглянетъ, съ дѣтьми возится и часто косится на Якова Петровича за его ничего недѣланье.

Особеннаго супружескаго счастія между женой и мужемъ не замѣтно, даже согласія мало; иной день пройдетъ, они слова другъ съ другомъ не скажутъ, иной день поспорятъ, большею частію о пустякахъ: о пирогѣ какомъ нибудь, но все-таки поспорятъ, а случается даже, что Агафья Захарьевна потихоньку глаза кулакомъ утираетъ.

— Никакъ дождичекъ собирается, замѣтитъ подошедшій къ окну и соскучившійся долгимъ молчаніемъ Яковъ Петровичъ.

— Съ какой стати ему собираться! никакого дождя не будетъ! вмѣшается Агафья Захарьевна.

— А пожалуй что и не будетъ! безспорно рѣшитъ Яковъ Петровичъ.

Тѣмъ разговоръ и кончится.

— Хорошо служитъ отецъ Иванъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, вспомнитъ хозяинъ.

— Что за хорошо, голосъ непріятный, отецъ Симеонъ тотъ точно хорошо служитъ, замѣтитъ хозяйка.

— Вамъ бы, Агафья Захарьевна, спорить только, гдѣ же Симеону противъ Ивана!

— Да извѣстно, Симеонъ лучше!

— Ну, пусть лучше, пусть по вашему будетъ! съ досадой отвѣтитъ Яковъ Петровичъ, а потомъ долго ходитъ по комнатѣ и все ворчитъ себѣ подъ носъ.

— А что, Агафья Захарьевна, я думаю закусить бы пора? начнетъ, только-что выпившій рюмку водки, хозяинъ.

— Какъ вамъ не думать, извѣстно думаете, вамъ бы все закусывать!

— Безъ закусыванья, Агафья Захарьевна, не хорошо, безъ закусыванья ножки протянешь!

— Такъ что-что протянешь,.. протягивайте!

— А съ вами что будетъ?

— Чему быть то?—ничего и не будетъ,.. овдовѣю!

— Хорошо ли будетъ?

— Извѣстно хорошо!

— А вонъ дѣти есть!

— Такъ что-что дѣти? дѣтей въ ученье отдамъ!

— Куда же въ ученье?

— А туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ!

— Стало быть за упокой души своей выпить можно? съостритъ Яковъ Петровичъ,—и снова выпьетъ водки.

Агафья Захарьевна покосится на него, проворчитъ что-то сквозь зубы и пойдетъ на столъ собирать.

Иногда Агафья Захарьевна, соскучившись долгимъ хожденіемъ взадъ и впередъ своего супруга, замѣтитъ ему:

— Что это, Яковъ Петровичъ, вы бы хоть какое нибудь себѣ занятіе нашли.

— А что, мѣшаю вамъ что-ли?

— Не мѣшаете, а смотрѣть скучно: шлепъ да шлепъ по комнатѣ, даже ушамъ больно!.. вонъ хоть бы дѣтямъ домиковъ настроили.

— Домиковъ пожалуй настрою, потѣшу васъ, отвѣтитъ хозяинъ и примется за указанную работу.

Иногда Яковъ Петровичъ съ самаго утра безпрестанно прикладывается къ рюмкѣ, Агафья Захарьевна смотритъ, смотритъ и не выдержитъ наконецъ.

— Тьфу ты Господи! да которую это вы рюмку глотаете? спроситъ она.

— А кто ее знаетъ которую? не считалъ! сурово отвѣтитъ Яковъ Петровичъ.

— То-то не считали, считать бы лучше,.. смотрѣть срамъ!

— А ты и не смотри, прошу я смотрѣть, что-ли!.. сколько душа требуетъ, столько и пью!

— Вы бы хошь дѣтей-то посовѣстились...

— Ты, баба, молчи, ты не кори меня! вдругъ, ни съ того ни съ сего, начнетъ Яковъ Петровичъ, не тебѣ дурѣ учить меня. Ты помни, я можетъ и пью отъ тебя; все зло отъ тебя, ты лучше не раздражай меня, будешь раздражать, на зло напьюсь! слышишь-ты?

Агафья Захарьевна разревется.

Яковъ Петровичъ выпьетъ еще нѣсколько рюмокъ, иногда разбуянится, расшумится, чаще расплачется какъ ребенокъ, завалится на диванъ и захрапитъ какъ убитый.

И никто не знаетъ Ползикова, всѣ оставили, всѣ отступились отъ него, всѣ рукой на него махнули, только Кренкинъ изрѣдка, почти потихоньку зайдетъ навѣстить стараго сослуживца, поболтаетъ, о солдатикахъ поразскажетъ, приласкаетъ дѣтей, принесетъ имъ горсть орѣшковъ да пряникъ грошовый, а иногда, въ минуту скорби, утѣшитъ, какъ можетъ, бѣдную Агафью Захарьевну.

Глюкъ попрежнему служитъ въ полку, произведенъ въ

маіоры и командуетъ батальономъ. Онъ возгордился еще больше противъ капитанскаго чина; молодымъ офицерамъ не подаетъ и двухъ пальцевъ, но очень отчетливо прикладываетъ ихъ къ каскѣ. Нельзя налюбоваться, глядя на него, когда онъ на конѣ верхомъ производитъ ученье: столько величія, столько благородной гордости, мужества и сознанія собственнаго достоинства разлито во всей его фигурѣ! что-то дѣйствительно марсовское просвѣчиваетъ въ его физіономіи. Въ особенности онъ хорошъ, когда роты, предшествуемыя своими офицерами, проходятъ мимо его церемоніальнымъ маршемъ, когда изъ устъ его раздается громогласное «хорошо, ребята!» а солдатскій отвѣтъ «рады стараться!» громкой, перекатной волной оглашаетъ воздухъ! Въ эту минуту онъ такъ хорошъ, что и описать невозможно. Герой да и все тутъ! Одна уѣздная, очень почтенная дама влюбилась въ Глюка именно въ эту минуту и по этому случаю вышила подушку себѣ на диванъ съ изображеніемъ офицера скачущаго верхомъ на лошади.

Хозяйство Адама Адамыча расширилось еще болѣе; онъ завелъ рубашки изъ тонкаго полотна, несессеръ съ бритвами накладнаго серебра, снялъ съ себя фотографическій портретъ и повѣсилъ его надъ своимъ письменнымъ столомъ.

Въ маіорскомъ чинѣ Адамъ Адамычъ замѣтно похорошѣлъ, сдѣлался еще крѣпче, солиднѣе; густые эполеты больше шли къ его плотной, массивной фигурѣ; онъ растолстѣлъ, обѣщаетъ растолстѣть еще болѣе, но толстота эта нисколько не вредитъ ему, напротивъ, странно, неловко, неестественно было бы видѣть Глюка худенькимъ,—толстота была его принадлежностію, его неотъемлемою собственностію, чѣмъ-то родимымъ; безъ нея, быть можетъ, онъ не былъ бы фонъ-Глюкомъ.

Несмотря однако на видимое счастіе, окружавшее Адама Адамыча, на его довольство самимъ собою, часто какое-то неопредѣленное, тяжелое чувство наполняло его душу. Онъ сидѣлъ иногда задумавшись нѣсколько часовъ сряду, грудь его возвышалась, не отъ физической, послѣобѣденной тяго-

сти,—Адамъ Адамычъ и въ маіорскомъ чинѣ когда обѣдалъ у себя дома, кушалъ очень умѣренно; онъ вздыхалъ сердечно, внутренно, такъ вздыхалъ, что разъ, услышавъ подобный вздохъ, въ комнату вбѣжалъ деньщикъ и спросилъ: «что̀ угодно?» Дѣло въ томъ, что Глюкъ, несмотря на все свое стараніе сдѣлаться женатымъ, до сихъ поръ оставался холостымъ, женитьба какъ на зло рѣшительно не давалась ему: куда ни сунется, вездѣ клинъ. Онъ даже уменьшилъ свои прежнія требованія касательно невѣстинаго благосостоянія, ограничился однимъ шелковымъ платьемъ въ годъ, сдѣлался менѣе разборчивъ и въ женскихъ лѣтахъ и въ женской красотѣ, но все напрасно, не заладилось да и шабашъ! тутъ хоть лбомъ стѣну бей, ничего не выбьешь. А между тѣмъ случалось, что Адамъ Адамычъ, смотрясь въ зеркало, съ ужасомъ замѣчалъ сѣдой волосъ въ головѣ и тщательно его выдергивалъ; на лбу у него образовались довольно глубокія морщины, а невѣсты все не было!

— Что̀ это, думалъ онъ самъ съ собою, неужели родъ Глюковъ такъ и погибнетъ окончательно, какъ бы и на свѣтѣ его не было!? неужели я совсѣмъ нравиться женщинамъ не могу?! быть не можетъ! чего имъ нужно еще?.. и по службѣ иду хорошо, и штабъ-офицеръ, и здоровъ, и совсѣмъ не старъ еще, чортъ знаетъ что!.. остается одно средство, ѣхать въ отпускъ, въ Курляндію и тамъ жениться,—эти русскія дамы совсѣмъ съ ума сошли!

Неизвѣстно, исполнилъ-ли Адамъ Адычъ свое намѣреніе, увѣнчалось-ли наконецъ успѣхомъ его непреодолимое желаніе и какъ увѣнчалось?—или онъ остался какъ былъ—все холостымъ маіоромъ, Богъ знаетъ! Судьба рѣдко награждаетъ человѣка полнымъ счастіемъ, хоть чѣмъ нибудь да непремѣнно щелкнетъ его.

Вотъ развѣ Сергѣй Михайлычъ Пигоцкій — счастливъ совершенно! Онъ имѣетъ обезпеченное состояніе, прекрасную жену, прекрасныхъ дѣтей, пользуется независимымъ положеніемъ въ обществѣ, уваженіемъ подчиненныхъ, всюду принятъ, вездѣ встрѣчаетъ почетъ и радушіе, ему завидуютъ о немъ говорятъ, многіе считаютъ за честь пожать ему руку,

многіе напрасно добиваются этой чести, его величаютъ вашимъ превосходительствомъ, его дожидаются просители въ пріемной; полкомъ онъ уже не командуетъ, а занимаетъ другое какое-то мѣсто. Такихъ счастливцевъ на свѣтѣ не много!

А. ВИТКОВСКІЙ.

22-го сентября 1861 года.

ВЕСЕНЬНЯЯ СМЕРТЬ.

ПОЭМА.

I.

Въ тотъ часъ, когда сѣдая мгла
Надъ Петербургомъ сѣть растянетъ;
Когда отъ вкуснаго стола
Самодовольный баринъ встанетъ;
Когда такъ хочется ему
Не дрязгъ житейскаго разсудка,
Но для сваренія желудка
Дать пищу легкую уму, —
И онъ, съ сигарой, у камина,
Мечтѣ далъ выспренній полетъ —
И вотъ, въ лучахъ, предъ нимъ встаетъ
Всеблагоденствія картина, —
О, какъ душѣ его близка
Въ тотъ мигъ кручина бѣдняка!
И поводя лѣниво окомъ,
Ему такъ хочется разжечь
О всемъ гуманномъ и высокомъ
Филантропическую рѣчь.
Въ тотъ часъ, когда по лужѣ грязной,
Бѣднякъ озлобленно спѣшитъ
Къ своей канурѣ безобразной

Которой смрадъ и гнусный видъ,
Мѣшая сну и аппетиту,
Лишь будятъ злобу да тоску, —
Какóе дѣло бѣдняку
И чтó за дѣло сибариту,
Что подъ дождемъ, ужъ цѣлый часъ,
Сѣдой старикъ съ визгливой скрипкой,
Не отводя отъ оконъ глазъ,
Поетъ съ молящею улыбкой;
А передъ нимъ, подъ скрипку въ ладъ,
Дѣвчонка маленькая скачетъ
И, съ пѣсней вовсѣ не-впопадъ,
Синѣетъ съ холоду и плачетъ.

Но вотъ, откормленный швейцаръ
Грозитъ съ подъѣзда нищимъ палкой:
Какъ видно, слухъ гуманныхъ баръ
Былъ оскорбленъ той пѣсней жалкой. —

И поплелись отецъ и дочь,
Щадя сіятельныя уши....
Чтó станешь дѣлать!—скоро ночь,
А имъ не близокъ путь въ Чекуши.

Придутъ домой не слыша ногъ;
А дома ждетъ старикъ-Азорка:
Хоть пёсъ и голоденъ, но зорко
Стерёгъ безъ нихъ онъ свой порогъ. —
И псу даютъ за то потачку:
За ужинъ сядутъ,—и Азоръ
Съ куска не сводитъ умный взоръ
И важно ждетъ себѣ подачку.

Перекусивъ — чѣмъ-богъ-послалъ,
Заснутъ кой какъ они въ лачугѣ,
Но имъ и сонъ едва ль не слалъ
Заботъ о нуждахъ и недугѣ!
И часто дѣвочка сквозь сонъ,
Бывало, слышитъ вздохъ иль стонъ, —
Вся тихо вздрогнетъ, — и не спится
Ей долго-долго... и слеза

Смочитъ усталые глаза,
И ядомъ въ душу ей ложится
Тотъ тяжкій вздохъ... На локоткѣ
Она привстанетъ, и въ тоскѣ
Глядитъ, прислушиваясь чутко:
Не повторится ль вздохъ?.. И жутко
И такъ ей страшно станетъ вдругъ; —
А все глядитъ — глядитъ вокругъ,
Какъ тѣни пó полу играютъ
Тѣхъ двухъ черёмухъ, что качаютъ
Уныло прутья за окномъ,
Подъ луннымъ фосфорнымъ лучомъ.

II.

И вспоминалъ старикъ, порою,
Село надъ Волгою родною,
Въ селѣ старинный барскій домъ,
Великолѣпныя палаты,
Гдѣ князь—помѣщикъ тароватый, —
Сзывалъ на двѣсти вёрстъ кругомъ
Къ себѣ на барскую потѣху,
На хлѣбосольный свой обѣдъ,
Лишь ради чванства, ради смѣху
Весь окружной блестящій свѣтъ,
Всѣхъ лицъ въ губерніи извѣстныхъ, —
И силой, дюжихъ гайдуковъ
Онъ заставлялъ для тѣхъ пировъ
Сгонять дворянъ мѣлкопомѣстныхъ
И всѣхъ подъячихъ—какъ шутовъ.

Кичася барственою спѣсью,
Князь капельмейстера купилъ,
Хотя въ душѣ, какъ говорилъ,
Предпочиталъ охоту пёсью:
Когда въ потѣху важныхъ лицъ,
Спустя борзыхъ своихъ горячихъ,
Онъ вмѣсто зайцевъ и лисицъ
Травилъ поповъ или подъячихъ; — — —

И къ капельмейстеру въ науку
Велѣлъ дворовыхъ князь согнать
И приказалъ ихъ обучать
Хотя на скорую-бы руку,
Но чтобъ къ зимѣ лишь былъ готовъ
Оркестръ для княжескихъ баловъ.

И часто съ дочькой въ разговорѣ
Припоминалъ старикъ свое
Холопье сладкое житье,
Молчкóмъ пережитое горе:
Какъ волей барской былъ давно
Онъ отъ буфета взятъ ошибкой
И быть ему повелѣно
За ростъ примѣрный—первой скрипкой.

И хоть не мало потужилъ,
Но точно, сталъ онъ музыкантомъ, —
И за искусство князь почтилъ
Его на курткѣ краснымъ кантомъ.

Хоть онъ и былъ еще не старъ,
Но рано выслужилъ сѣдины
И по лицу его морщины
Прошли... отъ милостей у баръ.
Холопій вѣкъ не больно дорогъ:
Все жилъ да жилъ богъ-вѣсть къ чему,
Да какъ-то вдругъ, ужъ лѣтъ подъ сорокъ,
Пришлася пó-сердцу ему
Параша.—Дѣвка-то на славу!—
Съ двора: садовникова дочь;
И ей скрипачь-то былъ по нраву,
Да и садовникъ самъ не прочь:
Къ чему съ хорошимъ человѣкомъ
Не породниться? И внучатъ
Старикъ бы выхолить былъ радъ,
Своимъ недужнымъ, древнимъ вѣкомъ
Поглядѣться бы на нихъ. —
Да выпалъ имъ неладный стихъ:

Пошелъ, какъ слѣдъ, скрипачь съ поклономъ,
Что такъ и такъ, молъ... жить закономъ,

Хочу... и дѣвку подыскалъ,
Такъ ужъ позвольте, молъ, жениться! —
И прямо въ ноги... Обласкалъ
Его самъ князь и приказалъ
Къ себѣ съ невѣстою явиться.
Явились. Князь-то какъ взглянулъ, —
И видитъ: дѣвка-то красива!..
Скрипачь-то съ разу не смекнулъ
Въ чемъ дѣло,—вдругъ, ему на диво,
И соизволь-ка князь сказать,
Что этой свадьбѣ не бывать! —
Тѣ—въ ноги, въ слезы вдругъ съ печали! —
Ушелъ и слушать не хотѣлъ,
Имѣя много важныхъ дѣлъ;
А чтобы впредь не приставали,
Такъ повелѣлъ—на много лѣтъ
Внушить имъ отческій совѣтъ!

Что дальше было,—всякій знаетъ!..
Не даромъ князя и досель
Скрипачъ добромъ не поминаетъ!..
Исчезъ въ немъ скоро первый хмѣль
Минутной прихоти и страсти,
И онъ Парашу отпустилъ,
Затѣмъ что новой занятъ былъ
Продѣлкой по сердечной части.

Но принесла она во дворъ
Себѣ дѣвическій позоръ,
Да стыдъ, да горе, да кручину...
Какъ свѣчка, таючи, жила
И какъ-то ночью ужъ пошла
Себѣ высматривать осину.

Скрипачъ молчалъ, не подходилъ,
И только по̀-двору бродилъ,
Какъ ночь осенняя, угрюмо. —
Но зоркимъ глазомъ прослѣдилъ
Ея отчаянную думу:
Пошелъ за ней онъ, въ поздній часъ,

И въ темномъ лѣсѣ, на просторѣ,
Съ ней вмѣстѣ выплакалъ все горе
И отъ осины дѣвку спасъ.

Но время шло — и улегалась
Молва людская про нее;
Вольнѣй обоимъ имъ дышалось,
Сноснѣй казалося житье.
Бывало, день-деньской, при людяхъ,
Другъ съ другомъ порознь, все молчатъ, —
И хоть одинъ бы выдалъ взглядъ
Все то, что накипѣло въ грудяхъ!
И только ночью иногда
Она, тайкомъ, въ слезахъ горючихъ,
Сойдется съ нимъ, то у пруда,
То въ коноплянникахъ пахучихъ:
А тамъ—уйдутъ въ зеленый лѣсъ,
Въ орѣшникъ частый, подъ навѣсъ
Сырыхъ вѣтвей.—Въ лѣсу привольно:
Тамъ сердцу жутко, но не больно!..

Хоть князь давно и позабылъ
Про грѣхъ съ садовниковой дочью,
Хоть и скрипачь давно ходилъ
Видаться съ нею, темной ночью,
Да и попрежнему хотѣлъ
Съ Параней честно повѣнчаться,—
Однако впредь уже не смѣлъ
Онъ съ просьбой къ барину являться.
И люди добрые, подъ часъ,
Имъ о женитьбѣ намекали,
Но... баринъ строгъ—и не дерзали
Нарушить княжескій приказъ.

* * *

Однажды въ оргіи бурливой,
Гдѣ князь сатрапомъ возлежалъ,
Самодовольный и кичливый,
И каждый гость предъ нимъ дрожалъ,
И какъ червякъ, и какъ букашка
То пресмыкался, то лисилъ, —

Вдругъ неожиданно хватилъ
Его сіятельство кондрашка.

Черезъ три дня богатый гробъ,
На колесницѣ съ балдахиномъ, —
Синклитъ поповъ, соборнимъ чиномъ,
Съ толпой значительныхъ особъ
Сопровождали въ склѣпъ фамильный.
И тутъ же, съ дворнею обильной
Шли равнодушно мужики,
За то̀ букашки, червяки
Всѣ подымали вой умильный!
Затѣмъ витія-протопопъ
Почтилъ сіятельнѣйшій гробъ
И мертвеца приличнымъ словомъ:
«О житіи его суровомъ,
«О добродѣтелехъ его
«И доблихъ подвигахъ отчизнѣ»,
И пригласилъ къ обильной тризнѣ
«Отъ праха бреннаго сего».

* * *

И не мечталъ скрипачь про долю,
Но князь въ духовной заявилъ,
Чтобы наслѣдникъ отпустилъ
Всю дворню барскую на волю —

И вотъ, съ Парашею вдвоемъ,
Какъ двѣ былинки въ чистомъ полѣ,
Вдругъ очутился онъ на волѣ
Съ кой-какъ прикопленнымъ грошомъ
Да съ бѣдной скрипкой. Обвѣнчался
Тотча̀съ же съ ней, да и собрался
Со всѣмъ убогимъ скарбомъ въ путь —
Пока еще не сгибли силы —
И лишь на о̀тчія могилы
Сходилъ въ послѣдній разъ взглянуть,
Слезу послѣднюю тамъ вытеръ,
Да и махнулъ съ Параней въ Питеръ.

Добрался кое-какъ туда,
Въ ненастный день, по зимней вьюгѣ,

Каморку нанялъ съ ней въ лачугѣ,
По цѣлымъ днямъ искалъ труда,
Но... въ Петербургѣ такъ ведется,
Что честно трудъ едва-ль дается!..

Ходилъ онъ, правда, каждый день,
Въ своемъ костюмишкѣ печальномъ —
Да лишь считалъ число ступень,
Прося въ оркестрѣ театральномъ
У мецената-богача
Себѣ мѣстечко скрипача.
Къ несчастью, фракъ на немъ былъ бѣденъ;
А самъ, съ лица забитъ и блѣденъ,
И безъ протекціи къ тому-жъ,
Онъ всюду былъ и сиръ, и чужъ,
И даромъ только съ годъ шатался,
А мѣста все-же не дождался.

И вотъ пошелъ онъ по дворамъ
Бродить со скрипкой, по грошамъ
Сбирая скудныя подачки;
А Паша стала мыть бѣлье,
Какъ нанялась подённо въ прачки,
И добывала на житье,
Трудомъ, свою копѣйку тоже;
Да надрывалась ночь и день,
Вдругъ за́ годъ стала, словно тѣнь,
На человѣка не похоже!
Не одолѣлъ бѣднякъ нужду!..
А тутъ еще имъ на бѣду
Дитя родилось: дочька — Маня, —
И обезсиливъ отъ заботъ,
Параша, въ день, среди работъ,
Была и мамка ей, и няня,
Да жаль бѣдняжку: не смогла
И отъ чахотки умерла.

Отдавшись съ горюшка похмѣлью,
Еще угрюмѣй сталъ скрипачъ,

И часто, въ ночь, заслышавъ плачь,
Онъ самъ рыдалъ надъ колыбелью,
Рыдая пѣсню напѣвалъ,
Баюкалъ дочьку и качалъ.

Да къ счастью, тутъ нашлась сосѣдка,
Старушка нищая;—и жаль
На безпомо́щную печаль
Глядѣть ей стало: малолѣтка
Она призрѣла у себя,
И цѣлый день, пока со скрипкой
Старикъ ходилъ, она, съ улыбкой
Уныло-робкой и скорбя,
Съ дитёй по улицамъ бродила
И подаянія просила.

Но вотъ и Маня подросла:
Шестой годокъ пошелъ ребенку;
А тамъ и въ землю старушонку
Сама полиція свезла, —
И стала Маня безъ старушки
Сбирать по улицамъ полушки;
Съ утра до вечера съ отцомъ,
И по жарѣ и подъ дождемъ,
Подъ непривѣтнымъ, хмурымъ небомъ
Бродить по городу за хлѣбомъ,
Изнемогая и спѣша,
Плясать и пѣсни пѣть подъ скрипку,
Чтобъ гдѣ нибудь сорвать улыбку
Богатыхъ баръ изъ за гроша.

III.

И странный это былъ ребенокъ:
Всегда болѣзненно-блѣдна
И тайной робости полна;
А голосокъ у ней былъ тонокъ
И тихъ, и нѣженъ... Не вились
Ея волосики вкругъ шейки

Янтарнымъ шолкомъ, будто змѣйки,
А только рѣдкой прядью внизъ
Спускались прямо по головкѣ;
И въ нравѣ не было у ней
Не къ хитрости живой снаровки,
Ни рѣзвости, какъ у дѣтей;
Ея голубенькія глазки,
Казалось, будто просятъ ласки
И сожалѣнья, и порой
Слегка туманились слезой...
Еще ни разу не сходилась
Нигдѣ съ дѣтьми играть она,
Но, одинока и грустна,
Съ однимъ Азоркой лишь дружилась:
Уйдетъ, бывало, въ лѣтній день
Съ нимъ на Смоленское кладбище, —
А тамъ и воздухъ душный чище,
И ёлки пахнутъ и сирень. —
И межъ могильными плитами
Забившись, часъ, другой сидитъ
И съ легкимъ трепетомъ глядитъ
На искры солнца надъ крестами,
И чутко слушаетъ, какъ гулъ
Вдоль по деревьямъ пробѣгая
И, будто говоръ, замирая,
Далеко къ морю потянулъ...

А нѣтъ,—такъ подъ-вечеръ съ Азоромъ
Ко взморью въ поле убѣжитъ
И долго въ даль пытливымъ взоромъ
На зорю алую глядитъ;
Въ траву заляжетъ средь лужайки
И смотритъ въ небо: журавли
Летятъ по небу, а вдали
Блестятъ крыломъ на солнцѣ чайки;
Далече гдѣ-то молотъ бьетъ:
Вбиваютъ сваи... И поетъ
Тамъ, слышно, пѣсню запѣвало:
«И што-й ты свая наша стала!» —
И вѣтеръ пѣсню ту несетъ

Вдоль по водѣ, далеко къ морю,
Гдѣ потонуть ей, словно горю...

А то,—вдругъ личикомъ къ травѣ,
Съ пытливой думой въ головѣ,
Приникнетъ Маня такъ любовно
И смотритъ—глаза не сведетъ
Какъ травка каждая растетъ
И какъ колышется неровно.

Пойдетъ по берегу гулять, —
И любо ей объ эту пору
Морскія камушки сбирать
И плесть вѣнки: одинъ Азору
На шею вденетъ, а другой
Сплететъ себѣ, и такъ красиво
Совьетъ его надъ головой, —
И побѣжитъ предъ ней рѣтиво
Азоръ въ вѣнкѣ своемъ домой.

* *
*

Межъ-тѣмъ, что день, то больше нужды!
Пришибло горе старика! —
И стали двери кабака
И для него порой не чужды...
Придетъ иной разъ онъ домой
Такой сердитой и хмѣльной,
Ни слова ласково не скажетъ, —
Прикрикнетъ развѣ на дитя
Да отвернется... и крехтя,
На печьку спать-себѣ заляжетъ.
Проспится къ утру,—какъ сквозь сонъ,
Про хмѣль вчерашній вспомнитъ онъ, —
И станетъ за себя обидно!..
И такъ-то совѣстно да стыдно
Глядѣть на дѣвочку... И вдругъ
Лишь вспомнитъ онъ, что и не видѣлъ,
Какъ даромъ дочь вчера обидѣлъ,—
Такая боль, такой испугъ
Его охватятъ, какъ недугъ,
Что весь бы свѣтъ возненавидѣлъ!..

И онъ въ смущеніи сидитъ,
Пойдетъ леденчиковъ ей купитъ,
Скорѣй съ гостинцемъ прибѣжитъ
И робко такъ ее голубитъ,
Головку гладитъ и глядитъ,
Любовно такъ глядитъ на дочьку, —
Рука дрожитъ въ ея рукѣ, —
И жметъ онъ худенькую щечку
Къ своей морщинистой щекѣ...
И полонъ скрытаго мученья,
Все такъ глядитъ въ ея глаза,
Какъ будто выпросить прощенья
У дочьки хочетъ... А слеза
Ужъ смыла старую ошибку, —
Но все глядитъ, все хочетъ онъ
Поймать въ лицѣ ея улыбку,
Поймалъ—и счастливъ: онъ прощенъ! —
Она обиду позабыла,
И улыбнулась, и простила!...

IV.

Ужъ мартъ въ концѣ. Ненастный день:
То снѣгъ, то дождь... И грязь, и слякоть—
Не долго, знать, собралось плакать
Родное небо!.. Всюду тѣнь
Какая-то отъ тучъ ложится,
И вѣтеръ свищетъ надъ Невой,
А съ грязныхъ улицъ паръ гнилой
Со смрадомъ надъ землей садится.

Въ сырой канурѣ скрипача
И мракъ, и холодъ... На кроваткѣ
Больная Маня, въ лихорадкѣ,
Сюртукъ отцовскій на плеча
Накинувъ съ холоду, трясется,
Сидитъ въ углу и къ стѣнкѣ жмется,
И взоръ унылый и больной
Въ оконце тусклое вперяетъ:

Тамъ, за оконцемъ, дождь гуляетъ
И голымъ прутьемъ вѣтеръ злой
Колотить въ стекла, какъ шальной,
И стукомъ тѣмъ ее пугаетъ.
А передъ Манею Азоръ
Улегся на полу лѣниво
И свѣсивъ морду такъ тоскливо
Межъ крѣпкихъ лапъ, онъ грустный взоръ
Съ нее не сводитъ, словно, чуетъ,
Что крѣпко дѣвочка тоскуетъ.

Ужъ третій день она больна;
Старикъ одинъ со скрипкой бродитъ,
А Маня ждетъ, и отъ окна
До ночи взоры не отводитъ;
Ужъ третій день, какъ онъ домой
Какой-то мрачный и больной
Приходитъ къ ночи, и для Мани
Приноситъ только хлѣбъ въ карманѣ,
А самъ не ѣстъ и на кровать
Ложится тотчасъ, молча, спать.
Вотъ и теперь: ужъ вечеръ скоро
И Маня ждетъ... Но слухъ Азора
Шаги заслышалъ у воротъ, —
Ну, такъ и есть: отецъ идетъ...

Вошолъ,—весь мокрый и сердитый,
Какъ ночь угрюмъ, а самъ молчитъ,
И весь такъ блѣденъ, весь дрожитъ
И смотритъ въ землю... Какъ убитый,
Облокотившися къ столу,
Онъ какъ-то рухнулъ на скамейку
И сѣлъ.

И сквозь ночную мглу,
Такъ робко вытянувши шейку,
Малютка смотритъ на отца,—
Но часъ прошелъ, а онъ лица
Еще не поднялъ. И съ тоскою,
Въ невольный страхъ погружена,

Къ нему тихонько вдругъ она
Подходитъ:

— Тятя, что съ тобою?..

И, какъ ужаленный, старикъ
Вскочилъ вдругъ съ мѣста... Дикій крикъ
Изъ груди вырвался невольно
И засверкалъ потухшій взоръ...
И боже, какъ въ ребенкѣ больно
Отозвался его укоръ:

Молчать!.. Небось, все хочешь хлѣба? —
Гдѣ жъ взять?! не велика потреба:
И такъ уснешь!.. Я самъ, какъ песъ
Голодный, ѣсть хочу до боли, — — —
Вотъ... я... для праздника господня...
На хлѣбъ... ни мѣднаго гроша
Нигдѣ не выпросилъ сегодня!...

И онъ умолкъ. У синихъ губъ
Съ хрипѣньемъ показалась пѣна —
И вдругъ упалъ онъ на колѣна
И на полъ грохнулся, какъ трупъ.

*
* *

Вскочила Маня, задрожала —
И вонъ изъ дому!.. не боясь
Пустынныхъ улицъ, черезъ грязь
Она въ безпамятствѣ бѣжала...
Рыданья ей душили грудь
И горло сперли, дождь ручьями
Полосовалъ ее, но путь
Ей незамѣтенъ былъ: огнями
Свѣтилась даль и къ тѣмъ огнямъ,
Казалось, будто уносила
Ее невѣдомая сила.
По топкимъ лужамъ, по камнямъ,
Ноженки въ кровь себя израня,
Бѣжитъ, не чуя боли, Маня,
Бѣжитъ, толкаясь, и людей
Хватать старается руками,

Моля ихъ дикими глазами,
Но всѣ сторонятся отъ ней,
Дивясь, о чемъ она хлопочетъ?
Хотя и слышатъ, что бормочетъ:
«Тамъ тятя... тятя... хлѣба ждетъ...
Спасите!.. грошъ одинъ... умретъ!»
И молитъ ихъ, и стонетъ тяжко,
И все бѣжитъ, бѣжитъ бѣдняжка.

И вотъ, она ужъ на мосту,
Вся въ лихорадочномъ поту;
Предъ ней сверкающая лента
Вечернихъ, яркихъ фонарей;
А Маня все скорѣй, скорѣй!
И на какого-то студента
Наткнулась вдругъ. Одинъ лишь онъ
Остановился предъ голодной,
Схватилъ ее и окруженъ
Толпой безсмысленно-холодной
Тотчасъ нахлынувшихъ зѣвакъ,
Сталъ-было спрашивать съ участьемъ,
И кто она? и что, и какъ?
Куда бѣжитъ, съ какимъ несчастьемъ? –
Но та, неслыша ничего,
Лишь перерывисто лепечетъ
И все моля Богъ-вѣсть кого
Подать ей грошъ, такъ дико мечетъ
Голодный взоръ свой на людей; —
И незадумавшися ей
Бѣднякъ, къ добру всегда готовый,
Послѣдній отдалъ свой цѣлковый,
Что самъ добыть едва лишь могъ
На хлѣбъ насущный за урокъ.

И вдругъ, на мигъ забывши муку,
Не вѣря съ радости глазамъ,
Она подавшую ей руку
Схватила крѣпко и къ губамъ
Ее прижала, что есть мочи, —
И вдругъ назадъ еще скорѣй

Бѣжать пустилась отъ людей
Въ ненастный мракъ холодной ночи.

* * *

И вотъ ужъ дома. Глядь отецъ
Уже очнулся... Какъ мертвецъ,
Сидитъ въ углу, неподымаясь...
Она къ нему! и, задыхаясь,
Едва сказала наконецъ:
«Вотъ деньги, тятя... я достала!»
Хотѣлось глубже ей вздохнуть
Да не смогла, и вдругъ на грудь
Безъ чувствъ къ нему, какъ снопъ, упала.

V.

Весна приспѣла... тихій май
Съ своими бѣлыми ночами
Благоухаетъ надъ садами,
И въ небѣ много-много стай
Летитъ на лѣтнія кочевья;
Перятся тонко облака; —
И закудрявились слегка
Смолистой зеленью деревья
Подъ крупнымъ ливнемъ вѣшнихъ тучъ.
Вездѣ свѣтло, тепло, привѣтно!
И даже къ нищимъ не замѣтно
Прокрался яркій, теплый лучъ —
И по стѣнѣ сырой и грязной
Онъ вдругъ то *зайчикомъ* вбѣжитъ,
То сквозь деревья зарябитъ
Въ окно игрой разнообразной.
И Манѣ весело глядѣть
На это солнышко, сквозь сѣть
Весеннихъ листьевъ!.. Душно, тяжко
Лежать малюткѣ: все больна
Ужь больше мѣсяца она, —
Въ чахоткѣ стаяла бѣдняжка
Съ той самой ночи... И взглянуть,
Такъ жутко станетъ: эти глазки

Запали глубоко и ласки
Еще больнѣе просятъ... Грудь
Ввалилась, хилая, и дышетъ
Порывисто и тяжело,
Какъ будто, что-то залегло
Внутри ее и зноемъ пышетъ,
И жжетъ, и давитъ... А щека
Зловѣщей краскою слегла
Покрылась.—И она не знала,
Что страшной смертью умирала!

* *
*

....Все тихо. Утро. Мягкій свѣтъ
Бросаетъ солнце вглубь каморки
На столъ да на сухія корки —
Вчерашній ужинъ иль обѣдъ;
И старика задѣвъ украдкой,
Вдоль по лицу его скользитъ, —
А онъ, убитый, надъ кроваткой,
Не шелохнувшися, сидитъ
И смотритъ пристально и чутко,
Какъ дышетъ спящая малютка:
Ей тяжело... Но вотъ она
Тихонько вздрогнула со сна
И глазки медленно раскрыла,
Отъ солнца щурясь, и на свѣтъ
Взглянувъ, улыбкою привѣтъ
Ему послала и спросила:

—«Ты, тятя, здѣсь?.. Раскрой окно:
Мнѣ душно, давитъ... Вишь какая
Теплынь!.. Вѣдь скоро мнѣ должно
И выздоравливать.—Пошла я
Гулять бы... Да раскрой скорѣй:
Дышать мнѣ хочется!..»

И ей

Раскрылъ окно старикъ. Пахнуло
Вдругъ свѣжимъ воздухомъ. Весной
Запахло въ комнаткѣ больной —
И жадно грудь ея вдохнула
Живую, бодрую струю!..

А вѣтвь черемухи ворвалась
Въ окошко къ ней и закачалась
Вся бѣлымъ цвѣтомъ, и свою
Густую листву распустила
Надъ бѣдной Маней и прикрыла
Ея отъ солнца; а цвѣты
Разлили полный густоты
Медовый запахъ надъ больною
И всю осыпали слегка
Вдругъ лепесточками... Рука
Такъ и тянулась за листвою,—
Такъ и хотѣлося сорвать,
Перетянувшись за окошко,
Густую бѣлую сережку
Цвѣтовъ пахучихъ и прижать
Пучекъ холодный и росистый
Къ щекѣ горячей и сухой,
И грудью жадной и больной
Впивать до одури-душистый
Ихъ ароматъ...
И добрый взоръ
Къ отцу бѣдняжка обращаетъ

—«Голубчикъ, тятя! выдь на дворъ:
Теперь вѣдь травка зацвѣтаетъ, —
Нарви травы мнѣ!.. Съ коихъ поръ
Ужъ не видала я и сада!..
Да наломать еще бы надо
Березки свѣжей, да хоть три
Пучка черемухи, смотри,
Не позабудь еще!.. Давно я
На нихъ хотѣла бы взглянуть
Да надышаться: можетъ, грудь
Не такъ ломило-бъ»...

И отъ зноя
Той острой боли, Маню вдругъ
Душить сталъ кашель, и отъ мукъ
Чуть выжалъ пару крупныхъ слезокъ.

И наломалъ старикъ березокъ,
Цвѣтковъ черемухи нарвалъ,

И всю постельку надъ больною
Усыпалъ свѣжею травою;
А за подушку повтыкалъ
Надъ головой вѣтвей душистыхъ,
Устроилъ садикъ;--и цвѣты
Дышали утромъ, а листы
Роняли тихо капли чистыхъ
Росинокъ на головку къ ней, —
И Манѣ легче и бодрѣй
Вздохнулось въ холодкѣ тѣнистыхъ
Листовъ... И вотъ она отцу
Лепечетъ снова, — а улыбка
Такъ и играетъ по лицу:

— «Ахъ, тятя!.. Сердце-то какъ шибко
Забилось: къ радости, никакъ! —
Да что ты право скученъ такъ?
Возьми-ко лучше въ руки скрипку,
Да сядь поближе и сыграй
Мнѣ пѣсенку... Вѣдь я здорова
Ужъ буду скоро: вотъ и май
Еще не минетъ, какъ ужъ снова
Пойдемъ мы вмѣстѣ по дворамъ,
И пѣть съ тобой, какъ прежде, станемъ,
Пойдемъ по дачамъ, по садамъ, —
Авось, теперь, богъ-дастъ. достанемъ
Тебѣ и на шинель къ зимѣ! —
Ужъ только ты-то на умѣ
Лишь не загадывай про горе.
А я-то выздоровлю, — знай! —
Вѣдь хорошо, какъ на просторѣ,
Лежать мнѣ тутъ!.. А ты сыграй
Теперь мнѣ пѣсенку»...

И грустно
Онъ скрипку взялъ,—и вотъ смычокъ
Прошелъ по струнамъ неискусно,—
Но какъ сердеченъ и глубокъ
Былъ первый звукъ и занывая,
Все крѣпнетъ онъ и къ сердцу льнетъ —

И пѣсня тихая ростетъ,
Ростетъ, какъ скорбь роднаго края,
Вся разливаясь широко,
И больно за-сердце хватая,
Уноситъ душу далеко...

Играетъ онъ, а тутъ березы
Надъ ними льютъ свой ароматъ; —
И у обоихъ тихо слезы
Ужъ на рѣсницахъ чуть дрожатъ...
Для Мани рай теперь каморка! —
Ей не замѣтить этихъ слезъ:
Ей хорошо!.. Передъ ней Азорка
Стоитъ осклабясь,—но и песъ,
Кажись, тѣхъ слезъ не замѣчаетъ:
Онъ только нѣжно языкомъ
Ей лижетъ руку, да хвостомъ
Отъ удовольствія махаетъ.

Сыгралъ старикъ — и робкій звукъ
Изъ подъ его дрожащихъ рукъ
Угасъ, какъ будто замеръ гдѣ-то,
Весь полонъ скорби и привѣта,
И съ нимъ, казалось, отлегла
Отъ сердца грусть,—и, духомъ свѣтелъ,
Онъ не слыхалъ и не замѣтилъ,
Какъ смерть тихонько подошла,
Какъ сладокъ былъ конецъ тѣмъ мукамъ
И какъ съ послѣднимъ этимъ звукомъ
Неслышно Маня умерла. —
Онъ радъ, что дочьку позабавилъ!..
Но чуть взглянулъ—и вдругъ глаза
Въ ребенка мертваго уставилъ,
И неподвижная слеза
Застыла въ нихъ... И то раздумье
Похоже было на безумье,
И дикъ и страшенъ, какъ мертвецъ,
Въ глухомъ отчаяньи отецъ
Сидѣлъ надъ мертвой. — И казалось
Что таже самая тоска
И тожъ безумье отражалось

Въ глазахъ другаго старика —
Въ глазахъ Азорки: онъ съ мученьемъ,
Весь вздрогнувъ, тихо поднялся
И съ тѣмъ же скорбнымъ выраженьемъ
Въ лицо пугливо ей впился. —
И въ этотъ мигъ, у той постели,
Казалось, поняли они,
Что счастья ихъ минули дни,
Что оба вдругъ осиротѣли!..

VI.

И онъ, какъ прежде, по дворамъ
Пошелъ со скрипкой... По грошамъ
Кой-какъ собралъ на гробикъ денегъ,
И такъ усердно ихъ сбиралъ,
Что чуть не всякъ-ли замѣчалъ:
«Знать, старина тово... хмѣленекъ»!..
Но ни одинъ не разгадалъ
И не подслушалъ слезъ и вздоха
Изъ хилой груди скомороха!..

И въ ночь уже, въ прозрачной мглѣ,
Лежала Маня на столѣ,
Покрыта бѣлой простынею,
Въ веселомъ вѣнчикѣ цвѣтовъ —
И весь усыпанъ былъ травою
Ея младенческій покровъ.

А поутру, едва въ оконце
Ударилъ лучъ по мертвецу
И заиграло рѣзво солнце,—
По блѣдно-жолтому лицу, —
Старикъ литью по ней отправилъ,
Понесъ на улицу свой столъ
И у воротъ его поставилъ,
Потомъ за гробикомъ пошелъ,
На столъ поставилъ гробъ убогій:
А самъ присѣвъ на стулъ трехногій,

У гроба пѣсню заигралъ,
Что ей предъ смертью напѣвалъ.

Проходятъ люди мимо дому
Предъ старымъ нищимъ, въ добрый часъ,
И по обычаю святому,
Издревле чтимому у насъ
По грошу въ гробикъ всякъ кидаетъ,
Пока для дочки изъ грошей
Старикъ хоть рубль не насбираетъ
На крестъ и похороны ей. —

А утро—утро золотое
Благоухаетъ и горитъ
И въ блескѣ небо голубое
Весенней пѣснею звучитъ.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

25 Сентября 1861.
с. Высоцкое.

БІАНКА.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

На-дняхъ я получилъ изъ-за границы посылку и при ней письмо, отъ одного изъ моихъ пріятелей, неутомимаго путешественника. Въ посылкѣ была рукопись. Но позвольте прежде ознакомить васъ съ письмомъ. Вотъ оно:

Парижъ. 1861 г. февраль.

Сколько разъ, любезный другъ, ты приставалъ ко мнѣ и убѣждалъ меня, даже очень краснорѣчиво, писать мои путевыя записки. Ты увѣрялъ меня, что, ведя эту постоянно кочующую жизнь, необходимо должно записывать каждодневно свои впечатлѣнія; говорилъ мнѣ, что эти воспоминанія самому мнѣ будутъ пріятны впослѣдствіи, и что даже они могутъ быть интересны и другимъ; но я каждый разъ тебѣ возражалъ, что жизнь моя безцвѣтная, хотя и кочующая, а можетъ быть, именно потому, что она постоянно кочующая, никогда серьезно не останавливается ни на чемъ, не можетъ никого интересовать;—что поверхность жизни этого европейскаго туриста уже столько разъ описана, что она всѣмъ рѣшительно извѣстна, что новаго въ ней — мудрено кому-либо найти, и въ то же время, каюсь, послѣ каждаго твоего письма, я брался за перо и слѣдовалъ твоему совѣту, но черезъ

нѣсколько дней снова лѣнь овладѣвала мною и, вспоминая все то, что я тебѣ писалъ въ своихъ письмахъ, — я бросалъ перо.

Теперь я долженъ чистосердечно покаяться и признаться виновнымъ. Да, я убѣдился, что мои доводы были ложны, что твои совѣты были разумны. Вѣкъ нашъ идетъ такъ скоро, такъ непонятно быстро, что право интересно самому вспомнить о томъ, что творилъ, думалъ, чему вѣрилъ еще за нѣсколько лѣтъ: то, что еще за пять, за шесть лѣтъ считалъ я самъ идеальною мечтою поэта, то теперь непреложная аксіома; то, что мнѣ казалось тогда непоколебимою истиною— давно уже свергнуто, уничтожено; притомъ, чѣмъ болѣе я вглядываюсь въ жизнь свою, чувствую и сознаю, что жизнь человѣка, какъ бы безцвѣтна, повидимому, она ни была, все же истинная поэма. И вотъ теперь эта суровая, холодная зима заставила меня задуматься. Театры, вечера — обычныя зимнія увеселенія — мнѣ надоѣли, утомили: это все одно и то же — а я состарѣлся, признаюсь въ томъ. Дождь съ перемежающимся снѣгомъ такъ и обсыпаетъ мостовую, стучитъ въ довольно плохо затворенное окно моей комнаты (потому что Парижане и до сихъ поръ еще не умѣютъ хорошо устроивать свои оконныя рамы), каминъ у меня дымитъ, а выйдти на улицу и лѣнь и холодно и некуда: остается надѣть потеплѣе пальто, сѣсть въ кресло и мечтать,—вспоминать и находить въ этихъ воспоминаніяхъ новое развлеченіе. Я очень счастливъ, что могъ собрать нѣкоторые отрывочные листы моихъ записокъ, я ихъ пробѣжалъ съ увлеченіемъ и сталъ вспоминать нѣкоторыя лица, которыя когда-то меня занимали. Личность Біанки представилась мнѣ краше другихъ — я занялся ею. И вотъ плоды моихъ трудовъ. Я собралъ все, что о ней было мною написано, добавилъ кое-что по воспоминаніямъ своимъ, и посылаю тебѣ этотъ очеркъ, желая этимъ доказать свою благодарность за твои добрые совѣты. Ты можешь распорядиться имъ, какъ знаешь, только не выдавай меня: я желаю сохранить инкогнито.

Не могъ я удержаться, признаюсь тебѣ, чтобъ иногда, вспоминая Біанку и въ то же время разнородныя мѣстности, въ которыхъ я ее встрѣчалъ, не поговорить и о другихъ ли-

цахъ, о самомъ городѣ, о нравѣ того народа, который въ то время былъ у меня подъ глазами. Потому не требуй отъ моихъ записокъ строгой послѣдовательности въ разсказѣ.

Если ты найдешь что нибудь лишнее, вычеркни просто безъ всякаго зазрѣнія совѣсти: я даже сочту этотъ поступокъ за истинное доказательство твоей ко мнѣ дружбы. Я всегда былъ нервнаго характера, ты самъ знаешь, готовый часто увлечься просто цвѣтомъ какого нибудь розана, восходомъ солнца, свѣтомъ луны, часто тоже встрѣчая на своемъ пути типы мелкіе, плоскіе, типы иногда готовые повредить всѣмъ и каждому изъ личной своей выгоды,—я не могъ не озлобиться противъ нихъ, я прямо нападалъ на нихъ и готовъ былъ даже выразить имъ въ глаза все мое презрѣніе. Чтóжъ дѣлать! — это мой недостатокъ, но у кого ихъ нѣтъ? Ты хорошо меня знаешь, а потому повѣришь моимъ сужденіямъ, не усомнишься въ томъ, что если я задѣлъ кого нибудь немного рѣзко, то онъ истинно заслуживаетъ эту казнь; а такъ какъ моего имени не будетъ, ты же самъ не отвѣчаешь за мои сужденія, то всякій получитъ слѣдуемое и обязанъ спокойно проглотить по точному рецепту назначенную пилюлю, которая, можетъ быть, и исправитъ, если не его, то другаго кого нибудь, кто бы могъ себя узнать подъ чужимъ именемъ. Затѣмъ совершенно поручаю себя твоему дружескому суду и ожидаю твоего отвѣта.

Письмо это мнѣ было очень пріятно, я съ удовольствіемъ прочелъ присланную моимъ пріятелемъ рукопись и теперь позволяю себѣ представить ее на общее благосклонное сужденіе моихъ читателей. Надѣюсь, что Біанка займетъ нѣкоторыхъ, и возбудитъ тѣмъ въ моемъ пріятелѣ желаніе вспомнить еще что нибудь изъ своей длинной одиссеи по западной и южной Европѣ.

I.

Генуа. 1853 г.

Вчера я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Турина. Въ первый разъ я увидѣлъ Италію, ту Италію, которую мнѣ рисо-

вало воображенie,—синее, темное небо и блескъ южнаго солнца: я любовался его переливами, удивлялся, какъ оно, вдругъ, то позолотитъ верхи нагорнаго хребта, то проведетъ по морю какую-то странную, непонятную для насъ жителей сѣвера, свѣтлую полосу яркой зелени, то еще одѣнетъ уже къ закату словно пурпуромъ весь горизонтъ. Въ первый разъ я понялъ, и оцѣнилъ все прочитанное мною о красотахъ юга, понялъ, что можно сладострастно' забыться посреди этой природы;—улечься въ тѣни какого нибудь дерева, смотрѣть и любоваться этою безпрерывною гладью воды, въ спокойномъ тихомъ заливѣ; увлечься этимъ ароматическимъ воздухомъ, переполненнымъ запахомъ померанцевыхъ цвѣтовъ; нѣжиться, мечтать и не знать о чемъ мечтать, жить и не помнить о жизни; забыть всѣ свои обычныя треволненiя, слиться окончательно съ этою чудною, роскошною природою, словомъ, сдѣлаться поэтомъ...

Справедливо восхищаются всѣ путешественники красотою Генуи,—la superba, и сколько ни писали о ней, какъ бы ни старались передать искусно то впечатлѣнie, которое каждый испытываетъ при первой встрѣчѣ съ этою южною природою, — природою полной страсти, горячей, могучей и въ то же время полной нѣги — сладострастной лѣни,—никто не въ силахъ передать эту красоту, — ни кисть искуснѣйшаго живописца, ни перо восторженнаго поэта. Природа эта выше всякаго описанiя.

Въ особенности поражаетъ васъ Генуа, когда вы ѣдете изъ Турина. Оставили этотъ холодный, нелѣно правильно выстроенный городъ, темный, скучный, пустой, съ замашкою на великолѣпie столицы, замашкою, всегда и во всемъ неудачною до-нельзя, и вдругъ черезъ нѣсколько часовъ, благодаря силѣ паровъ, вы переноситесь къ берегу генуэзскаго залива, окаймленнаго рядомъ мраморныхъ палацо, съ садами померанцевыхъ деревъ, съ прозрачными колонадами, или этими мраморными ступеньками широкихъ лѣстницъ, которыя такъ изящно спускаются до самаго залива.

Еще рано утромъ я вышелъ сегодня изъ гостиницы. Не спится на новой квартирѣ; притомъ, какъ остаться въ душ-

ной, маленькой комнаткѣ трактира, когда можно насладиться природою?! Утро было свѣтлое, солнце такъ и блестѣло, словно призывало меня къ себѣ. Я пошелъ пѣшкомъ вдоль залива, и незамѣтно оставилъ вскорѣ городъ за собою. Я шелъ по извѣстной всѣмъ знаменитой дорогѣ, называемой della Cornice, потому что она обвиваетъ склонъ хребта береговыхъ Альпъ и часто какъ бы виситъ надъ моремъ, словно и въ-правду карнизъ какого нибудь громаднаго храма. Это, можетъ быть, самая живописная дорога въ мірѣ. Можно развѣ сравнить съ ней наше шоссе въ южномъ Крыму, устроенное княземъ Воронцовымъ, которое тоже постоянно тянется въ виду моря по хребту горъ и соединяетъ такимъ образомъ отъ самой Байдарской долины до Медвѣдь горы (Айудага), цѣлый рядъ дачъ и дворцовъ: Мшатку, Мелазъ, Алупку, Гаспру, Оріанду, Симеизъ и т. д Будь нашъ Крымъ нѣсколько болѣе оживленъ, будь туда проведены желѣзныя дороги, устроены сообщенія, и, можетъ быть, наша *Ялта* стала бы спорить и красотою своей мѣстности и богатствомъ своихъ дворцовъ съ *Генуей*. Но не объ этомъ рѣчь.

Дорога эта изъ Генуи въ Ниццу словно аллея роскошнаго парка: — какое разнообразіе растительности, какіе живописные изгибы! Вотъ тутъ вы вошли въ самую глубь густаго оливковаго лѣса; здѣсь напротивъ передъ вами открытый горизонтъ, подъ ногами шумитъ Средиземное море, прибиваясь своими пѣнистыми волнами къ подошвѣ скалъ.

Уже города совсѣмъ не было видно; я остановился, чтобъ полюбоваться истинно художественнымъ видомъ на Средиземное море. Солнце все жарче становилось къ полудню; я присѣлъ на обломокъ скалы и невольно задумался... Но я не былъ одинъ здѣсь, какъ я думалъ. Не болѣе какъ въ десяти шагахъ отъ меня двѣ дѣвушки, обѣ молодыя, вышли, или лучше сказать, выбѣжали изъ кучки деревъ и подошли къ самому скату оврага. Одна изъ нихъ выбрала себѣ какой-то камень въ тѣни большой развѣсистой сосны съ мягкими иглами, которыя такъ живописно оттѣняютъ сухость голой скалы, сѣла на немъ, и звучнымъ голосомъ запѣла какую-то, вѣрно, народную пѣсню. Этотъ голосъ меня и пробудилъ и захватилъ все мое вниманіе. Другая молодая

дѣвушка стала позади своей подруги и, распустивъ густую черную косу ея, стала ее расчесывать большимъ роговымъ гребнемъ.

Въ Италіи вы часто встрѣчаете такого рода сцены: не знаю почему—молодыя дѣвушки чрезвычайно любятъ оканчивать свой туалетъ именно подъ открытымъ небомъ, въ виду моря. Правда, тутъ свѣтлѣе, свободнѣе, чѣмъ въ душной конурѣ ихъ родителей, въ этой маленькой избушкѣ, изъ дикаго, необѣленнаго камня, которыя только на картинахъ **Giganti** или **Castelli** могутъ вамъ казаться живописными, но которыя поистинѣ нисколько не удобнѣе нашей простой избы, или нашей малороссійской мазанки.

Но я не хочу знать, почему молодыя дѣвушки предпочитаютъ расчесывать свои чудныя косы на воздухѣ, здѣсь на скалѣ. Я истинно благодарю ихъ за то уже, что онѣ мнѣ доставили минуту, которую я всегда вспомню съ удовольствіемъ. Что можно себѣ представить живописнѣе, граціознѣе этихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя такъ наивно усѣлись здѣсь подъ тѣнью этой громадной сосны, на обломкѣ скалы, и оканчиваютъ туалетъ?! Одна изъ нихъ безпечно поетъ въ это время, точно птичка молодая, которая вылетѣла изъ гнѣзда и, усѣвшись на какой нибудь вѣткѣ, поправляетъ себѣ перушки.

Тутъ, въ этой маленькой сценѣ, видна жизнь наивная, еще неиспорченная, неподправленная, неукрашенная разными придуманными формальностями; здѣсь вы дышите истиннымъ художествомъ, невольно понимаете значеніе истинной природной красоты.

А какъ и подлинно была хороша эта дѣвушка! Какая чудная черная густая коса! какъ превосходно вилась эта коса по бѣлой шейкѣ, перегибала плечо и падала на колѣни молодой дѣвушки; какъ томно, глубоко смотрѣли ея глаза и взглядъ ея терялся, повидимому, въ горизонтѣ, какъ граціозно, но безъ всякой ужимки эти глаза иногда закрывались, какъ рѣсницы опускались къ ногамъ или отъ переката какой нибудь звучной ноты, или, можетъ быть, отъ прохода гребня по густой косѣ, отчего, навѣрное, еслибъ это было ночью, брызнули бы миріады электрическихъ блёстокъ.

Я былъ дотого пораженъ этою картиною, что не могъ не подойти къ самой группѣ и не познакомиться съ молодыми дѣвушками. Я узналъ, что одну изъ нихъ, ту, которая сидѣла на камнѣ, зовутъ Біанкой, что она дочь садовника, винодѣла какого-то маркиза, которому принадлежатъ вотъ эти виноградники, что тянутся тутъ направо по горѣ, что другая дѣвушка ея подруга, которая приходитъ часто ее навѣщать, что наконецъ онѣ живутъ скромно, тихо, не думая о будущемъ и вполнѣ наслаждаясь настоящимъ.

Я похвалилъ ея голосъ — это ее удивило, — а голосъ былъ превосходенъ. Она отвѣтила мнѣ, что у многихъ такой же голосъ, если еще не звучнѣе. Похвалить ея красоту мнѣ не пришло даже въ голову: я зналъ навѣрное, что только бы удивилъ Біанку, хотя эти черные, словно смоляные глаза, оттѣненные густыми черными бровями, этотъ правильный очеркъ лица, напоминающій мадонны Рафаэля, это полузагорѣлое, но въ то же время еще нѣжно-блѣдное лице, эта страстность юга, которая такъ и врѣзается во всѣ черты, какъ-то особенно складывается въ изгибѣ розовой, но нѣсколько сухой нервной губкѣ, — та страстность, исполненная нѣги и сладострастія, которая ясно выражается въ томномъ и влажномъ взглядѣ красавицы, взглядѣ, который вы чувствуете, можетъ и вспыхнуть огнемъ горячимъ, свѣтлымъ, и снова какъ бы заснуть, нѣжась въ своей чудной истомѣ, — все это, конечно, заслуживало похвалъ и даже удивленія.

Южное небо Италіи на все способно, и красавица такая не диковинка и голосъ этотъ — дѣло бывалое, и даже жизнь эта наивная, безъ всякихъ житейскихъ треволненій, совершенно сродны этой богато надѣленной всѣмъ природѣ. Но все же Біанка красавица замѣчательная; я всегда вспомню съ удовольствіемъ о ней.

II.

Неаполь. 1856 г. февраль.

Еще зима, а какъ жарко. Я очень хорошо сдѣлалъ, что послушался совѣта одного Англичанина — оставить Римъ и по-

ѣхать въ Неаполь, чтобъ успѣть вернуться къ Святой въ столицу древняго міра.

Нѣтъ народа практичнѣе Англичанъ, а практичность ихъ доходитъ до такого совершенства формы и идеи, до такой оконченности во всемъ, что становится своего рода поэзіей. Такъ иногда Диккенсъ отыскиваетъ красоту въ этихъ подробностяхъ, которыя съ перваго раза вамъ просто кажутся инвентаремъ, произведеннымъ человѣкомъ, который хочетъ взять подъ залогъ какое нибудь имущество, а вчитываешься въ этотъ инвентарь, находишь его дотого законченнымъ, до-того идеально полнымъ мельчайшихъ подробностей, что предъ вами встаетъ вся нравственная жизнь описаннаго имущества; и вдругъ изъ всѣхъ этихъ подробностей о чайникѣ съ разбитымъ носикомъ, о чириканіи сверчка вы нетолько понимаете или представляете себѣ всю эту внутреннюю жизнь, которая обусловливается вся переданными вамъ подробностями, но вы даже забываетесь, вамъ какъ будто бы кажется, что вы сами живете въ этомъ мірѣ, вы такъ хорошо, ясно его знаете. Вычеркните въ этомъ длинномъ описаніи англійскаго романа нѣсколько подробностей о старомъ креслѣ, или о какой-нибудь чернильницѣ, находящейся всегда здѣсь на письменномъ столѣ — и все это описаніе станетъ просто инвентаремъ; но съ этими подробностями, этотъ же инвентарь становится художественнымъ произведеніемъ.

Но я увлекся,—а все чувствомъ признательности милому моему знакомому, господину Дунгласу; а хотѣлось бы мнѣ поговорить о Помпеѣ, т. е. какъ хотѣлось? — просто меня заставили дать честное обѣщаніе — постоянно писать свои путевыя записки; обѣщалъ, долженъ стало-быть исполнить; — былъ въ Помпеѣ, долженъ стало-быть и записать кое-что. А вовсе мнѣ не хотѣлось, даже лѣнь; не лучше ли оставить на другой разъ? Во-первыхъ,—и это очень важное обстоятельство,—я сегодня въ дурномъ расположеніи духа; я встрѣтилъ въ Помпеѣ женщину, которая мнѣ напомнила давно прошедшее, перенесла меня за нѣсколько лѣтъ назадъ, когда и я самъ былъ моложе, когда и кровь у меня была горячѣе, когда я, по-крайней-мѣрѣ, воображалъ, что могъ любить... Мнѣ вдругъ показалось, что я знаю эту женщину. Я было

бросился къ ней и хотѣлъ просто-запросто съ ней заговорить; я считалъ себя вправѣ это сдѣлать, потому что я даже искалъ эту женщину, нѣсколько разъ спрашивалъ о ней,—но всегда безуспѣшно;—конечно, я теперь давно позабылъ было о ней, но когда эта встрѣча снова мнѣ напомнила прелестную встрѣчу мою въ Генуѣ, мнѣ показалось, что эта дама та же Біанка, хотя и одежда и всѣ пріемы вовсе не давали мнѣ права узнать въ ней простую крестьянку, которую я встрѣтилъ давно—тогда въ Генуѣ, но все же лице ея такъ мнѣ напомнило Біанку, что я былъ уже радъ, счастливъ, и вдругъ какой-то длинный-предлинный господинъ, въ такомъ же длинномъ пальто, которое чуть не спускалось ему до каблуковъ, съ длинными тоже, очень длинными, притомъ, рыжими густыми бакенбардами, зачесанными внизъ, въ черной, высокой, узкой, наподобіе трубы, какой-нибудь бумагопрядильной фабрики, шляпѣ, надѣтой нѣсколько на затылокъ, что̀ заставляло этого господина еще выше поднимать правильно очерченный и очень бѣлый, но тоже чрезвычайно длинный, узкій носъ съ горбомъ, на которомъ довольно ловко, словно призовой жокей верхомъ, возсѣдалъ большой роговой лорнетъ, привязанный къ черному плоскому шнурку, падающему складкой у самыхъ бакенбардъ, что̀ еще лучше выказывало отмѣнно огненный цвѣтъ его волосъ, необычную бѣлизну его лица и тонкость всей лицевой ткани.

Этотъ, вовсе незнакомый мнѣ господинъ, просвисталъ, промычалъ что-то, прибавляя «my dear», единственное, что̀ я могъ понять, обратившись къ молодой женщинѣ, которую я воображалъ своею давнишнею знакомкою, и та, вообразите, тоже отвѣтила на этомъ же діалектѣ: изъ ея чуднаго, маленькаго розовенькаго ротика тоже вышли эти странные свисты и носовые звуки, изъ этого ротика, который, повидимому, долженъ былъ только, какъ я это воображалъ, умѣть складывать одни звучныя слова языка Данта и Петрарки.— О, Боже! и она была Англичанка!—а онъ, удовлетворившись вѣрно практическимъ замѣчаніемъ своимъ, сталъ съ новымъ стараніемъ изучать свою красненькую книжку, и, прочитавъ нѣсколько строкъ въ ней, тщательно осматри-

валъ какой-нибудь обломокъ стѣны или колею на мостовой погребеннаго заживо города.

А я еще похвалилъ Англичанъ и ихъ практичность! Мой другъ, г. Дунгласъ, если узнаетъ это, долженъ быть во сто кратъ болѣе, чѣмъ когда-либо, благодаренъ мнѣ за то уже, что я сегодня, имѣя полное право ругать напропалую всѣхъ Англичанъ, все же похвалилъ его.

Такъ чтожъ сказать о Помпеѣ? Сказать, что ее открыли нечаянно, что какой-то крестьянинъ, раскапывая это мѣсто, чтобъ посадить виноградникъ, нашелъ нѣсколько монетъ, маленькую вазу и разныя серебряныя вещи, — но кто же этого не знаетъ? Похвалить при этомъ случаѣ вина всѣхъ окружныхъ мѣстъ Везувія? — но опять — кто ихъ не знаетъ? кто не пивалъ Lacrima Christi или Lacrima Dona, — это душистое сладкое вино, особенно теплое, особенно жгучее, отзывающееся раскаленной почвою и принимающее съ лѣтами этотъ темный, съ золотистымъ отливомъ цвѣтъ, который только еще и можно найти въ старомъ венгерскомъ токаѣ.

Можно, конечно, исписать цѣлыя страницы о томъ впечатлѣніи, которое на васъ непремѣнно должно производить одно уже имя Помпеи, при мысли, что вотъ цѣлый городъ, богатый, людный, безпечный, какъ только умѣли быть безпечны въ тѣ блаженныя времена истыхъ епикурейцевъ, наслаждающихся всѣми благами земными, — вотъ этотъ городъ вдругъ застигнутъ ужаснымъ катаклизмомъ, земля разрывается, деревья, дома, горы потрясены, качаются — и вдругъ падаютъ, рушатся. Неистовый вѣтеръ несетъ съ юга огромныя черныя тучи, свѣтъ пропадаетъ, огненныя полосы, которыя Плиній въ своемъ описаніи сравниваетъ съ колоссальными молніями, прорѣзаютъ во всѣ стороны эту тьму. Море, подступавшее въ то время къ самому городу и составлявшее одну изъ главныхъ основъ богатства Помпеи, отступаетъ отъ нея, какъ бы само въ испугѣ бѣжитъ отъ ужаснаго катаклизма природы. Облака пыли, пепла и лавы обсыпаютъ все и всѣхъ. Народъ не знаетъ куда кинуться, — постоянно огонь, лава, все за нимъ въ слѣдъ идетъ грозной массой своей и сливаетъ все въ одинъ огненный мракъ. Чрезъ три дня, тамъ, гдѣ процвѣтала одна изъ богатыхъ

римскихъ колоній, славилась своимъ богатствомъ, своею торговлею—уже ничего болѣе, какъ безграничное пространство, засыпанное пепломъ, — и нѣтъ даже слѣда здѣсь прежней жизни.

Но что же вамъ внушитъ новаго самый видъ Помпеи? Почти ничего. Мнѣ кажется даже, боюсь впрочемъ показаться любителемъ афоризмовъ, что Помпею лучше, ближе понимаешь, ближе сочувствуешь ей, пока ее не видалъ; тутъ на мѣстѣ все какъ-то невольно мельчаетъ, вы съ трудомъ представляете себѣ этотъ страшный катаклизмъ, уничтожившій нѣсколько городовъ, — вы останавливаетесь развѣ на какомъ-нибудь обломкѣ стѣны, на которой вы замѣчаете остатокъ какой-то фрески,—лучшія были изломаны, мозаика почти вся унесена въ неаполитанскій музей. Вамъ показываютъ мѣсто, гдѣ была найдена, напримѣръ, извѣстная Венера Callipiga, но что вамъ толку въ этой ямѣ, которая можетъ быть и зарыта, потому что очень много такихъ мѣстъ и въ Помпеѣ и въ Геркуланумѣ, которые были разрыты только чтобъ отыскать какую-нибудь древность, вещь цѣнную, и потомъ зарыты снова. Почему? по какому соображенію? но такіе вопросы не задаются въ Неаполѣ, и еслибъ даже кто и осмѣлился его сдѣлать, получилъ бы просто въ отвѣтъ — такъ должно быть.

Еслибы Помпея (не говорю объ Геркуланумѣ) была бы разрыта настоящимъ образомъ, т. е. такъ, чтобы возвратить свѣту хотя бы цѣлый до возможности остовъ древняго города, эта жизнь, застигнутая такъ невзначай и окаменѣлая, обратилась бы вся въ одну колоссальную древнюю камею, которая конечно была бы неоцѣнима. Многое бы объяснилось изъ древней жизни, изъ нравовъ отжившаго міра, но для этого нужно было бы оставлять и мраморы и фрески и мозаики и бронзы и terra cotta на мѣстѣ, даже по возможности отыскивать настоящее мѣсто для каждаго предмета: да, въ такомъ случаѣ эта Помпея стала бы народнымъ богатствомъ, это былъ бы конечно самый великолѣпный музей древности и онъ бы принадлежалъ весь Неаполю, если хотите, Италіи, а это и не могло нравиться Бурбонамъ, царствующимъ здѣсь. Вотъ они и копаютъ себѣ гдѣ по-

нало; что найдутъ, подарятъ кому-нибудь на праздникъ; притомъ, прежде всего осмотрять каждую вещь со всѣхъ сторонъ, подчинятъ этотъ осмотръ не оцѣнкѣ какихъ-либо ученыхъ знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, но легата папы, и если что покажется въ неодушевленномъ предметѣ, принадлежавшемъ древнему міру, не вполнѣ соотвѣтствующимъ не просто принципамъ нравственности, а хотя бы и католицизма, то немедленно эта вещь запирается въ особое отдѣленіе, замуравливается въ присутствіи самого главы католицизма папы Пія IX, какъ еще недавно это было въ 1849 г.. Впрочемъ Пій IX и въ Римѣ во многихъ случаяхъ доказалъ свою страсть исправлять нравы подданныхъ своихъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, самыми оригинальными способами. Примѣромъ тому служатъ желѣзныя рубашки на статуяхъ Кановы и другихъ скульпторовъ, поставленныхъ на гробницахъ прежнихъ папъ въ великолѣпномъ соборѣ Петра въ Римѣ.

Но несмотря на всѣ эти старанія уничтожить всякую цѣнность этому мѣсту, нѣтъ путешественника въ южной Италіи, который бы не поѣхалъ осмотрѣть Помпею, и всѣ съ истиннымъ любопытствомъ осматриваютъ остатки фресковъ, еще кое-гдѣ не снятыхъ на стѣнахъ.

Жители Помпеи, повидимому, были въ особенности расположены къ живописи по стѣнамъ: всѣ отрытые здѣсь дома покрыты разрисованными картинами и надписями. Еще довольно странное замѣчаніе можно сдѣлать, осмотрѣвъ самую Помпею и музей Бурбоновъ въ Неаполѣ, гдѣ собраны большею частію отрытыя здѣсь вещи — это огромное количество сосудовъ глиняныхъ, металлическихъ и пр., сосудовъ всякихъ формъ и величинъ, что можетъ быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что Помпея торговала болѣе всего своимъ виномъ, которое въ то время славилось, и что вообще жители ея были хорошіе знатоки и любители вина.

Всѣ дома, до сихъ поръ отрытые въ Помпеѣ, почти одинаковой архитектуры, такъ же точно разрисованы по стѣнамъ, имѣютъ такой же *атріумъ* по срединѣ, въ родѣ дворика, который служилъ въ жизни древнихъ пріемной гостиной и составлялъ для нихъ нѣчто въ родѣ домашняго своего фо-

рума. Жизнь была во весь день почти публичная, и Римлянинъ возвращался къ себѣ домой только къ вечеру, для обѣда, для умовенія и для ночлега. Сколько можно судить по оставшимся развалинамъ этого города, надо полагать за достовѣрное, что жители ея вообще были довольно зажиточными, что пауперизмъ нашего времени былъ совершенно неизвѣстенъ въ Помпеѣ. Лучшимъ памятникомъ прежней жизни можетъ служить домъ, извѣстный по имени Діомеда, который всего лучше сохраненъ. Принцъ Наполеонъ вздумалъ снять съ него копію въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. Говорятъ, что этотъ принцъ большой поклонникъ древнихъ нравовъ и образа жизни, и что онъ очень любитъ иногда проводить въ этомъ маленькомъ домикѣ, очень богато и отчетливо переданномъ, вечера съ своими приближенными.

Геркуланумъ, который еще менѣе разрытъ, чѣмъ Помпея, былъ бы еще интереснѣе для изученія, потому что это былъ большой городъ, перенявшій совершенно обычаи и образъ жизни самаго Рима. То, что въ немъ отрыто, уже доказываетъ, что въ немъ были зданія несравненно богаче, какъ архитектурою, такъ и самымъ матеріаломъ для строеній, но онъ былъ весь залитъ жидкою лавою, которая соединилась и съ камнемъ и съ металломъ, а потому отрытіе его крайне трудно, тогда какъ Помпея была обсыпана большею частію только пепломъ и въ маломъ количествѣ лавою, да и та перемѣшана съ пепломъ.

III.

Сорренто. 1857 г. 15 февраля.

Это она,—я не ошибся,—я не могъ ошибиться, я слишкомъ хорошо ее помню,—ея черты такъ врѣзались въ моей памяти; но ужь она не та молодая дѣвушка Генуэзскаго залива, нѣтъ! Много времени прошло и много унесено имъ съ собою. Она ужь коверкаетъ англійскій языкъ; она носитъ кринолинъ; она причесывается уже не просто на берегу моря, на скалѣ, да и черныя ея кудри, можетъ быть, не такъ

длинны; коса ея, может быть, не такъ густа, можетъ быть даже примѣшана къ ней чужая, чтобъ казалась она гуще! Жаль мнѣ ее! — и эту черную густую косу, и эти черные блестящіе глазки, которые научились теперь искоса поглядывать, кокетничать своею красотою! Жаль мнѣ Біанку, а все-таки она еще чудно хороша теперь!

Вчера, вечеромъ, луна только-что взошла, и колеблясь купалась въ сонныхъ водахъ залива,—я ужь былъ въ Сорренто. Что за чудное мѣсто это Сорренто! что за ароматическіе померанцевые сады! что за теплый, полный нѣги воздухъ! На террасѣ гостиницы Тассо (такъ ее называютъ, потому что Тассо родился здѣсь, — нельзя было и выбрать лучше мѣста для Тассо) пѣли лаццарони свои мелодическіе мотивы; женщина въ полосатой юбкѣ, съ бубнами въ рукахъ, пустилась въ живую свою сальтарелло. Загорѣлый малый въ однихъ коротенькихъ штанахъ, съ открытою грудью, въ историческомъ своемъ красномъ колпакѣ, сталъ тотчасъ предъ нею вертѣться, бѣгать, переплетать свои ноги, прискакивать; другой, въ такомъ же костюмѣ, немного поодаль, съ гитарою въ рукахъ, живо перебиралъ струну за струною, а прочіе подтягивали хоромъ эту живую, полную мелодіи музыку неаполитанскаго сальтарелло.

Насъ не много было зрителей: все только жители той же гостиницы. Между нами была и *она*, и тотъ длинный, рыжій Англичанинъ; онъ и здѣсь, вѣрный своимъ принципамъ, отыскивалъ въ своей красной книжкѣ описаніе танцевъ и пѣнія жителей Сорренто, чтобъ узнать прежде всего, слѣдуетъ ли ему восхищаться или нѣтъ? А она — такъ и разгорѣлась, вся кровь закипѣла въ ней, она страстно слѣдила за всѣми движеніями танцующихъ; я тутъ ее тотчасъ же узналъ — только Біанка одна и можетъ такъ смотрѣть.

Подлѣ Біанки я замѣтилъ еще одного молодаго человѣка, тоже бѣлокураго, съ проборомъ посреди головы, съ длинными усами, которыми онъ видимо былъ очень занятъ, съ довольно тонко очерченнымъ лицемъ; глаза сѣрые съ претензіей на голубые, но какъ можно назвать ихъ голубыми? вотъ это небо въ Сорренто такъ голубое, а они, они просто сѣрые. Онъ низенькаго росту, одѣтъ въ какой-то коротенькій,

picjacket, перетянутый на таліи; у него свѣтлые панталоны, лаковые сапоги, онъ не хорошо сложенъ; такъ съ перваго взгляда онъ конечно можетъ показаться вамъ даже красивымъ, но нѣтъ, онъ не хорошъ, онъ вычуренъ, онъ слишкомъ вертлявъ—онъ мнѣ по крайней мѣрѣ не нравится, да кажется и ей онъ уже надоѣлъ. Постоянно смѣется о чемъ-то, передаетъ ей свои замѣчанія, должно быть глупыя замѣчанія. Она только хмурится и ничего не отвѣчаетъ, потому что вся обратилась въ слухъ и зрѣніе, она очарована этою народной сценой. Сама дитя этой же страны, она понимаетъ всю поэзію, всю сладострастность этихъ живыхъ движеній, которыя намъ могутъ даже показаться странными, а для нея они выражаютъ и характеръ и исторію всего народа.

Не знаю, на что я внимательнѣе смотрѣлъ, на танцующихъ или на нее? Кажется, что на нее! Она меня даже замѣтила и, обращаясь ко мнѣ: «вамъ не хорошо видно отсюда, подойдите поближе!» сказала она мелодическимъ итальянскимъ языкомъ. Я не хорошо говорю по итальянски, но всегда любилъ этотъ языкъ, въ особенности въ устахъ хорошенькой женщины; со вчерашняго же дня я просто влюбленъ въ эту рѣчь. Тутъ мы стали рядомъ и молча любовались этими танцами, заслушивались вмѣстѣ игривою капризною музыкою сальтарелло. А ночь была тихая, теплая, ночь южная. Луна такъ и плескалась въ сонныхъ водахъ залива. Сады померанцевые, темными, черными массами какъ бы подступали все ближе и ближе къ намъ; а тутъ вдругъ пахнетъ жасминомъ или померанцевымъ цвѣтомъ—голова закружится отъ этого сильнаго ароматическаго запаху. Біанка взяла меня разъ даже за руку, чтобъ удержаться: у ней голова закружилась; я вздрогнулъ при этомъ невольно, почувствовалъ словно электрическій токъ, который пробѣжалъ по всему моему тѣлу. Нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, которые составляли хоръ, зажгли длинные смоляные факелы, которые задымились и широкимъ желтымъ пламенемъ ярко обрисовывались на темномъ фонѣ лѣсовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли съ Біанкою, стало еще темнѣе отъ этого. Она невольно прижалась въ это время ко мнѣ. А картина

была истинно поэтическая. Англичанинъ, даже при видѣ этой истинно живописной сцены не могъ выдержать своего холоднаго восторга и пробормоталъ «Very beautiful indeed», не замѣчая, что самая прелестная сцена, самое поэтическое созданіе всего этого вечера—были позади его.

— Я васъ узнала, сказала вдругъ мнѣ Біанка, «неправда ли, я васъ уже видѣла въ Генуѣ, давно, у берега залива.» Я не нашелся и ничего не отвѣтилъ. «Да, это было давно:—не знаю какъ вамъ, но мнѣ это время кажется цѣлой вѣчностію!» продолжала она.

Въ это время Англичанинъ повернулся къ ней, услышавъ ея голосъ; она что-то ему тотчасъ же сказала по-англійски, и обратясь ко мнѣ, уже довольно чистымъ французскимъ языкомъ сказала: это мой мужъ, Лордъ Джемсъ,—васъ какъ завутъ?—Я себя назвалъ.

О! avec beaucoup de plaisir, M-r, сказалъ мнѣ Англичанинъ и пожалъ руку, такъ что чуть не сломалъ мнѣ два пальца.

Танцы кончились, мы пошли вмѣстѣ въ гостинницу. Я пилъ чай у нихъ.

IV.

Неаполь. 18 февраля 18.. г.

На другой день Біанка съ мужемъ выѣхали рано утромъ изъ Сорренто; они поѣхали сухимъ путемъ, чтобъ увидѣть Castellamare. Мнѣ пришлось взять пароходъ. Въ тотъ же вечеръ, по пріѣздѣ въ Неаполь, я пошелъ въ гостинницу Викторія, на Chiaja, гдѣ они остановились; но ея еще не было; я долженъ былъ вернуться къ себѣ и довольно скучно провелъ весь вечеръ. Два дня я все бродилъ по пустыннымъ улицамъ Неаполя; даже чудная гавань его и вѣчно дымящійся Везувій—меня не занимали, я ничего не замѣчалъ, ничего не видѣлъ, вездѣ чувствовалъ еще большую, чѣмъ когда либо пустоту, какую-то странную, непонятную мнѣ тишину. Неаполь всегда не веселъ, не оживленъ: въ немъ слишкомъ сильно чувствуется гнётъ правительства во

всемъ чуждаго народу, которое само боится показаться и прячется большею частію въ своей крѣпости *Гаэтѣ,* какъ будто можно спрятаться отъ того, что предназначено судьбою! Только и видны эти толпы безпечныхъ лаццарони, которые, полуодѣтые, лежатъ у берега моря подлѣ своихъ рыбачьихъ лодокъ; готовятъ тутъ, на улицѣ, на chiaja, прелестномъ бульварѣ, окаймляющемъ заливъ, свои макарони, и довольны этимъ. Еще встрѣтите вы изрѣка солдата или офицера большею частію наемныхъ полковъ швейцарскихъ, которые брянчатъ своими саблями и шпорами; проходя мимо васъ, они довольно странно васъ оглядываютъ, и если вы не посторонились при ихъ встрѣчѣ, узнаютъ конечно тотчасъ же иностранца

Дворецъ королевскій, **Palazzo Reale**, тяжелой, скучной архитектуры, тоже мрачно тутъ виднѣется вдали; окна его закрыты, чувствуется въ немъ безжизненность, пустота.

Вчера я получилъ записку отъ лорда Джемса; онъ меня звалъ къ себѣ обѣдать, и я съ удовольствіемъ поспѣшилъ къ нему. Лордъ занималъ цѣлый этажъ гостиницы, и подлѣ его гостиной была большая терраса, обращенная прямо на заливъ. Когда я пришелъ къ нему, Біанка еще не выходила изъ своей комнаты, а гости лорда съ нимъ были вмѣстѣ на террасѣ; онъ меня представилъ имъ; тутъ былъ и молодой Французъ, котораго я видѣлъ еще третьяго дня въ Сорренто,—его звали маркизомъ де-Больё,—и еще обросшій бакенбардами господинъ, довольно маленькаго росту, но плотно сложенный,—это былъ другъ самого лорда, тоже Англичанинъ. Самъ лордъ занимался тѣмъ, что съ террасы бросалъ обвернутыя въ бумажку мѣдныя деньги въ море, и молодые лаццарони тотчасъ же, скинувъ рубашку и всю свою незамысловатую одежду, кидались за монетою, ныряли и зубами доставали ее; причемъ, особенно ловко вынырнувъ изъ воды, отряхивали свою загорѣлую голову съ обмокшими черными кудрями, показывая, что и подлинно они достали брошенную монету зубами:—это очень тѣшило лорда, и онъ хохоталъ отъ всей души. Тутъ цѣлая толпа мальчишекъ, разныхъ лѣтъ, совершенно раздѣтые становились у самаго

берега и, подымая руки кверху, просили еще разъ бросить что нибудь.

Развлеченіе это очень удивило меня, невольно заставило подумать о бѣдномъ положеніи этого народа, о его странномъ, непонятномъ характерѣ, который заставляетъ ихъ предпочесть настоящему благородному труду такого рода фиглярство и прошеніе милостыни; заставляетъ ихъ стоять здѣсь раздѣтыми у берега моря иногда по цѣлымъ часамъ, плыть, нырять, и все это за какую нибудь копѣйку мѣди, а потомъ получивъ такимъ образомъ нѣсколько грошей, улечься на солнцѣ здѣсь же, приготовить себѣ макарони и ожидать такимъ образомъ другаго дня, когда тотъ же лордъ, или кто другой вздумаетъ позабавиться ими.

Въ это время Біанка вошла въ гостиную, мы всѣ пошли ей навстрѣчу, чтобы не допустить ее на террасу. Лордъ Джемсъ находилъ самъ, что его забава передъ женщиною была shocking.

Біанка была въ темно фіолетовомъ шелковомъ платьѣ съ оборкою чернаго бархата, и это темное простое платье какъ-то особенно шло къ ея чудному лицу. Она была со всѣми привѣтлива, мила; меня даже удивило, какъ это она скоро съумѣла научиться всѣмъ свѣтскимъ пріемамъ? — Давно ли еще я ее зналъ простой крестьянкой, и вотъ теперь она говоритъ уже на трехъ языкахъ, на англійскомъ съ мужемъ своимъ, на французскомъ со мною да съ этимъ маркизомъ Больё, который окончательно мнѣ не по сердцу.

Мнѣ показалось, что этотъ маркизъ очень явно ухаживаетъ за нею: онъ все время подлѣ нея сидѣлъ, и во время обѣда и вечеромъ; а когда вздумали Англичане потѣшить красавицу своими правда оригинальными играми, онъ все что-то ей говорилъ въ полголоса, и она невольно улыбалась. Это меня всегда сердило, не знаю почему: онъ вѣдь смѣялся вовсе не надо мною, а надъ тѣмъ, что̀ поистинѣ было смѣшно. Вообразите, снявъ прежде всего съ себя сюртуки, сядутъ лордъ Джемсъ и его пріятель Англичанинъ другъ противъ друга на полъ, такъ, чтобы подошвы двухъ противниковъ плотно упирались одна въ одну; при этомъ подвяжутъ себѣ подъ колѣнами палку какую нибудь,

такъ чтобы обѣ ноги были связаны и не могли бы разогнуться; поставятъ еще, для большей полноты картины, по свѣчи съ каждой стороны въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются ихъ ноги, и начинаютъ ногами другъ-друга пихать,—кто кого повалитъ.

Этимъ они, какъ говорятъ, выражаютъ пѣтушиный бой; тутъ трудно правда не смѣяться, и такая оригинальная игра можетъ быть только выдумана Англичанами, но мнѣ казалось, что Біанка какъ-то особенно улыбалась язвительно послѣ каждаго замѣчанія маркиза, и что даже смѣхъ ея, прежде совершенно откровенный, теперь уже не такъ громокъ, не такъ чистъ, въ немъ уже слышалась насмѣшка. А вѣдь въ игрѣ этой былъ ея мужъ, и Біанка сама мнѣ говорила, что она его любитъ, и всей душою предана ему. Правда, лордъ Джемсъ очень хорошій человѣкъ, онъ многое сдѣлалъ для Біанки, онъ ее вывелъ изъ среды простой, крестьянской, отнялъ у нея изъ рукъ кочергу да кострюлю, замѣнилъ это богатымъ вѣеромъ да букетомъ цвѣтовъ, вмѣсто полеваго цвѣтка, которымъ она украшала прежде свою чудную черную косу, обвилъ ее жемчугомъ, надѣлъ на чудныя ея руки богатые браслеты, и рука ея и плечи потеряли свой бывшій загаръ, побѣлѣли, стали нѣжными... Но придалъ ли онъ ей счастья всѣмъ этимъ? Не лучше ли было ее оставить тамъ же, гдѣ она была прежде? Вопросъ этотъ трудно разрѣшить.

Да, Біанка любитъ лорда, но любитъ болѣе изъ благодарности, а ея натура, горячая, южная, требуетъ другой любви. Можетъ ли этотъ холодный Англичанинъ доставить Біанкѣ этотъ пылъ, который составляетъ потребность ея истинно—художественной природы, — потому что въ Италіи всѣ—художники или, по крайней мѣрѣ, понимаютъ значеніе художества, — могутъ ли эти странные, нѣсколько грубыя увеселенія лорда нравиться, тѣшить эту чувствительную натуру? Да, можетъ быть, Французъ правъ, онъ хотя и самъ, повидимому, вовсе не сочувствуетъ тому, что нравится, что составляетъ жизнь Біанки, но онъ покрайней мѣрѣ, какъ человѣкъ все знающій поверхностно, о всемъ имѣющій понятіе хотя вскользь, понимаетъ, что мо-

жетъ тронуть эту чистую, еще естественную природу женщины, сохранившую весь свой первобытный характеръ, несмотря на эту свѣтскую оболочку, которою она невольно прикрыта. Да, но жаль мнѣ все-таки Біанку:... если она поддастся вліянію этого господина; можетъ быть, и плохо выйдетъ.

Всѣ эти мысли такъ и толпились у меня въ головѣ; я все смотрѣлъ на Біанку и не замѣтилъ было даже, какъ лордъ Джемсъ повалилъ своего пріятеля и былъ очень доволенъ этимъ торжествомъ, потому что его противникъ славился своею силою и искусствомъ; въ восторгѣ своемъ онъ было даже предложилъ побоксировать съ нимъ, чтобъ еще разъ предъ женой своей показать свое искусство и свою силу, но Біанка вмѣшалась и объявила, что лучше въ другой разъ. Невольно я ей кивнулъ въ благодарность головой: не знаю, замѣтила ли она это движеніе, и если замѣтила, поняла ли она?

V.

Неаполь. 24 февраля.

Біанка уѣхала вчера. Они всѣ отправились въ Римъ, на долго ли?—сами не знаютъ. Лорду хочется все въ Англію, его уже утомило путешествіе, Біанка все жаждетъ Парижа; кажется, все этотъ противный маркизъ зоветъ ее туда.

Я снова одинъ, снова скитаюсь уныло по пустыннымъ улицамъ Неаполя, покупаю кораллы для развлеченія, и нахожу ихъ дороже чѣмъ гдѣ либо: они конечно очень хороши, я нигдѣ не видалъ 􏰀ораллов􏰀 такого цвѣта, но зато какая цѣна! Даже у насъ въ Петербургѣ трудно бы найти покупателя за такія цѣны,—а здѣсь всякій путешественникъ считаетъ своимъ долгомъ что нибудь купить, хотя булавку для галстука, представляющую руку непремѣнно съ маленькимъ колечкомъ, на которомъ красуется микроскопическая бирюза, и выставляющую палецъ впереди, что считается знакомъ, предотвращающимъ отъ всякаго несчастія, или ту же самую руку, только сжатую въ кулакъ и держащую цѣлую

коллекцію все знаковъ отъ несчастія, какіе-то длинные зубы, подковы и пр. и пр.

Былъ я еще въ театрѣ; хотѣлъ развлеченія во что бы то ни стало. Давали балетъ,—но вообразите, что̀ за странность!—танцовщицы всѣ въ зеленомъ трико, подъ газовой юбкой, и это придумано для бо́льшей нравственности! Еслибы это не было такъ смѣшно, то право было бы очень гадко. Нельзя представить себѣ, какое странное впечатлѣніе производятъ на васъ эти зеленыя ноги, точно лягушечьи, а насчетъ нравственности, я позволю себѣ явно и вполнѣ противорѣчить убѣжденіямъ Бурбоновъ неаполитанскихъ: нельзя придумать что нибудь безнравственнѣе этого цвѣтнаго трико, который обрисовываетъ совершенно ясно все тѣло, сквозитъ чрезъ кисейную юбку, и только развѣ непривычному можетъ показаться гадкимъ, но Неаполитанцы, народъ, повидимому, добрый,—онъ свыкся и съ этою неестественною зеленью. Лягушки влюбляются же, любятъ, страдаютъ, блаженствуютъ, а на что ужь онѣ отвратительны.

Да пора и самому мнѣ оставить Неаполь; теперь мнѣ все кажется какъ-то скучно, мрачно здѣсь, и солнце уже не такъ свѣтитъ, и небо уже не такъ сине, не такъ прозрачно, и воздухъ въ окрестностяхъ Неаполя уже не такъ арамотиченъ, а все отъ чего—совѣстно признаться—ея нѣтъ! Въ послѣдніе дни мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть съ ней почти одному: мужъ игралъ вечеромъ въ вистъ съ своимъ пріятелемъ Англичаниномъ и маркизомъ, она сидѣла тутъ же съ работою какою-то въ рукахъ; мы вмѣстѣ долго говорили, она мнѣ пересказала всю свою жизнь отъ того времени, когда я ее встрѣтилъ въ Генуѣ, до нашей встрѣчи въ Сорренто.

Запишу я этотъ разсказъ.

— Лордъ Джемсъ, (какъ она его зоветъ, настоящую его фамилію я не считаю себя вправѣ записать), очень богатый Англичанинъ, вѣрный правиламъ всѣхъ своихъ богатыхъ соотечественниковъ. Онъ заболѣлъ тоже сплиномъ,—доктора ему предписали поѣздку за границу на югъ, предписали ему леченіе виноградомъ, непремѣнно въ Италіи, и именно между Ниццею и Генуей, одной изъ любимѣйшихъ мѣстностей Англичанъ. Лордъ послѣдовалъ докторскому предписанію въ точ-

ности, отыскалъ какого-то садовника-винодѣла на берегу генуэзскаго залива, поселился у него, (такъ ему и было предписано жить въ простомъ домѣ, забыть на время всю роскошь, къ которой онъ слишкомъ привыкъ), и сталъ аккуратно каждое утро еще на-тощакъ отправляться въ виноградники, и наѣдаться, согласно предписанію, сколько было возможно, винограду. Это было въ томъ же году, когда я самъ былъ въ Генуѣ проѣздомъ; — садовникъ же этотъ былъ отецъ Біанки. Каждый день Біанка сопутствовала лорду въ его прогулкѣ, когда онъ ходилъ у берега моря по славной дорогѣ-della Cornice. Біанка несла за нимъ корзинку винограда, и лордъ гуляя мѣрнымъ шагомъ, и наслаждаясь по всѣмъ правиламъ медицины чуднымъ воздухомъ Италіи, поѣдалъ въ то же время и виноградъ, который несла за нимъ Біанка.

Немудрено, что черезъ нѣсколько времени, видѣвшись каждодневно одни, на пустой дорогѣ, разговаривая между собою о разныхъ предметахъ, лордъ довольно близко познакомился съ Біанкой. Лордъ былъ молодъ, кровь хотя не пылкая итальянская, все же кровь молодая; и разъ какъ-то, въ одну изъ этихъ прогулокъ, остановившись на скалѣ и любуясь восходомъ солнца, (потому что всѣ эти прогулки были рано утромъ), солнце, которое обагряло всю лѣвую сторону горизонта; тутъ еще въ дали показался какой-то парусъ, который словно былъ залитъ этимъ краснымъ свѣтомъ, и блестѣлъ неимовѣрно,—лордъ забылся, и на минуту сталъ поэтомъ; онъ остановился, взялъ за руку Біанку и хотѣлъ поцѣловать ее, но Біанка отступила назадъ. Лорду показалось это страннымъ: такое непредвидѣнное имъ сопротивленіе его удивило, онъ только могъ промычать какъ бы про себя: oh, oh!

Съ тѣхъ поръ Біанка была уже осторожнѣе съ лордомъ, а лордъ сталъ все задумчивѣе, и лѣченіе продолжалось все по тому же докторскому рецепту, все такъ же аккуратно, какъ и прежде.

Разъ лордъ рѣшился, и отправился къ отцу Біанки. Онъ началъ тѣмъ, что сказалъ ему, что онъ хочетъ съ нимъ поговорить серьезно, и что отъ этого будетъ зависѣть счастіе его дочери. Отецъ, старый Итальянецъ, смекнулъ было въ

чемъ дѣло и готовился уже на отвѣтъ, но лордъ повелъ дѣло совершенно небывалымъ образомъ; онъ только спросилъ у отца позволеніе назначить на свой счетъ учителя англійскаго языка Біанкѣ, сказалъ при этомъ, что учитель будетъ каждодневно давать уроки Біанкѣ, что самъ же лордъ долженъ теперь, такъ какъ онъ окончилъ свое лѣченіе, оставить его домъ, но на мѣсто его онъ проситъ позволеніе помѣстить, на тѣхъ же условіяхъ, пріятеля своего Англичанина, который и будетъ давать уроки молодой Біанкѣ, лордъ же возвратится черезъ годъ и надѣется, что къ тому времени Біанка будетъ порядочно говорить поанглійски, что въ такомъ случаѣ онъ уже сдѣлаетъ все возможное для обезпеченія будущности Біанки, которая истинно достойна другой участи, а теперь онъ предлагаетъ своему хозяину въ видѣ благодарности за добрый его пріемъ въ своемъ домѣ, сверхъ условій, пять тысячъ франковъ, которые тотчасъ лордъ и отсчиталъ удивленному садовнику.

Садовникъ рѣшительно не нашелся что̀ отвѣтить на всю эту рѣчь, только поблагодарилъ лорда, и лордъ Джемсъ уѣхалъ на другой день, и о немъ уже не слыхали цѣлый годъ.

Пріятель лорда былъ тотъ самый плотный Англичанинъ, котораго я видѣлъ въ Неаполѣ у него. Онъ явился на другой день отъѣзда лорда къ садовнику, занялъ бывшую комнату лорда, и сталъ жить въ ней. Біанка по просьбѣ своего отца начала свои уроки. Англичанинъ этотъ не былъ ей особенно пріятенъ, но въ то же время онъ былъ чрезвычайно скроменъ съ ней, чрезвычайно учтивъ, вѣжливъ, даже часто выказывалъ ей какое-то особенное уваженіе, а потому Біанка подчинилась вполнѣ волѣ своего отца и стала даже довольно прилежно заниматься своими уроками. Чрезъ годъ Біанка уже знала кое-какъ говорить поанглійски, читала довольно бѣгло, научилась кое-чему—немного исторіи, немного географіи, словомъ получила нѣчто въ родѣ образованія.

Эти познанія нѣсколько отдалили Біанку отъ ея прежнихъ подругъ—сверстницъ; по мѣрѣ того, какъ она образовывалась, она становилась все болѣе и болѣе похожа на барышню; туалетъ ея даже нѣсколько измѣнился, все по совѣтамъ Англичанина учителя, и такъ какъ это ничего не сто-

ило отцу садовнику, то онъ соглашался на все. Сверстницы и подруги Біанки стали дичиться, онѣ упрекали ее за это неестественное образованіе, но отецъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, такъ какъ Біанка оставалась все тою же послушною, доброю дочерью, какъ и прежде.

Пріѣхалъ ровно черезъ годъ лордъ Джемсъ; онъ былъ очень доволенъ успѣхами Біанки, благодарилъ и отца ея и пріятеля своего. Біанка ему показалась еще краше чѣмъ прежде; онъ сталъ каждый день навѣщать ее изъ Генуи, гдѣ онъ остановился, каждый день гулялъ съ Біанкой по дорогѣ, любовался вмѣстѣ съ нею чудною природою юга, и счастливъ былъ тѣмъ, что Біанка могла понимать его, когда онъ заговаривалъ съ нею поанглійски.

Тутъ онъ снова обратился съ серьезнымъ разговоромъ къ отцу, и объяснилъ кратко, но весьма положительно, что онъ истинно влюбленъ въ Біанку, что онъ до сихъ поръ не имѣлъ еще случая встрѣтить никого милѣе и краше ея, что онъ наконецъ богатъ, знатенъ и предлагаетъ ей свою руку и сердце, если только отецъ согласится, чтобъ свадьба ихъ была сыграна въ Англіи безъ присутствія отца, что онъ вмѣстѣ съ своею невѣстою тотчасъ же отправится безъ остановокъ въ Англію.

Біанка была въ то время въ самомъ странномъ положеніи; ея образованіе отдалило ее отъ всѣхъ ея прежнихъ подругъ; она скучала теперь въ этой избѣ старика садовника, потому что передъ ней открылся новый міръ, который она жаждала узнать.

Лордъ Джемсъ не то чтобъ ей нравился особенно—она не была влюблена въ него, но онъ такъ страстно ее любитъ, онъ такъ заботится о ней, онъ ей обѣщаетъ такъ много, наконецъ отецъ ея совѣтуетъ ей, потому что онъ самъ можетъ получить очень многое отъ согласія дочери,—онъ станетъ получать по пяти тысячъ франковъ ежегодно; ему къ тому же лордъ обѣщался купить тутъ находящійся виноградникъ и домикъ, онъ будетъ самъ хозяиномъ настоящимъ,—какъ не согласиться!—и Біанка согласилась.

Поплакала немного конечно въ день отъѣзда, но поѣхала и даже тревожно или не съ радостью ожидала этого дня

отъѣзда: это было ново для дѣвушки,—новая жизнь открывалась передъ нею.

Біанка не могла мнѣ хорошенько передать, какъ и гдѣ они обвѣнчались; она мнѣ только сказала, что пріѣхавши въ Англію на пароходѣ, они прямо, не останавливаясь, отправились въ богатое имѣніе лорда, гдѣ они зажили истинно по барски, говорила мнѣ, что тамъ и былъ совершенъ бракъ, что они съ тѣхъ поръ все жили въ этомъ богатомъ замкѣ зиму и лѣто, что она часто желала повидаться съ отцемъ своимъ, что просила своего мужа, умоляла его, но что онъ все не соглашался, что наконецъ, за прошлое лѣто, онъ согласился на ея просьбу: они поѣхали на continent, какъ они называютъ, пріѣхали въ Геную и узнали, что старикъ, отецъ ея, недавно умеръ за мѣсяцъ тому назадъ; нечего было дѣлать, пришлось бѣдной женщинѣ только поплакать на могилѣ своего отца и помолиться на ней. Біанка не могла безъ слезъ вспомнить объ этомъ.

Лордъ Джемсъ предложилъ ей остаться нѣкоторое время въ Италіи, потому что климатъ Англіи очень разстроилъ здоровье Біанки: ей нужно было это яркое полуденное солнце, этотъ чистый, прозрачный, теплый воздухъ, и она никакъ не могла свыкнуться съ вѣчными туманами Англіи.

— А какъ же вы познакомились съ этимъ маркизомъ? спросилъ я еще у Біанки.

— Съ маркизомъ де-Болье? сказала она,—очень просто: онъ какъ-то пріѣхалъ въ Англію, познакомился съ моимъ мужемъ въ Лондонѣ, куда лордъ иногда ѣздилъ по дѣламъ, оставляя меня въ своемъ замкѣ. Лордъ привезъ его съ собою погостить къ себѣ и похвастаться ему англійскою богатою жизнью въ замкахъ, показать ему свои лѣса, свою охоту, свои огромные парки и сады. Маркизъ Леонсъ (такъ его зовутъ) остался у насъ и прожилъ незамѣтно цѣлый годъ; потомъ мы поѣхали за границу, онъ съ нами, мы его оставили въ Парижѣ, потомъ во Флоренціи снова встрѣтили и онъ съ нами изъ Ливурно пріѣхалъ въ Неаполь, а теперь съ нами ѣдетъ въ Римъ и очень зоветъ лорда къ себѣ въ его замокъ, во Франціи гдѣ-то. Онъ очень милый, такой любезный, такой привѣтливый. Я очень рада, что мы встрѣ-

тили его здѣсь,—такъ бываетъ иногда скучно съ обыкновенными гостями моего мужа: все про дѣла говорятъ, все серьезно такъ толкуютъ, а мнѣ бѣдной все приходится только хлопать ушами, а онъ такой веселый, такой внимательный.

Да, подумалъ я про себя, внимательный, любезный. Бѣдная Біанка! проведетъ тебя этотъ Французъ, совратитъ съ пути истины!

Я обѣщался, впрочемъ, Біанкѣ непремѣнно отыскать ее, куда бы они ни поѣхали, навѣстить ее, и съ удовольствіемъ это сдѣлаю. Она, кажется, должна къ осени быть въ Біарицѣ; теперь всѣ туда ѣздятъ купаться, и я поѣду туда, мнѣ все равно—куда, отчего же и не въ Біярицъ; притомъ не хочется оставить мнѣ Біанку одну; здѣсь я еще не успѣлъ довольно сблизиться съ ней, а она уже мнѣ довѣряетъ,—я при случаѣ могу ей помочь хоть добрымъ совѣтомъ.

Завтра же оставляю Неаполь: онъ мнѣ опротивѣлъ въ конецъ.

VI.

Біарицъ. 1859 г.

Въ нынѣшнемъ году Біарицъ чрезвычайно оживленъ;—я первый разъ здѣсь, а потому не могу судить о прежнихъ годахъ, но по словамъ постоянныхъ здѣшнихъ жителей, нынѣшній годъ самый оживленный для Біарица, — всѣ дома биткомъ набиты; кажется, живутъ нетолько на чердакахъ, но и на сѣновалахъ, въ сараяхъ, гдѣ только можно какъ-нибудь пріютиться,—найти уголокъ. Можетъ быть все это скопленіе народа оттого, что ожидаютъ сюда Наполеона и императрицу Eugenie, да еще короля Бельгійскаго.

Давно ли никто и не думалъ о Біарицѣ. Это была простая рыбацкая деревня; жители ея Баски занимались охотою, рыболовствомъ, которое когда-то было очень важнымъ промысломъ, ловили здѣсь, у этого берега, даже китовъ, и каждый годъ изъ Біарица отправлялись на этотъ промыселъ. Теперь уже давно не слыхать про китовъ: они удалились

отсюда. Баски и до-сихъ-поръ отличаются своею страстью къ береговому мореплаванію; они неохотно пускаются въ дальнее путешествіе, но тутъ, имѣя почти постоянно въ виду свой берегъ, они дѣлаютъ чудеса: готовы вплавь пройти нѣсколько километровъ, готовы рисковать на каждомъ шагу своею жизнью, чтобы спасти погибающаго, но въ дальній путь Баску—не по сердцу; онъ слишкомъ приверженъ къ своему берегу.

Баски совершенно самостоятельный народъ, еще мало изученный; они находятся на границѣ Испаніи и Франціи; языкъ ихъ, впрочемъ, вовсе неискаженіе какого либо изъ этихъ языковъ. Это совершенно самостоятельное нарѣчіе, имѣющее свои собственные корни.

Баскъ, по характеру своему, очень благороденъ; онъ очень гордится своимъ племенемъ, привязанъ къ своимъ древнимъ обычаямъ, съ трудомъ согласится покинуть свой *beret* (шапку въ видѣ большаго блина безъ козырька, съ кисточкою наверху), который бываетъ обыкновенно красный или бѣлый (иногда впрочемъ и другихъ цвѣтовъ). Баскъ мало образованъ, но съ другой стороны онъ имѣетъ свой естественный здравый умъ и свои родовые правила чести, которыя всегда имъ руководствуютъ.

Баскъ нѣсколько измѣняется по мѣстности, въ которой онъ находится, но въ сущности онъ все тотъ же. Въ Пиренеяхъ вы видите Баска, который карабкается по горѣ, какъ горная коза или серна и часто по такимъ мѣстамъ, гдѣ рѣшительно, казалось, не возможно было бы пройти. Онъ съ своею большою собакою и еще съ большою длинною палкою, скорѣе шестомъ, часто пропадаетъ на два, на три дня въ горахъ, послѣ выюги, напримѣръ, какой-нибудь, чтобы отыскать погибающаго путешественника. Какъ всѣ горные жители, онъ не высокъ ростомъ, но плотно, крѣпко сложенъ; по ширинѣ его плечъ вы ужъ можете понять его силу; грудь его, всегда почти выдающаяся впередъ, такъ и дышетъ здоровьемъ. Одноцвѣтная шерстяная рубаха очень живописно покрываетъ широкими складками эту мощную, здоровую и всегда загорѣлую грудь.

Въ Біарицѣ Баскъ нѣсколько измѣнился; онъ мнѣ пока-

зался даже добродушнѣе пиренейскаго: видъ океана много содѣйствуетъ этому. Океанъ для Баска, для постояннаго жителя Біарица, олицетворяетъ ему все, и власть карающую и помогающую, и источникъ всего его богатства, всѣхъ его жизненныхъ средствъ, и часто также замѣняетъ ему и могилу.

Океанъ представляется Баску какимъ-то всемогущимъ божествомъ: онъ ему молится, онъ его и ругаетъ, при случаѣ. Онъ благодаритъ его, когда, вернувшись съ рыбачей ловли, показываетъ своему семейству добычу, которая, можетъ быть, обезпечиваетъ имъ цѣлый годъ жизни. Онъ сердится, негодуетъ на океанъ, когда волна за волной, гонимыя сильнымъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, вдругъ подступятъ къ самому жилищу его (которое еще выстроено довольно далеко отъ берега) и съ силою оторвутъ иногда цѣлый уголъ скалы, и унесутъ, можетъ быть, съ собою все имущество бѣднаго рыбака.

Трудно себѣ представить, не бывавши въ Біарицѣ, эту силу, эту мощь, эту громадность океана, нельзя судить о немъ по другимъ морямъ, всегда замкнутымъ почти со всѣхъ сторонъ берегами. Конечно, волны Средиземнаго моря очень заманчивы: онѣ такъ сладострастно жмутся одна къ другой и разбиваются о какой-нибудь камень, который самъ словно сочувствуетъ этой ласкѣ, такъ и блеститъ въ это время и съ удовольствіемъ отражаетъ въ своей гладкой поверхности и въ брызгахъ воды—солнечные лучи. Но океанъ не то!—тутъ волны подступаютъ иначе: онѣ идутъ мѣрнымъ, ровнымъ темпомъ во время прибоя, онѣ подымаютъ за собою другую волну, соединяются вмѣстѣ и подойдя почти до самаго берега, вдругъ подымаются еще выше, выше роста человѣческаго и разомъ разсыпаются уже въ одной пѣнѣ. Какой-то протяжный гулъ слышится во все время въ самой глубинѣ; а море часто все такъ же тихо, спокойно, какъ и прежде; въ дали замѣчаете только словно залитыя масломъ мѣста, которыя принимаютъ то ярко синій, то зеленый, то розовый цвѣтъ; дальше на горизонтѣ бѣлѣется парусъ, но еле—еле подвигается онъ, потому что вѣтра почти нѣтъ.

Сила этого прибоя такъ велика, что она протачиваетъ

цѣлыя глыбы гранита, врѣзается въ скалу, устроиваетъ въ ней большой гротъ, который завлекаетъ часто даже путешественника во время отлива; но не засните въ этомъ гротѣ, не-то черезъ нѣсколько часовъ волны хлынутъ сюда, наполнятъ этотъ живописный гротъ, изъ котораго вы любовались на безпредѣльность океана, и унесетъ васъ жертвою вашей опрометчивости.

Въ Біарицѣ, на такъ называемомъ берегу рыболововъ (plage de pecheurs), разбросаны цѣлыми грядами камни огромной величины и довольно далеко въ море; очень многіе изъ нихъ совершенно на-сухо остаются во время отлива и всегда въ извѣстные часы дня между ними вы видите цѣлыя семейства пріѣзжихъ туристовъ, которые собираютъ здѣсь раковины, различныхъ морскихъ животныхъ, крабовъ и т. д, которыхъ здѣсь оставила волна. Тутъ нѣсколько большихъ камней, проточенныхъ совершенно насквозь водою, такъ что составляютъ нѣчто въ родѣ природныхъ арокъ, мостовъ. Сколько разъ я видѣлъ тутъ, на одной изъ этихъ скалъ, любителя-живописца, снимающаго видъ какого нибудь берега, а чрезъ нѣсколько часовъ все это подъ водою; не видать даже самыхъ вершинъ этихъ камней, только въ томъ мѣстѣ, гдѣ образовалась эта естественная арка, на которой за нѣсколько часовъ сидѣлъ мой живописецъ, шумно бурчитъ вода, обтачивая мало по малу эту же арку и расширяя ее.

Несмотря на большое затрудненіе найти порядочную квартиру, я былъ довольно счастливъ: нанялъ половину одного этажа на открытомъ берегу моря.

Видъ изъ моего окна замѣчательно хорошъ; тутъ направо выдается въ море дворецъ императорскій, villa Eugenie, какъ его зовутъ, потому что Біарицъ созданіе нынѣшней императрицы французской: она еще дѣвушкою пріѣзжала сюда изъ Испаніи съ своею матерью, знаменитою Монтихо.— — — Біарицъ въ то время былъ только бѣдная деревушка рыбаковъ, и туда только пріѣзжали нѣкоторые Испанцы, которые знали, что въ этомъ мѣстѣ самый сильный прибой волны; потомъ стали ѣздить и Англичане, которые всегда пронюхаютъ о всемъ, и наконецъ, когда Евгенія Монтихо сдѣ-

лалась императрицею, стала строить вотъ этотъ дворецъ, Біарицъ вошелъ въ моду, и, надо отдать ему справедливость, онъ заслуживаетъ эту моду по своему удивительному положенію. Мнѣ нигдѣ такъ не нравились, не были по характеру морскія купальни, какъ здѣсь; одно только, что нѣсколько гола здѣсь природа, мало растительности, но этому виной самый океанъ, подлѣ котораго ничего не можетъ рости, отъ сильной соли, которой пропитанъ весь воздухъ. Губы у васъ постоянно соленыя; я отрывалъ часто для опыта листокъ какого нибудь кустарника, которые стараются между прочимъ разводить по возможности, и всѣ листки его были совершенно соленые; эта—то соль чрезвычайно полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ; кромѣ самыхъ ваннъ, этотъ воздухъ чрезвычайно много дѣлаетъ пользы; а ужъ воздухъ этотъ перенести нельзя никуда.

Но я отвлекся отъ описанія прелестнаго вида изъ своего окна. Съ правой стороны взглядъ вашъ упирается на **villa Eugenie**, которая построена не удачно, нѣсколько казарменно, но въ общемъ видѣ производитъ эффектъ своими красными кирпичными стѣнами, которыя такъ рѣзко рисуются на ярко-синемъ, безоблачномъ небѣ; налѣво, другое большое строеніе,—это казино съ своею огромною террасою,—мѣсто собранія всѣхъ жителей, подъ вечеръ, когда зажигаютъ ряды фонарей. Отъ дома моего до казино мнѣ виденъ на берегу рядъ крышъ, трубъ и надъ всѣмъ этимъ казино такъ и паритъ съ своею круглою широкою башнею; въ одномъ углу, въ башнѣ этой, внизу, устроена зала для игры въ карты.

Но что привлекаетъ постоянно вашъ взглядъ—это не строеніе въ Біарицѣ, это не берегъ его,—все это вы видѣли въ несравненно лучшемъ видѣ въ другихъ мѣстахъ,—это океанъ. Не наглядишься просто на него, такъ и заманиваетъ онъ васъ. Всѣ эти переливы, разнообразные тоны воды, эти волны съ своими снѣжными макушками, этотъ гулъ, который постоянно слышится въ немъ въ самую тихую погоду; пройдетъ облачко легкое, какъ паръ, пройдетъ, и, преломляя лучи жаркаго южнаго солнца, броситъ такой фантастическій арабескъ по этому безпредѣльному пространству воды, ока-

титъ такой очаровательно—нѣжной розовой краской эту пѣнистую волну, которая только—что поднялась тутъ передъ вами и, распадаясь въ миріады брызгъ, кажется вамъ ивернями самоцвѣтныхъ камней.

А видѣли вы Біарицъ во время бури? Если вы видѣли, то навѣрное помните и до сихъ поръ эту ужасную, грозную картину природы; если не видали, то не въ силахъ ваше воображеніе представить ее.

Вчера еще была такая буря.

Съ утра было душно, жарко до-нельзя, ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ, такъ парило, что невольно чувствовалось приближеніе грозы. Къ полудню все небо облеглось тучами, и эти тучи все темнѣе и темнѣе становились. Океанъ принималъ все болѣе сумрачный видъ; постоянный гулъ его сталъ какъ-то протяжнѣе и все громче въ басовыхъ нотахъ; вода дотого потемнѣла, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже была совершенно черною. Птицы, чуя близость грозы, спускались совершенно низко, морскія чайки и рыболовы такъ и скользили по водѣ, но еще волны не подымались особенно высоко и вѣтру не было; сталъ падать дождь рѣдкими крупными каплями. Со всѣхъ сторонъ Біарица гуляющіе, купающіеся, всѣ спѣшили возвратиться къ себѣ домой; я тоже сдѣлалъ—и сѣлъ у своего окна. Гроза такъ торжественно, такъ гордо подымалась, не спѣша; чувствовалось въ ней сознаніе своей силы; я съ жадностью слѣдилъ за всѣми фазисами этой могучей картины природы. Подулъ сѣверозападный вѣтеръ, дождь сталъ чаще, послышались раскаты грома въ дали, молнія прорѣзала огненною ломанною линіей все небо и исчезла въ какой-то волнѣ; огонь въ маякѣ ясно былъ видѣнъ:—такъ темно было уже на горизонтѣ. Гулъ самаго океана еще усилился, волна за волной стали чаще подыматься и разбиваться о берегъ, вѣтеръ становился все сильнѣе и сильнѣе; онъ плачевно завывалъ и вторилъ такимъ образомъ прочимъ голосамъ природы, гулу морскому и раскатамъ грома, которые стали все чаще и чаще; дождь ужъ шелъ ливмя точно изъ ушата.

Вдругъ я услышалъ ужасный шумъ, какъ будто что-то обваливается, разламывается. «Это должно быть неподалеку,

замѣтилъ мнѣ мой слуга, русскій человѣкъ; ишь какъ разгулялась сегодня погода!»—и онъ набожно перекрестился. Не лучше ли закрыть окно? продолжалъ онъ, право, лучше подальше отъ грѣха: такой грозы я и не видывалъ! сказалъ онъ мнѣ; эта гроза сдѣлала и на него сильное впечатлѣніе

Черезъ нѣсколько часовъ погода совершенно разгулялась; небо освободилось отъ темныхъ сѣрыхъ тучъ; сильный вѣтеръ разогналъ ихъ и разбросалъ по всему небосклону; солнце весело взглянуло и радостно освѣтило всѣхъ; только еще слышны были какіе–то замирающіе звуки въ дали. Я вышелъ изъ дому; мнѣ тотчасъ же сказали, что эта буря много повредила самому городу, она разломила только–что выстроенную въ нынѣшнемъ году террасу, въ концѣ новой площади, гдѣ стоитъ церковь. Я пошолъ въ ту сторону; надо было мнѣ пройти черезъ весь городъ; но городъ небольшой, и уже весь Біарицъ зналъ объ этомъ происшествіи и главная улица его была наполнена народомъ: всѣ спѣшили своими глазами удостовѣриться объ ужасномъ дѣйствіи бури. Вода уже теперь далеко не подходила къ этой площади, а между прочимъ это та же волна, которая свалила весь этотъ уголъ новой террасы, повидимому, выстроенной довольно прочно изъ дикаго камня:—вотъ это и былъ тотъ ужасный трескъ и шумъ, который такъ напугалъ моего слугу.

Скоро на площади собрался весь Біарицъ, составилось по этому случаю нѣчто въ родѣ гулянья; всѣ съ удивленіемъ разсматривали большія глыбы дикаго камня, которыя лежали подъ горою и покатились къ самому берегу моря.

Въ это время я посмотрѣлъ невзначай на окно гостиницы Hôtel d'Angleterre, которая тутъ же находится на этой площади, и въ окнѣ увидѣлъ Біанку; я конечно ей поклонился. Она только-что сегодня утромъ пріѣхала, и вотъ пришлось ей съ перваго дня увидѣть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій этой атлантической природы.

VII.

На другой день я встрѣтилъ Біанку у старой гавани (port vieux, какъ называютъ). Она была окружена нѣсколькими молодыми людьми; между ними былъ и маркизъ де-Болье. Самого лорда я не видалъ; онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отправился съ своимъ другомъ Англичаниномъ осматривать городъ и всѣ мѣстныя достопримѣчательности.

Но прежде всего надо мнѣ объяснить, что такое port vieux.

Это, какъ говорятъ, самая древняя гавань Біарица; она составляетъ какъ бы маленькую, почти замкнутую со всѣхъ сторонъ, бухту, и замкнутую скалами. Впереди, т. е. на западѣ есть открытое мѣсто, которое ограждено довольно большими скалами; на одной изъ нихъ какъ бы висятъ надъ бездной, стѣны двѣ или три, да башня полуразвалившаяся—это остатки какого то древняго замка рыцарскихъ временъ; вдали за нимъ вы видите безпредѣльный океанъ съ его шумными волнами; въ самой же бухтѣ вода почти постоянно спокойна, хотя приливъ и здѣсь очень чувствителенъ, но далеко уже не такъ силенъ, какъ на открытомъ мѣстѣ. Здѣсь, въ этомъ port vieux, устроены купальни, въ особенности для тѣхъ, которые боятся сильнаго прибоя волны. Многіе доктора даже не рѣшаются назначить прямо купаться на открытомъ берегу, гдѣ устроены такъ называемыя bains de l'Imperatrice, а совѣтуютъ прежде нѣсколько разъ попробовать купальни въ port vieux, потомъ уже рѣшиться подойти подъ настоящую волну, которая безспорно въ Біарицѣ чрезвычайно сильна. Эти купальни выстроены покоемъ; онѣ деревянныя въ какомъ-то швейцарскомъ вкусѣ,—это собственно только маленькія каюты, гдѣ раздѣваются и надѣваютъ особый костюмъ морскихъ ваннъ. Вы спускаетесь съ маленькой площади нѣсколько дальше за церковью, у которой еще вчера буря оторвала уголъ террасы, и входите на довольно большое пространство, наполненное мелкимъ морскимъ пескомъ, довольно топкимъ; это пространство васъ собственно отдѣляетъ отъ воды; правда, и оно иногда бываетъ

залито водою, но это случается весьма рѣдко; обыкновенно же это пространство до самой воды наполнено деревянными стульями съ соломеннымъ плетеньемъ; на этихъ стульяхъ садится все гуляющее народонаселеніе Біарица, а въ Біарицѣ гуляетъ всякій, кто не купается, или только-что выкупался, или собирается еще купаться. Port vieux служить центромъ для всѣхъ жителей Біарица; сюда приходятъ, садятся, любуются, отъ нечего дѣлать, тѣмъ, что другіе ныряютъ, плаваютъ, крутятся въ морской волнѣ: мужчины, дамы, дѣти—все это перемѣшано здѣсь и въ водѣ и на берегу. Только для раздѣванія отдѣлена правая отъ входа галерея мужчинамъ,—лѣвая дамамъ.

Дамы въ особенности любятъ port vieux; ихъ сильная волна открытаго берега пугаетъ; здѣсь можно и подольше остаться въ водѣ, поиграть, попрыгать, держась за руку своей подруги. Нѣкоторые мужчины, тоже купающіеся для удовольствія, а не для здоровья, тоже предпочитаютъ это мѣсто, потому во-первыхъ, что уже много дамскаго общества, во-вторыхъ потому еще, что, кто умѣетъ плавать, тутъ въ этомъ, какъ бы замкнутомъ бассейнѣ, можетъ смѣло показать свое искуство. Черезъ всю ширину его протянуты канаты, чтобы схватиться за нихъ, въ случаѣ нужды, такъ какъ оба берега почти соединяются и только остается не слишкомъ широкій проходъ, тутъ у подошвы скалы atelai, на которой еще видны эти развалины.

Вотъ отчего port vieux все еще остался центральнымъ пунктомъ, куда собираются всѣ, сталкиваются, знакомятся, дружатся:—онъ замѣняетъ утромъ вечернюю прогулку по освѣщенной террасѣ казино.

И правду сказать, довольно интересно, пока конечно не надоѣло, смотрѣть на весь этотъ процессъ купанья, тутъ съ берега, посреди своихъ знакомыхъ, незнакомыхъ, но все разряженныхъ по послѣднему парижскому журналу дамъ и молодыхъ денди. Только съ перваго разу чрезвычайно трудно мнѣ было привыкнуть къ этой оригинальной картинѣ общаго купанья. Странно мнѣ было, напримѣръ, встрѣчать знакомую мнѣ даму въ водѣ; я не зналъ какъ тутъ быть, поклониться ли ей или нѣтъ, поздороваться или сдѣлать видъ,

что я ее не узналъ. Но еще страннѣе,—сидя на одномъ изъ этихъ стульевъ,—за которые платится вездѣ 2 су,—видѣть вдругъ знакомую вамъ даму, выходящую изъ воды, въ этомъ оригинальномъ костюмѣ. Коротенькіе широкіе шальвары изъ шерстяной матеріи, спускающіяся только до конца икръ, босыя ноги, блуза изъ той же матеріи, какъ и шальвары, подпоясанная лаковымъ ремнемъ, спускается немножко ниже колѣнъ; на головѣ всѣ волосы, какіе только имѣются, спрятаны въ чепцѣ изъ мериноса какого нибудь цвѣта, иногда и чернаго, но всегда украшеннаго какими нибудь лентами, а главное, чепецъ долженъ предохранять волосы отъ соленой морской воды, которая очень вредитъ имъ. Нѣкоторыя дамы умудрились нѣсколько украсить этотъ костюмъ, оживить его: онѣ привязываютъ къ плечу, къ швамъ или къ концу своихъ шальваровъ разноцвѣтныя ленты.

Очень странно мнѣ было встрѣчать моихъ знакомыхъ въ этомъ костюмѣ и потомъ черезъ нѣсколько минутъ снова ихъ видѣть въ обширныхъ своихъ кринолинахъ, въ своихъ обычныхъ нарядахъ тутъ же на берегу любующихся вмѣстѣ съ другими на общее купанье;—потомъ свыкаешься со всѣмъ; но купальный нарядъ рѣдко къ кому идетъ; надо быть чрезвычайно хорошо сложенной, чтобы въ этомъ костюмѣ сохранить нѣкоторую грацію. Къ несчастію, невольно тутъ начинаешь признавать пользу кринолиновъ!

Мужской костюмъ несравненно лучше и удобнѣе; онъ собственно тотъ же, только самые штаны короче, да блуза тоже, а на головѣ вмѣсто чепца, нѣчто въ родѣ фригійскаго колпака, или шотландской шапочки, тоже разноцвѣтной фланели; притомъ на мужской блузѣ рукавовъ почти нѣтъ, руки свободны до плеча, стало-быть морская вода можетъ все-таки бить вамъ почти прямо въ грудь, она обливаетъ васъ всего, тогда какъ у дамъ эта же вода только дотрогивается развѣ нѣсколько шеи да самой подошвы ноги, а то она вся процѣжена сквозь нарядъ. Но съ другой стороны трудно было бы дамамъ согласиться сократить что бы то ни было изъ своего костюма. Многія даже и теперь не рѣшаются иначе пройдти между стульями зрителей, какъ накинувъ

прежде всего на себя длиный плащъ изъ черной блестящей клеенки. Другія впрочемъ не такъ уже стыдливы, въ особенности въ водѣ. Это большею частію, по всѣмъ вѣроятностямъ, уже бывалыя, уже свыкшіяся съ этимъ родомъ купанья. Я помню, напримѣръ, что меня одно время неутомимо преслѣдовала толстая, претолстая дама, которую я часто встрѣчалъ за общимъ столомъ въ Hôtel des Ambassadeurs, куда я ходилъ иногда обѣдать, и преслѣдовала меня самымъ страннымъ образомъ.

Каждый разъ, какъ я купался, я ее встрѣчалъ въ волнѣ морской; я нарочно избѣгалъ ее, переходилъ въ другую сторону, но тутъ вдругъ окатитъ меня громадная волна, разсыплется она въ пѣнѣ и брызгахъ надъ головой; я еще довольно долго оттираю лице руками, потому что соленая вода такъ и въѣлась въ глаза, а толстая дама тутъ подлѣ меня, и говоритъ еще: «славная волна! сильно ударила! а вотъ подымается еще, будетъ еще сильнѣе, кажется; станьте вотъ такъ, сюда, чтобъ она васъ не опрокинула,» и не успѣю я даже обернуться, какъ снова обоихъ насъ обольетъ громадная волна. Я кончилъ тѣмъ, что познакомился съ этой толстой дамой и водилъ съ ней уже постоянное знакомсто весь сезонъ; впрочемъ, мы видѣлись и разговаривали только въ водѣ да изрѣдка за общимъ столомъ въ Hôtel des Ambassadeurs. Она оказалась очень любезною, даже по всѣмъ вѣроятностямъ, очень доброю личностію,—только слишкомъ уже жирна:—волны такъ и несли ее на своемъ хребтѣ, а она лежитъ себѣ да качается какъ въ люлькѣ, отдувается только, и когда меня увидитъ, такъ еще подзываетъ и хвастается своимъ умѣньемъ плавать, а въ этомъ она была мастерица.

Біанка сегодня пришла сюда, чтобы ознакомиться съ мѣстностію; она хотѣла начать свои купанья. Ее чрезвычайно тѣшили эти толпы купающихся, но какъ-то конфузили еще съ непривычки, и она не могла мнѣ не сказать, что ей какъ-то совѣстно, что она не знаетъ еще сама,—рѣшится-ли она войдти въ число дѣйствующихъ лицъ въ этомъ большомъ оригинальномъ спектаклѣ, который каждодневно всѣ пріѣзжіе въ Біарицъ поочередно задаютъ себѣ другъ другу. У ней осталось еще нѣчто изъ той прежней скром-

ности,—пугливость, которая ее когда-то отличала; но знакомство съ маркизомъ де-Болье и постоянныя сношенія ея съ Французами, со всѣмъ этимъ веселымъ моднымъ людомъ Парижа, не мало уже ее испортили, не мало измѣнили ея характеръ и самую нравственность. Она начинала уже такъ же точно, какъ и они сами, находить наслажденіе въ этой поверхностной жизни, легко проживающейся, ничего не оставляющей за собою, начинала такъ же поверхностно, какъ и они, смотрѣть на принципы, на убѣжденія свои, которыя прежде были для нея закономъ. Простая, естественная женщина, дочь природы, природы южной, идеально-прекрасной, исчезала все болѣе и болѣе и превращалась въ обычную модную красавицу. Но еще оставались въ ней нѣкоторые проблески наивности, и я хватался съ жадностію за нихъ: они одни напоминали мнѣ мою прежнюю Біанку.

Что̀ мнѣ прежде всего бросилось въ глаза у Біанки,—это былъ ея нарядъ. Она въ Неаполѣ, въ Сорренто одѣвалась гораздо проще, и эта простота лучше ей шла.

Маркизъ мнѣ пожалъ дружески руку, даже радостно воскликнулъ: «**Ah, vous voilà cher! comme il y a longtemps que je ne vous ai vu!** Гдѣ это вы пропадали, вы не были въ Парижѣ?»

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, нѣсколько удивленный радостью маркиза при встрѣчи, со мною, — я еще долго оставался въ Италіи, потомъ провелъ нѣкоторое время въ Швейцаріи, и вотъ уже третья недѣля, что живу въ Біарицѣ.

— Такъ вы уже давно въ Біарицѣ? спросила меня Біанка,—вы меня познакомите стало быть съ нимъ. Вы вѣрно уже успѣли вполнѣ изучить его со всѣхъ сторонъ.

— Съ удовольствіемъ, да знакомство съ нимъ не затруднительно: въ одинъ день, много два, вы можете все увидѣть и обозрѣть.

Тутъ снова маркизъ перебилъ рѣчь и, обратясь ко мнѣ,— «а вы мнѣ позволите познакомить васъ съ моимъ семействомъ?»

— Съ вашимъ семействомъ? спросилъ я.

— Да, представить моей матушкѣ и еще моей сестрѣ.

Я поклонился, и маркизъ подвелъ тотчасъ же меня къ

сухой старушкѣ, которая сидѣла тутъ рядомъ съ Біанкой. Я только-что хотѣлъ спросить у Біанки о ней — это была мать маркиза де-Болье.

— Дочь моя не такъ здорова сегодня, сказала мнѣ старая маркиза, она еще устала отъ дороги; она такъ нервна, и осталась дома, но я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ чести быть у меня.

— Да, да, прервала Біанка, приходите сегодня къ намъ обѣдать, такъ запросто; я васъ познакомлю съ Irène,—премилая дѣвушка!—я васъ увѣряю, вы навѣрно влюбитесь тотчасъ же въ нее.

Я не зналъ что̀ отвѣтить на эти слова и–только поклонясь, непремѣнно обѣщалъ сегодня обѣдать у Біанки.

VIII.

Въ старой маркизѣ было много типичнаго: это сухое, морщинистое лице, этотъ орлиный, тоже чрезвычайно сухой, длинный носъ, загнутый внизъ, эти сѣрые, даже зеленоватые большіе глаза, красныя морщинистыя вѣки, которыя еще оттѣняли ихъ и, наливаясь иногда какъ бы кровью, получали какой-то яркій красный цвѣтъ во всѣхъ своихъ безчисленныхъ складкахъ, когда эти зеленые, безжизненные, тусклые глаза вдругъ оживлялись, искрились и упорно направлялись въ какую нибудь сторону. Все это ясно доказывало сильный характеръ старухи; иногда эти же глаза, напротивъ, какъ-то съеживались и какъ бы совершенно скрывались въ окружающихъ ихъ морщинахъ, и только была видна маленькая точка, гдѣ снова искрилось что–то злобно и хитро.

Ротъ и подбородокъ старухи не былъ тоже лишенъ характерности; губы тонкія, сухія, почти бѣлыя, подбородокъ нѣсколько выгнутый впередъ; самый лобъ маркизы былъ не большой, но глубокія двѣ-три морщины, которыя прорѣзали его поперегъ, ясно доказывали, что тутъ въ головѣ постоянно, неотвязчиво кроется мысль, что барыня эта не простая.

Вообще, старая маркиза мнѣ не понравилась; я тотчасъ же понялъ, что она женщина не глупая, но у нея ничего не было симпатичнаго.

Я предпочитаю старушекъ простодушныхъ, старушекъ добрыхъ, любезныхъ, ухаживающихъ за вами. Такихъ старушекъ я рѣдко, впрочемъ, встрѣчалъ за границей, а ихъ такъ много въ Россіи,—старушекъ, которыя любятъ васъ угостить чѣмъ нибудь, хоть вареньицемъ, хоть чаемъ, любятъ покалякать съ вами про то и сё, даже и посплетничать иногда и пожурить васъ и все наше время, вспоминать давно былое, прежнее, которое имъ всегда кажется несравненно милѣе и лучше, чѣмъ настоящее. Да и не мудрено: тогда для нихъ все было такъ свѣтло, такъ заманчиво; тогда у нихъ было столько увлеченій, столько надеждъ, онѣ ожидали все хорошее впереди, а теперь что жъ?—время унесло, однѣ за другими, всѣ эти отрадныя грёзы; остались однѣ морщины, слабость, дряхлость, а въ будущемъ только профиль четырехъ досокъ, изъ которыхъ сколотятъ имъ послѣднее ложе. Какъ не вспомнить про старое, бывалое, про прежнее, и не увлечься этими воспоминаніями! И невольно тогда вычеркиваешь изъ своего прошедшаго все, что мучило, все, что терзало, и вспоминаешь только однѣ тѣ минуты отрадныя, минуты блаженства, и вновь радуешься прежнею пережитою уже радостію. И счастливъ человѣкъ, что ему дана эта способность наслаждаться еще разъ прошлымъ своимъ счастьемъ!—безъ этого, право, слишкомъ была бы замѣтна скудость этихъ минутъ въ нашей жизни.

Старая маркиза де—Болье мало кажется наслаждалась своимъ прошедшимъ, она еще и до сихъ поръ слишкомъ была занята своимъ настоящимъ, и это одинъ изъ ея главныхъ недостатковъ. Она еще все продолжала строить планы для будущаго, а уже ей на-взглядъ лѣтъ 70, по крайней мѣрѣ.

Она въ обществѣ довольно весела; она всегда готова разсуждать съ какимъ угодно молодымъ франтикомъ о судьбѣ Франциска II неаполитанскаго. Она ярая легитимистка, постоянная подписчица Gazette de France, и не иначе назы-

ваетъ Гарибальди, какъ разбойникомъ. Одно изъ ея отличительныхъ свойствъ — это скупость, и скупость, доходящая до безпримѣрной мелочности. Единственный предметъ, который, какъ увѣряютъ, можетъ заставить ее истратить лишнее что нибудь,—это польза католической церкви, да и то я этому не много вѣрю; мнѣ кажется, что она только такъ для виду больше приняла на себя личину ханжества, чтобъ лучше скрыть свою настоящую страсть. Она всегда или въ гостяхъ, или въ церкви; ей почти не нужно имѣть своей квартиры. Постоянно носитъ эту темно-лиловую шляпу, подъ которой довольно искусно расположены двѣ толстенькія и коротенькія пукольки изъ сѣдыхъ, но еще не совсѣмъ бѣлыхъ волосъ. Когда она снимаетъ шляпу, то надѣваетъ вмѣсто нея чепецъ изъ тюля, тоже съ лиловыми лентами, который она постоянно носитъ съ собою въ мѣшкѣ, и снявъ шляпу, она бережно укладываетъ куда нибудь въ вѣрное мѣсто, чтобъ кто нибудь ее не уронилъ, не измялъ,— Боже сохрани!. Дома она круглый годъ постится, въ гостяхъ только соблюдаетъ одну субботу, да и то, если въ субботу ей приходится обѣдать у кого-либо,то она объясняетъ, что многое, по особенному разрѣшенію епископа, можно считать постнымъ, чегобы и не предполагали; такъ, напримѣръ, утки, водяная курица (poule d'eau)—становятся постными, потому что плаваютъ въ водѣ.

Такъ для свѣтскаго знакомства, когда вы имѣете дѣла только съ ея свѣтскимъ же умомъ, она довольно пріятная старушка, несмотря на нѣкоторыя свои странности; она можетъ даже васъ заинтересовать своею типичностію; она напоминаетъ вамъ старую французскую аристократію, создавшую, по правдѣ сказать, именно эту свѣтскость, отъ которой мы еще не можемъ и до сихъ поръ отстать. Но я не посовѣтовалъ бы никому войти въ какіе нибудь серьезныя сношенія съ старою маркизою де-Болье; она явится тогда, въ серьёзномъ дѣлѣ, совсѣмъ другою; вы увидите тутъ ясно всю жадность эту, всю сухость нетолько физическую, но и нравственную, поймете тогда, что для нея все равно *средство* и важна одна *цѣль*, что для достиженія этой *цѣли* она на все готова, на все способна и не пожалѣетъ никогда

никого; сына своего роднаго, дочь свою готова пожертвовать для исполненія своего личнаго какого-нибудь плана, и все это сдѣлаетъ тихо, медленно, не торопясь, разумно, пересыпая свои дѣла длинными молитвами, облокотившись въ приходской церкви на простой скамейкѣ, благочестивыми преніями съ какимъ нибудь католическимъ монахомъ-аббатомъ. Все это ей не помѣшаетъ даже нѣсколько разъ въ мѣсяцъ пріобщиться святыхъ тайнъ; она даже имѣетъ обыкновеніе непремѣнно хоть разъ въ мѣсяцъ пріобщиться и поэтому у многихъ пользуется извѣстностію весьма богомольной и самой добродѣтельной женщины. Но мнѣ случилось въ нѣсколько времени получше ее изучить: вотъ почему я позволилъ себѣ вставить этотъ краткій очеркъ посреди моего письма. Въ то время въ Біарицѣ я уже понималъ ее нѣсколько, но все же еще не довольно зналъ подробности ея жизни и ея характера.

IX.

Въ тотъ день еще, какъ только я пришелъ обѣдать, лордъ Джемсъ чрезвычайно любезно меня принялъ; онъ жалъ мнѣ руку очень крѣпко и очень долго. Онъ вообще неразговорчивъ, но тутъ старался меня занять; разсказывалъ, что онъ надѣялся меня встрѣтить гдѣ нибудь, въ Парижѣ, напримѣръ, что онъ очень радъ, что наконецъ таки мы столкнулись; распрашивалъ о морскихъ купаньяхъ, объяснялъ мнѣ, на основаніи своей красной книжки, что купанья въ Біарицѣ — самыя лучшія купанья, что здѣсь волна несравненно сильнѣе, что самый воздухъ чрезвычайно полезенъ, въ чемъ конечно я вовсе не спорилъ; потомъ еще припоминалъ Неаполь, Сорренто, и вспоминалъ обо всемъ этомъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, которое меня, признаюсь, даже удивило. Вообще сначала мнѣ показалось, что лордъ оживился, сталъ расторопнѣе, общительнѣе прежняго, но тутъ опять, за обѣдомъ, я открылъ новую черту, которая не могла не имѣть своего значенія, своихъ причинъ, своего корня въ самой жизни его. Онъ....

если его оставляли на время безъ разговора, или общій говоръ утихалъ, — онъ иногда взглянетъ своими свѣтлыми голубыми глазами на жену свою, напротивъ которой всегда сидѣлъ за столомъ, и какъ-то странно моргнутъ въ это время его рыжія брови и рѣсницы, словно хотятъ остановить что-то, словно онъ насильно хочетъ сохранить на своемъ длинномъ лицѣ выраженіе холоднаго, невозмутимаго спокойствія, а потомъ невольно задумается, смотритъ, а ясно не видитъ ничего, и забываетъ въ это время свой бифштексъ на тарелкѣ, который слуга послѣ нѣкотораго времени хочетъ унести не початой: это только пробуждаетъ лорда и онъ принимается медленно за блюдо, но, не съѣвъ и четверти того, что́ положилъ на тарелку, отдаетъ ее, чтобы не задержать другихъ. Пріятель его, толстый Англичанинъ, остался все тѣмъ же точно, чѣмъ былъ въ Неаполѣ; онъ также хладнокровно проводитъ весь день, онъ каждый день сопутствуетъ лорду всюду въ его прогулкахъ; я его нѣсколько разъ уже встрѣчалъ; они всегда одни ходятъ и онъ, кажется, и не замѣчаетъ перемѣны, происшедшей въ лордѣ Джемсѣ; онъ находитъ весьма естественною его молчаливость съ нимъ, и такъ какъ онъ давно знакомъ, то и не удивляется тому, что лордъ какъ-то искуственно оживляется при встрѣчѣ третьяго лица: онъ объясняетъ это очень просто,— умѣньемъ лорда вести себя въ обществѣ.

Біанка гуляетъ тоже одна, т. е. съ семействомъ маркиза де-Болье, съ его старухой матерью, иногда съ его сестрою Иренъ, но всегда окруженная еще цѣлою ватагою молодыхъ людей: тутъ и Испанцы и молодые Французы, есть даже, кажется, какой-то нѣмецкій баронъ.

Біанка въ домѣ подчинилась совершенно вліянію маркиза; онъ ее воспиталъ по-своему. Лорду это общество не нравится, онъ избѣгаетъ его, но ему всегда совѣстно сказать Біанкѣ, что ея общество ему не по-нутру; онъ очень любитъ свою жену, но любитъ холодно и горячо въ то же время. Внутренно онъ горитъ истиннымъ пламенемъ къ ней, а въ то же время весь этотъ пылъ, вся эта страсть выражается невольно у сѣвернаго жителя въ такой холод-

ной, нѣсколько апатичной формѣ, что Біанка даже и не подозрѣваетъ этой страсти.

Невольно теперь, при каждой встрѣчѣ моей, я все болѣе и болѣе начинаю уважать лорда Джемса, а Біанка, напротивъ, меня даже сердитъ подъ-часъ; мнѣ горько видѣть, что она не хочетъ понять своего мужа, что она такъ отдаляется постоянно отъ него, я чувствую, что положеніе это все болѣе и болѣе натягивается, что готовится во всемъ этомъ какая-то ужасная развязка, слышится вдали какъ бы гулъ океана, страшная драма, но какъ предостеречь ее? Очень трудно, а между тѣмъ какъ часто еще свѣтлая натура Біанки беретъ верхъ надъ всѣмъ, какъ часто проявляется еще какая нибудь пылкая, дѣтская черта ея чуднаго характера. Она начнетъ со мной говорить про Италію— про свою родину,—начинаетъ вспоминать про прежнюю свою жизнь, разсказываетъ съ увлеченіемъ о томъ, какъ лордъ ее вывелъ въ эту жизнь, какъ онъ ей пожертвовалъ всѣмъ, —оставилъ своихъ родныхъ, свое отечество для нея, образовалъ ее, далъ ей средства блестѣть такъ, какъ она блеститъ теперь въ этомъ шумномъ обществѣ; что безъ него она бы никогда не узнала ничего, кромѣ того берега генуэзскаго залива и бѣдной хижины своего отца. И разсказываетъ все это такъ просто, такъ мило, что невольно уничтожаетъ разомъ всѣ мои сомнѣнія, заставляетъ меня подумать, что я ошибался, а Біанка все та же, какъ и прежде; она только молода и естественно любитъ повеселиться.

А еще вчера я пошелъ купаться не въ Port vieux, — я всегда предпочитаю открытый берегъ и такъ называемыя bains de l'Imperatrice; тутъ противъ моего дома, въ виду императорскаго дворца, и подходя къ водѣ, я вижу—входитъ подлѣ меня молодая женщина, черные глаза ея такъ и искрятся, костюмъ ея несравненно кокетливѣе устроенъ, чѣмъ у прочихъ дамъ: онъ какъ-то граціозно обрисовываетъ ея талію и въ то же время довольно приличенъ, видѣнъ во всемъ вкусъ; самый тонкій чепчикъ, который едва держитъ въ себѣ густую косу, должно быть тоже черную, судя по глазамъ и по бровямъ молодой женщины, такъ изящно убранъ лен-

тами,—ихъ не слишкомъ много, но достаточно одной, чтобы скрыть нехудожественность его формы. Я было не узналъ сначала Біанки,—она первая обратилась ко мнѣ. — «Дайте мнѣ руку, сказала она, я все боюсь, чтобы волна меня не уронила, а банщикъ мой долго возится съ моимъ плащемъ». Я очень радъ былъ случаю, и взялъ ее за руку и повелъ къ волнѣ; тутъ заставилъ ее обернуться спиною къ подступающимъ волнамъ, чтобы поберечь свои глаза; она была прекрасна въ этомъ нарядѣ. Рѣдко я видѣлъ женщину, которая бы умѣла выдержать этотъ костюмъ. — «Такъ вы болѣе не купаетесь въ **Port vieux?»** спросилъ я.—«Нѣтъ, тамъ слишкомъ много народу, какъ-будто напоказъ тамъ всѣ купаются,—совѣстно мнѣ». И она такъ наивно, такъ просто мнѣ это сказала, что я снова былъ ею очарованъ.—«Да вы сами еще мнѣ сказали, продолжала она, что здѣсь полезнѣе купаться, что волны здѣсь сильнѣе; а мнѣ истинно нужно купаться: доктора непремѣнно совѣтовали».

Что всегда мнѣ особенно нравилось у Біанки,—это непринужденность ея, простота, часто даже необдуманность ея разговора, ея поступковъ; эта необдуманность многое извиняла ей. Она только подчинялась вліянію маркиза, который самъ, напротивъ, какъ видно, все расчетливо поступалъ,—и это еще новое клеймо на его голову. Теперь вотъ и маркизъ, и его мать, и его сестра,—всѣ они живутъ тутъ, въ той же гостинницѣ. Лордъ занимаетъ цѣлый этажъ; они не нашли, какъ увѣряли, себѣ квартиры и лордъ имъ предложилъ нѣсколько комнатъ; они постоянно съ нимъ вмѣстѣ обѣдаютъ, проводятъ вмѣстѣ цѣлые дни, сдѣлались нетолько домашними людьми, но даже почти необходимыми. Сколько разъ мнѣ хотѣлось высказать голую правду Біанкѣ, очертить въ нѣсколькихъ словахъ этого маркиза, мать его, которые, какъ коршуны, такъ и слѣдятъ за своею добычею, чтобъ достигнуть своей цѣли; но я знаю Біанку, я даже нѣсколько разъ пробовалъ, но всегда неудачно; она разомъ прерветъ мою рѣчь, обратится къ другому предмету и скажетъ еще: «полно вамъ выдумывать, сочинять! — это весьма благородные, честные люди; они всѣми здѣсь, во Франціи, уважаемы» и т. д и т. д.

Біанка имѣетъ въ характерѣ своемъ много страннаго, развившагося впослѣдствіи при ея дальнѣйшемъ воспитаніи; она никакъ не можетъ подчиниться ничему, она любитъ свободу всею душею, она истая Итальянка въ этомъ дѣлѣ, и каждый совѣтъ, который ей напоминаетъ нѣчто въ-родѣ наставленія, ей противенъ,—она прямо вамъ скажетъ на-отрѣзъ: «никто не можетъ воспрепятствовать моей волѣ; вы видите, что и мужъ мой хорошо это понимаетъ и я люблю его потому. Еслибы онъ вздумалъ мною командовать, — мнѣ приказывать, считать меня своею рабою, я бы убѣжала отъ него»,—и глаза ея блистаютъ въ это время неимовѣрно, лице все разгорается, она откинетъ еще рукою назадъ свои густые черные волосы и снова—тогда чудо какъ хороша! успокоившись немного, вдругъ скажетъ, томно взглянувъ на васъ своимъ вкрадчивымъ мелодическимъ голосомъ: «Вы тоже, не правда ли, хотите, чтобы я васъ попрежнему любила?—Да!—Такъ не говорите же мнѣ, пожалуйста, никогда объ этомъ».

Невольно вздохнешь и отойдешь, или заговоришь о чемъ-нибудь другомъ.

X.

Чудная теплая ночь, небо такъ и обсыпано миріадами звѣздъ. Луна только всплываетъ,—она поздно показывается теперь, но и безъ нея почти свѣтло на берегу морскомъ отъ этихъ свѣтлыхъ безчисленныхъ звѣздочекъ, которыя такъ и мигаютъ другъ–другу! Тишина полная.

Я былъ еще вечеромъ въ казино; тамъ гулялъ по террасѣ, освѣщенной газомъ, смотрѣлъ оттуда въ окна залы, какъ молодой людъ танцуетъ подъ звуки бальнаго оркестра, и удивлялся даже, какъ можно въ такую ночь запираться въ комнатѣ, когда тутъ природа такъ хороша. Я даже не могъ долго оставаться здѣсь; мнѣ хотѣлось быть ближе къ этому морю, въ волненіяхъ котораго такъ живописно отсвѣчивалъ блестками весь свѣтъ этихъ блестящихъ созвѣздій. Я спустился съ террасы и пошелъ по берегу, прошелъ мимо

рыбачьяго порта, въ которомъ эти гряды камней, разбросанныхъ въ водѣ, представлялись мнѣ въ самыхъ замысловатыхъ формахъ; я долго любовался, а когда тутъ слѣва начала всплывать луна и вдругъ осеребрила профиль этихъ разбросанныхъ камней—фантастическими представились они мнѣ тогда посреди постояннаго гула морскаго, посреди этихъ волнъ, которыя безпрестанно обмываютъ ихъ, разбиваются, искрятся съ мелодическимъ журчаніемъ; и въ то время полная, ничѣмъ невозмутимая тишина: все спитъ, все покоится. Я медленно шелъ вдоль берега и все любовался, и не могъ наглядѣться на эту чудную картину; я подошелъ къ самой площади, гдѣ выстроена церковь, она была въ то время вся какъ–бы облита серебромъ отъ луннаго свѣта: такъ и обрисовывалась рѣзко и свѣтло своею готическою, хотя довольно простою, архитектурою. Я влѣзъ по каменной лѣстницѣ на самую площадь и остановился, чтобы оттуда еще лучше увидѣть всю общность картины.

Вдругъ я слышу чудный контр–альто изъ отвореннаго окна гостинницы **Hôtel d'Angletere**,—пѣлъ романсъ изъ извѣстныхъ **Soirées de Rossini**; и эта чудная мелодія, посреди этой южной, теплой ночи, снова навѣяла на меня давно забытыя грезы: я вспомнилъ Италію, вспомнилъ Біанку тамъ! не здѣсь: здѣсь—даже вотъ въ первый разъ, что мнѣ приходится слышать ея голосъ. Я все стараюсь забыть нынѣшнюю Біанку и вспомнить, воскресить Біанку Италіи, Біанку настоящую.

Когда романсъ кончился, я невольно вскрикнулъ: **bravo! bravo! bis!** Біанка подошла къ окну, удивленная смѣлостію неизвѣстнаго слушателя, и узнала меня.

— А, это вы! сказала она. Что вы тутъ дѣлаете?

— Гуляю, любуюсь природою; да вотъ позабылъ и ее, заслушался невольно вашего голоса.

— Войдите къ намъ лучше.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я, и поспѣшилъ войдти въ гостиницу.

Почти никого не было сегодня вечеромъ у Біанки; маркизъ былъ въ казино, онъ тамъ игралъ. Старуха улеглась уже спать у себя въ комнатѣ. Оставалась только молодая

Иренъ да самъ лордъ Джемсъ, который такъ же, какъ и я, былъ очень доволенъ этимъ рѣдкимъ случаемъ—остаться весь вечеръ почти на единѣ съ женою: онъ и упросилъ ее спѣть что-нибудь, не-то Біанка уже давно не пѣла, а Французы мало цѣнили ея голосъ.

Но пора мнѣ сказать слова два о m-lle Iréne de Beaulieu; я нѣсколько разъ уже ее видѣлъ, успѣлъ немножко ее изучить, хотя, очень можетъ быть, еще не совсѣмъ ее понимаю.

Она молода и очень хороша собою; красота ея вовсе не подходитъ, впрочемъ, къ красотѣ Біанки, скорѣе это совершенная противуположность;—она блондинка, но не изъ тѣхъ блондинокъ скандинавскихъ или нѣмецкихъ, которыя всегда служатъ словно переходомъ къ ярко-рыжему; нѣтъ, она чистая блондинка, ея волоса скорѣе пепельнаго цвѣта, они очень тонки, очень мягки, глаза у ней голубые, вкрадчивые, и въ то же время масляные глаза, довольно живые, даже странно какъ живы для такого цвѣту. Лице весьма правильно обрисовано. Въ профилѣ, она нѣсколько напоминаетъ своего брата Леонса, но черты ея гораздо тоньше и въ то же время мягче. Губки узенькія, словно шелковее красные снурки, ротикъ миньятюрный, очень мило собранный. Она нравится всѣмъ съ перваго разу, у ней выраженіе лица очень симпатично, только самый цвѣтъ лица нѣсколько разгоряченъ;—видно, что много кроется еще въ этой дѣвушкѣ чувства невысказаннаго, необнаруженнаго, много страсти, сдавленной, сомкнутой, которая такъ и просится проявиться наружу, но нельзя ... Она еще дѣвушка, и въ то же время дочь маркиза де-Болье.

Она небольшаго росту, даже скорѣй мала, и это видимо ей самой не нравится, хотя она знаетъ очень хорошо, что и при этомъ маломъ ростѣ она смѣло можетъ себя признать за красавицу, но ей хотѣлось бы больше росту; она носитъ поэтому длинное платье съ хвостами, которые, по-мнѣ, только мѣшаютъ естественности ея походки.

Жизнь и образъ мыслей, убѣжденія ея матери, ея брата ей рѣшительно противны. Она хорошо понимаетъ всю отвратительную сторону этой расчетливости во всемъ, не-

уважающей никакого правила чести, но она покоряется до времени имъ,—она не въ силахъ съ ними бороться.

Она полюбила Біанку, нашла въ ней подругу, которой она часто передаетъ свои мысли, свои чувства, но братъ и мать всегда тутъ—такъ и слѣдятъ за ней и не даютъ ей слишкомъ откровенно высказаться.

Лордъ Джемсъ тоже ей нравится именно своею лѣнью, своимъ хладнокровіемъ; она хорошо понимаетъ, что онъ долженъ многое чувствовать внутри, но только не показываетъ этого всѣмъ. Самъ лордъ очень привязался къ Иренъ, ему она полюбилась, онъ въ ней угадалъ то же сочувствіе къ себѣ, угадалъ, хотя она никогда объ этомъ не говорила, а такъ, видившись каждый день, молча просиживая цѣлые вечера, цѣлые дни, они поняли другъ-друга и оцѣнили.

Поклонившись m-le Iréne, пожавъ руку лорду, я усѣлся въ кресла подлѣ маленькаго рояля и попросилъ Біанку снова спѣть что-нибудь. Лордъ Джемсъ взялъ со стола какую-то англійскую газету, а между тѣмъ, я увѣренъ, вовсе не читалъ, а все глядѣлъ на Біанку изъ-за газеты и слушалъ, жадно слушалъ переливы ея чуднаго голоса; окно было растворено, изъ него такъ и дышало этимъ теплымъ, густымъ, живительнымъ воздухомъ.

M-le Iréne закурила папироску и кокетливо улеглась въ глубинѣ своего бархатнаго кресла; она иногда любила разлечься, какъ креолка какая нибудь въ своемъ гамакѣ, нѣсколько подобравъ ноги, откинувъ свою голову, и эти тонкіе пепельные волоса, которые тогда казались какъ бы напудренными, удивительно мило окаймляли ея очень тонко вычерченное и умное личико.

Біанка, напротивъ, своею строгою, южною красотою, своими блестящими черными глазами, съ этою черною, какъ смоль, косою, скрученною толстою змѣей, и послѣ нѣсколькихъ оборотовъ собранную и еле-сдержанную большимъ свѣтлой черепахи гребнемъ, съ ея правильнымъ, но спокойнымъ лицемъ, которое вдохновлялось иногда отъ перелива мелодіи, такъ звучно, такъ чудно вылетавшей изъ этихъ яркихъ страстныхъ губъ, — Біанка представляла вамъ картину не менѣе изящную, но совершенно другаго рода. Въ ней

чувствовалась настоящая, южная страсть, душа чистая, преданная вся этой музыкѣ, этому романсу, и понимающая эту мелодію страстно, такъ, какъ она все понимала.

Иренъ, напротивъ, выражала болѣе сладострастія, чѣмъ страсти; она лѣниво, и въ то же время изящно, улеглась въ своихъ креслахъ, она слушаетъ тоже и понимаетъ эту музыку, но мысль ея далеко, далеко, такъ далеко, что она сама не могла бы вамъ сказать—гдѣ она.

Я самъ былъ какъ-то странно настроенъ въ этотъ вечеръ, и не мудрено. Чудная музыка Россини, такъ искусно и такъ звучно переданная—два типа истинной красоты. При этомъ еще въ головѣ только-что прочувствованная мною южная теплая ночь, на берегу океана, этотъ шумъ воды, который и здѣсь постоянно какъ бы вторилъ голосу Біанки, трудно и придумать что-нибудь изящнѣе. Когда Біанка кончила снова свою арію, всѣ мы остались долго, ни слова не говоря, всѣ мы словно боялись прервать эту поэтитическую гармонію тишины. Самъ лордъ уже положилъ газету свою на колѣни и задумался...

Біанка первая прервала наше общее настроеніе, она встала съ своего табурета, отодвинула его и подошла къ дивану,—тутъ неподалеку.

— Славная ночь! проговорила она.

Никто ей ничего не отвѣтилъ, а только невольно обратились лицемъ къ окну, которое выходило на площадь; она была вся освѣщена луною, а вдали шумѣлъ, все шумѣлъ океанъ, а на небѣ такъ и блестѣли миріады звѣздъ.

— Не пройдемся ли мы, спросилъ я, и вправду ночь удивительно какъ хороша сегодня. Пойдемте къ берегу Басковъ.

Мое предложеніе понравилось всѣмъ; только Біанка сказала будто вскользь: «но Леонсъ еще не возвращался изъ Казино».

— Такъ что-жъ, онъ тамъ играетъ въ карты, пусть его играетъ, тотчасъ же отвѣтилъ я.

Лордъ Джемсъ меня поблагодарилъ взглядомъ за мой отвѣтъ.

Тотчасъ-же всѣ собрались, надѣли шляпки и мантильи.

Біанка пошла съ мужемъ своимъ, мнѣ пришлось дать руку m-lle Iréne. Мы медленно шли и всѣ какъ бы погруженные въ какую-то думу, мало разговаривали. Но Біанка видимо была взволнована чѣмъ-то, и спокойный Англичанинъ, ея мужъ, едва поспѣвалъ за нею: она будто торопилась куда-то, такъ что вскорѣ я съ Иренъ остались нѣсколько позади, тутъ вдругъ она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Видѣли вы когда-нибудь бой быковъ въ Испаніи?

— Нѣтъ, никогда.

— Это должно быть очень интересно?

— И очень интересно.

— А знаете, на-дняхъ будетъ такой бой въ Бильбао, тутъ не далеко на берегу этого же Гасконскаго залива.

— Да?

— И бой будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, очень интересенъ, потому что это *квадрилья* извѣстнаго *спада Кутгаресъ.*

— Отчего вы это все знаете? невольно спросилъ я.

— Мнѣ вчера это разсказывали. Вы не поѣдете въ Бильбао?

— Я?

— Да. Я на вашемъ мѣстѣ никакъ не упустила бы такого случая. Вѣдь это не далёко: на пароходѣ изъ Байоны всего нѣсколько часовъ, менѣе сутокъ ѣзды.

— Можетъ быть, я и рѣшусь, но когда-же этотъ бой назначенъ?

— Въ концѣ недѣли.

— Сегодня понедѣльникъ.

— Знаете—что? продолжала она: брату моему давно хочется тоже увидѣть настоящій бой быковъ; здѣсь во Франціи, въ Байонѣ, конечно бываютъ тоже, пріѣзжаютъ испанцы... но тутъ будетъ Кутгаресъ; это его очень заинтересуетъ. Пригласите его...

— Его пригласить и съѣздить съ нимъ?

— Да—почему нѣтъ? Вы и ему доставите большое удовольствіе, и лорду будетъ это очень пріятно... кончила она какъ-то вполголоса.

— Я подумаю объ этомъ, нерѣшительно отвѣтилъ я.

— Да что тутъ думать? я сама, сказала мнѣ Иренъ, съ удовольствіемъ поѣхала бы съ вами и съ братомъ, но маменька не отпуститъ,—найдетъ это неприличнымъ.

— Съ вами я бы съ удовольствіемъ хоть сегодня поѣхалъ, куда прикажете.

— Полно, полно, перебила она меня: не въ этомъ дѣло! мнѣ нельзя, но вамъ почти должно, — да и стоитъ это видѣть: вы знаете, что Кутгаресъ въ Испаніи пользуется большою извѣстностію.

Такъ мы дошли до берега Басковъ,—самый отдаленный берегъ всего Біарица,—тутъ только теперь стали поселяться, строить нѣкоторыя дачи; и самый берегъ несравненно выше, чѣмъ во всемъ Біарицѣ. Притомъ мѣсто открытое и прибой очень хорошъ... Уже устроились мелкіе шалаши для купающихся, но настоящихъ купаленъ еще не выстроено: по всѣмъ вѣроятностямъ въ скоромъ времени и тутъ будетъ все устроено, и даже можно предположить, что берегъ Басковъ тогда станетъ лучшимъ и главнымъ мѣстомъ купанья Біарица. Бѣдные Баски все болѣе и болѣе отодвигаются; ихъ шалаши изъ дикаго, необтесаннаго камня отойдутъ еще дальше отъ берега и — замѣнятся рядомъ виллъ и дачъ.

Постоявъ нѣкоторое время, полюбовавшись все тою-же ароматическою ночью и тѣми же шумными перекатами волнъ, мы пошли обратно. Такъ-какъ теперь мы всѣ были вмѣстѣ, не отдѣляясь другъ отъ друга, разговоръ мой съ Иренъ не могъ продолжаться: я только понялъ изъ него, что ей хотѣлось отдалить своего брата отъ Біанки,—она будто чувствовала, что Леонсъ слишкомъ много начинаетъ имѣть вліянія на Біанку и, изъ любви къ ней, желала ее избавить отъ этого вліянія. Я самъ вполнѣ раздѣлялъ желаніе Иренъ, а потому мысленно рѣшился непремѣнно поѣхать въ Бильбао съ нимъ... Да и самый бой быковъ меня интерессовалъ.

Мы уже подходили почти къ площади, какъ встрѣтился маркизъ Леонсъ съ какимъ-то другимъ Французомъ, его пріятелемъ, молодымъ человѣкомъ, въ усикахъ и эспаньёлкѣ, довольно красивымъ собою, но тоже, повидимому, очень пустымъ; они шли рука объ руку и что-то въ полголоса напѣ-

вали; они были нѣсколько оживленнѣе обыкновеннаго: вѣрно за картами пробовали нѣсколько разъ качество коньяка.

Какъ только мы поровнялись съ ними, Біанка оставила руку своего мужа и подошла къ маркизу. Лордъ довольно хладнокровно пошелъ рядомъ со мною, и Біанка очутилась между двумя Французами, и тотчасъ послышался въ ихъ кружкѣ хохотъ и смѣхъ. Иренъ тогда потянула меня за руку, чтобы приблизиться къ Біанкѣ.

— А знаете, братецъ? сказала она, тронувъ слегка за рукавъ Леонса: вотъ М... тоже хочетъ ѣхать въ Бильбао,— вамъ будетъ очень весело... Жаль, что я тоже не мужчина! кончила она.

— Какъ, вы ѣдете въ Бильбао? сказала Біанка, обращаясь ко мнѣ.

— Ѣду, по всѣмъ вѣроятностямъ, на-дняхъ: тамъ будетъ знаменитый бой быковъ, отвѣтилъ я.

— И надолго? еще спросила она.

— Нѣтъ, всего на недѣлю, съ проѣздомъ,—не болѣе, а потомъ вернусь сюда.

— И вы ѣдете тоже? сказала она, посмотрѣвъ на Леонса.

— Да: мнѣ хочется тоже посмотрѣть на этотъ бой.

— Ты ѣдешь? сказала она въ полголоса, такъ, чтобы никто кромѣ его не слышалъ, но я былъ тутъ такъ близко, что не могъ не разслышать.

— Ѣду, моя милая: это необходимо, отвѣтилъ отрывисто и тоже вполголоса Леонсъ, прижавъ крѣпко локтемъ руку Біанки.

— Твой мужъ подозрѣваетъ уже насъ, продолжалъ онъ такъ же отрывисто—тихо—это всего лучше его успокоитъ.

Біанка задумалась и опустила глаза.

— Чрезъ недѣлю, не болѣе, я снова здѣсь... послѣ все впрочемъ тебѣ разскажу, кончилъ Леонсъ.

Мы всѣ подошли къ гостинницѣ.

Вечеромъ, за чаемъ, Біанка была очень задумчива, какъ бы грустна. Иренъ постоянно нѣжилась въ своихъ креслахъ, за ней ухаживалъ молоденькій Французикъ, въ усикахъ и эспаньёлкѣ. Леонсъ тоже былъ не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, но лордъ Джемсъ открыто весело смотрѣлъ на всѣхъ,

и съ особымъ комфортомъ, я убѣжденъ, выпилъ сегодня свой чай со сливками, подливъ въ чашку немного рому.

XI.

Бильбао.

Бильбао довольно хорошенькій городокъ, сколько я могъ его до сихъ поръ узнать. Кварталы собственно стараго города наполнены узенькими улицами, переулками, отчасти кривыми; но новая часть довольно красиво обстроена. Тутъ есть большой тѣнистый бульваръ въ нѣсколько рядовъ старыхъ, уже развѣсистыхъ деревъ: не помню хорошенько—какія именно деревья, но кажется это все дубы и кленъ, или, лучше сказать, что-то похожее на кленъ, но съ гораздо большими листами. Тутъ, вдоль этого же бульвара выстроены самые лучшіе дома города, тутъ и нѣчто въ родѣ Hôtel и гостиницы, въ которой я и остановился, но которая не совсѣмъ такая гостиница, какую мы привыкли видѣть въ остальной Европѣ: это скорѣе домъ, въ которомъ вы можете нанять омеблированную квартиру; если у васъ нѣтъ повара, можете и пообѣдать за общимъ столомъ хозяина и за очень дорогую цѣну, можете, получить этотъ же самый обѣдъ, т. е. остатки его въ свой нумеръ. Все это для настоящей гостиницы было бы крайне не удобно, но въ то же время въ этой патріархальности есть свое доброе свойство; и я еще не встрѣчалъ такого заведенія въ Англіи, въ Лондонѣ, и мнѣ всегда нравилась эта патріархальность, сложенная съ нѣкоторою расчетливостію. Напримѣръ: въ Лондонѣ я нанялъ четыре комнаты въ какомъ-то узенькомъ домѣ, довольно удобно выстроенномъ, въ томъ центрѣ города, который я болѣе посѣщалъ (я говорю въ томъ центрѣ, потому что въ Лондонѣ и подлинно нѣсколько центровъ города: кому что надобно, кто чѣмъ занятъ, кто какое общество видитъ). Эти четыре комнаты были расположены въ трехъ этажахъ, но истинно русскому человѣку довольно странно свыкнуться съ такими нравами, а въ Лондонѣ всѣ такъ живутъ. Въ одномъ этажѣ была моя гостиная

и кабинетъ, въ другомъ—столовая, въ третьемъ спальня—вотъ вамъ и квартира; но—дѣло не въ томъ: я нанималъ её помѣсячно, платилъ не помню уже сколько, но съ тѣмъ условіемъ, что буду получать каждый день утромъ въ назначенный часъ, свой брикфэстъ, т. е. свой чай и свой ромъ-стекъ, нѣчто въ родѣ бифштэкса, но несравненно лучшаго качества. Отъ хозяйки еще требовалось, чтобъ я не игралъ на фортепьяно въ воскресеніе, такъ какъ этотъ день посвященъ собственно одной молитвѣ, и требовалось, если хотите не требовалось, а явно желалось хозяйкѣ дома, впрочемъ очень милой Англичанкѣ, чтобъ я приходилъ изрѣдка къ ней въ гостиную поговорить, побесѣдовать и выпить у ней чашку чая, напримѣръ.

Я знаю навѣрно, что она отказала какому-то господину въ квартирѣ за то, что тотъ никогда не приходилъ посидѣть съ ней, а деньги онъ платилъ аккуратно... Это какая-то потребность въ патріархальности: оно хотя смѣшно, но имѣетъ и свою добрую сторону.

Такъ-какъ я еще ни разу не бывалъ въ Испаніи, то мнѣ захотѣлось совершить свою поѣздку въ Бильбао, не просто моремъ на пароходѣ изъ Байоны, но сухимъ путемъ, и хотя таковая поѣздка требовала несравненно болѣе хлопотъ, но я рѣшился на нее,—и маркизъ де-Болье, мой спутникъ, тотчасъ же согласился. Впрочемъ, ему какое дѣло? онъ даромъ ѣхалъ и такъ и сякъ — стало быть: ему было все равно.

Сцена прощанья въ Біарицѣ не лишена была нѣкоторыхъ слезъ, нѣчто въ родѣ даже нервическихъ припадковъ, которые были нѣсколько сдержаны моимъ присутствіемъ, потому что я ясно объяснилъ Біанкѣ всѣ странности такихъ поступковъ, а Біанка всегда боялась моихъ замѣчаній, и всегда имѣлъ на нее какое-то странное вліяніе отъ самой первой встрѣчи моей съ ней, которая и на меня, и на нее сдѣлала большое впечатлѣніе.

Мой маркизъ Леонсъ, въ началѣ дороги, считалъ своимъ долгомъ быть очень молчаливымъ, но потомъ вскорѣ разгулялся:—при первомъ случаѣ прихвастнулъ своими побѣдами надъ бѣдными сердцами какихъ-то Андалузянокъ.

Онъ прежде еще бывалъ въ Испаніи, какъ самъ меня увѣрялъ; впрочемъ я не совсѣмъ ему вѣрю: онъ что-то очень похоже расхваливалъ Андалузію и весь юго-востокъ Испаніи, похоже на то, что я прочелъ въ путешествіи по Испаніи Александра Дюма́.—Очень можетъ быть, что мой Леонсъ видѣлъ Испанію только въ книжкѣ Дюма́, ну, а тутъ, для шику, не мѣшало и прихвастнуть немного.

Вся дорога отъ самаго Біарица до Бильбао гораздо менѣе живописна, чѣмъ я предполагалъ, и, по правдѣ сказать, почти не стоило рѣшаться мнѣ ѣхать сухимъ путемъ и пренебречь удобствомъ корабля, который въ 24 часа, или даже менѣе, переноситъ васъ изъ одного мѣста въ другое, безъ всякой усталости. Но я этого не зналъ.

Часть береговыхъ Пиреней, которую мы проѣхали и которая тянется все еще вдоль берега морскаго почти до самаго Бильбао, уже не такъ высока́, не такъ грозна́ на видъ, какъ, напримѣръ, въ Барежѣ, въ Лешокѣ, въ Торбо и т. д. дорога, впрочемъ, постоянно очень хороша,—ровное шоссе, которое все-таки довольно живописно загибается иногда: пригорокъ теряется въ густой рощицѣ, переходитъ черезъ ручеекъ, черезъ рѣчку, которая течетъ еще довольно бурно и сохранила какъ бы воспоминанія о трудныхъ проходахъ, крутыхъ и голыхъ камняхъ, о которые она должна была разбиваться, съ которыми она должна была бороться; она еще все журчитъ себѣ, словно бормочетъ что-то и не можетъ вполнѣ еще успокоиться, пѣнится и сердится, обмывая уже лужайку яркой зелени, на которой пасутся извѣстныя своею породою пиренейскія коровы.

Между мѣстностями особенно замѣчательными я припоминаю теперь такъ называемые *les portes de Roland*—Роландовы ворота. Это какъ бы высѣченный проходъ посреди цѣлаго хребта горы, именно высѣченный, потому что вдругъ, безъ всякой видимой причины, одна гора оканчивается крутымъ обрывомъ; съ другой стороны—такой же крутой утесъ и какъ бы продолженіе первой горы, а въ этомъ пространствѣ, которое вамъ кажется словно рукою человѣческою высѣченнымъ, вы видите вдали океанъ: мѣсто замѣчательное по живописности своей.

Мѣстная легенда гласитъ, что рыцарь Роландъ, желая проѣхать Пиринеи на своемъ знаменитомъ конѣ Росинантѣ, взялъ да ударилъ извѣстнымъ своимъ мечомъ и высѣкъ себѣ проходъ черезъ гору.

Много чудеснаго разсказываютъ вамъ Баски и всѣ жители Пиреней и южной Франціи про знаменитаго рыцаря Роланда; повсюду вы встрѣчаете остатки его отважной жизни, какъ бы доказательства его страшной силы. Напримѣръ подлѣ Барежа есть такъ называемый шагъ Роланда (le pas de Rolland)—это двѣ высокія горы, которыя довольно далеко отстоятъ другъ отъ друга, но тутъ легенда гласитъ, что Роландъ перешагнулъ съ одной горы на другую, даже по казываютъ вамъ на камнѣ какой-то слѣдъ его ноги. Тутъ же подлѣ есть мѣстность, которая именуется хаосомъ, (le chaos)—это на самой вершинѣ довольно высокой горы, мѣсто, на которомъ вы видите, и вправду, въ ужасномъ безпорядкѣ груду камней всѣхъ величинъ, какъ бы набросанныхъ одинъ надругой—и опять Роландъ этому причина: онъ разломалъ тутъ же находящуюся гору и разбросалъ ея обломки. Вездѣ Роландъ, вездѣ его сила, его мощь, его храбрость, его удальство.

Стоило бы даже изучить поближе всѣ легенды про этого рыцаря и собрать ихъ. Но мнѣ въ то время было не до того; притомъ, я только проѣздомъ все это слышалъ, а на таковое изученье необходимо было бы пожить въ этой мѣстности.

На границѣ Испаніи со мною случилось первое приключеніе, а именно въ мѣстной таможнѣ—не хотѣли пропустить моей коляски, а коляска была у меня наемная въ Біарицѣ. Заставили меня заплатить за въѣздъ ея въ Испанію, хотя я и объяснялъ, что я ѣду только, чтобъ увидѣть бой быковъ, что коляска старая, наемная, что конечно еслибъ я хотѣлъ продать ее въ Испаніи, то выбралъ бы получше: наконецъ, что я вернусь черезъ три дня, много четыре — все же заставили меня заплатить, обѣщаясь мнѣ возвратить эту сумму на обратномъ пути, если я вернусь ранѣе мѣсяца.

Мнѣ пришлось провести болѣе сутокъ въ дорогѣ отъ границы до Бильбао, и вездѣ я находилъ большое затрудне-

ніе во всемъ; станціи весьма неопрятны; почти нигдѣ нельзя найдти что нибудь порядочное; съ трудомъ я досталъ на какой-то станціи какой-то супъ, но и тотъ былъ до-того переполненъ чеснокомъ, что отбивалъ всякую охоту и всякой аппетитъ. Маркизъ Леонсъ, который со мной ѣхалъ, находилъ эту кухню съ чеснокомъ весьма вкусною; но я не раздѣляю его мнѣнія. Тутъ, дорогой, мнѣ пришлось ближе изучить характеръ маркиза: я его узналъ и убѣдился, что отвращеніе, которое съ перваго взгляда онъ мнѣ внушилъ, было вполнѣ имъ заслуженное.

Это человѣкъ, съ виду, т. е. по поверхности своей, весьма опрятный, весьма общительный, но стоитъ его только получше узнать и вы убѣдитесь, что онъ носитъ по три дня одну и ту же рубашку, что онъ никогда, кажется, не моется, что также точно, какъ онъ грязенъ тѣломъ, грязенъ и душою. Не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ, что я вовсе его не долюбливаю, не можетъ быть, чтобы онъ не замѣтилъ, что я согласился совершить съ нимъ эту поѣздку въ Бильбао только по просьбѣ его сестры Иренъ, и для пользы самой Біанки, для того, чтобъ отдалить, а можетъ быть—и уничтожить совсѣмъ тотъ разрывъ между Біанкой съ лордомъ, который я предвидѣлъ, и который конечно погубилъ бы въ конецъ несчастную Біанку,—и въ то же время, не взирая на это, маркизъ былъ нетолько чрезвычайно любезенъ со мною, нетолько пользовался всѣми правами какого-то друга моего, поѣхалъ въ Испанію на мой счетъ и не предложилъ мнѣ ни разу хотя заплатить за свой обѣдъ въ гостиницѣ, за свой нумеръ, да кромѣ того онъ еще нагло тѣмъ или другимъ былъ недоволенъ, важничалъ передъ всѣми, а передо мною старался загладить и заслужить все это самымъ мелочнымъ низкопоклонствомъ. Меня часто подергивало отъ всего этого, но совѣстно было что нибудь замѣтить; притомъ я взялся за гужъ, — тутъ ужъ не говори, что не дюжъ.

Во всю дорогу маркизъ Леонсъ мнѣ все разсказывалъ про свои похожденія во Франціи въ молодости, про своихъ свѣтскихъ друзей, про свои ужины и завтраки у Bignon въ Парижѣ, про своихъ лошадей, которыя славились въ булон-

скомъ лѣсу; про нѣкоторыхъ модныхъ актриссъ, съ которыми онъ былъ интимно знакомъ, словомъ: рисовался передо мною, какъ парижскій левъ. Я слушалъ, иногда дремалъ подъ его разсказы, и часто думалъ, отчего же ты не остался въ этой средѣ твоего маленькаго клуба des moutards, (такъ называется особенный клубъ въ Парижѣ, составленный и вправду, по большей части, изъ такихъ типовъ, какъ этотъ маркизъ,)—отчего ты не продолжалъ красоваться въ булонскомъ лѣсу, ужинать съ актрисами у Bignon или въ café Anglais, играть въ баккара въ своемъ cercle des moutards и проигрывать такъ легко нѣсколько тысячъ франковъ въ вечеръ, какъ ты увѣряешь? Вѣрно не хватило средствъ, и ты теперь расчитываешь отыграться у этого лорда—добряка, честнаго человѣка, который тебя допустилъ въ свой домъ, считая тебя тоже честнымъ человѣкомъ, судя по себѣ, и ты нашелъ выгоднымъ его обмануть, и воспользоваться неопытностію молодой, еще наивной женщины? Да! это еще новый случай, новый рискъ въ твоей жизни, которымъ ты похвастаешься впослѣдствіи;—да, это по твоему нраву, по твоему характеру! — И со злобой тогда въ душѣ я отворачивался убаюканный ровнымъ качаніемъ моей коляски, и часто засыпалъ въ этихъ думахъ.

Пріѣхавъ довольно поздно вечеромъ въ Бильбао, я съ истиннымъ удовольствіемъ нашелъ въ моей гостиницѣ довольно чистую постель, что истинная рѣдкость въ Испаніи, и, тотчасъ же по пріѣздѣ, напившись только чаю, улегся спать.

На другое утро хозяйка гостиницы мнѣ сообщила, что бой быковъ назначенъ въ этотъ же день, и что, предвидя мое желаніе искать особую ложу, она уже распорядилась и достала мнѣ отличную ложу. Я очень благодарилъ любезную хозяйку, которая еще къ моему счастію, говорила немного по-французски, а я вовсе не понимаю испанскаго языка и долженъ былъ даже потребовать переводчика, который всюду мнѣ сопутствовалъ.

Подали мнѣ шоколадъ,—(я имѣю обыкновенье всюду прежде всего пробовать національные напитки, а всѣ въ Испаніи, вмѣсто кофе утромъ пьютъ шоколадъ,) — попробуемъ и его. Шоколадъ оказался свареннымъ на водѣ, довольно жидкій,

не очень сладокъ; какъ шоколадъ, онъ вовсе не хорошъ, но такъ-какъ напитокъ, онъ весьма сносенъ, даже пріятнѣе настоящаго шоколада, хорошо свареннаго на молокѣ, потому что не такъ густъ и не такъ сладокъ.

Около полудня, губернаторъ Бильбао сдѣлалъ мнѣ честь пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ,—это обстоятельство очень обрадовало маркиза Леонса; я же былъ очень сконфуженъ, потому что рѣшительно не признавалъ за собою права на такую почесть. Онъ очень любезно мнѣ предложилъ мѣсто въ своей ложѣ, но у меня уже была взята, а потому я только поблагодарилъ его за вниманіе.

Около двухъ часовъ начинался бой. Я съ большимъ любопытствомъ ждалъ этого оргинальнаго, чисто народнаго, испанскаго зрѣлища, и, даже не могу скрыть, съ нѣкоторымъ волненіемъ вошелъ въ свою ложу.

Но мнѣ нужно прежде всего описать самую мѣстность зрѣлища. Это—арена, круглая, какъ древніе цирки. Середина образуетъ круглое пространство съ пескомъ, непокрытое ничѣмъ, вокругъ него барьеръ довольно высокій, но ниже обыкновеннаго росту человѣческаго; за барьеромъ нѣчто въ родѣ корридора—довольно пространная галлерея, которая обводитъ весь барьеръ съ противуположной стороны. За этимъ корридоромъ возвышаются амфитеатромъ мѣста для зрителей, которыя уже подъ деревяннымъ навѣсомъ. Съ одной стороны все ложи, съ другой, просто ступеньками, скамейки одна надъ другой; посрединѣ отдѣльная ложа, украшенная коврами и занавѣсками — это ложа губернатора; подлѣ нея справа и слѣва, все полукругомъ, простыя ложи, тоже обвѣшанныя коврами, но уже безъ верхней занавѣски; далѣе еще съ обѣихъ сторонъ, подъ тесовымъ и полотнянымъ навѣсомъ, эстрада, скамейки для зрителей, и наконецъ, напротивъ самой ложи губернатора, уже нѣтъ скамеекъ, просто голая стѣна, въ которой устроены большіе ворота; оттуда-то и выходятъ быки; тамъ помѣщаются еще конюшни для лошадей.

Моя ложа была ложи черезъ двѣ отъ губернаторской, такъ что почти—противъ самыхъ воротъ.

Когда я вошелъ въ ложу, арена была уже наполнена *пикадорами*:—это всадники въ испанскомъ костюмѣ,—въ коро-

тенькой бархатной курткѣ, вышитой частью золотомъ, въ бархатныхъ или шелковыхъ штанахъ, узкихъ, обтягивающихъ всю ногу пониже колѣна, затѣмъ полосатые чулки и маленькіе сапожки, ботинки со шпорами; на головѣ всегда сѣтка красная или синяя, иногда и желтая, такъ называемый *resilio*, надъ нимъ надѣта еще національная шапочка съ маленькими бортами (вывороченными вверхъ дномъ; шапочка *всегда черная*; весь костюмъ еще украшенъ лентами; каждый *пикадоръ* сидитъ на тощей лошади, большею частію сѣрой, какъ я замѣтилъ, и держитъ въ рукѣ длинную пику съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. За барьеромъ въ коридорѣ стоятъ и ожидаютъ своей очереди прочіе бойцы, уже пѣшіе, которые начинаютъ игру съ быкомъ послѣ *пикадоровъ*. Открываются ворота при звукѣ трубы; здоровый, большой быкъ выбѣгаетъ съ прискочкою на арену, но, оглушенный воемъ, крикомъ всей публики, которая привѣтствуетъ его входъ, удивленный этимъ свѣтомъ, этою пестротою народа вокругъ себя, потому что онъ все время содержался въ темнотѣ, въ-заперти, останавливается, опускаетъ голову, на нѣкоторое время какъ бы задумывается, потомъ, пробужденный новымъ крикомъ, гикомъ толпы, онъ величаво махнетъ головою и кидается галопомъ вокругъ арены,—тутъ рукоплесканія становятся еще сильнѣе; тогда наскакиваетъ на него *пикадоръ* и, кольнувъ его остріемъ своей пики, спѣшитъ ускакать, за нимъ другой, третій—быкъ не знаетъ, что ему дѣлать, — поворачивается то въ одну, то въ другую сторону, гонится за пикадорами, которые стараются его избѣгнуть, а все же колятъ его, тормошатъ. Разсвирѣпѣлый быкъ звѣремъ нападаетъ на одну изъ лошадей и рогами разрываетъ ей животъ. Пикадоръ пришпорилъ лошадь свою и она успѣла отскочить, но кишки ея такъ и висятъ, такъ и волочатся по песку, и бѣдная лошадь, сдѣлавъ еще нѣсколько круговъ, падаетъ. Тогда пикадоръ соскакиваетъ ловко, перепрыгиваетъ черезъ барьеръ, другіе пособляютъ ему вытащить павшую лошадь, а Испанцы радуются, приходятъ въ восторгъ при этомъ видѣ. Чѣмъ болѣе убитыхъ лошадей, тѣмъ болѣе славы быку.

Это—самая отвратительная, самая жестокая часть пред-

ставленія. Я никакъ не могъ привыкнуть равнодушно смотрѣть на этихъ бѣдныхъ животныхъ, которыя влачатъ свои внутренности, свои кишки по песку, путаются часто ногами своими въ нихъ; а мнѣ еще говорили, что часто, если успѣютъ вывесть послѣ этого лошадь изъ арены, то подшиваютъ ей это брюхо, и снова пускаютъ её на бой къ другому быку.

Послѣ *пикадоровъ*, которые всѣ верхами, являются пѣшіе бойцы torreodor'ы, такъ называемые *banderillos*. Они играютъ съ быкомъ, тормошатъ его какъ только могутъ; у каждаго изъ нихъ большой плащъ, красный или желтый, на одной рукѣ; они довольно граціозно его кидаютъ, развертываютъ передъ глазами быка, чтобы заманить его, и тотчасъ же отскакиваютъ въ сторону; тутъ же они бросаютъ въ него нѣчто въ родѣ стрѣлъ. Это — палочки, обвернутыя въ разноцвѣтную бумагу съ желѣзнымъ и заостреннымъ наконечникомъ. Главное искусство состоитъ въ томъ, чтобъ, заманивъ быка краснымъ плащемъ, бросить эти стрѣлы такъ, чтобъ онѣ симметрично вошли въ тѣло быка съ обѣихъ сторонъ головы. Часто, если banderillos искусны, цѣлый рядъ такихъ разноцвѣтныхъ стрѣлъ составляютъ вокругъ головы быка точно вѣнецъ; еще послѣ того накидываютъ иногда нѣчто въ родѣ шапочки, тоже изъ этой же разноцвѣтной бумаги и съ острымъ желѣзнымъ концемъ, на самую вершину головы. На шапочкѣ привязываютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ лентъ, и на этихъ лентахъ выпечатываютъ или надписываютъ имя кого-либо изъ присутствующихъ, въ честь котораго этотъ быкъ убивается. Это считается большою честью въ Испаніи и не каждый разъ случается. Я былъ удостоенъ этою честью, именно въ этотъ день въ Бильбао. Маркизъ Леонсъ меня увѣрялъ, что онъ былъ тому причиной, что онъ посовѣтывалъ Кутгаресу, знаменитому предводителю этой *квадрильи*,—такъ называютъ всѣхъ бойцовъ вообще. Но я этому слабо вѣрю: скорѣе это еще новая любезность мѣстнаго губернатора, который сказалъ слово *Кутгаресу*.

Между бандерилосами особенно замѣчателенъ былъ ученикъ Кутгареса молодой *Ельтато*; онъ до невѣроятности

ловокъ. Онъ перепрыгиваетъ, напримѣръ, черезъ быка, держась за шестъ, въ то именно время, когда быкъ, разъяренный хочетъ поднять его на рога: онъ упирается въ это время на длинный шестъ, который закидываетъ подальше за быкомъ и перескакиваетъ черезъ него; быкъ поднимаетъ голову и думаетъ уже, что его жертва поднята имъ на рогахъ, а молодецъ Ельтато уже за нимъ, и ловко сзади бросаетъ ему еще стрѣлу въ тѣло, чтобъ заставить его повернуться.

Въ это время въ особенности любопытно посмотрѣть на публику: какое общее волненіе, какой восторгъ у всѣхъ, какъ нервно заходили вдругъ всѣ эти вѣеры въ маленькихъ ручкахъ, какъ заискрились всѣ эти черные глазки подъ темною черною мантильей, какъ эти глазки горячо и пристально слѣдятъ за всѣми движеніями молодца торреодора, и какъ искренно, какъ отъ души захлопали эти ручки, обтянутыя черною перчаткою!. Вотъ тутъ, недалеко отъ меня, одна молодая женщина, въ черной кружевной мантильѣ, съ розаномъ на боку, пришла въ такой восторгъ отъ послѣдней выходки Ельтато, что бросила ему свой платокъ, и вся публика разразилась новымъ рукоплесканьемъ и всѣ были въ восторгѣ и отъ этого порыва, и отъ самого Ельтато.

Но самый эффектъ представленья еще впереди — это смерть быка, дѣло такъ называемаго *prima spada*,—первая шпага. Тутъ является самъ Кутгаресъ на сцену: онъ входитъ въ томъ же костюмѣ, какъ и прочіе, т. е. въ чисто національномъ, только его костюмъ нѣсколько богаче, больше шитья, больше лентъ; притомъ у пояса виситъ шпага, и за поясомъ еще кинжалъ на всякой случай.

Онъ начинаетъ съ того, что уже разъяреннаго до-нельзя быка, разсерженнаго, рычащаго звѣря подзываетъ къ себѣ, тоже открывая и поднося ему подъ глаза большой красный плащъ. Быкъ кидается на него,—онъ отскакиваетъ, снова развертываетъ свой плащъ, снова отскакиваетъ и такимъ образомъ подводитъ его къ тому мѣсту, на которомъ онъ предназначилъ его убить. Этого быка Кутгаресъ хотѣлъ убить въ честь мою, а потому подошелъ окончательно къ моей ложѣ и сталъ подо мною задомъ ко мнѣ, поджидалъ

все быка. Когда звѣрь скачкомъ подлетѣлъ къ нему и нагнулъ свою голову, чтобъ поднять его на рога, то Кутгаресъ маленькимъ движеньемъ руки бросилъ въ него свою шпагу, которую уже держалъ на-готовѣ, запутанную въ своемъ красномъ плащѣ. Быкъ, раненый смертельно, не успѣлъ почти поднять головы, какъ уже медленно закачался и, преклонивъ оба переднія колѣна, палъ у ногъ своего побѣдителя. Тогда Кутгаресъ граціозно положилъ руку на рукоятку шпаги, обратился ко мнѣ и поклонился: весь амфитеатръ разразился единодушнымъ рукоплесканіемъ и неистовымъ крикокъ восторга. Да и вправду, эта картина сильно возбуждаетъ: въ ней есть какая-то особая, обычная отвага, чувствуется сила величія человѣка передъ животнымъ, хотя и сильнымъ тоже и опаснымъ для всѣхъ, но которое должно преклонить колѣна передъ храбрымъ бойцомъ. Тутъ грянула музыка; четыре мула, всѣ одѣтые въ богатыхъ сбруяхъ, въ бубенчикахъ, въ лентахъ и запряженные всѣ четыре въ рядъ, въѣхали въ арену, влача за собою большой желѣзный крюкъ; этимъ крюкомъ задѣли уже безжизненное тѣло быка и, сдѣлавъ еще разъ кругъ по аренѣ, при звукахъ музыки, при громѣ рукоплесканій, при трескѣ и шумѣ всей толпы, съ тріумфомъ увезли жертву этого кроваваго боя.

Въ одно представленіе убиваютъ такимъ образомъ иногда три, иногда четыре быка. Потомъ еще, для потѣхи публики, пускаютъ молодаго бычка съ подушками на рогахъ, такъ что онъ не можетъ очень сильно ранить бойца, и желающіе изъ публики могутъ поиграть съ нимъ, только не убивать его. Тутъ еще бросаютъ вслѣдъ, особыя стрѣлы съ фейерверками — колесами, огненными фонтанчиками: все это неимовѣрно сердитъ, бѣситъ бычка, а публика хохочетъ и радуется отъ души.

На другой день былъ еще одинъ бой; я конечно тоже тутъ былъ и видѣлъ несчастный случай, какъ быкъ поднялъ на рога одного изъ бандерильосовъ, который не успѣлъ отскочить и перескочить черезъ барръеръ — единственное спасеніе въ томъ случаѣ, если быкъ припретъ васъ уже слишкомъ близко,—и несчастный полетѣлъ очень высо-

ко вверхъ. Къ счастію онъ упалъ на песокъ, его тотчасъ же подняли, положили на носилки и унесли. Мнѣ послѣ говорили, что онъ не умеръ, но что раненъ довольно сильно, однакожъ не такъ опасно, какъ это могло быть.

Странное впечатлѣніе оставляетъ на васъ это зрѣлище: сколько звѣрства, сколько дикости въ немъ! не вѣришь просто своимъ глазамъ, не вѣришь, что такое зрѣлище еще можетъ существовать въ нашемъ 19 вѣкѣ. Вотъ лучшее доказательство отсталости Испаніи!...

Правда, много поэзіи въ этомъ боѣ: онъ возбуждаетъ какъ-то васъ; въ особенности при видѣ этого всеобщаго восторга, вы невольно присоединяетесь къ толпѣ, невольно рукоплещете съ нею, восторгаетесь ловкостію кого нибудь изъ бойцовъ, но какъ противенъ въ то же время видъ бѣдныхъ лошадей изувѣченныхъ, тутъ, передъ вами, для вашего удовольствія. Какъ ужасенъ этотъ видъ всей внутренности этихъ бѣдныхъ лошадей, которую онѣ должны влачить за собою по песку, и на это смотрятъ смѣло, даже рукоплещутъ этому зрѣлищу, и кто же?—женщины, эти загорѣлыя, страстныя Испанки, которыя приводили въ восторгъ столькихъ поэтовъ!

Да и надо отдать имъ справедливость; я не видалъ женщинъ болѣе чувственныхъ, болѣе сладострастныхъ, какъ Испанки: онѣ, кажется, всѣ такъ и вылиты изъ одной чувственности; самый складъ ихъ тѣла выражаетъ чувственность необычайную: грудь роскошно развитая, полная, такъ и дышетъ сладострастіемъ; талія узкая, гибкая до-того, что кажется будто надломлена; затѣмъ роскошно, широко развиты, бедра, и несказанно маленькая ножка; лицо круглое, можно смѣло сказать, некрасивое; черты не особенно правильныя, и даже выраженье незаманчивое, незаставляющее васъ задуматься; но зато губы полуоткрытыя, красныя, налитыя кровью, рядъ маленкихъ бѣлыхъ зубковъ, глаза черные, блестящіе, большіе, круглые глаза, надъ ними густыя соболиныя брови и длинныя, предлинныя черныя рѣсницы, черныя какъ смоль, густая коса, лобъ низенькій, но тоже страстный: это уже замѣтно по тѣмъ семи угламъ, обрисованнымъ порослью волосъ, по тѣмъ частымъ складкамъ, которыя тотчасъ же

появляются и исчезаютъ на немъ при малѣйшемъ движеньи глазъ. И когда эта женщина приколетъ въ свои черные волоса только-что распустившійся розанъ, кокетливо накроется вся кружевною черною мантильей,—какъ заблестятъ тогда сквозь эти кружева ея черные глаза, какъ перегнется тогда сладострастно эта тонкая, гибкая талія, какъ поднимется подъ этими кружевами нѣсколько загорѣлая, но горячая грудь!—и свернетъ Испанка въ это время кокетливо свой черный вѣеръ и подзоветъ она васъ къ себѣ этимъ вѣеромъ,—не утерпите вы, послѣдуете за нею, и не подумаете даже о томъ, что, можетъ быть, за угломъ стоитъ или братъ, или мужъ съ длиннымъ кастилльскимъ ножомъ въ рукахъ.

Это не просто женщина, это—богиня чувственности, но только одной чувственности: болѣе вы ничего отъ нея не требуйте.

Разговоръ вѣеромъ-цѣлая наука; каждая Испанка знаетъ этотъ языкъ, и можетъ говорить съ вами все знаками своего вѣера, свернувъ его то съ одной, то съ другой стороны, перекинувъ его изъ рукъ въ руку, перевернувъ его, подавая его вамъ, роняя его, поднимая его;—и весь этотъ разговоръ, весь этотъ языкъ опять только выражаетъ ея чувственность: болѣе ничего этимъ вѣеромъ нельзя сказать; но о другомъ Испанка и говорить съ вами не станетъ.

XII.

Я спѣшилъ вернуться въ Біарицъ, но нельзя же было оставить Испанію, не полюбовавшись національными танцами, о которыхъ такъ много я слышалъ и такъ часто даже встрѣчалъ въ самомъ исковерканномъ видѣ.

Повѣрьте, еслибъ наши маменьки-помѣщицы православной Руси видѣли бы въ Испаніи, что́ такое танцы, что́ такое *качуча*, *халео*—танецъ города *Хереса*,—*болеро* и т. д., повѣрьте, что наши православныя маменьки-помѣщицы никогда бы не позволили своимъ дочерямъ танцовать эту качучу для увеселенья своихъ гостей, родственниковъ, знакомыхъ и т. д. Нигдѣ я не видалъ танцевъ столь чувствен-

ныхъ, какъ въ Испанiи; самый костюмъ танцовщицы, мѣстный, нацiональный костюмъ, уже много содѣйствуетъ этому. Всѣ эти движенья, эти перегибы, эти сладострастныя позы, когда она, напримѣръ, поддержанная рукою своего кавалера, перегнется вся, какъ бы перевѣсится на нее, мантилья открылась въ это время, широкая, волнистая грудь такъ и заходила; голова закинута назадъ; черные блестящiе глаза такъ и вглядываются въ тѣ же черные и тоже не менѣе блестящiе глаза своего hidalgo, — и вдругъ она встрепенулась, она отскочила и начала свои волнистыя движенья, изрѣдка притопнувъ ножкой съ каблучкомъ, которая очень живописно выглядываетъ изъ-подъ коротенькой розовой шелковой юбки, покрытой сверху черными кружевами, или еще ударитъ въ кастаньеты и начнетъ длинную, длинную, замирающую трель!..

Я видѣлъ въ Парижѣ трупу Испанокъ-танцовщицъ, которыя производили невообразимый эффектъ на парижанъ: просто весь Парижъ такъ и хлопалъ въ лодоши, такъ и бѣсновался при видѣ этихъ необычайно-чувственныхъ движенiй.

Я помню, что меня тогда тоже чрезвычайно поразилъ этотъ родъ танцевъ, о которомъ я не имѣлъ до того времени никакого понятiя; но здѣсь въ Испанiи, въ Бильбао, снова парижскiе танцы ничего не значатъ, совершенно блѣднѣютъ. Здѣсь въ Бильбао каждый танецъ—это цѣлая поэма чувственности, поэма возбуждающая, занимающая васъ; вы слѣдите за этими танцами все время съ тѣмъ же волненiемъ, и сами Испанцы, привыкшiе къ этому представленiю, и тѣ такъ и впиваются глазами въ эти странныя, порывистыя и въ то же время многозначительныя движенья.

Одна изъ танцовщицъ меня въ особенности удивила по оригинальной особенности своей: у ней было что-то въ родѣ бороды, т. е. съ обѣихъ сторонъ подбородка были два довольно густые и довольно большiе клочка черныхъ волосъ, не очень длинныхъ, но кудрявыхъ. Волоса на лицѣ женщинъ вообще считаются признакомъ страстности, и у Испанокъ почти всегда вы можете замѣтить маленькiе усики

на верхней губѣ, но такую замѣтную бороду у женщины я въ первый разъ вижу.

Не хотѣлось мнѣ снова возвращаться тѣмъ же путемъ въ Біарицъ: ѣзда въ коляскѣ меня утомила уже разъ, а теперь не предвидѣлось ничего интереснаго, новаго на пути, только развѣ разговоръ съ моимъ спутникомъ маркизомъ, что мнѣ не представляло никакого наслажденья, а потому я рѣшился взять мѣста на пароходѣ, который долженъ былъ отправиться на другой день прямо въ Байону.

Тутъ вышло было новое непредвидѣнное затрудненіе: не хотѣли мнѣ нетолько возвратить тѣ деньги, которыя взяли съ меня при въѣздѣ въ Испанію за мою коляску, но хотѣли еще взять съ меня пошлину за то, что я увожу коляску изъ Испаніи,—это ужъ слишкомъ сильно! Я поѣхалъ къ губернатору, но и губернаторъ, несмотря на всю свою любезность, ничего не могъ сдѣлать, кромѣ того, чтобъ выпустить мнѣ коляску безъ пошлины, но возвратить мнѣ деньги не могъ; обѣщался впрочемъ завести по этому дѣлу переписку и потомъ меня извѣстить, но не былъ увѣренъ въ удачѣ, хотя и самъ сознавалъ нелѣпость такого учрежденія, такого закона, который обязывалъ путешественниковъ непремѣнно выѣхать изъ Испаніи въ тѣ же ворота, въ которые въѣхалъ, иначе онъ теряетъ тѣ деньги, которыя взяты были единственно въ видѣ обезпеченія, что экипажъ мой не останется въ Испаніи болѣе извѣстнаго времени.

Такой законъ явно не имѣетъ смысла, но мнѣ некогда было долго разсуждать, я не хотѣлъ пропустить день парохода: иначе пришлось бы или вернуться сухимъ путемъ, или прождать цѣлую недѣлю.

Пароходъ отходилъ ночью, ровно въ 12 часовъ, въ самый высшій приливъ, чтобъ удобнѣе сняться съ якоря, и съ ночнымъ отливомъ отойти отъ берега.

Знаменитый испанскій *Спада-Кутаресъ* рѣшительно намѣренъ былъ меня сконфузить въ конецъ своею любезностію. Правда, я ему купилъ какую-то золотую булавку въ подарокъ, на память о себѣ, за ту честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, убивъ самаго лучшаго быка передъ моею ложею, потомъ пригласилъ его разъ поужинать со мною въ мою го-

стиницу, но я знаю, что Кутгаресъ въ Мадридѣ принятъ всѣми грандами испанскими, что онъ получилъ отъ королевы Изабеллы цѣлый костюмъ, вышитый *изумрудами и брилліантами*, который онъ только надѣваетъ въ Мадридѣ на тѣхъ бояхъ, на которыхъ присутствуетъ сама королева, словомъ: Кутгаресъ знаменитость здѣсь,—всѣ его уважаютъ, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, самъ губернаторъ ему первый всегда кланяется здѣсь. Куттаресъ человѣкъ популярный, и вотъ сегодня, передъ отъѣздомъ, онъ меня еще разъ поразилъ своею любезностію: не знаю, почему я ему такъ понравился; я былъ въ театрѣ, чтобы провести вечеръ и уѣхать съ свѣжимъ впечатлѣніемъ; я пошолъ туда смотрѣть именно испанскіе танцы. Выхожу,—уже было 11 часовъ,—у входа въ театръ толпа народу стоитъ съ зажженными факелами; а театръ въ Бильбао выстроенъ на томъ самомъ бульварѣ, на которомъ находится и моя гостиница, и не далеко отъ нея.

Ночь была тихая, темная; воздухъ былъ чистъ, легокъ; дышалось такъ свободно. Вообще на югѣ ночи отличаются этимъ; весь день жара страшная, вся природа какъ бы дремлетъ и просыпается только ночью,—тогда всѣ эти травы начинаютъ выпускать свой запахъ, соки всѣхъ листьевъ приходятъ къ движенье, и воздухъ, напитанный всѣми этими ароматами, такъ пріятенъ, такъ сладокъ вамъ кажется, что не можете надышаться имъ,—такъ и глотаете его всѣми легкими.

Всѣ эти зажженные факелы, которые мелькали между большими развѣсистыми деревьями, какъ-то торжественны казались мнѣ,—тутъ толпа народа уже собиралась, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Кутгаресъ вышелъ изъ толпы и подошелъ ко мнѣ. Мой переводчикъ объявилъ мнѣ, что Кутгаресъ желаетъ проводить меня съ своею квадрильею до парохода, и проситъ у меня на то позволенія: я конечно поблагодарилъ очень его за эту любезность, и мы пошли вдоль по бульвару, окруженные всѣми пикадорами и прочими тореодорами, которые держали зажженные факелы, и окруженные еще цѣлою толпою.

Маркизъ Леонсъ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ ни-

какъ не ожидалъ такой манифестаціи отъ квадрильи, и подлинно его уваженіе ко мнѣ удвоилось съ этихъ поръ.

Толпа народу все болѣе и болѣе увеличивалась вокругъ насъ, завлеченная этою ночною процесіей, которая впрочемъ въ Испаніи не рѣдкость: тамъ часто молодые люди гуляютъ по берегу моря или просто по опушкѣ какого нибудь лѣса вокругъ города; лѣтнею ночью Испанцы очень любятъ таковыя прогулки: тутъ начинается пѣніе, всѣ хоромъ подтягиваютъ какую нибудь національную мелодію, является гитара, кастаньеты, устанавливается эта толпа подъ балкономъ какой нибудь хорошенькой донны, и та является на свой балконъ, обернутая вся въ свою черную мантилью, и два быстрыхъ черныхъ глаза ярко блестятъ подъ этимъ чернымъ навѣсомъ, и маленькая, крошечная ножка нервно высовывается изъ рѣшетки балкона.

И сегодня откуда она взялась, не знаю, но явилась гитара; мы усѣлись посреди бульвара уже въ виду моря; окружили насъ пикадоры, всѣ въ длинныхъ темныхъ плащахъ своихъ, держа смоленистые факелы. Кто-то грянулъ по гитарѣ—и зазвучала тутъ посреди деревьевъ страстная испанская мелодія, а вдали виднѣлся океанъ, и терялся совершенно на горизонтѣ, и сливался съ небомъ; луна только что всплыла изъ-за моря и озарила всю картину своимъ серебристымъ свѣтомъ: картина была истинно прелестная.

Но скоро послышался первый свистокъ парохода: пора было намъ разстаться. Я еще разъ поблагодарилъ любезнаго тореодора Кутгареса, и мы вошли на пароходъ; тутъ уже ожидалъ меня мой камердинеръ со всѣмъ багажемъ. Ночь была тихая, лунная, свѣтлая ночь. Океанъ казался чистымъ зеркаломъ, и все обѣщало намъ счастливое путешествіе. Я долго стоялъ на палубѣ, облокотившись на бортъ и смотрѣлъ на берегъ, на эти зажженные факелы, на эти деревья бульвара Бильбао, которыя подходятъ почти къ заливу, а пароходъ нашъ плавно, тихо двинулся; въ это время онъ медленно и съ какою-то особенною важностію повернулся и пошелъ уже ускореннымъ темпомъ вдоль Бискайскаго

залива (*). Я все смотрѣлъ на берегъ Испаніи, который постоянно отдалялся отъ насъ.

Мнѣ пришлось пробыть въ Испаніи только нѣсколько дней, менѣе недѣли, но я сохранилъ весьма пріятное впечатлѣніе отъ этой страны.

Бискайскій заливъ славится своими страшными бурями. Я отъ многихъ слышалъ это, но къ моему счастію нынѣшняя ночь была неимовѣрно тиха. Еслибъ я былъ на парусномъ суднѣ, то мы, можетъ быть, не могли бы двигаться—былъ настоящій штиль. Вода представляла гладкую, ничѣмъ невозмутимую поверхность, въ которой отражалась чрезвычайно живописно блѣдная луна; только за нашимъ кораблемъ, расширяясь, прорѣзали это невозмутимое пространство воды два слѣда отъ колесъ парохода; въ этомъ мѣстѣ свѣтъ луны, какъ бы встревоженный, блестѣлъ, замиралъ, снова блестѣлъ, и такимъ образомъ эти два слѣда, какъ бы отдѣльно освѣщенные, шли все дальше и дальше, все расширяясь и расширяясь, и наконецъ терялись на горизонтѣ. А воздухъ былъ теплый, даже нѣсколько душный: онъ клонилъ къ дремотѣ, но не давалъ заснуть; въ немъ чувствовался какой то — особенный напоръ электричества, который и возбуждалъ васъ и въ то же время усыплялъ, утомлялъ ваши нервы, заставлялъ васъ смотрѣть и любоваться этою гладью водъ, этими двумя огненными полосами, слѣдами нашего парохода;—заставлялъ васъ усиленно втягивать этотъ жаркій густой воздухъ, насыщенный морскою солью и наслаждаться иногда маленькимъ колебаніемъ самаго воздуха отъ быстраго движенья парохода.

Я всю ночь просидѣлъ на палубѣ въ какой-то обаятельной дремотѣ. Товарищъ мой, маркизъ Леонсъ, давно уже улегся гдѣ-то, закутанный довольно живописно въ своемъ клѣтчатомъ пледѣ и заснулъ, чуть было я не сказалъ—сномъ праведныхъ, но вспомнилъ во-первыхъ то, что я его вовсе не считаю праведнымъ, да еще сколько мнѣ случалось замѣчать, сонъ праведныхъ рѣдко бываетъ спокой-

(*) Во Франціи этотъ же заливъ называютъ еще Гасконскимъ, но это имя болѣе употребительно у береговъ Франціи.

нымъ: онъ всегда почти напротивъ тревоженъ, потому уже, что праведные люди (такъ какъ они вездѣ и всегда суть только исключенья), то имъ почти всегда приходится бороться противъ массы, противъ силы, и выраженіе сномъ праведныхъ есть еще новое доказательство наивности и довѣрчивости нашихъ праотцевъ, есть только наслѣдіе юношества и дѣтства нашего общества.

Къ утру я самъ заснулъ на своей скамейкѣ.

Въ полдень мы подъѣхали къ *Байонѣ*.

Байона довольно древній городъ и всегда славился своею торговлею.

Портъ его не совсѣмъ былъ удобенъ для большихъ кораблей, но теперь обратили вниманіе на этотъ городъ съ тѣхъ поръ, какъ Біарицъ вошелъ въ такую моду. Байона же всего въ 6 километрахъ отъ Біарица; теперь строится новая гавань и на нее положены уже довольно большія деньги.

Самый городъ, какъ всѣ старые города южной Франціи, отличается своими узенькими улицами и переулками, обстроенными высокими домами, съ еще болѣе высокими крышами, покрытыми аспидомъ или черепицею. Въ этихъ крышахъ иногда устроено два этажа комнатъ: онѣ высоки, такъ-что двухъэтажный домъ съ такою крышею равняется вышиною съ четырехъэтажнымъ. Этотъ родъ постройки чрезвычайно оригиналенъ и не лишенъ даже живописности. Баойна славится своею ветчиною и своимъ шоколадомъ, какъ гласятъ всѣ гиды, географическія и статистическія описанія Франціи. Но, если правду сказать, я не нашелъ ветчину особенно хорошею: я нахожу ее и слишкомъ сухою и слишкомъ соленою, и, не говоря уже объ англійской ветчинѣ, объ іоркской, предпочитаю нашу русскую простую ветчину. Притомъ Французы, мнѣ кажется, не умѣютъ и варить ветчины, они какъ-то покрываютъ ее сахаромъ pour la glacer, какъ они говорятъ; это на видъ выходитъ очень красиво,—но—воля ваша, сахаръ въ соленой и копченой ветчинѣ совершенно лишній.

Объ шоколадѣ мнѣ кажется нечего и сомнѣваться: въ Парижѣ, въ Лондонѣ несравненно лучше шоколадъ, потому уже, что въ этихъ большихъ городахъ онъ перети-

рается паровою машиною, а тутъ это дѣлается отъ руки; а какао вездѣ тотъ же, если выбрать хорошій какао.

Въ Байонѣ я конечно и не останавливался,—прямо спѣшилъ въ Біарицъ.

Въ тотъ же день я былъ у Біанки; нашелъ все семейство послѣ обѣда въ гостиной и собиравшееся только-что пойдти погулять на берегъ океана,—мой приходъ нѣсколько разрушилъ общій планъ. Меня стали расправшивать про Испанію, про знаменитый бой быковъ. Маркизъ Леонсъ кое-что уже успѣлъ передать о нашемъ путешествіи, но онъ болѣе останавливался на тѣхъ оваціяхъ, которыя намъ дѣлали, и лордъ Джемсъ и сестра маркиза Иренъ—были весьма не удовлетворены этимъ разсказомъ. Я, какъ умѣлъ, сталъ по своему разсказывать, но тоже не произвелъ много эффекту.

Вечеръ какъ-то тянулся, длился; всѣ мы были въ принужденномъ положеніи, словно чего-то намъ недоставало. Разговоръ былъ вялъ, никакъ не могъ оживиться. Я чувствовалъ, что тутъ есть что-то необыкновенное, но не могъ себѣ разъяснить этого положенія. Уже позднѣе Иренъ какъ-то уловчилась подойдти ко мнѣ и отвести къ раскрытому окну; тутъ она мнѣ полушепотомъ и довольно взволнованнымъ голосомъ старалась многое разъяснить. Я невольно заслушивался этого тревожнаго шепота, который сливался съ шепотомъ волны, я наслаждался собственно этими звуками, смотрѣлъ на неё, не могъ оторвать глазъ отъ этихъ свѣтлыхъ голубыхъ очей, блестящихъ живыхъ очей, несмотря на то, что они голубые. Все, что она мнѣ разсказывала такъ наивно, собственно говоря, было содержаніемъ цѣлой драмы, и я слышалъ эту драму, она меня интересовала лично даже, и въ то же время я заслушивался собственно этого шепота, ея голоса и, нечаянно схвативъ ее за руку, долго ее держалъ въ своей рукѣ и все смотрѣлъ, пристально смотрѣлъ на нее, а горячая ея рука была совсѣмъ сомкнута въ моей... У ней длинная аристократическая миньятюрная ручка... Тутъ, у этого раствореннаго окна, происходило самое странное, непонятное смѣшеніе чувствъ, и самый разсказъ Ирэнъ долженъ былъ меня заинтересовать, потому что я принималъ живое участіе въ положеніи Біанки: я даже

для нея собственно только-что съѣздилъ въ Испанію; но въ то же время какъ Иренъ мила: какія губки, какіе глаза, какъ дрожитъ, какъ горитъ эта ручка, и какъ ароматенъ, какъ живителенъ этотъ теплый воздухъ, напитанный солью морскою, который теперь такъ и пышетъ въ окно, у котораго мы стоимъ...

Лордъ Джемсъ хотѣлъ увезти Біанку подъ какимъ нибудь предлогомъ изъ Біарица до нашего возвращенья; онъ даже предлагалъ Иренъ ѣхать съ ними, хотя бы въ Парижъ, а оттуда въ Англію, но Біанка рѣшительно воспротивилась; ее поддержала мать маркиза, старуха, которая ясно понимала, что этимъ поспѣшнымъ отъѣздомъ изъ Біарица покончится вся пожива, что въ такомъ случаѣ только оставалось ей собрать свое тряпье и возвратиться въ свое имѣніе, въ Бретань. Старая маркиза даже видимо разсердилась на Иренъ, которая, какъ благородная дѣвушка и истинно любящая Біанку, желала ей добра и вполнѣ понимала цѣль лорда, раздѣляла внутренно даже его мнѣніе, его желаніе.

Всѣ эти дни, стало быть, чрезвычайно тревожно прошли въ Hôtel d'Angleterre въ Біарицѣ, и если Бискайскій заливъ отличался для насъ своимъ мирнымъ спокойствіемъ, своимъ штилемъ, то буря была недалеко отъ насъ: она вся сомкнулась въ этой маленькой квартирѣ.

Противудѣйствіе Біанки очень огорчило лорда, его лицо какъ-то вытянулось, самый цвѣтъ лица, всегда отличавшійся здоровьемъ, свѣжестію, теперь вполнѣ перемѣнился, вмѣсто алыхъ щекъ, отмѣнно бѣлаго, но не блѣднаго лба, все лицо какъ-то пожелтѣло; мнѣ даже показалось, что появились въ эти немногіе дни подлѣ рта маленькія морщинки, ясно выражающія все, что долженъ былъ перечувствовать этотъ человѣкъ. Лордъ сталъ еще менѣе разговорчивъ, чѣмъ когда либо, еще задумчивѣе, чѣмъ прежде. И только когда я прощался со всѣми, чтобъ вернуться на свою квартиру и подошелъ къ нему, онъ сильно и долго пожалъ мнѣ руку и томно, пристально посмотрѣлъ на меня,—много выражало это пожатіе руки, много чувствовалось въ этомъ взглядѣ.

VIII.

Недалеко отъ Біарица, верстахъ въ 10, есть женскій монастырь, такъ называемый Notre dame du Refuge и еще Refuge des repenties.

Со временъ большой французской революціи уничтожены во Франціи всѣ монастыри. Нигдѣ гоненіе на монастыри, и въ особенности на женскіе монастыри, не было такъ сильно, какъ во Франціи. Но католическіе аббаты, монахи и т. д. народъ не простой: его гонятъ въ одну дверь, онъ и уходитъ, убѣгаетъ, а тутъ невзначай и проскользнетъ въ какую нибудь щель.

Монастыри закономъ запрещены во Франціи, а между прочимъ іезуиты, подъ видомъ семинарій, устроили ихъ, съ тѣмъ, чтобъ воспитывать юношество; они во многихъ городахъ Франціи устроили таковыя заведенія. Это всегда большія каменныя строенія, съ темнымъ, густымъ садомъ позади, съ большимъ просторнымъ дворомъ передъ входомъ, и все это окружено высокою каменною оградою. Никакой посторонній глазъ не можетъ проникнуть за эту ограду; тамъ воспитываются сотни молодыхъ людей и всегда подъ надзоромъ братій іезуитовъ, вполнѣ напитываются ученьемъ ихъ; большею частію они тутъ же и остаются. Они отправляются только на время въ Италію, на поклоненіе святѣйшему главѣ ихъ церкви, римскому папѣ, потомъ, получивъ его благословеніе, снова входятъ въ эту ограду и уже содѣйствуютъ, вмѣстѣ съ другими братьями, новому распространенію и развитію общаго вліянія іезуитовъ. Тѣ молодые люди, которые выходятъ изъ этихъ семинарій, окончивъ курсъ наукъ и поступаютъ въ жизнь настоящую, въ жизнь дѣятельную, мірскую, постоянно сохраняютъ на всегда память о тѣхъ домахъ и мрачныхъ прогулкахъ своихъ, рядомъ съ чернымъ аббатомъ, съ книгою въ рукахъ, по длинной и тѣнистой аллеѣ сада семинаріи;—объ этой замкнутой со всѣхъ сторонъ жизни, объ этомъ безсловесномъ послушаніи всѣмъ установленнымъ правиламъ. Они ни за что вамъ не разскажутъ ни-

чего о тѣхъ тайнахъ, которыя постоянно скрыты за оградою семинаріи,—они вѣрятъ и глубоко вѣрятъ тому, что и въ жизни нынѣшней подлѣ нихъ во всякомъ домѣ находится такой аббатъ, который тотчасъ же донесетъ объ этомъ нарушеніи священнаго обѣщанія молчанія и секрета всѣхъ тайнъ семинаріи. И подлинно: они имѣютъ право этому вѣрить, потому что,—кто знаетъ: можетъ быть, вотъ этотъ молодой человѣкъ съ усиками, что теперь здѣсь съ нимъ, и слушаетъ его разсказъ, тоже воспитывался въ семинаріи и почтетъ за священную обязанность донести обо всемъ, а братья іезуиты очень строги въ своемъ судилищѣ, они не посмотрятъ никогда на средства, лишь бы достигнуть своей цѣли, и этотъ секретъ, это моральное вліяніе, которое они имѣютъ такимъ образомъ на всѣхъ, слишкомъ для нихъ важны, чтобы они не приняли тотчасъ же самыя строгія мѣры.

«Убѣжище для раскаявшихся», подлѣ Біарица, собственно говоря, т. е. по закону,—не есть настоящій монастырь: это убѣжище тѣмъ женщинамъ-дѣвицамъ, которыя, чувствуя, сознавая свою грѣховность, могутъ здѣсь отдѣлиться отъ этой жизни, полной заманчивыхъ увлеченій; могутъ въ чистомъ раскаяніи, въ постоянной молитвѣ и въ трудѣ заслужить прощенье своимъ грѣхамъ. Мысль въ теоріи очень человѣколюбивая, и полная христіанской добродѣтели. При этомъ устроено еще большое рукодѣльное заведеніе; всѣ эти дѣвушки-женщины шьютъ, вышиваютъ, чтобъ доставить содержаніе всему заведенію. Онѣ не живутъ, стало быть, бездѣльно; онѣ заняты, и изъ ихъ мастерской выходятъ каждый день очень замѣчательныя работы. Императрица Французовъ много помогаетъ этому заведенію и явно покровительствуетъ ему. Она заказывала въ немъ всѣ пеленки для своего сына, маленькаго, можетъ быть эфемернаго наслѣдника наполеоновской династіи. А затѣмъ очень многія богатыя дамы послѣдовали этому примѣру. Постоянно въ этомъ refuge заказываются богатыя приданыя, пеленки для аристократическихъ дѣтей, которые всегда бываютъ закутаны въ бѣльѣ, обшитомъ гербами и самыми мудреными рисунками.

Въ теоріи все это очень похвально, но къ сожалѣнію мы всѣ, люди живые, должны судить о себѣ не по одной теоріи, которая всегда очень хороша, но по практикѣ, по самымъ фактамъ. Мнѣ было очень любопытно осмотрѣть этотъ Refuge и я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе лорда Джемса поѣхать съ ними: оно доставляло мнѣ къ тому же новое удовольствіе—прогулку со всѣмъ этимъ семействомъ, съ которымъ я какъ-то странно сроднился мало по малу.

Что-то тревожило меня однако, а именно встрѣча и долгая прогулка вмѣстѣ съ Иренъ. Послѣдній нашъ разговоръ у окна въ тотъ день, когда я пріѣхалъ изъ Испаніи, меня до-того взволновалъ, что я два дня не ходилъ въ домъ лорда и нечаянно только его встрѣтилъ въ магазинѣ алжирскихъ вещей на главной улицѣ Біарица. Я конечно тотчасъ же согласился на любезное приглашеніе лорда и не зналъ, что̀ ему отвѣтить на справедливый упрекъ его въ томъ, что вотъ два дня я все скрываюсь, не только не былъ у нихъ, но даже меня никто не встрѣчалъ въ эти дни ни у берега морскаго, ни въ port vieux, ни даже въ Казино вечеромъ на террасѣ.

Мнѣ нельзя было ему сказать, что я всѣ эти дни былъ взволнованъ и все думалъ и передумывалъ о судьбѣ Біанки,о всемъ томъ, что долженъ былъ переиспытать этотъ благородный Англичанинъ: нельзя было мнѣ ему признаться, что я ночью бродилъ по берегу океана, что я садился часто въ тѣни на какомъ нибудь камнѣ подъ біарицкой церковію, прислушивался къ плеску волны, любовался этимъ разнообразнымъ отблескомъ луны, на грядахъ камней, разбросанныхъ передъ берегомъ и искоса между прочимъ поглядывалъ на окна Hôtel d'Angleterre, и старался часто мысленно перенестись на другую сторону этого окна и посмотрѣть на эту комнату, на это фортепіано, на это широкое кресло тутъ подлѣ, что̀ я невольно воспоминалъ послѣдній мой вечеръ передъ отъѣздомъ въ Бильбао, припоминалъ это пѣніе и все, что тутъ происходило, эту тишину, это всеобщее вниманіе, это многозначительное молчаніе.

Этотъ вечеръ произвелъ на меня странное впечатлѣніе: я все о немъ думалъ, я все его воспоминалъ..... А въ то

же время я не былъ эти дни у Біанки, все боясь этого голубаго проницательнаго взгляда Иренъ. Я былъ занятъ судьбою Біанки и часто невольно мечталъ объ Иренъ.

Назначено было намъ всѣмъ собраться у лорда въ первомъ часу.

Я нашелъ уже всѣхъ готовыхъ къ отъѣзду. Біанка была въ амазонкѣ изъ небѣленаго тонкаго полотна; сѣрая войлочная шляпа мускетеръ, съ широкими полями и длиннымъ чернымъ перомъ на боку, очень шла къ ея лицу; руки ея были затянуты въ тонкія шведскія перчатки съ нарукавниками изъ лаковой черной блестящей кожи; на черной ботинкѣ была закрѣплена маленькая серебряная шпора. Она должна была ѣхать верхомъ съ маркизомъ Леонсомъ, который тоже былъ уже въ полномъ верховомъ костюмѣ: лосинные штаны, больше сапоги, закрывающіе икры, шпоры какъ слѣдуетъ, черный бархатный сюртукъ и лаковая, тоже черная фуражка: онъ тоже былъ довольно эффектенъ въ этомъ нарядѣ. Не могу не признаться въ этомъ, я бы ему даже совѣтовалъ всегда показываться въ этой берейторской формѣ.

Я сѣлъ въ коляску съ лордомъ Джемсомъ съ Иреной и съ толстымъ Англичаниномъ, другомъ лорда, который, впрочемъ не жилъ даже на той же квартирѣ и только-что пріѣхалъ наканунѣ откуда-то. Его посылалъ лордъ, какъ кажется, въ Парижъ для отысканія квартиры.

Старуха маркиза осталась дома: у ней голова болѣла. Иренъ сегодня была очень хороша: лицо ея какъ-то особенно было оживлено, глаза такъ и блестѣли подъ тѣнью маленькой шляпы гарибальди, съ бѣлымъ перомъ и чернымъ помпономъ впереди.

Вначалѣ я какъ-то боялся къ ней подойдти, но она сама тотчасъ же уничтожила мое замѣшательство, нисколько не напоминая мнѣ нашъ прошлый разговоръ, смѣялась, рѣзвилась, даже веселѣе, чѣмъ обыкновенно.

Она мнѣ, между прочимъ, сказала, что они собираются вскорѣ оставить Біарицъ и отправятся въ Парижъ.

Лордъ взялъ съ собою свою красную книжку и тщательно ее перелистывалъ, прерывая свои чтенія разговоромъ съ сво-

имъ пріятелемъ, который сидѣлъ противъ него рядомъ со мною; я же постоянно говорилъ съ Иренъ.

Біанка ѣхала впереди съ своимъ кавалеромъ; къ нимъ присоединился еще молодой Французикъ съ усиками и эспаньолкою, котораго я видѣлъ въ тотъ вечеръ, возвращаясь съ прогулки на берегъ Басковъ. Этотъ молодой Французикъ иногда подскакивалъ къ нашей коляскѣ, чтобъ передать нѣсколько пустыхъ фразъ, нѣсколько общихъ мѣстъ Иренъ, но потомъ снова присоединялся къ кавалькадѣ Біанки, и я былъ всегда очень доволенъ, когда онъ насъ оставлялъ на нѣсколько времени однихъ.

Подъѣхали къ refuge, и первымъ дѣломъ было пойдти въ такъ называемый магазинъ рукодѣлій,—работъ монашенокъ; намъ показывали очень много великолѣпнаго шитья. Мало понимая въ этомъ дѣлѣ, я могу только судить по восторгу Біанки и Иренъ при видѣ различнаго шитья по батисту. Лордъ накупилъ своимъ дамамъ нѣсколько платковъ, да еще кажется мантилью для своей жены и для Иренъ,—что̀ ихъ очень обрадовало.

Въ магазинѣ продаютъ все монашенки; я замѣтилъ, между ними очень много молодыхъ дѣвушекъ, и по правдѣ сказать, меня даже удивило это: были не старше 15 лѣтъ. Неужели и въ эти лѣта онѣ могли почувствовать необходимость запереться въ этомъ убѣжищѣ, и должны были уже раскаяваться въ прожитой жизни? Неужели и эти 15-ти-лѣтнія дѣвушки были уже грѣшны, испытали всю тяжесть грѣха?—мудрено этому повѣрить!

А между прочимъ, что̀ должны эти молоденькія дѣвушки, обреченныя на постоянное монашеское уединеніе, на эту строгую монастырскую жизнь, ще очень хорошенькія, еще съ свѣжими силами, — что онѣ должны чувствовать при встрѣчѣ каждый день съ людьми свободными, съ людьми несвязанными ничѣмъ?!..

Какія должны быть трепетныя волненія у этой молодой хорошенькой дѣвушки, подъ этимъ чернымъ форменнымъ покрываломъ, въ то время, когда она, подъ надзоромъ сухой старой монахини должна обшивать, напримѣръ, приданое молодой четы?! Какъ много она должна перечувствовать, мо-

жетъ быть, вспоминать, и какъ должно быть ей тяжело сознаться, что для нея нѣтъ уже ничего въ будущемъ, что она всегда, до гроба, останется подъ этою черною рясою, что она уже не можетъ выйдти изъ этой ограды, что заживо какъ бы погребена! Вотъ—гдѣ благая теорія, на основаніи которой устроено это убѣжище, странно противорѣчитъ практикѣ; вотъ-гдѣ кроется многое, препятствующее настоящему благу. Вотъ что́ можетъ напротивъ возбудить, раздражить еще болѣе воображеніе дѣвушки, завлечь ее, заставить ее нервно, съ какою-то отчаянной, можетъ быть, завистью, смотрѣть на живыхъ людей, пріѣзжающихъ сюда каждый день посмотрѣть на нее, какъ на что-то диковинное, странное.

На меня видъ этого монастыря произвелъ скорѣе грустное впечатлѣніе. Иренъ, какъ кажется, мнѣ въ этомъ довольно сочувствовала; лордъ осматривалъ все съ любопытствомъ и съ любознательностію. Біанка и прочіе смѣялись, переходили изъ кельи въ келью; входили въ общую столовую, даже и въ молельню, въ церковь, весело, безпечно, не обращая вниманія на внутреннее значеніе всего, что́ они видѣли.

Послѣ осмотра монастыря, намъ еще предложили пройдти въ особое отдѣленіе, гдѣ живутъ старушки, давшія, особо, строгій обѣтъ молчанія. Это нѣчто въ родѣ отдѣльнаго скита.

Около полуверсты отъ самаго *refuge*, посреди маленькаго лѣска, изъ кустовъ разныхъ породъ, живутъ нѣсколько женщинъ. Темно-коричневое покрывало скрываетъ ихъ совершенно, видны одни глаза, для которыхъ сдѣланы круглыя отверстія въ густомъ вуалѣ, которое виситъ надъ лицемъ отшельницы. Онѣ дали обѣтъ молчанія—никогда не говорить даже между собою, только отвѣчаютъ вамъ поклономъ или указываютъ дорогу, поднимая руку въ ту сторону. Та, которая вошла въ эту обитель, совершенно умерла для свѣта: она окончательно вычеркнута изъ числа живыхъ и все время у нея должно проходить въ одной молитвѣ.

Меня истинно изумило все это: я никакъ не ожидалъ, что въ XIX вѣкѣ во Франціи, въ странѣ образованной, какъ мы всѣ полагаемъ, могло бы существовать такое изу-

вѣрство. Неужели они не понимаютъ, что это постоянное молчанiе не можетъ принести никому никакой пользы, что это — одно изувѣрство, грубое, достойное прежняго необразованнаго времени, и что непремѣнно каждый благоразумный человѣкъ, только при видѣ этихъ молчаливыхъ, темныхъ личностей, снующихъ взадъ и впередъ по обители, пожалѣетъ о неразвитости, о недостаточности образованiя этихъ бѣдныхъ женщинъ, которыя, слушая наставленiя фанатиковъ, католическихъ монаховъ, такъ безполезно обрекаютъ себя на вѣчныя мученья.

Меня увѣряли, что тутъ находятся только уже престарѣлыя монашенки, которымъ и безъ-того нѣтъ другаго исхода, и которыхъ этотъ обѣтъ еще поддерживаетъ въ жизни. Но не могу быть убѣжденнымъ, что между ними нѣтъ и молоденькихъ дѣвушекъ, ввергнутыхъ обманомъ, и даже можетъ быть, злонамѣренно, въ это безвыходное положенiе.

По крайней мѣрѣ, я знаю навѣрное, что никто положительно въ самомъ refuge не знаетъ, кто именно находится въ этомъ скиту. И не знаетъ, что для того, чтобъ перейдти въ это отдѣленiе, надо сперва быть посвященной и пройдти черезъ многiя испытанiя, и что сюда приходятъ новыя личности отвсюду, живутъ, умираютъ и никто не знаетъ,— кто она, за что она сюда закинута, когда вошла и когда умерла? Одному духовнику ихъ, можетъ быть, это извѣстно, но этотъ духовникъ снова лице темное, принадлежащее къ числу iезуитовъ, и никто не въ состоянiи узнать что́ либо отъ него.

Поѣздка наша, которая началась такъ весело, теперь перемѣнила свой характеръ.

Видъ послѣдняго этого скита и всѣхъ этихъ молчаливыхъ черныхъ фигуръ, которыя, какъ тѣни, проходили мимо насъ, невольно заставили меня задуматься. Иренъ тоже молчала и какъ будто обдумывала что-то. Лордъ Джемсъ все разговаривалъ, на обратномъ пути, съ своимъ прiятелемъ Англичаниномъ, и английскiй ихъ разговоръ былъ даже довольно оживленъ: они повидимому о чемъ-то спорили. Впереди насъ Бiанка хохотала, смѣялась съ своимъ кавалеромъ, и смѣхъ этотъ доносился отчасти до насъ.

Я все смотрѣлъ на эту безконечную равнину, которая тянулась позади насъ и сливалась съ горизонтомъ; тутъ уже начинаются такъ называемыя *les Landes*, пространства въ родѣ нашихъ степей, только съ тою разницею, что здѣшняя степь почти вся въ болотѣ, что по ней нельзя иначе ходить, какъ на большихъ, высокихъ ходуляхъ (*échasses*). Здѣсь впрочемъ, за монастыремъ только еще одно начало этихъ landes, которыя тянутся отъ самыхъ Пиреней вдоль океана, почти до Бордо.

Видъ этого громаднаго болота развлекъ меня отчасти: я началъ думать о томъ, какъ много еще можно бы сдѣлать полезнаго на этомъ пространствѣ, гдѣ теперь только пасутся стада барановъ, и гдѣ бы, если произвести осушку—систему дренажа Голландіи, и провести каналъ для стока воды, Франція вдругъ получила бы новую, непочатую, обширную почву для самыхъ разнообразныхъ посѣвовъ, благодаря климату и мѣстоположенію. Наполеонъ, впрочемъ, обратилъ съ нѣкоторыхъ поръ большое вниманіе на разработку этихъ *ландъ*.

Это новое впечатлѣніе какъ то развлекло меня, а коляска наша въ это время катилась ровно по гладкому шоссе и мы уже оставили давно за собою и самый refuge и это начало ландъ и приближались къ морю, къ Біарицу. Тутъ Иренъ вдругъ прервала свое молчаніе.

— Грустно мнѣ видѣть этихъ молодыхъ отшельницъ,— сказала она мнѣ.

Я посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ какое-то особенное оживленіе въ ея глазахъ.

— Да, продолжала она: истинно грустно! Мнѣ кажется, я бы не выдержала этой замкнутой жизни монастырской. Неужели такое отреченіе отъ всего живаго, отъ настоящей жизни, можетъ быть сочтено добрымъ дѣломъ?!

— По-моему, отвѣтилъ я, это только или малодушество, или послѣдствіе обмана.

— Да, вы правы, тотчасъ прервала она меня. Многія изъ этихъ дѣвушекъ, можетъ быть, заперлись въ этомъ убѣжищѣ, послушавшись совѣтовъ своего духовника, или какой нибудь старой ханжи. И мнѣ уже совѣтовали пойдти въ ка-

кой нибудь монастырь, если я не выйду замужъ, не въ этотъ, нѣтъ, а предлагали даже сдѣлать меня тотчасъ аббатиссой, настоятельницей,—въ Баваріи, гдѣ еще сохранились прежніе, старые монастыри, потому что, вотъ видите, я дочь маркиза де-Болье... И она какъ-то грустно улыбнулась. Но я не поддалась этимъ совѣтамъ, нѣтъ, я еще хочу жить! продолжала она—и глаза ея заблестѣли, щеки тоже разгорѣлись; она мнѣ протянула руку свою: я ее взялъ,—она дрожала. Неправда-ли, я не должна согласиться? снова спросила она меня.

Тутъ я понялъ, что въ тотъ вечеръ Иренъ не все еще мнѣ передала. Она мнѣ не разсказала, какъ мать ея, старуха-маркиза, взбѣшенная за то, что ея дочь противится ея видамъ, совѣтовала ей поступить лучше въ монастырь и упрекала ее, что иначе она уронитъ въ-конецъ доблестное имя маркизовъ де-Болье. Мнѣ стало истинно жалко этой бѣдной дѣвушки, поставленной въ этой средѣ, которую она слишкомъ близко знала, слишкомъ хорошо понимала, чтобъ ее уважать.

Мы подъѣхали къ Hôtel d'Angleterre.

Черезъ нѣсколько дней лордъ Джемсъ уѣхалъ съ Біанкой изъ Біарица: они должны были провести зиму въ Парижѣ. Иренъ поѣхала съ ними. Старуха-маркиза и ея сынъ должны были отправиться на другой день тоже въ Парижъ; они расчитывали на дружбу молодой дѣвушки съ Біанкою, на то, что Иренъ будетъ жить вмѣстѣ съ нею, чтобъ сохранить постоянное сношеніе съ домомъ лорда, а лордъ самъ былъ очень доволенъ уже тѣмъ, что маркизъ Леонсъ долженъ былъ въ Парижѣ жить вмѣстѣ съ своею матерью на особой квартирѣ.

XIV.

1860 годъ.

Приходится мнѣ теперь вспомнить и записать грустное время. Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ

Біарицѣ; и вотъ, въ послѣдніе эти мѣсяцы, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ именно этого разгрома въ судьбѣ Біанки, который я предвидѣлъ, отъ котораго я тогда еще старался ее предохранить.

Но никогда человѣкъ не вѣритъ возможности несчастья; онъ всегда съ любовью предается своимъ грезамъ, своимъ мечтамъ, въ особенности,—когда эти грезы такъ много обѣщаютъ блаженства, такъ и вѣютъ любовью, счастьемъ....

Такъ и Біанка. Поздно она поняла истину моихъ словъ, слишкомъ поздно. Но чтожь тутъ дѣлать!

. . . .
. . . .

Постараюсь, для большей оконченности выбраннаго мною изъ моихъ путевыхъ записокъ типа, подробнѣе и яснѣе передать это послѣднее время, и разсказать все, что̀ мнѣ пришлось увидѣть, передать даже отчасти то, что̀ мнѣ пришлось перечувствовать.

XV.

На югѣ Франціи, недалеко отъ Бордо, посреди довольно плодоносныхъ нивъ, которыя отлого скатываются до самаго берега маленькой рѣки, стоитъ старый замокъ Espagnac. Онъ окруженъ съ четырехъ угловъ четыреугольными башнями; все зданіе, выстроенное изъ мѣстнаго камня, носитъ ясный отпечатокъ архитектуры вѣка Лудовика XIII. Рвы и подъемные мосты уничтожены; они обращены въ сады, которые окружаютъ самый замокъ. Съ одной стороны прилѣпилось къ стѣнѣ за̀мка другое строеніе, подлѣ котораго поднимается уже совершенно новой архитектуры колокольня — это бывшая домовая церковь владѣтелей за̀мка. Во время французской революціи, la grande revolution, какъ они ее называютъ, эта церковь была обращена въ приходскую всего селенія Espagnac, которое тутъ же расположилось по склону пригорка подлѣ за̀мка, а до того времени она считалась какъ бы домовою капеллою прежнихъ маркизовъ.

Нынѣ владѣтели за́мка, не иное что, какъ простые жители этого селенія и наравнѣ съ прочими считаются прихожанами своей бывшей домовой капеллы. Въ самомъ селеніи повыстроилось нѣсколько довольно опрятныхъ домовъ, въ которыхъ живутъ докторъ, живетъ monsieur le maire — градоначальникъ этого села, и владѣтель за́мка, одинаково подчиненный этому monsieur le maire какъ и прочіе жители.

По случаю отдѣленія церкви отъ за́мка, маркизы должны были приблизить къ себѣ свою прежнюю ограду. Они отдѣлились, какъ могли, отъ остальнаго села, высокою стѣною, и большіе дубовые ворота запираютъ дверь за́мка. Такимъ образомъ, за оградою этою, они могутъ себя воображать тѣми же властителями всей мѣстности, каковы были ихъ предки.

Разъѣзжая по разнымъ окрестностямъ Бордо, чтобъ осмотрѣть главные виноградники извѣстной провинціи Медокъ, случилось мнѣ именно ѣхать мимо за́мка Еспаньякъ. Вечеромъ я пріѣхалъ въ это селеніе и предполагалъ уже въ немъ ночевать, чтобъ на другой день успѣть доѣхать до самой провинціи Медокъ, которая, какъ извѣстно, настоящая родина всѣхъ лучшихъ бордоскихъ винъ.

Я остановился въ гостиницѣ au cheval blanc, единственной гостиницѣ этого села, и могу прежде всего отдать справедливость хозяину этой гостиницы. У него комнаты довольно чисто и удобно убраны, такъ что такая гостиница была бы еще находкою въ любомъ изъ нашихъ русскихъ городовъ.

Не успѣлъ я еще снять съ себя пальто и положить его на какой-то стулъ, какъ въ мою комнату вошелъ самъ хозяинъ гостиницы, съ вопросомъ,—не нужно ли мнѣ что либо приказать подать.

По свойственной почти всѣмъ путешественникамъ привычки, я тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ нимъ и сталъ распрашивать о селеніи Еспаньякъ и въ особенности о за́мкѣ, который обратилъ естественно мое вниманіе при самомъ въѣздѣ въ селеніе.

Хозяинъ мой, къ счастію, былъ довольно словоохотливъ, какъ очень многіе Французы. Это былъ довольно полный че-

ловѣчекъ, скорѣе маленькаго, чѣмъ большаго роста, съ полнымъ лицомъ, неопредѣленнаго выраженія, выраженія, напоминающаго невольно молодаго теленка, когда онъ глупо осматривается, проходя черезъ дорогу; только смѣхъ нѣсколько оживлялъ эту физіономію, но и этотъ смѣхъ больше добродушенъ и простъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ я, чтобъ начать разговоръ.

— Менаръ, pour vous servir, monsieur — отвѣтилъ мнѣ хозяинъ гостиницы.

— Что жь, вы давно уже содержите эту гостиницу?

— Третій годъ будетъ, какъ я отошелъ отъ маркиза. Я тотчасъ же перенялъ эту гостиницу отъ бывшаго хозяина, который было совсѣмъ запустилъ ее, но теперь, какъ видите, все въ порядкѣ, и занавѣски есть у оконъ. И онъ мнѣ показалъ на занавѣски.

— Это все жена моя Клотильда этимъ занимается.

— Очень хорошія занавѣски, повторилъ я, что́ видно тронуло моего собесѣдника. Такъ вы прежде служили у маркиза? у какого маркиза?

— У маркиза Больe, monsieur, у владѣтеля этого за́мка. Вы, вѣрно, обратили вниманіе на этотъ за́мокъ, проѣзжая сюда?

— Какъ же, какъ же, очень хорошій за́мокъ. Его, кажется, теперь перестроиваютъ. Я даже видѣлъ много рабочихъ вокругъ, проговорилъ я какъ-то растянуто, потому что имя маркиза де Больe меня вдругъ какъ бы обдало холодомъ, какъ-то озадачило. Я вспомнилъ о маркизѣ Леонсѣ, котораго уже не видалъ болѣе года со дня его отъѣзда изъ Біарица; вспомнилъ о Біанкѣ — и поразила меня эта случайность, этотъ нечаянный пріѣздъ въ имѣніе маркиза.

— Да, перестроиваютъ, украшаютъ, сказалъ, какъ-то странно улыбаясь, Менаръ. Маркизъ ловкій человѣкъ, нечего сказать. Я его не совсѣмъ уважаю, а долженъ признаться, что ловкій человѣкъ.

Это сужденіе моего хозяина и эпитетъ ловкаго человѣка меня крайне заинтерессовали: я тотчасъ же понялъ, что

тутъ кроется какая нибудь исторія, и захотѣлось мнѣ узнать подробности ея.

— Какъ ловкій человѣкъ? что́ вы подъ этимъ разумѣете, monsieur Ménar? спросилъ я.

— Да просто такъ. Маркизъ истинно ловкій человѣкъ; c'est un gaillard; онъ очень ловко устроилъ свое состояніе. Конечно, многіе находятъ, что это было не совсѣмъ честно, но маркизу какое дѣло! главное—онъ утроилъ, если не учетверилъ свое состояніе, а теперь пусть говорятъ, что́ хотятъ,—ему какое дѣло! онъ богатъ, всѣ поѣдутъ къ нему. Одно не хорошо, почему онъ меня выгналъ? я вѣдь не могъ тогда знать его намѣреній; ему бы мнѣ сказать тотчасъ же,—другое дѣло! Впрочемъ, можетъ быть, и лучше: грѣха не взялъ я на свою голову, а теперь женился на Клотильдѣ,—очень милая женщина и любитъ меня. Уфъ, какъ любитъ, даже иногда бываетъ тяжело—слишкомъ любитъ! Теперь ужь мнѣ нельзя, какъ прежде было, заглядѣться на какую нибудь проѣзжую что-ли. Клотильда ревнива, Боже упаси! даже съ мужчинами не позволяетъ долго мнѣ болтать, а поболтать я люблю. Но все же я счастливъ, очень счастливъ.

Словоохотливый мой хозяинъ еще долго бы мнѣ разсказывалъ про свою Клотильду, еслибъ изъ-за дверей не послышался голосъ: «monsieur Ménar! monsieur Ménar!» Меня зовутъ, кончилъ онъ, я тотчасъ же приду къ вамъ; это вѣрно моя жена.

— Такъ принесите же кстати бутылку-другую хорошаго вина и два стакана, мнѣ что-то хочется выпить чего нибудь; у васъ вѣрно есть хорошее вино? сказалъ я.

— Какъ не быть, отличное вино: 10 лѣтъ уже въ погребѣ сохраняется; я отъ бывшаго хозяина перекупилъ; въ одномъ этомъ онъ смыслилъ: любилъ и понималъ хорошее вино. Да, онъ былъ знатокъ.

— Monsieur Ménar! Monsieur Ménar! послышалось снова за дверьми.

— Сейчасъ! сейчасъ. Въ-мигъ сбѣгаю къ женѣ и принесу вамъ двѣ бутылки. Отличное вино! вы сами увидите, кончилъ онъ и поспѣшилъ выйти изъ комматы.

Такъ и ёкнуло у меня сердце при этихъ немногихъ

словахъ Менара. Я понялъ тотчасъ же, что тутъ все дѣло должно быть коротко связано съ судьбою Біанки и лорда Джемса. Надо было, во что бы то ни стало, заставить хозяина гостиницы подробно разсказать все, что онъ зналъ. Въ то же время надо было и нѣсколько осторожнѣе начать свой распросъ, чтобъ не испугать Менара, который могъ быть и преданъ своему господину и бояться его вліянія, его мести впослѣдствіи. Но я расчитывалъ на словоохотливость моего хозяина, да притомъ надѣялся, что стаканомъ-другимъ вина всегда лучше я развяжу ему языкъ; а потому тревожно я закурилъ сигару и помѣстился въ кресло у окна. Солнце уже спускалось къ горизонту и послѣдніе лучи его освѣщали краснымъ свѣтомъ своимъ кое-какія верхушки деревьевъ. Направо замокъ Еспаньякъ выступалъ изъ-за темной массы деревьевъ и принималъ нѣсколько фантастическую форму. Одна изъ его четыреугольныхъ башень какъ-то особенно странно освѣщена была послѣдними лучами, которые искрились въ окнахъ ея, и рѣзче отдѣлялись всѣ выступы, зубцы, тогда какъ остальное зданіе уже сливалось съ общею тѣнью сада. Воздухъ былъ тепелъ и полонъ аромата; влѣво отъ окна рисовалась какая-то маленькая колокольня; въ полу-тѣни можно еще было разсмотрѣть позади большой стѣны нѣсколько деревянныхъ крестовъ—это было кладбище деревни. Тишина весенняго вечера всегда на меня имѣла чрезвычайно—отрадное вліяніе. Я люблю это спокойствіе природы, эту общую дремоту, которая медленно спускается вокругъ васъ, эту ничѣмъ не прерываемую полную тишину, въ которой нѣтъ никакого звука, крика, и которая между тѣмъ полна особой гармоніи. Но теперь я не могъ насладиться вполнѣ этою тишиною—я былъ нервенъ, раздражителенъ, я конечно сочувствовалъ этому общему спокойствію, но въ то же время самъ тревожно курилъ сигару свою, ожидая все возвращенья моего хозяина, ожидая его разсказа про маркиза Леонса, про все это семейство, которое меня такъ интересовало.

Двери отворились и вошелъ въ комнату Менаръ, съ подносомъ, на которомъ были поставлены двѣ бутылки и столько же стакановъ.

— Вотъ и я! сказалъ Менаръ, какъ-то глупо улыбаясь.

— Куда прикажете поставить бутылки?

— Да вотъ хоть тутъ, на столѣ.

Менаръ поставилъ бутылки.

— Прикажете откупорить?

— Непремѣнно.

Я налилъ себѣ тотчасъ же стаканъ вина. Мнѣ даже нужно было выпить хоть глотокъ, чтобъ успокоить свои нервы.

— Не хотите ли вы тоже выпить стаканъ, спросилъ я у него,—очень хорошее вино.

— Какъ не хотѣть! отвѣтилъ Менаръ,—очень вамъ благодаренъ. Только пожалуйста не говорите Клотильдѣ; если вы ее увидите завтра, не говорите, что я пилъ у васъ — она разсердится. А вы, кажется, добрый человѣкъ, и, если вамъ еще не хочется лечь спать, я могу вамъ разсказать что нибудь про маркиза. Я его хорошо знаю; я вѣдь десять лѣтъ служилъ у него каммердинеромъ.

— Мнѣ даже очень интересно васъ будетъ послушать, отвѣтилъ я. — Садитесь вотъ сюда, любезнѣйшій.

Менаръ усѣлся тотчасъ же безъ всякихъ церемоній, налилъ уже самъ себѣ стаканъ вина, и началъ.

— Только вы не говорите объ этомъ Клотильдѣ, пожалуйста не говорите.

— Ни слова не скажу. Это останется между нами.

Менаръ, видимо, очень боялся своей жены, и въ то же время истинно любилъ поболтать о чемъ угодно, лишь бы поболтать. Я даже принужденъ былъ нѣсколько разъ его останавливать, придерживать его ближе къ занимающему меня предмету, не-то бы онъ перешелъ бы, можетъ быть, кто его знаетъ, въ чистую философію, сталъ бы разбирать духовныя и матеріальныя начала въ человѣкѣ, отвергать одно и признавать другое. Онъ мнѣ много разсказывалъ подробностей о личности самого маркиза Леонса, и, несмотря на то, что я теперь самъ жажду скорѣе передать заключенье, эпилогъ этого характера Біанки, за которымъ я такъ постоянно слѣдилъ, мнѣ нельзя не остановиться отчасти на біографіи самого маркиза Леонса, чтобъ яснѣе представить несчастную судьбу Біанки.

Я, конечно, забылъ нѣкоторыя подробности разсказа Менара, но я постараюсь передать оригинальность его личныхъ соображеній и сужденій о всемъ имъ видѣнномъ, потому что они лучше всего обрисовываютъ настоящій характеръ Леонса.

«Да, маркизъ де-Болье, маркизъ Леонсъ, — началъ Менаръ, — принадлежитъ къ древнему роду. Какой-то предокъ его чуть ли не былъ въ такъ называемомъ крестовомъ походѣ,—священнаго папу защищали противъ Турокъ,—вы, вѣрно, слышали? — Но вотъ что жалко: нашъ маркизъ не довольно богатъ для маркиза,—это все дѣло и испортило. Теперь, конечно, онъ и поисправилъ это обстоятельство, да впрочемъ, что тутъ, на долго что ли? Проиграетъ, проиграетъ, да, проиграетъ, вотъ и все. Я знаю ихъ, я самъ былъ въ Парижѣ. Я былъ у него каммердинеромъ, и славно служилъ ему. Когда мы были еще въ училищѣ, то я ему доставалъ, эдакъ подъ вечеръ, бутылочку вина: онъ съ своими товарищами и кутилъ, ну и насчетъ амурныхъ разныхъ, знаете, приключеній — тоже случалось-таки.

«Ахъ, пожалуйста не говорите объ этомъ Клотильдѣ, Бога ради, не говорите, за это она навѣрно приколотитъ меня.» И Менаръ, при этихъ словахъ, тревожно выпилъ стаканъ вина. Я его успокоилъ.

«При жизни батюшки-то его, мало очень было денегъ, ну, а все что нибудь да пришлетъ каждый годъ, можно также жить, но вотъ батюшка-то умеръ, нашъ графъ самъ сдѣлался маркизомъ (*), и вообразилъ, что онъ сдѣлался богачемъ. Мы въ то время только-что кончили наше ученье кое-какъ, не съ медалью — нечего хвастать. Вотъ онъ записался въ какой-то клубъ, весь составленный изъ молодежи, ну точно такой же, какъ и онъ самъ, —все представители древнихъ родовъ французскихъ. Стали жить по модѣ.

«Онъ завелъ не—то что кабріолетъ, а довольно странный экипажъ. Вообразите: онъ сидитъ и правитъ одною лошадью, которую мы уже успѣли выписать отсюда, изъ от-

(*) Во Франціи только старшій въ родѣ носитъ титулъ маркиза, старшій сынъ его графъ, второй сынъ виконтъ, а далѣе все кавалеры (chevalier).

цовскихъ конюшенъ, а сзади, спиной къ его спинѣ, сижу я, скрестивъ руки на грудь, въ круглой шляпѣ съ галуномъ, въ лосинныхъ штанахъ, и въ сюртучкѣ, съ блестящими пуговицами и съ желтыми отворотами, воротникомъ и обшлагами. И оба мы сидимъ-то спина къ спинѣ, въ какомъ-то четыреугольномъ какъ бы ящикѣ, а справа и слѣва вертятся красныя, тонкія, высокія колеса,—странный экипажъ! Чего не выдумаютъ въ Парижѣ! умный народъ, нечего сказать!

«Парижъ! вѣдь это столица всего міра!» сказалъ съ какою-то особенною важностію, гордостію и уже явнымъ убѣжденіемъ Менаръ. «Да, все это было очень хорошо, но вотъ что жалко: денегъ оно много стоило... имѣніе-то это что оно тогда приносило? всего тысячъ какихъ нибудь десять въ годъ, ну, а что это для Парижа?—ничего, ровно ничего! Продали мы кое-что: табакерки отцовскія, напримѣръ, а были и золотыя, славныя табакерки. Еще кое-что нашлось въ старомъ отцовскомъ замкѣ. Кое-что заняли направо, налѣво, такъ и сколотили себѣ маленькую сумму; но всего этого было мало, чтобъ поддержать игру, а маркизъ былъ не прочь поиграть. Часто вечеромъ обдумывали мы вмѣстѣ наше положеніе и часто тоже маркизъ мнѣ говорилъ: «еслибъ я выигралъ хорошенькій кушъ, такъ хоть тысячъ 50 франковъ, я бы поѣхалъ въ Англію, тамъ постарался бы блеснуть, взялъ бы, можетъ быть, дочку какого нибудь лорда, да съ хорошимъ приданымъ. Здѣсь что? все голь одна! никого нѣтъ изъ богатыхъ, всѣ перекутились!»—и правда его была. Разсказывали было, что у старухи — маркизы, матери Леонса, есть денежки, но когда маркизъ нашъ вздумалъ взять въ свое владѣніе замокъ своего отца послѣ его смерти и заняться самъ своимъ имѣніемъ, старуха такъ разсвирѣпѣла, что уѣхала изъ замка въ Бретань, на свою родину и не хотѣла видѣть своего сына, а ему въ то время было и не до нея; потомъ-то они подружились снова, но многое тоже измѣнилось и въ маркизѣ въ это время. Тогда что онъ былъ?—только шалунъ, ребенокъ,—нѣтъ, теперь онъ ужь не ребенокъ. Первый шагъ его къ новому пути, я теперь хорошо понимаю это, были карты; выигрышъ его сгу-

билъ нравственно, какъ онъ мнѣ тогда говорилъ, такъ и сдѣлалъ, выигралъ 50 тысячъ франковъ, — шутка сказать, 50 тысячъ франковъ! и выигралъ въ одинъ вечеръ съ какого-то молодаго человѣка, только-что поступившаго въ этотъ клубъ членомъ, ну, юноши еще невиннаго,—онъ и общипалъ его, выигралъ и уѣхалъ въ Англію.

«Вышла-было исторія, хотѣли было--драться съ нимъ, кажется, даже вызывали его, но Леонсъ нашъ очень ловко устроилъ дѣло; его предупредили, когда пріѣдутъ секунданты форменно его вызвать, онъ меня тотчасъ же отправилъ обратно въ свой замокъ Еспаньякъ, а самъ, какъ и говорилъ мнѣ прежде, отправился въ Англію!..»

Вотъ, что, подумалъ я, — молодецъ! нечего сказать: отличился нашъ маркизъ Леонсъ!

«Это онъ сдѣлалъ истинно нехорошо! продолжалъ Менаръ, — притомъ же для чего онъ меня-то изгналъ? я ему служилъ вѣрою и правдою, служилъ и старался ему помогать, а онъ вдругъ—такъ и прогналъ!— я очень былъ въ то время сердитъ на него. Въ Лондонѣ, говорятъ, нашъ маркизъ былъ принятъ всѣми и скоро подружился даже со многими аристократами, въ особенности съ какимъ-то лордомъ.»

— Лордъ Джемсъ? знаю, знаю.

— Какъ, вы знаете? спросилъ у меня удивленный Менаръ.

— Да, знаю, слышалъ объ немъ, поспѣшилъ я сказать, чтобъ поправить дѣло; я чувствовалъ, что невольно проговорился. — Но продолжайте же пожалуйста.

— Нѣтъ, хорошо ли я дѣлаю, что все это вамъ разсказываю? вы, можетъ быть, знаете и маркиза Леонса, скажете еще ему, что я его ругаю, а мнѣ и достанется.

— Нѣтъ, не бойтесь, ничего не будетъ, я не передамъ ни слова маркизу.

— Пожалуйста, не говорите.

— Ни за что не скажу.

— Да, впрочемъ, я и самъ мало знаю, что онъ тамъ выдѣлывалъ въ Англіи, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ продолжалъ Менаръ, — только не женился и не взялъ приданаго, какъ разсчитывалъ, а черезъ годъ явился вновь во Фран-

цію и все торчалъ у этого лорда, у котораго была очень, очень хорошенькая жена Итальянка. Вы, можетъ быть, знаете?

— Да, слышалъ, какъ же, слышалъ, повторилъ я.

«Они всѣ поѣхали въ Италію; тутъ маркизъ Леонсъ вспомнилъ было про мою ливрею съ желтыми отворотами; экипажъ-то мы продали, ну, а ливрея осталась. Онъ меня вызвалъ, чтобъ я сопутствовалъ ему въ путешествіи и пріѣхалъ бы въ Италію, въ Геную что ли, а тамъ онъ меня будетъ ждать, но вышло не такъ: я, видите ли, немного потолстѣлъ въ то время,—теперь это снова разошлось,—ну, знаете, много заботъ, а тогда-то я былъ довольно-таки толстъ,—ливрея не сходилась и лосины также;—такъ жали меня, что ой-ой! какъ больно было. Маркизъ видитъ, что толку въ этомъ нѣтъ никакого, а новую-то ливрею не хочетъ шить, онъ меня и оставилъ здѣсь въ Италіи, говоря, что могу возвратиться домой. Я, знаете, подумалъ, подумалъ, да и женился на Итальянкѣ; она знаетъ жену лорда, она даже была очень дружна съ нею; славная жена! я вамъ ее представлю.

«Клотильда у меня была красавицей,—теперь пожирѣла немного, но тогда просто прелесть была, и хорошая хозяйка.

«Ну, такъ они путешествовали, путешествовали; а маркизъ въ это время сталъ очень аккуратенъ: не то чтобъ тратить что нибудь изъ своихъ доходовъ, онъ зачастую посылалъ сюда денежки; всѣ долги, какіе были, всѣ заплатилъ, прикупилъ еще нѣсколько земли вокругъ, устроилъ очень хорошо свое имѣніе, и сталъ перестроивать и устроивать свой замокъ; совсѣмъ не тотъ сталъ!—расчетливъ, и какъ еще!

«Въ прошломъ году, въ особенности, онъ много прислалъ сюда денегъ... Говорятъ, что лордъ ему одолжилъ до своего отъѣзда въ Англію довольно значительную сумму.

— Такъ лордъ уѣхалъ въ Англію?

— А вы этого не знали? да, поѣхалъ еще въ прошломъ году, осенью, такъ уже къ декабрю, да тамъ простудился и умеръ.

— Какъ! умеръ? Лордъ Джемсъ умеръ! проговорилъ я невольно съ волненіемъ. А его жена, Біанка? жена лорда?

— Жена его осталась въ Парижѣ. Маркизъ нашъ пос-

тоянно былъ у нея, какъ мнѣ сказали. У меня знакомый тамъ въ домѣ у него служитъ. Разное говорили. Но вотъ, какъ узнали, что лордъ-то умеръ, родственники его стали вести процессъ, рѣшили, что жена его даже не законная его супруга, что она не можетъ ничего наслѣдовать, я тамъ ужь не знаю, но какъ видно женѣ-то не хотѣли дать никакого содержанія. Маркизъ-то нашъ взялся поѣхать устроить дѣла, а что тамъ случилось далѣе — не знаю; всего этому нѣсколько мѣсяцевъ.

— Да гдѣ же теперь Біанка, жена лорда?

— Должно быть въ Парижѣ, отвѣтилъ довольно спокойно Менаръ. Однако пора вамъ спать, уже поздно.

Онъ уже выпилъ всю бутылку вина, а другую не смѣлъ начинать.

— Да гдѣ же въ Парижѣ?—городъ великъ! гдѣ она живетъ? не знаете ли адреса? спросилъ я.

— Она жила въ rue S-t Honoré тогда, а теперь не знаю.

— Какой нумеръ?

— Нумеръ кажется 36-й, а можетъ и 46-й.

Я поспѣшилъ записать этотъ адресъ.

— Завтра чѣмъ-свѣтъ приготовьте мнѣ лошадей: я ѣду въ Парижъ.

XVI.

Рано утромъ я пріѣхалъ въ Парижъ по Орлеанской дорогѣ, и тотчасъ же поспѣшилъ въ rue S-t Honoré, только остановился на минуту въ какой-то гостиницѣ, чтобъ сложить свои вещи, и пошелъ на розыскъ квартиры Біанки. Ни въ 36, ни въ 46 №№ ея не было, но она прежде останавливалась въ 63-мъ. Я это узналъ случайно. Въ этомъ домѣ мнѣ сказали, что вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ она выѣхала, но что не знаютъ ея адреса, а что всего вѣрнѣе будетъ узнать въ квартирѣ m-lle Иренъ де-Болье, которая очень часто здѣсь бывала и живетъ въ rue Blanche въ такомъ-то номерѣ. Я, не медля нисколько, поспѣшилъ туда,

Первые мои неудачи въ rue S-t Honoré, самый шумъ парижскихъ улицъ, бульваровъ, все это очень подѣйствовало сегодня на мои нервы. Вся эта масса народу спѣшитъ куда-то, всѣ они бѣгутъ съ какою нибудь цѣлью. Можетъ быть, каждый изъ нихъ также внутренно страдаетъ, какъ и я самъ. Я пропадаю въ этой толпѣ, моя личность мельчаетъ до невѣроятности, а въ то же время вдругъ встрѣчаешь по бульвару des Capucins или des Italiens, какого нибудь господина съ густыми, зачесанными внизъ, бакенбардами, съ усами, напомаженными и скрученными въ обѣ стороны, въ самыхъ оригинальныхъ, по цвѣту и по рисунку, панталонахъ, въ какомъ-то широкомъ, обшитомъ бархатомъ пальто, съ невообразимымъ множествомъ складокъ на рукавахъ. Вы сталкиваетесь съ этимъ господиномъ, который чинно ходитъ, размахивая своею тоненькою тросточкою, держа къ верху голову и нагло засматривая проходящимъ дамамъ, подъ шляпку; вы сталкиваетесь съ нимъ нечаянно, потому что спѣшите по дѣлу, какъ и вся эта толпа, а этотъ господинъ только прогуливаетъ свою безполезную, ничѣмъ незанятую личность, по бульвару. Страшно бѣситъ человѣка нервнаго это спокойствіе, эта гордая выставка бездѣйствія и безполезности: такъ и хотѣлось бы расшевелить этого господина, задѣть какъ нибудь его самолюбіе; но мнѣ некогда, я спѣшу. Повернувъ въ Chaussé d'Antins, я дохожу наконецъ до rue Blanche, отыскиваю указанный номеръ дома, влѣзаю на лѣстницу и нервно звоню у лѣвой двери въ 4 этажѣ, мнѣ отворяютъ—и кто же?—сама Иренъ!

Она такъ же хороша, какъ и прежде, даже можетъ быть, и лучше, но она блѣдна, бѣдняжка, ея нарядъ уже не такъ изысканъ, зато тѣ же пепельные волоса, тѣ же голубые глаза, та же чудная улыбка на розовенькихъ узенькихъ губкахъ!

— Какъ, это вы! проговорила она. Войдите, войдите, только тише, пожалуйста, безъ шуму: Біанка больна, очень больна!

— Больна! только повторилъ я.

— Всѣ эти мѣсяцы она переиспытала слишкомъ много. Смерть мужа, котораго она все такъ любила, сразила бѣдн-

ную ее всѣми, на кого только она и могла расчитывать. Грустно и страшно было ее видѣть все это время. Кашель, которымъ она страдала, уже давно усилился, чахотка!—и вотъ теперь трудно ее спасти. Какъ она рада будетъ вашему пріѣзду! кончила Иренъ. Вы облегчите ея страданіе, навѣрное; она нѣсколько разъ объ васъ вспоминала, и многое мнѣ объ васъ разсказывала. Вы истинно добрый, благородный человѣкъ!—и Иренъ пожала мнѣ руку.

Дрожь пробѣжала невольно по всему моему тѣлу, голова какъ бы закружилась. Въ это время за дверью послышался слабый женскій голосъ: «Иренъ! Иренъ! съ кѣмъ это ты говоришь? докторъ?»

— Она меня зоветъ—я сейчасъ ей скажу о васъ. Подождите меня.

«Если докторъ, — я не хочу его видѣть. Богъ съ нимъ! я боюсь его: онъ все мнѣ напоминаетъ мою смерть»... Услышалъ я эти слова уже болѣе внятнѣе, когда Иренъ отворила дверь въ другую комнату. Но какъ этотъ голосъ ослабъ!—нельзя было почти узнать этотъ звучный контръ-альто, который всегда поражалъ у Біанки,—слышалась теперь слабость въ груди, болѣзненный стонъ все время вторилъ этому бывшему звучному голосу.

Черезъ нѣсколько минутъ Иренъ вернулась ко мнѣ.

— Я васъ заставила ждать, но надо мнѣ было подготовить Біанку: я боялась слишкомъ взволновать ее прямо, сказавъ о вашемъ пріѣздѣ. Пойдемте, она васъ ждетъ.

И я вошелъ за Иренъ въ комнату больной.

Я былъ самъ взволнованъ до-нельзя. Меня вела Иренъ за руку, я слѣдовалъ за нею, но голова моя терялась!—сколько страшныхъ для меня новостей я вдругъ узналъ, увидѣлъ! какую страшную драму я вдругъ понялъ въ этихъ двухъ молодыхъ красивыхъ женщинахъ, связанныхъ дружбою, заставившихъ и мое сердце столько разъ биться какъ птичка въ клѣткѣ...

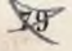
И вотъ, одна больна, умираетъ, другая осталась единственною ея помощницею!.. Она хорошенькая, молодая, вся созданная для свѣтской, веселой жизни, для счастья, отъ всего отказалась; бросила родныхъ, свою мать, своего брата и

осталась вѣрна своей дружбѣ!.. Святое чувство дружбы, а къ сожалѣнію рѣдко встрѣчающееся!

Біанка сидѣла въ большихъ бархатныхъ креслахъ, недалеко отъ окна; она вся была въ бѣломъ пеньоарѣ; волоса, едва только придержанные, падали большими прядями на ея блѣдныя сухія плечи. Все лицо Біанки стало блѣдно, вытянулось какъ-то; эти черные глаза, которые такъ ярко, такъ свѣтло всегда смотрѣли, такъ много выражали въ себѣ страсти, эти глаза теперь потускли, смотрятъ и словно не видятъ ничего; иногда, правда, они разгараются еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо; они блестятъ словно огоньки, но какъ грустно видѣть этотъ блескъ посреди этого вытянутаго, исхудалаго блѣднаго лица! Я остановился въ дверяхъ и медленно подходилъ къ ея креслу.

«Да подойдите же поближе, что̀ съ вами! я бы сама кинулась вамъ навстрѣчу! вы видите, что я не могу, я больна,» проговорила отрывисто Біанка; «но я выздоровлю, я чувствую, что я выздоровлю.» Я подошелъ къ самому креслу. Біанка приподнялась немного, обхватила мою шею своими тощими руками, которыя сквозили подъ батистовыми рукавами ея пеньоара. «Ближе, еще ближе! повторяла она, я такъ давно васъ не видала, такъ давно... Отчего я не послушалась вашего совѣта! Да, всѣ они мерзавцы! всѣ они смѣялись надо мною»... и Біанка вдругъ зарыдала. Грудь ея судорожно, тревожно поднималась, голосъ ея вдругъ прервался, и когда она, обнявъ мою голову руками, поцѣловавъ меня въ лобъ, зарыдала,—эти слезы облегчили нѣсколько ее,—я самъ преклонилъ въ это время колѣно передъ нею—и не могъ удержать тоже своихъ слезъ.

— Да, всѣ они мерзавцы! повторила она, а я—я сумасшедшая!.. Право, мнѣ пора умереть... что̀ со мною еще можетъ быть?!.. Я погубила человѣка, который меня полюбилъ. Я не поняла и насмѣялась надъ дружбою, которую вы мнѣ предлагали... Да, я виновата передъ вами, очень виновата... Простите! я умираю. И въ это время она посмотрѣла на меня; ея большіе черные глаза, еще залитые недавними слезами, чудно смотрѣли на меня, явно отражали всю чистоту этой



еще дѣтской души, которая готовилась покинуть измученное тѣло.

— Еслибъ я могъ васъ обнять, Біанка, васъ поцѣловать, я это бы сдѣлалъ, чтобъ доказать, что никогда не сердился на васъ. Я не могу васъ прощать: вамъ, напротивъ, простить насъ слѣдуетъ,—вы ангелъ, а не женщина! проговорилъ я съ чувствомъ, совершенно тронутый этимъ спокойнымъ горемъ бѣдной женщины и сознаніемъ своей вины.

— Обнять меня, поцѣловать! проговорила Біанка. Цѣлуйте, обнимайте: по крайней-мѣрѣ, умирая, я буду увѣрена, что вы меня простили, что вы меня все еще любите!..

Долгій, раздражительный поцѣлуй нашъ встревожилъ и меня, и Біанку; я рѣшительно не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета, я положилъ послѣ этого голову свою на колѣни Біанки, а она все расчесывала своими блѣдными ручками мои волоса, и уже тихія слезы текли медленно изъ этихъ чудныхъ глазъ, которые она подняла инстинктивно кверху и задумалась.

Это былъ первый страстный поцѣлуй мой съ Біанкой, и первый разъ случилось мнѣ уже обнять потухающее, умирающее созданіе. Я до-того былъ взволнованъ, до-того растерялся, что совершенно позабылъ присутствіе третьяго лица—Иренъ, и, кажется Біанка тоже не вспомнила въ это время о ней. А Иренъ все время отъ насъ поодаль стояла и судорожно слѣдила за нами, и принимала то же внутреннее участіе въ нашемъ волненіи.

Она подошла ко мнѣ и тронула меня за рукавъ.

— Вы измучите такимъ образомъ Біанку, сказала она мнѣ нервнымъ голосомъ, вы неосторожны! потомъ нѣсколько громче и обращаясь къ Біанкѣ:—Моя милая, сказала она: тебѣ пора лекарство принять.

— Лекарство!.. проговорила Біанка тоже какъ бы проснувшись послѣ долгаго сна.

— Да, лекарство. И Иренъ поднесла Біанкѣ серебряную ложку, въ которую налила изъ стеклянной фляжки какую-то жидкость.

Я всталъ въ это время и посмотрѣлъ на Иренъ.

Она была блѣдна и вся дрожала, руки ея съ трудомъ

даже подносили ложку къ губамъ ея, чуть только не облила всю Біанку этою жидкостію. Наши глаза встрѣтились. Я ни слова не сказалъ и показалъ ей только на Біанку, и снова посмотрѣлъ на нее, Иренъ поняла меня, и относя свое лекарство на ближайшій столъ, улыбнулась мнѣ и глазками и ротикомъ своимъ, и въ эту минуту блѣдность ея лица какъ-бы исчезла для меня.

— Что вы, собираетесь уже уйдти? спросила Біанка, обращаясь ко мнѣ. Нѣтъ, я васъ такъ не пущу. Она тутъ же закашлялась этимъ страшнымъ кашлемъ, чуть слышнымъ,— лучшій признакъ настоящей чахотки. Невольно я опустилъ голову,—и грустно, очень грустно мнѣ стало.

— Подойдите вотъ сюда, а ты, Иренъ, тоже ближе, начала снова Біанка, оправившись отъ кашля.

— Ты себя мучишь, Біанка, стала усовѣщевать Иренъ; ты знаешь, что говорить тебѣ вредно: успокойся лучше, мы тутъ же останемся, не уйдемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтила Біанка. Самъ Богъ его мнѣ посылаетъ. Я должна ему разсказать все, чтобъ онъ не вѣрилъ злымъ толкамъ; все разскажу и покаюсь ему въ своихъ грѣхахъ. Мнѣ даже пора: я чувствую, что скоро, скоро конецъ!.. и снова параксизмъ кашля помѣшалъ Біанкѣ; она привстала въ креслахъ, нагнулась немного впередъ, закрыла свое лицо руками. Но эта поза скоро ее утомила, она снова опрокинулась на спинку кресла, лицо ея въ это время мнѣ показалось еще вытянутѣе, еще блѣднѣе, чѣмъ прежде, глаза такъ и высовывались и глядѣли тускло... даже страшно стало.

Мы оба съ Иренъ молчали, оба пристально смотрѣли на Біанку и, кажется, раздѣляли вмѣстѣ ту же грусть. Жаль, очень жаль было эту молодую, еще недавно полную силъ, женщину, которая теперь умираетъ, покинутая, забытая уже почти всѣми.

Мы усѣлись съ Иренъ подлѣ кресла Біанки, и надѣялись и ожидали, для ея же блага, что она, утомленная этимъ послѣднимъ кашлемъ, можетъ быть, заснетъ на нѣкоторое время; но нѣтъ: Біанка, и больная и разслабленная, не забыла

еще свою прежнюю настойчивость и южнаго характера, она оправилась скоро, и снова обратилась къ намъ:

— Вы подсядьте поближе: у меня голосъ слабъ, а многое мнѣ осталось еще вамъ сказать—и она взяла мою руку при этихъ словахъ.

— Я оттолкнулъ свой стулъ и сталъ на колѣни передъ Біанкой.

— Да, лордъ меня любилъ, а я не понимала этого. Онъ такой холодный, такой апатичный, онъ страстно меня любилъ! Я это послѣ узнала; онъ даже умеръ изъ-за меня. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ моею жизнію, моею любовью къ человѣку, недостойному этой любви. Это внутреннее волненіе его мучило, мучило... онъ уѣхалъ въ Англію, тамъ вдругъ сталъ выкидывать каждый день новый оригинальный фарсъ, увѣрялъ, что климатъ лондонскій такъ же хорошъ, такъ же тепелъ, какъ итальянскій, и не сталъ надѣвать своего пальто даже въ декабрѣ мѣсяцѣ... Кончилось тѣмъ, что онъ слегъ въ постель и умеръ. Бѣдный мужъ! Память ему вѣчная!.. и Біанка, какъ католичка, перекрестилась всею рукою, поцѣловала образокъ Божіей Матери, который у ней висѣлъ всегда на шеѣ.

— Я теперь плачу, оплакиваю его!.. Но знаетъ ли онъ это, прощаетъ ли онъ меня?. я—грѣшница, грѣшница великая!... но онъ такъ добръ!. И она скрестила свои руки, подняла кверху свои. глаза, и видимо стала внутренно молиться.

Біанка сохранила до сихъ поръ нѣкоторую драматичность во всѣхъ своихъ движеніяхъ, истинно свойственную всѣмъ Италіанкамъ. Она, несмотря на всю свою разнообразную жизнь, на все вліяніе этого парижскаго общества, еще осталась тою фанатическою католичкою, какихъ такъ часто встрѣчаешь въ Испаніи, которыя такъ странно соединяютъ горячую молитву Мадоннѣ съ самыми нерелигіозными поступками.

Нѣсколько минутъ прошло общаго молчанія, и мы оба смотрѣли на Біанку и боялись прервать ея молитву, сознавая, что теперь, въ ея положеніи—это единственная ея подпора.—Новый пароксизмъ начался, заставилъ Біанку снова

опустить глаза; она поддерживала свое истощенное тѣло, хватаясь исхудалыми руками за ручки креселъ.

— Когда узнали мы о смерти лорда, начала снова Біанка, когда ея кашель нѣсколько успокоился, маркизъ Леонсъ предложилъ мнѣ съѣздить въ Лондонъ, чтобы заняться моими дѣлами. Смерть эта сильно опечалила мѣня; я совершенно растерялась, хотя въ то время еще не понимала все, что она должна была мнѣ лично принести — горя и страданья.

Біанка тутъ снова закашлялась.—«Я отпустила маркиза, снабдила его кое-какими бумагами, которыя онъ заставилъ меня подписать, и воображала еще, что онъ и подлинно для меня ѣдетъ въ Англію, чтобъ защищать мои выгоды, и что же?—Пріѣхавъ въ Англію, онъ узналъ, что, по тамошнимъ законамъ, нашъ бракъ былъ не вполнѣ законенъ, такъ какъ онъ былъ совершенъ только въ церкви, что все имущесто переходитъ какимъ-то родственникамъ, что я остаюсь не при чемъ. И онъ, вообразите, кто бы это подумалъ!—онъ уже не вернулся ко мнѣ, и только официально, письменно увѣдомилъ обо всемъ этомъ. Я даже не хорошо поняла все, что онъ написалъ.»

«Старуха—маркиза, мать его, хотѣла заставить Иренъ тоже покинуть меня, но она добрая, милая моя, лучше согласилась поссориться съ матерью своею, но не оставлять меня одну безъ пріюта, безъ всего. Да, я грѣшница великая, но и наказана жестоко за все это!»

Біанка схватила руку Иренъ, потомъ обняла ее.

—Еслибъ не Иренъ, я бы пропала,–я бы не знала, что дѣлать, на что рѣшиться, она одна меня поддержала,—проговорила она, все кашляя и видимо съ крайнимъ волненіемъ.

— Успокойтесь, Біанка, вы видите, что не всѣ васъ оставили: у васъ есть еще друзья, которые готовы вамъ посвятить всю свою жизнь, проговорилъ я, стараясь успокоить немного эту бѣдную женщину.

— Да, это правда, меня Богъ не совсѣмъ оставилъ: у меня есть друзья!—и она пожала мнѣ руку.

— Но не долго, впрочемъ, продолжала она, вамъ прійдется за мною ухаживать. Я вижу, я чувствую: скоро, ско-

ро я улечу туда, туда!... Ахъ, какъ хорошо будетъ мнѣ тамъ!... какъ свѣтло,.....—и рукою она показала на окно. Птицы поютъ.... все цвѣтетъ вокругъ, солнце такъ ярко свѣтитъ.—Уфъ, мнѣ душно, душно мнѣ!..... нельзя ли отворить окно? тревожно проговорила она. Я задыхаюсь... Ахъ!.. и голова ея поникла, она поблѣднѣла и осталась безъ чувствъ отъ излишняго волненія.

А въ окно и вправду солнечный весенній лучъ освѣтилъ цѣлую полосу въ воздухѣ,— и въ этой свѣтлой полосѣ зашевелились миріады свѣтлыхъ пылинокъ, и нѣсколько цвѣтовъ на окнѣ, охваченные этимъ свѣтомъ, такъ и заблестѣли.

Иренъ поднесла какой-то флаконъ съ англійскою солью; стала на колѣни передъ Біанкой, поддерживала ея голову. Я же самъ, какъ бы въ забытьи, не зналъ на что рѣшиться. Я стоялъ тутъ же подлѣ, и все смотрѣлъ то на эту освѣщенную полосу и на цвѣты, то на это блѣдное, спокойное лице Біанки, то на эту хорошенькую женщину съ пепельными волосами, тутъ, на колѣняхъ, у ногъ бѣдной Біанки!

Черезъ нѣсколько минутъ Біанка пришла въ себя, она понюхала немного соли, и свободнѣе вздохнула. Иренъ подошла ко мнѣ и пригласила выйдти, чтобъ дать Біанкѣ немного заснуть.

— Вы меня подождите въ той комнатѣ, сказала только она,—я сейчасъ къ вамъ буду.

Я тихо, медленно, безъ шуму, вышелъ изъ комнаты, чтобъ снова не встревожить Біанки.

Черезъ нѣсколько минутъ Иренъ тоже вышла изъ той комнаты.

— Она спитъ, слава Богу! это ее успокоитъ,—проговорила она шепотомъ, и подсѣла ко мнѣ на тотъ же диванъ.

Долго мы сидѣли такъ вдвоемъ, все шепотомъ говорили о Біанкѣ, и невольно иногда замолчимъ и взглянемъ другъ на друга.

Положеніе Иренъ было не менѣе тяжелое. У Біанки предвидѣлся, по крайней мѣрѣ, конецъ,—она умираетъ, она уже теперь только на волоскѣ какъ бы держится въ этой

жизни; но Иренъ еще молода, хороша собой!.. и она покинула всѣхъ: свою мать, своего брата, о которомъ она и слышать не хочетъ. Мать ее хочетъ заставить поступить въ монастырь, но Иренъ не можетъ согласиться на это.—Выйдти замужъ ей не трудно, — она конечно хороша собою, но у нея слишкомъ малъ капиталъ, всего какихъ нибудь 10 т. франковъ: этимъ въ Парижѣ жить нельзя маркизѣ де-Болье.

Да притомъ выйдти замужъ она согласится только по любви, а мать желаетъ непремѣнно бракъ по расчету. Трудно надѣяться, чтобъ эти оба требованія встрѣтились. И вотъ бѣдная дѣвушка, покинутая всѣми, обречена на постоянное мученье, на постоянную борьбу, съ требованіями семейства и съ требованіями своей души, своего сердца! . Положеніе ужасное!

Уже стало смеркаться, а мы все-еще молча смотрѣли другъ на друга, или шепотомъ толковали о несчастномъ положеніи Біанки. Рѣшено было обратиться еще къ другому доктору, пользовавшемуся большою репутаціею, чтобъ спасти, если это возможно, Біанку. Я взялся его привезти завтра, и обѣщалъ, нетолько каждый день, но почти постоянно быть здѣсь, чтобъ помочь хоть немного бѣднымъ женщинамъ.

Вернулся я домой совершенно разстроенный; всю ночь я не могъ заснуть: до-того я былъ встревоженъ всѣмъ тѣмъ, что̀ вдругъ открылось передо мною.

На другой день я съѣздилъ къ доктору, привезъ его, но онъ, увидѣвъ Біанку, только покачалъ головою, и, отведя меня въ сторону, проговорилъ: «я буду ѣздить, постараюсь облегчить ея страданья, но спасти ее невозможно; главное, нужно стараться какъ можно болѣе ее успокоить, чтобъ ничто ее не могло тревожить, Боже упаси!»

Рѣшеніе доктора окончательно меня смутило: я даже не зналъ, долженъ ли я былъ передать его Иренъ. Я боялся и ее взволновать этимъ.

Съ этого дня я отыскалъ неподалеку маленькую квартиру и переселился тотчасъ въ нее, чтобъ быть, по крайней мѣрѣ, ближе отъ нихъ, и проводилъ цѣлые дни у Біанки и Иренъ.

Съ каждымъ днемъ Біанка видимо слабѣла. Кашель становился все чаще, но въ то же время все слабѣе, и сама Иренъ скоро поняла, что истинно не долго приходилось бѣдной женщинѣ мучиться въ жизни.

Еще былъ одинъ день,—свѣтлый, довольно теплый день. Докторъ даже посовѣтовалъ открыть на нѣкоторое время окно. Біанка какъ бы ожила: она встала съ постели, надѣла свой пеньоаръ и, поддержанная мною и Иренъ, подошла къ растворенному окну. Она жадно вдыхала въ себя ароматическій воздухъ весны, и чувствовала себя гораздо лучше. Она даже мнѣ говорила о томъ, что ей непремѣнно хочется ѣхать въ Италію, что вотъ она поправится и что тогда я навѣрное соглашусь уѣхать съ ними, т. е. съ ней и съ Иренъ въ Ґеную, что они тамъ будутъ жить счастливо и при малыхъ средствахъ. Она рисовала въ своемъ воображеніи то отрадное чувство—снова увидать Генуэзскій заливъ, говорила мнѣ объ этомъ прелестномъ мѣстѣ, напоминала мнѣ нашу встрѣчу на этой дорогѣ della Cornice, когда ей расчесывали ея чудную косу, обѣщала мнѣ, улыбаясь, повторить эту сцену теперь на томъ же мѣстѣ. Словомъ, представляла себя уже здоровою, счастливою.... А на другой день она уже лежала безъ движенья на своей постели, и мученья ея на вѣкъ прекратились! Всѣ эти планы были уже неосуществимы:—ея уже не было на землѣ.

И хороша она была въ своемъ послѣднемъ нарядѣ, въ этомъ бѣломъ платьѣ! Спокойно лежало ея блѣдное лице на подушкѣ, и черная густая коса, распущенная вся, окаймляя эти блѣдныя, совершенно правильныя черты. На холодныхъ губахъ красавицы какъ бы появилась послѣ смерти улыбка, и холодная эта послѣдняя улыбка странно оживляла безжизненное тѣло. Иренъ была вся въ слезахъ; она невольно, какъ бы не понимая сама своего порыва, бросилась ко мнѣ, когда я вошелъ въ комнату Біанки, которая рано утромъ умерла. Успѣла только послать за священникомъ, который вышелъ не болѣе за полчаса до моего прихода. Она кинулась въ мои объятія, и долго, долго оставалась такъ, все плача и въ забытьи все цѣлуя меня.

Мнѣ нужно было принять на себя всѣ хлопоты погре-

бенья, и я оставилъ Иренъ съ горничною подлѣ Біанки, а самъ вышелъ изъ квартиры.

Весь погруженный въ тяжелую думу, я шелъ по улицѣ, не замѣчая никого. Вдругъ я былъ остановленъ шумомъ экипажа, который переѣзжалъ мнѣ дорогу: я взглянулъ и увидѣлъ четверку лошадей въ богатой сбруѣ, запряженныхъ въ весьма изящный фаэтонъ.—Маркизъ Леонсъ де-Больe сидитъ въ этомъ фаэтонѣ и правитъ à longues guides этой четверкой кровныхъ лошадей. Онъ ѣхалъ въ Bois de Boulogne—похвастаться своею упряжью, своимъ богатствомъ.

Поднявъ голову, я узналъ тотчасъ же его и, оторопѣлый, все смотрѣлъ на эту богатую упряжь, и могъ только проговорить: «судьба! вотъ она, судьба!»

Не знаю, узналъ ли меня самъ маркизъ Леонсъ.

ПРИСЯЖНЫЙ СУДЪ У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I.

Когда заходитъ рѣчь о судѣ присяжныхъ, мы, обыкновенно, обращаемся къ современной Англіи. Здѣсь мы ищемъ его историческую почву, его идеальное совершенство и ставимъ его образцемъ заимствованія для другихъ народовъ. Дѣйствительно, Англія сберегла это учрежденіе лучше другихъ народовъ, она пронесла его неприкосновеннымъ среди всѣхъ политическихъ и гражданскихъ измѣненій; она вполнѣ примѣнила его къ жизни, какъ одно изъ основныхъ началъ своей конституціи. Но англійскій судъ присяжныхъ отнюдь не составляетъ исключительнаго явленія въ исторіи права. Если мы отнесемся съ нѣкоторымъ знаніемъ и живымъ интересомъ къ прошедшему славянскаго міра, то ясно увидимъ тамъ слѣды этого учрежденія, впослѣдствіи погибшаго въ общемъ кораблекрушеніи славянскихъ національностей.

Несмотря на нѣсколько столѣтій, отдѣляющихъ его отъ насъ, въ этомъ учрежденіи видно столько человѣческаго, что едва ли оно не составляетъ самаго свѣтлаго явленія между однородными съ нимъ явленіями у другихъ народовъ. Лучшая и болѣе полная форма суда присяжныхъ встрѣчается въ жизни древнихъ независимыхъ Сербовъ. У другихъ Славянъ письменныя свидѣтельства его гораздо темнѣе; но во всякомъ случаѣ чуждый, какъ видно, заимствованія, онъ исходилъ изъ самой природы славянской; природа же эта даетъ глубокую увѣренность, что если и по сю пору нѣтъ этого учрежденія у не-

зависимаго славянскаго народа, то, возобновленное у него по старой памяти, оно не замедлитъ въ новомъ видѣ укорениться какъ растенie, посаженное на родной и знакомой ему почвѣ.

Судьбы суда присяжныхъ представляютъ собой замѣчательный фактъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что учрежденie это, почти у всѣхъ само собою возникшее, какъ необходимое слѣдствie, къ которому привела народная жизнь въ извѣстномъ возрастѣ, свойственно по природѣ своей всему образованному человѣчеству. Говоря здѣсь вообще о мысли учрежденiя, я оставляю въ сторонѣ его историческое развитie и охотно допускаю, что первоначально предѣлы между судомъ присяжныхъ и судомъ должностныхъ лицъ не были строго опредѣлены, какъ въ дѣйствiи, такъ и въ понятiи; съ другой стороны, клятвенное показанie свидѣтелей, утверждаемое вмѣсто приговора уже самымъ уставомъ законодательнымъ, близко подходило къ приговору присяжныхъ; наконецъ общественное довѣрie къ почтеннымъ лицамъ, замѣнявшее присягу, когда дѣло отдавалось имъ на судъ, — все это показываетъ, что источникъ суда присяжныхъ должно искать въ томъ, что само общество стремилось, помимо должностныхъ судей, чрезъ выбранныхъ изъ среды своей лицъ, опредѣлить значенie событiя и степень виновности. И это-то представленie встрѣчается самородкомъ какъ у древнихъ Римлянъ, такъ и въ нѣмецкомъ и славянскомъ племенахъ. Такимъ образомъ прошедшее того учрежденiя, о которомъ здѣсь говорится, въ высшей степени важно уже по тому одному, что первоначальное зарожденie его указываетъ на его глубокую потребность, самобытно возникшую у каждаго изъ трехъ великихъ племенъ. Затѣмъ вторая пора прошедшаго, слѣдующая за первою, получаетъ уже другой оттѣнокъ отъ преобладанiя той силы, которая вредно дѣйствовала и на учрежденie суда присяжныхъ. Именно, мы замѣчаемъ, что чѣмъ менѣе народъ призванъ былъ къ участiю въ своей государственной и гражданской жизни, тѣмъ слабѣе становилось въ народѣ нравственное стремленie къ простѣйшему и наименѣе произвольному судорѣшенiю; тѣмъ обильнѣе втекала въ его уставы струя чуждой ему силы, пока не истребляла его совершенно. Вообще эта вторая пора прошедшаго заставляетъ насъ думать, что съ утратою народомъ первичнаго самоуправленiя и съ передачею судьбы своей личному началу, утрачивается и истинно народное учрежденie — судъ присяжныхъ. Припомнимъ, что нѣкогда онъ былъ у Славянъ, а теперь его нѣтъ; припомнимъ, что нѣкогда были его зародыши у

Нѣмцевъ и утратились по мѣрѣ того, какъ возрастало и усиливалось феодальное право; припомнимъ, наконецъ, что при всякомъ колебанiи власти во Францiи колебались и обычные уставы этого учрежденiя. Впослѣдствiи, при обратномъ движенiи народа, опять возникаетъ судъ присяжныхъ;—однимъ словомъ, онъ вездѣ и всегда шелъ рука объ руку съ свободными учрежденiями нацiй. Теперь онъ существуетъ въ Бельгiи, Сардинiи, Швейцарiи, Пруссiи, въ большей части Германiи, для нѣкотораго рода дѣлъ во Францiи, въ Англiи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Въ Польшѣ и Чехiи, которыхъ гражданское развитiе въ самомъ началѣ было оплодотворено обильнымъ влiянiемъ сосѣдняго Запада, гдѣ въ то время преобладало личное начало, враждебное суду присяжныхъ, этотъ послѣднiй не оставилъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ. За-одно съ личнымъ началомъ дѣйствовало и римско-католическое духовенство, способствуя первому своимъ ученiемъ въ истребленiи народныхъ уставовъ. До сихъ поръ не отыскано ни одного памятника, который прямо указывалъ бы на существованiе у Поляковъ или Чеховъ суда присяжныхъ. Такъ рано были сломлены здѣсь народные уставы. Несмотря на всѣ усилiя ученыхъ отыскать прямые слѣды этого учрежденiя, несмотря на споръ польскихъ законниковъ, несмотря на извѣстную статью Палацкаго, посвященную сравненiю законовъ чешскихъ съ сербскими, — мы должны сознаться, что только одно особенное значенiе присяжныхъ свидѣтелей и *очистниковъ* можетъ приблизительно указать на существованiе элементовъ суда присяжныхъ у польскаго и чешскаго племени. Зато у другихъ двухъ славянскихъ народовъ, принадлежащихъ къ восточной отрасли, Русскихъ и особливо Сербовъ, элементъ присяжнаго суда сохранился непосредственно въ подлинномъ видѣ. Нельзя при этомъ не припомнить, что одинъ изъ этихъ народовъ былъ чуждъ западнаго влiянiя и развивался вполнѣ самостоятельно; и у него-то судъ присяжныхъ разцвѣлъ великолѣпно. У Сербовъ не было князей-пришельцевъ. Сербы хотя и имѣли сношенiя съ Западомъ въ самыя раннiя времена, но сношенiя эти были чисто внѣшнiя.

Здѣсь я долженъ упомянуть о статьѣ г. Утина (*). Говоря о судѣ присяжныхъ въ Англiи, профессоръ мимоходомъ коснулся этого учрежденiя и у славянскихъ народовъ. Онъ жалует-

(*) См. «Рус. Вѣстникъ» 1860 года.

ся на неясность указаній древне-сербскаго законодательства, въ которыхъ говорится о судѣ присяжныхъ. Сербамъ посвящаетъ онъ одну страничку; Русской Правдѣ — три страницы, тогда какъ судъ присяжныхъ у Сербовъ, по своей развитости на дѣлѣ и въ законодательствѣ, составляетъ уже положительное историческое явленіе; а въ Русской Правдѣ онъ — не болѣе, какъ предположеніе, намекъ. Авторъ благосклоннѣе къ Скандинавіи, чѣмъ къ Славянамъ, несмотря на то, что Сербы далеко опередили Норманновъ зрѣлостію учрежденія. Все это объясняется тѣмъ, что молодому ученому западные источники были сподручнѣе славянскихъ. Всматриваясь въ ту страницу, на которой онъ говоритъ о присяжномъ судѣ у Сербовъ, мы видимъ, что руководствомъ ему служили только: 1) Статья Палацкаго «Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ», переведенная и напечатанная въ «Чтеніяхъ» общества исторіи и древностей россійскихъ 1846 года, и 2) Винодольскій Законъ, перепечатанный въ подлинникѣ въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», того же года. Оба источника, какъ видно, вышли въ 1846 году; а статья г. Утина появилась въ 1860. Слѣдовательно, между нею и упомянутыми источниками прошло 14 лѣтъ! Надобно сознаться, что такое разстояніе, при быстромъ развитіи славянской науки, слишкомъ велико. Многое могло быть открыто и издано въ продолженіе этого періода. И дѣйствительно, за 14 лѣтъ прежде законникъ Душановъ былъ извѣстенъ печатно только по двумъ позднѣйшимъ спискамъ, изъ коихъ одинъ, 1701 года, былъ помѣщенъ сначала въ сербскомъ повременномъ изданіи «Лѣтопись» за 1828 годъ, и потомъ въ книгѣ Кухарскаго «Древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства», 1838 года. Здѣсь присоединенъ къ нему нѣмецкій переводъ, сдѣланный Шафарикомъ. Другой списокъ былъ напечатанъ Раичемъ въ его «Исторіи разныхъ славянскихъ народовъ», имѣвшей три изданія отъ 1768 по 1823 годъ. Первый изъ этихъ списковъ называется Раковецкимъ, по монастырю Раковцу (въ Срешѣ), въ которомъ былъ написанъ; теперь онъ хранится въ библіотекѣ Новосадской гимназіи (Новый Садъ—Нейзацъ, на Дунаѣ), почему иногда называется также и Новосадскимъ. Онъ принадлежитъ къ разряду полныхъ списковъ Законника, допустившихъ однако нѣкоторыя измѣненія противъ древнѣйшихъ. Второй списокъ, неполный и чрезвычайно искаженный, находится въ библіотекѣ графовъ Текели въ Арадѣ; онъ писанъ языкомъ подновленнымъ, какъ и первый. Енгель въ своей

книгѣ: Geschichte von Servien und Bosnien, 1801, представилъ его въ переводѣ съ подлинника, напечатаннаго у Раича. Вотъ и всѣ изданія, предшествовавшія 1846 году. Такимъ образомъ лучшій или такъ называемый Ходошскій списокъ, относящійся къ 1390 году и писанный древнѣйшимъ, современнымъ подлиннику, языкомъ, оставался еще въ рукописи. Немногіе ученые пересылались между собою его снимкомъ, и только небольшіе отрывки были помѣщены Шафарикомъ въ его сочиненіи: Serbische Lesekörner, 1833, и потомъ Палацкимъ въ вышеупомянутой статьѣ, которою пользовался г. Утинъ. Списокъ этотъ, и по языку и по нѣкоторымъ древнимъ выраженіямъ, старше всѣхъ прочихъ. Онъ писанъ спустя только 40 лѣтъ послѣ великаго земскаго собора, на которомъ былъ впервые уставленъ Законникъ. Къ сожалѣнію, онъ не полонъ, такъ что Шафарикъ, издавая его въ 1851 году въ «Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ», долженъ былъ находящіеся въ срединѣ его пробѣлы и весь конецъ пополнить статьями изъ списка Раковецкаго. Между этими двумя списками, кромѣ языка и полноты, есть еще другое, болѣе важное различіе. Пахомій ли, переписывавшій Законникъ въ 1701 году, въ монастырѣ Раковцѣ, или кто другой до Пахомія, внесъ это различіе — неизвѣстно; но только замѣтно, что составитель того списка, который носитъ названіе Раковецкаго, жилъ долго спустя послѣ Душана, уже въ то время, когда многое, что̀ прежде существовало въ народѣ, было забыто имъ, многія названія истребились или сдѣлались непонятными для большинства. Составитель постарался самъ пояснить эти названія, прибавляя къ нимъ отъ себя толкованія, или просто замѣняя ихъ другими. Это различіе можетъ навести на весьма важныя соображенія; ибо въ немъ отразилось различіе, происшедшее отъ времени въ гражданскомъ быту народа. Такъ напримѣръ слово «властель», весьма употребительное въ старину, приходило уже въ забвеніе, и списатель счелъ за нужное прибавить отъ себя къ этому слову «сирѣчь князь или болярипъ». Тотъ, кто, по списку Ходошскому, не имѣлъ наслѣдственной недвижимой собственности или баштины, названъ въ Раковецкомъ спискѣ «сиротою». «Неропхъ» или свободный хлѣбопашецъ названъ уже «слугою». Такъ и въ статьяхъ о судѣ присяжныхъ составителю позднѣйшаго списка уже чужды были «рота», «порота», «ротники», «поротники», и онъ всюду замѣняетъ ихъ болѣе современными и понятными ему словами «судъ», «судьи», смѣшивая такимъ образомъ два учрежденія, которыя въ старину различались на

дѣлѣ и не смѣшивались въ спискѣ Ходошскомъ. Тѣмъ не менѣе въ Раковецкомъ спискѣ сохранилось много остатковъ старины, такъ что, по мнѣнію Шафарика, разрядъ полныхъ списковъ Законника, куда относится Раковецкій списокъ, по вѣрности и старинѣ подлинника, съ котораго сдѣланы извѣстные доселѣ полные списки, не уступитъ тому разряду, къ которому принадлежатъ древнѣйшіе неполные списки, въ томъ числѣ и Ходошскій. Зато списокъ Текеліевъ уже совершенно искаженъ; онъ тоже замѣняетъ одни слова другими, но только въ большемъ объемѣ и большею частію неудачно; статьи въ немъ перепутаны, многое опущено, многое прибавлено изъ Властарова Правильника или Номоканона. Не мѣшаетъ также замѣтить, что ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ Законника не существуетъ отдѣльно; но всѣ они помѣщаются въ сборникахъ церковныхъ правилъ. Изслѣдователю должно пользоваться Ходошскимъ спискомъ, полагая его въ основу; а для недостающихъ статей дополнять его Раковецкимъ. Такъ поступилъ и Шафарикъ, издавая законникъ царя Душана въ 1851 году. Остальные списки нисколько не дополняютъ и не поясняютъ двухъ вышеупомянутыхъ. Г. Утину было неизвѣстно изданіе Шафарика, и потому онъ ограничился одною статьею Палацкаго и только тѣми выписками изъ Законника, которыя помѣщены въ этой статьѣ; но ограничившись ею одною, онъ подвергъ себя всѣмъ неудобствамъ несамостоятельнаго изслѣдованія. Палацкій вовсе не имѣлъ въ виду представить подробное устройство суда присяжныхъ и его самобытное значеніе въ отправленіи правосудія у древнихъ Сербовъ; и если онъ не привелъ въ подлинникѣ всѣхъ относящихся сюда статей изъ Законника и вообще сказалъ весьма мало, то на это онъ имѣлъ свои уважительныя причины, согласныя съ главною цѣлью его статьи. Но Палацкій не сѣтовалъ на неясность данныхъ, потому что работалъ по источникамъ непосредственно,—слѣдовательно, былъ доволенъ ихъ ясностію. Правда, выписанныя имъ статьи о поротѣ заимствованы изъ рукописнаго Ходошскаго списка; однако бо́льшая часть такихъ статей не выписана, а только обозначена числами, подъ которыми значится въ спискѣ. Этихъ-то послѣднихъ г. Утинъ, какъ видно, не читалъ. Не потому ли источники и показались ему до-того темными, что онъ только ограничился мнѣніемъ *нѣкоторыхъ* (кого именно?), что поротники были вмѣстѣ и судьями, и уничтожилъ судъ присяжныхъ у древнихъ Сербовъ одною поговоркою: qui plus probat—nihil probat? Въ Скандинавіи и въ самой Англіи, современной древней Сербіи, не было

еще различія между присяжными свидѣтелями и судьями; присяжные и судили; а между тѣмъ здѣсь онъ видитъ положительный признакъ зарожденія суда присяжныхъ. Почему же не видѣть того же и у Сербовъ? Такъ какъ всякое учрежденіе образуется и совершенствуется только постепенно, и отъ древняго нельзя требовать такой же ясности и строгой опредѣленности, какъ отъ новѣйшаго, то, по моему мнѣнію, для оцѣнки древняго учрежденія нестолько нужна опредѣленность его, которая отчасти зависитъ и отъ состоянія письменности, сколько нуженъ общій взглядъ народа на свое учрежденіе. Въ этомъ отношеніи судъ присяжныхъ древніе Сербы совершенно отдѣляли отъ суда царскаго,—стало-быть, смотрѣли на него какъ на особое самостоятельное учрежденіе, а этого и достаточно было для того времени.

Кромѣ статьи Палацкаго, г. Утинъ читалъ Винодольскій законъ или уставъ, на который, по поводу суда присяжныхъ, указалъ еще переводчикъ статьи Палацкаго въ примѣчаніи къ этой послѣдней. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ г. Утина, что въ Винодольскомъ законѣ судъ присяжныхъ выступаетъ довольно туманно; но дѣло въ томъ, что послѣ Винодольскаго закона, явившагося въ нашей литературѣ 14 лѣтъ тому назадъ, издано нѣсколько уставовъ далматскихъ общинъ, внутреннее устройство которыхъ весьма близко подходитъ къ устройству винодольской общины. Они напечатаны въ «Архивѣ южнославянской исторіи», издаваемомъ повременно съ 1851 года въ Загребѣ (Аграмѣ) тамошнимъ обществомъ исторіи и древностей южнославянскихъ, подъ распоряженіемъ предсѣдателя Кукулевича (нынѣ начальника комитета). Одинъ уставъ, именно острова Млѣта (Миледа), помѣщенъ въ 3-й книжкѣ «Дубровника». Кромѣ того, опять въ 1846 году, тоже 14 лѣтъ тому назадъ, Рейцъ въ «Историческомъ Сборникѣ» Валуева помѣстилъ изслѣдованіе о политическомъ устройствѣ прибрежныхъ далматскихъ общинъ, составленное по письменнымъ источникамъ, т. е. общиннымъ уставамъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ я сказалъ, были впослѣдствіи изданы. Нельзя не признать, что всѣ эти уставы, какъ и законъ Винодольскій, хотя въ разное время переданные письму, имѣютъ въ себѣ много общаго въ главныхъ чертахъ и взаимно другъ-друга дополняютъ и поясняютъ. Разсматриваемый въ связи съ ними, винодольскій законъ получаетъ болѣе ясности. Наконецъ въ томъ же загребскомъ «Архивѣ», за 1859 годъ, напечатанъ уставъ Полицы, общины, сосѣдней Винодолу и другимъ прибрежнымъ общинамъ. Здѣсь г. Утинъ могъ бы найти прямое и ясное свидѣтельство о судѣ присяжныхъ.

Независимо отъ постановленій, въ которыхъ говорится о судѣ присяжныхъ въ законодательномъ смыслѣ или въ смыслѣ существующаго обычнаго права, изслѣдователь можетъ найти въ другихъ источникахъ и частные случаи, къ которымъ примѣняется на дѣлѣ это учрежденіе. Такимъ образомъ у него подъ рукою и законодательство съ обычнымъ правомъ и судебная практика. Я разумѣю сербскія грамоты. Часть ихъ издана на иждивеніе князя Ефрема Обреновича Карано-Твартковичемъ, въ Бѣлградѣ, въ 1840 году; другая часть издана княземъ Медо-Пуцичемъ (Орсато-Почичемъ), въ 1858 году, тамъ же. То и другое изданіе озаглавлено такъ: «Сербскіе Споменики». Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщены грамоты Дубровника, Босны, Травуніи и Хлума (что нынѣ Герцеговина) и собственной или восточной Сербіи съ 1189 по 1502-й годъ. Во второмъ помѣщены грамоты, посланныя отъ Дубровника къ разнымъ лицамъ въ сосѣднія сербскія области, начиная съ 1395 по 1483 годъ.

Конечно, я не вправѣ требовать отъ статьи, посвященной историческому развитію суда присяжныхъ въ Англіи, подробнаго изслѣдованія о судѣ присяжныхъ у Славянъ; тѣмъ не менѣе можно думать, что рѣшительный приговоръ, произнесенный г. Утинымъ объ этомъ учрежденіи, долженъ стоять въ уровень съ современными результатами науки, подкрѣпляемой открытыми и изданными до настоящей минуты источниками. Правда, наука славянская еще не разработала какъ должно этихъ источниковъ, и ученый, не исключительно Славянистъ, не могъ воспользоваться готовыми выводами; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ произнести и положительнаго приговора. Потому г. Утину предстояло одно изъ двухъ: или оговориться въ незнакомствѣ съ современными открытіями и изслѣдованіями, или познакомиться короче съ учеными трудами, а за недостаточностію ихъ съ самыми источниками. Такъ какъ, изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, у однихъ Сербовъ судъ присяжныхъ выступаетъ такъ осязательно ясно, въ такихъ широкихъ размѣрахъ, — разумѣется, насколько можно требовать того отъ XIII и XIV столѣтій, — то, говоря о Славянахъ, я разумѣю Сербовъ. Дѣйствительно, г. Утинъ упоминаетъ только о сербскихъ и русскихъ Славянахъ. Но такъ какъ онъ избралъ послѣднее:—произнесъ приговоръ и указалъ на источники, то я позволилъ себѣ замѣтить, что ему незнакома большая часть источниковъ и сочиненій, указывающихъ на существованіе суда присяжныхъ у древнихъ Сербовъ; что онъ, воспользовавшись только двумя пособіями, изданными

за 14 лѣтъ прежде, упустилъ изъ виду все то, что появилось въ промежутокъ между статьею Палацкаго и его статьею въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 года. Напрасно сталъ бы думать г. Утинъ, что настоящія мои замѣчанія сдѣланы въ ущербъ достоинству его статьи: напротивъ, я иду къ одной цѣли съ нимъ и желаю только восполнить пробѣлъ и исправить неточность въ его слишкомъ скороспѣломъ приговорѣ...

II.

Было бы странно требовать какой-либо опредѣленности и устойчивости отъ судебнаго учрежденія отдаленныхъ вѣковъ. Судъ присяжныхъ, о которомъ я говорю, восходитъ къ тѣмъ временамъ, когда судебная расправа считалась нетолько удовлетвореніемъ чувству правды, но вмѣстѣ и выгодною статьею для доходовъ верховной власти. Безспорно, такой взглядъ правительства былъ неблагопріятенъ для развитія независимаго судебнаго учрежденія въ строгомъ соотвѣтствіи съ мыслію права и правды. И дѣйствительно, совершенствованіе этого учрежденія становится замѣтнѣе съ той поры, какъ суды утратили значеніе княжескаго фиска. Въ Англіи это послѣдовало съ изданія Великой Хартіи. Съ другой стороны, усиленіе личной власти, въ ущербъ правамъ народа, стѣсняло такое развитіе судебнаго устройства, которое вело суды къ обособленію отъ сосредоточивающей и подчиняющей власти. Только въ одной Англіи, при благопріятномъ стеченіи условій, какъ со стороны значенія королевской власти, такъ и со стороны обычнаго права и народнаго вліянія, сама власть установила первое основаніе свободному судебному учрежденію, воспользовавшись существовавшими дотолѣ присяжными свидѣтелями. При старинной неопредѣленности судебныхъ разбирательствъ, вслѣдствіе первобытной простоты общежитія и неразвитости гражданскихъ понятій, при враждебномъ дѣйствіи возстающаго личнаго начала, если признаки суда присяжныхъ обнаруживаются довольно ясно, то это надо отнести къ необыкновенной народной силѣ, которая хотя безсознательно, но упорно отстаиваетъ свои представленія о власти и судѣ.

Первые элементы суда присяжныхъ восходятъ ко временамъ народной естественной самодѣятельности, когда общество чутьемъ угадывало удобнѣйшее и простѣйшее выраженіе для удовлетворенія своихъ

нуждъ. Разумѣется, выраженіе это было такъ-же безъискуственно, какъ и самое побужденіе къ нему. Въ Англіи въ послѣдней четверти XII столѣтія внезапно являются ассизы Генриха II — первый зародышъ суда присяжныхъ. Почва была отчасти подготовлена для нихъ обычаемъ отбирать показанія отъ землевладѣльцевъ и на нихъ утверждать постановленіе. Много также способствовалъ къ тому положительный взглядъ народа, начинавшаго отказываться отъ суда божія и поединковъ. Вмѣсто этихъ послѣднихъ, первоначально въ дѣлахъ гражданскихъ, дозволено было прибѣгать къ дознанію чрезъ единогласное показаніе двѣнадцати лучшихъ людей, которые подъ присягою свидѣтельствовали передъ разъѣзжими судьями. Но это распоряженіе королевской власти, безъ сомнѣнія, вызванное требованіями народа, все-таки явилось внезапно, нововведеніемъ и притомъ правильно устроеннымъ, такъ что между нимъ и предыдущими судебными обычаями нельзя найти постепеннаго перехода. Это заставляетъ изслѣдователей предполагать, что ассизы не вытекли изъ туземной, народной жизни, но были готовымъ заимствованіемъ. Откуда-же? Самый правдоподобный отвѣтъ: изъ Скандинавіи, гдѣ еще ранѣе этого существовалъ обычай доказывать и очищать даже въ низшихъ судахъ чрезъ присягу двѣнадцати рыцарей или достовѣрныхъ людей. Очень можетъ быть, что Норманны передали этотъ обычай Англіи; но тѣмъ не менѣе если онъ пришелся по народу, то это значитъ, что жизнь народная была расположена къ принятію его. Вѣроятно, подъ вліяніемъ близкой Скандинавіи и у насъ въ древней Россіи введенъ былъ обычай употреблять въ судебныхъ доказательствахъ присягу двѣнадцати лучшихъ людей. Слѣдъ остался въ Ярославовой Правдѣ. И такъ первый основный элементъ суда присяжныхъ на сѣверѣ гнѣздится въ Скандинавіи, а впослѣдствіи прививается и счастливо ростетъ въ Англіи, между тѣмъ какъ въ древней Россіи онъ гибнетъ подъ властію князей и ихъ дружинниковъ. Неразрѣшимый вопросъ состоитъ въ томъ, какъ попалъ этотъ слѣдъ въ Русскую Правду: былъ ли онъ занесенъ князьями-пришельцами, или существовалъ до нихъ у Славянъ? Впрочемъ, обычай рѣшать споры на основаніи показанія достовѣрныхъ лицъ, преимущественно равной спорящимъ, есть коренной славянскій и встрѣчается въ обычномъ правѣ чѣмъ-то исконнымъ, стародавнимъ.

Почти одновременно съ сѣверомъ Европы, видимъ на югѣ ея, у Сербовъ, тоже зародышъ суда присяжныхъ. Въ половинѣ XIII столѣ-

тія Урошъ I, сербскій король, упоминая о присяжныхъ судьяхъ, ссылается на законъ своего отца, Стефана Первовѣнчаннаго, царствовавшаго въ первой четверти XIII вѣка. Но слово законъ въ то время значило то же, что обычное право; притомъ извѣстно, что ни Урошъ, ни отецъ его не были нововводителями, да и невозможно предполагать это, зная, какъ твердо Сербы держались своихъ первобытныхъ обычаевъ, нетолько въ это время, но и позже, и какъ недоступенъ былъ ихъ домашній бытъ постороннему вліянію. Если невозможно предполагать здѣсь дѣйствія византійскихъ уставовъ, то тѣмъ менѣе можно допустить дѣйствіе норманнскихъ обычаевъ. Правда, мы знаемъ, что еще великій жупанъ Стефанъ Неманя, въ концѣ XII столѣтія, завязалъ сношенія съ императоромъ нѣмецкимъ Фридрихомъ I по случаю перехода крестоносцевъ черезъ сербскія земли въ окрестностяхъ города Ниша; но эти сношенія пронеслись мимолетомъ и даже въ самихъ болѣе образованныхъ Нѣмцахъ не оставили правильнаго понятія о Сербіи; тѣмъ менѣе могли они подѣйствовать на внутреннюю жизнь сербскаго народа. Единственнымъ посредникомъ между Сербіею и заморскимъ вліяніемъ могъ бы быть Дубровникъ, но и онъ усвоилъ этотъ обычай только для тѣхъ изъ купцовъ своихъ, которые находились въ сербской землѣ и тягались съ Сербами:—слѣдовательно здѣсь могло быть только обратное воздѣйствіе. Сверхъ того, самые зародыши суда присяжныхъ у Норманновъ и Сербовъ не сходны между собою: тамъ онъ возникаетъ изъ двѣнадцати лицъ, долго еще сохранявшихъ свой свидѣтельскій характеръ; здѣсь онъ возникъ изъ суда посредниковъ; достовѣрные люди, избиравшіеся первоначально въ числѣ двухъ, приносили присягу въ справедливости своего рѣшенія. Исполненіе или примѣненіе приговора къ закону не входило въ ихъ обязанность. И такъ вотъ новое мѣсторожденіе суда присяжныхъ—и на этотъ разъ на юговостокѣ Европы, у народа славянскаго племени.

Для дѣловаго, современнаго человѣка, занятаго жизненными вопросами, конечно настоящее важнѣе, чѣмъ прошедшее; ему нуженъ итогъ, цвѣтъ развитія, нужно выработанное и готовое выраженіе. Для историка равно важно и настоящее и прошедшее. Не будемъ же придираться къ степени совершенства и опредѣленности, а лучше съ одинаковымъ уваженіемъ и одинаковою любовью займемся изслѣдованіемъ образовательныхъ началъ и зародыша, безъ которыхъ не было бы и позднѣйшаго цвѣта. Пожалѣемъ, что буря, разразившаяся надъ Сербіею въ XIV и окончательно въ XV столѣтіи, сломила уже довольно

развившееся дерево, и по уцѣлѣвшимъ обломкамъ убѣдимся, что судъ присяжныхъ у Сербовъ нетолько не уступалъ въ развитіи современному суду присяжныхъ въ Англіи, но и былъ, какъ у Норманновъ, явленіемъ самобытнымъ, со всѣми признаками народнаго участія и воззрѣнія.

Съ незапамятныхъ временъ Сербы обитали подъ Карпатами въ сосѣдствѣ съ Хорватами, ближайшими къ нимъ по языку и обычаямъ. Оттуда въ VI столѣтіи они тронулись на югъ, и въ половинѣ VII ихъ постоянныя жилища уже распространяются въ сѣверной части Ѳракійскаго полуострова. Восточную половину этого полуострова отъ окрестности рѣки Моравы до береговъ Чернаго моря занимали Болгары; западную же заняли Сербы. Все побережье Синяго или Ядрянскаго (Адріатическаго) моря, отъ рѣки Бояны за рѣку Нерєтву покрыто было ихъ сельбищами, образовавшимися впослѣдствіи въ полунезависимыя и самостоятельныя общины. За рѣками Неретвой и Цетиной начинались поселенія Хорватовъ; они наполняли собою острова, побережье и сѣверозападный уголъ полуострова за рѣки Купу, Саву и далѣе. Императоръ Константинъ Багрянородный, составлявшій свои записки въ половинѣ X вѣка, упоминаетъ о жупахъ или областяхъ, на которыя дѣлилось сербо-хорватское населеніе полуострова. Главный хребетъ горъ, идущій въ этомъ мѣстѣ съ сѣвера на югъ и потомъ развѣтвляющійся на югъ и востокъ, дѣлилъ сербскія области на два отдѣла. На востокъ лежали: собственно такъ называемая Сербія, нынѣ независимое Сербское княжество и Босна; на западъ, тотчасъ за хребтомъ: Хлумъ или Захолмія, нынѣ Герцеговина, Травунія, и въ побережьи на сѣверъ отъ Дубровника—Неретва (Наронта); все это составляетъ нынѣ часть Австрійской Далмаціи. Наконецъ на югъ отъ Котора до Скадра (Скутари) и Бара (Антивари) лежала Дукля (Діоклея), впослѣдствіи Зета, сѣверная или гористая часть которой называется теперь Черногоріею, а южная, равнинная, присоединена къ Турецкой Албаніи. Такъ какъ здѣсь находилось мѣсторожденіе суда присяжныхъ, то я позвою себѣ сказать нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ.

Начиная около рѣки Цетыни къ югу вдоль морскаго берега тянулись жилища Наречанъ; а отъ средоземья примыкала къ нимъ Хлумская жупа Думно или Дувно (Dalen), извѣстная нынѣ равнина въ Герцеговинѣ. Около перешейка Стона сходились владѣнія Наречанъ и Хлумцевъ съ округомъ Дубровника. Приморскіе Наречане славились

по всему Синему морю какъ искусные мореходы и предпріимчивые купцы. Флотъ ихъ процвѣталъ въ IX и X столѣтіяхъ. Часто смѣняли они торговлю на промыселъ разбойничій и пустошили сосѣдніе берега и острова. Не разъ выдерживали они морскіе бои съ Венеціянами. Византійскіе императоры только на словахъ считались ихъ верховными владыками и постоянно называли ихъ Паганами за упорство въ язычествѣ. Разъ какъ-то сербскій великій жупанъ покорилъ ихъ своей власти, но не надолго, и Наречане почти все время пользовались полною независимостію, пока наконецъ желѣзная рука Венеціянъ не сокрушила навсегда ихъ могущества въ XI столѣтіи.

Въ томъ же углу, гдѣ соприкасались земли Наречанъ и Дубровницкой общины, сходились и земли Травуніи и Хлума, на сѣверной границѣ Зеты. До половины XII вѣка всѣ три области, Травунія, Хлумъ и Зета, имѣли у себя своихъ полунезависимыхъ владѣтелей. По временамъ жупаны или князья ихъ ссорились и мирились между собою, спорили и роднились съ великими жупанами всей сербской земли и достигали полной независимости отъ нихъ. Надъ всей сербской землей, т. е. со включеніемъ сюда Босны и собственной Сербіи, господствовали большею частію Греки, а иногда и Болгары; за Сербію усобились эти двѣ державы, присвоивая себѣ верховную надъ нею власть. Въ самой же Сербіи управляли великіе жупаны, частію наслѣдственные, частію перерываемые греческими намѣстниками или самими царями болгарскими. Недостаточность свѣдѣній о судьбѣ и разномѣстность происхожденія и пребыванія великихъ жупановъ, также нашествіе Грековъ и Болгаръ есть признакъ броженія власти и скудости взаимной областной связи. О Неретвѣ можно было лучше узнать чрезъ посредство моря, и ея независимость можетъ отчасти служить мѣркою и для другихъ областей. Впослѣдствіи дѣйствительно видимъ Босну, Травунію и Хлумъ полунезависимыми областями, а потомъ и Зета пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе. Несомнѣнно то, что во всѣхъ сербскихъ областяхъ постоянно жилъ духъ особенности или политической независимости. Въ IX столѣтіи Сербы приняли христіанство. Со второй половины XII вѣка высоко поднялась надъ всѣми областями область Сербская въ соединеніи съ Зетою. Здѣсь Расскій жупанъ Стефанъ Неманя съ помощію Грековъ, взошелъ на великожупанскій престолъ. Отстранивъ старшихъ братьевъ, счастливо покончивъ усобицы, сбросивъ верховную власть Византіи, притянувъ къ себѣ прочія области, кромѣ Босны, уже отошедшей къ Венгріи или Угріи, завоевавъ нѣ-

сколько греческихъ городовъ, Немaня явился первымъ сербскимъ государемъ и справедливо названъ собирателемъ сербской земли. Сынъ его, Стефанъ, уже вѣнчался королемъ и названъ Первовѣнчаннымъ. Съ этого времени Зета, какъ гнѣздо Неманичей, какъ частный удѣлъ ихъ, постоянно оставалась за Сербскимъ королевствомъ. Зато Хлумъ, имѣвшій у себя двухъ-трехъ полунезависимыхъ князей, потомковъ боковой вѣтви рода Немани, и Травунія отошли къ Босенскому банству и вмѣстѣ съ нимъ подчинились верховной власти Угріи, удерживая за собою внутреннюю самостоятельность. Умный, ловкій и сильный король Милутинъ, внукъ Первовѣнчаннаго, царствовавшій въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтій, поднялъ могущество Сербіи счастливыми войнами съ Греціею, Болгаріею и Угріею. Часть Босны принадлежала ему. При каждомъ новомъ воцареніи, въ Сербіи возникали усобицы, поддерживаемыя сильнымъ туземнымъ боярствомъ. Родовое начало боролось съ личнымъ. Изъ-за личнаго начала проглядывало начало государственное, ведшее Сербію, по закону исторической необходимости, къ неограниченному самодержавію.

При внукѣ Милутина, Стефанѣ Душанѣ Сильномъ, окончательно восторжествовало государственное начало. Покончивъ блестящія войны съ Греціею, Угріею и Болгаріею, сдѣлавъ богатыя завоеванія у Византійской имперіи, овладѣвъ Босною съ Хлумомъ и Травуніею, Душанъ принялъ званіе царя Сербовъ, Грековъ, Болгаръ и западныхъ странъ. Его дворъ устроенъ былъ по образцу императорскаго византійскаго, съ разными чинами и должностями; царство его раздѣлено было на области, и въ каждой области поставлены были намѣстники. Сынъ его, Урошъ, для восполненія іерархической лѣствицы, получилъ титулъ «короля.» Все это было подражаніемъ Византіи. Душанъ пошелъ дальше: онъ захотѣлъ и въ церковныхъ дѣлахъ поставить Сербію наравнѣ съ имперіею, подобно тому, какъ въ мірскихъ она первенствовала на всемъ полуостровѣ. Потому онъ отдѣлилъ сербскую церковь отъ константинопольской и поставилъ у себя своего патріарха. Наконецъ изданъ былъ Законникъ. Душанъ первый изъ всѣхъ европейскихъ властителей уже мечталъ объ изгнаніи Турокъ, успѣвшихъ перейти изъ Азіи на материкъ Европы; смерть застигла его среди похода, предпринятаго съ этою цѣлью. При немъ Сербія сдѣлалась вліятельнымъ членомъ въ политическомъ составѣ юговосточной Европы. Болгарія и Греція оказались слабѣе ея; Угрія стояла на одной съ нею степени значенія, не могши отстоять Босну; и папа, могу-

щественный представитель тогдашней Италіи, какъ ни домогался введенія римско-католической вѣры, постоянно встрѣчалъ открытое пренебреженіе или насмѣшку со стороны Сербіи и безмолвно смотрѣлъ, какъ Душанъ въ завоеванныхъ областяхъ вводилъ православіе среди католическаго населенія. Съ его времени сербское боярство утратило свое значеніе осѣдлаго, сомкнутаго и сильнаго сословія: оно распалось на служилыхъ людей, съ разрозненными личными стремленіями, людей, которые готовы были жертвовать жизнью и независимостію народа изъ-за собственныхъ выгодъ, которыхъ искали уже не въ народѣ и не съ народомъ. Здѣсь сейчасъ виденъ новый поворотъ, въ который вступила Сербія при Душанѣ. Развращенное подъ вліяніемъ государственнаго и гражданскаго разврата Византіи, боярство скоро привело Сербское царство къ распаденію. Правительство ослабло; бояре перессорились между собою; гибельный примѣръ показанъ былъ цареубійцею Вукашиномъ, и воцарившійся за королемъ Вукашиномъ князь Лазарь не могъ уже отстоять независимость Сербіи отъ Турокъ на Косовомъ полѣ (1389). Сербія подпала подъ верховную власть Турціи и вмѣсто царей на престолѣ своемъ увидала деспотовъ, утверждаемыхъ въ этомъ званіи Блистательною Портою. Всматриваясь въ государственное развитіе Сербіи, мы видимъ, что оно началось еще съ Немани, но окончательно остановилось при Душанѣ на необходимомъ поворотѣ, въ которомъ зачинъ, дѣятельность и власть принадлежатъ высшему проявленію личнаго начала. Безъ сомнѣнія, поворотъ этотъ не былъ для нея послѣднимъ, хотя и надолго поплатилась она за преждевременныя преобразованія Душановы. Личное начало того времени скоро оказалось въ древней Сербіи порчею, вслѣдъ за которою налетѣла турецкая гроза. Боярство, если можно такъ назвать распавшееся и выродившееся сословіе, измѣнило странѣ и отуречилось. Только впродолженіи вѣковъ, народъ, нетронутый въ самой здоровой средѣ своей, гдѣ не было мѣста дряхлымъ боярамъ, но гдѣ живо билось чувство независимости, успѣлъ выработать, подъ тяжелымъ игомъ грубой силы, сознаніе своей народности и добиться почти совершенной независимости. Обстоятельства развили въ Сербахъ преимущественно государственный смыслъ, такъ что они, далеко отставши отъ насъ въ наукахъ, общественномъ образованіи и удобствахъ житейскихъ, въ то же время далеко опередили насъ своимъ управленіемъ, свободою мысли и слова. Отъ Немани до Душана, Сербія, при всей быстротѣ развитія,

постоянно сохраняла самобытное жизненное воззрѣніе. Въ ея внутреннемъ бытѣ дѣйствовала лишь живая народная сила. Потому на законодательство собственной Сербіи должно смотрѣть, какъ на выраженіе самороднаго славянскаго духа. Въ этомъ законодательствѣ поражаетъ насъ ясная мысль человѣчности. Дѣленіе и права сословныя, преимущественно права низшаго класса, угнетеннаго современною феодальною Европою, мѣры земской охраны, судоустройство и понятіе о цѣли и способѣ наказанія обличаютъ довольно зрѣлый гражданскій смыслъ и идутъ объ-руку съ простотою нравовъ и непосредственнымъ проявленіемъ свободнаго и разумнаго чувства правды. Крѣпостное право ограничивалось самымъ незначительнымъ разрядомъ населенія, представляя собою не болѣе, какъ частный случай. Хорошо развитое земское законодательство занимается преимущественно земельной собственностью, опредѣленіемъ государственныхъ повинностей, управленіемъ областей и городовъ, защитой населенія отъ враговъ, пограничнымъ правомъ и установленіемъ законныхъ отношеній земледѣльца къ собственнику. Количество труда поселянина въ пользу господина опредѣлено въ точности. Государственные и частные подданные пользуются личною свободою подъ защитою закона. Неропхамъ или свободнымъ сельскимъ обывателямъ дано право судиться нетолько съ своимъ господиномъ, но и съ самимъ царемъ и его родичами; за ними обезпечено право свободнаго перехода. Вообще уваженіе правъ личныхъ и имущественныхъ, правъ человѣка и гражданина, составляетъ самую свѣтлую сторону средневѣковой Сербіи.

Зета во все время независимости собственной Сербіи оставалась въ неразрывной съ нею связи, составляя гнѣздо Неманичей. Народное направленіе и могущественное туземное боярство придавали ей особую силу. Связанная съ остальною землею единствомъ вѣры и власти, она была первенствующимъ угломъ восточной Сербіи. Она поддерживала королевскія усобицы; она помогла сыну Милутина, Стефану Дечанскому и Душану взойти на престолъ; она же помѣшала слянію Сербіи съ Греціею и водворенію греческаго рода на престолѣ Неманичей. Составляя самый высокій нагорный уголъ, она естественно господствовала надъ долиною Дрины и Моравы, Вардара и Струмы. Здѣсь, среди горъ, лежитъ рядъ королевскихъ и архіепископскихъ столицъ. Между тѣмъ какъ Босна, сама по себѣ гористая на югѣ и отдѣленная хребтами отъ прочихъ областей, спускалась въ Насавскую равнину и подчинялась вліянію Угріи; между тѣмъ какъ приморскія

земли должны были испытывать влiянiе противуположнаго берега, Зета, въ которой преобладала сплошная гористая мѣстность, носила въ себѣ всѣ средоземныя свойства, привязывавшiя ее къ областной Сербiи. Оттого, когда прочiя области отпали отъ Сербiи, она пребывала съ нею неразлучно. Когда при Душанѣ столица перенесена была въ Средецъ (Софiю), тогда Зета, подъ дѣйствiемъ государственной силы, утратила свое первенствующее особное значенiе. Но когда въ Сербской державѣ оказались признаки государственной порчи, когда держава эта, теряя самостоятельность, обремененная завоеванiями, потрясенная разъединяющею силою личныхъ стремленiй, стала клониться къ паденiю, тогда Зета совсѣмъ отпала отъ Сербiи и положила себѣ задачею защищать народность и независимость. Зета всегда отличалась привязанностiю къ старинѣ и поддерживала между Неманичами родовые счеты. Въ ней, послѣ Косовской битвы, Балша основываетъ цѣлый рядъ независимыхъ правителей, который потомъ смѣняется рядомъ таковыхъ же правителей изъ дому Черноевичей, далѣе рядомъ митрополитовъ и наконецъ начинающимся въ наше время рядомъ князей. Прирожденное, естественное воззрѣнiе Славянъ предпочитало наслѣдственныхъ правителей выборнымъ, хотя Славяне не могли и при наслѣдственности отказаться отъ другаго своего воззрѣнiя, равносильнаго первому, — права народнаго избранiя. При Черноевичахъ, Турки завладѣли всею приморскою южною частiю Зеты, и потому независимые роды или Кути (дома) удалились въ гористую ея часть или нынѣшнюю Черногорiю. Здѣсь, среди горъ, какъ въ природной крѣпости, несмотря на то, что Турки не разъ проходили ее съ огнемъ и мечомъ вдоль и поперегъ, они успѣли сохранить за собою полную независимость. У нихъ доселѣ ведется родовой бытъ съ древнѣйшими своими свойствами, хотя владыки и князья старались и стараются замѣнить его гражданственностiю. Къ тому же клонятъ и иностранные консулы. Но при такомъ прiятномъ сосѣдствѣ, каково турецкое, при ежедневныхъ возмутительныхъ явленiяхъ насильственнаго ига и самовластнаго произвола, лежащихъ на всей окрестной странѣ, гражданственность не можетъ, во-первыхъ, привиться къ Черногорцамъ; во-вторыхъ, — вознаградить всѣ безъ исключенiя выгоды ихъ настоящаго положенiя. Гражданственность и мирные договоры свяжутъ Черногорцевъ и отнимутъ единственную опору у сосѣднихъ Славянъ, единственный страхъ у Порты. Гражданственность и дипломатiя возможны для Черногорiи

только подъ условіемъ совершеннаго перерожденія Турецкой имперіи.

Что касается до Босны, то она постоянно оставалась подъ верховною властію Угріи, получая отъ нея бановъ, или избирая своихъ королей. Части ея, Травунія и Хлумъ, пользовались свободою внутренняго самоуправленія. Въ нихъ, среди вѣчныхъ смутъ, укоренилось сильное туземное боярство, изъ котораго вышли въ XV вѣкѣ владѣтельные роды. Одинъ родъ господствовалъ въ Травуніи, другой въ Хлумѣ. Недостатокъ въ опредѣленіи власти, переходъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, неимѣніе законныхъ властей изъ туземнаго рода и выработанной народомъ мысли о прочныхъ основахъ народовластія, тройственность вѣроисповѣданія, все это поддерживало въ Боснѣ броженіе и слабость внутреннихъ началъ. Въ ней сильно дѣйствовало исконное у Славянъ стремленіе къ особности. Оттого мы видимъ, что съ паденіемъ Сербіи, когда съ одной стороны пала сила, соперничествовавшая съ Угріею, а съ другой Угрія постоянно занята была своими собственными дѣлами, Босна, стоявшая дотолѣ между двухъ огней, устремилась къ полной независимости. Ея баны обратились въ королей; но все-таки верховная власть Угріи не отстранилась; Босна не окрѣпла, и при первомъ нашествіи Турокъ склонилась подъ ихъ мечомъ, какъ легкая добыча, почти безъ всякаго сопротивленія. Внутреннюю слабость Босны условливало еще то обстоятельство, что мысль государственная, смѣнившая первоначальное народное самоуправленіе и связанная съ родовымъ бытомъ, не могла отрѣшиться отъ послѣдняго и найти себѣ опору въ силѣ закона. Баны смѣнялись одинъ за другимъ; нѣсколько сильныхъ бояръ владѣли одновременно разными частями Босны; здѣсь были владѣнія и сербскихъ и угорскихъ королей и хорватскихъ родовъ. Королевскій престолъ зависѣлъ отъ содѣйствія бояръ; на него восходили незаконные сыновья незаконныхъ сыновей — и восходили единственно при помощи происковъ, сторонничества и усобицъ. Самое вѣроисповѣданіе носило въ себѣ зерно разъединенія: православіе и патаренская ересь (видъ богумильской) были равносильны; къ нимъ значительно примѣшивался и римскій католицизмъ съ латинскимъ духовенствомъ. Наконецъ важнѣйшія области, Травунія и Хлумъ, постоянно обнаруживали склонность къ отпаденію. И дѣйствительно, Хлумъ, съ своимъ родомъ Косачи, скоро сдѣлался независимымъ герцогствомъ. Одинъ изъ Косачичей принялъ званіе

герцога нѣмецкой имперіи, блюстителя гроба св. Саввы, отчего и вся область назвалась воеводствомъ св. Саввы или Герцеговиною. Но и это не спасло Хлумъ отъ ига турецкаго. Боярство и здѣсь, какъ и во всей Боснѣ, измѣнило интересамъ страны; часть его гонялась за личными выгодами, часть отуречилась—и вслѣдъ за Босною пало и воеводство Хлумское. Босна съ областями не выработала государственнаго принципа; въ ней было лишь упрямое смѣшеніе первоначальнаго народнаго быта съ гражданскими понятіями. Собственная Сербія выработала его лучше; но Душанъ преждевременно ускорилъ его развитіе. Двѣ противуположныя крайности сгубили ту и другую. Неподвижно, однообразно протекала внутренняя или бытовая жизнь Босны. И эта старожитность даетъ изслѣдователю право разсматривать всѣ эти области вмѣстѣ съ собственной Сербіею какъ одно цѣлое, когда дѣло идетъ объ изученіи внутренняго быта древнесербскаго населенія.

До насъ дошло извѣстіе о простотѣ нравовъ и быта древней Сербіи XIII вѣка. Простоту эту раздѣлялъ и дворъ королевскій. Византійскій лѣтописецъ сообщаетъ любопытный разсказъ о посольствѣ, бывшемъ къ королю Урошу I. Умный старикъ Урошъ, желая покончить распрю съ Византіею, отправилъ къ императору Михаилу Палеологу гонца съ предложеніемъ выдать императорскую дочь Анну за меньшаго сына его, Милутина, который, за болѣзнію старшаго своего брата, Драгутина, сломавшаго себѣ ногу, предназначался наслѣдникомъ сербскаго престола. Обрадованный Михаилъ немедленно сообщилъ объ этомъ своей супругѣ. Мать великолѣпно снарядила свою дочь и отправила въ Сербію. Для большей пышности самъ патріархъ поѣхалъ провожать невѣсту. Родительская любовь отдала дочь на его попеченія во время дальняго и труднаго путешествія. Въ нѣжныхъ заботахъ о дочери, императрица поручила патріарху послать изъ города Берреи впередъ себя въ Сербію одного сановника и епископа для освѣдомленія съ тамошними нравами и обычаями, земскимъ управленіемъ и королевскимъ дворомъ. Императрицѣ хотѣлось знать, можетъ ли ея дочь такъ же великолѣпно быть принята при дворѣ жениха, какъ снаряжена была въ дому родительскомъ. Прибывъ къ Урошу впередъ, посланные были поражены необыкновенною простотою и умѣренностію, которыя царили повсюду. Дворъ королевскій похожъ былъ на домъ какого нибудь императорскаго чиновника средней руки. Съ своей стороны, король и окружающіе дивились роскоши и вѣжливости обхожденія Грековъ, многочисленности свиты и обилію дорожныхъ

припасовъ. «Къ чему все это?»—спрашивалъ старый Урошъ. Когда же ему отвѣтили, что это только передовая часть поѣзда, тогда онъ сказалъ: «намъ такихъ изящныхъ и безполезныхъ вещей не нужно. Пойдемте, я вамъ покажу свою сноху» (жену Драгутина, угорскую принцессу) и онъ привелъ Грековъ въ свѣтлицу Катерины, которая въ это время, сидя за прялкою, въ простомъ домашнемъ нарядѣ, занималась шерстяною пряжею. «Вотъ какъ проводятъ время наши жены»—замѣтилъ король. При дворѣ и въ палатахъ королевскихъ не видно было ни малѣйшей роскоши, ни даже щегольства. На другой день дворъ отправлялся на охоту. Толпа охотниковъ не соблюдала ни порядку, ни чиновъ. Гдѣ случилось, тамъ и обѣдали; особыхъ яствъ не готовилось: что Богъ послалъ, то и ѣли. И такъ все дѣлалось и жилось за-просто. Извѣстіе это показалось патріарху не слишкомъ утѣшительнымъ; однако онъ продолжалъ путь до Охриды и отсюда извѣстилъ короля о своемъ приближеніи, прося въ пограничномъ городѣ Пологѣ устроить пріемъ для невѣсты. Въ Липляны прибыло посольство отъ Уроша. Дорогою оно было ограблено разбойниками, что не мало удивило Грековъ и дало имъ невыгодное понятіе о земскихъ порядкахъ. Между тѣмъ Драгутинъ предъявилъ отцу свои требованія на наслѣдованіе престола: потому посланный отъ короля уже ничего не упоминалъ о престолѣ, а предложилъ новое условіе наградить будущую чету порядочнымъ кусочкомъ императорскихъ земель. Въ то же время окрестные жители завистливо смотрѣли на обозъ патріаршій, и ходили слухи, что устроивалась засада. Дѣйствительно, ночью пропало у Грековъ нѣсколько лошадей. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Законникъ Душановъ много говоритъ о ворахъ и разбойникахъ. Несмотря на представленія патріарха, сербскія должностныя лица не могли отыскать воровъ, а вознаградили Грековъ нѣсколькими клячами. Переговоры были прерваны и поѣздъ отправился назадъ подъ прикрытіемъ сербской стражи. По этому извѣстію лѣтописца можно судить о замкнутости, простотѣ и своеобразіи быта древней Сербіи. Между тѣмъ тотъ же Урошъ былъ въ сношеніяхъ съ Греціею, Угріею, Дубровникомъ; а сынъ его, Милутинъ, воцарившись, еще тѣснѣе завязалъ эти сношенія частію оружіемъ, частію договорами, присоединивъ къ нимъ и сношенія съ папою. Если при всемъ томъ простота и своеобычность господствовали при королевскомъ дворѣ, то нельзя предполагать и тѣни какого бы то ни было посторонняго вліянія на народъ и его обычное право, перешедшее

потомъ въ законодательство,—народъ, который и по сю пору сохранилъ весьма рѣзкія особенности въ своемъ быту.

Расселяясь вдоль побрежья Синяго моря и по прилежащимъ островамъ, Сербы и Хорваты обошли нѣкоторые города и острова, оставили ихъ во власти старинпаго туземнаго населенія, перебравшагося частію изъ Италіи, частію изъ Греціи. Между латинскимъ и греческимъ образованіемъ не было тогда различія и населеніе это говорило однимъ объитальянившимся латинскимъ языкомъ и происхожденіе свое вело отъ Римлянъ. Оно жило независимыми общинами, по примѣру Италіи; гражданственность этихъ общинъ была развита не менѣе, какъ и въ современной Италіи. Извѣстнѣйшими между ними были: города Дубровникъ (Рагуза), Сплитръ (Спалатра), Трава (Трогаръ), Садеръ (Зари) и острова Рабъ (Арбе), Каркъ (Велья) и Озеро (Осеро). Эти общины носили названіе собственной Далмаціи. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Садеръ, Сплитъ, Дубровникъ, были какъ бы первенствующими и подъ ихъ верховною властію состояли другія мелкія общины. Такихъ общинъ, населенныхъ преимущественно славянскимъ племенемъ, было большое множество по всей прибрежной полосѣ. Славянство оказывало свое вліяніе на итальянскую стихію и обратно. Ранѣе всѣхъ началъ Дубровникъ. Уже въ X столѣтіи онъ принялъ въ себя славянское населеніе. Зато и вліяніе Италіи сильно сказалось въ правительственномъ устройствѣ славянскихъ общинъ, ихъ языкѣ и уставахъ. Сначала далмацкія общины признавали надъ собою верховную власть Византіи, потомъ хорватскіе короли присвоили себѣ господство надъ ними; наконецъ эта власть досталась Венеціи. Впрочемъ строгой постепенности въ этихъ переходахъ не было: не разъ приходилось имъ выносить тройное бремя всѣхъ трехъ державъ вмѣстѣ, потомъ двухъ послѣднихъ, пока Венеція не покорила ихъ окончательно. Въ уставахъ этихъ собственно далмацкихъ общинъ нѣтъ и слѣда суда присяжныхъ. Но онъ есть въ уставахъ Дубровника, куда занесенъ былъ подвластнымъ общинѣ сельскимъ населеніемъ славянскаго происхожденія.

Дубровникъ былъ основанъ въ VII столѣтіи переселенцами изъ Цавтата (Епидавръ, Старая Рагуза), основаннаго нѣкогда Греками, завоеваннаго Римлянами и наконецъ разрушеннаго сначала Аварами, потомъ Славянами и Сарацынами. Съ принятіемъ славянскаго населенія въ X вѣкѣ, Дубровникъ началъ мало по малу славяниться. Но сперва славянскіе роды, вступая въ властельское сословіе, т. е. въ число бла-

городныхъ, увлекались итальянскимъ образованіемъ и охотно мѣняли свои народныя прозвища на переводныя итальянскія. Потомъ все пошло наоборотъ: славянская стихія взяла верхъ; славянскій языкъ зазвучалъ на вѣчѣ, итальянскіе роды, каковы напримѣръ Гондоло, Пальма, Бобали, явились Гундуличами, Пальмотичами, Бобаличами; расцвѣла великолѣпная сербо-дубровницкая поэзія. Паденіе Сербіи отозвалось и въ Дубровникѣ. Итальянская стихія снова взяла верхъ. Съ половины XV столѣтія совѣщанія сената стали опять производиться на рагузанскомъ, т. е. испорченномъ латинскомъ языкѣ; рядъ славянскихъ поэтовъ мало по малу исчезъ; вліяніе Венеціи усилилось— а съ нимъ и вліяніе итальянской народности. Дубровникъ во время своего процвѣтанія былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ городовъ Европы; когда вся Европа говорила и писала полатыни, онъ говорилъ и писалъ на славянскомъ языкѣ; его торговля сильно оживляла Средиземное море и уступала только одной венеціанской; нѣкоторые изъ его гражданъ славились въ европейскихъ государствахъ наряду съ лучшими людьми этихъ государствъ, какъ двигатели просвѣщенія. Отъ Грековъ и Римлянъ Дубровникъ наслѣдовалъ общинное начало; съ тѣмъ вмѣстѣ начало это было и коренное славянское, съ тою только разницею, что въ Италіи и подъ вліяніемъ Италіи оно обратилось въ олигархическое правленіе, а у Славянъ оно оставалось чисто народнымъ. Такъ случилось и въ Дубровникѣ: славянскіе роды, увлекшись блестящими римскими преданіями, перешли всѣ на сторону вельможъ. Въ другихъ старыхъ общинахъ было то же самое. Такимъ образомъ двѣ столкнувшіяся народности, воспитавшія въ духѣ своемъ одинаковое начало, хотя и съ различнымъ выраженіемъ, могли только укрѣпить въ Дубровникѣ общинное устройство. Притязанія народа придавали внутреннюю политическую жизнь общинѣ, но ни то, ни другое сословіе не думало колебать самую общину. И дѣйствительно, когда окрестныя земли давно уже страдали подъ турецкимъ самовластіемъ, Дубровникъ долѣе всѣхъ сосѣднихъ общинъ отстаивалъ свою независимость. Венеція, по сходственному устройству своему, не могла дѣйствовать враждебно общинѣ: она добивалась только, и добилась, верховной власти, преобладанія надъ общинами, но не уничтожала основъ внутренней жизни. Устройство другихъ общинъ, старыхъ далматскихъ и сербо-хорватскихъ, сходно въ главныхъ чертахъ съ устройствомъ Дубровника: и потому я скажу здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ. Существенная разница между общинами состояла въ боль-

шей или меньшей степени народнаго участія въ управленіи. Общинный устрой состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: князя, совѣта и вѣча. Князь избирался вѣчемъ, частію изъ туземцевъ, частію изъ Венеціанъ. Послѣднее имѣло мѣсто при верховной власти Венеціи; но когда община находилась подъ верховною властію Угріи, а потомъ Турціи, князья выбирались изъ туземцевъ. Съ этого времени, именно въ XIV и XV вѣк. въ памятникахъ употребляется выраженіе «выборный князь»: значитъ, избраніе получило юридическую силу. Власть князя была во всемъ ограничена общинными выборными; онъ былъ только первымъ лицомъ въ общинѣ. Когда замѣчали въ немъ притязаніе на самовластіе, его изгоняли. Впослѣдствіи эти притязанія были отвращены и даже самое время управленія сокращено: вмѣсто двухъ лѣтъ постановленъ одинъ годъ, потомъ четыре мѣсяца и наконецъ одинъ мѣсяцъ. При князѣ подъ его предсѣдательствомъ состоялъ совѣтъ или малое вѣче: это была высшая исполнительная власть; она назначала второстепенныхъ чиновниковъ и рѣшала второстепенныя дѣла. Главная законодательная, судебная и правительственная власть находилась въ рукахъ большаго вѣча, состоявшаго изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ властелей. Право закона и налога, жизни и смерти, войны и мира, окончательнаго суда и рѣшенія, назначенія высшихъ должностей и избранія князя принадлежало большому вѣчу. Оно собиралось разъ въ мѣсяцъ. Изъ среды его избирались пожизненно, но съ обязанностію ежегодной присяги, около пятидесяти лучшихъ мужей, называвшихся «*упрошенными отъ вѣча*» (pregati). Они-то представляли собою большое вѣче, собирались сначала четыре, потомъ два раза въ недѣлю и совершали то, на что имѣло право большое вѣче. Это былъ цвѣтъ властелей. Упрошенные пользовались полнымъ довѣріемъ и полномочіемъ вѣча и собственно въ ихъ рукахъ была общинная власть. Полное вѣче оставило за собою только утвержденіе ихъ рѣшенія, выборъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ и право помилованія. За всѣми общественными дѣлами слѣдили три великихъ общинныхъ прокурора. Они имѣли право свободнаго veto. Они наблюдали за правильностію всѣхъ рѣшеній и судовъ и, въ случаѣ неправильности, отдавали законъ или дѣло на вторичное разсмотрѣніе. Для судебныхъ дѣлъ избирались на годъ изъ большаго вѣча по шести судей для гражданскаго и по шести судей для уголовнаго суда. Судьи при избраніи своемъ присягали единовременно. Жалоба на нихъ приносилась упрошеннымъ, которые избирали изъ себя каждый разъ опре-

дѣленное число судей, дававшихъ присягу. Судъ производился на княжескомъ дворѣ. Главныя достоинства суда были: устность, гласность и краткость. Судъ былъ совѣщательный. Въ областяхъ управляли и судили окружные князья (conti) и главари (capetani). Судей можно было отводить. Свидѣтели тоже присягали. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Славянами, Дубровничане не могли не подчиниться вліянію той человѣчности, на которой основывалось и славянское законодательство. Существенное отличіе между далматскимъ и славянскимъ правомъ заключалось въ томъ, что первое основывалось на обработанномъ, искуственномъ, гражданственномъ римскомъ правѣ; второе на простомъ, естественномъ, безъискуственномъ народномъ чувствѣ правды. Оба воззрѣнія проникнуты были человѣчностію; но каждое выражало человѣчность по-своему, иногда совершенно противуположно. Первое держалось личности, второе общности: то и другое было право съ своей точки зрѣнія. Такъ изъ взаимныхъ договоровъ видно, что Дубровничане не признавали общей поруки и всегда вставляли въ договоръ слѣдующее общее правило: за виновнаго торговца не отвѣчаютъ другіе торговцы. Конечно, со стороны виновнаго такое воззрѣніе вѣрно; но со стороны обиженнаго открывалась возможность лишиться удовлетворенія. Притомъ общая порука могла служить хорошимъ предупредительнымъ средствомъ. Зато Дубровничане охотно подчинялись суду присяжныхъ въ дѣлахъ съ Сербами. По каждой тяжбѣ избирались судьи и присягали въ томъ, что приговоръ ихъ будетъ произнесенъ безпристрастно и справедливо. Первые уставы Дубровницкіе пропали во время пожара въ 1023 году. Въ 1272 году были написаны другіе, къ нимъ присоединена, въ 1315 году, книга реформацій; въ 1358 году вышло второе дополненіе, подъ названіемъ «Зеленой книги», а въ 1462 году—третье, подъ названіемъ «Желтой книги».

Помимо собственно далматскихъ общинъ, въ сосѣдствѣ съ ними, въ побережьѣ, находилось множество другихъ поселеній, населенныхъ Сербами и Хорватами. Славяне всегда любили мелкое общинное устройство; но, кажется, нигдѣ не было такого множества общинъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, какъ въ сѣверовосточномъ побережьи Синяго моря. Этому углу славянскаго населенія отвѣчало южное побережье Варяжскаго (Балтійскаго) моря, когда здѣсь еще живы были Лютичи, Бодричи и ихъ многочисленныя отрасли, и здѣсь процвѣтали обширныя торговыя общины, каковы: Волинъ, Гданскъ (Данцигъ),

Новгородъ и др. Конечно, на образованіе тѣхъ и другихъ имѣло вліяніе море. Чѣмъ далѣе уходимъ въ глубь старины, тѣмъ отдѣльнѣе, особнѣе, выступаютъ сербскія и хорватскія области или составныя части того и другаго населенія; потому надобно предположить, что и прибрежныя общины возникли вмѣстѣ съ приходомъ Сербовъ и Хорватовъ на Ѳракійскій полуостровъ. Путаница, существующая въ древнѣйшей исторіи этихъ народовъ, неопредѣленность значенія и мѣстопребыванія верховной власти, появленіе различныхъ независимыхъ князей и жупановъ (областныхъ правителей), изъ усобицы — все это указываетъ на первоначальную особность частей населенія, которыя уже впослѣдствіи пришли въ стройный государственный составъ, обратившись въ королевства Сербское и Хорватское. Подъ вліяніемъ этого стремленія къ особности и благодаря частымъ столкновеніямъ между Хорваціею, Сербіею, Венеціею, Угріею, Греціею и Болгаріею, общины, лежавшія въ самомъ средоточіи столкновенія, незамѣтно обезпечили за собою и долѣе другихъ областей сохранили свою самостоятельность и свой особенный бытъ. Подлѣ нихъ лежали тоже самостоятельныя области Травунія и Хлумъ, обязанныя своею самостоятельностію тѣмъ же обстоятельствамъ. Не должно смѣшивать эту внутреннюю самостоятельность съ полною политическою независимостію: послѣдней не было, какъ не было ея и у далматскихъ общинъ; надъ всѣми лежала чья нибудь верховная власть: или Венеціи, или Хорваціи, передавшей ее Угріи или Сербіи; но это не мѣшало общинамъ имѣть свой внутренній бытъ, свое устройство и вести свои дѣла по собственному усмотрѣнію. Оттого приличнѣе всего эту самостоятельность назвать полунезависимостію. Въ областяхъ и областныхъ общинахъ были свои владѣтельные роды. Таковы: въ Винодолѣ — Франкопаны, въ Травуніи—Яблоновичи, въ Хлумѣ—Храничи. Въ городскихъ и островныхъ общинахъ было свое устройство, болѣе или менѣе похожее на Дубровницкое. Въ землицахъ съ общиннымъ бытомъ, населенныхъ славянскимъ племенемъ, не видно исключительно властельскаго правленія; но замѣтно болѣе народное, какъ напримѣръ въ Поповѣ, Полицѣ, Неретвѣ. Въ одной областной общинѣ могло быть нѣсколько меньшихъ общинъ, какъ было напр. въ Винодолѣ. Словомъ, каждое селеніе, каждое мѣстечко составляло изъ себя общину съ своимъ старшиною, а всѣ эти меньшія общины соединялись въ одну общину, которою управлялъ князь, или выбранный, или наслѣдственный изъ владѣтельнаго рода. Небольшія общины нерѣдко подчинялись

верховной власти большихъ. Такъ Задеръ считался какъ бы столицею и ключемъ Далмаціи, и Венеціяне на него перваго устремляли свои удары, желая подчинить себѣ Далмацію. Такъ изъ Полицкаго устава узнаемъ, что сначала апелляція на князя подавалась Венеціи, а потомъ Сплиту. Такъ островъ Млѣтъ состоялъ подъ верховною властію Дубровника.

Винодольская община лежала въ Хорватскомъ приморьѣ между Сѣнемъ (Zeny) и Рѣкою (Fiume). Въ старину она принадлежала тремъ владѣтельнымъ родамъ, которые впослѣдствіи стали писаться Франкопанами. Имя этого рода пріобрѣло себѣ громкую извѣстность въ судьбахъ Хорватскаго королевства. Въ этой общинѣ было нѣсколько городскихъ общинъ или градовъ, такъ названныхъ по каменной оградѣ, которою они были обнесены. Многія изъ этихъ общинъ опустѣли; нынѣ важнѣе другихъ Брибаръ и Бакаръ. Въ настоящее время Винодолъ раздѣленъ между Рѣчкимъ и Загребскимъ округами и пограничнымъ военнымъ управленіемъ. Въ 1280 году собралось въ Новомъ понѣскольку лицъ свѣтскихъ и духовныхъ отъ каждой общины и въ присутствіи князя предали письму на родномъ языкѣ обычное право, сохранявшееся издревле по живому преданію. Всѣхъ списковъ было сдѣлано не менѣе девяти по числу общинъ. Теперь сохранился только одинъ изъ прежней Модрушской капутулы. Онъ писанъ въ 1597 г. глаголицею. Винодольскій законъ, послѣ Русской Правды, есть древнѣйшее изъ всѣхъ собраній славянскихъ законодательствъ. Изъ устава этого видно, что община управлялась своими прирожденными князьями, власть которыхъ ограничена была властію народною. Не разъ упоминается о совокупной волѣ князя и вѣча. Соборъ, на которомъ положенъ былъ уставъ, собрался по волѣ общины, а объ участіи князя не упомянуто. При князѣ состоялъ дворъ. Въ уставѣ упоминаются дворникъ всего Винодола и намѣстникъ княжескій—лицо, встрѣчаемое и въ другихъ общинахъ. Высшій судъ производился при дворѣ. Князь имѣлъ своихъ повѣренныхъ, которые должны были присутствовать на каждомъ вѣчѣ, какъ представители княжескихъ интересовъ. Въ городскихъ общинахъ сидѣли сотники и судьи, отправлявшіе низшіе суды. Эти сотники и судьи явились въ числѣ народныхъ представителей на великій соборъ 1280 года—вѣроятно, потому что были избираемы народомъ. Званіе сотника было незначительно, потому что сотники вмѣстѣ съ другими мелкими чиновниками подлежали кметскому суду. Народъ раздѣлялся на духовенство, племенитыхъ людей

и кметовъ или сводныхъ земледѣльцевъ. Каждая община могла собирать у себя вѣче. Никакое вѣче не могло состояться безъ представителя княжескаго. Къ суду допускались ходатаи. Свидѣтели присягали. Мелкія вѣча, общенародное участіе въ дѣлахъ и общая порука, и вмѣстѣ денежная пеня, которою можно было откупаться отъ смертной казни,—все это показываетъ, что уставъ возникъ на смѣшанной, славяно-итальянской почвѣ. Въ немъ нѣтъ суда присяжныхъ; есть только элементы, подготовлявшіе къ этому суду, о которыхъ я скажу послѣ въ своемъ мѣстѣ.

Я не упоминаю о тѣхъ общинахъ и уставахъ, въ которыхъ нѣтъ суда присяжныхъ; но упомянулъ здѣсь о Винодолѣ потому, что многіе ссылаются на его уставъ, находя въ немъ прямыя указанія на судъ присяжныхъ. Напротивъ, въ Полицѣ есть ясные признаки этого суда, а потому я не считаю лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о Полицѣ.

Полица находится въ побережьѣ нынѣшней Далмаціи въ Сплитскомъ округѣ между рѣками Жаровницею и Цетиною. Древнѣйшее описаніе ея сообщено Падуанцемъ Палладіемъ Фуско въ началѣ XVI столѣтія. Въ немъ между прочимъ сказано: «За Сплитомъ, въ разстояніи около 80 стадій (10 тысячъ шаговъ), лежитъ устье роскошной долины, окруженной высокими горами (т. е. горою Машоръ) и извѣстной у туземцевъ подъ именемъ Полицы. Въ ней нѣтъ городовъ, а есть одни только селенія съ двумя тысячами душъ (т. е. способныхъ носить оружіе). Здѣсь свои законы. Долго обитатели не признавали надъ собою ни чьей посторонней власти.» Нѣкоторыя изъ селеній, упоминаемыхъ въ Полицкомъ уставѣ, теперь отнесены къ округамъ Сѣньскому и Омышьскому (Алмисса). Между ними замѣчательно по названію одно: Перунова Дуброва. Енгель насчитываетъ здѣсь всѣхъ жителей до 15 тысячи душъ. Еще Константинъ Багрянородный зналъ о Полицѣ и назвалъ ее особою хорватскою областью (Жупою). Съ XII до XIV-го столѣтія Полицане славились своими морскими разбоями; сосѣдямъ своимъ они помогали однимъ противъ другихъ. Когда Турки вторгнулись въ Хлумъ и Босну, тогда Полица подпала на нѣкоторое время подъ ихъ владычество; но потомъ, по договору между Портою и Венеціею, отошла къ послѣдней, сохраняя однако свое собственное управленіе. Наконецъ вмѣстѣ съ остальною Далмаціею Полица подчинилась Австріи. О прежнихъ правахъ и бытѣ Поличанъ можно кое-что узнать изъ самаго устава и изъ Енгеля, по-

черпавшаго свои извѣстія изъ Topografia Veneta и изъ сочиненія Гавріила Болда: о Далмаціи. Жители дѣлились на три разряда: потомственные, иначе племичи или властели, свободные или дѣдичи и податные лично-свободные поселяне или кметичи, къ которымъ принадлежали и пастухи. Земельная собственность была троякая: баштинная или наслѣдственная, жеребница или доставшаяся по жеребью, подворница или наемная. Въ Полицѣ было двѣнадцать общинъ. Однажды въ году, въ Юрьевъ день, сходился великій земскій соборъ или сеймъ, на которомъ избирался на одинъ годъ князь (кнезъ), прежде называвшійся великимъ княземъ; онъ могъ быть избранъ только изъ перваго разряда и утверждался верховною властію Венеціи, потомъ Сплита. При немъ былъ дворъ, состоявшій изъ трехъ принесшихъ присягу судей, — трехъ, а впослѣдствіи двухъ, прокураторовъ, избираемыхъ подобно судьямъ, поочередно по одному изъ каждаго рода и имѣвшихъ своею обязанностію вчинать иски и собирать десятину, — присяжнаго канцлера, хранившаго общинную печать, и приставовъ, простыхъ и присяжныхъ, разносившихъ повѣстки и пр. Важнѣйшія должности могли быть наслѣдственными въ нѣкоторыхъ родахъ. На сборѣ или вѣчѣ могли присутствовать только потомственные или родовые и свободные люди. Тотъ и другой разрядъ стоялъ особо своимъ станомъ. Общины избирали себѣ старѣйшинъ или кнезовъ; а кнезы избирали великаго кнеза. При избраніи послѣдняго рѣдко обходилось безъ сторонничества и борьбы. Разсказываютъ, что если какой нибудь сторонѣ не удавалось выбрать желаемое лицо, то выискивался смѣльчакъ, который похищалъ ковчегъ съ общиннымъ уставомъ и относилъ его къ этому лицу. Народъ, привыкшій видѣть ковчегъ, символъ закона и законности, въ рукахъ великаго кнеза, уже безпрекословно признавалъ это лицо великимъ кнезомъ. Но пока еще бѣжалъ смѣльчакъ съ похищеннымъ ковчегомъ, тогда всякому дозволялось убить его камнемъ, саблею или пулею. Воинскій начальникъ избирался изъ перваго разряда и назывался воеводою. При князѣ состояло трое избранныхъ судей, единовременно приносившихъ присягу. Съ княземъ они составляли дворскій судъ. Сверхъ того въ каждой околицѣ или области былъ окольный или земскій судъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ властелей и дѣдичей. Кметичи судились первоначально у своихъ господъ, т. е. землевладѣльцевъ — и судъ этотъ считался окончательнымъ до тѣхъ поръ, пока кметичь жилъ на землѣ этого господина; когда же отходилъ, могъ возобновлять свой искъ о движимомъ имуществѣ передъ

окольными судьями и цѣлымъ земскимъ соборомъ; а о недвижимомъ--передъ княземъ. Вмѣсто окольныхъ судей можно было прибѣгать къ суду цѣлаго земскаго собора; апелляція на этотъ судъ шла къ князю. Въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ дѣлахъ, можно было апеллировать на князя князю сплитскому. Кромѣ того допускались: судъ третейскій передъ полюбовно избранными судьями и наконецъ судъ присяжныхъ. Уставъ Полицы обнаруживаетъ сильную развитость гражданской жизни въ этой общинѣ. Онъ извѣстенъ въ шести спискахъ, изъ коихъ лучшіе и древнѣйшіе писаны хорвато-босенскою кирилліцею или такъ называемою буквицею, употреблявшеюся у римскихъ католиковъ. Списковъ древнѣе XVI вѣка нѣтъ. Одинъ списокъ сдѣланъ въ 1765 году извѣстнымъ Бургаделли, тѣмъ самымъ, который перевелъ библію на сербскій языкъ. Судя по разнымъ годамъ, выставленнымъ въ текстѣ, и нѣсколькимъ редакціямъ и припискамъ, можно съ увѣренностію предполагать, что уставъ этотъ наросталъ слоями въ продолженіи не одного столѣтія, такъ что къ старому прибавлялось новое. Изъ того, что есть ссылки на старые законы, можно заключить, что начало устава или, вѣрнѣе, уставовъ восходитъ гораздо ранѣе 1400 года, которымъ открывается первый письменный уставъ. За этимъ годомъ выставлены года: 1476, 1480, 1482, 1576 и т. д. до 1685 и 1725. Латинскій текстъ присоединенъ, вѣроятно, въ 1685 году, ибо подъ этимъ годомъ сказано, что для большей точности уставъ написанъ похорватски и полатыни.

Такимъ образомъ собственная Сербія съ Зетою и Босна съ Травуніею и Хлумомъ послужатъ мнѣ предѣлами, въ которыхъ я займусь разсмотрѣніемъ древняго учрежденія суда присяжныхъ. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ Сербы выростили у себя яснѣе и полнѣе это учрежденіе, которое у нихъ явилось самороднымъ растеніемъ, глубоко запустившимъ корни въ благопріятную туземную почву. О Дубровникѣ и Полицѣ я долженъ былъ сказать подробнѣе, потому что въ ихъ уставахъ встрѣчаются слѣды пресяжнаго суда. Въ уставѣ перваго они очевидно отпечатлѣны славянскимъ населеніемъ; въ уставѣ второй они самородны, ибо община издревле населена была славянскимъ племенемъ, а именно Хорватами, ближайшими во всемъ и всегда къ Сербамъ. Изучая что нибудь у одного славянскаго народа, необходимо оглядываться и на другія славянскія племена, у которыхъ было въ употребленіи то же самое.

Нельзя требовать, какъ я уже сказалъ, чтобы судъ присяжныхъ

въ XIII и XIV столѣтіяхъ вошелъ у какого бы то ни было народа въ такое свѣтлое, опредѣленное представленіе, какимъ онъ теперь пользуется въ Европѣ. Притомъ самыя обстоятельства сербской исторіи не благопріятствовали разработкѣ строгихъ юридическихъ формъ. Одушевленные военнымъ энтузіазмомъ, богатырскими былинами, пылкіе Сербы не обращали вниманія на свои обычаи и права; занятые оружіемъ или родовыми счетами, они не хотѣли и не имѣли времени вырабатывать свои гражданскіе законы; они любили простоту и старину; у нихъ не было юридической борьбы, и сами они не были народомъ юридическимъ. Зато чувство правды было необыкновенно сильно развито въ нихъ и высказывалось свободно; власть уживалась съ нимъ, а простота способствовала скорѣйшему удовлетворенію его: оттого въ судьбахъ ихъ права и незамѣтно ни борьбы, ни особеннаго движенія. Только Душанъ, приводя все въ порядокъ, устроивая государство на новыхъ началахъ, счелъ нужнымъ написать законникъ, но написалъ его неполно, какъ писались тогда всѣ законники. Несмотря на то, основныя положенія суда присяжныхъ ярко выступаютъ въ его законникѣ, какъ готовая стихія, изъ которой уже легко бы было впослѣдствіи возникнуть учрежденію полному, опредѣленному, самобытному. Затѣмъ наступили трудныя времена погромовъ, разложенія и паденія. Какъ застигли они эту стихію, такъ и остановилась она и повернула назадъ, чтобы понемногу слабѣть и угасать. Общая отличительная черта сербскаго законодательства состоитъ именно въ томъ, что ни въ чемъ не видать послѣдовательнаго развитія. Нѣтъ ни общихъ постановленій, ни частныхъ случаевъ, въ которыхъ замѣтно бы было, что вниманіе народа и власти устремлено было постоянно на улучшеніе обычнаго права. Это я говорю только о внутреннихъ областяхъ. Въ приморскихъ, благодаря общинному правленію, разъединенію и борьбѣ сословій, торговымъ занятіямъ и внѣшнимъ сношеніямъ, гражданственность занимала почетное мѣсто въ жизни народа, а съ нею совершенствовались и законы. Урывками, невзначай, въ древнѣйшихъ памятникахъ, именно, королевскихъ грамотахъ XIII вѣка, выступаютъ нѣкоторыя черты суда присяжныхъ, какъ учрежденія, или, вѣрнѣе, обычая стародавняго, установившагося и общеизвѣстнаго. Потомъ, спустя столѣтіе, онѣ снова выступаютъ въ законникѣ Душановомъ—и снова какъ черты неподвижныя. Наконецъ еще черезъ столѣтіе выступаютъ онѣ въ грамотахъ деспотовъ и затѣмъ исчезаютъ въ бурѣ и мракѣ турецкаго нашествія. Разсматривая ихъ, мы убѣж-

даемся, что здѣсь для суда присяжныхъ—туземная, родная почва; мы видимъ себя въ средѣ такого народа, который еще не вышелъ окончательно изъ своего первичнаго возраста, любя обычное право, не нуждаясь въ письменныхъ законахъ, не требуя усложненнаго и запутаннаго законодательства. И до сихъ поръ у южныхъ Славянъ замѣтна нелюбовь къ бумажному, сложному, искуственному судопроизводству. Тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ Душану то, что, составляя законникъ, онъ нетолько удержалъ, но и поддержалъ стародавній судебный обычай своего народа. Соображенія государственныя не становились въ этомъ случаѣ въ непріязненное положеніе къ чисто народному учрежденію. Законникъ Душана не есть новое уложеніе, а скорѣе собраніе старыхъ законовъ, освященныхъ обычнымъ правомъ. Если и есть въ немъ нововведенія, то они относятся къ церковному праву и нѣкоторымъ должностямъ, получившимъ греческія названія. При такой возможности состороны народа обходиться безъ постояннаго развитія права, при такой привязанности къ установленнымъ вѣками обычаямъ, наконецъ при современномъ намъ состояніи древнесербской письменности, нельзя ожидать прямыхъ, послѣдовательныхъ и всесторонних письменныхъ опредѣленій присяжнаго учрежденія. Обязанность изслѣдователя разсмотрѣть всю обстановку, углубиться въ почву всей народной жизни и преимущественно всего судоустройства и дополнить, выяснить отсюда тѣ выводы, которые онъ сдѣлаетъ о главномъ предметѣ своихъ розысканій. Если свойства обстановки и почвы будутъ внутренно соотвѣтствовать духу учрежденія, если они окажутся благопріятными ему, если отыщетъ онъ здѣсь образовательные элементы его,—то выводы получатъ болѣе убѣдительности, и самое существованіе учрежденія пріобрѣтетъ несомнѣнную достовѣрность. Соки и почва, зародышъ и корни имѣютъ въ прошедшемъ такое же значеніе, какое въ настоящемъ прилично самому растенію. Конечно, вполнѣ развившагося растенія у древнихъ Сербовъ мы не найдемъ; ибо погромы турецкіе въ концѣ XIV и половинѣ XV столѣтій не дали ему окрѣпнуть и вызрѣть, тѣмъ не менѣе задача—въ духѣ ли славянскомъ судъ присяжныхъ?—рѣшится самымъ положительнымъ образомъ.

Подъ вліяніемъ родоваго быта укоренилось въ Славянахъ особое воззрѣніе на старшинъ и вообще людей степенныхъ, достойныхъ уваженія и довѣрія. Эти лучшіе люди допускались въ разныхъ дѣлахъ безъ присяги и получили даже особое юридическое значеніе. Обыкновенно они называются «добрыми мужами». Самое названіе это пока-

зываетъ, что на нихъ смотрѣли не съ сословной, а нравственной точки зрѣнія. Смотря по обстоятельствамъ, добрые мужи избирались изъ разныхъ сословій. Въ одномъ весьма замѣчательномъ хорватскомъ памятникѣ 1325 года, заключающемъ описаніе обхода пограничныхъ владѣній одного истріянскаго князя, предъ нами предстаетъ весь сонмъ добрыхъ мужей: тутъ и благородные, золотомъ опоясанные, господа; тутъ и люди земскіе — почтенные старожилы. Нѣсколько дней обходятъ они съ княземъ его владѣніе, возобновляя и записывая по старой памяти пограничные межевые знаки. На пути встрѣчаютъ князя ближайшія общины, прося разобрать ихъ поземельные споры. Гдѣ застаетъ князя такая просьба, тамъ немедленно и творится судъ. Князь, намѣстникъ князя и всѣ благородные садятся на площади въ селеніи, или на полѣ подъ тѣнистымъ деревомъ; подлѣ нихъ становятся добрые мужи, старожилы и земляне. Изложивъ дѣло, спорящія общины отходятъ въ сторону. Тогда князь и всѣ съ нимъ присутствующіе, благородные и земляне, долго между собою совѣщаются и наконецъ ставятъ рѣшеніе. Обѣ стороны призываются къ выслушанію рѣшенія и распускаются по домамъ. Обходъ идетъ далѣе. Добрые мужи, какъ старожилы, всегда употреблялись для указанія границъ и возстановленія межевыхъ знаковъ. Добрые мужи-старожилы сказали травунскимъ боярамъ Санковичамъ, что они слышали по преданію, что когда еще цѣлъ былъ Цавтотъ, тогда жупа конавльская съ окрестными землями принадлежала этому городу; и Санковичи, основываясь на ихъ показаніи и на старыхъ грамотахъ, подарили Конавли и Виталину Дубровнику, какъ преемнику Цавтота. Добрые мужи ѣздили въ Дубровникъ для вложенія и полученія вкладовъ отъ разныхъ сосѣднихъ владѣтелей и бояръ. Дубровничане всегда просили, чтобы за вкладами и счетами присылались благонадежныя лица изъ властелей. Добрые мужи, лица почетныя и знатнѣйшія изъ бояръ, подписывались подъ владѣльческими грамотами въ качествѣ поручителей и свидѣтелей. Добрые мужи являлись представителями владѣтельныхъ лицъ при заключеніи договоровъ. Были и другія обязанности, еще болѣе важныя, къ которымъ призывались добрые мужи. Такъ, имъ предоставлялся третейскій судъ въ боярскихъ распряхъ. Мы имѣемъ на этотъ случай замѣчательный памятникъ. Первостепенный хлумскій бояринъ, Сандалъ, мирясь съ матерью своею баницею (женою бана) Анною, при посредствѣ добрыхъ мужей изъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, обѣщаетъ повиноваться ей, почитать ее какъ прилич-

по сыну и ни въ какомъ случаѣ не покидать ее, если только съ ея стороны не окажется чего либо такого, за что, по приговору помянутыхъ добрыхъ мужей, можно бы было сыну оставить мать.

Въ Истріи добрые мужи разбирали семейныя распри. Въ Полицѣ община посылала добрыхъ мужей для разбирательства покражъ. Наконецъ добрые мужи вмѣстѣ съ владѣтельнымъ лицомъ дѣлаютъ постановленіе о личности и имуществѣ виновныхъ бояръ. Юрій, племянникъ Гервои, — извѣстнаго Хорвата, игравшаго столь важную роль въ усобицахъ Босны, — предоставляетъ францинсканскому викарію съ братіею, себѣ и добрымъ мужамъ право обсуживать тѣ проступки, за которые племенитыхъ людей слѣдовало лишить головы и наслѣдственной собственности. Добрые мужи оцѣнивали имущество и свидѣтельствовали нанесенныя раны. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не видно, чтобы добрые мужи приносили присягу какъ въ показаніяхъ, такъ и въ рѣшеніяхъ своихъ. Однако въ уставѣ Карка есть косвенный намекъ на присягу. Князь или его намѣстникъ, мѣстный судья, вѣчники и добрые мужи дѣлаютъ различныя законодательныя постановленія. Здѣсь участіе весьма важное для добрыхъ мужей, являющихся представителями народа рядомъ съ вѣчниками. Но иногда вмѣсто вѣчниковъ и добрыхъ мужей употребляется выраженіе «присяжные». Заканчивая уставъ, въ 1526 году, попъ Жажковичъ выразился такъ: «переписано съ бомбицыны на пергаменъ по просьбѣ судьи и по приговору всѣхъ присяжныхъ». А по уставу обязанность присяжныхъ состояла въ томъ, чтобы вчинать уголовные иски и защищать вдовъ и сиротъ. Это были лица розыскивающія и обвиняющія. Но такъ какъ это довольно узкое и постоянное назначеніе нельзя вмѣнять добрымъ мужамъ, созывавшимся единовременно, то мнѣ кажется, что писавшій уставъ употреблялъ неправильно слово «присяжный», когда, по примѣру другихъ статей, слѣдовало сказать: «вѣчники и добрые мужи»; или же дѣйствительно вѣчники и добрые мужи приносили присягу. Хотя самое названіе добрыхъ мужей отвѣчаетъ за ихъ честность, однако очень вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они присягали. Такъ напр. въ Дубровникѣ и въ другихъ общинахъ были должности, которыя казались низкими для знатныхъ и богатыхъ властелей, но по своей сущности требовали высокой честности и знанія дѣла. На эти-то должности и назначались изъ горожанъ добрые мужи, люди почетные, пользовавшіеся доброю славою и общимъ довѣріемъ. Въ пригородныхъ округахъ для сельскаго населенія судьи и старшины

избирались тоже изъ добрыхъ мужей. Безъ сомнѣнія, при поступленіи въ постоянную должность, они давали присягу. — Изъ этого обзора дѣятельности и значенія добрыхъ мужей видно, что они не имѣли особыхъ обязанностей, но избирались народомъ или причастными къ дѣлу лицами всякій разъ, какъ требовалось или полюбовное рѣшеніе, или достовѣрное показаніе, или добросовѣстное постановленіе. На добрыхъ мужей не было жалобы; ихъ рѣшенію подчинялись заранѣе; ихъ показаніе принималось за несомнѣнное. Сословность не входила въ расчетъ для опредѣленія нравственнаго значенія добрыхъ мужей: общее уваженіе, общее довѣріе — вотъ что давало вѣсъ ихъ голосу. Они-же были представителями народа въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ. Всѣ свободныя сословія были открыты для добрыхъ мужей; но, разумѣется, они избирались изъ того сословія, которое было ближайшимъ къ дѣлу. Широкое и могущественное значеніе добрыхъ мужей обличаетъ основную черту народнаго представленія. Народъ не ограничивался узкою и болѣе или менѣе одинокою должностною личностію; ему нужно было собственное свободное участіе въ дѣлахъ, безъ тѣсныхъ опредѣленій, безъ щепетильныхъ ограниченій; и онъ чрезъ посредство добрыхъ мужей, въ лицѣ которыхъ чтилъ самого себя, разрывалъ опасный кругъ произвола, могшій запутать дѣло, стѣснить слово народное, заглушить волю народную. Въ добрыхъ мужахъ заключалась великая сила довѣрія, гласности и общественности.

На всемъ пространствѣ, занятомъ Сербами и Хорватами, даже въ прибрежныхъ полу-итальянскихъ и полу-славянскихъ общинахъ, народъ постоянно сохранялъ за собою право на участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Мы всюду видимъ его объ-руку съ верховною властію. Правда, онъ мало замѣтенъ; власть-же верховная, въ лицѣ князя, короля или царя, покрыта блескомъ; о немъ современники не заносятъ извѣстій на страницы лѣтописей, а указываютъ болѣе на личности; онъ не заявляетъ своего присутствія борьбою и возстаніями; тѣмъ не менѣе, при всей обычности народнаго участія, памятники не могли вовсе пройти его молчаніемъ. Въ Сербіи, Боснѣ и соединенныхъ съ ними областяхъ все боярство держалось народомъ; оно связано было съ народомъ общими туземными выгодами и стремленіями; въ немъ искало оно силы и опоры; съ нимъ дѣйствовало заодно. Несмотря на наслѣдственное право, которымъ здѣсь пользовалась верховная власть, содѣйствіе народа и бояръ было необходимо. Въ усо-

бицахъ оно особенно замѣтно выказывалось. Босенскіе короли выдавали отъ себя грамоты не иначе, какъ за подписью бояръ, свидѣтельствовавшихъ о достовѣрности того, что содержалось въ грамотѣ. И этихъ свидѣтелей мы видимъ подъ такими грамотами, которыя касались важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, торговыхъ договоровъ, уступки земель и проч. Подобный обычай перешелъ и къ полунезависимымъ областнымъ боярамъ. Иногда въ свидѣтельство приводятся цѣлые боярскіе роды, съ обозначеніемъ областей, какъ представители всей стороны. Въ собственной Сербіи короли, цари и деспоты созывали великіе соборы для земскихъ дѣлъ. На соборахъ присутствовали: высшее духовенство, властели и старшины народные. При Немани упоминаются воеводы и воины. Соборъ пользовался высшею законодательною властію, какъ это доказываетъ самый законникъ Душановъ. Соборы созывались по дѣламъ вѣры и церкви, для обсужденія войны и мира, для присутствія при вѣнчаніи на царство, при отчужденіи государственныхъ земель, въ важныхъ судебныхъ случаяхъ и т. д. Кромѣ соборовъ, при дворѣ происходили совѣщанія съ епископами и властелями. На это прямо указываютъ царскія и деспотскія грамоты. Словомъ, совѣщательное начало никогда не ослабѣвало въ Сербіи и Боснѣ. Въ дѣлахъ военныхъ, когда войско состояло изъ земскаго ополченія, народъ долженъ былъ знать, куда, за кого или за что, и почему несетъ онъ оружіе. Въ дѣлахъ религіи обращалось особенное вниманіе на убѣжденія народныя. Послѣдній босенскій король и послѣдній сербскій деспотъ были оставлены народомъ за то, что колебались въ вѣрѣ изъ видовъ политическихъ. Хотя Сербія и Босна переживали эпоху самодержавія, однако народъ искони удерживалъ за собою право голоса. Черногорія съ послѣдняго времени можетъ приблизительно служить живымъ образцомъ того внутренняго устроя, который господствовалъ во всей древней Сербіи. Этимъ опредѣляется взглядъ народа на условія власти и этимъ-же объясняется то чувство независимости и свободы, которое цѣлые вѣка рабства не могли истребить въ немъ. Въ самомъ-дѣлѣ, въ постепенномъ возрастаніи Сербіи видимъ личное начало, которое держитъ внутренній порядокъ и возвышаетъ страну извнѣ, а въ то-же время видимъ народное начало, которое упрочиваетъ, обновляетъ и двигаетъ внутреннія силы страны. Такъ всюду начало личное давало крѣпость, а народное вносило жизнь; и первому безъ послѣдняго невозможно было соблюсти согласіе между заявленіемъ нуждъ общественныхъ и удовле-

*

твореніемъ ихъ. — Ту-же самую истину, но только въ болѣе ясной формѣ, сознавали и прибрежныя общины. Здѣсь, несмотря на частыя взаимныя недоразумѣнія и посягательства, простой народъ или горожане жили въ одномысліи съ благородными. Отношенія первыхъ ко вторымъ истекали первоначально изъ родоваго быта; въ благородныхъ народъ видѣлъ прежнихъ старшинъ и, подчиняясь имъ нравственно, никогда съ этимъ подчиненіемъ или уваженіемъ не смѣшивалъ подвластности или насильственнаго повиновенія. Сословность не имѣла здѣсь положительнаго юридическаго опредѣленія; для правительственнаго лица и для благородныхъ не было особаго установленнаго названія. Въ каждой общинѣ они именовались по-своему. Внутреннія или средоземныя общины основаны были преимущественно на народномъ началѣ; приморскія, подъ вліяніемъ торговли, Италіи и древнихъ преданій, имѣли у себя устройство, въ которомъ преобладало сословіе благородныхъ. Тѣмъ не менѣе до послѣднихъ временъ народъ не уступалъ однимъ властелямъ исключительнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, и когда притязанія благородныхъ становились обременительными, тогда подымался народъ и начиналъ открытую борьбу, сопровождаемую нерѣдко ожесточенными порывами необузданныхъ страстей. Это народное сопротивленіе не ослабѣвало впродолженіи вѣковъ. Въ 1797 году на островѣ Брачѣ (Брацдо) благородные были принуждены къ письменному отказу отъ своихъ правъ и титуловъ и допущенію общаго равенства. Но баронъ Рукавина, по императорскому повелѣнію, разорвалъ эти записи, и прежнія преимущества благородныхъ были возстановлены. Такова и до сихъ поръ политика Австріи. Народъ постоянно оставлялъ за собою право имѣть свои собранія и своихъ заступниковъ. Въ общинахъ, гдѣ преобладали благородные, юридическое понятіе объ общинѣ и вѣчѣ ограничивалось однимъ сословіемъ благородныхъ; изъ него же избирались лица для занятія главнѣйшихъ общественныхъ должностей. Такая община въ уставахъ называется commune. Въ противуположность ей существовала община народная — universitas, гдѣ горожане совѣщались сами по себѣ и откуда относились прямо къ верховной державѣ, каковою была Венеція. Въ спорахъ съ благородными, ходатаи народа требовали, чтобы Венеція выслушивала ту и другую сторону и не признавали за благородными права представлять весь народъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ важнѣйшія дѣла переносились изъ совѣта благородныхъ въ общину горожанъ чрезъ ея уполномоченныхъ. Венеція поддерживала притязанія

послѣднихъ, въ лицѣ которыхъ горожане хотѣли представлять въ общинѣ третью власть послѣ князя и благородныхъ. Венеціи былъ выгоденъ упадокъ благородныхъ; ибо черезъ это усиливалась ея верховная власть. Австрія дѣйствовала обратно, но съ тою же самою цѣлью. Первая, будучи сама общиною, оставляла неприкосновеннымъ, даже усиливала общинное начало; вторая стремилась къ уничтоженію всякаго общиннаго начала и къ водворенію сосредоточенной правительственной іерархіи. Преемство этихъ двухъ противуположныхъ направленій не привело ни къ какому рѣшительному результату. Южные Славяне крѣпко держатся своихъ коренныхъ воззрѣній. Между остатками прежняго благороднаго сословія и народомъ существуетъ родственная связь. Послѣ смутъ народъ снова подчиняется вліянію умнаго боярства; ибо у того и другаго есть общая высшая цѣль. За боярство говорятъ цѣлые вѣка независимой общинности, сохраненной его усиліями. Издревле благородное сословіе общинъ стояло за туземныя выгоды. Его усиліями личная власть, представляемая княземъ, ограничивалась властію общественною или вѣчемъ. Личная власть не имѣла даже общаго названія. Въ одномъ мѣстѣ это былъ князь, въ другомъ графъ, въ третьемъ ректоръ, въ четвертомъ подесто и т. д. На островѣ Млѣтѣ это былъ монастырскій настоятель, опатъ; зато всюду допускались они не иначе, какъ по праву народнаго избранія. Чаще всего Венеція и Угрія поставляли въ общины своихъ князей, избираемыхъ подъ клятвеннымъ обязательствомъ сохранять основные законы. Вѣроятно, желаніе отстранить внутреннія усобицы и сторонничества между туземными боярскими родами, заставило общины приглашать въ князья знатные иностранные роды, хотя это и не было постояннымъ правиломъ. Еще въ X и XI столѣтіяхъ общины, завоевавъ независимость отъ Византіи и Угріи и вступивъ въ сношенія съ Венеціею, стали избирать себѣ князей всѣмъ народомъ. Сначала, какъ видно, въ избраніи участвовалъ весь народъ; потомъ мало-по-малу благородные присвоивали исключительно себѣ это право. Эти же благородные составляли изъ себя вѣче, пользовавшееся высшею правительственною и законодательною властію. При князѣ состоялъ совѣтъ изъ выборныхъ отъ вѣча, имѣвшій высшую исполнительную власть. Въ составѣ двора находились и судьи. Въ разныя времена и въ разныхъ общинахъ судьи то назначались княземъ, то избирались благородными. Духъ общинности и выборнаго начала проникалъ весь народъ до низшихъ его слоевъ. Такъ даже

сельскія общины имѣли свои союзы и своихъ выборныхъ старшинъ и судей. Все это вмѣстѣ взятое: выборный князь, сословія съ своими выборными, участвующія въ общественныхъ дѣлахъ, община благородныхъ, община поселянъ, съ своими правами и вѣчами, — все это составляло одно цѣлое, самостоятельное политическое тѣло, какимъ были прибрежныя общины. Здѣсь невозможно изложить всѣхъ особенностей ихъ устройства, потому что каждая община имѣла свой устрой, свои уставы, гражданскіе обычаи и нравы: довольно указать на главнѣйшія общія черты, состоявшія въ ограниченіи личной власти, въ выборномъ, вѣчевомъ и общинномъ началѣ. Присовокупить развѣ еще то, что князь и должностныя лица избирались на самый короткій срокъ, большею частію, на годъ или на полгода, даже на одинъ мѣсяцъ. Это постоянно мѣшало личному началу усилиться на счетъ общиннаго. Если законодательная власть не была исключительнымъ преимуществомъ въ сербскихъ и босенскихъ областяхъ, тѣмъ менѣе могло это имѣть мѣсто въ общинахъ. Внутреннее законодательство общинъ исходило отъ нихъ самихъ. Источникомъ законодательной власти было вѣче или иначе община, ибо вѣче представляло собою общину. Различная степень участія народа въ общинной жизни отражалась и въ законодательствѣ. Право добровольнаго избранія князя служило уже ручательствомъ за права народныя. Въ исторіи Дубровника видимъ не разъ смѣну и изгнаніе князей и полновластное распоряженіе общины помимо князя. Въ XIII столѣтіи состоялся союзъ Травы, Задра и Сплита противъ графовъ Брибирскихъ, и общины положили не брать себѣ князей изъ Хорватовъ. Впослѣдствіи Трава и Шибеникъ отказались отъ графовъ Брибирскихъ и призвали князя изъ Венеціи. Такое положеніе князя говоритъ не въ пользу обширности его правъ. Въ подлинникахъ уставовъ постоянно встрѣчаемъ указаніе на участіе общины и князя въ изданіи законовъ; а въ нѣкоторыхъ незначительныхъ случаяхъ даже вовсе не упоминается о князѣ, какъ это, напримѣръ, видно въ уставахъ Карка и Полицы. Въ заключеніе нельзя не сказать, что сильное сомнѣніе можетъ взять всякаго изслѣдователя, когда ему приходитъ на мысль рѣшить вопросъ: какое законодательство — средневѣковое ли туземное, или новѣйшее австрійское наиболѣе способствовало развитію народнаго благосостоянія въ далмацкомъ поморьи. Вспомнимъ, что задолго до нашихъ временъ, нѣкоторыя мысли, только недавно принятыя немногими лучшими представителями общественнаго права, уже подняты были въ поморьи и,

возведенныя въ законъ, оказались плодотворными. Съ другой стороны, стремленіе къ исключительно-личному преобладанію и государственному средоточенію, оканчивающееся настоящимъ временемъ, ставило правительства въ положеніе наблюдателей, которые, гоняясь за высшими цѣлями, жертвовали иногда отдѣльными мѣстными заявленіями жизненныхъ потребностей народа. Чувство самосохраненія, обаяніе самовластія, основанное на исключительномъ пониманіи силы государственной, заглушали нерѣдко обязанность дѣйствовать въ пользу постояннаго возможно-полнѣйшаго развитія общественнаго блага, основаннаго на признаніи мѣстныхъ нуждъ, прирожденныхъ свойствъ народности и народной воли.

Однимъ изъ лучшихъ правъ, какія только вынесъ изъ глубокой древности южно-Славянскій народъ, было право устнаго, открытаго совѣщательнаго суда. Во всѣхъ приморскихъ общинахъ высшій судъ производился при княжескомъ дворѣ чрезъ нѣсколькихъ избранныхъ и приведенныхъ къ присягѣ судей. Ни откуда не видно, чтобы судъ производился письменно. Напротивъ, изъ многихъ мѣстъ уставовъ, между прочимъ Винодольскаго и Полицкаго, видно, что истецъ, отвѣтчикъ или ихъ ходатаи и свидѣтели объяснялись устно и гласно. Обѣ стороны присутствовали на судѣ въ одно и то же время. Были изданы особыя правила для соблюденія порядка, благочинія и справедливости при судоговореніи. Дворскій судъ заключалъ въ себѣ цѣлый составъ судебныхъ лицъ и вмѣстѣ съ княземъ представлялъ высшее судебное мѣсто; въ совѣтѣ князя всегда находилось по нѣскольку выборныхъ судей, которые засѣдали или одни, или вмѣстѣ съ княземъ, смотря по роду судныхъ дѣлъ. За этимъ высшимъ судомъ слѣдовали мѣстные или сословные суды, тоже изъ выборныхъ отъ сословій. Такъ, въ Полицѣ были особые судьи для властелей и дѣдичей, выбиравшіеся изъ тѣхъ и другихъ на четыре мѣсяца. Судьи эти не смѣшиваются съ тремя судьями, состоявшими при князѣ. Объ этихъ послѣднихъ уставъ выражается такъ: «князь съ своими судьями». Сельское свободное сословіе имѣло своихъ судей; судъ этотъ назывался Кметскимъ. Такъ, въ Которѣ для этого суда избиралось трое судей. Уставы прямо указываютъ на совѣщательное начало, присутствовавшее въ судоустройствѣ. Въ нихъ постоянно употребляется выраженіе «судьи». Въ Полицѣ граждане могли судиться или передъ княземъ и его судьями, или передъ своими сословными судьями, или передъ цѣлымъ соборомъ, т. е. цѣлою общиною. Въ Сѣни и нѣко-

торыхъ другихъ общинахъ постановлено было судиться передъ тремя судьями, и если недоставало третьяго, то его мѣсто заступалъ судья, назначенный отъ общины или князя. Вообще уставы до-того проникнуты началомъ совѣщательнаго суда, что, при чтеніи ихъ, производится неотразимое впечатлѣніе совокупности лицъ, призванныхъ къ судопроизводству. Памятники сохранили намъ нѣсколько случаевъ открытаго, торжественнаго суда, когда приговоръ произносился народно княземъ, судьями и всѣмъ земскимъ соборомъ. Мы уже видѣли этотъ судъ въ Истріи, въ 1325 году, при обходѣ пограничныхъ межъ княжескаго владѣнія. Въ XV столѣтіи еще сохранялся въ Хорваціи обычай судить народно. До насъ дошло нѣсколько грамотъ на отдѣльные судебные случаи, изъ которыхъ видѣнъ весь порядокъ судопроизводства. Въ судномъ стольномъ мѣстѣ сидѣли купно намѣстникъ королевскій, судьи, властели, люди пленитые и люди всей земли; и въ этомъ полномъ составѣ творили правду и издавали законы. Вотъ начало одной изъ этихъ любимыхъ грамотъ: Мы, Юрій Орловичъ, банъ стола королевскаго, съ племенитыми людьми, и мы, судьи того стола, (слѣдуютъ имена судей, причемъ видно, что судьи избирались отъ каждаго племени или рода). Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, кому подлежитъ и черезъ кого принесется сія наша грамота, что когда мы находились всѣ купно въ полномъ столѣ и съ племенитыми людьми и со всѣми земянами, сидя въ вышесказанномъ столѣ въ нарочитый день и въ избранномъ мѣстѣ у св. Юрія на Скуринѣ (село въ хорватскомъ приморьѣ близь Рѣки), творя правду и законы всѣмъ требующимъ: тогда явился и приступилъ къ намъ племенитый человѣкъ сей земли, по имени Иванъ Рачичъ, ходатайствуя за себя и за своего брата Мартына. И съ почтеніемъ, испросивши нашего дозволенія, сказалъ: Князь, судьи, господа и вы племенитые люди и земяне! Прошу васъ, выслушайте меня... И мы, князь и судьи, выслушавъ рѣчи обѣихъ сторонъ, имѣли полный совѣтъ и твердый уговоръ со множествомъ племенитыхъ людей и съ земянами, при насъ находившимися»... и т. д. Обязательное для князя хожденіе съ своими судьями по странѣ, принятое въ нѣкоторыхъ чисто-славянскихъ общинахъ, и отправленіе суда въ разныхъ мѣстахъ, часто подъ открытымъ небомъ, въ полѣ или селеніи, указываютъ на нелюбовь народа къ устойчивости и замкнутости судопроизводства. Въ полицкомъ уставѣ записанъ подобный случай: «Князь со всѣми судьями и дворомъ ходилъ по общинѣ, творя судъ и правду. Прибывъ на Дольное поле, у св.

Мартына, онъ нашелъ здѣсь племенитыхъ людей, просившихъ разсуды. И когда произнесено было рѣшеніе, тогда князь, судьи и вся остальная община признали и подтвердили это рѣшеніе и повелѣли внести его въ уставъ». Въ этомъ же памятникѣ любопытна одна статья, указывающая на первичную простоту судопроизводства. Въ ней сказано: «Когда настанетъ срокъ позванія къ суду, и одна сторона вся купно явится къ этому сроку, тогда, еслибы другая сторона не пришла, прибывшая сторона ждетъ до сумерекъ и раскладываетъ огонь и зоветъ другую сторону». Такая же особенность является и въ законодательствѣ нѣкоторыхъ другихъ общинъ. Не было опредѣленнаго мѣста для обсужденія и изданія законовъ. Въ уставахъ Карка и Полицы, сплоченныхъ изъ разновременныхъ постановленій, упоминаются различныя мѣстности, гдѣ состоялось то, или другое постановленіе законодательной власти, во время ея хожденія по области.—Если припомнимъ судебные случаи, записанные въ босенскихъ, сербскихъ и областныхъ грамотахъ, то увидимъ, что судъ производился не рѣдко въ добровольно избранномъ мѣстѣ, былъ устный и гласный. Въ собственной Сербіи судьи ходили каждый по своей области для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Эти судьи были областные или жупные; въ нихъ сосредоточивалась вся судебная власть для свободныхъ обывателей. Несвободные судились у своихъ господъ. Горожанъ судила городская власть въ лицѣ управляющаго городомъ властеля. Этотъ судъ стоялъ въ равной степени съ областнымъ. Придворныхъ и случавшихся при дворѣ царскомъ судилъ дворскій судья—тоже равностепенный съ предыдущими. Только въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, высшее сословіе судилось у самого главы государства. Присоединимъ сюда церковный судъ для приписанныхъ къ церквамъ подданныхъ, воеводскій для войска и сельскій для свободныхъ земледѣльцевъ или неропховъ, отправляемый сельскими старшинами въ дѣлахъ маловажныхъ,—и мы получимъ все количество судовъ въ древней Сербіи, разнообразное въ видахъ и однообразное въ степеняхъ. Но при этомъ должно замѣтить одну важную особенность. Судьи назначались самодержавною властію, и потому назывались королевскими или царскими. Ихъ было по одному въ жупѣ, въ городѣ и при дворѣ. Апелляціи на нихъ не было: по крайней мѣрѣ изъ Законника этого не видно. Такая исключительность судопроизводства поражаетъ съ перваго разу. Но вникнемъ глубже. Во-первыхъ, судья обязанъ былъ строжайше наблюдать справедливость въ приговорѣ. Мздоимство

было рѣшительно запрещено ему. Даже подлинныя грамоты могли быть подвержены испытанію для того, чтобы судья держался нестолько буквы, часто обманчивой, сколько здраваго смысла. Душанъ не пощадилъ и самого себя. Онъ далъ судьямъ, какъ истолкователямъ грамотъ, право повѣрять самую волю царскую передъ лицомъ закона. Если царь пишетъ грамоту или по сердцу, или по любви и милости, и грамота эта разоряетъ Законникъ не по правдѣ и не по закону, какъ писано въ Законникѣ, то судьи да не вѣруютъ этой грамотѣ и да творятъ судъ по правдѣ. Надобно замѣтить, что здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи о подложныхъ грамотахъ. Во-вторыхъ, необыкновенная простота и открытость судопроизводства не допускали неправды. Спорящіе являлись къ суду, и каждый устно излагалъ, въ чемъ дѣло. Затѣмъ судья становилъ рѣшеніе. Что̀ судъ велся устно, это доказывается нѣсколькими статьями Законника, гдѣ объяснено, какъ спорящіе должны были вести себя на судѣ. Въ-третьихъ, разъясненію истины способствовали свидѣтели. Лицо свидѣтелей въ древней Сербіи было чрезвычайно важно. Съ трезвымъ и здравымъ смысломъ достаточно было одной судебной степени, чтобы выслушать свидѣтелей и на основаніи данныхъ постановить рѣшеніе; затѣмъ, сколько бы степеней ни было, основа, т. е. показаніе достовѣрныхъ людей, оставалось одно и то же, и сущность дѣла уже болѣе не разъяснялась. Была бы только добросовѣстность, а чувство правды не зависитъ отъ степеней. Оттого народъ обращалъ болѣе вниманія на совѣщательность суда, чѣмъ на восхожденіе его по степенямъ. Но государственное начало сдѣлало суды единичными, отдавъ предпочтеніе личному мнѣнію: тогда въ обезпеченіе справедливости оставалось глубокое уваженіе какъ власти, та̀къ и народа къ свидѣтелямъ, показанія которыхъ считались равносильными приговору. Дѣйствительно, во всѣхъ уставахъ и законникахъ древнихъ Сербовъ показаніе свидѣтелей принимается за положительное оправданіе или обвиненіе; свидѣтелями можно было обвинить, свидѣтелями можно было оправдаться. Судьѣ оставалось только дать показанію свидѣтелей форму приговора. Уставы сами уже обозначали, подъ какую пеню подводилось то или другое доказанное обвиненіе: этими потребностями наиболѣе занимаются всѣ уставы. Судьямъ же вмѣстѣ съ свидѣтелями главнѣйшимъ образомъ предоставлялось произнести приговоръ о самой виновности или безвинности. Такъ смотрѣло на судей древнее законодательство Сербіи. Съ этой точки зрѣнія судьи и свидѣтели имѣли въ основѣ своего представленія много общаго съ судьями присяжными.

Вращаясь среди различныхъ стихій народной жизни въ ту пору, какъ онѣ вырабатывались и слагались, мы видимъ, что основные элементы суда присяжныхъ говорятъ въ пользу его туземнаго, народнаго происхожденія. Онъ есть плодъ кореннаго славянскаго воззрѣнія, плодъ, которому посчастливилось вырости на сербо-хорватской почвѣ. Еслибы нужно было объяснить причину этого, то намъ слѣдовало бы сослаться на самый бытъ, житейскій толкъ и нравы южныхъ Славянъ, которые и по сю пору рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ прочихъ своихъ собратій. Это отчасти естественная, отчасти историческая причина, противъ которой не можетъ быть возраженія. Славяне, по природѣ своей, держались простѣйшаго судопроизводства, любили краткость, устность и гласность, судебную власть вручали довѣреннымъ лицамъ изъ народа и предпочитали совѣщательный судъ единичному. Но самое глубокое, коренное воззрѣніе сосредоточивалось на уваженіи и довѣріи къ представителямъ народнымъ и добровольномъ подчиненіи. Старшины и выборные, вообще люди почтенные, облеченные народнымъ довѣріемъ — они-то были могущественною стихіею, которую добровольно признавалъ народъ и которая могла бы сильно двигать имъ, еслибы начало личной власти не отстранило съ теченіемъ времени ихъ вліянія и не обратило ихъ въ слабыя существа безъ силы голоса, безъ права дѣйствія, даже безъ нравственнаго достоинства. Все это послѣдовало, когда право выбора смѣнилось правомъ назначенія. Если принять въ обширномъ значеніи народное представительство, основанное на правѣ избранія, или добровольнаго признанія, то увидимъ, что оно существовало въ старину на всемъ пространствѣ сербскаго населенія, и сербо-хорватскомъ приморьѣ. Тамъ—бояре и соборы, здѣсь—община. Несмотря на все различіе образа правленія, тамъ и тутъ важнѣйшія дѣла, внѣшнія и внутреннія, совершались съ вѣдома и участія народныхъ представителей. Различно было это участіе, различно было и представительство; но для насъ важно въ этомъ случаѣ нестолько историческое опредѣленіе, сколько самое проявленіе духа и воззрѣнія народнаго. Отъ общихъ дѣлъ представительство переходило къ отдѣльнымъ единовременнымъ назначеніямъ, то для опредѣленія земельной собственности, то для семейнаго разбирательства, то для свидѣтельства и посредничества, то наконецъ для судебнаго приговора. Всѣ сословія пользовались имъ, кромѣ небольшаго разряда несвободныхъ, къ которому впрочемъ не относились сельскіе обыватели. Представитель-

ство же это—были ли то вѣча, соборы или старшины и добрые мужи,—утверждалось на коренномъ свойствѣ славянскаго народа—добровольномъ признаніи нравственнаго преимущества, истекавшаго изъ условій родоваго быта.

Такова была повсемѣстная почва, на которой выростала политическая жизнь древней Сербіи. Почва эта была вся пропитана одними туземными народными соками. Насколько была она благопріятна суду присяжныхъ, можно видѣть изъ сличенія съ почвою Англіи. Не могла же она не быть благопріятною, когда здѣсь находился тотъ южный уголъ славянскаго населенія, гдѣ далѣе и сильнѣе всего развивалось общинное начало, гдѣ народъ доселѣ сохранилъ живые остатки прежней простоты отношеній и прежняго родоваго быта, гдѣ пылкій, но здравомыслящій Сербъ не чуждается дѣлъ общественныхъ, горячо стоитъ за чувство правды и не любитъ медленнаго бумажнаго дѣлопроизводства, а пуще всего бумажныхъ ухищреній.

III.

Мы видѣли, какія широкія и яркія черты народнаго воззрѣнія лежали на всемъ народномъ бытѣ, благопріятствуя возникновенію суда присяжныхъ,—теперь отъ общей обстановки я перейду прямо къ почвѣ, на которой возникло это учрежденіе у Сербовъ и, по дорогѣ, коснусь общаго сравненія его съ англійскимъ судомъ присяжныхъ.

Въ Англіи до начала этого суда существовалъ обычай, по которому извѣстное число землевладѣльцевъ заступало мѣсто общины, когда на основанія ея показанія должно было состояться какое нибудь рѣшеніе. Къ показанію была присоединена присяга. Присяжное показаніе, какъ показаніе человѣка, положительно знающаго сущность дѣла, принимаемое въ основаніе рѣшенія, не есть то же самое, что присяжное свидѣтельство, когда оно бываетъ за или противъ кого нибудь. Здѣсь скорѣе должно видѣть показаніе нашихъ понятыхъ. Это какъ бы положительное показаніе ни за, ни противъ, излагающее только въ чемъ дѣло. Но различіе это было столь тонкое, что оно легко могло совпасть съ свидѣтельствомъ обвиняющимъ или оправдывающимъ. Если, положимъ, тяжбы за землю не было, но представлялась необходимость провѣрить пограничныя межи, тогда показаніе достовѣрныхъ людей было совершенно одинаково съ показаніемъ понятыхъ; но какъ

скоро примѣшивалась сюда тяжба, или искъ, тогда показаніе присяжныхъ становилось свидѣтельствомъ обвиняющимъ или оправдывающимъ. Въ Англіи мы видимъ подобное обвинительное свидѣтельство. Такъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ епископъ заподозрилъ показаніе людей, собранныхъ со всего графства, сдѣланное противъ монастыря, и требовалъ, чтобы двѣнадцать изъ нихъ подтвердили подъ присягою, что показаніе ихъ справедливо. Въ ассизахъ Генриха II четыре рыцаря избираютъ двѣнадцать рыцарей, которые подъ присягою вносятъ на кого нибудь обвиненіе. Вмѣсто рыцарей допускались и лучшіе люди изъ сотни. Они присягали передъ разъѣзжими судьями. Ихъ можно было отводить. Слѣдовательно, ихъ наказанія были обвинительныя. Оттого и число ихъ должно было быть опредѣленное. Въ XIII столѣтіи въ обстоятельствахъ побочныхъ или окольныхъ, нужныхъ только для разъясненія дѣла, стали прибѣгать тоже къ присяжному свидѣтельству, но на первый разъ такими присяжными свидѣтелями были тѣ же лица, которыя дѣлали и прямыя обвинительныя показанія; только при этомъ они вторично присягали. Ассизы считаются первою основою, первымъ зародышемъ суда присяжныхъ, хотя здѣсь еще смѣшаны были два начала: показаніе и оцѣнка показанія. То и другое сосредоточено было въ однихъ и тѣхъ-же лицахъ. Въ отличіи ихъ и раздѣленіи состоитъ вся сущность суда присяжныхъ. Ассизы начались для дѣлъ гражданскихъ. Такъ какъ показанія и обвиненія дѣлались выборными, или представителями общины, то участіе народа въ судѣ по дѣламъ гражданскимъ было упрочено. До насъ не касается вопросъ: откуда пришли ассизы въ Англію? Вѣроятнѣе другихъ предположеніе, указывающее на Скандинавскій Сѣверъ. Здѣсь свидѣтели, числомъ двѣнадцать, занимаютъ важное мѣсто даже въ низшихъ судахъ. Какъ бы то ни было, дѣло въ томъ, что въ Англіи это благопріятное начало тотчасъ же пустило корни въ народную почву и послужило главнымъ основаніемъ суда присяжныхъ. Въ XIII столѣтіи и въ дѣлахъ уголовныхъ обвиняемый могъ прибѣгать, по собственному желанію, къ суду общины. Только теперь открывалось важное затрудненіе, состоявшее въ томъ, что тѣ же самыя лица, давъ въ первый разъ присягу, свидѣтельствовали какъ обвинители, а давъ вторично присягу, излагали сущность дѣла. Это значило, что свидѣтель заблаговременно располагалъ приговоромъ, смотря потому, какъ самъ понималъ дѣло, о которомъ давалъ показаніе. Первая попытка къ отстраненію этого неудобства состояла въ правѣ отводить

обвиняющихъ, т. е. судившихъ. Затѣмъ въ XIV столѣтіи присяжные судившіе стали избираться не изъ сотни, а изъ цѣлаго графства, потому что для обсуживанія показаній, дѣлаемыхъ свидѣтелями, можно было быть и не мѣстнымъ жителемъ или очевидцемъ. Такимъ образомъ явилось два рода присяжныхъ: одни показывали, обвиняли, другіе взвѣшивали показанія. Во второй половинѣ XIV вѣка свидѣтели стали выдѣляться отъ присяжныхъ судей. Это было рѣшительнымъ поворотомъ въ развитіи суда присяжныхъ. Съ половины XV столѣтія присяжные теряютъ значеніе свидѣтелей, и только уже въ XVII–мъ столѣтіи это утверждается закономъ.

Судныя дѣла въ древней Сербіи не восходятъ ранѣе Неманичей. Древнѣйшій законникъ относится ко второй половинѣ XII столѣтія. Договорныя грамоты между Дубровникомъ и сербскими владѣтелями относятся къ тому же времени. Однако какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ памятникахъ постоянно ссылаются на старые законы, т. е. старое обычное право. Въ Винодольскомъ законѣ прямо сказано, что люди винодольскіе «хотѣли вполнѣ сберечь старые законы, какіе были у ихъ предковъ». Король сербскій Владиславъ, братъ его, Урошъ I, и современникъ ихъ, князь хлумскій Андрей, въ грамотахъ своихъ, данныхъ Дубровнику, ссылаются на старые законы, а Владиславъ называетъ ихъ законами отца и дѣда. Потому, если въ половинѣ XIII столѣтія, въ дѣлахъ гражданскихъ мы не видимъ ни поединковъ, ни судовъ Божіихъ, то надобно заключить, что и до этого времени задолго не было ихъ. Въ уставахъ прибрежныхъ общинъ о нихъ не упоминается даже для дѣлъ уголовныхъ. Въ нѣкоторыхъ однако общинахъ отсутствіе ихъ не исключаетъ пытокъ. Уставы разнятся между собою степенью строгости изслѣдованія и наказанія: для перваго есть пытки, для втораго — смертная казнь, доходившая даже до сожиганія. Въ законникѣ Душановомъ, отъ половины XIV вѣка, къ поединку и суду Божію положено прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія доказательства будутъ истощены; но и тутъ не для всѣхъ назначались они. Къ поединкамъ допускались только ратные люди въ военное время; къ водѣ или котлу только Сербы (несвободные), кажется, во всякомъ уголовномъ дѣлѣ, къ раскаленному желѣзу—только воры и разбойники. Когда не было ясныхъ уликъ, тогда обвиняемый, въ оправданіе свое, бралъ рукою раскаленное желѣзо и переносилъ его отъ церковныхъ воротъ на жертвенникъ. Въ Англіи въ началѣ XIII столѣтія ордаліи были от–

мѣнены; но поединки оставались въ дѣлахъ уголовныхъ. Славяне не любили поединковъ и предоставляли ихъ лишь ратнымъ людямъ; за то ордаліи держались додѣе; но, очевидно, въ Англіи и Сербіи отмѣненіе тѣхъ и другихъ началось съ дѣлъ гражданскихъ и шло одновременно тамъ и тутъ. Конечно, много естественныхъ причинъ входило въ мнимое рѣшеніе судьбы и случайностію своею отнимало у него то высокое значеніе правды, которое народъ привыкъ приписывать высшей силѣ; тѣмъ не менѣе и судъ Божій и поединки оправдываются главною цѣлью своего учрежденія,—цѣлью успокоить взволнованную совѣсть, когда уже никакія человѣческія средства не могли удовлетворить желанію правды. Противъ рѣшенія судьбы, было-ли то поединкомъ, войною, и всего, что уклонялось отъ мирнаго судебнаго разбирательства, сильно возставали Дубровничане. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями они бьютъ на то, чтобы въ случаѣ недоразумѣнія разбираться не иначе, какъ судомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что высокое развитіе гражданственности въ старыхъ общинахъ много способствовало къ водворенію правильныхъ судовъ и въ другихъ сербохорватскихъ областяхъ въ ущербъ случайностямъ и произволу, по-крайней-мѣрѣ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ. Король Владиславъ клянется не начинать войны съ дубровницкою общиною до тѣхъ поръ, пока не учинитъ съ нею трехъ судовъ.

Уже говорено было о должностныхъ судьяхъ, одновременно присягавшихъ на срокъ своей службы; изложены были и главныя свойства самаго судопроизводства. Но этими судами не ограничивалась потребность народная, всегда искавшая возможной простоты, откровенности и правды. Древнѣйшее разбирательство, сохраненное памятниками, производилось очень просто и помимо должностныхъ судовъ. Представители обѣихъ сторонъ сходились гдѣ-нибудь на пограничной чертѣ и на чемъ уставлялъ этотъ сходъ или «состанокъ», на томъ и стояли. Потомъ начали прибѣгать къ третейскому суду. Мы уже видѣли, что добрые мужи являлись здѣсь мировыми посредниками. Въ прибрежныхъ общинахъ этотъ судъ былъ въ большомъ употребленіи, особливо въ дѣлахъ семейныхъ. Къ нему прибѣгали добровольно. Въ нѣкоторыхъ общинахъ онъ даже получилъ юридическую форму. Двое судей избирались обѣими сторонами, а третьяго назначала власть. Въ Полицѣ судъ этотъ назывался полюбовнымъ. Особенный случай третейскаго суда приведенъ въ грамотѣ босенскаго короля Твартка Твартковича, 1405 года. Желая уравнять взаимныя обиды, причиненныя

войной его предшественника, короля Остоя, съ Дубровникомъ, Твартко предлагаетъ назначить съ обѣихъ сторонъ изъ лицъ почетныхъ по два судьи, которые должны съѣхаться въ одной изъ пограничныхъ областей для разбора и приговора, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Возможность подобныхъ судовъ основывается опять на довѣріи и уваженіи выборныхъ лицъ, помимо судей должностныхъ. Но встрѣчается и одинокій судъ. Банъ босенскій Стефанъ Котроманъ въ 1249 году предоставляетъ себѣ самому рѣшать всѣ спорныя дѣла между своими подданными и дубровницкими торговцами: этимъ онъ какъ бы желаетъ оказать особое расположеніе къ сосѣдней общинѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, король сербскій, Урошъ I, упоминаетъ въ своей грамотѣ о властелинѣ, который будетъ на судѣ и постановитъ дубровницкимъ купцамъ срокъ къ выходу изъ Сербіи; важнѣйшія же уголовныя дѣла между Сербами и Дубровничанами обращаетъ прямо на свой личный судъ. То же впослѣдствіи подтвердили Душанъ и сынъ его Урошъ V.

Одновременно съ этимъ одинокимъ судомъ въ грамотѣ того же Уроша I уже возникаетъ судъ присяжныхъ. Въ 1254 году король писалъ дубровницкой общинѣ: «Земли и виноградники, которые вы держали до смерти моего отца, держите ихъ; а что послѣ того было захвачено земли или засажено лозами, то пусть это опредѣлится судомъ. Что судъ покажетъ мнѣ, то будетъ мнѣ, что вамъ, то—вамъ. Судъ пусть стоитъ отъ Михайлова до Юрьева дня тамъ же, гдѣ и прежде стоялъ при отцѣ моемъ. *Оба судьи* должны принести присягу въ томъ, что будутъ судить по правдѣ. И если найдется человѣкъ, осужденный въ пользу вашего человѣка, то *мои судьи* берутъ у него имущество; когда имущества не достанетъ, то они выдаютъ виновнаго къ сроку, который постановятъ судьи; етли же судьи не выдадутъ его, то я самъ беру долгъ, гдѣ знаю, и представляю куда слѣдуетъ». Здѣсь мы видимъ двухъ судей, которые назначаются и приносятъ присягу одновременно. Въ обыкновенномъ третейскомъ судѣ или судѣ посредниковъ, судьи не присягали; къ нимъ могъ быть присоединенъ третій судья отъ правительства. Должностные же судьи были постоянными судьями и приносили присягу не каждый разъ, а только при вступленіи въ должность. Здѣсь, очевидно, выступаетъ особое представленіе суда съ оттѣнкомъ посредническаго, но въ то же время подъ условіемъ предварительной присяги. Эти два судьи суть выборные съ той и другой стороны. Тотъ же король

въ другой своей грамотѣ пишетъ: «И если случится распря между Сербомъ и Дубровчаниномъ, то имъ судиться передъ однимъ сербскимъ судьею и однимъ Дубровчаниномъ и что положатъ эти судьи, то такъ и будетъ». Это былъ, по выраженію дубровницкихъ грамотъ, «общій», т. е. смѣшанный судъ. То же самое подтвердилъ и сынъ Уроша I, Милутинъ, въ 70-хъ годахъ XIII столѣтія, ссылаясь на законъ отца и сверхъ того дѣлая подобное постановленіе и для тяжбъ между Сербами и Сасами (Нѣмцами). Уже это одно распространеніе постановленія о присяжномъ судѣ на Нѣмцевъ послѣ Дубровничанъ служитъ доказательствомъ, что Нѣмцы не имѣли вліянія на введеніе суда присяжныхъ въ сербское обычное право. Наконецъ рядомъ съ двумя присяжными и выборными судьями мы видимъ и королевскихъ судей, исполнителей приговора: послѣднихъ, и только ихъ однихъ, король могъ назвать *своими*.

Остановимся на этомъ первомъ историческомъ извѣстіи о судѣ присяжныхъ для того, чтобы сличить пути, которыми это учрежденіе вошло въ жизнь народную въ Англіи и Сербіи. Въ Англіи оно возникло изъ присяжнаго свидѣтельства, и этотъ корень долѣе всего оставался въ немъ. Именно, мы видѣли, что только съ половины XV столѣтія обычай сталъ отнимать у членовъ присяжнаго суда ихъ свидѣтельское значеніе; закономъ же оно устранено было окончательно только въ XVII вѣкѣ. Очевидно, свидѣтельское начало вносило съ собою и численность судебнаго состава. Для показаній требовалось двѣнадцать достовѣрныхъ людей. Напротивъ, въ Сербіи судъ присяжныхъ возникъ изъ суда третейскаго; къ нему онъ подходитъ числомъ судей, но отличается отъ него присягою. Основное воззрѣніе какъ въ Англіи, такъ и въ Сербіи, было одинаково: именно, народъ хотѣлъ судиться въ своей средѣ, помимо суда правительственнаго. Какъ въ Англіи, такъ и въ Сербіи судъ присяжныхъ составлялся одновременно, и на рѣшеніе его сначала поступали дѣла гражданскія. Разъѣзжіе судьи въ Англіи подобны королевскимъ судьямъ, исполнителямъ приговора. Главною цѣлью присяжныхъ судей, какъ и третейскихъ, было—рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Объ исполненіи приговора или о подведеніи приговора подъ законъ, они мало заботились. Въ Англіи и Сербіи присяжные судьи были выборные; въ Сербіи они выбирались съ той и другой стороны. Тамъ и тутъ апелляціи на нихъ не было.

Прежде чѣмъ поведу далѣе рѣчь о судѣ присяжныхъ, останов-

люсь на одномъ весьма важномъ вопросѣ: въ какомъ отношеніи стояли присяжные судьи къ присяжнымъ свидѣтелямъ? Этотъ вопросъ важенъ потому, что нѣкоторые ученые смѣшиваютъ присяжныхъ свидѣтелей съ присяжными судьями, опираясь на одинаковое названіе тѣхъ и другихъ, употребляемое въ уставахъ. Извѣстно, что для присяги въ древнемъ славянскомъ законодательствѣ было особое слово—*рота*. Свидѣтельствовать или судить по присягѣ значило то же, что свидѣтельствовать или судить по ротѣ. Отсюда выраженіе—*порота*, *поротникъ* или *ротникъ*. Въ уставахъ прибрежныхъ общинъ, гдѣ не было суда присяжныхъ, говорится лишь о свидѣтеляхъ, подтверждающихъ свои показанія клятвою. Они называются ротниками и поротниками. Это слово часто встрѣчается въ винодольскомъ законѣ; но оно нисколько не даетъ права видѣть въ немъ непремѣнно присяжныхъ судей. Было бы также напрасно искать различія между ротниками и поротниками. Винодольскій законъ смѣшиваетъ оба слова; полицкій употребляетъ исключительно первое; а душановъ — второе. Сколько однако не вникаешь въ винодольскій законъ, на который ссылаются нѣкоторые ученые, въ немъ не видишь присяжныхъ судей, а видишь только свидѣтелей. Самая, по моему мнѣнію, сомнительная статья, 41-я, относится ни болѣе, какъ къ свидѣтельству. Въ ней сказано: «Люди ротники, осуждающіе виновнаго («За осудити кривце»), не могутъ быть увѣрованы, если каждый разъ не представятъ противъ виновнаго улики («знаменіе»). На третій день они являются къ суду («къ правдѣ») съ этою уликою». Здѣсь видны одни свидѣтели обвиняющіе; и только тогда, когда имѣютъ улику, приходятъ они къ суду, творящему правду: иначе имъ не дается вѣры. Какіе же это присяжные суды? Такъ точно въ полицкомъ уставѣ и законникѣ душановомъ должно съ большою осмотрительностію принимать это слово, чтобы не смѣшать присяжныхъ судей съ присяжными свидѣтелями. Въ другихъ статьяхъ винодольскаго закона, какъ и въ другихъ общинныхъ уставахъ, говорится еще о присяжныхъ свидѣтеляхъ въ пользу обвиненнаго; они также называются ротниками и поротниками. Когда недоставало свидѣтелей у обвиняющаго, тогда обвиняемый могъ оправдаться съ помощію очистительной клятвы людей, которые ручались за него. Это, по старинному русскому праву, значило отцѣловаться. Въ этомъ случаѣ поротники или ротники были то же самое, что *помощники* и *очистники*. Число ихъ опредѣляется степенью обвиненія. Отъ двухъ оно обыкновенно восходило до двѣнадцати; а въ винодольскомъ за-

конѣ просто сказано, что чѣмъ болѣе будетъ поротниковъ, тѣмъ лучше. Вотъ въ примѣръ одна статья: «Еще объ убійствѣ. Если нѣтъ свидѣтелей, то обвиняемый можетъ очиститься самъ-пятьдесятъ, отыскивая себѣ поротниковъ, какъ только знаетъ и какъ только можетъ болѣе. Если нѣтъ у него поротниковъ, то онъ самъ присягаетъ столько же разъ, или же только за недостающихъ». Въ полицкомъ уставѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ упоминаются также присяжные свидѣтели то въ качествѣ обвиняющихъ, то въ качествѣ помощниковъ и очистниковъ. Есть одна замѣчательная статья, 146, которую я постараюсь передать слово въ слово. «Когда одной сторонѣ рѣшено будетъ поротье по закону самъ-десять (т. е. когда одному изъ тяжущихся дозволено будетъ представить за себя поротниковъ) и когда присягнутъ всѣ находящіеся на лицо поротники, тогда другая сторона вольна вернуть этой роту съ половиною тѣхъ же самыхъ поротниковъ; если опять та сторона вернетъ этой, то эта присягаетъ самъ-третей, если эта вернетъ той, то—самъ-другъ; если же и опять та вернетъ этой, то эта (или собственно уже этотъ одинъ тяжущійся) присягаетъ сама-одна; если же та опять вернетъ — то утверждаетъ на вѣрѣ (т. е. божбою или завѣреніемъ), и если наконецъ та все-таки вернетъ, то утверждаетъ просто словомъ». Здѣсь дѣло идетъ о способѣ отцѣловаться. Одна сторона очистилась ротою самъ-десять, другая очищается точно такъ же и чрезъ это самое какъ-бы возвращаетъ первой ея пороту; тогда первая вновь ротится, но уже самъ-пять, вторая повторяетъ ту же роту и снова возвращаетъ ее первой, дѣлая какъ бы недѣйствительною; первая опять ротится самъ-третей и т. д., пока дѣло не дойдетъ до единичной присяги самихъ тяжущихся, послѣ чего если и эта присяга будетъ возвращена, дѣло оканчивается честнымъ словомъ. Другая статья устава представляетъ намъ поротниковъ только съ одной стороны, тогда какъ другая сторона приноситъ съ собою свои «мочи», т. е. документы, подлинность которыхъ подтверждаетъ клятвенно приставомъ. Въ собственной Сербіи были такіе же поротники. Въ 1334 году Стефанъ Дечанскій, сынъ Милутина и отецъ Душана, писалъ дубровницкой общинѣ: «У васъ въ Стонѣ и Ратѣ скрываются мои люди: выдайте мнѣ ихъ. Когда же мой посланный не отыщетъ у васъ моихъ людей, а я этому не повѣрю, тогда я приглашу четырехъ или пятерыхъ изъ вашихъ властелей, чтобы они поклялись Богоматерью Дубровницкою въ томъ, что дѣйствительно нѣтъ моихъ людей ни въ Стонѣ, ни въ Ратѣ». Здѣсь понятіе серб-

*

скаго правительства объ очистительной присягѣ распространено на всю общину въ лицѣ четырехъ или пятерыхъ выборныхъ. При Стефанѣ Душанѣ, въ качествѣ свидѣтелей, встрѣчаемъ поротниковъ или *душевниковъ*. Оба эти названія были однозначущими въ смыслѣ присяжнаго оправданія. Въ грамотахъ часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ «рота» или «клятва» и «душа»; или же оба слова соединяются вмѣстѣ для большей наглядности: «клясться на душѣ». Такъ напримѣръ: «банъ на душѣ своей утвердилъ соблюдать сей обѣтъ и клялся». Или: «Пусть царинникъ (сборщикъ пошлины) скажетъ душою». Или: «И мы во всемъ этомъ клялись нашими вѣрами и душами». Вообще въ древнихъ памятникахъ слово, сказанное душою или на душѣ, означало клятву, и потому душевники имѣли такое же значеніе, какое и поротники. Они не иначе могли приступать къ показанію, какъ давъ предварительно присягу. Одно мѣсто Душанова законника упоминаетъ объ этой присягѣ: «Если случится торговцамъ и гостямъ утратить что-нибудь, то да будетъ имъ порота — достовѣрные люди, которые скажутъ своею душою, что именно у нихъ пропало». Здѣсь слово порота пояснено выраженіемъ сказать душою; а это выраженіе въ другихъ статьяхъ замѣнено словомъ душевники. Стало-быть, порота, поротники и душа, душевники составляли одно и то же юридическое понятіе. Объявлять подъ присягою количество утраты есть дѣло присяжнаго цѣновщика, а не судьи; но такъ какъ оцѣнивать можно было очевидцу, то присяжные цѣновщики играютъ здѣсь роль присяжныхъ свидѣтелей. Еслибы даже въ этомъ случаѣ и нельзя было назвать ихъ свидѣтелями, то есть много другихъ случаевъ, гдѣ поротники являются, по Законнику, присяжными свидѣтелями. Ихъ обязанность выяснится изъ сличенія Законника съ грамотами Душана и Уроша V. Въ послѣднихъ сказано: «Если торговецъ приведетъ коня, купленнаго въ чужой землѣ, и коню этому сыщется хозяинъ, то торговецъ присягаетъ самъ-другъ въ томъ, что коня купилъ въ чужой землѣ и не знаетъ ему ни вора, ни разбойника. При этомъ онъ не даетъ свода. Но признавшій своего коня можетъ, если захочетъ, взять его назадъ, уплативъ торговцу его деньги». Въ статьѣ 151 Законника повторено то же самое относительно всякой купли, привезенной изъ чужой земли: «Если кто купилъ въ чужой землѣ что либо такое, что было награблено въ землѣ царской, то купля эта дозволяется. Но когда торговца задержатъ и скажутъ: «это мое», тогда его оправдываетъ порота по закону въ томъ, что купля

сдѣлана въ чужой землѣ и не завѣдомо». Наконецъ въ статьѣ 193 сказано: «И конь и всякое имущество если окажется похищеннымъ, то владѣлецъ даетъ ему сводъ (очную ставку) и платитъ седмерицею. Когда-же онъ покажетъ, что купилъ его въ чужой землѣ, тогда душевники оправляютъ его отъ глобы (пени седмерицею); если же не оправятъ, то платитъ съ глобою». Если сличить всѣ три мѣста, то увидимъ, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ-же; только выраженія для присяжныхъ свидѣтелей употреблены различныя: въ грамотѣ сказано просто: да клянется самъ-другъ; въ Законникѣ этотъ побочный свидѣтель замѣненъ душевникомъ и поротою. Здѣсь ясно разумѣется очистительная присяга. Такъ и въ статьѣ 190 находимъ прямое указаніе на то, что душевники были очистниками: приставъ, обвиненный въ чемъ либо, подвергался наказанію, если не былъ оправданъ душевниками. Потому я думаю, что Шафарикъ и Палацкій ошибаются, называя душевниковъ судьями. Первый переводитъ ихъ чрезъ judices, richter; а второй говоритъ: «что поротники въ дѣлахъ важнѣйшихъ, то душевники и свидѣтели въ дѣлахъ малыхъ» — и доказываетъ свое мнѣніе 69 статьею Законника. При этомъ онъ замѣчаетъ также: «душевники отвѣчали за приговоръ своею душою, а потому не присягали». Во-первыхъ, душевники не были судьями, ибо не одна статья Законника на это не указываетъ. Въ статьѣ 69 сказано только: «А за сельскія межи, какъ покажутъ свидѣтели, такъ и да будетъ». Здѣсь рѣшеніе произнесено самимъ Законникомъ, а показаніе свидѣтелей взято только въ основу рѣшенія, какъ доказательство. Во-вторыхъ, что душевники присягали, это доказано мною выше изъ тожества выраженій душевникъ и поротникъ, сказать на душѣ и ротиться. Въ-третьихъ, что душевника не судили и въ малыхъ дѣлахъ, за это ручается статья 129, гдѣ говорится: «а за малое дѣло — 6 поротниковъ». Стало-быть, поротники, какъ присяжные судьи, не были душевниками и въ дѣлахъ меньшей важности. Я не сомнѣваюсь, что при тогдашней неопредѣленности судебныхъ представленій присяжные свидѣтели близко подходили, по мысли своей, къ присяжнымъ судьямъ. Ихъ показаніями покончивалось дѣло. Здѣсь главную роль играло показаніе, а не примѣненіе къ закону; ибо, утверждая показаніе, уже самъ законъ даетъ положительный отвѣтъ о дальнѣйшемъ дѣйствіи суда. Никогда присяжное показаніе свидѣтелей не опровергалось закономъ: оно имѣло силу приговора присяжныхъ судей. Скажутъ: въ такомъ случаѣ показаніе и сила показанія сосредоточивались

въ одномъ и томъ же лицѣ присяжнаго свидѣтеля, какъ было первоначально въ Англіи. Да, но разница въ томъ, что въ Англіи сами свидѣтели давали вѣсъ своимъ показаніямъ; а здѣсь законъ, сила посторонняя, признавалъ ихъ показанія полновѣснымъ приговоромъ и скрѣплялъ этотъ приговоръ. Свидѣтели оставались свидѣтелями и не смѣшивались съ судьями, потому-что послѣдніе, какъ мы видѣли, возникли въ Сербіи не изъ свидѣтельскаго начала. Все, что можно сказать о древнесербскомъ присяжномъ свидѣтельствѣ, такъ это то, что гражданская почва Сербіи значеніемъ присяжно-свидѣтельскихъ показаній сильно благопріятствовала возникновенію и развитію суда присяжныхъ. Въ соотвѣтствіе съ 193 статьею, приведу статью 144-ю: «Когда кто изъ властельскихъ дворянъ учинитъ какое либо злодѣяніе, — если онъ проняревичъ (владѣющій неродовою собственностію), то отчинная дружина оправдываетъ его поротою». Здѣсь поротники слишкомъ ясно выступаютъ какъ очистники и сходятся съ душевниками. Вообще слово порота не должно смущать изслѣдователей обширностію своего употребленія. Тотъ, кто работаетъ по источникамъ, можетъ всегда въ одномъ и томъ же словѣ различить доказательство отъ приговора или присяжныхъ свидѣтелей отъ таковыхъ же судеій.

Другой, не менѣе важный вопросъ состоитъ въ томъ: всѣ ли свидѣтели, по древне-сербскому праву, приносили присягу? Трудно рѣшить этотъ вопросъ, если строго держаться выраженій уставовъ. Очень можетъ быть, что добрые мужи, напримѣръ въ качествѣ старожиловъ при опредѣленіи земельной собственности, не приносили присяги. Безспорнымъ остается только то, что свидѣтели за обвиненнаго, или очистники и помощники, приносили присягу. Въ полицкомъ уставѣ положено было, что еслибы кто изъ таковыхъ свидѣтелей пожелалъ избавиться отъ присяги, то это допускалось не иначе, какъ съ согласія противной стороны, которая этимъ выказывала, что и безъ присяги полагается на его правду: иначе, хотя бы и одинъ не присягнулъ, то и присяга прочихъ теряетъ силу. Замѣчательно, что во всѣхъ подлинныхъ уставахъ, которые довелось мнѣ читать, одни только присяжные свидѣтели въ пользу обвиняемаго называются поротниками и ротниками. Также и Рейцъ, на основаніи уставовъ, бывшихъ у него подъ рукою, только ихъ однихъ разумѣетъ подъ поротниками. Свидѣтели въ пользу истца называются почти всегда свидѣтелями, *свѣдоками*, часто съ добавкою: достовѣрные, почтенные, добрые. О поротникахъ говорится, что они должны присягнуть, отцѣловать, клят-

венно подтвердить и пр.; о свидѣтеляхъ же — доказать, подтвердить, показать и пр. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что между поротниками и свѣдоками не было строгаго различія и относительно присяги. Рейцъ положительно говоритъ, что свидѣтели со стороны истца присягали. Я могу привести нѣсколько данныхъ въ пользу того же. Въ Полицѣ каждое селеніе, въ отвращеніе поземельныхъ споровъ, «ставитъ подъ роту двухъ добрыхъ и правдивыхъ обывателей». Здѣсь съ обѣихъ сторонъ присяга. Въ общинахъ, когда живое устное свидѣтельство замѣнялось письменнымъ доказательствомъ, тогда послѣднее подтверждалось присягою. Возвращеніе роты, какъ это мы видѣли въ статьѣ 146 полицкаго устава, указываетъ на обоюдную присягу. Наконецъ изъ грамотъ видно, что свидѣтели, подписывающіеся подъ грамотою, клянутся вмѣстѣ съ лицомъ, дающимъ грамоту. Душевники съ обѣихъ сторонъ тоже клянутся, напримѣръ, въ искѣ за потраву и въ отклоненіи глобы. Если таково вообще условіе для свидѣтелей, то нѣтъ сомнѣнія, что и свидѣтели истца приносили присягу. Всего яснѣе видно это изъ выраженія: «ротници за осудити кривце», гдѣ ротники суть присяжные, обвиняющіе свидѣтели. Въ дѣлахъ международныхъ, какъ напримѣръ, въ торговыхъ искахъ Дубровничанъ на Сербахъ и наоборотъ, очистники выбирались изъ соплеменниковъ; ибо, писали Дубровничане, непристойно, чтобы Латынянинъ отцѣловывался за Серба, или Сербъ за Латынянина. Свидѣтелей обвиняющихъ требовалось когда два, когда одинъ, съ присягою самого истца; но поротниковъ или очистниковъ и помощниковъ требовалось гораздо болѣе. Число ихъ восходило до пятидесяти; чѣмъ болѣе было ихъ, тѣмъ лучше. Иногда цѣлая дружина называется поротою. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, за недостаткомъ очистниковъ, выставленныхъ обвиняемымъ, число ихъ дополнялъ князь, назначая отъ себя, или самъ *обжалованный* отцѣловывался столько разъ, сколько недоставало очистниковъ. Присяжными свидѣтелями за и противъ могли быть и женщины.

XIV и XV столѣтія богаче предыдущаго указаніями на судъ присяжный. Замѣтимъ, что судъ этотъ, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, нигдѣ не является нововведеніемъ. Уставъ полицкій сохраняетъ его, какъ старину, рядомъ съ нимъ усиливая должностной судъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ сосѣднихъ общинъ. Нельзя предполагать, чтобы дѣло происходило наоборотъ; ибо старыя далмацкія общины, постоянно усиливаясь, не имѣли у себя суда присяжныхъ. Славянское

начало входило весьма замѣтно въ полицкій уставъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ основное устройство общины покоилось на началахъ сходныхъ съ другими общинами. Развитость устава и его полнота обличаютъ высокую по тому времени гражданственность въ Полицѣ и служатъ, можетъ быть, рѣдкимъ примѣромъ дружнаго соединенія заимствованнаго, но близкаго къ славянскому духу, порядка съ чисто славянскими воззрѣніями. Оттого правильный устрой гражданскихъ учрежденій не исключаетъ здѣсь простоты и естественности, какъ коренной потребности народнаго быта. Рядомъ съ княземъ и его судьями, съ одной стороны, и вѣчевымъ или соборнымъ судомъ, съ другой, въ Полицѣ существовалъ и судъ присяжныхъ. Народъ отстоялъ за собою право судиться, помимо должностнаго суда, передъ избранными и независимыми судьями. Всякій должностной судъ могъ быть отстраненъ и замѣненъ полюбовнымъ: это уже было важнымъ пріобрѣтеніемъ со стороны народа, подходившаго въ этомъ къ суду присяжныхъ. Въ статьѣ 8-й мы находимъ три рода суда: за убійство, насиліе и грабительство, обвиняемый, кто бы ни былъ онъ, илеменитый ли человѣкъ или кметъ, призывается къ суду, или предъ князя, или предъ судей, или предъ весь соборъ. Кто были эти судьи? Въ статьѣ 15-й община единогласно и соборно—замѣтимъ, даже безъ участія князя—постановляетъ, что четыре властеля и девять дѣдичей будутъ судьями, которые могутъ разбирать всякое дѣло. А чтобы избавить этихъ судей отъ окончательнаго исполненія приговора, уставъ самъ уже опредѣляетъ пеню, говоря: осудъ насильнику 25 ливръ. Вслѣдъ затѣмъ, въ статьѣ 19-й, читаемъ, что Поличане, всѣ властели и вся община, постановили, что четыре властеля и четыре дѣдича избираются на три мѣсяца, послѣ чего ихъ смѣняютъ другіе. Предъ ними обиженный призываетъ обидчика, и если тотъ не явится въ срокъ, то теряетъ правду. Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе считается окончательнымъ. Не берусь рѣшить, какъ и почему число судей было измѣнено въ одномъ и томъ же уставѣ. Всего вѣроятнѣе, что тутъ смѣшаны писцомъ статьи разныхъ годовъ. Для насъ, впрочемъ, важно то, что здѣсь и гражданскій и уголовный иски отнесены къ судьямъ, стоящимъ особо отъ княжескаго двора и вѣча внѣ всякой апелляціи. Эти выборные судьи были вмѣстѣ и присяжными. Уставъ называетъ ихъ судьями—ротниками: «Половина пени идетъ выигравшей дѣло сторонѣ, а другая половина тому, кто судилъ: если одинъ князь, то князю и (его) судьямъ; если соборъ, то общинѣ; если судьи присяжные (судци ротни-

ци), то имъ (статья 153)». Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ подробно говоритъ о наказаніяхъ за извѣстныя уголовныя преступленія, такъ что самъ уже законъ опредѣляетъ наказаніе и примѣняетъ его къ различнымъ случаямъ уголовныхъ дѣлъ. Потому главная обязанность присяжныхъ судей была оправдать или обвинить обжалованнаго, т. е. взвѣсить силу доказательствъ. Срочная служба, а не единовременное назначеніе этихъ присяжныхъ судей было уступкою въ пользу сосѣдняго устроя. Но нельзя же отъ учрежденія, упоминаемаго въ 1400 году, требовать полной опредѣленности, обезпеченной самостоятельности и тожества съ учрежденіемъ нашего времени. Я сказалъ, что судъ присяжныхъ выросъ на славянской почвѣ подъ славянскимъ воззрѣніемъ: оттого и можно допустить въ немъ, какъ въ учрежденіи домашнемъ, свою распорядительность и особенность со стороны народа, которымъ оно было выношено и воспитано.

Дубровникъ, въ своихъ сношеніяхъ съ Сербіею, охотно признавалъ и принималъ судъ присяжныхъ. Въ XIII столѣтіи Урошъ I и Милутинъ, ссылаясь на прежніе законы, упоминаютъ объ этомъ судѣ въ своихъ грамотахъ. Но и независимо отъ торговыхъ сношеній своихъ, Дубровникъ ввелъ въ свой уставъ судъ присяжныхъ. Изъ памятниковъ извѣстно, что община эта получила отъ сосѣднихъ властелей нѣсколько жупъ съ населеніемъ чисто-славянскимъ. Подъ самымъ городомъ лежали славянскія села. Короче, городъ окруженъ былъ своими славянскими подданными, между которыми велось странное народное житье-бытье. Въ 1396 году Дубровничане писали нѣкоему Богдану Красимировичу: «Да будетъ тебѣ вѣдано, что съ Воломъ Климовымъ мы не иначе могли сдѣлаться, какъ не нарушая закона. Приходи лично на сходъ («состанокъ») въ Шуметь у св. Трифона (нынѣ Gionchetta) близь Рѣки, прежнее пограничное селеніе); а тѣ люди могутъ, согласно съ твоимъ желаніемъ, или придти на границу, или остаться дома. И если тѣхъ людей судьи обвинятъ, то мы все уплачиваемъ, а ежели оправятъ, то они будутъ свободны. Если же ты не придешь, то будешь сочтенъ за неправаго.» Дубровничане называютъ здѣсь посредниковъ не иначе, какъ судьями; разборъ назначенъ въ пограничномъ мѣстѣ; приговоръ или оправдываетъ, или обвиняетъ. За полтора столѣтія до этого Дубровникъ точно также переговаривалъ съ общиною Поповымъ. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ славянскаго вліянія въ простотѣ переговоровъ. Когда же сличимъ все это съ извѣстною уже намъ грамотою Уроша I, упоминающею о двухъ

присяжныхъ судьяхъ, то увидимъ и здѣсь зародышъ присяжнаго суда. Уважая славянское обычное право, община, въ половинѣ XV столѣтія внесла судъ по поротѣ въ свой законникъ, извѣстный подъ именемъ Зеленаго; но не приняла его для своихъ горожанъ, а только для загороднаго сельскаго населенія, гдѣ онъ существовалъ, конечно, и гораздо раньше. Съ этой поры судъ присяжныхъ получилъ письменное выраженіе и законность передъ лицомъ общиннаго правленія. Онъ введенъ былъ для слѣдующихъ мѣстъ: Стопа, Конавлей (съ Виталиною), Терстеницы и «новыхъ земель» (вѣроятно, вновь пріобрѣтенныхъ отъ сосѣднихъ властелей). Такъ какъ изъ грамотъ мы знаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ областей были пріобрѣтены общиною за «ежегодную дань», то нельзя не замѣтить здѣсь желанія общины удержать для своихъ славянскихъ подданныхъ старинный и туземный способъ разбирательства. Въ 433-й статьѣ означеннаго Законника сказано: «Такъ какъ областные старшины сзываютъ поротниковъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ и селеній, то это неблагоразумно и несправедливо. Отнынѣ поротники должны созываться изъ того округа, къ которому принадлежитъ обжалованный. Смотря по важности дѣла, назначаются шесть, восемь и двѣнадцать поротниковъ. Во всякомъ дѣлѣ должно соображаться съ законами и обычаями». Въ Англіи было наоборотъ: тамъ мѣстность, изъ которой назначались присяжные судьи, расширялась; здѣсь она съуживалась. Стало-быть, община вносила въ это учрежденіе свое воззрѣніе. Ясно однако, что поротники, взятые изъ дальнихъ селеній, не могли быть только присяжными свидѣтелями; они судили, взвѣшивали обвиненіе и оправданіе и передавали свой приговоръ тому, кто заправлялъ дѣломъ—«che amministerà ragione». Такое явленіе въ дубровницкомъ законодательствѣ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что судъ присяжныхъ принадлежитъ славянской народности: искать начало его должно здѣсь, на славянской почвѣ. Вліяніе же римскаго или итальянскаго средневѣковаго права, сохранившагося въ старыхъ далмацкихъ общинахъ, могло быть только въ ущербъ ему; потому что тамъ, гдѣ вліяло оно, и не было суда присяжныхъ.

Въ собственной Сербіи судъ присяжныхъ сохранялся по живому преданію. Урошъ I и Милутинъ ссылаются на прежніе законы отца и дѣда. Душанъ ссылается на законъ дѣда своего, Милутина. Урошъ V подтверждаетъ законы и грамоты своего отца, Душана. Такимъ образомъ обычное право, возведенное въ законъ, восходитъ ко временамъ

Неманя. Доселѣ памятники открывали намъ судъ присяжныхъ только въ сношеніямъ Сербовъ съ иноземцами. Безспорно, судъ этотъ возникъ изъ суда посредническаго. Добрые мужи, какъ мы видѣли, могли быть судьями и на нихъ уже не было жалобы; рѣшенія своего они не примѣняли къ законоположеніямъ, которыхъ могло и не быть, а только выслушивали обѣ стороны и произносили приговоръ о томъ, кто правъ и кто виноватъ. Стоитъ только привести ихъ къ присягѣ, какъ изъ нихъ уже являлись присяжные судьи. Свидѣтели, какіе бы они ни были, присяжные или неприсяжные, обвиняющіе или оправдывающіе, никогда не смѣшивались съ присяжными судьями. Здѣсь выразилось самостоятельное славянское воззрѣніе, а вмѣстѣ происхожденіе суда присяжныхъ. Судьи присяжные постоянно называются въ грамотахъ *судьями*, а что они присягали, то это мы видѣли изъ грамоты Уроша I. Уже самымъ этимъ названіемъ они отличаются отъ «свѣдоковъ». Въ XIV столѣтіи, въ цвѣтущее время Сербіи, судъ присяжныхъ обнаруживается полнѣе и яснѣе, какъ учрежденіе, существующее нетолько для туземцевъ, но и для взаимныхъ между Сербами и иноземцами сношеній. Въ 129 статьѣ своего законника, Душанъ пишетъ: «Отнынѣ да будетъ порота и въ большомъ и въ маломъ дѣлѣ: въ большомъ — 24 поротника, въ меньшемъ — 12, а въ маломъ — 6. *И эти поротники не могутъ никого примирять, но должны или оправдать или обвинить*». Вотъ истинное назначеніе поротниковъ, тожественное съ современнымъ. Въ слѣдующей статьѣ, ссылаясь на уставъ дѣда, законодатель писалъ: «большимъ властелямъ большіе властели да будутъ поротниками, среднимъ людямъ — соотвѣтственная имъ дружина, и прочимъ — ихъ дружина». Въ Англіи нѣсколько позднѣе, именно въ 1368 году, при Эдуардѣ III, постановлено было, чтобы вмѣсто 12 рыцарей изъ сотни выбирать 24 рыцаря изъ графства, и тутъ же въ присяжные допущены лица изъ собственниковъ средняго и низшаго классовъ. Въ числѣ присяжныхъ, какъ видно, есть сходство, но сходство только видимое, ибо основа была различная. Въ Англіи время привело къ увеличенію количества присяжныхъ, въ Сербіи количество ихъ опредѣлялось важностію дѣла. Но сословность, однократность назначенія и присяга судей даютъ полное право на сравненіе одной стороны съ другою въ степени развитости этого учрежденія. Судьи избирались изъ того самаго сословія, къ которому принадлежали спорящіе. Этотъ обычай велся со временъ Милутина, потому что, утверждая его, Душанъ

ссылается на законъ своего дѣда; а такъ какъ дѣдъ его, Милутинъ, въ свою очередь, тоже ссылается на законы своего отца, Уроша; этотъ же опять ссылается на отцовскіе и дѣдовскіе законы, то не остается никакого сомнѣнія, что сословность въ судѣ по пороте соблюдалась, какъ исконный обычай, и не моложе постановленій Великой Хартіи, утвердившей судъ равныхъ по сословію на томъ основаніи, что передъ закономъ всѣ равны. Въ Сербіи, въ уголовныхъ дѣлахъ, свойство преступленія, кѣмъ бы оно ни было совершено, имѣло одинаковую силу передъ закономъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ неропхъ или свободный хлѣбопашецъ могъ судиться нетолько съ своимъ господиномъ, но и съ самимъ царемъ: слѣдовательно, и въ Сербіи всѣ сословія считались равными передъ закономъ. По той же 129-ой статьѣ законника, приговоръ присяжныхъ рѣшался большинствомъ. Здѣсь существенное различіе отъ суда присяжныхъ въ Англіи. Присяга приносилась въ церкви. Священникъ въ полномъ облаченіи приводилъ къ присягѣ. Для дѣлъ съ иноземцами назначалось, по статьѣ 155-ой, половина поротниковъ изъ Сербовъ, половина изъ иноземцевъ. Обратимъ вниманіе на самое названіе судей. До сихъ поръ въ грамотахъ мы не встрѣчали слова: поротники, но встрѣчали слово: судьи. Наоборотъ, въ законникѣ нигдѣ не употребляется слово судьи, гдѣ дѣло идетъ о присяжныхъ судьяхъ, а вездѣ—поротники. Однако, сличая судей, которые назначаются одновременно и присягаютъ, съ поротниками, которые тоже назначаются одновременно и должны или обвинить или оправдать, мы видимъ полное между тѣми и другими тожество. Въ подтвержденіе укажу на Раковецкій списокъ законника, въ которомъ слово поротникъ всюду замѣнено словомъ судья. Какъ въ Ходошскомъ спискѣ подъ поротникомъ разумѣется всякій присяжный—и судья, и свидѣтель, такъ здѣсь подъ судьею разумѣется всякій поротникъ—и судья и свидѣтель. Сколько первое названіе было прилично, столько же послѣднее неудачно. Но откуда взялось оно? Очевидно, оно взялось изъ того, что у писца XVIII столѣтія оставалось въ памяти, по живому преданію, понятіе о поротникахъ, какъ присяжныхъ судьяхъ. Вотъ, для примѣра статья Раковецкаго списка, неудачно называющая поротниковъ - очистниковъ судьями: «которые судьи клянутся, тѣ и оправдываютъ по закону. И если послѣ того откроется достовѣрная улика противъ того, кого они оправдали, то царь беретъ на тѣхъ судьяхъ вражду. И впредь никому изъ нихъ нѣтъ вѣры, и никто изъ нихъ не долженъ жениться

или выходить замужъ («ни да се кто отъ нихъ ни мужа ни жени»). Весьма важное, для поясненія слова поротники, выраженіе «судіе кои се кльну» тѣмъ не менѣе здѣсь неумѣстно; ибо относится къ очистникамъ, между которыми могли быть и женщины. Поротники-судьи не отвѣчали за свое рѣшеніе, потому что объ этомъ нигдѣ не сказано; а напротивъ очистники могли быть наказаны за ложное оправданіе. Присяжнымъ судьямъ дана была полная самостоятельность; въ Законникѣ вообще апелляціи нѣтъ; въ доубровницкомъ уставѣ тоже; а въ полицкомъ прямо говорится о судѣ присяжныхъ, какъ о судѣ окончательномъ. Вообще все сербское законодательство, когда вчитываешься въ него, представляетъ судъ присяжныхъ и ближайшій къ нему судъ третейскій, какъ и показанія добрыхъ мужей, внѣ всякихъ жалобъ. Избраніе судей отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, когда тяжба шла между Сербами и иноземцами, есть сколько справедливая, столько же второстепенная мѣра, не ослабляющая мысли присяжнаго суда. Въ памятникахъ восточной Сербіи, какъ грамотахъ, такъ и Законникѣ Душановомъ, ничего не сказано о томъ, кто назначаетъ поротниковъ—сами ли тяжущіеся, или власть. Въ Полицѣ, мы знаемъ, присяжныхъ судей избирала община; въ дубровницкихъ владѣяніяхъ ихъ назначалъ областной правитель. Хотя и нѣтъ прямыхъ указаній на отводъ присяжиыхъ судей, однако въ сербскомъ законодательствѣ всегда существовало право отвода для судей и свидѣтелей. Я уже не разъ обращалъ вниманіе на то, что все древнее законодательство Сербовъ предоставляетъ судьямъ преимущественно рѣшеніе вопроса: правъ или виноватъ обжалованный; или: кто изъ двухъ правъ и кто виноватъ? Потому, для рѣшенія этого вопроса оно не назначаетъ никакихъ правилъ и руководствъ. Оно занято почти исключительно двумя статьями: во-первыхъ, предварительными пріемами судопрозводства, какъ-то: вызовомъ къ суду и представленіемъ свидѣтелей; во-вторыхъ, опредѣленіемъ наказанія и взысковъ до возможно мельчайшихъ подробностей. Самимъ судьямъ предоставлялось собственнымъ здравымъ смысломъ рѣшить вопросъ о правотѣ и виновности. Тогда не было противорѣчія между чувствомъ правды, внутреннимъ голосомъ убѣжденія и статьями законовъ. Царь Душанъ, отдавая на произволъ судей царскія грамоты, тѣмъ самымъ показывалъ, что онъ здравый смыслъ ставитъ выше буквы. Обезпеченіемъ справедливости приговоровъ служило совѣщательное начало и судъ присяжныхъ, основанный на томъ же началѣ. Странно бы было от-

вергать судъ присяжныхъ у Сербовъ потому только, что нѣкоторые ученые стремятся доказать, что присяжные судьи были дѣйствительными судьями, и что въ этомъ случаѣ qui plus probat—nihil probat. Отъ законодательства XIII и XIV столѣтій нельзя требовать такой полноты, отчетливости, предусмотрительности, словомъ, развитости, чтобы судебное учрежденіе выступило какъ округленное цѣлое, тщательно разграниченное отъ другихъ однородныхъ съ нимъ учрежденій. Если рядомъ съ присяжными судьями были еще должностные судьи; если еще Урошъ I предоставлялъ «своимъ» должностнымъ судьямъ исполнить приговоръ двухъ присяжныхъ судей; если въ Законникѣ вообще ничего не говорится объ отношеніи присяжныхъ судей къ должностнымъ, а напротивъ прямо указывается на обязанность поротниковъ—никого не примиряя, или осуждать или оправдывать: то, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія о свойствѣ представленія, соединеннаго съ учрежденіемъ суда присяжныхъ. Не забудемъ, что это было за четыре слишкомъ столѣтія до нашего времени. По крайней мѣрѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это былъ особый видъ суда. По недостаточности законодательства нельзя также рѣшить, въ какомъ случаѣ допускался тотъ и другой судъ. Въ Полицѣ это избраніе, какъ мы видѣли, было добровольное. Царь Душанъ повелѣвалъ каждому обывателю судиться передъ своимъ судьею; а о присяжномъ судѣ говоритъ, что и въ большомъ и маломъ дѣлѣ должна быть порота. Изъ грамотъ предшественниковъ его видно, что присяжнымъ судомъ разбирались гражданскія дѣла, а уголовныя шли на рѣшеніе къ самому королю. Теперь же, даруя льготную грамоту Дубровнику, Душанъ вовсе не упомянулъ о присяжномъ судѣ. Въ его грамотѣ нѣтъ ни судей, которые клянутся, ни избранія ихъ отъ обѣихъ сторонъ, ни единовременности ихъ назначенія. Его законникъ хотя и не былъ полнымъ выраженіемъ всего тогдашняго законодательства, однако онъ настолько полонъ, что въ немъ нельзя не видѣть стремленія власти устроить правильные должностные суды: этимъ-то судамъ дано противъ прежняго болѣе широкое и опредѣленное значеніе. Не мудрено, что Душанъ подчинилъ имъ дѣла между Сербами и Дубровничанами. Могущество власти подѣйствовало невыгодно на равенство взаимныхъ отношеній, и перевѣсъ склонился на сторону сильнѣйшаго. Въ 1350 году Душанъ писалъ: «И если торговцамъ дубровницкимъ въ моей землѣ случится имѣть какой либо судъ, то они судятся передъ царникомъ и княземъ или передъ кефаліею

(главаремъ), который будетъ въ томъ городѣ, по закону моего родителя и прародителя; а въ слѣдующихъ дѣлахъ идутъ передъ меня лично: въ крови, землѣ, проводѣ, человѣкѣ и сводѣ.» Важнѣйшія уголовныя дѣла, попрежнему, предоставлены верховной власти; но и прочія, въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и гражданскія, предоставлены суду должностныхъ лицъ. Притомъ страннымъ образомъ употреблена ссылка на законъ отца и дѣда, какъ будто между грамотами ихъ и этого не было никакого различія. Въ грамотахъ предшественниковъ Душана мы не видимъ ничего подобнаго. Это объясняется увлеченіемъ или вѣрнѣе уловкою писцовъ, искавшихъ освященія закона въ стародавности обычнаго права. Украшеній въ такомъ родѣ весьма много въ древнихъ сербскихъ памятникахъ. Такъ, напримѣръ, босенскіе короли, которые и отца-то своего не могутъ назвать законнымъ, величаютъ себя законными родичами и преемниками Неманичей. О свидѣтеляхъ сказано: «И когда ищетъ Латынянинъ на Сербѣ, то онъ даетъ Сербу половину свидѣтелей изъ Латынянъ и половину изъ Сербовъ; также когда Сербъ ищетъ на Латынянинѣ, то онъ дастъ Латынянину половину свидѣтелей изъ Сербовъ, а половину изъ Латынянъ, по закону моего родителя и прародителя и святаго короля.» Изъ этихъ словъ можно заключать, что свидѣтели издавна допускались такимъ способомъ въ тяжебныхъ дѣлахъ; а если удержаны теперь, когда судъ присяжныхъ пройденъ молчаніемъ, то, значитъ, они всегда отличались отъ присяжныхъ судей. «Святымъ королемъ» обыкновенно называется Милутинъ; но здѣсь, если только все это выраженіе не есть простая прикраса, подъ нимъ должно скорѣе разумѣть Стефана Первовѣнчаннаго, такъ какъ Милутинъ названъ прародителемъ. Грамота Душана была буквально повторена сыномъ его Урошемъ V.

Понятно, что устраненіе суда присяжныхъ не нравилось Дубровнику. Правда, въ Законникѣ допущенъ и судъ присяжныхъ для дѣлъ съ иноземцами; однако, когда можно было прибѣгать къ тому или другому, или въ какомъ отношеніи стояли между собою оба суда, въ Законникѣ не было сказано. Потому, какъ скоро Сербія склонилась къ упадку, Дубровничане спѣшили возстановить старинный обычай. Послѣ несчастной Косовской битвы, въ которой палъ князь Лазарь, защищая независимость своего царства, надъ Сербіею утвердилась верховная власть турецкихъ султановъ. Правители ея, сынъ Лазаря, Стефанъ, и преемникъ этого, Юрій Бранковичъ, назывались

уже не болѣе, какъ деспотами. Возобновляя договоры съ Дубровникомъ, деспоты и родичи ихъ подтверждали, съ нѣкоторыми измѣненіями и льготами, прежнія королевскія и царскія грамоты. Дубровничане опять пріобрѣли исключительное право судиться по поротѣ. «И если учинится тяжба—сказано въ грамотахъ—между Дубровничанами и Сербами, то пусть выставится половина судей изъ Дубровничанъ, и половина изъ Сербовъ, и передъ этими пусть тягаются спорящіе. И да будетъ Дубровничанину въ пороту его дружина, Дубровничане, которые найдутся тутъ или по близости. Если оба тяжущіеся захотятъ представить свидѣтелей, то пусть выставляютъ половину Дубровничанъ и половину Сербовъ, и изъ этихъ свидѣтелей ни одинъ не воленъ убѣжать. Если Сасы начнутъ какую либо тяжбу съ Дубровничанами, то судятся такимъ же образомъ, какъ и Сербы: половина судей изъ Сасовъ, а половина изъ Дубровничанъ. И Дубровничанина Сербъ да не позываетъ на судъ никуда, кромѣ этихъ судей. Также и Сасы судятся только передъ этими судьями. И да не идутъ ни передъ наше господство (насъ самихъ), ни передъ кефалію нашего.» Послѣдними словами деспоты прямо отвергали грамоту царя Душана; а между тѣмъ въ грамотахъ своихъ ссылаются на его распоряженія: такъ еще легко понимали писцы грамотъ подобныя ссылки на предшественниковъ. Въ этихъ грамотахъ яснѣе всѣхъ предыдущихъ грамотъ отличены поротники-судьи отъ поротниковъ-свидѣтелей. Возстановлены выборные судьи, понѣскольку съ той и другой стороны, какъ въ Законникѣ; они же названы поротниками. Свидѣтели, которые по Законнику ротятся и называются тоже поротниками, отличены отъ поротниковъ-судей. Послѣдніе отличены и отъ должностныхъ судей, каковыми были главари городскіе и окружные. Наконецъ при судѣ поротниковъ не допускалось никакихъ другихъ судовъ, ни жалобъ: онъ пользовался полною самостоятельностію. Изъ деспотскихъ грамотъ, по сличеніи ихъ съ царскими и законникомъ Душановымъ, а также съ прежними королевскими (Уроша I и Милутина), можно заключить, что судъ присяжныхъ всегда существовалъ самостоятельно рядомъ съ судомъ должностныхъ лицъ, и что онъ, подобно другимъ учрежденіямъ, имѣлъ въ Сербіи свое развитіе и свою исторію. Нѣкоторые ученые всюду, гдѣ только встрѣтятъ слово поротники, думаютъ видѣть присяжныхъ судей, забывая о свидѣтеляхъ; другіе напротивъ принимаютъ присяжныхъ судей за дѣйствительныхъ судей съ полною судейскою обязанностью. Тѣ и другіе

ошибаются. Различіе поротниковъ-судей отъ поротниковъ-свидѣтелей и должностныхъ судей, кажется, достаточно разъяснено мною; что же касается до самой обязанности присяжныхъ судей, то напомню здѣсь, что вся сила этой обязаности, по общему смыслу законодательства, состояла въ приговорѣ о правотѣ и виновности. Напомню также, что еще при Урошѣ I королевскіе суды являются при присяжныхъ какъ исполнители ихъ приговора, и по нѣсколькимъ статьямъ Законника Душанова на должностныхъ судей, и именно на нихъ однихъ, а не на поротниковъ, возложена нѣкотораго рода исполнительная власть. Слѣдовательно, одними присяжными судьями не оканчивалось судопроизводство. Это-то и отклоняетъ отъ суда присяжныхъ въ Сербіи поговорку: qui plus probat—nihil probat, которою г. Утинъ хотѣлъ заподозрить существованіе его.

Представлю теперь результаты, къ которымъ привело меня изслѣдованіе столь любопытнаго и новаго предмета непосредственно по источникамъ. Сербское и хорватское населеніе, тянувшееся южнѣе Савы отъ береговъ Адріатическаго моря до рѣки Моравы, проникнуто было множествомъ условій, благопріятныхъ суду присяжныхъ. Остатки родоваго быта, сохранившіеся въ довѣріи къ добрымъ людямъ, и участіе ихъ во множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, привели къ суду посредниковъ, устранявшему, въ пользу общества, должностные суды. Участіе народа въ правленіи, законодательствѣ и судопроизводствѣ доставило народу возможность удержать за собою особый независимый судъ. Простота стариннаго судоустройства и судебной гласности перешла во всѣ суды и преимущественно способствовала поддержанію этого особаго независимаго суда, отличавшагося своею простотою. Наконецъ всеобщая нелюбовь Славянъ къ единичности заставила держаться именно собирательнаго суда, состоявшаго изъ нѣсколькихъ равныхъ между собою членовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Почва эта была необыкновенно обширна; на ней разрослась вся жизнь народа. И изъ ея благопріятныхъ условій, отвсюду сходившихся въ одно средоточіе,—въ этомъ средоточіи возникъ судъ присяжныхъ. Зачатки его ускользаютъ изъ глазъ изслѣдователя, далеко опережая, въ глубь старины, тѣ памятники, которые доносятъ до насъ первые его слѣды. Если не зачаткомъ, то древнѣйшимъ видоизмѣненіемъ его былъ обычай у Сербовъ судиться съ Дубровничанами передъ двумя присяжными судьями, избранными съ той и другой стороны. Судъ присяжныхъ у Сербовъ есть чисто славянское учрежденіе: онъ возникъ изъ славянскаго воззрѣнія и сла-

вянскихъ отношеній. Тамъ, гдѣ *вліяла общественная жизнь* противуположнаго берега, его уже не было; но полоса, нѣсколько удаленная отъ моря, наполненная общинами вполнѣ славянскими, удержала его, какъ это показываютъ уставъ полицкій и Зеленая книга Дубровника. Но главнымъ центромъ его была восточная Сербія. Здѣсь онъ получилъ письменное выраженіе при Душанѣ и явился уже не съ двумя, а многими присяжными. При деспотахъ онъ оставался въ полной силѣ.

Судъ присяжныхъ въ Сербіи современенъ суду присяжныхъ въ Англіи. Заимствованія не могло быть; ибо, во-первыхъ, вліянія Норманновъ на Сербію не было; а другія сосѣднія земли не имѣли у себя этого учрежденія; во-вторыхъ, онъ не былъ введенъ верховною властію, какъ что нибудь новое или чужое; въ-третьихъ, онъ современенъ суду присяжныхъ на сѣверѣ и, имѣя съ нимъ много общаго, имѣетъ много и отличнаго. Въ Англіи присяжные судьи образовались изъ свидѣтелей; въ Сербіи они возникли изъ посредническаго или третейскаго суда. Ни тотъ, ни другой источникъ не заключалъ въ себѣ ничего такого, что требовало бы введенія въ присяжный судъ характера должностнаго суда; ни тамъ, ни тутъ присяжный судъ не переступалъ своихъ предѣловъ, и не измѣнялъ главной своей идеѣ—рѣшить, право ли обжалованное лицо или виновно? Степень виновности не входила въ его соображенія; ибо у Сербовъ на это было уже готовое законоположеніе, опредѣлявшее различныя степени виновности и соотвѣтствующие имъ взыски. На это-то преимущественно и направлены были всѣ тогдашніе уставы. Въ Англіи никогда число судей не спускалось до двухъ; въ Сербіи первоначально видимъ двухъ людей; отъ двухъ число ихъ возрасло до шести, восьми, двѣнадцати и двадцати четырехъ. Между числами есть общее и на сѣверѣ и на югѣ. Тамъ и тутъ присяжнымъ судомъ преимущественно рѣшались дѣла гражданскія; съ нихъ онъ и начался. Тамъ и тутъ судьи избирались равные по сословію и происхожденію съ тяжущимися. Тамъ и тутъ были сверхъ судей еще свидѣтели; но въ Сербіи при судѣ присяжныхъ не всегда необходимы были свидѣтели: это показываетъ, что судъ присяжныхъ возникъ здѣсь не изъ свидѣтельскаго начала. Тамъ и тутъ судъ присяжныхъ пользовался полною самостоятельностію, и прибѣгать къ нему предоставлялось волѣ каждаго; въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускался только онъ одинъ, какъ бы въ знакъ льготы.

Изслѣдователь, вступившій въ среду сербскихъ памятниковъ, находится въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ изслѣдователь англій-

скаго судоустройства. Бѣдность извѣстій, особливо касающихся внутренняго устройства, не позволяетъ ему прослѣдить шагъ за шагомъ внутреннее развитіе учрежденія и представить его въ непрерывной исторической послѣдовательности. По-временамъ, какъ обломки великаго крушенія, выступаютъ передъ нимъ слѣды, обличающіе, что это учрежденіе живетъ въ народѣ. Но какъ возникло, какъ выростало, какъ слагалось оно, какія образовательныя начала непосредственно входили въ него, какъ народъ понималъ и отстаивалъ его,—этого не спрашивайте отъ изслѣдователя славянскихъ древностей. Онъ можетъ сказать только, что такое-то учрежденіе дѣйствительно существовало у Сербовъ, что въ такое-то время оно являлось въ такомъ-то видѣ, и что начало его лежитъ въ духѣ славянскаго народа. Затѣмъ онъ повторитъ, что современное состояніе славянскихъ древностей не позволяетъ идти далѣе, и укажетъ на непочатые богатые матеріалы, заброшенные въ архивахъ или уничтоженные турецкимъ и австрійскимъ деспотизмомъ; наконецъ онъ спроситъ: виноватъ-ли изслѣдователь, виноватъ-ли судъ присяжныхъ въ этой недостаточности извѣстій?

Съ паденіемъ Константинополя пала окончательно и Сербія. Остановленная на всемъ ходу, общественная жизнь поворотила назадъ; высшее сословіе измѣнило народу; народъ остался одинъ, внѣ дальнѣйшаго развитія. Судъ присяжныхъ умеръ вмѣстѣ съ народною свободою; его замѣнилъ судъ старшинъ. Но какъ ни губительна была наставшая пора, какъ ни скудны были письменностію времена независимости, — одно остается несомнѣннымъ: судъ присяжныхъ былъ у южныхъ Славянъ; здѣсь онъ родился и началъ разцвѣтать, пока не убила его враждебная ему сила—тираннія.

А. МАЙКОВЪ.

Солнечный лучъ.

(стихотвореніе «Pierre Dupont»).

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захохотала, —
И — весела!

—

Веселье къ намъ въ душу спадаетъ
Нежданно, какъ звѣздочка въ тьмѣ;
Нежданно и кровь заиграетъ, —
И шалость одна на умѣ...
Своей красотой любоваться
Тогда мы невольно спѣшимъ,
И хочется громко смѣяться
Предъ зеркаломъ льстивымъ своимъ.

—

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захохотала —
И — весела!

—

И всё-бы, что бабочкѣ, виться
Надъ каждымъ росистымъ цвѣткомъ,
И всё-бы играть, да кружиться
Подъ солнечнымъ яснымъ лучёмъ!

Поёшь во всё горло щеглёнкомъ, —
И хоть-бы замолкла на мигъ, —
И въ волосы, рѣзвымъ ребёнкомъ,
Готова заплесть весь цвѣтникъ.

—

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
И нынче, только встала,
Захохотала, —
И — весела!

—

Разсѣянной чертишь рукою
Завѣтное имя, и вдругъ
Сотрёшь боязливо ногою, —
И кончить мѣшаетъ испугъ:
Ну, ежели кто насмѣется?...
Чу! кажется, идутъ сюды?
Чу! по-вѣтру шопотъ несется...
Скорѣй замести всѣ слѣды!

—

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче только встала,
Захохотала, —
И — весела!

—

Скорѣе-же платьицемъ бѣлымъ
Поднимемъ мы вѣтеръ кругомъ,
И сразу, движеніемъ смѣлымъ,
Слѣды на пескѣ заметёмъ!
Охъ, еслибъ была я крылатой,
Какъ вольныя птицы пустынь,
Сейчасъ-бы умчалась... куда-то,
Гдѣ ярче небесная синь...

—

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захохотала —
И — весела!

—

Но что-то въ травѣ шевелилось,
Но что-то почудилось мнѣ —
И кровью всё сердце облилось,
И вспыхнули щёки въ огнѣ...
Вотъ глупость-то дѣтская, даже
Въ безумной моей головѣ:
Лягушку зелёную я-же
Спугнула въ зелёной травѣ!

—

Вчера я все скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захохотала —
И — весела!

Л. МЕЙ.

20 Сент. 1861 г.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ГАРИБАЛЬДІЙЦА ПОДЪ КАПУЕЙ.

Хотя подъ Капуей уже не предвидѣлось никакого серьезнаго дѣла, но я 23 октября возвратился къ аванпостамъ, съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ до конца похода. Пребываніе въ Неаполѣ сдѣлалось для меня несноснымъ. Послѣ періода чистой радости, возбужденной освобожденіемъ Италіи, въ древней столицѣ Обѣихъ Сицилій наступило время мелочной реакціи со стороны встревоженныхъ частныхъ интересовъ. Правда, народъ, всегда и всюду наивный и великодушный, несмотря на свое слишкомъ существенное бѣдствіе, все еще сохранялъ энтузіазмъ первыхъ дней свободы; аристократія частію эмигрировала, частію принадлежала къ либеральной партіи, но люди средняго сословія, для которыхъ всѣ политическіе интересы приводятся къ одному знаменателю, къ вопросу денежному, изъявляли неудовольствіе, что революція, ими же самими, если неначатая, то по крайней мѣрѣ встрѣченная радостно, слишкомъ долго — около шести недѣль,—производила разстройство въ ихъ малыхъ и великихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Эти люди негодовали на диктатора и считали его правленіе, по ихъ мнѣнію, слишкомъ революціонное, причиною всѣхъ своихъ бѣдствій. Они не могли простить полководцу, что онъ не довольно скоро бомбардировалъ Капую. Тщетны были всѣ увѣренія, что еслибъ даже его великодушное сердце не гнушалось пролитіемъ итальянской крови, то уже одна политика требовала, не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, въ которыхъ и безъ-того сыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія на Гарибальди.

I.

Бригада Эбера, съ которою я совершилъ походъ отъ Мессины, къ несчастію уже возвратилась на главную квартиру, въ Казерту. Генералъ ея находился въ отсутствіи, когда я явился къ нему во дворецъ. Въ ожиданіи его возвращенія я отправился въ Санта-Марія, къ одному знакомому молодому венгерскому капитану роты Флотта, находившейся у крайнихъ аванпостовъ. Потребовался бы особый разсказъ, чтобы представить ту блистательную роль, какую при покореніи Неаполитанскаго королевства игралъ этотъ маленькій корпусъ, состоявшій большею частью изъ Французовъ и получившій названіе отъ храбраго Paul de Flotte, котораго Италія приняла отъ французской демократіи и не возвратила. Солдаты достойны были своего начальства... Въ сраженіи при Вольтурно, занявъ ферму передъ Санта-Марія, пунктомъ весьма важнымъ, на который особенно устремлены были усилія Неаполитанцевъ, наши соотечественники въ числѣ едва шестидесяти человѣкъ, «сражались въ продолженіе цѣлаго дня съ такою замѣчательною храбростью, что имъ удивлялись самые враги». Историкъ *Похода въ королевство Обѣихъ Сицилій* (*), отзывающійся такимъ образомъ объ этихъ храбрыхъ солдатахъ, прибавляетъ: «Поведеніе ихъ было такъ доблестно, что теперь предполагается увѣковѣчить память о немъ надписью на мраморной доскѣ, на фермѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они сражались».

Masseria или Соломенная ферма—не знаю, было ли это ея дѣйствительное названіе, или названіе, данное солдатами, которые нашли тамъ много фуража,—Соломенная ферма находится въ двухъ стахъ шагахъ передъ амфитеатромъ и капуанскими воротами, въ Санта-Марія, направо отъ дороги, ведущей изъ Неаполя въ Римъ. Она образуетъ довольно обширный прямоугольникъ, со всѣхъ сторонъ обведенный стѣнами. Двѣ трети всего пространства заняты садомъ, остальная часть состоитъ изъ квадратнаго двора, окруженнаго жилыми зданіями и хозяйственными постройками. Жилье возвышается направо отъ воротъ, а хозяйственныя постройки, налѣво, состоятъ изъ навѣса, подъ которымъ находятся колодезь, конюшня и хлѣвъ. Эта

(*) Мой другъ и товарищъ, Maxime Du Camp, путешественникъ, поэтъ и французскій писатель.

послѣдняя часть зданій, довольно низкая, покрыта террасой, гдѣ въ то время, на баррикадѣ, развѣвалось италіянское знамя. Жилье, котораго крыша на-половину разрушена ядрами, состоитъ изъ двухъ этажей; въ верхній ведетъ наружная лѣстница, образующая галлерею, какъ почти на всѣхъ мѣстныхъ фермахъ. Передъ воротами, открывающимися на аллею, въ сто шаговъ длиною, и которая примыкаетъ къ капуанской дорогѣ, устроена была полукруглая эспланада, окруженная широкими рвами, съ мѣшками, наполненными землей; подобные же ретраншементы въ разныхъ направленіяхъ пересѣкали весь треугольникъ, между фермой, амфитеатромъ и тріумфальной аркой. Въ стѣнахъ, на высотѣ человѣческаго роста, пробиты были многочисленныя отверстія, расширившіяся вслѣдствіе выстрѣловъ, и которыя служили для наблюденія за дѣйствіями непріятеля, а также, при случаѣ, для ружейныхъ выстрѣловъ. Ближайшія окрестности фермы, такъ же, какъ и вся долина между Вольтурно и горами, засѣяны деревьями, расположенными не такъ густо, чтобы могла заглохнуть находящаяся подъ тѣнью ихъ растительность, но которыя въ то же время, издали, имѣютъ видъ довольно обширнаго лѣса.

Когда я прибылъ на ферму, зданія, стѣны и окрестныя деревья представляли еще яркіе слѣды войны; ворота и баррикады охранялись часовыми, и тамъ, гдѣ прежде находились земледѣльческія орудія, блистали ружья солдатъ; вся вообще обстановка имѣла весьма не миролюбивый видъ; но въ ту минуту все было мирно. То былъ часъ завтрака солдатъ. Они ѣли, разсѣянные частію по двору, частію на эспланадѣ; нѣкоторые расположились подлѣ котловъ, гдѣ варились макароны; другіе стояли или переходили отъ одной группы къ другой; но всѣ громко разговаривали между собою и дѣлали частые визиты въ кабачекъ, расположенный на открытомъ воздухѣ, подлѣ воротъ.

Бросивъ взглядъ на эту сцену, которая сама по себѣ весьма интересна, но для меня не представляла ничего новаго, послѣ пяти мѣсяцевъ, проведенныхъ въ походѣ, я спросилъ гдѣ штабъ, и, по указанію, отправился въ верхній этажъ главнаго зданія. Здѣсь помѣщались офицеры, тогда какъ солдатамъ предоставлена была остальная часть строеній, удобная для жилья. Жилище начальниковъ не отличалось особенной роскошью отъ жилища подчиненныхъ. Изъ трехъ комнатъ, первая, лишенная дверей и оконъ, была совершенно пуста; вторая составляла кухню и въ то же время переднюю для ординарцевъ, наконецъ, третья, куда меня ввели, служила и пріемною и

канцеляріею и столовою и спальнею для офицеровъ. Стѣны ея, совершенно голыя, не имѣли другаго украшенія кромѣ вѣшалки, на которой висѣли оружіе и платья. Два стола, письменный и обѣденный, ветхій шкафъ, этажерка, на которой въ пузырькахъ помѣщалась аптека доктора, и нѣсколько ободранныхъ соломенныхъ стульевъ составляли все убранство этой комнаты. О кроватяхъ не было и помину; но половина пола устлана была сѣномъ, которое могло казаться довольно привлекательнымъ ложемъ для людей, долгое время проводившихъ ночи на палубѣ корабля, или находившихся, подобно мнѣ, цѣлый мѣсяцъ въ плѣну на родинѣ въ Гаэтѣ, и отдыхавшихъ на голой землѣ во время труднаго похода въ Сицилію и Калабрію.

Офицеры роты Флотта, за исключеніемъ командира, бывшаго въ отсутствіи, только что окончили завтракъ и принялись за кофе, разсѣянные въ комнатѣ. Съ одного изъ нихъ молодой русскій художникъ, Константинъ Филиповъ, снималъ портретъ. Этотъ художникъ довершилъ собою любопытную коллекцію типовъ арміи Гарибальди,— коллекцію, которую онъ намѣревался издать въ видѣ альбома. Изъ всѣхъ этихъ господъ я зналъ только одного, венгерскаго капитана Ренья Георгія (Rényi Gyorgy). Онъ протянулъ мнѣ руку и представилъ своимъ товарищамъ, какъ корреспондента французской газеты *Siècle* и какъ волонтера, вступившаго на службу по сочувствію къ дѣлу свободы. Такой рекомендаціи было болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы доставить мнѣ радушный пріемъ въ этомъ обществѣ, гдѣ всѣ, несмотря на различіе народностей, говорили по-французски. Мнѣ подали кофе, трубки и сигары; началась бесѣда, но она продолжалась не долго. Одинъ изъ офицеровъ долженъ былъ отправиться въ Сантъ-Анджело по дѣламъ службы и предложилъ сопутствовать ему для прогулки. Я поспѣшилъ принять это предложеніе. Мы отправились втроемъ, вооруженные только саблями и револьверами, и вышли на дорогу, ведущую въ Капую и пересѣченную мѣстами баррикадами. Нашъ послѣдній постъ помѣщался въ кирпичномъ заводѣ, почти на полпути между фермой и Санта-Марія. Въ двухъ стахъ метрахъ отъ этого мѣста, позади другой баррикады, воздвигнутой на поворотѣ дороги, блестѣли на солнцѣ штыки и бѣлыя кожаныя портупеи непріятельской стражи, которую волонтеры Гарибальди, повидимому, не удостоивали никакого вниманія. Солдаты разговаривали между собою, смѣялись, пѣли, или играли въ *morra*, передъ караульней. Они не заботились о настоящемъ и съ надеждой смотрѣли

на будущность, что доказывалось также надписью, сдѣланною ими на деревянномъ крестѣ, воздвигнутомъ на краю дороги. Подъ пѣтухомъ Св. Петра, нарисованнымъ въ числѣ другихъ аттрибутовъ страстей Господнихъ, одинъ доморощенный поэтъ написалъ:

«Quando questo cantara
Francesco ritornara!»

По этому направленію нельзя было идти далѣе, притомъ нашъ путь лежалъ въ Сантъ–Анджело, а потому мы нѣсколько взяли направо, придерживаясь линіи, по которой расположены были наши крайніе караулы. Эта линія до-того была неправильна, что мы каждое мгновеніе приближались на тридцать шаговъ разстоянія къ какому нибудь неаполитанскому солдату. Всѣ эти солдаты, по правдѣ сказать, смотрѣли на насъ болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ враждебно. Совершенное спокойствіе царствовало во всей долинѣ. Когда какая нибудь прогалина дозволяла намъ видѣть изъ-за деревьевъ куполъ капуанскаго собора, мы не могли замѣтить въ осажденномъ мѣстѣ ни малѣйшаго безпокойнаго движенія. Нѣсколько часовыхъ, расхаживавшихъ съ ружьемъ по тернистому скату укрѣпленій, и артиллеристъ, неподвижно стоявшій у амбразуры, подлѣ своего орудія, были единственными признаками бдительности, господствовавшей тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Сама природа, казалось, сообразовалась съ бездѣятельностью людей. Погода была блистательная, и пламенное солнце, сіявшее на яркомъ голубомъ небѣ, обливало блескомъ своихъ лучей горячую землю, которая, повидимому, покоилась, утомленная тяжестью дня. Плодородныя поля, по которымъ мы шли, только вблизи обнаруживали слѣды безчеловѣчныхъ сценъ, происходившихъ на нихъ мѣсяцъ назадъ; но общій ихъ видъ былъ очаровroutеленъ. Нѣсколько разрушенныхъ деревьевъ, которыхъ вѣтви валялись на дорогѣ, клочки разорванныхъ мѣшковъ, изломанные кивера и осколки снарядовъ, разбросанные по землѣ, а мѣстами недавно изрытые холмы.... всѣ эти печальныя подробности, попадавшіяся на глаза, едва останавливали взоръ: до-того онѣ казались маловажными посреди радостнаго лучезарнаго блеска, озарявшаго всю природу. Но мы не могли освободиться отъ тягостнаго чувства при видѣ маленькаго дома, стоявшаго у дороги. Этотъ домъ былъ совершенно опустошенъ, но окруженъ

плетнемъ совершенно зеленымъ и въ которомъ цвѣло такъ много розъ, что видъ контраста между разрушеніемъ и цвѣтущею растительностью долженъ былъ тронуть самое черствое сердце. Такъ какъ домъ не имѣлъ ни дверей, ни оконъ, то мы вошли въ него безъ всякихъ затрудненій. Онъ былъ совершенно пустъ. Между разнымъ хламомъ, валявшимся на землѣ, я замѣтилъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, поблекшій и погрязнѣвшій. То было, быть можетъ, послѣднее приношеніе мадоннѣ отъ печальной матери или молодой дѣвушки, которыя тщетно молились о спасеніи въ эти дни испытаній. При выходѣ, я обернулся и увидѣлъ надъ дверью, на металлической доскѣ латинскую надпись, которая при такой обстановкѣ казалось мнѣ поразительно краснорѣчивою. Эта надпись была:

PARVA DOMUS, MAGNA QUIES.

Внизу на доскѣ находилось имя владѣльца. Къ чему послужила мудрецу уединенная жизнь? Его скромное жилище не могло защитить его отъ бури, приготовленной другими. Я оторвалъ съ плетня розу и теперь нахожу ее засохшею въ книгѣ, откуда выписываю эти замѣчанія. Слабый запахъ цвѣтка возбуждаетъ во мнѣ воспоминанія объ этомъ уже отдаленномъ прошедшемъ, если принять во вниманіе рядъ протекшихъ событій.

Побесѣдовавъ съ минуту съ офицерами англійскаго легіона, у поста, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ они храбро, но не безъ жестокихъ потерь, отразили сильный натискъ Неаполитанцевъ, мы достигли брода *scafa della Formicola*, гдѣ дорога изъ Санта-Марія въ Каяццо пересѣкаетъ Вольтурно, у Monte Gifata. Здѣсь собранъ былъ цѣлый отрядъ піонеровъ для переправы черезъ рѣку, переправы, которая совершилась два дня спустя. Домъ, находящійся противъ этого моста, буквально былъ насквозь пронизанъ выстрѣлами во время канонады перваго октября. Мы не безъ труда взобрались по разрушенной лѣстницѣ на террасу, откуда представлялся видъ на правый берегъ рѣки. Этотъ берегъ не охранялся даже стражей, и непріятель, казалось, заранѣе рѣшился предоставить его въ наше распоряженіе. Когда мы вышли изъ дома, явилась многочисленная кавалькада офицеровъ высшихъ чиновъ, отправлявшаяся по дорогѣ изъ Санта-Марія для обозрѣнія мѣстности будущихъ операцій. Въ числѣ этихъ

всадниковъ я узналъ бригадира Спанзаро, командовавшаго въ Сантъ-Анджело, въ день сраженія при Вольтурно, и прусскаго полковника Рустова, выказавшаго себя не кстати предпріимчивымъ во время мнимой аттаки на Капую, сдѣланной въ первые дни сентября, съ цѣлью замаскировать серьезный маневръ, доставившій намъ Каяццо. Они подали мнѣ знакъ рукой и скрылись вслѣдъ за генераломъ Биксіо, котораго легко можно было узнать по смѣлымъ и опаснымъ прыжкамъ его лошади. Дня два спустя, мы узнали, что онъ почти на томъ самомъ мостѣ переломилъ себѣ ноги и челюсть, по случаю паденія. Это извѣстіе меня болѣе опечалило, чѣмъ удивило, такъ какъ нужно было ожидать подобнаго приключенія съ человѣкомъ, который всегда отличался характеромъ, отважнымъ до-безумія.

II.

По возвращеніи на ферму, мы застали командира. Онъ былъ Бретонецъ, такъ же какъ и я, и одного со мною департамента. Встрѣча его была радушная и безцеремонная. Узнавъ, что я сожалѣю объ удаленіи бригады Эбера, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ остаться въ ротѣ Флотта. Я поспѣшилъ принять такое предложеніе. Общество офицеровъ этой роты мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Я надѣялся составить здѣсь пріятныя связи, въ чемъ и не ошибся. Мнѣ кажется, трудно было бы встрѣтить въ другомъ мѣстѣ такое единодушіе, какое господствовало здѣсь между людьми, столь различными по происхожденію. Въ этой маленькой комнатѣ, недавно покинутой семействомъ неаполитанскихъ крестьянъ, находились представители почти всѣхъ европейскихъ народностей.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ первый разъ видѣлись въ Мессинѣ, у графа Телеки, я нѣсколько разъ, во время похода въ Калабрію, встрѣчалъ капитана Ренья, принадлежавшаго тогда къ венгерскому легіону, который составлялъ часть бригады Эбера. Взаимная симпатія, кажется, сдѣлала насъ почти друзьями. Участвовавъ въ войнѣ за независимость Венгріи въ 1849 году, онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Коморнѣ, и, несмотря на свой чинъ капитана, включенъ въ австрійскую армію въ качествѣ простаго солдата. Въ этомъ званіи, онъ, какъ Мадяръ, долженъ былъ мести дворъ и комнаты въ казармѣ. Осужденный, однажды, къ палочнымъ ударамъ за пощечину, данную кап-

ралу, молодой Венгерецъ объявилъ своему генералу намѣреніе лишить себя жизни для избѣжанія позорнаго наказанія. Это объявленіе сдѣлано было съ такою энергіею, что начальникъ старался замять все дѣло, чтобы не возбудить еще болѣе ненависть венгерскаго дворянства, котораго австрійское правительство—извѣстно, послѣ столькихъ насилій,—старалось привлечь къ себѣ посредствомъ кротости. Получивъ наконецъ свободу, но осужденный на изгнаніе, Георгій Реный путешествовалъ по Европѣ и долгое время жилъ въ Парижѣ. Едва возвратился онъ на родину, по случаю амнистіи, какъ пришло туда извѣстіе объ экспедиціи Гарибальди. Реный хорошо понималъ связь италіянскаго вопроса съ венгерскимъ и ни минуты не задумался принять участіе въ предпріятіи храбраго италіянскаго полководца. Успокоивъ свою мать, онъ немедленно отправился въ Сицилію. Отличаясь благородствомъ манеръ, подобно почти всѣмъ Венгерцамъ, и пріятною наружностью, преимуществомъ тоже не лишнимъ, капитанъ Реный обладалъ храбростью, *чуждою фразъ*, которая и есть истинная храбрость. Его хладнокровная и непоколебимая энергія давала ему большой нравственный авторитетъ надъ солдатами. Я видѣлъ, какъ онъ однажды, съ револьверомъ въ рукѣ, удержалъ отъ себя въ почтительномъ разстояніи одного изъ нашихъ людей, который въ пьяномъ видѣ нападалъ на него съ штыкомъ. Виновный упалъ на колѣни и сталъ просить прощенія; капитанъ простилъ съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ готовъ былъ раздробить ему черепъ.

Лейтенантъ De Martini, уроженецъ Ломбардіи, отважно покинулъ піемонтскую армію, чтобы послѣдовать за Гарибальди въ Марсалу. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ героевъ-безумцевъ, которые, вслѣдствіе увлеченія храбростью, получили названіе *Тысяча* (Mille), сохранившееся въ исторіи. Въ дѣлѣ при Калатафими, онъ однимъ изъ первыхъ бросился на непріятеля и былъ раненъ пулей въ лобъ, гдѣ до сихъ поръ сохранилось углубленіе, въ которомъ можно спрятать палецъ. Несмотря на то, онъ сдѣлалъ впередъ еще двадцать шаговъ. Тутъ онъ упалъ, залитый кровью и ничего невидѣвшій, но потомъ всталъ и опять ринулся впередъ уже ощупью. Наконецъ повалился въ ровъ почти мертвый; но при этомъ рука судорожно сжала ружье, съ такою силою, что его не могъ вырвать одинъ сицилійскій крестьянинъ, большой охотникъ до чужаго оружія. Насколько капитанъ Реный отличался безстрастіемъ, настолько лейтенантъ Де-Мартини обладалъ характеромъ веселымъ, живымъ, сообщительнымъ.

Онъ недавно женился на молодой и прелестной Сициліянкѣ. Въ рѣдкіе часы досуга онъ отправлялся въ Санта-Маріа, гдѣ ожидала его жена; но не съ меньшимъ увлеченіемъ онъ, при первой тревогѣ, спѣшилъ по направленію къ Капую, туда, гдѣ воздухъ пересѣкался пулями и ядрами.

У Мелаццо, гдѣ Гарибальди, какъ обыкновенно, лично участвовалъ въ дѣлѣ, всегда подлѣ него, въ числѣ другихъ спутниковъ, находился молодой человѣкъ, почти дитя, шестнадцати лѣтъ, бѣлокурый, бѣлолицый, розовый, какъ красная дѣвушка, но храбрый, какъ старый рубака. Percy Bowen, сынъ умершаго англійскаго адмирала, послѣ этого сраженія былъ принятъ юнкеромъ въ роту англійскихъ моряковъ, которая, при переправѣ въ Калабрію, поступила подъ начальство Флотта. Когда этотъ отрядъ окончательно образовался и получилъ настоящее свое названіе, по приказанію диктатора, молодой человѣкъ остался въ немъ въ качествѣ знаменщика. Онъ былъ совершенно безъ бороды, и товарищи въ шутку называли его Miss Bowen. Они обращались съ нимъ какъ съ избалованнымъ ребенкомъ. Впрочемъ, онъ нуждался въ ихъ снисхожденіи только иногда, по поводу своей запальчивости. Его ревность къ службѣ не знала границъ. Хотя онъ долженъ былъ чередоваться въ караулѣ съ господиномъ Де-Мартини, но всегда настаивалъ на томъ, чтобъ эта обязанность предоставлена была ему одному. Онъ любилъ играть въ солдаты, какъ дитя, и отличался отъ ребенка только тѣмъ, что, при первомъ удобномъ случаѣ, съ яростью кидался въ огонь. Счастливый возрастъ и счастливая натура, которая колеблется между лакомствами и саблей и смотритъ на смерть съ улыбкой, быть можетъ, отъ незнанія жизни!

Я нарочно оставилъ подъ конецъ, для заключенія этой галлереи портретовъ, два самыхъ любопытныхъ типа, которые сохранились въ моихъ воспоминаніяхъ. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ стариннаго мамелюка Наполеона, быть можетъ, признанный законнымъ, но, безъ сомнѣнія, не крещенный. Принятый въ кавалерійскую школу въ Сомюрѣ, молодой человѣкъ пріобрѣлъ потомъ въ Африкѣ своею храбростью чинъ капитана Спагисовъ и крестъ почетнаго легіона. Увлекаемый страстью къ приключеніямъ, онъ затѣмъ оставилъ французскую службу, и участвовалъ въ крымской компаніи, въ числѣ оттоманскихъ казаковъ, и наконецъ вступилъ въ военную стражу губернатора Джедды. Бывъ свидѣтелемъ знаменитаго кровопролитія, происходившаго тамъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ любилъ разсказывать объ этомъ

событіи, почему дано было ему названіе этого города. Капитанъ Джедда—буду называть его этимъ именемъ — отличался восточнымъ типомъ, восточными нравами и обычаями. Онъ сожалѣлъ о праздной жизни, какую велъ на востокѣ, посреди правовѣрныхъ, и которая прерывалась эпизодами войны, и надѣялся возвратиться туда тотчасъ по окончаніи похода. Его безпечная вѣра въ судьбу заставила его покинуть легіонъ Дённа (Dunn), гдѣ онъ былъ капитаномъ, и привела въ роту Флотта, гдѣ онъ остался простымъ волонтеромъ, въ ожиданіи увеличенія штата, которое, однакожъ, никогда не осуществилось. Фланёрство было въ его натурѣ. Перваго октября, шатаясь безъ всякой цѣли, онъ одинъ—одинешенекъ наткнулся на роту Швейцарцевъ, находившихся на службѣ неаполитанскаго короля. Командиръ этого отряда, указавъ на Джедду, который дѣйствительно нѣсколько отличался полнотою, сказалъ своимъ солдатамъ: «Пустите-ка кровь этому тучному борову!» Солдаты выстрѣлили, но Джедда, по какому-то чуду, не былъ раненъ. Онъ преспокойно поднялъ свою саблю, которая отлетѣла отъ пули, прямо пошелъ на офицера и положилъ его на мѣстѣ, прежде чѣмъ ошеломленные Швейцарцы успѣли опомниться. Они и не думали мстить за смерть своего командира. Шатаясь далѣе, Джедда, къ вечеру, томимый жаждою, голодный и утомленный, набрелъ на Соломенную ферму. Зная, что она занята Французами, онъ вошелъ, пообѣдалъ, переночевалъ и затѣмъ остался тамъ жить. Подобныя исторіи не рѣдки и не удивительны въ арміи Гарибальди. Едва-ли можно встрѣтить храбрость болѣе существенную и болѣе чуждую тщеславія, чѣмъ та, какою отличается этотъ милый фланёръ. Онъ гуляетъ на полѣ сраженія съ такою же безпечностью, какъ вездѣ, и если смерть настигнетъ его когда нибудь — что, безъ сомнѣнія, съ нимъ случится, такъ же, какъ со всякимъ другимъ,—онъ войдетъ въ рай—Магомета или какой бы то ни было другой —беззаботно, засунувъ руки въ карманъ, такъ же, какъ ходитъ по землѣ, и никому, при видѣ этой улыбающейся, добродушной физіономіи, не придетъ на умъ спросить у него паспортъ.

Не таковъ былъ докторъ Пеганъ, прозванный желтымъ, хотя онъ всегда съ ногъ до головы одѣтъ былъ въ красномъ. Онъ не обладалъ тѣмъ невозможнымъ спокойствіемъ, которое составляло характеристическую черту счастливаго Джедды. Нѣтъ! онъ отличался темпераментомъ желчнымъ и меланхолическимъ, въ особенности, когда былъ, что называется, выпивши. О, какъ бывалъ онъ тогда гру-

стенъ, этотъ добрый докторъ! Совершивъ въ предыдущемъ году походъ въ Италію, въ качествѣ хирурга французской арміи, онъ, въ особенности, подъ вліяніемъ вина, не могъ простить волонтерамъ Гарибальди ихъ совершенное равнодушіе къ военной выправкѣ и дисциплинѣ. Не думайте, однакожъ, чтобъ желтый докторъ употреблялъ во зло дары Бахуса. Онъ пилъ не болѣе, чѣмъ было нужно для того, чтобы изъ человѣка величественно-молчаливаго сдѣлаться за столомъ собесѣдникомъ до крайности болтливымъ. Но тогда трудно было отдѣлаться отъ его теоріи военнаго искуства, съ точки зрѣнія стиблетовъ и пуговицъ. Одно только оставалось спасеніе: завести разговоръ о литературѣ. Но это значило изъ Сциллы попасть въ Харибду. «Знакомый съ музами», докторъ немедленно начиналъ декламировать стихи эротическо—романическаго содержанія. Эти стихи слѣдовали одинъ за другимъ, до безконечности, и читались нестерпимо монотонно. Пеганъ былъ въ отчаяніи, что, посреди всѣхъ этихъ служителей Марса, онъ былъ только скромный ученикъ Эскулапа. Къ этому горю присоединялось другое: что онъ оставилъ въ Парижѣ обожаемую женщину. Это, однакожъ, не мѣшало ему показывать подарки другой, не менѣе обожаемой женщины, умиравшей съ тоски по немъ въ Мессинѣ, и говорить безпрестанно о третьей любовницѣ, которая, безъ сомнѣнія, много плакала послѣ того, какъ онъ оставилъ Миланъ. Печаль добраго доктора до—того выражалась комически, что мы невольно смѣялись ему въ лицо. Онъ принималъ трагическую позу, и начиналъ декламировать торжественное вступленіе въ *Развалины* Вольнея. Подымался хохотъ. Тогда докторъ начиналъ читать одно изъ своихъ стихотвореній. Присутствующіе убѣгали изъ комнаты, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ преслѣдовалъ

«··· *своихъ* клеветниковъ
Всегда потоками *стиховъ*».

Но все это онъ дѣлалъ безъ желчи и съ мефистофелевской улыбкой, ясно доказывавшей, что онъ не уступалъ своимъ насмѣшникамъ въ ироніи.

Я познакомился съ этими людьми, столь различными по происхожденію и по характеру, и узналъ ихъ исторію только мало-по-малу, живя вмѣстѣ съ ними въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. [Но такъ какъ я въ первый разъ увидѣлъ ихъ всѣхъ за обѣдомъ, въ день мо-

его прибытія на Соломенную ферму, то и счелъ нужнымъ помѣстить здѣсь ихъ портреты. Всѣхъ было семь человѣкъ, принадлежавшихъ къ пяти различнымъ народностямъ, и на–время соединенныхъ между собою одною и тою же мыслію. Патріотизмъ, болѣе извинительный, чѣмъ справедливый, заставилъ роту Флотта превратить въ корпусъ, исключительно французскій. Что касается до меня, признаюсь, отдавая справеливость истинѣ, мнѣ пріятно видѣть, что здѣсь, въ тѣни памяти героя, давшаго имя корпусу, осуществлялась мечта его жизни.

III.

Когда мы сидѣли еще за столомъ, къ командиру поступила — до сихъ поръ неизвѣстно откуда и какъ — печатная бумага такого содержанія:

«Сдача Капуи.

«Да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ, король Итальянцевъ!

«Да здравствуетъ Іосифъ Гарибальди, диктаторъ Обѣихъ Сицилій!

«Министерство полиціи.

«*Электрическая депеша къ графу Кавуру, въ Туринъ.*

«Мы только что получили, изъ лагеря, офиціальную депешу, къ продиктатору, о входѣ Гарибальди въ Капую.

«Неаполь, 23 отября 1860 года, 10½ часовъ утра.

«Подписалъ: **Г. Деллеспина»**.

Нѣсколько озадаченный этимъ происшествіемъ и не довѣряя извѣстію изъ Неаполя, непредвидѣнному и которое мы могли бы получить болѣе прямымъ путемъ, командиръ отправилъ капитана Репья въ штабъ генерала Мильбица, въ Санта-Марія, для полученія болѣе положительныхъ свѣдѣній. Посланный возвратился черезъ полчаса, и сказалъ, что и тамъ не могутъ взять въ толкъ этой бумаги; полагали, что здѣсь скрывается какая-нибудь хитрость со стороны непріятеля, что это извѣстіе распространено съ цѣлью усыпить нашу бдительность и сдѣлать на насъ неожиданное нападеніе... Поэтому

усиленъ былъ приказъ начальникамъ постовъ и часовымъ. Чтобъ быть готовыми на всякій случай, мы, впрочемъ, успѣли привыкнуть въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Ничто, впрочемъ, въ эту ночь не нарушило нашего спокойствія. Напротивъ, около пяти часовъ утра мы самымъ пріятнымъ образомъ проснулись при громкихъ звукахъ довольно хорошей военной музыки. Мы подбѣжали къ одному изъ оконъ, откуда видъ открывался по направленію къ Санта-Маріа. Насъ поразило дѣйствительно странное зрѣлище. Ночь была еще очень темна, но многочисленные огни на полѣ фантастически освѣщали проснувшихся волонтеровъ. Подъ нами Калабрійцы одинъ за другимъ выходили изъ своего ночлега; Венгерцы, занимавшіе амфитеатръ, взлѣзали по разрушеннымъ уступамъ его, какъ будто для приступа. Всюду, на обширной площади, между древнимъ римскимъ циркомъ и воротами Капуи, вокругъ огней двигались странныя фигуры солдатъ, то темныя, то ярко-освѣщенныя пламенемъ. Эти солдаты принадлежали къ полку, который на другой день долженъ былъ содѣйствововать переправѣ черезъ Вольтурно и ночью расположился здѣсь лагаремъ. При звукахъ рожковъ, они собирались въ различныхъ постахъ для переклички. Между тѣмъ исчезла ночная мгла, разсѣялись густыя, зловредныя испаренія рѣки, огни потухли одинъ за другимъ и заря золотымъ блескомъ освѣтила вершины горъ. Ее привѣтствовали звуки патріотической пѣсни, прозванной гимномъ Гарибальди, хотя въ ней не было помина объ этомъ героѣ. Эта песня начиналась словами:

Va fuori d'Italia! va fuori, ô stranier!

Будто вызванный этими энергическими словами, столь хорошо выражавшими главную его мысль, герой вскорѣ явился передъ своими солдатами. Онъ встрѣченъ былъ однимъ изъ тѣхъ восторженныхъ, продолжительныхъ восклицаній, въ которыхъ высказывается душа цѣлой націи. Отеческимъ жестомъ онъ возстановилъ тишину и затѣмъ поскакалъ вдоль рядовъ своихъ войскъ, выстроенныхъ въ боевой порядокъ. Уже чело его омрачено, безъ сомнѣнія, мыслію о скорой разлукѣ съ солдатами. Эта разлука должна была совершиться еще до окончанія общаго дѣла свободы. Большая часть солдатъ не знали о предстоявшемъ имъ горѣ; но всѣ они, повидимому, его предчувствовали. Ихъ взоры, устремленные на любимаго героя, вдругъ приняли

выраженіе грусти. Узнавъ о прибытіи Гарибальди, мы вышли изъ фермы и поспѣшили его видѣть. Это дѣлалось не изъ простаго любопытства. Въ наружности Гарибальди есть какая-то чарующая сила, противъ которой никто не можетъ устоять, сила, внушающая симпатію. Издали удивляешься этому человѣку, зная, какъ онъ великъ, силенъ и храбръ; вблизи его любишь, чувствуя, какъ онъ правдивъ, простъ и добръ. Его вліянію подчиняешься не противъ собственнаго желанія: дѣйствіе этой силы отрадно, какъ прикосновеніе добродѣтели, возвышающее человѣка. Проскакавъ мимо войскъ, безмолвныхъ такъ же, какъ онъ самъ, Гарибальди возвратился на край площади и помѣнялся нѣсколькими словами съ окружавшими его офицерами. Затѣмъ, приподнявъ свою маленькую венгерскую шляпу въ отвѣтъ на новый единодушный прощальный привѣтъ, онъ погналъ свою лошадь скорою рысью и, въ сопровожденіи штаба, исчезъ по направленію къ Сантъ-Анджело, гдѣ намѣревался обозрѣть приготовленія къ экспедиціи, назначенной на слѣдующій день.

Въ этой экспедиціи мы не должны были участвовать, о чемъ не очень сожалѣли, такъ какъ она назначалась нестолько съ военною цѣлью, сколько для встрѣчи приближавшейся піемонтской арміи. Поэтому мы снова возвратились на ферму, гдѣ рота продолжала свои прежнія занятія. Наша служба на аванпостахъ была болѣе однообразна, чѣмъ дѣйствительно тяжела: по какому-то безмолвному соглашенію съ непріятелемъ, обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи. Можно было подумать, что мы находимся за двадцать миль отъ осажденнаго мѣста. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которыми обмѣнивались соскучившіеся артиллеристы между Капуей и Monté Tifata, служили только для ихъ собственнаго развлеченія, не причиняя никому вреда и не безпокоя никого.

За исключеніемъ обязанности быть постоянно на-лицо, жизнь на фермѣ, несмотря на сосѣдство непріятельскаго города, ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ самомъ мирномъ гарнизонѣ. Утромъ, часъ или два продолжалось ученіе, на дворѣ или на эспланадѣ; остальное время употреблялось на ѣду и на сонъ. Предаваться этимъ двумъ развлеченіямъ было легко, благодаря обилію соломы, найденной на фермѣ, и значительнымъ припасамъ, которыми Гарибальди, по прибытіи въ Неаполь, велѣлъ снабдить свою армію, вѣроятно въ вознагражденіе за многочисленныя лишенія, испытанныя ею въ Сициліи и Калабріи. Быть можетъ, всѣ болѣе были недовольны, чѣмъ об-

радованы, когда оказывалось, что какая нибудь тревога, взбудоражившая всѣхъ, произошла вслѣдствіе бѣгства лошади или вслѣдствіе безпечности волонтера, заснувшаго на часахъ и проснувшагося отъ паденія и выстрѣла своего ружья. Хотя мы долго прохлаждались за столомъ и хотя никто изъ насъ не отказывался отъ удовольствія, доставляемаго сномъ, но мы не знали чѣмъ дополнить остальные часы досуга, тѣмъ болѣе, что намъ, изъ уваженія къ самимъ себѣ, хотѣлось имѣть какое нибудь разумное развлеченіе. Послѣ завтрака и продолжительной бесѣды, за кофеемъ и безчисленнымъ множествомъ трубокъ и сигаръ, командиръ и Miss Bowen отправлялись внизъ для служебныхъ занятій. Джедда принималъ на себя обязанность совѣщаться съ поваромъ относительно нашего несложнаго обѣда; капитанъ Реный повѣрялъ ротные счеты, по которымъ ему приходилось производить расплату, а я приводилъ или старался привести въ порядокъ свои замѣтки. Что касается до желтаго доктора, то онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ можно громче стуча своими шпорами, для которыхъ это было единственное занятіе, такъ какъ лошадь представлялась недосягаемымъ миражемъ для нихъ и для ихъ господина. При этомъ онъ немилосердно-фальшиво пѣлъ себѣ подъ носъ непонятныя аріи или съ непоколебимою логикою доказывалъ *добродѣтельному Шомару* необходимость лѣзть изъ кожи, чтобъ оправдать высокое довѣріе диктатора.

Добродѣтельный Шомаръ былъ возведенъ докторомъ въ важную должность докторскаго помощника, причемъ докторъ произвольно въ число его обязанностей включилъ также обязанность чистить докторскіе сапоги. Это требованіе заставило Шомара поморщиться, но такъ какъ онъ при новомъ своемъ положеніи освобождался отъ фронтовой службы и могъ участвовать въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ офицерскою кухней, то добродѣтельный мужъ рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ въ угоду своему желудку. Этотъ несчастный малый, лѣтъ сорока, небольшаго роста и худощавый, отличался краснобайствомъ и храбростію, которая значительно умѣрялась благоразумною осторожностью. Онъ принадлежалъ къ числу ярыхъ поклонниковъ соціальныхъ теорій 1848 года. Не обладая слишкомъ большимъ умомъ, онъ не въ состояніи былъ понять ихъ смысла, но усвоилъ ихъ странную фразеологію и—надо отдать ему справедливость—подвергся ихъ грустнымъ послѣдствіямъ. Послѣ втораго декабря онъ долженъ былъ, переодѣвшись въ женщину, бѣжать изъ Парижа, преслѣдуемый поли-

ціею за разноску сочиненій, называвшихся возмутительными,—возмущеніемъ тогда называлось всякое законное сопротивленіе насилію. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ всякихъ преслѣдованій, онъ поселился въ Швейцаріи. Забавно было слышать его, когда онъ героическимъ слогомъ разсказывалъ эту смѣшную Одиссею, но еще забавнѣе, когда онъ, по чьей либо просьбѣ, самодовольно читалъ сумасбродныя стихотворенія своего собственнаго издѣлія. Онъ былъ и смѣшенъ и жалокъ въ одно и то-же время. Невозможно было удержаться отъ смѣха, при слушаніи этихъ высокопарныхъ стиховъ, а съ другой стороны никто изъ насъ не желалъ оскорбить человѣка, котораго убѣжденія, несмотря на свою скороспѣлость, отличались искренностью и потому заслуживали уваженія.

Нѣкоторые визиты, тѣмъ болѣе пріятные, что они были невѣроятны посреди лагеря, разнообразили однакожъ нашу кочевую жизнь. Когда г. Де-Мартини не могъ отправляться въ Санта-Марія, его супруга иногда приходила къ нему на ферму. Она здѣсь завтракала и обѣдала, въ промежуточные часы, разговаривая съ нами, чинила платья своего мужа. Она отличалась веселымъ и любезнымъ характеромъ, была рада всему и ни въ чемъ насъ не стѣсняла. Такъ какъ она нисколько не скрывала своей исключительной привязанности къ мужу, то ея присутствіе не возбуждало между нами тѣхъ претензій и той завистливости, какія, обыкновенно, даже противъ собственнаго желанія, порождаетъ всякая молодая, прелестная женщина, когда притомъ она свободна, въ обществѣ мужчинъ, незанятыхъ никакимъ серьезнымъ дѣломъ. Визиты госпожи Де-Мартини составляли для насъ самое пріятное развлеченіе. Она всякому въ своемъ присутствіи давала полную свободу ходить по комнатѣ, разговаривать, молчать, читать и даже, въ случаѣ усталости, ложиться на сѣно; но невольно насъ принуждала къ соблюденію правилъ общежитія, которыми, быть можетъ, мы бы въ большей или меньшей степени пренебрегли, еслибъ были предоставлены самимъ себѣ. Поэтому всякій изъ насъ всегда былъ радъ ея посѣщенію и когда она долго не являлась, то мы обыкновенно просили Де-Мартини отправиться или послать за ней кого нибудь.

Между тѣмъ Джедда предложилъ мнѣ предпринять экскурсію въ монастырь капуциновъ. Покинутый монахами съ самаго начала войны, этотъ монастырь за нѣсколько дней былъ совершенно ограбленъ королевскими войсками, которыя по обыкновенію такъ дѣйствовали,

когда имъ приходилось оставлять какое нибудь мѣсто. Онъ находится приблизительно въ трехъ стахъ метрахъ отъ Капуи между дорогами въ Санта-Марiа и Аверзу. Незанятый офицiально никѣмъ, онъ на дѣлѣ бывалъ занятъ по ночамъ Неаполитанцами, которые каждое утро, безъ сопротивленія, предоставляли его гарибальдійскимъ разъѣздамъ. Всѣ двери были открыты, церковь лишена всѣхъ украшеній и столовая пуста. Вдоль обширныхъ корридоровъ верхнихъ этажей находились кельи монаховъ, построенныя всѣ на одинъ ладъ; въ каждой изъ нихъ была желѣзная кровать, бѣлый деревянный столъ, placard, прибитый къ стѣнѣ, и, посреди пола, неизбѣжная фаянсовая посуда, цѣльная или разбитая, но которую не хотѣли взять съ собою грабители. Открытые шкафы и комоды доказывали, что все, что можно было унести, исчезло. Только на полу оставалось нѣсколько грубыхъ изображеній святыхъ, которыя въ артистическомъ отношеніи нисколько не уступали самымъ уродливымъ фетишамъ идолопоклонниковъ. Связка бумагъ обратила на себя мое вниманіе. Она содержала рукописную диссертацію о безгрѣшномъ зачатіи мадонны и печатный панегирикъ преднослѣднему королю Фердинанду II, о которомъ здѣсь, по обыкновенію, говорилось, что онъ былъ «очень добръ, очень великъ и очень чистъ душой» и что онъ всѣми оплакивается въ этомъ мірѣ и, безъ сомнѣнія, принятъ въ число праведныхъ въ другомъ. *Бомба* единственный титулъ, который весьма не кстати забыли ему дать. Библіотека находилась въ небольшой комнатѣ, подъ самою крышей. Въ ней были только книги теологическаго содержанія, на латинскомъ языкѣ, которыхъ наружный видъ ясно показывалъ, что онѣ рѣдко бывали въ употребленіи. За неимѣніемъ лучшаго, я взялъ, изъ любопытства, одно руководство къ праведной жизни, написанное іезуитомъ и менѣе нелѣпое, чѣмъ можно было ожидать, и разрозненный томъ *трагедіи* Альфіери, отличающихся республиканскимъ духомъ и которыя, безъ сомнѣнія, не мало были изумлены тѣмъ, что находились въ подобномъ мѣстѣ.

Состояніе опустѣнія, безпорядка и разрушенія этого обширнаго, но пошлаго жилища, признаюсь, не внушило мнѣ ни одной изъ тѣхъ печальныхъ мыслей, какія обыкновенно порождаются видомъ домашнихъ катастрофъ. Насколько я тронутъ былъ надписью *Parva domus, magna quies* на маленькомъ разрушенномъ домѣ, видѣнномъ мною нѣсколько дней назадъ, настолько я оставался хладнокровнымъ, чтобы не сказать болѣе, при видѣ этой обширной казармы. Для того, кто знаетъ италья-

ское духовенство вообще и духовенство Обѣихъ Сицилій въ особенности, никакая иллюзія невозможна. Остатокъ уваженія, который я могъ вынести изъ Франціи къ нѣкоторымъ представителямъ вѣры своей матери и своего собственнаго дѣтства, давно уже превратился въ отвращеніе, и я, признаюсь, пожалѣлъ, что остался цѣлъ этотъ пріютъ лѣни, грязи, невѣжества и гнуснаго раболѣпства. Неаполитанскіе солдаты, уничтожившіе огнемъ столько жилищъ, во время постоянныхъ своихъ отступленій, должны были бы, мнѣ кажется, оставить здѣсь головню, чтобы предать это зданіе очистительному пламени.

Наши поиски привели насъ на платформу, откуда представлялся видъ на гласисы Капуи. Драгунскій эскадронъ въ это время выѣзжалъ изъ города чрезъ такъ-называемыя Неаполитанскія ворота. Онъ могъ галопомъ подъѣхать къ монастырю, окружить его и взять насъ въ плѣнъ, прежде чѣмъ тревога произошла бы въ нашихъ аванпостахъ. Не желая быть ни взятыми, ни убитыми въ экспедиціи, столь мало доблестной, мы поспѣшили внизъ. Проходя по церкви, я увидѣлъ на полу деревянный столбикъ, восхитительной рѣзной работы. Проходя полемъ, налѣво отъ тропинки мы замѣтили собаку, которая грызла что-то черное. Мы отправились къ тому мѣсту: собака убѣжала, и намъ представилось весьма плачевное зрѣлище... Двѣ ноги, на-половину изгнившія, въ разорванныхъ сапогахъ, торчали изъ-подъ земли, которая еще покрывала остальную часть трупа. Былъ ли то другъ или недругъ, не знаю, но въ этихъ несчастныхъ, обнаженныхъ и съѣдаемыхъ червями ногахъ выражался какой-то безмолвный, но потрясающій протестъ противъ преждевременнаго разрушенія. Быть можетъ, лицо покойника было менѣе выразительно. Въ ту минуту, какъ мы, несмотря на распространявшуюся вонь, хотѣли, по крайней мѣрѣ, зарыть трупъ болѣе приличнымъ образомъ, къ намъ подошли солдаты нашей роты. Они взялись сообщить о покойникѣ могильщику монастыря, который одинъ остался на своемъ постѣ, вѣроятно предвидя, что въ эти военныя времена его служба болѣе, чѣмъ когда либо, необходима. Мы поспѣшно и безмолвно удалились отъ этого мѣста.

IV.

Казалось, королевскія войска хотѣли намъ предоставить полную возможность спать спокойно. Поэтому кто-то за обѣдомъ предложилъ

снять на ночь сапоги, и мы охотно воспользовались этимъ предложеніемъ. Miss Bowen проигралъ какое-то пари и долженъ былъ все общество угостить нѣсколькими бутылками марсалы, вина, вдвойнѣ пріятнаго для гарибалдійцевъ, какъ по своему вкусу, такъ и по славному воспоминанію, которое съ нимъ соединялось. Джедда употребилъ всѣ свои старанія относительно обѣда. Русскій художникъ и одинъ молодой французскій лейтенантъ полка Фарделлы, всегда знавшій всѣ политическія и военныя новости и потому прозванный нами «всезнайкой», были нашими гостями. Словомъ, это былъ настоящій праздникъ для насъ. Къ довершенію всеобщаго веселья, которое, впрочемъ, не нуждалось въ поощреніи, докторъ возвратился изъ Неаполя съ новою покупкою, великолѣпною офицерскою саблею королевской гвардіи. Она черезчуръ была велика для него и я взялъ съ него обѣщаніе уступить мнѣ половину ея, въ случаѣ похода въ Венгрію, о которомъ тогда много существовало предположеній. Докторъ, какъ обыкновенно, принялъ эту шутку весьма любезно. Собесѣдники передавали другъ другу свои воспоминанія о Сициліи и Калабріи; нѣкоторые разсказывали свои собственныя приключенія въ разныхъ странахъ: капитанъ Реньи—въ Венгріи, Джедда—въ Африкѣ и Сиріи. Венгерецъ и Русскій, Англичанинъ и Французъ забыли, что когда-то сражаясь другъ противъ друга, собрались на этотъ разъ, для службы общему дѣлу свободы.

Въ полночь всѣ,—въ первый разъ, послѣ долгаго времени,—наслаждались удовольствіемъ спать безъ сапоговъ, но вдругъ среди глубокой тишины раздается роковой крикъ. «Къ оружію!»—восклицаетъ наружная стража. «Къ оружію!»отвѣчаетъ внутренняя. «Къ оружію!» повторяетъ тотъ изъ насъ, кто проснулся первый. Одинъ будитъ другаго. Всѣ встаютъ и силятся надѣть сапоги, которые едва лѣзутъ на ноги. Всякій беретъ оружіе, и черезъ пять минутъ ретраншементы наполнены стрѣлками, между тѣмъ какъ замѣшкавшіеся одинъ за другимъ прибѣгаютъ на звукъ рожка.—Ночь скорѣй сумрачная чѣмъ совершенно темная. Густой, тяжелый туманъ, поднявшійся съ рѣки, стелется по землѣ. Сквозь него тамъ и сямъ по-временамъ мерцаютъ искры и потухаютъ, сопровождаемыя глухимъ шумомъ выстрѣловъ, пока еще раздающихся изрѣдка. Огонь, повидимому, то приближается, то удаляется, то сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ, то снова слышится съ разныхъ сторонъ. На мгновеніе все утихаетъ; потомъ слѣдуетъ новый залпъ, затѣмъ наступаетъ тишина, и уже не

раньше, какъ черезъ четверть-часа, изрѣдка раздаются одиночные выстрѣлы. Наконецъ все окончательно умолкаетъ...... На ближайшій постъ посылается патруль. Онъ возвращается съ извѣстіемъ, что вся эта кутерьма произошла по милости Калабрійца, занимавшаго передовой караулъ и который принялъ гарибальдійскихъ дозорныхъ за неаполитанскую стражу и сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ. Дозорные отвѣтили тѣмъ же, воображая, что на нихъ нападаетъ непріятель, а неаполитанскіе часовые, сами не зная въ чемъ дѣло, вмѣшались въ эту перестрѣлку......Мы въ тысячный разъ, въ продолженіе этой войны, проклинаемъ всѣхъ Калабрійцевъ и снова ложимся на сѣно. Ужъ два часа утра. Въ три раздаются новые крики, слышатся новые выстрѣлы, дѣлаются новыя приготовленія къ защитѣ и, увы!—все оказывается вздоромъ. Въ этотъ разъ виновникомъ суматохи опять калабрійскій солдатъ, просто-на-просто испугавшійся чертъ знаетъ чего и надѣлавшій тревогу. «А!» восклицаетъ докторъ, «недаромъ я всегда говорилъ, что Калабріецъ глупъ, какъ остроконечная его шляпа.» Всѣ сознаютъ, что въ этомъ замѣчаніи есть частица правды, хотя оно черезчуръ обобщено. Мы снова ложимся спать, думая, что на эту ночь окончательно освободились отъ всякихъ тревогъ. Но вотъ, съ наступленіемъ зари, снова раздаются ружейные выстрѣлы сильнѣе, чѣмъ прежде, и къ которымъ присоединяется громкій шумъ пушечной пальбы.

«Господа! восклицаетъ командиръ, смѣясь. Говорятъ, что въ третій разъ всегда бываетъ удача.»

Небо было грязновато-сѣраго цвѣта, которому позавидовалъ бы самый Лондонъ. Скверная ночь, проведенная нами, сдѣлала насъ еще болѣе чувствительными къ опасной свѣжести утра. Съ четверть часа мы дрогли за баррикадами и не могли замѣтить никакихъ признаковъ серьезнаго дѣла. Поэтому половина изъ насъ, желая согрѣться, вызвалась пойти на поиски. Командиръ согласился, и мы отправились подъ предводительствомъ Джедды и Miss Bowen, который, при надеждѣ на маленькую экспедицію, забылъ о кофе, обыкновенно составлявшемъ, по утрамъ, главный предметъ его заботливости. Шагахъ въ пяти стахъ отъ фермы, мы встрѣтили около пятидесяти Калабрійцевъ,—опять-таки этихъ людей,—которые усердно бѣжали отъ непріятеля подъ начальствомъ толстаго капитана! «Avanti!» закричалъ имъ Джедда, загородивъ дорогу. Одинъ изъ нашихъ солдатъ, не замѣтивъ, или дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, галуновъ на кепі черезчуръ

осторожнаго офицера, безъ всякой церемоніи толкнулъ его по направленію къ Капуѣ,—мѣра, быть можетъ, слишкомъ крутая, со стороны подчиненнаго, для внушенія старшему чувства долга. Потомъ Джедда, съ Калабрійцами, шедшими болѣе изъ страха, нежели по собственной охотѣ, и съ нѣкоторыми изъ нашихъ спутниковъ, свернулъ налѣво, а мы, съ Miss Bowen и съ остальными, не замѣтивъ этого движенія, взяли направо, и чрезъ поля, окруженныя деревьями, достигли мѣста, откуда представлялся видъ на осажденный городъ. Гласисы были пусты и ружейный огонь прекратился. Только нѣкоторыя ядра пролетѣли мимо насъ, не дѣлая никому вреда, кромѣ деревьевъ. Недовольные своими похожденіями, мы отправились на ферму, не подозрѣвая, что Джедда, съ своими спутниками, расположился у конца дороги, примыкавшей къ гласисамъ, и изъ-за своей засады угощалъ пулями артиллеристовъ, стоявшихъ у своихъ орудій. Но онъ черезъ часъ также возвратился на ферму, а мы должны были на этотъ день укротить свой воинственный пылъ, которому Неаполитанцы рѣшительно не хотѣли отвѣчать.

—Хоть бы они въ эту ночь намъ дали спать, сказалъ мнѣ вечеромъ, ложась, капитанъ Рений, который былъ измученъ, также какъ мы всѣ.

—Это будетъ зависѣть отъ Калабрійцевъ, отвѣчалъ я, смѣясь.—Что касается Неаполитанцевъ, то теперь скоро полночь, а солдаты синьора Bombino до-того благочестивы, что не станутъ *работать* въ воскресенье.

Въ воскресенье, около двухъ часовъ пополудни, мимо насъ проѣзжала изъ Капуи карета, съ двумя карабинерами впереди, которые въ рукахъ несли пистолеты и маленькое бѣлое парламентерское знамя. Въ ней находились два неаполитанскихъ офицера, съ завязанными глазами. Часъ спустя, карета возвращалась изъ Санта-Марія, и мы узнали, что осажденный городъ изъявилъ готовность сдаться, съ условіемъ, чтобъ гарнизонъ его могъ удалиться въ Гаэту со всѣмъ своимъ оружіемъ и багажами. Но такъ какъ Капуа была совершенно обложена нашими войсками, то генералы, имѣя право требовать бо́льшихъ уступокъ, отвергли эти предложенія. Поэтому осада должна была продолжаться съ новой силою.

Дѣйствительно, на другой день, 29 октября, въ пять часовъ утра, наша рота получила приказаніе двинуться впередъ, а въ шесть часовъ мы, по указанію генерала Мильбица, встрѣченнаго нами на капуан-

ской дорогѣ, расположились подлѣ *массеріи*, называвшейся *бѣлымъ домомъ*, шагахъ въ вдухъ стахъ отъ гласисовъ и въ пяти стахъ отъ осажденнаго мѣста, направо отъ большой дороги. Намъ поручено было защищать работы піемонтскихъ инженеровъ, воздвигавшихъ батарею внутри сада. Капитанъ Репый исправлялъ должность командира, отправившагося наканунѣ въ Казерту отыскивать диктатора, который долженъ былъ письменно подтвердить полномочіе, данное словесно, относительно преобразованія роты Флотта въ баталіонъ. Репый расположилъ насъ стрѣлками позади деревъ, находившихся въ десяти метрахъ разстоянія одно отъ другаго, и велѣлъ ждать дальнѣйшихъ приказаній. Не думаю, чтобы кто нибудь въ состояніи былъ меня опровергнуть, если я замѣчу, что подобное порученіе самое тяжкое, какое только можетъ быть дано во время войны. Ожиданіе предоставляетъ полный разгулъ воображенію; и я крайне усомнился бы въ умѣ и сердцѣ этого человѣка, котораго въ подобную минуту посѣтили бы отрадныя мысли. Я знаю, что существуетъ школа «сентиментальная и военная», не давно открывшая, что война есть необходимое слѣдствіе идей. Но я не солдатъ и не ханжа, и нахожу, что убивать такъ же нелѣпо, какъ быть убитымъ, и что ни то, ни другое не можетъ служить убѣдительнымъ поводомъ чему бы то ни было, съ точки зрѣнія человѣческаго разума. Принимая эту печальную необходимость настоящаго времени, я, однакожъ, утѣшаю себя мечтой, что наступитъ эра менѣе дикой войны, когда коллективная борьба будетъ такъ же безполезна, какъ дуэль.

Около семи часовъ непріятель изъ крѣпости открылъ огонь, довольно слабый, посылая наудачу нѣсколько ядеръ въ чащу оливковыхъ деревъ, окружавшихъ гласисы, и которыя насъ скрывали довольно хорошо. Вскорѣ, однакожъ, чтобъ уничтожить всякое недоумѣніе, онъ отправилъ на рекогносцировку довольно сильный отрядъ кавалеріи. Половина роты, съ намѣреніемъ забывъ полученныя приказанія, бѣгомъ бросилась впередъ, чтобы напасть на непріятельскую кавалерію. Де-Мартини, тщетно старавшійся удержать непослушныхъ, самъ побѣжалъ вслѣдъ за ними. Между тѣмъ поспѣшно явился командиръ и повелъ остальныхъ въ зеленый ровъ, граничившій съ *бѣлымъ домомъ*. Когда маленькій отрядъ, которымъ Де-Мартини рѣшился предводительствовать, напрасно стараясь его остановить, достигъ окраины гласисовъ, къ нему присоединился отрядъ италіянскихъ волонтеровъ, почти равный числомъ. «Viva la Francia!» закричали Италіянцы.

«Vive l'Italie et Garibaldi!» закричали Французы, и всѣ вмѣстѣ, съ штыками, бросились въ аттаку, сопровождаемые двѣнадцатилѣтнимъ трубачомъ, который яростно трубилъ сигналъ.

Замѣтивъ красныя рубашки, неаполитанской отрядъ обратился вспять и скрылся за крѣпостными стѣнами. Такъ какъ артиллеристы оттуда дѣятельно производили огонь, то наши должны были удалиться. Между тѣмъ наша засада сдѣлалась безполезною, а наша зеленая дорога дѣятельно обстрѣливалась двумя канонадами отъ одного конца до другаго. Поэтому мы поспѣшили выйдти изъ этого опаснаго мѣста и всякій занялъ свой прежній постъ, позади дерева.

Минута отдыха—намъ нечего было дѣлать—напомнила намъ, что мы отправились въ походъ, не позавтракавъ. Джедда, видя, что здѣсь дѣла нѣтъ никакого, отправился на ферму и черезъ часъ возвратился съ телѣжкою, наполненною припасами. Мы расположились группами, по три или по четыре человѣка, подъ оливковыми деревьями, которыхъ стволы должны были насъ защищать. Де-Мартини, докторъ Джедда и я усѣлись вмѣстѣ. Несмотря на дождь вѣтвей, падавшихъ вокругъ насъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, мы ѣли съ большимъ аппетитомъ и въ не менѣе хорошемъ расположеніи духа. Докторъ признался, что его сабля дѣйствительно не совсѣмъ удобна и что онъ, по милости ея, имѣлъ уже маленькую непріятность. Чрезвычайно храбрый отъ природы и не имѣя еще раненыхъ, требовавшихъ его помощи, докторъ, увидѣвъ, что солдаты Де-Мартини отправились противъ непріятеля, самъ взялъ въ одну руку ружье, а въ другую саблю и побѣжалъ вслѣдъ за нашими людьми. Вдругъ ему подъ ноги попало ядро; онъ споткнулся и, желая возстановить свое равновѣсіе, опустилъ саблю, но при этомъ задѣлъ за нее съ такою силою, что полетѣлъ на землю и внезапно очутился, самъ не зная какъ, сидящимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ за секунду передъ тѣмъ стоялъ на ногахъ. Въ то время, какъ мы, усердно утоляя свой аппетитъ, забавлялись разсказомъ доктора, коническое ядро подлетѣло къ дереву, находившемуся по сосѣдству съ нашимъ, и гдѣ преспокойно спалъ нашъ поваръ, Швейцарецъ, маленькаго роста, владѣвшій ружьемъ лучше, чѣмъ кастрюлькой. Оно не сдѣлало ему никакого вреда, но при взрывѣ ударило подъ прямымъ угломъ въ стволъ его ружья. Мы по обыкновенію нагнулись, но я плохо защитилъ свою голову и осколокъ ядра на-лету прикоснулся къ моимъ волосамъ.

Когда мы наѣлись и накурились вдоволь, намъ было тягостно

оставаться безъ дѣла. Мы уже стали жалѣть, что не присоединились къ тѣмъ изъ нашихъ, которые отправились на край гласисовъ, чтобъ угостить непріятеля нѣсколькими пулями. Но вдругъ они прибѣгаютъ къ намъ съ извѣстіемъ, что изъ крѣпости вышелъ эскадронъ. Мы тотчасъ, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, отправляемся встрѣтить непріятеля, подъ предводительствомъ Джедды и доктора, который на этотъ разъ, для избѣжанія всякой непріятности, беретъ свою саблю на спину. Неаполитанцы расположились передъ пороховымъ заводомъ, никѣмъ незанятымъ и находящимся въ центрѣ гласисовъ. Чтобы заставить ихъ идти на насъ, какъ ни безразсудно и безполезно подобное предпріятіе, мы начинаемъ стрѣлять въ нихъ, не дѣлая имъ впрочемъ большаго вреда; но они, не отвѣтивъ на нашъ огонь, оборачиваются къ намъ тыломъ и снова входятъ въ Капую. Зато стрѣлки, расположившіеся на укрѣпленіяхъ, посылаютъ къ намъ цѣлый градъ пуль, къ которымъ присоединяются, въ такомъ же количествѣ, ядра. Мы отвѣчаемъ также выстрѣлами, и чтобы нѣсколько укрыться отъ непріятельскаго огня, входимъ въ овчарню, которая находится впереди деревъ и потому нисколько не защищена. Докторъ настоятельно требуетъ, чтобъ мы здѣсь остались, но пребываніе въ овчарнѣ оказывается совершенно безполезнымъ; притомъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ нее вошли, она сдѣлалась мишенью для артиллеристовъ. Черепицы крыши падаютъ намъ на головы; двери превращаются въ щепки; окна разлетаются въ дребезги; самыя стѣны начинаютъ шататься отъ выстрѣловъ. Намъ предстоитъ дѣйствительная опасность погибнуть подъ развалинами этого зданія. Мы выходимъ оттуда и уже съ открытаго мѣста посылаемъ свои пули непріятелю. Потомъ собираемся вокругъ Джедды, который намъ предлагаетъ удалиться, хотя бы для того, чтобы не унизить роту піемонтскихъ инженеровъ, уже оставившую этотъ постъ, какъ слишкомъ опасный и не очень выгодный. На насъ буквально летитъ цѣлый градъ пуль и ядеръ. Въ это время затравка у моего ружья засорилась и одинъ Венгерецъ предлагаетъ мнѣ ее прочистить. Пока мы стоимъ другъ подлѣ друга, между нами со свистомъ пролетаетъ коническое ядро и разрывается въ трехъ шагахъ отъ насъ, обсыпая насъ осколками и землей. У Джедды при этомъ вышибается изъ пояса револьверъ и кинжалъ. Что касается до меня, то я отдѣлался шумомъ въ ушахъ, продолжавшимся еще цѣлый часъ. Никто, впрочемъ, не былъ раненъ.

Тогда мы обыкновеннымъ шагомъ отправились въ *бѣлый домъ*.

Онъ только-что занятъ былъ батальономъ, находившимся подъ начальствомъ маіора Патоли, брата одного изъ первыхъ министровъ Гарибальди въ Сициліи. Маіоръ и я, за три мѣсяца передъ тѣмъ, вмѣстѣ находились въ плѣну на рейдѣ въ Гаэтѣ. Хотя мы съ нимъ прежде мало сближались, но здѣсь, при встрѣчѣ, обнялись съ восторгомъ. Гуляя съ нимъ передъ баталіономъ, стоявшимъ вольно, я замѣтилъ, что человѣкъ, наименѣе привыкшій къ войнѣ, показываетъ родъ пренебреженія къ опасности, которое можно было бы назвать ребячествомъ, еслибъ это не дѣлалось безъ предварительнаго намѣренія. Вблизи находилась стѣна, за которою всѣ могли бы быть внѣ всякой опасности. Однакожъ никто тамъ не оставался; всѣ ходили или стояли, разговаривая, на открытомъ мѣстѣ. Я, по всей вѣроятности, обязанъ Джеддѣ сохраненіемъ одной или обѣихъ ногъ. Я стоялъ, обратившись спиной къ осажденному городу. Вдругъ услышалъ полетъ ядра, приближавшагося къ намъ рикошетами. Я вѣжливо посторонился; но Джедда, разговаривавшій со мной, замѣтилъ, что я какъ разъ сталъ на дорогу *невѣжливаго* гостя, и потому взялъ меня за руку и оттолкнулъ въ противуположную сторону. Все это сдѣлано было въ одно мгновеніе. Ядро треснуло подлѣ одного Англичанина, недавно вступившаго въ роту, и спавшаго подъ деревомъ. Проснувшись, онъ вдругъ вскочилъ, выпрямился, перекувырнулся, будто отъ дѣйствія пружины, поднялъ руки и сталъ ощупывать себя, не зная, живъ—ли онъ, или мертвъ; видя себя, по какому-то чуду, цѣлымъ и невредимымъ, онъ испустилъ громкое «ура!», повалился на землю и залился чистосердечнымъ хохотомъ.

Въ продолженіе десяти часовъ, пока мы стояли подъ огнемъ, иногда очень сильнымъ, въ ротѣ былъ раненъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ, хотя это должно казаться невѣроятнымъ, не самъ первый это замѣтилъ. Это былъ сержантъ, изъ Ниццы, по имени Виталини, превосходный солдадъ и отличный малый. Онъ разговаривалъ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Вдругъ обоимъ послышалось, будто воздухъ между ними пересѣкается сабельнымъ ударомъ. Они посмотрѣли во всѣ стороны и наконецъ одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ на верхней губѣ своего товарища кровь. Пуля на лету прикоснулась къ усамъ Виталини и вырвала у него нѣсколько волосъ. При малѣйшемъ его движеніи впередъ, она раздробила бы ему челюсть. Италіянскіе корпуса, стоявшіе направо отъ насъ, были менѣе счастливы. Одному бѣднягѣ, который спокойно шелъ по дорогѣ, позади

насъ, на разстояніи шаговъ въ двѣсти, ядро пронизало животъ. Къ доктору привезли двухъ раненыхъ. У одного разможжено было колѣно и, несмотря на предварительную перевязку, сдѣланную на мѣстѣ, несчастный долженъ былъ лишиться ноги. У другаго были вырѣзаны три пальца на ногѣ, съ такою аккуратностью, что пришлось только сдѣлать компрессы на рану; но кромѣ того въ икру, дюйма на три сверху внизъ, проникъ осколокъ гаубицы, который необходимо было вынуть, и эта операція была для раненаго тяжела. Но ни тотъ, ни другой, да и вообще ни одинъ изъ героевъ, павшихъ въ этомъ сраженіи, не испустилъ ни одной жалобы. Одно только слово вырывалось изъ ихъ устъ и оставалось въ ихъ сердцѣ: «Италія!»

Работы инженеровъ окончились и сицилійскій баталіонъ маіора Натоли долженъ былъ защищать ихъ отъ всякаго нападенія въ продолженіе ночи. Поэтому наша рота въ четыре часа, гимнастическимъ шагомъ, подъ звуки рожка, наигрывавшаго знаменитый маршъ: *Casquette au père Bugeaud*», отправилась на ферму. Тамъ ее, по возвращеніи, ожидала достойная награда: добродѣтельный Шомаръ, оставшійся для охраненія нашего жилища, при встрѣчѣ доктора закричалъ: «И такъ, *мы* еще разъ обратили въ бѣгство трусливыхъ Неаполитанцевъ.»

V.

На другой день я, къ сожалѣнію, долженъ былъ отправиться въ Неаполь, чтобы взять нѣсколько писемъ на почтѣ. Улица Толедо и кофейня Европа всегда наполнены были офицерами и священниками. Эти офицеры не походили на тѣхъ, которые встрѣчались въ окрестностяхъ Капуи. Они отличались и болѣе шумнымъ поведеніемъ и обиліемъ галуновъ. Священники по поводу послѣднихъ событій изъявляли энтузіазмъ, который казался нѣсколько подозрительнымъ, потому что выражался черезчуръ явно, какъ будто выставляемый на показъ. Само-собою разумѣется, что манифестаціи производились преимущественно въ пользу восходящаго свѣтила, Виктора Эммануила, и противъ заходящаго, Гарибальди. Въ подписяхъ и на дверяхъ магазиновъ имя приближавшагося короля замѣнило имя удалявшагося освободителя Италіи. Опечаленный болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, явленіемъ, столь естественнымъ, я бы въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Неаполя, еслибъ

меня не задержала встрѣча съ нѣкоторыми товарищами моего плѣна. Пріѣзжавшіе съ аванпостовъ, находившихся передъ Капуей, увѣряли, впрочемъ, что тамъ все спокойно. Я рѣшился подождать господина Petruccelli della Gattina, бывшаго неаполитанскаго изгнанника, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ въ Парижѣ. Онъ обѣщался на другой день поѣхать въ Санта-Маріа вмѣстѣ со мной, чтобы собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о неаполитанскихъ дѣлахъ для своихъ замѣчательныхъ статей, помѣщавшихся въ газетѣ *Journal des Débats* и въ разныхъ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ вагонѣ, въ который мы сѣли, намъ встрѣтился молодой скульпторъ, знакомый съ господиномъ Petruccelli и который отправлялся по дѣламъ въ госпиталь, находившійся въ Казертѣ. Мой спутникъ также желалъ остановиться въ этомъ мѣстѣ и оба уговорили меня отправиться въ госпиталь вмѣстѣ съ ними. Повидимому, деспотизмъ, подавившій всякую энергію въ жителяхъ прежняго Неаполитанскаго королевства, также уничтожилъ тамъ всякое чувство состраданія въ сердцахъ женщинъ. Между тѣмъ, какъ Итальянки сѣвера, во всѣхъ слояхъ общества, съ энтузіазмомъ отдались на службу раненымъ, во время войны 1859 года, обитательницы юга, въ 1860 году, были совершенно равнодушны къ своимъ освободителямъ. Дѣйствительно, въ госпиталѣ въ Казертѣ находились только три женщины, изъ которыхъ одна была Англичанка, отличавшаяся своимъ талантомъ къ живописи и поселившаяся во Флоренціи, другая—молодая женевская уроженка, а третья—пожилая Венеціянка, уже прославившаяся своимъ усердіемъ во время революціи и осады Венеціи, въ 1848 и 1849 годахъ. Случайно, я зналъ первыхъ двухъ дамъ и онѣ сообщили намъ самыя подробныя свѣдѣнія о числѣ раненыхъ, находившихся въ госпиталѣ, и о способѣ ухода, какимъ они пользовались. При этомъ онѣ изъявили сожалѣніе, что, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ удовлетворительно исполнить обязанность, принятую ими добровольно, и безъ всякаго намѣренія выказали презрѣніе къ женамъ казертскихъ либераловъ, умѣвшимъ только посѣщать церкви.

Когда мы проходили по одной комнатѣ, занятой офицерами, меня подозвалъ молодой подпоручикъ, изъ Романьи, съ которымъ я совершилъ переправу изъ Генуи въ Палермо. Онъ лежалъ въ постели, но имѣлъ самый цвѣтущій, радостный видъ. Я пожалъ ему руку и, воображая, что онъ былъ раненъ слегка, изъявилъ удовольствіе, что «онъ такъ дешево отдѣлался». Легкая туча пробѣжала по его лицу,

но почти тотчасъ же сверкнула молнія въ глазахъ. Онъ немного повернулся на бокъ и показалъ мнѣ свою правую руку, отнятую въ четырехъ дюймахъ отъ плеча. Замѣтивъ грустное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ этимъ видомъ, онъ весело воскликнулъ: «Ничего, у меня еще остается лѣвая рука для Рима и голова для Венеціи!»

Далѣе, въ одной залѣ, гдѣ помѣщались солдаты, мы увидѣли мальчика, лѣтъ четырнадцати. Онъ заснулъ, записывая что-то карандашемъ на бумагѣ. Карандашъ еще находился въ рукѣ, а бумага лежала на полу подлѣ кровати. Одна изъ дамъ, провожавшихъ насъ, подняла ее и замѣтила, что тамъ написаны стихи. Признаюсь, мы были такъ нескромны, что начали ихъ читать. Множество помарокъ, сдѣланныхъ на этой бумагѣ, доказывали, что писавшій стихи былъ самъ ихъ авторъ. Эти стихи состояли изъ двухъ куплетовъ, которые могутъ казаться наивными въ литературномъ отношеніи, но въ которыхъ выражалось чувство, тѣмъ болѣе трогательное, что оно было искренно. Вотъ они:

La mia mamma, poveretto,
Al confin m'accompagna;
Mà, di là resto soletto,
E di là mi salutto.
Ella dissemi: Tigliuolo,
La tua madre non scordar;
Mà finché resta un solo
Al suo bacio non tornar.

«Бѣдняжка я, моя мать проводила меня до границы, но тамъ оставила одного и простилась.

«Она мнѣ сказала: Сынокъ, не забывай своей матери, но пока будетъ хоть одинъ врагъ, не возвращайся къ ея поцѣлую».

Слова, вложенныя этимъ молодымъ солдатомъ въ уста его матери, были только выраженіемъ чувствъ, которыя заключались тогда и, надѣюсь, теперь заключаются въ сердцахъ всѣхъ итальянскихъ женщинъ. «Да поможетъ тебѣ небо,» писала одна крестьянка изъ Асти своему сыну, въ письмѣ, которое было въ моихъ рукахъ, «да поможетъ тебѣ небо исполнить обязанности въ отношеніи къ отечеству и быть твердымъ въ виду непріятеля. Помни, что ты принимаешь участіе въ дѣлѣ освобожденія нашей страны отъ чужеземнаго ига. Гарибаль-

ди только перевелъ на человѣческій языкъ часто обнаруживавшійся инстинктъ своихъ соотечественницъ, когда въ прокламаціи къ своимъ *товарищамъ по оружію* сказалъ: «А вы, женщины, удалите отъ себя всѣхъ трусовъ! Отъ нихъ могутъ родиться только такіе-же трусы, какъ сами они. Дочери нашей геройской земли не должны желать другаго потомства, кромѣ потомства, состоящаго изъ героевъ!» О благородныя женщины, и вы, храбрые дѣти отечества! на моихъ рѣсницахъ пробивается слеза, когда я вспоминаю о васъ посреди этой испорченной атмосферы современной Франціи, гдѣ въ основаніи всякаго геройскаго поступка кроются честолюбіе и тщеславіе!»

На другой день три или четыре зуава, принадлежавшихъ къ ротѣ, представили намъ образчикъ своего театральнаго искусства. Мы только-что оканчивали завтракъ, какъ вдругъ услышали на дворѣ рѣзкій колокольный звонъ. Открыли окно, и увидѣли, что шумъ этотъ производился колоколомъ, довольно значительной величины, и вокругъ котораго, смѣясь, столпились солдаты.

— Что это у васъ? спросилъ капитанъ Реный.

— Это колоколъ капуциновъ, который мы здѣсь привѣсили, отвѣчалъ одинъ изъ зуавовъ.

— Но вѣдь это святотатство! замѣтилъ докторъ, бывшій въ это утро въ религіозномъ настроеніи духа.

— Это, во всякомъ случаѣ, неловкая выходка, въ такой фанатической странѣ, замѣтилъ намъ капитанъ и, обратившись къ виновнымъ, прибавилъ серьезнымъ тономъ: «Прошу васъ отнести этотъ колоколъ на то самое мѣсто, откуда вы его взяли».

Зуавы черезъ нѣсколько времени стали совѣщаться между собою. Потомъ одинъ изъ нихъ взошелъ на верхъ, скромно постучался въ дверь, открылъ ее и, вертя свой *кепи* въ рукахъ, сказалъ:

— Капитанъ, если мы возвратимъ эту *штуку* въ монастырь, то, по всей вѣроятности, ее возьмутъ другіе. Позвольте намъ отнести ее въ одну изъ приходскихъ церквей, въ Санта-Марія. Тамъ она, по крайней-мѣрѣ, будетъ въ безопасности.

— Хорошо, ступайте! отвѣчалъ Реный, который находилъ эту идею дѣйствительно хорошею.

Я, однакожъ, замѣтилъ на лицѣ посланнаго выраженіе особеннаго удовольствія, когда онъ получилъ такое приказаніе. Подозрѣвая, что у зуавовъ кроется какая нибудь задняя мысль, я съ самымъ без-

печнымъ видомъ вышелъ курить на галлерею и услышалъ, какъ одинъ изъ солдатъ сказалъ тѣмъ, которые несли колоколъ:

— Смотрите, сыграйте комедію хорошенько.

Зуавы отправились, и возвратились на ферму уже вечеромъ, въ веселомъ расположеніи духа, которое еще болѣе подтвердило мои подозрѣнія. Гуляя въ темнотѣ между группати солдатъ, я услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, описывая свою экспедицію, говорилъ:

— Мы конечно не сказали патеру, что сами сняли колоколъ. Старикъ принялъ бы насъ за простыхъ раскаявшихся воровъ и, покрайней мѣрѣ, положилъ бы эпитимью. Мы съ видомъ негодованія увѣрили его, что отняли колоколъ у безбожныхъ мародеровъ, чтобы спасти его отъ профанаціи. Старикъ умилился и чуть было насъ не обнялъ. Онъ угостилъ насъ обѣдомъ и потомъ предложилъ, въ награду за такой достохвальный поступокъ, отслужить завтра молебенъ по нашимъ павшимъ братьямъ, похороненнымъ тамъ въ саду. Значитъ, доброе дѣло никогда не остается безъ награды: на этомъ свѣтѣ за него угощаютъ виномъ, а на томъ—на нѣсколько лѣтъ сокращаютъ срокъ пребыванія въ чистилищѣ.

— Аминь! отвѣчали слушатели, хоромъ.

Они пришли въ какое-то умиленіе и рѣшились составить складчину между собою и обратиться также къ намъ съ этимъ предложеніемъ, чтобы иллюминовать могилы своихъ павшихъ товарищей. Въ то же время они условились всю ночь по очереди караулить на кладбищѣ. Идея ихъ была тотчасъ приведена въ исполненіе. Когда всѣ приготовленія кончились, одинъ изъ солдатъ пришелъ къ намъ и сказалъ:

— Приходите, господа, смотрѣть кладбище.

Мы вышли на галлерею и увидѣли садъ совершенно освѣщенный шкаликами, расположенными вокругъ четырехъ скромныхъ могилъ.

VI.

Но надо быть или зуавомъ, или предварительно угоститься обѣдомъ у какого нибудь патера, чтобы найдти въ этотъ вечеръ хотя малѣйшій предлогъ для смѣха. Надъ нашими головами разразилась страшная гроза. Сильный порывистый вѣтеръ ломалъ деревья и потрясалъ крыши и стѣны нашей почти совсѣмъ разрушенной фермы,

ударяя въ нихъ потоками холоднаго дождя. Буря разносила по полямъ то глухой и протяжный, то рѣзкій и отрывистый звонъ колоколовъ, раздававшихся въ церквахъ Санта-Маріа и Капуи. Къ наружной борьбѣ стихіи присоединялся плачевный вой вѣтра, проникавшаго въ щели нашего жалкаго жилища. Къ довершенію ужаса этого страшнаго концерта, по-временамъ раздавался нестолько сильный, сколько грубый и безпокойный шумъ канонады.

Бомбардированіе, дѣйствительно, началось около пяти часовъ. Оно производилось не очень сильно, но съ такою строгою послѣдовательностью, что должно было еще болѣе безпокоить тѣхъ, кому при этомъ угрожала опасность. Сила, дѣйствующая съ напряженіемъ, всегда заставляетъ предполагать болѣе или мѣнѣе скорое возстановленіе спокойствія; но сила, дѣйствующая постепенно и съ остановками, приводитъ въ отчаяніе, подобно болѣзни, переходящей изъ остраго состоянія въ хроническое. Бомбы вылетали изъ мортиръ, съ свистомъ описывали свои параболы и разрывались на части съ такою правильною послѣдовательностью, что мнѣ самому все это явленіе иногда представлялось дѣйствіемъ какого нибудь механизма, дѣйствіемъ, которому никогда не будетъ конца. Я вспоминалъ о несчастныхъ семействахъ, заключенныхъ въ стѣнахъ города, и которыя, при каждомъ взрывѣ, должны были опасаться разрушенія своего жилища. Мнѣ пріятно было думать, что мы не принимаемъ непосредственнаго участія въ печальной развязкѣ этого дѣла. Бомбардированіе города предоставлено было исключительно піемонтской арміи. Обложивъ Капую со всѣхъ сторонъ, волонтеры взяли ее нормально; матеріальное исполненіе этого предпріятія до насъ не касалось.

Мы даже находились внѣ сцены главнаго дѣйствія. Единственная итальянская батарея, расположенная между нами и непріятелемъ, была построена подъ нашей защитой. Непріятельскіе выстрѣлы, направленные на эту батарею, нисколько намъ не угрожали, потому что мы находились позади ея на разстояніи километра. На лѣвомъ берегу Вольтурно, гдѣ стояла наша ферма, осада производилась преимущественно съ Monte Tifata. Эта позиція была тѣмъ болѣе выгодна, что навѣсные выстрѣлы оттуда легко попадали въ городъ, тогда какъ непріятельскіе снаряды почти никогда не достигали своей цѣли.

Мои товарищи одинъ за другимъ оставили галлерею, откуда мы наблюдали это зрѣлище, которое, за исключеніемъ своихъ послѣдствій, имѣло большое сходство съ фейерверкомъ. Когда я возвратился въ

комнату, всѣ уже спали, и я сѣлъ писать. До-того привыкаешь ко всякому шуму, что тишина напомнила мнѣ поздній часъ. Я снова вышелъ на галлерею. Канонада прекратилась съ той и съ другой стороны, и буря утихла. Едва слышался трескъ потухавшихъ шкаликовъ и шумъ капель, падавшихъ съ крышъ, а иногда раздавались крики перелетныхъ птицъ, носившихся по небу, по которому быстро пробѣгали легкія тучки, по-временамъ заслоняя собою свѣтлую, всегда спокойную луну.

Бомбардированіе началось съ новою силою съ разсвѣтомъ и продолжалось до полудня. Въ два часа Капуа сдалась безусловно и мы получили приказаніе приготовиться къ вступленію въ городъ. Утромъ, третьяго ноября, около двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ къ южной арміи, выстроились въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ дороги, отъ неаполитанскихъ воротъ Капуи до конца гласисовъ. Солнце взошло на чистомъ небѣ и озарило свѣтомъ уже покрытыя снѣгомъ вершины горъ, между тѣмъ какъ на туманныхъ скатахъ виднѣлись силуэты собора и высокихъ зданій города. Несмотря на ранній утренній часъ, позади насъ собрались толпы любопытныхъ, частію пришедшихъ пѣшкомъ, частію пріѣхавшихъ верхомъ или въ экипажахъ. Продавцы фруктовъ, сластей, сигаръ и *анисовки* проходили между зрителями, предлагая свой товаръ, и придавали праздничный видъ этой воинской сценѣ. Наша рота стояла на самомъ концѣ строя, отдаленномъ отъ города, и потому мы не могли видѣть формальности сдачи оружій. Но около восьми часовъ къ намъ медленно приближался отрядъ плѣнныхъ, сопровождаемый двумя рядами піемонтскихъ солдатъ. Я никогда не видалъ толпы людей такихъ исхудалыхъ и въ такихъ оборванныхъ костюмахъ. Они шли безъ всякаго порядка. Офицеры одни сохранили свои сабли и шпаги. Многихъ солдатъ сопровождали ихъ жены и дѣти, съ узлами въ рукахъ. Большая часть лицъ представляли симптомы лихорадки и голода. Всѣ почти плѣнные страдали воспаленіемъ глазъ отъ вредныхъ испареній Вольтурно и носили абажуры. Словомъ, вся толпа имѣла видъ болѣе больничный, чѣмъ военный.

Баварцы и Швейцарцы, которыхъ легко можно было узнать по цвѣту ихъ лица и волосъ, отличались своимъ равнодушнымъ видомъ. Дѣйствительно, они мало имѣли причинъ горевать, потому что служили изъ найма. Неаполитанцы казались болѣе серьезными и выражали болѣе страха, чѣмъ ненависти къ своимъ побѣдителямъ. Эти

несчастные возбуждались къ сопротивленію разсказами о злодѣйствахъ, будто бы совершаемыхъ нами надъ плѣнными. Поэтому они только въ-половину довѣряли нашему болѣе симпатическому, чѣмъ суровому пріему. Казалось, они вздохнули свободно, когда прошли мимо нашей роты, которая, какъ я уже замѣтилъ, стояла на самомъ концѣ строя. Мы слышали, какъ они, поглядывая на насъ, говорили другъ-другу въ полголоса: «*le camice rosse–красныя рубашки*!» Мы одни въ этотъ день еще носили этотъ нарядъ. Наши волонтеры, дѣйствительно, имѣли большое нравственное вліяніе на королевскихъ солдатъ. Одинъ Французъ, жившій въ Капуѣ, разсказывалъ намъ впослѣдствіи, что непріятель боялся преимущественно тѣхъ гарибальдійцевъ, которые встрѣчались въ красныхъ рубашкахъ; что-же касается до остальныхъ, носившихъ сѣрыя шинели, то они менѣе внушали страха, потому что ихъ принимали за Піемонтцевъ. Но надо сказать правду, что Піемонтцы, какъ солдаты, насъ значительно превосходили въ строю.

Въ этой толпѣ людей, большею частію доведенныхъ до скотскаго состоянія рабствомъ и невѣжествомъ, или объятыхъ страхомъ, только немногіе, повидимому, понимали свое положеніе и старались сохранить достоинство. То были старые офицеры, съ сѣдыми усами, шедшіе съ поникшими головами и ускорявшіе шаги, чтобы, по возможности, скрыть крупныя слезы, навертывавшіяся у нихъ на глазахъ. Они недавно получили эполеты и даже очень скоро достигли высшихъ чиновъ, такъ какъ Францискъ II долженъ былъ дополнить комплектъ своей арміи, разстроившейся вслѣдствіе отставки всѣхъ молодыхъ людей, которые, несмотря на свое воспитаніе, противное италіянскому духу, все-таки поняли, въ чемъ заключается главный вопросъ этой войны. Піемонтское правительство впослѣдствіи поступило и неблагоразумно, и несправедливо, не признавъ за гарибальдійскими офицерами чиновъ, въ которыхъ безъ всякаго контроля утверждало неаполитанскихъ, нетолько чуждыхъ патріотизма, но даже непредставлявшихъ никакихъ гарантій относительно опытности. Иногда, посреди толпы плѣнныхъ, показывался плотно закрытый экипажъ, въ которомъ сидѣли старшіе офицеры, старавшіеся освободиться отъ любопытныхъ взглядовъ.

По-временамъ какой-нибудь эпизодъ, комическій или драматическій, прерывалъ скучное однообразіе этой сцены. Какая-нибудь капуанка преслѣдовала своими упреками солдата, обрадовавшагося случаю избавиться отъ ея ненавистнаго ига. Одна женщина напрасно старалась

успокоить своего *bambino*, съ негодованіемъ отворачивавшагося отъ ея обнаженной груди. Одинъ старый гарибальдіецъ вышелъ изъ строя и, обратившись къ младенцу, сказалъ: «*Non piangi, ragazzo; riddi piutosto; tutti questi soldati, ieri erano schiavi: queseti priggioneri son'oggi homini* (*). Изумленное дитя замолчало, потомъ, прельстившись, безъ сомнѣнія, яркой одеждой солдата, протянуло къ нему руки. Гарибальдіецъ поцѣловалъ его и, возвратившись на свое мѣсто, сказалъ: «*E viva l'Italia sempre!*»

Все это продолжалось до часа пополудни. Около двѣнадцати тысячъ плѣнныхъ проходили мимо насъ въ Санта-Марія, откуда должны были отправиться по желѣзной дорогѣ въ Неаполь. Когда изъ Капуи вышелъ послѣдній солдатъ, всѣмъ любопытнымъ дозволялось войти въ нее,—кромѣ гарибальдійцевъ, которые на самомъ дѣлѣ взяли этотъ городъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ борьбы, трудовъ и опасностей!

Мы могли посѣтить Капую не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, и то съ дозволенія главнаго штаба, которое давалось каждому особо. Городъ не очень пострадалъ отъ бомбардированія; въ немъ только три человѣка было убитыхъ. Онъ содержитъ всего десять тысячъ жителей и такъ же тѣсенъ и имѣетъ такой же мрачный и скучный видъ, какъ и всѣ крѣпости. Рѣка Вольтурно, грязная, глубокая и въ особенности вредная для здоровья, омываетъ половину всего пространства, занимаемаго городомъ. *Гиды* расхваливаютъ красоту капуанскихъ женщинъ, но я нахожу это не совсѣмъ справедливымъ. По моему мнѣнію, крестьянки Обѣихъ Сицилій дѣйствительно прелестны, но горожанки вообще отличаются болѣзненнымъ видомъ и отсутствіемъ чистоплотности, которое вредитъ всякой красотѣ.

Непреодолимая лѣнь возвратиться къ гражданской жизни, послѣ восьми мѣсяцевъ военной дѣятельности, удерживала меня на фермѣ, хотя уже очевидно волонтерамъ, если не навсегда, то по крайней-мѣрѣ надолго, не предстояло никакого дѣла. Купивъ себѣ лошадь, на другой день послѣ взятія Капуи, я ежедневно сталъ совершать уединенныя прогулки по великолѣпнымъ равнинамъ, гдѣ снова начинала распространяться земледѣльческая дѣятельность. Слѣды войны исчезали одинъ за другимъ. Баррикады уничтожались, рвы наполнялись землею и изломанныя деревья убирались для очистки полей и дорогъ. Кресть-

(*) Не плачь, дитя; смѣйся: вчера всѣ эти солдаты были рабами, сегодня всѣ эти плѣнные сдѣлались людьми.

яне еще не могли поселиться въ своихъ *массеріяхъ*, большею частію совершенно разрушенныхъ, но они снова начинали обработывать свои земли. Мирныя телѣжки, влекомыя большими быками, тихо разъѣзжали по узкимъ дорожкамъ, гдѣ за восемь дней передъ тѣмъ поспѣшно перевозились пушки. Пастухи хранили стада, сидя подъ деревомъ, гдѣ еще недавно, съ менѣе миролюбивою цѣлью, прислонялись часовые. Дороги цѣлый день наполнены были народомъ: нѣкоторые путешественники шли пѣшкомъ, другіе ѣздили верхомъ, или въ экипажахъ. Одни пріѣзжали изъ любопытства видѣть Капую, другіе возвращались на свои поля, гдѣ снова начиналась мирная дѣятельность. Снова встрѣчались прелестныя дѣвушки, съ веселой улыбкой на лицѣ, тамъ, гдѣ съ самаго начала войны только изрѣдка попадалась какая-нибудь старуха, погонявшая осла, нагруженнаго съѣстными припасами, которые отвозились на продажу солдатамъ, стоявшимъ на нашихъ уединенныхъ аванпостахъ.

Забавный приказъ, запрещавшій гарибальдійцамъ, въ первый день по взятіи Капуи, посѣщать городъ, даже поодиночкѣ и безъ оружія, возбудилъ между нами всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что и граждане, и крестьяне, и вооруженные солдаты національной гвардіи входили туда безъ всякаго препятствія. Эта мѣра породила между двумя арміями, регулярной и нерегулярною, ту взаимную ненависть, которая впослѣдствіи разразилась множествомъ дуэлей въ Неаполѣ и другихъ провинціяхъ Италіи. Въ это время всѣ волонтеры озабочены были мыслію о предстоящихъ перемѣнахъ. Между тѣмъ, какъ жители Неаполя думали исключительно о встрѣчѣ короля, гарибальдійцы, мало заботившіеся объ этомъ торжествѣ, съ безпокойствомъ спрашивали другъ друга, что намѣренъ предпринять единственный истинный представитель вопроса, за который они сражались: независимости Италіи. Вскорѣ, однакожъ, пришло извѣстіе, возбудившее между ними всеобщее уныніе, въ которомъ, я ручаюсь, очень мало было примѣси эгоизма. Наградивъ тысячу собственноручно знаками отличія, раздавъ Венгерцамъ знамена, подаренныя имъ знатною палермскою дамою, передавъ свое начальство Сиртори, и, наконецъ, великодушно озаривъ блескомъ своей популярности въѣздъ Виктора Эмануила въ Неаполь, Гарибальди отправился въ Капреру, въ сопровожденіи двухъ или трехъ близкихъ друзей. Прокламація, которую онъ, передъ отъѣздомъ оставилъ своимъ «товарищамъ по оружію», хотя и выражала надежду на свиданіе съ ними весною, все-же осталась прощальнымъ словомъ.

Несмотря на совѣтъ, данный волонтерамъ, возвращаться къ своимъ пенатамъ только въ случаѣ необходимости, весьма немногіе согласились принять условія, ежедневно мѣнявшіяся, но всегда унизительныя, предлагаемыя, при принятіи на службу, піемонтскимъ правительствомъ, столь щедрымъ и великодушнымъ въ отношеніи къ древней неаполитанской арміи, замѣнявшей преданность отечеству неоцѣнимымъ преимуществомъ—регулярностью.

Вся наша рота—офицеры и солдаты—рѣшились, съ своей стороны, не отказываться отъ независимости, которую завѣщалъ знаменитый начальникъ, давшій ей имя. Но желая еще служить дѣлу свободы, если не въ Италіи, то въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, наши волонтеры вспомнили о Венгріи, которая считалась тогда близкою къ возстанію. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей просили меня составить адресъ генералу Тюрру (Türr), съ тѣмъ, чтобы предложить ему услуги, которыя онъ уже разъ съумѣлъ оцѣнить. Вотъ что я написалъ:

«Генералъ.

«Мы добровольно сражались за независимость Италіи, а теперь рѣшились, при первомъ случаѣ, помогать своимъ оружіемъ освобожденію другихъ народовъ.

«Въ настоящее время Венгрія готовится поднять свое славное знамя, которое могло быть опрокинуто только на время могущественной коалиціей враговъ. Вы, генералъ, были однимъ изъ героевъ единства Италіи и должны быть также однимъ изъ спасителей венгерской свободы. Предлагаемъ вамъ содѣйствіе корпуса, который, если и не пріобрѣлъ всей желанной славы, то всегда отличался усердіемъ въ исполненіи добровольно-принятыхъ обязанностей.

«Начальникъ, котораго потерю мы оплакиваемъ, страдавшій за свободу во Франціи и умершій за освобожденіе Италіи, сдѣлался для насъ знаменемъ вооруженнаго братства, и всегда будетъ служить намъ, по смерти, какъ служилъ при жизни, славнымъ примѣромъ храбрости, самоотверженія и чести.

«Генералъ! Въ тотъ день, когда Венгрія призоветъ васъ на помощь, скажите одно слово, подайте одинъ знакъ,—и наша рота съ восторгомъ и гордостью послѣдуетъ на берега Тиссы за героемъ, который первый отдалъ ей справедливоть на берегахъ Вольтурно (*).

(*) Послѣ сраженія, происходившаго 1-го октября, генералъ Тюрръ пришелъ на ферму и, поздравивъ роту съ участіемъ, какое она принимала въ

Этотъ адресъ прочтенъ былъ передъ ротой и принятъ единодушными криками: «*да здравствуетъ Венгрія*! *да здравствуетъ* «*Италія*! *да здравствуетъ Франція*!»... *Да будутъ онѣ свободны*!» прибавилъ одинъ голосъ «*Да*! *да будутъ онѣ свободны*!» повторили всѣ. Сто шестьдесятъ подписей тотчасъ же подкрѣпили этотъ порывъ энтузіазма; наша рота состояла тогда изъ ста шестидесяти человѣкъ.

Когда я, мѣсяца два спустя, оставлялъ Неаполь, тамъ ожидали прибытія Кариньяна, который долженъ былъ занять мѣсто Фарини, признаннаго неспособнымъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей. Такимъ образомъ, порядокъ, торжественно возвѣщенный жителямъ южной Италіи, былъ нарушенъ и потомъ нарушался еще нѣсколько разъ, вслѣдствіе препятствій, возникшихъ по поводу его водворенія. Дѣло въ томъ, что піемонтское правительство желало имѣть возможность обвинить своихъ подчиненныхъ въ гнусномъ обращеніи съ Гарибальди и его арміею, тогда какъ для отысканія виновныхъ нужно было подыматься очень высоко. Извѣстно, что военный Министръ Фанти—генералъ, мало прославившійся побѣдами,—въ одной прокламаціи назвалъ освободителя Обѣихъ Сицилій «*счастливымъ авантюристомъ*», Викторъ-Эммануилъ говорилъ Неаполитанцамъ, что пришелъ къ нимъ «*возстановить порядокъ*», и впослѣдствіи представился Сицилійцамъ, какъ король ихъ, по милости, неизвѣстно-какихъ, «предковъ», забывъ совершенно упомянуть даже имя того, кто прибавилъ къ его коронѣ эту новую жемчужину. Этими поступками и король и министръ нетолько глубоко оскорбили волонтеровъ и ихъ знаменитаго начальника, но заставили пожать плечами всѣхъ здравомыслящихъ людей южной Италіи, которыхъ трудно убѣдить, что, не будь безразсуднаго предпріятія въ Марсалѣ, ни король-galantuomo, ни господинъ де-Кавуръ не освободили бы ихъ, въ особенности такъ скоро. Въ дѣлахъ политики, такъ же какъ во всѣхъ другихъ, не должно кощунствовать надъ здравымъ смысломъ и отрицать факты, слишкомъ очевидные для всѣхъ. Если Викторъ-Эммануилъ и принятъ въ Обѣихъ Сициліяхъ какъ политическая необходимость, то, да будетъ вѣдомо, извѣстно всѣмъ и каждому, онъ лично не пользуется тамъ большой популярностью. Господина Кавура знаютъ теперь такъ же, какъ

этомъ дѣлѣ, спросилъ, сколько въ ней было человѣкъ? «Шестьдесятъ», отвѣчали ему. «Вы сражались какъ-будто васъ было пять сотъ», замѣтилъ генералъ.

знали при его жизни только въ Неаполѣ, Палермѣ, Мессинѣ и другихъ большихъ городахъ. Во всемъ этомъ краѣ популярно только одно имя—имя Гарибальди. Это обстоятельство піемонтское правительство упустило изъ виду, и вотъ почему въ южной Италіи столько искусныхъ политиковъ не имѣли успѣха. Самый послѣдній изъ нихъ, всѣхъ младшій, и потому наиболѣе свободный отъ предвзятыхъ идей, понялъ эту истину и, волею-неволею, возобновилъ память о героѣ, котораго имя одно въ состояніи дѣйствовать на жителей, исполненныхъ энтузіазмомъ. То, что Чальдини дѣлалъ изъ политики, Неаполитанцы сознавали инстинктивно. Народъ, такъ же какъ и недѣлимое, не долженъ вступать въ жизнь, отвергая свою мать.

ЖЮЛЬ КЕРГОМАРЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Италія: Рикасоля и Наполеонъ III.—Переговоры итальянскаго правительства съ папою.—Церковь и государство.—Брошюра Іезуита Пассаглія.—Чальдини въ Неаполѣ.—Энтузіазмъ Неаполитанцевъ.—Казнь Лукателли въ Римѣ —**Франція:** Неурожай. —Централизаціонныя мѣры правительства.—Столкновенія съ Женевою по поводу торговки.—Свиданіе Наполеона съ королемъ прусскимъ.—**Пруссія:** Приготовленія къ кенигсбергскому торжеству.—**Австрія:** Волненія въ Венгріи и Трансильваніи.—**Англія:** Недостатокъ хлопчатой бумаги.—Пауперизмъ и мѣры противъ него.—Новые военные корабли.—**Америка:** Расположеніе войскъ и ихъ движенія.—Слово *эмансипація*, произнесенное генераломъ Фремонтомъ.—**Испанія:** Геройскіе набѣги испанскаго правительства на С.—Доминго, на Мексику и на демократовъ.—Общее заключеніе.—Картина отлива и застоя.

«Подождите, пока я ворочусь изъ Біарицца», отвѣчалъ императоръ Людовикъ Наполеонъ на всѣ жалобы несчастной Италіи, на депеши Рикасоли, на просьбы его посланниковъ, Нигра, Вимеркати и другихъ. «Подождите, пока я ворочусь. Я торопиться не намѣренъ».

— Государь, дерзали они говорить, время теперь тяжелое. Намъ необходимо представить какое-нибудь рѣшеніе палатамъ, которыя скоро откроютъ свои засѣданія; насъ тѣснятъ съ одной стороны нетерпѣливыя требованія патріотовъ, людей дѣла, съ другой стороны заговоры Кодини и Санфедистовъ, происки реакціонеровъ и набѣги бандитовъ. Европа, которой благорасположеніе для насъ равносильно многочисленной арміи, начинаетъ подавать знаки нетерпѣнья, и нетерпѣніе это можетъ перейдти въ раздраженіе, которое насъ погубитъ. Эти затрудненія, увеличивающіяся съ каждымъ днемъ, ободряютъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, а ваше величество не позволяете намъ разрубить этотъ роковой узелъ. Недоброжелательства вокругъ насъ усиливаются, симпатіи хладѣютъ, самый патріотизмъ становится желч-

нымъ. Великодушный союзникъ Италіи, вызовите же ваши войска изъ Рима, позвольте намъ...

— Подождите, пока я ворочусь изъ Біарицца! отвѣчаетъ владыка и благодѣтель; и поневолѣ Италія и Европа рѣшаются ждать терпѣливо. Теперь, его величество воротился, и въ каждомъ номерѣ Монитера всѣ ищутъ рѣшительнаго объявленія; мы широко раскрываемъ глаза, и несмотря на то, вмѣсто ожидаемой молніи всемогущества и генія, видимъ только кое-какіе блѣдные и обманчивые огоньки надъ печальными болотами вечерняго журнала *la Patrie*, и надъ зловонными трясинами журнала *Constitutionnel*.

Рикасоли повторяетъ свои просьбы. Ему отвѣчаютъ: «подождите, пока мы въ Компьенѣ повидаемся съ королемъ прусскимъ!» Рикасоли настаиваетъ. Тогда, теряя терпѣніе, ему отвѣчаютъ категорически: «Подождите, пока намъ заблагоразсудится».

Поставленный въ такую крайность, несчастный Рикасоли поневолѣ долженъ подавать въ отставку. А что же сдѣлаетъ Италія? Не подать ли ей также въ отставку? Не рѣшиться ли ей на самоубійство? Къ этому она, кажется, не расположена. Положеніе ея щекотливо; оно заставитъ ее понять, какъ опасно принимать благодѣянія, и какъ осторожно надо держать себя съ освободителями. Благодѣянія, оказанныя Италіи Наполеономъ III, неисчислимы. Все было спокойно въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, судя по наружному виду; вдругъ, 1 января 1859 года его величеству заблагоразсудилось въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ поднять огромный вопросъ, а потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, напустить батальоны Франціи и Піемонта на полки Франца Іосифа. Его величеству угодно было выиграть два-три генеральныя сраженія и потомъ остановиться на половинѣ дороги между Альпами и Адріатикою, несмотря на торжественное обѣщаніе освободить всю Италію; ему заблагоразсудилось разрушить свое собственное дѣло трактатомъ, по которому онъ поставилъ папу и Австрію во главѣ итальянской конфедераціи, имъ самимъ изобрѣтенной; потомъ ему заблагоразсудилось потребовать себѣ за оказанныя благодѣянія Ницу и Савоію; въ счетъ будущихъ заслугъ, онъ попросилъ себѣ Сардиніи, которая была обѣщана ему умершимъ во-время Кавуромъ. Потомъ, онъ сталъ вести переговоры противъ своего *protégé* съ великими герцогами и великими герцогинями; онъ вмѣшался въ гаэтское дѣло и выставилъ свои пушки противъ сардинскихъ кораблей; теперь наконецъ онъ разставилъ своихъ солдатъ на папской границѣ, и бандиты собираются въ виду французскихъ знаменъ, отправляются рѣзать и грабить и потомъ бѣгутъ подъ прикрытіе солдатъ, сражавшихся при Мариньянѣ и Сольферино, а солдаты эти смыкаютъ за ними ряды и встрѣчаютъ армію Виктора Эммануила сплошною стѣною штыковъ. Недавно, по приказанію Наполеона, знаменитый генералъ Гойонъ пустилъ своихъ драгуновъ во весь опоръ противъ слишкомъ дерзкихъ Піемонтцевъ, которые, по его мнѣнію, посягаютъ на право папы

и на достоинство Франціи. Благодѣтель Италіи каждый день позволяетъ себѣ фантазіи сомнительнаго свойства и, повидимому, шутитъ существованіемъ облагодѣтельствованной страны. Надо сказать правду: легче терпѣть напраслину, чѣмъ принимать иныя благодѣянія; мизантропъ говоритъ совершенно справедливо, что неблагодарность есть здоровье сердца.

Рикасоли въ своемъ замѣчательномъ циркулярѣ упрекаетъ папское правительство въ томъ, что оно дѣйствуетъ заодно съ неаполитанскими бандитами и снабжаетъ ихъ военными снарядами, деньгами и индульгенціями. Онъ выразился такъ откровенно, что Европа осталась ему благодарна за ясную и смѣлую рѣчь, послѣ которой можно ожидать рѣшительныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, заговорили объ ультиматумѣ, который будетъ представленъ римскому двору; появилась пробная брошюра, въ которой высказывается послѣднее слово итальянскаго правительства. Заглавіе этой брошюры: *Обезпеченія, дарованныя королемъ Италіи независимости св. отца* и тонъ ея отличается совершенною офиціальностью. Вотъ ея содержаніе:

«Свѣтское владычество... уничтожается на вѣчныя времена.

«Личная безопасность папы ввѣряется сыновней заботливости его величества короля итальянскаго, а независимость первосвятительскаго престола ставится подъ защиту великихъ державъ. Особа папы священна, равно какъ особы членовъ конклава.

«Земли, составлявшія собою Церковную Область и наслѣдіе св. Петра, присоединяются къ Итальянскому королевству, сообразно съ единодушно-выраженными желаніями жителей.

«Римъ, столица Италіи, остается резиденціею первосвященника.

«Его святѣйшество остается въ своемъ званіи и пользуется всѣми прежними почестями.

«Посланники, министры и уполномоченные при папѣ, и посланники, министры и уполномоченные, отправляемые папою къ иностраннымъ дворамъ, будутъ пользоваться всѣми преимуществами членовъ дипломатическаго корпуса.

«Имѣнія и дворцы папы освобождаются отъ всякихъ налоговъ, правительственныхъ распоряженій и домашнихъ осмотровъ.

«Церковь и площадь св. Петра, и дворцы Ватикана со всѣми службами принадлежатъ папѣ и его преемникамъ.

«Папа будетъ получать въ видѣ десятины доходы съ своихъ прежнихъ владѣній. Вслѣдствіе этого въ большую книгу итальянскаго національнаго долга будетъ записана вѣчная рента въ...

«Всѣ державы приглашаются учредить въ пользу папскаго престола ежегодную ренту, соразмѣрную съ числомъ католическаго населенія въ этой странѣ, и назвать эту ренту динаріемъ св. Петра.

«Папу умоляютъ выбирать, по возможности, кардиналовъ изъ различныхъ націй, принимая въ соображеніе количество католическихъ гражданъ.

«Рента, равняющаяся... будетъ учреждена каждою націею для каждаго кардинала, выбраннаго изъ ея среды.

«Каждая католическая нація дастъ папѣ извѣстное число почетныхъ тѣлохранителей, которыхъ выберутъ папскіе легаты, и которыхъ будетъ содержать на свой счетъ каждая нація.

«Во время вакансіи папскаго престола, ко дворцу Конклава не будетъ допущена ни толпа, ни войско, кромѣ папскихъ тѣлохранителей.

«Должно замѣтить, что правительство короля рѣшилось дать итальянской церкви такую свободу, какою она не пользуется ни въ какомъ другомъ государствѣ.

«Прямое назначеніе епископовъ духовною властью безъ всякаго вмѣшательства правительства, право собирать соборы общіе и частные, свободная переписка съ папою и полная самостоятельность въ изданіи буллъ и духовныхъ приказовъ, всѣ эти выгоды, которымъ церковь придаетъ такое большое значеніе и которыхъ она напрасно требуетъ отъ большей части правительствъ, тотчасъ же, добровольно предоставляются ей итальянскою націею. Правительство короля даруетъ церкви всѣ льготы, касающіяся воспитанія юношества и составленія религіозныхъ обществъ, тѣ льготы, которыхъ она такъ упорно и такъ безуспѣшно искала въ другихъ мѣстахъ».

Эта брошюра, исправленное и дополненное изданіе знаменитой наполеоновской брошюры, должна быть вручена папѣ въ формѣ оффиціальной ноты. Въ этомъ заключалось значительное затрудненіе, потому что между обоими дворами были прерваны всякія сношенія. Можно было опасаться возобновленія какого-нибудь смѣшнаго средневѣковаго церемоніала. Могло случиться, что письмо Виктора-Эммануила, государя проклятаго и отлученнаго отъ церкви, будетъ принято какъ зачумленная вещь, что его поднимутъ деревянною лопатою, проткнутъ насквозь толстою иголкою, продуютъ мѣхами, вымочатъ въ уксусѣ, и наконецъ оросятъ святою водою. Чтобы предохранить рукопись сардинскаго короля отъ подобныхъ поруганій, правительство Виктора-Эммануила обратилось къ благодѣтелю и могущественному союзнику, прося его передать посланіе по назначенію. Старшій сынъ церкви, христіаннѣйшій императоръ нашелъ, что послѣднія обѣщанія письма даже слишкомъ великодушны, и значительно превышаютъ тѣ права, которыя предоставлены по конкордату французскимъ епископамъ.

Конечно, папа отвѣчалъ бы надменнымъ отказомъ на предложенія итальянскаго короля, но несмотря на то, г. Тувенель утверждаетъ, что было бы въ высшей степени неделикатно со стороны покровителя папы передать своему *protégé* эти условія, и что въ такомъ случаѣ это значило бы подать ноту, прикрѣпленную къ острію французскаго штыка. По этой деликатной внимательности, можно узнать ту рыцарскую политику, которая пролила рѣки крови подъ стѣнами Гаэты.

«*Свободная церковь въ свободномъ государствѣ*, — эти прекрасныя слова Кавура, написанныя на его гробницѣ, выражаютъ въ сжатой формѣ одно изъ величайшихъ открытій въ области новѣйшей соціологіи. Раздѣленіе церкви и государства, свѣтской и духовной власти совершенно справедливо считается въ земляхъ латинскаго племени одною изъ самыхъ необходимыхъ, плодотворныхъ и въ то же время трудныхъ реформъ. По странному стеченію обстоятельствъ, друзья и враги совокупными силами мѣшаютъ этому раздѣленію: рьяные католики и вольтеріанцы-философы, попы и легисты, ханжи и буржуа твердятъ въ одинъ голосъ: «мы хотимъ неразлучнаго соединенія между церковью и государствомъ». Одни говорятъ это, любя церковь и ненавидя государство, другіе, напротивъ того, — любя государство и ненавидя церковь; одни надѣются, что церковь поглотитъ государство, другіе, наоборотъ, — что государство поглотитъ церковь.

Есть чистыя сердца, полагающія, что, чѣмъ больше денегъ будутъ давать духовенству, тѣмъ счастливѣе будетъ міръ.

Иной буржуа, отличающійся скептическими воззрѣніями, между тѣмъ повторяетъ торжественнымъ голосомъ знаменитое изреченіе Іосифа Прюдома (Prudhomme): «Религія необходима для народа, безъ религіи нѣтъ уваженія къ собственности и къ супружескимъ обязанностямъ». Вотъ почему государство должно платить духовенству, точно также, какъ оно платитъ ветеринарамъ и полицейскимъ чиновникамъ.

Какой нибудь ультрамонтанъ надѣется, напротивъ того, что возстановленіе теократіи приведетъ насъ обратно къ среднимъ вѣкамъ.

Само духовенство находитъ очень выгоднымъ получать жалованіе по третямъ, состоять на казенной службѣ, и въ награду за свои молитвы пользоваться рентою, обезпеченною государствомъ.

Многіе, считающіе себя самыми передовыми людьми, боятся выпустить изъ-подъ надзора государства безпокойное общество іезуитовъ; не хотятъ, чтобы государство отказалось отъ права наблюдать за монастырями разныхъ игнорантинцевъ, урсулинокъ, кармелитовъ, капуциновъ, черныхъ, синихъ и бѣлыхъ монаховъ. Но чтобы наблюдать за кѣмъ нибудь, незачѣмъ платить ему денегъ.

Многіе хотятъ сліянія свѣтской и духовной власти, чтобы въ этомъ союзѣ первая убила вторую. Они полагаютъ, что священникъ, котораго Гильдебрандъ облекъ въ сверхчеловѣческую власть, долженъ снимать шляпу и склонять голову передъ тѣмъ человѣкомъ, который офиціально подаетъ ему червонецъ. Если префектъ платитъ деньги священнику, то священникъ будетъ покорнѣйшимъ слугою префекта и въ дѣлахъ догмата и религіи рѣшающею инстанціею будетъ префектъ. Таково было мнѣніе Меттерниха, который въ 1832 году, когда Французы занимали Анкону, выразился такъ, какъ съ гордостью выразился бы теперь г. Тувенель. Дѣйствіе происходитъ въ его салонѣ, въ которомъ собиралось по вечерамъ въ понедѣльникъ лучшее вѣнское общество, дипломаты и иностранцы. Это было единственное мѣсто,

въ которомъ можно было говорить свободно, и кто-то изъ гостей, пользуясь этою свободою, сталъ порицать безобразіе свѣтской власти папы. Меттернихъ подошелъ къ кружку, заспорившему по этому поводу и сталъ улыбаться тою снисходительною улыбкою, которая сопровождала собою каждое его слово.

«Не берите этого вопроса такъ узко, сказалъ онъ. Свѣтская власть имѣетъ такое важное значеніе, что тутъ нечего говорить о благосостояніи какой нибудь одной провинціи. Подумайте: вѣдь положеніе папы такъ высоко. Своими замѣчаніями, своею опекою онъ стѣснялъ бы всѣ христіанскія правительства. Еслибы у него на рукахъ не было такой безпокойной области, — всякій, считающій себя обиженнымъ, обращался бы съ жалобою къ нему. Затрудненія по администраціи—вотъ что держитъ папу въ уровень съ другими государями. Заботы свѣтской власти? Да, это — противувѣсъ этому, почти сверхчеловѣческому могуществу. Оставьте; повѣрьте, старая политика поступала не наобумъ, наваливая на папу свѣтское господство».

Мнѣ кажется, всѣ эти противурѣчивыя теоріи сходятся между собою въ результатѣ только потому, что всѣ онѣ ложны. Вслѣдствіе этого, мы желаемъ раздѣленія церкви и государства и самаго яснаго и опредѣленнаго разграниченія между сферами этихъ двухъ властей; пусть вѣроисповѣданія будутъ свободны во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся государства, и пусть государство будетъ свободно во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся религіи. Мы желаемъ, чтобы священникъ, какъ священникъ, не имѣлъ никакого политическаго вліянія, и чтобы префектъ, какъ префектъ, не мѣшался въ теологію. Мы желаемъ, кромѣ того, во имя свободы, совѣсти, чтобы католика не принуждала полиція давать деньги на содержаніе протестантскаго проповѣдника, чтобы протестанта не заставляли содержать католическаго попа, чтобы съ нихъ обоихъ не взыскивали денегъ въ пользу еврейскаго раввина. — — —

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, мы видѣли, что католическое духовенство благословляло Наполеона и проклинало республику, потомъ благословляло Бурбоновъ и проклинало Наполеона, потомъ благословляло Орлеановъ, потомъ республику, потомъ опять благословляло Наполеона и опять проклинало республику. Не нужно быть большимъ колдуномъ, чтобы предвидѣть, что они съ удовольствіемъ будутъ проклинать Наполеона. Что выиграло государство отъ этой лести и отъ этихъ измѣнъ? Что выиграла отъ нихъ церковь? Никогда церковъ не опирается на государство, никогда государство не опирается на церковь, не вредя взаимно другъ-другу. Покровительство, которымъ обмѣниваются между собою эти двѣ силы, губитъ и ту и другую.

Въ былое время, Италія соединилась съ папствомъ, — — — который высосалъ ее до мозга костей. Какимъ-то чудомъ эта несчастная нація воскресаетъ теперь; но она съ трудомъ приподнимаетъ голову надъ своею полураскрытою могилою, а между тѣмъ

папство и его сообщники схватываютъ ее за горло и наваливаются на могильную плиту, чтобы раздавить подъ нею эту прекрасную, блѣдную голову. Да, Италіи остается одно спасеніе. Пусть она откажется отъ всѣхъ жалкихъ полумѣръ, отъ всѣхъ ложныхъ плановъ, навѣянныхъ наполеоновскою брошюрою, вздумавшею поселить рядомъ папу и Виктора Эммануила. Первый долженъ былъ являться главою христіанскаго міра, второй—королемъ Италіи, или, вѣрнѣе, савойскимъ викаріемъ перваго. По этому плану, свѣтское владычество папы начиналось бы у моста Св. Ангела и кончалось бы у Сикстинскаго моста; въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ сосредоточился бы весь римско-католическій міръ. Въ этомъ разсадникѣ іезуитовъ завелось бы неимѣстное количество черныхъ людей, способныхъ собственными средствами взволновать десять королевствъ, подобныхъ Итальянскому. Положеніе папы было бы невыносимо, а положеніе короля невозможно. Король жилъ бы въ одно время у себя и у папы, въ свѣтскомъ мірѣ, и въ духовномъ; онъ былъ бы государемъ папы и его подчиненнымъ; нарушителемъ его правъ и викаріемъ, его тюремщикомъ и его гостемъ. Нечего горевать о томъ, что папа откажется отъ этого уродливаго примиренія, противъ котораго протестуютъ громкими и нестройными криками памфлетисты его партіи.

Итакъ, не нужно примиренія и уступокъ!—Ихъ считаетъ невозможными самъ папа; къ-чему же людямъ честнымъ и прямымъ лгать передъ собою и передъ другими? Кто повѣритъ, что Викторъ Эммануилъ—болѣе ревностный папистъ, чѣмъ самъ папа, что Рикасоли сильнѣе Антонелли преданъ католичеству, что люди, захватившіе Мархію, Романію и Умбрію, и побѣдившіе въ сраженіи при Кастельфидардо чувствуютъ сыновнее уваженіе къ римскому первосвященнику? Къ-чему всѣ эти неправдоподобныя церемоніи? Пора покончить дипломатическія тонкости, которыя ни для кого не новы, и уже начинаютъ утомлять нетерпѣливое ожиданіе Европы.

Пора наконецъ провозгласить начало новой исторіи и отказаться отъ феодальной теократіи. Пусть наконецъ свѣтская и духовная власть разорвутъ свой союзъ, запятнанный кровью и преступленіями, злодѣйствами и громадными убійствами, въ-родѣ Варѳоломеевской ночи. Пусть свѣтская и духовная власть живутъ каждая сама по себѣ, не мѣшаясь въ то, что до нея не касается. Пусть папа переселяется въ Баварію, если ему угодно, или въ Іерусалимъ, если ему покажется удобнымъ, или пусть остается въ Римѣ, нанимая себѣ для житья домъ, дворецъ или холостую квартиру на чердакѣ, смотря по своему вкусу и смотря по количеству доходовъ, происходящихъ отъ чисто добровольныхъ пожертвованій вѣрующихъ католиковъ. Но въ такомъ случаѣ, пусть онъ, какъ слѣдуетъ порядочному постояльцу, аккуратно платитъ за квартиру, и пусть хозяинъ дома, въ случаѣ неисправнаго платежа, требуетъ его къ мирному судьѣ его квартала; пусть папа воздастъ кесарево кесарю, пусть онъ пла-

титъ сборщику прямыхъ податей налогъ за свои двери и окна, а сборщику косвенныхъ податей пошлину за тѣ бочки вкуснаго вина, которыя недавно были присланы ему въ подарокъ духовенствомъ департамента Жиронды.

Сравнимъ брошюру Наполеона и Рикасоли съ брошюрою іезуита Пассагліа, которому, говорять, его орденъ поручилъ сдѣлать эту смѣлую штуку. Что бы ни случилось, наши іезуиты XIX вѣка не хотятъ погибнуть вмѣстѣ съ древнею формою папства, и если корабль папства пойдетъ ко дну, то они, какъ корабельныя крысы, съумѣютъ заранѣе обезпечить себя.

Замѣтно, что отецъ Пассагліа вовсе не подходитъ къ тому типу простаго іезуита и бродяги, о которомъ говоритъ Викторъ Гюго. Отецъ Пассагліа—великій новѣйшій теологъ латинской церкви, достойный преемника Боссюэ и премудраго отца Пето, славнѣйшій и святѣйшій докторъ, безсмертный авторъ догмата объ иммакулатномъ зачатіи, свѣтильникъ католической религіи и квинтессенція римской ортодоксіи. Мнѣніе, высказанное отцомъ Пассагліа, не шуточное событіе; это видно по тому гнѣву, который оно возбудило. Его называютъ Іудою Пія Девятаго, его сравниваютъ съ Равальякомъ и даже съ Орсини. Католики содрогаются отъ головы до пятокъ и разсказываютъ, что его отступничество ясно обозначено въ пророчествахъ Даніила, въ плачѣ Іереміи и въ самыхъ страшныхъ страницахъ темнаго апокалипсиса. Но судите сами объ этой брошюрѣ по слѣдующему обзору, составленному однимъ изъ моихъ друзей.

«Не безъ труда и не безъ скуки изучилъ я длинное и дидактическое письмо Отца Пассагліа о римскихъ дѣлахъ. Всего поразительнѣе то, что оно возвѣщаетъ расколъ въ томъ случаѣ, если папа не уступитъ.

Выставивъ на видъ эту опасность, Пассагліа доказываетъ великимъ множествомъ цитатъ, что свѣтское владычество папы не есть догматъ, что итальянская революція не можетъ быть названа ни очевидно правою, ни очевидно неправою, и что въ подобномъ дѣлѣ богослову позволительно сомнѣваться, а папѣ для блага христіанскаго міра слѣдуетъ уступить.

Три обстоятельства, продолжаетъ Пассагліа, мѣшаютъ этому соглашенію:

1) Торжественность, съ которою папа до нынѣшняго дня постоянно отказывался принять его.

2) Клятва, которою Пій IX при вступленіи на папскій престолъ обязался сохранить достояніе церкви.

3) Боязнь папы за свою независимость въ томъ случаѣ, когда Римъ сдѣлается столицею Италіи

Пассагліа опровергаетъ эти три пункта и вотъ сущность его возраженій:

1) Если вы до сихъ поръ говорили *нѣтъ*, то это еще не значитъ,

чтобы чувство справедливости и потребности церкви не могло заставить васъ сказать *да* теперь.

2) Данная вами клятва при своемъ происхожденіи, въ XVI столѣтіи имѣла цѣлью предупредить раздробленіе Церковной Области, которою папы распоряжались въ пользу своихъ племянниковъ и сыновей, законныхъ и незаконныхъ, въ-родѣ Цезаря Борджіа и Поль-Луи Фарнезе.

3) Вы будете очень свободны и независимы; вамъ это обѣщано; это будетъ гарантировано; вы будете свободнѣе прежняго.

На этомъ и останавливается латынь отца Пассагліа.

Несмотря на то, что радикальное отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной является единственнымъ средствомъ рѣшить вопросъ,—наши государственные люди навѣрное не пойдутъ по этому пути, и скорѣе упадутъ, чѣмъ согласятся на такую мѣру. Одна крайняя необходимость приведетъ къ такому порядку вещей, который уже болѣе ста лѣтъ производитъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ самые блестящіе результаты.

А между тѣмъ дѣла Италіи идутъ очень дурно. Рикасоли, по всей вѣроятности, не удержится, и его смѣнитъ Ратацци. Въ послѣднихъ распоряженіяхъ барона Рикасоли, министра-дворянина, есть ошибки и промахи, но при этомъ надо замѣтить, что онъ встрѣтилъ съ самаго вступленія своего въ должность полное недоброжелательство со стороны Наполеона III, который не могъ простить ему оппозиціи противъ интригъ Понятовскаго въ пользу герцога Тосканскаго. Цѣльный, неуступчивый характеръ барона Рикасоли, котораго самъ Викторъ Эммануилъ считаетъ слишкомъ гордымъ вельможею, не могъ склониться передъ тюльерійскимъ владыкою и старался собственною особою выдерживать борьбу съ первоклассными европейскими силами; императору Наполеону онъ противупоставлялъ барона Рикасоли, не понимая того, что, говоря отъ лица Италіи, а не лично отъ себя, онъ имѣлъ бы за собою силу въ 20 милліоновъ людей, вмѣсто простаго авторитета тосканскаго дворянина. Корреспондентъ газеты *Le Temps* выражается такимъ образомъ объ Рикасоли:

«Его имя не шевелитъ никакой идеи; оно осталось чуждо провинціямъ; личность его не подѣйствовала на воображеніе народа, ни тѣмъ радушіемъ, которымъ отличался Кавуръ, ни тѣмъ блескомъ героизма, которымъ дѣйствуетъ Гарибальди, ни тою привлекательною, чисто военною смѣлостью и откровенностью, которая характеризуетъ Чальдини. Кромѣ того, Рикасоли не олицетворилъ собою никакого счастливаго поворота въ дѣлахъ Италіи; онъ ничего не сдѣлалъ, и, надо сказать правду, ничего не могъ сдѣлать. Одинъ шагъ къ Риму поднялъ бы его въ общественномъ мнѣніи, но до сихъ поръ *желѣзный баронъ*, какъ его называли въ Тосканѣ, находится между молоткомъ и наковальнею, все твердѣетъ и все становится тоньше.»

Къ несчастью для Италіи, баронъ Рикасоли, при всемъ великомъ

честолюбiи, не свободенъ отъ мелкой зависти; онъ завидуетъ Гарибальди, Маццини, Чальдини и вообще всякому, кто, дѣйствуя рядомъ съ нимъ, можетъ стать выше его. Когда онъ самъ еще не рисковалъ упасть съ министерскаго кресла, онъ хотѣлъ отозвать Чальдини изъ Неаполя, за то, что Чальдини слишкомъ хорошо исполнялъ свое дѣло и слишкомъ успѣшно успокоивалъ страну. Чальдини, тотчасъ послѣ своего прибытiя въ Неаполь, догадался соединиться съ партiею движенiя, съ народомъ, и принялся преслѣдовать разбойниковъ, а не гарибальдiйцевъ, за которыми гонялись его предшественники. Вмѣсто того, что скрывать свою смѣлую политику, онъ объявилъ объ ней громко, такъ что одинъ изъ важныхъ неаполитанскихъ чиновниковъ воскликнулъ съ комическою наивностью:

«Посмотрите! Чальдини-то еще хуже, чѣмъ Гарибальди.» — Онъ написалъ рѣзкое, чисто солдатское письмо къ знаменитой *консортерiи*, которая до того времени управляла государствомъ черезъ прежнихъ намѣстниковъ и пользовалась своимъ влiянiемъ, чтобы ученымъ образомъ устроить общественный безпорядокъ. Это письмо стоитъ сохранить для потомства:

«Почтенные господа!

Содѣйствiе, которое вы оказывали моимъ предшественникамъ, было для нихъ слишкомъ гибельно, чтобы я могъ воспользоваться имъ для себя.

Если вы дѣйствительно желаете мнѣ успѣха въ моемъ назначенiи, сдѣлайте милость, говорите и пишите противъ меня. Ваша оппозицiя принесетъ мнѣ огромную пользу въ общественномъ мнѣнiи страны и я буду вамъ за это чрезвычайно благодаренъ.

Прошу васъ, почтительные господа, принять увѣренiе въ совершенномъ почтенiи.

Чальдини.»

Это письмо развеселило Неаполь и Италiю, кромѣ членовъ консортерiи и Рикасоли. Многiе изъ этихъ господъ были депутатами и кричали объ оскорбленiи представителей нацiи; но, не обращая вниманiя на ихъ гнѣвъ, неисправимый Чальдини осмѣлился кромѣ того выразить муниципальному совѣту свое неудовольствiе за то, что онъ тратитъ время на грамматическiя тонкости. Сверхъ того, Чальдини рѣшился сказать своимъ друзьямъ, что онъ согласенъ съ Гарибальди и съ Маццини. Этого было достаточно, чтобы доставить ему полнѣйшую популярность; черезъ нѣсколько недѣль его стали уже прочить въ преемники Рикасоли. Вотъ что значитъ тактъ и здравый смыслъ! Ему сдѣлали торжественную встрѣчу на праздникѣ *Piedegrotta*, на которомъ выразилось нетолько сочувствiе къ присутствовавшему Чальдини и къ отсутствовавшему Гарибальди, но кромѣ того стремленiе 400,000 неаполитанскихъ жителей къ Риму, какъ столицѣ Итальянскаго королевства. Неаполь, привязанный къ своимъ привилегiямъ и воспоминанiямъ, гордый своею обширностью, способный вмѣстить въ себѣ Туринъ и Миланъ, спо-

собный своимъ полумилліономъ жителей заселить три города величиною съ Флоренцію, этотъ самый Неаполь требовалъ Италіи и ея столицы, склоняясь заранѣе передъ владычицею націй. Генералу Чальдини удалось оживить общественный духъ, и правительство получило перевѣсъ, нетолько въ столкновеніяхъ съ бандитами (это еще не важность), но въ народномъ довѣріи, въ сочувствіи массы. Сомнѣнія въ существованіи Италіи прекратились; народъ и правительство узнали другъ друга, стали помогать другъ-другу, рѣшились жить одною жизнью. По этому поводу неаполитанскій народъ написалъ къ Гарибальди трогательное письмо, въ которомъ энтузіазмъ и нѣжность смѣшиваются съ наивнымъ суевѣріемъ:

«Неаполитанскій народъ къ своему Гарибальди.

Каждый день, каждый часъ, каждую минуту мы благословляемъ тебя, дорогой Іосифъ, отецъ нашъ; ты царствуешь надъ нашими сердцами; наши дѣти заучили твое имя, и повторяютъ его въ своихъ молитвахъ. Ты отецъ народа. Ты одинъ, не обращая вниманія на трудности и препятствія, не ища своихъ выгодъ, проливалъ за него свою благородную кровь. Наша надежда на тебя безконечна, какъ наша признательность, и будетъ передаваться отъ отца къ сыну до скончанія вѣка. Пусть вѣтеръ донесетъ до Капреры отголосокъ нашихъ восклицаній: да здравствуетъ Гарибальди! —

Вмѣсто того, чтобы учиться изъ фактовъ и радоваться примиренію Неаполя съ Піемонтомъ, Рикасоли видитъ въ этомъ успѣхѣ Гарибальдинца Чальдини новый поводъ къ зависти, еще болѣе несправедливой, и доказываетъ это своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ *Nazionale*. Написавши свое знаменитое письмо, намѣстникъ, какъ и слѣдовало ожидать, прекратилъ ежемѣсячное вспомоществованіе въ 1000 дукатовъ, выдававшееся этому журналу отъ правительства въ награду за нѣкоторыя парламентскія симпатіи. Благодаря сотрудниковъ *Nazionale* за ихъ услуги, онъ давалъ имъ почувствовать, что не намѣренъ платить за совѣты своихъ друзей. Журналъ чуть было не закрылся, но одинъ изъ его редакторовъ поѣхалъ въ Туринъ, переговорилъ съ президентомъ совѣта, и журналъ сильнѣе прежняго повелъ оппозицію противъ намѣстника, назначеннаго самимъ министромъ.

Придерживаясь политики касты, вмѣсто того, чтобы опираться на живыя силы націи, Рикасоли, самъ того не желая, принимаетъ участіе въ томъ концертѣ, въ которомъ играютъ императоръ Французовъ, папа, Францискъ II и другіе. Происки бурбонистовъ еще не разстроены. Письма изъ Мальты говорятъ о дѣятельныхъ поѣздкахъ взадъ и впередъ; запасаются военные снаряды и все это даетъ поводъ задуматься. Папа открыто предсказываетъ скорую реставрацію удалившихся государей; наконецъ, симптомы реакціи показываются въ Мархіяхъ, въ Умбріи, въ Романіи и въ Моденѣ. Въ Болоньѣ необузданная порода *buli* вышла требовать по-своему уменьшенія цѣны на съѣстные припасы; всколыхнувшись, вышедши изъ своего русла,

грозная масса *buli* не успокоивается безъ особенныхъ потрясеній; съ ними нельзя справиться прокламаціею; они кричатъ особенно громко, потому что не умѣютъ читать. Эту массу подняла реакція, а министерскіе журналы утверждаютъ, что она повинуется приказанію Маццини. Малѣйшее движеніе, противное единству Италіи, приписывается этому итальянцу; доходитъ до того, что его вліянію приписываются даже побѣги солдатъ изъ піемонтской арміи. Такого же рода продѣлки были пущены въ ходъ, когда въ началѣ выставки собрался во Франціи конгрессъ ремесленниковъ. Этотъ конгрессъ ясно и просто возстановилъ демократическую программу 1848 года, ни что не было забыто, но, надо сказать правду, не было ничего заученаго. Онъ объявилъ, что его члены, въ качествѣ гражданъ, займутся политикою и всѣми силами будутъ работать надъ освобожденіемъ Рима и Венеціи. Министерство тотчасъ же противупоставило этому конгрессу общество туринскихъ работниковъ, которое объявило, что политика не по плечу ремесленникамъ. Все это не слишкомъ возвышенно, да и не слишкомъ искусно, и, оставляя министерство, Рикасоли, будете болѣе барономъ, но менѣе великимъ гражданиномъ, чѣмъ были прежде.

Изъ Рима до насъ дошелъ текстъ рѣчи, произнесенной папою въ тайной консисторіи 30 сентября. Этотъ документъ самъ по себѣ очень незамѣчателенъ, но въ немъ отражается нравственное состояніе его составителей. Велерѣчивыя декламаціи, каррикатурныя гиперболы, безсильные крики ярости и бѣшенства переходятъ постепенно въ жалобные стоны и заканчиваются потокомъ дѣтскихъ слезъ. Вотъ до какого изнеможенія дошло папство. Но, слава Богу, папство объявляетъ, что оно не уступитъ ни требованіямъ силы, ни духу времени, и что одни *нечестивые* надѣются устроить съ первосвятительскимъ престоломъ какую нибудь сдѣлку. Неуступчивость свою папство доказало недавно казнью несчастнаго Лукателли, котораго обвинили въ убійствѣ папскаго жандарма, на томъ основаніи, что братъ его девять лѣтъ гніетъ въ римской тюрьмѣ. Лукателли постоянно увѣрялъ въ своей невинности, и судьи, приговаривая его къ смерти, призывали милосердіе папы, за недостаточностью уликъ. Благодушіе Пія IX прославляется всѣми, но «никакихъ уступокъ», особенно, когда дѣло идетъ о правосудіи. Лукателли казнили. Оставаясь мятежникомъ, до послѣдней минуты онъ продолжалъ говорить о своей невинности, и не хотѣлъ исповѣдываться. Онъ былъ очень блѣденъ, но спокоенъ и энергія его была поразительна. Онъ обратился къ жандармамъ, говоря имъ: «я вамъ покажу, какъ умираютъ люди!» На эшафотѣ онъ крикнулъ громкимъ голосомъ: «да здравствуетъ Италія!» Въ семь часовъ съ половиною, неискусный палачъ отрубилъ, или, вѣрнѣе, отпилилъ ему голову; одинъ изъ прислужниковъ взялъ кровавую голову за волосы и показалъ ее народу. Послѣ этого трупъ былъ привязанъ къ лѣстницѣ и голова положена

между ногами, что значитъ, что Лукателли, отказавшійся отъ исповѣди, осуждается на вѣчное мученіе въ адскомъ пламени.

А въ этотъ самый день, Яковъ Каструччи, римскій эмигрантъ, явился къ королевскому прокурору во Флоренціи, и объявилъ себя виновнымъ въ убійствѣ папскаго жандарма. Это признаніе было сдѣлано съ цѣлью отвратить казнь Лукателли.

Эта чисто политическая казнь произвела въ народѣ сильное раздраженіе. Чтобы загладить дурное впечатлѣніе, вздумали устроить демонстрацію въ пользу папы. Чиновники и дѣти чиновниковъ выказали свою привязанность къ папскому престолу; эти люди, вмѣстѣ съ неаполитанцами и французскими легитимистами могутъ надѣлать много анти-итальянскаго шума. А между тѣмъ демонстрація не удалась. Попы и неаполитанцы славили Пія IX, а народъ кричалъ: «мы голодны, мы голодны»!

Три телеграммы, пришедшія одна за другой, характеризуютъ положеніе дѣлъ въ Римѣ: «Правительство устроиваетъ въ Чивита-Веккіи острогъ для политическихъ преступниковъ». «Нанята была барка для перевоза 55 разбойниковъ. Капитанъ отказывался везти ихъ, но его заставили исполнить контрактъ, заключенный съ правительствомъ». «Ночью, двадцать два бандита сдѣлали залпъ по французскому отряду. Одинъ капралъ раненъ».

Во Франціи общественное мнѣніе очень озабочено недостаточностью хлѣбнаго урожая. Странѣ недостаетъ 15 милліоновъ гектолитровъ, т. е. шестой части ея годоваго продовольствія. Цѣна хлѣба быстро поднялась до той высоты, которой она достигаетъ во время голода, и французскій банкъ возвысилъ цѣну своего учета и превратилъ затрудненіе въ общественное бѣдствіе. Въ предмѣстіи Ст. Антуанъ произошло нѣсколько мелкихъ возстаній, требовавшихъ хлѣба по дешевой цѣнѣ; горажане отборной и очищенной національной гвардіи сдѣлали маленькую демонстрацію, и, вооруженные ружьями и саблями, прокричали очень миролюбиво, «хлѣбъ по 4 су!» Одного богатаго домохозяина, долго неплатившаго своимъ работникамъ, чуть было не сбросили съ городской стѣны; толпа, собравшаяся при этой сценѣ, аплодировала, и никто не вздумалъ за него заступаться. Ліонскіе ткацкіе станки большею частью стоятъ безъ движенія; эльзасскія фабрики находятся въ затруднительномъ положеніи; наши дѣловые люди боятся, что зима будетъ очень тяжелая. Всѣ эти симптомы были переданы правительству, и оно, кажется, сильно озаботилось этимъ.

Впрочемъ, мы не желаемъ раньше времени пророчить несчастія. Въ наши гавани прибываютъ огромные хлѣбные грузы, и хотя сборъ винограда неудовлетворителенъ по количеству, зато онъ чрезвычайно хорошъ по качеству. Сверхъ того, снятіе запрещеній съ англійскихъ и бельгійскихъ товаровъ возбудило въ гаваняхъ и въ пограничныхъ городахъ чрезвычайную дѣятельность, которая мало по малу отзовет

ся и во внутренности страны; новые торговые трактаты заключаются со всѣми сосѣдями, съ Швейцаріею, съ Пруссіею, съ Испаніею, и т. д. Я собираю теперь матеріалы насчетъ этихъ торговыхъ событій, которыя конечно будутъ относиться къ важнѣйшимъ происшествіямъ этого царствованія, но въ настоящую минуту разсуждать объ этомъ было бы еще слишкомъ рано; надо посмотрѣть, что скажетъ опытъ. Въ административномъ отношеніи, правительство все еще преслѣдуетъ свою несчастную идею—превратить меровъ въ чиновниковъ, получающимъ казенное жалованіе; оно выражаетъ желаніе готовить ихъ въ спеціальныхъ школахъ, какъ моряковъ или лѣсничихъ. Оно старается ихъ увѣрить въ томъ, что если ихъ будутъ назначать префекты, то они будутъ имѣть гораздо больше власти, потому что имъ не нужно будетъ заискивать расположенія большинства, записываясь кандидатами въ муниципальномъ совѣтѣ. Правительство хочетъ завербовать ихъ, какъ городскихъ сержантовъ и разорвать тѣ узы товарищества, которыя связывали ихъ съ подчиненными. Полевыхъ и охотничьихъ сторожей оно хочетъ превратить въ жандармовъ, а школьныхъ учителей чуть ли не въ пожарную команду. Журналистамъ правительство хотѣло, кажется, дать новую организацію; оно хотѣло постановить закономъ, чтобы люди, желающіе выражать свои мнѣнія объ общественныхъ дѣлахъ, были обязаны заплатить 500 франковъ за патентъ и представить свидѣтельство о привитіи оспы, свидѣтельство о крещеніи, дипломъ лиценціата правъ, и наконецъ разрѣшеніе отъ г. префекта департамента, подписанное гг. министрами внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, въ Марселѣ, въ Ліонѣ, въ Шербургѣ, въ Бордо, въ Нанси и т. д. къ журналистамъ небонапартистамъ явились полицейскіе коммисары, и, сдѣлавъ имъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, попросили ихъ написать на особомъ листѣ свои примѣты еще подробнѣе, чѣмъ это дѣлается на паспортахъ. Эта попытка полиціи встрѣтила себѣ такое негодованіе, что услужливый *Constitutionnel* принужденъ былъ объявить, что этотъ поступокъ есть слѣдствіе печальнаго недоразумѣнія. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, заботясь объ участи провинціальной прессы, хотѣлъ представить императору для награжденія орденомъ почетнаго легіона нѣкоторыхъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ провинціальныхъ литераторовъ; но, не имѣя въ рукахъ необходимыхъ свѣдѣній о положеніи и личныхъ достоинствахъ журналистовъ, онъ обратился за справками къ префектамъ, которые въ свою очередь отнеслись къ полицейскимъ коммисарамъ.... «Какъ? заговорила публика. Орденъ почетнаго легіона принужденъ разыскивать тѣ петлички, къ которымъ ему бы можно было пристроиться? Какъ можно не имѣть свѣдѣній о положеніи и личныхъ достоинствахъ самыхъ замѣчательныхъ представителей провинціальной прессы? Какъ могутъ неизвѣстные журналисты заслужить орденъ? И какимъ образомъ правительству вздумалось награждать писателей оппозиціи, т. е. именно тѣхъ, которые не могутъ принять награды?»

Министръ извинился такимъ образомъ въ этой первой попыткѣ *регуляризировать* положеніе журналистовъ; но черезъ нѣсколько дней послѣ этого, новые полицейскіе коммисары отправились къ другимъ журналистамъ за новыми справками. Точно также правительство отказалось на словахъ отъ своего намѣренія превратить меровъ въ капитановъ общинъ, но зато оно дало почувствовать свое неудовольствіе тѣмъ мерамъ, которые дѣйствовали, сообразуясь съ желаніями общиннаго совѣта. Какова бы ни была судьба административнаго плана, мы замѣтимъ только, что, если онъ осуществится, если перестанетъ существовать коммунальное устройство, тогда можно будетъ стереть Францію съ карты Европы и перенести ее въ кабинетъ министра, и повторить слово школьника, отвѣчавшаго своему учителю: «Франція заключается въ Парижѣ». Увы! Со времени существованія имперіи мы видѣли столько вещей, считавшихся невозможными, что эта мысль можетъ также сдѣлаться истиною.

Отмѣтимъ еще нѣсколько мелкихъ извѣстій, представляющихъ матеріалы для размышленія:

1) Въ Парижѣ собираются строить новыя огромныя казармы, городъ въ городѣ. Онѣ будутъ стоить не менѣе 20 милліоновъ и будутъ заключать въ себѣ помѣщеніе для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

2) Административная централизація возбуждаетъ толки въ Ліонѣ. Журналы этого города жалуются на то, что они только черезъ Монитера узнали о томъ, что ихъ муниципальный совѣтъ опредѣлилъ сумму въ 500,000 франковъ въ пользу ремесленниковъ, оставшихся безъ работы.

3) Городъ Блуа, предложилъ свой великолѣпный замокъ маленькому императорскому принцу, который такимъ образомъ можетъ назваться графомъ Блуаскимъ въ подражаніе графу Шамборскому, бывшему наслѣдному принцу. Правда, что замокъ Шамборъ былъ предложенъ *дитяти чудесъ* вслѣдствіе общественной подписки.

4) Вышеноименованный графъ Шамборскій, чувствуя потребность поразить умы и напомнить о законности своихъ правъ, замышляетъ благочестивое путешествіе въ Іерусалимъ, и, вооружившись бѣлою палкою пилигрима, пускается въ путь. Въ это время его младшіе родственники, представители буржуазной монархіи, молодой графъ парижскій и герцогъ шартрскій пріѣхали въ Соединенные Штаты и поступили въ сѣверную армію, чтобы украсить свои головы лаврами либерала Лафайэта. Тотчасъ послѣ пріѣзда, они были назначены капитанами генеральнаго штаба, и современемъ, подобно своему дѣдушкѣ, сдѣлаются генералами республики. Орлеаны и Бурбоны остаются вѣрны своей политикѣ.

Между французскимъ правительствомъ и маленькимъ женевскимъ кантономъ возникли дипломатическія недоразумѣнія по поводу пошлины

въ 10 или 15 сантимовъ, которую недолжнымъ образомъ взыскало женевское правительство съ торговки, продававшей груши на пограничной дорогѣ. Императорское правительство утверждаетъ, что торговка сидѣла на французской землѣ, а Швейцарія увѣряетъ, что она сидѣла на женевской сторонѣ. По этому поводу на границѣ произошелъ обмѣнъ грубостей и ударовъ. Великая Франція объявила себя оскорбленною и потребовала удовлетворенія отъ той маленькой республики, которая въ былое время лежала за заборомъ Вольтерова сада. Это дѣло волнуетъ посланниковъ и приводитъ въ движеніе электрическую проволоку между Парижемъ, Берномъ и Женевою, и Женевою, Берномъ и Парижемъ.

По поводу этого важнаго дѣла, услужливый *Constitutionnel* представляетъ картину Женевы, которая останется знаменитою въ лѣтописяхъ бонапартистской прессы. По словамъ этого журнала, несчастная женевская республика погружена въ такую анархію, которую невозможно описать: собственность—въ распоряженіи разбойниковъ, убійства—въ порядкѣ вещей; никто не смѣетъ ходить по улицамъ, и стоитъ заплатить сто су, чтобы избавиться отъ личнаго врага; трупы уносятся быстрыми волнами Роны или погребаются въ нѣмыхъ глубинахъ озера, изъ котораго рыбаки вытаскиваютъ порою мѣшки, заключающіе въ себѣ тѣла французскихъ инженеровъ! При чтеніи прозы Эспарбье, Женева разразилась бѣшенымъ хохотомъ, но смѣхъ этотъ перешелъ въ трепетъ, когда она предложила себѣ вопросъ: а кто платитъ Эспарбье?

Во Франціи и Пруссіи важнѣйшимъ событіемъ мѣсяца былъ пріѣздъ короля Вильгельма въ Компьенъ, и великимъ человѣкомъ былъ въ этомъ случаѣ г. Бернсторфъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ высшій политическій міръ любопытною бумагою, сообщенною въ *Journal des Débats*. Надо прочесть этотъ документъ, чтобы оцѣнить его изложеніе. Г. Бернсторфъ объявляетъ намъ, что въ Пруссіи существуютъ король и парламентъ, но что руководящимъ геніемъ страны и воплощеніемъ ея политики должно считать его, министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ, становится между двумя искателями, между Англіею и Франціею; не принявъ на себя никакого обязательства, нечувствуя никакого личнаго расположенія къ той или къ другой сторонѣ, не имѣя заранѣе составленнаго плана, онъ, пожалуй, согласился бы заключить союзъ съ Англіею, но, все равно, можно соединиться и съ Франціею. То же самое дѣло было во время крымской войны: Пруссія колебалась между Россіею и западными державами. Далѣе, г. Бернсторфъ объявляетъ намъ, что будетъ *служить* своему королю и своей странѣ, сохраняя полнѣйшую независимость, что онъ соблаговолитъ держаться либеральной политики, но что, въ настоящую минуту, онъ еще не признаетъ Итальянскаго королевства.

Намъ кажется, что *Times* не совсѣмъ понялъ всю прелесть той роли, которую вздумалъ играть г. Бернсторфъ, и слишкомъ испу-

гался слуховъ о предполагаемомъ союзѣ между Францiею и Пруссiею, какъ будто бы этотъ союзъ былъ въ духѣ теперешнихъ дѣйствующихъ лицъ и настоящаго положенiя дѣлъ. Прусскiй король своею поѣздкою въ Компьень просто хотѣлъ отплатить императору за прошлогоднее любезное посѣщенiе его въ Баденѣ; можетъ быть онъ, для собственнаго удовольствiя поговорилъ съ нимъ о высшей политикѣ, но вѣроятно не далъ себѣ труда дѣйствовать. У него и безъ-того множество крупныхъ хлопотъ? Данiя, Шлезвигъ–Гольштейнъ, Ганноверское наслѣдство и наконецъ, его собственная коронацiя въ Кенигсбергѣ.

Эти два государя назначили себѣ это свиданiе для того, можетъ быть, чтобы разгадать другъ друга, и, вѣроятно, это не удалось ни тому, ни другому.

Конечно, кенигсбергскiе праздники будутъ отличаться средневѣковою физiономiею. Всѣ цехи явятся съ своими аттрибутами и съ символическими знаменами. Знамя шляпочниковъ будетъ состоять изъ огромной шляпы, въ 25 футовъ дiаметра, и подъ этой шляпою будетъ столько маленькихъ шляпъ, сколько государствъ въ Германiи. Символизмъ этотъ замысловатъ до каррикатурности. Онъ выражаетъ собою несовмѣстимость и неосуществимость современныхъ стремленiй Нѣмцевъ.

Беккера осудили на 20 лѣтъ каторжной работы. Всѣ партiи въ Германiи одобряли приговоръ и особенно удивлялись безпристрастiю маленькаго брухзальскаго судилища. Беккеръ нашелъ себѣ подражателя въ молодомъ Дузiосѣ, выстрѣлившемъ въ греческую королеву, и непричинившемъ ей никакого вреда. Рѣдко случается встрѣтить въ лѣтописяхъ уголовнаго судопроизводства два факта, до такой степени сходные.

Отъ сѣверной Германiи перейдемъ къ Австрiи, гдѣ положенiе дѣлъ постоянно становится хуже, и между тѣмъ не доходитъ до развязки. Въ Вѣнѣ говорятъ, что министромъ сдѣлается г. Буоль, и выражаютъ надежду, что онъ съумѣетъ дать движенiе обветшалой и изломанной государственной колесницѣ. Но съумѣетъ ли онъ помирить Австрiю съ подчиненными ей народностями? Произвести это примиренiе гораздо труднѣе. Государственный совѣтъ въ неполномъ составѣ занимается законами въ пользу гражданскаго брака, протестантскими церквами, свободою домашняго очага, но зато онъ старается стѣснить прессу.

Въ Венгрiи положенiе дѣлъ очень натянуто и окончательный разрывъ становится неизбѣжнымъ. 30–го сентября всѣ чиновники комитата, начиная отъ палатина и кончая послѣднимъ помощникомъ, отказались отъ своихъ должностей. Шесть сотъ тысячъ душъ остались безъ управленiя и австрiйское правительство назначило къ нимъ въ сатрапы нѣмецкаго коммисара. Другiе комитаты были разогнаны вооруженною силою. Въ то же время декретъ министра финансовъ приказываетъ взимать налоги военнымъ порядкомъ; сверхъ того, правительство, говорятъ, намѣрено судить военнымъ судомъ представляющiеся гражданскiе

проступки. Это значитъ, что съ Венгерцами уже обращаются какъ съ покореннымъ народомъ. Большая часть комитатовъ соглашается съ рѣшеніемъ рабскаго муниципальнаго совѣта, и объявляютъ измѣнниками передъ отечествомъ тѣхъ людей, которые примутъ участіе въ выборахъ для государственнаго совѣта или для новаго сейма; съ своей стороны Трансильванія также отказывается созвать сеймъ, потому что ея соединеніе съ Венгріею было провозглашено въ 1848 году. Противъ этого великаго народнаго движенія Австріи остается только интриговать и сѣять внутренніе раздоры. Въ Вѣнѣ, въ правительственныхъ кружкахъ готовится брошюра, которая будетъ распространена между Румынами, Сербами, Словаками и Рутенами, живущими въ Венгріи; тамъ будутъ изложены причины распущенія сейма и доброжелательныя намѣренія правительства. Брошюра будетъ написана на этихъ четырехъ языкахъ, и ее не сообщатъ ни мадьярскому, ни нѣмецкому населенію Венгріи.

За Альпами мы встрѣчаемъ ту же скрытую войну между правительствомъ и народомъ, въ Истріи, въ Далмаціи, въ Фріулѣ и въ Венеціи. Въ Венеціи одинъ эрцгерцогъ поздно вечеромъ катался между лагунами; его гондола плыла по узкому переулку, но вдругъ она повернула назадъ и быстро удалилась; дѣло въ томъ, что на эрцгерцога посыпался градъ райскихъ яблочекъ, совершенно обрызгавшихъ его почтенную особу желтымъ, слизистымъ сокомъ, и въ настоящее время въ фасадѣ великолѣпнаго дворца дожей пробиваются бойницы, изъ которыхъ, при малѣйшемъ поводѣ со стороны горожанъ, посыпятся пули и картечь на народъ, собирающійся на площади св. Марка. — Въ одномъ углу Динарскихъ Альпъ малочисленный народъ поднялся, требуя себѣ свободы и опираясь рукою на ружье; война, начатая Черногорцами противъ Турціи, можетъ распространиться, и кто знаетъ, гдѣ она остановится?

Въ Англіи, въ теченіи послѣдняго мѣсяца не совершилось ни одного выдающагося событія, которое исторія записала бы на своихъ скрижаляхъ, а между тѣмъ никогда еще положеніе дѣлъ не было такъ грозно. Водворяющееся молчаніе заключаетъ въ себѣ что-то зловѣщее. Англія сознаетъ опасность и чувствуетъ свою вину. Америка, поддерживавшая у себя существованіе рабства, наказана за это междуусобною войною, банкротствами, перерывомъ въ торговлѣ, общественнымъ разстройствомъ. Англія въ свою очередь, подобно всѣмъ промышленнымъ странамъ, наказывается теперь за свое долговременное сообщничество съ преступленіемъ. Въ продолженіи шестидесяти лѣтъ она пользовалась хлопчатою бумагою, которую добываютъ подъ кнутомъ надсмотрщиковъ тысячи рабовъ; на этомъ продуктѣ рабскаго труда она основала свою промышленность; имъ она нагружала свои безчисленные корабли и наполняла свои магазины; благодаря труду англійскихъ пролетаріевъ, она извлекала изъ него баснословныя богатства. Протестуя въ теоріи противъ рабства, уничтожая его въ своихъ колоніяхъ, Англія тѣмъ не менѣе пользовалась «патріархальнымъ учреж-

деніемъ» и изъ него косвеннымъ образомъ извлекала свое благосостояніе.

Да, вчера еще, эти бѣдные Негры, работавшіе не жалуясь, и даже напѣвавшіе порою веселыя пѣсни, несмотря на свое униженіе, казались намъ очень неопасными. Проданные, какъ рабочіе волы, они таскають свои оковы съ плантаціи на плантацію и проливаютъ свой потъ на чужія нашни. Жизнь ихъ проходитъ въ каторжной работѣ, они умираютъ гдѣ нибудь въ углу поля и кости ихъ выкидываются на траву саванъ. Насъ отдѣляетъ отъ нихъ неизмѣримое море. Какъ же можетъ настичь насъ ихъ мщеніе? А между тѣмъ, эти кости, бѣлѣющія на американской землѣ, мстятъ за себя; событія, совершающіяся за Атлантическимъ океаномъ, дѣйствуютъ на условія европейской жизни, и это дѣйствіе приноситъ за собою голодъ, нищету, заразу, и другія бѣдствія тяжелыхъ дней.

До начала американской междуусобной войны, англійская торговля и англійское правительство, гордые своимъ процвѣтаніемъ, довѣряясь счастью, не сдѣлали ничего, чтобы предупредить хлопчатобумажный кризисъ. Докучливые аболиціонисты предсказывали правда то, что происходитъ теперь, но никто не обращалъ вниманія на ихъ зловѣщія слова, казавшіяся почти оскорбленіемъ для самой Англіи. Такимъ образомъ манчестерскіе и глесгоускіе фабриканты продолжали покупать у американскихъ плантаторовъ три четверти требовавшагося для нихъ количества хлопчатой бумаги. Они не пробовали улучшать обработку хлопчатой бумаги въ Индостанѣ и въ другихъ англійскихъ колоніяхъ; они не создавали себѣ новыхъ рынковъ на берегахъ Гвинеи, Австраліи и Вестъ-Индіи. Сообразно съ принятыми основаніями политической экономіи, они думали, что обращеніе товаровъ зависитъ всегда отъ спроса и сбыта, и не знали того, что революціи иногда опрокидываютъ расчеты, сдѣланные въ конторахъ. Странное дѣло! Они даже не испугались, когда завязалась война между федералистами и рабовладѣльцами, и продолжали расчитывать на верховное могущество своего золота; но вотъ, съ одной стороны, президентъ Линкольнъ налагаетъ блокаду на южныя гавани, съ другой стороны южное правительство захватываетъ всю народившуюся хлопчатую бумагу, частью для того, чтобы заготовить себѣ средства на будущее время, частью для того, чтобы соблазнить Англію этою огромною массою продуктовъ и заставить ее признать независимость южныхъ штатовъ. Въ Ливерпуль не приходитъ ни одного тюка американской бумаги, и даже массачусетскіе фабриканты принуждены заимствовать у Англіи часть ея сыраго матеріала. Надо стало-быть покориться очевидности и искать внѣ Америки тѣ три милліона тюковъ, которые необходимы для фабрикъ Соединеннаго королевства.

Коммерческія палаты потребовали себѣ образчиковъ хлопчатой бумаги изъ 130 или 140 разныхъ мѣстъ; но эти образчики составляютъ только обѣщаніе для будущаго и печальное утѣшеніе для настоящаго.

Бразилія, Египетъ и другія тропическія земли, отправлявшія хлопчатую бумагу въ Англію, могутъ поставить очень ограниченное количество этого продукта, по причинѣ незначительнаго пространства своихъ плантацій. Въ Австраліи есть обширныя земли, на которыхъ можно насадить хлопчатую бумагу, но этого нельзя сдѣлать въ два-три мѣсяца и къ-тому же Китайцы, наиболѣе способные къ подобной работѣ, терпятъ много непріятностей отъ другихъ колонистовъ, завидующихъ ихъ благоденствію. Можно съ успѣхомъ разводить хлопчатую бумагу въ королевствѣ Лагосѣ на Гвинейскомъ берегу, но можно ли скоро ждать благопріятныхъ результатовъ отъ такой покупки, при которой люди проданы, какъ придача къ землѣ? «Англія, говоритъ контрактъ, потерпитъ присутствіе жителей.»

Остается, стало-быть, Индостанъ, эта несчастная имперія, которая столько времени была добычею нѣсколькихъ капиталистовъ. Плоскія возвышенности внутреннихъ областей могли бы, правда, доставить Англіи неограниченное количество хлопчатой бумаги; но эта бумага плохо очищена и посредственнаго достоинства; пути сообщенія находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Впрочемъ огромное повышеніе цѣны на хлопчатую бумагу произвело чудеса; со всѣхъ сторонъ, индѣйскія телѣги, запряженныя волами, потянулись черезъ грязи и рытвины, черезъ ущелья и крутыя горы къ станціямъ Бомбейской желѣзной дороги. Этотъ портъ въ нѣсколько мѣсяцевъ выслалъ столько хлопчатой бумаги, сколько въ обыкновенное время высылалъ въ цѣлый годъ; если это отправленіе будетъ постоянно продолжаться въ томъ же размѣрѣ, то онъ доставитъ больше милліона тюковъ, т. е. третью часть количества, необходимаго англійскимъ фабрикантамъ. Это пропорція большая; но какъ пополнить дефицитъ? Уже фабриканты видятъ съ ужасомъ, какъ убавляется запасъ. Цѣны возвышаются аккуратно каждый день и далеко превышаютъ самыя высокія цифры, до которыхъ онѣ доходили при прежнихъ кризисахъ. Хлопчатая бумага, тотъ матеріалъ, изъ котораго бѣднякъ шьетъ себѣ платье, сдѣлается скоро предметомъ роскоши. Фабрика за фабрикою закрываются и отсылаютъ своихъ рабочихъ; другія работаютъ по двѣ недѣли въ мѣсяцъ, третьи по два дня въ недѣлю; предвидится уже то время, когда изъ четырехъ милліоновъ людей, кормящихся обработкою хлопчатой бумаги, больше половины останется безъ работы. А между тѣмъ подвигается зима съ холодными туманами, съ инеемъ, съ снѣгомъ и восточнымъ вѣтромъ, и скоро масса бѣдняковъ будетъ страдать отъ холода. Къ довершенію народныхъ бѣдствій, урожай пшеницы совершенно недостаточенъ въ западной Европѣ и хлѣбъ такъ дорогъ, какъ бываетъ только въ голодные года. Складочныя мѣста нищеты, тюрьмы скоро наполнятся, и живые скелеты появятся толпами на улицахъ и площадяхъ. Этого довольно, чтобы объяснить тайную тревогу англійской аристократіи. Въ первые дни весны, представители всѣхъ народовъ соберутся въ Лондонъ отправлять веселый праздникъ промышленности.

Есть поводъ бояться, что голодъ сильно расчиститъ мѣсто для этого свиданія. Прежде апоѳеозы труда можетъ совершиться гекатомба тружениковъ. Чтобы предупредить угрожающую опасность, Англичане считаютъ нужнымъ усиливать строгія мѣры противъ бѣдности, этого противуестественнаго преступленія. Извѣстно, что Соединенное королевство, обладающее несмѣтными богатствами, наполнено пролетаріями, изъ которыхъ около 1,100,000 заключено въ настоящихъ тюрьмахъ, называющихся рабочими домами (work-houses). Содержаніе этого легіона несчастныхъ стоитъ приходамъ около 230 милліоновъ франковъ въ годъ, что составило бы болѣе 200 франковъ на каждаго нищаго, еслибы значительная часть этой суммы не шла на жалованіе важнымъ лицамъ, занимающимъ чисто почетныя должности въ управленіи этими заведеніями. Въ теоріи содержаніе бѣдныхъ считается священною обязанностью, а между тѣмъ недавно произведенное слѣдствіе показало, что всего чаще приходы стараются отъ него избавиться. Иныя коммуны тратятъ на процессъ отъ 12 до 15 тысячъ франковъ, чтобы отклонить отъ себя обязанность кормить одного бѣдняка. Другія общины, чтобы сбыть съ рукъ тягостныхъ нищихъ, предлагаютъ имъ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, и нищіе, прельстившись золотомъ, соглашаются переселиться въ другое мѣсто, гдѣ имъ придется погибнуть съ голода, потому что надо прожить въ извѣстномъ мѣстѣ три года, чтобы имѣть право попросить кусокъ хлѣба. Догадливые домовладѣльцы ломаютъ небольшіе дома свои и замѣняютъ ихъ пышными жилищами, въ которыхъ бѣдняку не гдѣ преклонить голову. Одинъ лондонскій приходъ уничтожилъ въ 1860 году двѣ тысячи мелкихъ квартиръ, и высланные постояльцы принуждены были искать себѣ прибѣжища въ погребахъ и чердакахъ другаго прихода. Наконецъ малѣйшіе проступки нищаго наказываются съ послѣднею жестокостью. Одну бѣдную женщину осудили на недѣльное заключеніе въ рабочій домъ за то, что, неся на рукахъ своего голоднаго ребенка, она подняла для него на дорогѣ четыре рѣпы, до половины изъѣденныя червями. Эти жестокости офиціальнаго закона напоминаютъ тѣ дни, о которыхъ такъ жалѣютъ англійскіе епископы, тѣ дни, когда достаточно было украсть цѣпу веревки, чтобы быть приговореннымъ къ висѣлицѣ.

Таковы тѣ мѣры, которыя скромно и безъ шума принимаетъ часть англійскаго общества, чтобы противудѣйствовать ужасамъ бѣдности. Самымъ явнымъ признакомъ этого испуга служитъ общее движеніе реакціи, одерживающее верхъ въ высшемъ и среднемъ обществѣ. Почти всѣ выборы благопріятны старой консервативной партіи и никто не разсматриваетъ тѣхъ мѣръ, которыя уже давно предложены радикалами. Лордъ Дерби могъ бы легко овладѣть министерствомъ, но онъ вѣроятно предоставитъ лорду Пальмерстону заботу выпутываться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Никогда еще въ военное время не дѣлалось такихъ страшныхъ при-

готовленій, какія дѣлаются теперь, во время глубокаго мира. Огромные, окованные желѣзомъ корабли *Warrior* и *Black Prince*, считавшіеся такъ недавно чудесами разрушительнаго искуства, теперь являются робкими опытами въ новой системѣ морской архитектуры. Пять фрегатовъ, которыхъ построеніе разрѣшено парламентомъ, будутъ далеко страннѣе. Размѣры ихъ гораздо больше; блиндажъ, т. е. желѣзная обшивка, на цѣлый дюймъ толще; а насчетъ мачтъ идетъ оживленное преніе между адмиралтействомъ и инженерами. Первое желаетъ сохранить деревянныя мачты, вторые рекомендуютъ желѣзныя. На палубѣ новыхъ кораблей будетъ построена желѣзная башня, изъ которой, въ случаѣ абордажа, можно будетъ поддерживать мушкетный огонь.

Джонсъ, основываясь на этихъ опытахъ, создалъ цѣлую новую систему морской архитектуры. Блиндированные корабли будутъ, по его идеѣ, пловучими крѣпостями безъ мачтъ, безъ канатовъ, безъ парусовъ; они будутъ двигаться одною силою пара и будутъ такъ мало возвышаться надъ уровнемъ воды, что въ нихъ трудно будетъ цѣлить; кромѣ того они будутъ обиты такимъ толстымъ слоемъ желѣза, что ядро будетъ отскакивать отъ ихъ стѣнъ.

Американцы дѣйствуютъ съ расчитанною медленностью, доказывающею глубокое взаимное раздраженіе. Пораженіе внушаетъ осторожность сѣверной арміи; боязнь испортить свое положеніе удерживаетъ на одномъ мѣстѣ мятежниковъ юга; между тѣмъ двѣ живыя стѣны вооруженныхъ людей протягиваются отъ Потомака до Канзаса, отдѣляясь другъ отъ друга равнинами, ручейками и легкими укрѣпленіями. Никогда еще такое значительное пространство земли не было въ одно время предано опустошенію войны; длинный рядъ штыковъ блеститъ, протягиваясь черезъ половину материка. Президентъ Линкольнъ и генералъ Скоттъ рѣшились энергически дѣйствовать противъ мятежниковъ, какъ только наступятъ тихіе и здоровые осенніе дни. Приближается минута, когда имъ нужно будетъ сдержать слово, потому что, если они не подвинутся впередъ, то ихъ скоро заставятъ отступить на всѣхъ пунктахъ. Форпосты мятежниковъ находятся на разстояніи пяти миль отъ Уашингтона и ихъ пушки уже могутъ обстрѣливать висячій мостъ, ведущій въ предмѣстье столицы. Простое авангардное дѣло, одна счастливая атака можетъ позволить Виргинцамъ перейдти черезъ Потомакъ и укрѣпиться въ Мариландѣ, у дверей Уашингтона.

Далѣе на сѣверъ, другая армія сепаратистовъ угрожаетъ Балтиморѣ, и, еслибы вдругъ вся масса южнаго войска двинулась на этотъ пунктъ, то, можетъ быть, ей удалось бы прорвать линію сѣверной арміи, овладѣть Балтиморою, тайно сочувствующею ей и разрѣзать сообщеніе между Уашингтономъ и Нью-Іоркомъ, обѣими столицами республики. На западъ отъ Аллеганскихъ горъ, въ долинѣ Огіо — стоятъ лицомъ къ лицу двѣ арміи; еще далѣе на западъ, при впаде-

нія Огіо въ Миссисипи, около ста тысячъ человѣкъ стоятъ лагеремъ въ болотахъ обоихъ береговъ, борятся съ лихорадками и желудочными болѣзнями и ждутъ удобной минуты, чтобы начать рѣзню. Въ луговыхъ степяхъ запада, въ которыхъ, 20 лѣтъ тому назадъ, жили только медвѣди да буйволы, люди, выросшіе изъ земли, подобно воинамъ Кадма, уже окровавляютъ почву своего новаго отечества; война распространилась даже въ далекія, скудно населенныя области крайняго запада; увлеченныя страстью къ войнѣ, племена Индѣйцевъ начали борьбу, въ которой погибнутъ, вѣроятно, послѣдніе обломки этой несчастной породы. Вотъ то счастливое и мирное будущее, которое готовили своимъ дѣтямъ отцы отечества, основатели американской республики, поставившіе въ конституціи статью, освящавшую рабство.

Въ серединѣ большой операціонной линіи обѣихъ враждебныхъ націй одно препятствіе еще не позволяло арміямъ вступить въ сраженіе: нейтралитетъ штата Кентукки. Но, въ пылу междоусобной войны, мудрено заставить уважать свой нейтралитетъ. Скоро Кентукки также будетъ превращенъ въ поле сраженія; сепаратисты захватили всѣ укрѣпленія по берегамъ Миссисипи, и укрѣпляютъ важный городъ Падукахъ, охраняющій сліяніе Огіо и Тенесси. Съ своей стороны федералисты проникаютъ въ Кентукки черезъ восточную границу; кончится тѣмъ, что Кентукки, подобно Виргиніи, распадается на двѣ непріятельскія страны, раздѣленныя между собою колеблющеюся линіею, которая будетъ измѣняться по прихоти сраженій. Восточная часть штата, населенная мелкими свободными землевладѣльцами, желаетъ сохраненія федеральнаго единства; западная часть, напротивъ того, управляется богатыми плантаторами-рабовладѣльцами и слѣдовательно сдѣлается добычею южныхъ мятежниковъ.

Занятіе Кентукки враждебными войсками составляетъ замѣчательнѣйшее военное событіе послѣ битвы при Манассесѣ. Кромѣ того, произошли двѣ важныя схватки, которыхъ результатъ не былъ одинаково благопріятенъ для союза. Федеральная эскадра овладѣла фортами Гаттераса на берегу сѣверной Каролины и захватила весь гарнизонъ, запасные магазины и корабли, укрывавшіеся подъ ихъ пушками. Этимъ дѣломъ она заперла гавани Нью-Берна и Бофора и ободрила приверженцевъ союза, которыхъ въ сѣверной Каролинѣ можно насчитать нѣсколько тысячъ. Сотни Каролинянъ присоединились къ федералистамъ, и въ то же время нѣсколько тысячъ Виргинцевъ пришли съ береговъ Потомака, чтобы держать въ страхѣ рабовъ, уже готовыхъ, быть можетъ, ко всеобщему возстанію.

Зато въ Миссури федералисты каждый день терпятъ неудачи. Со времени Спрингфильдской битвы, въ которой генералъ Лайонъ нашелъ себѣ славную смерть, федеральныя войска, преслѣдуемыя многочисленною непріятельскою арміею, отодвинулись на 300 километровъ къ сѣверу и укрѣпились возлѣ города Лексингтона, очень важнаго по

своему стратегическому положенію на Миссури и на дорогѣ къ Тихому океану. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней федералисты выдерживали натискъ рабовладѣльцевъ, и, если вѣрить американскимъ депешамъ, дѣлали чудеса храбрости, но наконецъ уступили численному превосходству и теперь Лексингтонъ находится въ рукахъ южной конфедераціи. Это очень печальное событіе; сепаратисты владѣютъ такимъ образомъ верхнимъ теченіемъ рѣки Миссури, и перерѣзываютъ пополамъ большую дорогу, проходящую изъ С.–Луи въ Калифорніи черезъ область Юту; Канзасскіе аболиціонисты отрѣзаны отъ своихъ единоплеменниковъ, а сепаратисты соединились съ мятежниками сѣверной части Миссури и образовали такимъ образомъ вокругъ С.–Луи огневое полукружіе. Въ тѣхъ частяхъ Миссури, которыя не заняты воюющими арміями, общество находится въ совершенномъ разложеніи, бандиты грабятъ, рѣжутъ, жгутъ мосты желѣзныхъ дорогъ, и своими злодѣяніями готовятъ почву къ принятію сѣмянъ рабства.

Чтобы сохранить за собою Миссури, генералъ Фремонтъ объявилъ страну на военномъ положеніи и началъ серьезно обучать войско, сосредоточенное вокругъ метрополіи запада. Къ этимъ матеріальнымъ силамъ онъ хотѣлъ присоединить огромную нравственную силу и, первый изъ всѣхъ американскихъ генераловъ осмѣлился произнести страшное слово: *эмансипація*. Довольно робко онъ осмѣлился обѣщать свободу тѣмъ рабамъ, которыхъ господа будутъ захвачены въ рядахъ мятежниковъ, и дѣйствительно, освободилъ двухъ Негровъ невольниковъ изъ С.–Луи. Это дѣйствіе очень маловажное, скажетъ читатель, а между тѣмъ вся Америка содрогнулась; послѣ пораженія при Манассесѣ еще ни что не наводило на народъ такого ужаса; въ первый разъ человѣкъ дерзалъ коснуться краеугольнаго камня общества; какъ новый Самсонъ, онъ могъ сдвинуть колонны храма и все похоронить подъ его развалинами. Это рабство, это священное учрежденіе, сохраненное и почтенное Уашингтономъ, Джефферсономъ и всѣми другими основателями отечества, теперь испытывало на себѣ жесткое прикосновеніе смѣлой руки солдата. Президентъ Линкольнъ поспѣшилъ написать къ генералу Фремонту и напомнить ему текстъ конституціи и слова билля, дозволяющаго конфискацію и отпущеніе на волю Негровъ только въ томъ случаѣ, если они будутъ употреблены въ арміи мятежниковъ, какъ *орудія* осады или обороны. Справедливость и общественное благо требуютъ, можетъ быть, эмансипаціи рабовъ, но президенту нѣтъ дѣла до справедливости и до общественнаго блага; онъ заботится только о томъ, чтобы не выйдти изъ предѣловъ конституціи. Американцы безъ церемоніи обходятся съ личною свободою, съ свободою печати, съ тайнами частныхъ писемъ, съ принципомъ выбора, съ самоуправленіемъ штатовъ, и со многими другими правами, обезпеченными конституціею, но они глубоко уважаютъ статью о рабствѣ и воспоминаніе о долголѣтнемъ соучастіи

своемъ въ преступленіи. Сѣверные штаты обязаны рабству всѣми своими несчастіями; теперь, когда обстоятельства освобождаютъ ихъ отъ всякаго участія въ этомъ учрежденіи, они съ какимъ то отчаяніемъ стараются удержать его у своихъ враговъ, и видятъ въ ихъ преступленіи единственное средство своего спасенія.

Наученная примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, предусмотрительная, осторожная Голландія старается, какъ можно скорѣе, отдѣлаться отъ гибельнаго рабства, а въ это время Испанія, съ свойственною ей недальновидностью, пускается въ самыя безразсудныя предпріятія, чтобы увеличить свои колоніи и стада своихъ невольниковъ. Испанія пользуется теперешнимъ безсиліемъ Америки, чтобы удовлетворить своему стремленію къ завоеваніямъ. Потомки прежнихъ *conquistadores* идутъ опустошать Новый Свѣтъ, припоминая времена Пизарро и Кортеса. Измѣною овладѣваютъ они островомъ С.-Доминго; они угрожаютъ Венецуэлѣ, вооружаются противъ Мексики, вызываютъ на бой Перу; уже на Антильскихъ островахъ считается 45,000 испанскихъ солдатъ, больше трети всей дѣйствующей арміи.

Легкое завоеваніе острова С.-Доминго привело ихъ въ хорошее расположеніе духа. Благодаря жалкому безсилію гаитскихъ Негровъ, которые, не заботясь о поддержаніи національной чести, преклонились безропотно передъ испанскимъ знаменемъ, республика, застигнутая врасплохъ, не оказываетъ теперь ни малѣйшаго сопротивленія. Теперь остается только разстрѣливать по-временамъ какого нибудь мечтателя-мятежника, чтобы совершенно исполнить мнимое желаніе народа и потомъ безпрепятственно ввести невольничество въ этотъ счастливый островъ. Недавно генералъ Пелаэцъ разстрѣлялъ 25 С.-Доминговъ, виновныхъ въ вѣрности своему отечеству, и, свалилъ отвѣтственность въ этомъ убійствѣ на прежняго президента республики, измѣнника Сантаноэ, какъ будто бы онъ можетъ предпринять что нибудь безъ воли Испаніи. Правительство королевы принимаетъ извиненія Пелаэца, но къ-чему же эта стыдливость въ дѣлѣ разстрѣливанія? Кровопролитіе въ Лохѣ еще не забыто, и маршалъ О'Доннель весело принимаетъ на себя всю его вину. Сваливать убійство на другаго—къ-чему это? Такое малодушіе недостойно просвѣщеннаго политика.

Въ дѣлахъ съ Мексикою испанское министерство старается точно такъ же, какъ въ занятіи С.-Доминго, не о возстановленіи справедливости а о расширеніи испанскихъ владѣній и объ удовлетвореніи военной гордости. Вмѣсто того, чтобы помогать Мексиканцамъ освободиться отъ страшной анархіи, Испанія употребляетъ всѣ усилія, чтобы снова занять ту землю, которою она владѣла въ былое время. Въ продолженіи сорока лѣтъ несчастная мексиканская нація, составленная изъ недостаточно-слившихся элементовъ, страдала и боролась подъ двойнымъ гнетомъ военнаго деспотизма и духовенства; подобно средневѣковымъ европейскимъ націямъ, она, несмотря на свое республиканское устройство, пережила всѣ ужасы теократическаго и фео-

дальнаго управленія. Духовенство, владѣвшее болѣе чѣмъ третью общественнаго достоянія, высасывало изъ простаго народа все его имущество; генералы, сдѣлавшiеся самовластными государями отдѣльныхъ областей путемъ произвола и жестокостей, разъѣзжали по провинціямъ съ вооруженными шайками и открыто грабили города. Иногда одинъ изъ этихъ наѣздниковъ, при стеченіи счастливыхъ обстоятельствъ, становился сильнѣе другихъ, и, принявъ титулъ президента, успѣвалъ въ продолженіи двухъ—трехъ лѣтъ держать въ повиновеніи начальниковъ партизановъ, подѣлившихъ между собою республику. Между тѣмъ, духъ времени дѣйствовалъ на Мексику такъ же, какъ и на другія испано-американскія республики, и послѣ паденія деспота Сантаноэ, нація, постоянно страдая отъ анархіи, раздѣлилась на двѣ партіи: одна сдѣлалась арміей духовенства, другая, составленная изъ разнородныхъ элементовъ, стремится преимущественно къ поддержанію республиканскихъ учрежденій; борьба была продолжительна, кровопролитна, полна страшныхъ переворотовъ, и наконецъ, несмотря на свои богатства и на нравственную поддержку французскаго и испанскаго посланниковъ, жреческая партія побѣждена, и Мексика вступаетъ въ разрядъ конституціонныхъ націй. Эту-то минуту выбрали Англія, Франція и Испанія, чтобы грозить войною президенту Хуарецу, и приступили къ блокадѣ мексиканскихъ береговъ. Чѣмъ же оправдывается гнѣвъ европейскихъ державъ? Да уже всегда такъ бываетъ, что за виновныхъ отвѣчаютъ невинные. Во время торжества реакціи, Мирамонъ, начальникъ клерикальной партіи, казнилъ нѣсколько испанскихъ подданныхъ, захватилъ имущество англійскихъ и французскихъ гражданъ, и даже, набравши шайку бандитовъ, ограбилъ поѣздъ съ золотомъ, отправлявшійся къ англійскимъ кредиторамъ. Это, конечно, важныя преступленія, но почему же за нихъ должно отвѣчать конституціонное правительство, между тѣмъ, какъ самъ грабитель спокойно тратитъ захваченныя деньги въ блестящихъ отеляхъ Парижа и Лондона. Когда Мирамонъ былъ президентомъ, тогда слѣдовало блокировать мексиканскія гавани; а теперь, когда европейскія державы рѣшились такъ поздно на такія крутыя мѣры, неудивительно, что мексиканскій народъ, приведенный въ отчаяніе, посягнулъ на личности европейскихъ агентовъ и кричитъ о необходимости перебить всѣхъ иностранцевъ, живущихъ въ Мексикѣ. Мексиканскій конгрессъ, видя невозможность бороться съ тремя державами, призналъ ихъ требованія законными; но, не имѣя никакихъ средствъ уплатить свой долгъ, проситъ себѣ двухлѣтней отсрочки.

Правительства Англіи и Франціи требуютъ теперь немедленной уплаты именно потому, что затруднительное положеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не позволяетъ имъ устранять вмѣшательство европейскихъ державъ въ дѣла Америки. Разсчетъ великихъ державъ ясенъ и простъ, но онѣ говорятъ, что исполнятъ свои желанія безъ кровопролитія, и этому никто не повѣритъ. Они хотятъ блокировать глав-

ныя гавани Мексики и взимать томоженныя пошлины съ входящихъ и выходящихъ судовъ; полученныя деньги будутъ дѣлиться пополамъ: одна половина пойдетъ въ казну республики, другая будетъ употребляться на погашеніе долга; это хорошо; но дѣло въ томъ, что одни французскіе и англійскіе негоціанты требуютъ себѣ до 200 милліоновъ франковъ, а ежегодная торговля всей Мексики едва равняется этой суммѣ. Спрашивается, во сколько же лѣтъ половина таможеннаго сбора покроетъ этотъ огромный долгъ? Кромѣ того, блокада гаваней можетъ ослабить самую торговлю и совершенно истощить общественные доходы. Долголѣтняя блокада и опека иностранныхъ державъ неизбѣжно поведетъ за собою междуусобныя войны, революціи и разныя другія общественныя бѣдствія. Дѣло не можетъ кончиться простою блокадою. Самая независимость мексиканскаго народа находится въ опасности; союзныя державы хотятъ штыками и нарѣзными пушками обезпечить за собою будущую покорность мексиканскаго конгресса. Эти мѣры кажутся совершенно достаточными для Франціи и Англіи; но онѣ не удовлетворяютъ кастильянской гордости. Прежняя владычица Новаго Свѣта посылаетъ эскадру и нѣсколько тысячъ десантнаго войска, желая вѣроятно захватить какой нибудь важный пунктъ, изъ котораго можно было бы современемъ подчинить себѣ всю республику. Испанія еще не забыла того, что она владѣла анагуакскою сплошною возвышенностью, что она прославила свое имя сожженіемъ Гуатимоцина, уничтоженіемъ милліоновъ Ацтековъ и введеніемъ въ несчастную страну кровавой инквизиціи; теперь она хочетъ принять на себя обязанность возстановить въ Мексикѣ уваженіе къ римксому первосвященнику, и къ мѣстному духовенству. Къ берегамъ Мексики плывутъ теперь корабли *Conception*, *Carmen* и другія суда, одаренныя такими же священными именами; скоро къ этой святой эскадрѣ присоединится фрегатъ, украшенный славнымъ именемъ *Sor Patrocinio*. Этотъ фрегатъ, окрещенный эгеріею королевства, изображаетъ конечно государственный корабль, которымъ въ настоящее время такъ хорошо управляетъ нѣжная рука фаворитки. Чувствуя приближеніе опасности со всѣхъ сторонъ, министръ О'Доннель, сестра Патроцинio и *tutti quanti*, повергаютъ свое государство всѣмъ случайностямъ войны, надѣясь отуманить націю торжествомъ побѣды. Маршалъ О'Доннель поклялся остаться министромъ по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ. Чтобы сдержать слово, ему необходимо воевать съ Мексикою точно такъ же, какъ онъ недавно воевалъ съ Марокко. Но, несмотря на военное тщеславіе, которому доступны всѣ народы, мы видѣли, говоря о взятіи Тетуана, какъ безплодны бываютъ войны, предпринятыя безъ достаточной причины. Десять тысячъ человѣкъ погибло отъ холеры и отъ оружія непріятеля; явился долгъ въ сто милліоновъ, пріобрѣтенъ безполезный и нездоровый городъ, и съ марокскаго султана взято силою долговое обязательство, котораго онъ не въ силахъ выплатить—вотъ что принесли Испаніи военные подвиги тетуанскаго побѣдителя. А между тѣмъ го-

сударственная казна до такой степени пуста, что во многихъ мѣстахъ школьные учителя не получаютъ жалованья за давно-истекшіе сроки. Теперь продаютъ государственные лѣса, т. е. послѣднія деревья Испаніи, и безъ-того страдающей отъ отсутствія тѣни и прохлады.

Испанская демократія не оставляетъ своего дѣла и борется съ удивительною стойкостью противъ мѣръ случайности и произвола, въ которыя запутываются, идя другъ съ другомъ подъ ручку, генералъ О'Доннель и монахиня Патроцинiо. Недавно гражданскія судебныя мѣста протестовали противъ компетентности военныхъ совѣтовъ въ дѣлѣ лохскихъ инсургентовъ, но къ несчатію, они не могли возвратить жизнь тѣмъ лицамъ, которые были разстрѣлены послѣ мнимаго суда. Либеральные испанскіе журналы также не дали подавить себя ураганомъ приговоровъ; они составили оборонительную лигу, и несмотря на штрафы, которые взыскиваетъ съ нихъ министерство черезъ послушныхъ судей, ни одинъ изъ преслѣдуемыхъ журналовъ не закрылся; назначенные штрафы тотчасъ оплачиваются испанскими демократами. Несмотря на союзъ конституціонной королевы съ стариннымъ принципомъ божественнаго права, Изабелла II своимъ молчаніемъ поневолѣ должна признать новый общественный порядокъ, водворяющійся въ Европѣ.

Если мы бросимъ общій взглядъ на событія нынѣшняго мѣсяца, то убѣдимся въ томъ, что почти вездѣ либеральное движеніе идетъ убывая и что эта убыль продолжается уже довольно долго. Умы людей, подобно морю, имѣютъ свои приливы и отливы. Иногда, море жизни, юности и прогресса, привлекаемое какимъ нибудь небеснымъ тѣломъ, подымается и катитъ къ берегамъ и къ утесамъ свои голубыя волны, обильныя и великолѣпныя; эти волны всходятъ вверхъ по рѣкамъ и каналамъ, и наполняютъ ихъ вровень съ берегами; приливъ подымаетъ собою барки и корабли, товары, матросовъ и путешественниковъ. Но по прошествіи нѣкотораго времени таинственная сила останавливается, волны убываютъ и удаляются,—и на томъ мѣстѣ, гдѣ протекали струи живой воды, глазъ видитъ гніющія болота. Барка погрязаетъ въ тинѣ, вырванная трава, сломленный тростникъ останавливаются кое-гдѣ на одинокихъ сваяхъ; безобразные остовы виднѣются на сыромъ днѣ. По илистой почвѣ бѣгаютъ и ползаютъ мохнатыя насѣкомыя; водяные пауки и черви гложутъ разные органическіе остатки и разлагающуюся падаль.

Теперь настала минута полнаго отлива; Европа превращается въ трясину. Долго тянутся эти тяжелые часы, въ ожиданіи свѣжей и прозрачной волны, стремящейся впередъ, безъ устали, безъ остановки.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Стоячая вода.

(Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго. Томъ I. 1861.)

I.

Говоря о сочиненіяхъ Писемскаго, я не буду рѣшать вопроса о степени таланта автора и о художественномъ достоинствѣ его произведеній; эти вопросы давно разсмотрѣны и рѣшены. Стоитъ раскрыть любую повѣсть, или драму, любой романъ Писемскаго, чтобы силою непосредственнаго чувства убѣдиться въ томъ, что выведенныя въ нихъ личности живые люди, выражающіе собою въ полной силѣ особенности той почвы, на которой они родились и выросли. Толковать на нѣсколькихъ страницахъ читателю то, что совершенно очевидно, значитъ понапрасну тратить время и трудъ; на этомъ основаніи я постараюсь въ моей статьѣ заняться дѣломъ болѣе интереснымъ и, какъ мнѣ кажется, болѣе полезнымъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о Писемскомъ, я буду говорить о тѣхъ сторонахъ жизни, которыя представляютъ намъ нѣкоторыя изъ его произведеній. — Чтобы не растеряться во множествѣ разнообразныхъ явленій, я ограничусь одною повѣстью Писемскаго. Эта повѣсть — «Тюфякъ», очень проста по завязкѣ и при этой простотѣ такъ глубоко и сильно захватываетъ матеріалы изъ живой дѣйствительности, что всѣ сѣрыя и грязныя стороны нашей жизни и нашего общества представляются разомъ воображенію читателя. Эти стороны жизни стоитъ разсматривать и изучать.

Надъ ними задумываются и будутъ постоянно задумываться люди съ пытливымъ умомъ и съ теплымъ сердцемъ; ихъ не выкинешь изъ жизни, и не заставишь самого себя забыть о ихъ существованіи. Гнетъ, несправедливость, незаконныя посягательства однихъ, безполезныя страданія другихъ, апатическое равнодушіе третьихъ, гоненія, воздвигаемыя обществомъ противъ самобытности отдѣльныхъ личностей, все это факты, которыхъ вы не опровергнете фразой, и къ которымъ вы не останетесь равнодушны, несмотря ни на какое олимпійское спокойствіе. Эти факты заставляли страдать нашихъ отцовъ и дѣдовъ; эти же факты тяготѣютъ надъ нами и вѣроятно будутъ еще отравлять жизнь нашего потомства; всѣ мы терпимъ одну участь, но между тѣмъ, наши отношенія къ тому, что заставляетъ насъ страдать, существенно измѣняются; каждое новое поколѣніе относится къ своимъ бѣдствіямъ и страданіямъ проще, смѣлѣе и практичнѣе, чѣмъ относилось предъидущее поколѣніе. Вѣроятно, ни одинъ образованный человѣкъ не будетъ теперь жаловаться на свою судьбу, и не увидитъ наказанія свыше въ постигшей его неудачѣ; вѣроятно ни одна порядочная дѣвушка не считаетъ своею обязанностью въ выборѣ мужа руководствоваться вкусомъ дражайшихъ родителей; наша личная свобода конечно стѣсняется общественнымъ мнѣніемъ или, вѣрнѣе, свѣтскимъ qu'en dira-t-on, но по крайней мѣрѣ мы уже потеряли вѣру въ непреложность этихъ свѣтскихъ законовъ, и руководствуемся ими большею частью по силѣ привычки, потому, что недостаетъ силъ и энергіи возстать въ жизни противъ того, что наша мысль признала стѣснительнымъ и нелѣпымъ. Всѣ мы большіе прогрессисты въ области мысли; на словахъ мы доводимъ до геркулесовыхъ столбовъ уваженіе наше къ личности человѣка; въ жизни намъ представляется конечно другая картина; наши Уильберфорсы и Говарды часто являются поборниками произвольныхъ законовъ этикета, книжниками и фарисеями, или даже просто мандаринами и столоначальниками. Но этимъ, иногда забавнымъ, а часто и очень печальнымъ противорѣчіемъ между прогрессивнымъ сужденіемъ и рутиннымъ поступкомъ смущаться не слѣдуетъ; и то хорошо, что думать начинаютъ по-человѣчески; вы не забудьте, что эти человѣческія мысли подхватываетъ на-лету молодежь; эта молодежь не умѣетъ двоить свое существо, не умѣетъ хитрить сама съ собою и принимаетъ за чистую монету тѣ слова, которыя вы произносите въ минуту увлеченія и отъ которыхъ вы можетъ быть завтра отречетесь вашими поступками. За поколѣніемъ людей много говорящихъ выдвигается

незамѣтно поколѣніе людей, дѣлающихъ дѣло. Pia desideria мало по малу перестаютъ быть неуловимыми мечтами. Всякому поступку предшествуетъ размышленіе; отдѣльный человѣкъ размышляетъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ или часовъ; общество находится въ раздумьи цѣлыми десятилѣтіями, и это время наружнаго бездѣйствія было бы несправедливо считать потеряннымъ. Умственная зрѣлость нашихъ отцовъ идетъ намъ на пользу, и хотя мы перерѣшаемъ по-своему большую часть рѣшенныхъ ими вопросовъ, но перерѣшаемъ-то мы ихъ именно потому, что ихъ рѣшенія оказались неудовлетворительными, избавляя насъ такимъ образомъ отъ дорого стоющихъ заблужденій.

II.

Много ли мы подвинулись впередъ съ того времени, какъ написанъ Тюфякъ? Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать лѣтъ и много воды утекло. Открылись поѣзды по Московской желѣзной дорогѣ, открылось пароходство по Волгѣ, возникло множество акціонерныхъ компаній, появилось въ свѣтъ и упало множество журналовъ и газетъ, взятъ Севастополь, заключенъ Парижскій миръ, поднятъ крестьянскій вопросъ, родились воскресныя школы, появились въ университетѣ женщины, а между тѣмъ, читая повѣсть Писемскаго, поневолѣ скажешь: знакомыя все лица, да и до такой степени знакомыя, что всѣхъ ихъ можно встрѣтить въ любой губернской залѣ дворянскаго собранія, гдѣ такъ безцвѣтно, безжизненно и вяло. Въ этихъ углахъ уходитъ много свѣжихъ силъ на безмысленныя попытки подладиться подъ тонъ окружающей сферы; многіе люди, слабые отъ природы, дѣлаются совершенно дрянью просто оттого, что не умѣютъ быть самими собою и ни въ чемъ не могутъ отдѣлиться отъ общаго хора, поющаго съ чужаго голоса. Этотъ хоръ слѣдуетъ модѣ въ образѣ мыслей, въ политическихъ убѣжденіяхъ, въ семейной жизни, начиная отъ устройства столовой и кончая воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ плывутъ по теченію два разряда людей. Одни пронюхиваютъ, откуда дуетъ вѣтеръ и, соображаясь съ своими личными выгодами, разставляютъ свои паруса и мѣняютъ убѣжденія. Другіе совершенно безкорыстно, какъ зеркало, отражаютъ въ себѣ то, что проходитъ мимо нихъ, только потому, что въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего своего. Ихъ дѣло сочувствовать, восторгаться, или негодовать, аплодировать или шикать, либеральничать или подличать, смотря

потому, что дѣлается кругомъ. Кто нибудь крикнетъ въ толпѣ, десять голосовъ подхватятъ, еще не зная хорошенько, къ чему клонится дѣло; возгласъ, поддержанный десятью безкорыстными клакерами, превращается уже въ крикъ и получаетъ уже авторитетъ и обязательную силу. Chaque sot trouve un plus sot qui l'admire; комокъ снѣга, сорвавшійся съ верхушки горы, катится внизъ и растетъ отъ прилипающихъ къ нему снѣжинокъ; онъ превращается въ безобразную лавину и давитъ своимъ нелѣпымъ паденіемъ все, что попадается на пути; дома, деревья, скотъ, люди, все поглощается и погибаетъ. Спросите у лавины: къ чему она это сдѣлала? Вы не получите отъ нея отвѣта, и точно также не узнаете отъ толпы побудительной причины ея словъ и поступковъ, отъ которыхъ можетъ быть страдаютъ ваше доброе имя и душевное спокойствіе. Да, можно сказать рѣшительно, что лучше ошибаться по собственному убѣжденію, нежели повторять истину только потому, что ее твердитъ большинство. Кто ошибается, тотъ можетъ сознать свою ошибку, того можно убѣдить, въ томъ можно встрѣтить сопротивленіе или дѣйствительное сочувствіе. Но что́ же вы сдѣлаете съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ личности, на котораго нельзя ни понадѣяться, ни разсердиться, потому что причина его дѣйствій, словъ и движеній лежитъ въ окружающемъ мірѣ, а не въ немъ самомъ? Что́ вы сдѣлаете съ этими вѣчными дѣтьми, для которыхъ послѣднее произнесенное слово служитъ закономъ, и для которыхъ противъ безсознательнаго крика большинства нѣтъ апелляціи? — Безличность, безгласность, умственная лѣнь и вслѣдствіе этого, умственное безсиліе, вотъ болѣзни, которыми страдаетъ наше общество, наша критика; вотъ что часто мѣшаетъ развитію молодаго ума, вотъ что заставляетъ людей сильныхъ, ставшихъ выше этого мѣщанскаго уровня, страдать и задыхаться въ тяжелой атмосферѣ рутинныхъ понятій, готовыхъ фразъ и безсознательныхъ поступковъ.

III.

Семейная драма, составляющая сущность повѣсти Писемскаго «Тюфякъ,» разыгрывается именно въ той душной атмосферѣ, въ которой старые и молодые, мужчины и женщины съ утра до вечера играютъ въ гости, сплетничаютъ другъ на друга и занимаются картами, какъ существенно важнымъ дѣломъ. Три молодыя личности, не обиженныя природою,

измучиваются, вянутъ и погибаютъ въ этой атмосферѣ. Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего особеннаго ни въ дурную, ни въ хорошую сторону; они не геніи, и не уроды; одаренные достаточною долею ума и практическаго смысла, они могли бы прожить себѣ въ свое удовольствіе, вырастить съ полдюжины дѣтей и умереть спокойно, оставивъ по себѣ пріятное воспоминаніе въ сердцахъ признательнаго потомства, т. е. своихъ дѣтей и внучатъ. Выходитъ совсѣмъ не то, чего слѣдовало ожидать. Одинъ изъ трехъ—Павелъ Бешметевъ спивается съ кругу и умираетъ въ молодыхъ лѣтахъ. Другая—жена Бешметева, проводитъ молодость въ грубыхъ семейныхъ сценахъ и остается вдовою тогда, когда уже не знаетъ, что̀ дѣлать съ своею свободою; третья—сестра Бешметева,—посвящаетъ жизнь свою служенію обязанности, живетъ для своихъ дѣтей, терпитъ дурака мужа, полу–Ноздрева, полу–Манилова и медленно хилѣетъ, потому что съ одною обязанностью не проживешь жизни.

И это жизнь!.. Стоитъ ли заботиться о своемъ пропитаніи, поддерживать свое здоровье, беречься простуды, только для того, чтобы видѣть, какъ день смѣняется ночью, какъ чередуются времена года, какъ подростаютъ одни люди и старѣются другіе? Если жизнь не даетъ ни живаго наслажденія, ни занимательнаго труда, то зачѣмъ же жить? зачѣмъ пользоваться самосознаніемъ, когда самъ не находишь для него цѣли и приложенія? Странно! Этотъ вопросъ представляется самъ собою, какъ только взглянешь на себя, какъ только отдашь себѣ отчетъ въ своемъ прошедшемъ, въ настоящемъ, и въ предполагаемомъ будущемъ; между тѣмъ, изъ десяти знакомыхъ вамъ личностей врядъ ли одна будетъ въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно, врядъ ли одна съумѣетъ представить причины и оправданія своего бытія; сказать проще, рѣдкій человѣкъ окажется довольнымъ своею судьбою, и между тѣмъ, изъ этихъ недовольныхъ рѣдкій старается выйдти изъ своего положенія и устроить свою жизнь такъ, какъ бы ему самому хотѣлось. Мы опутаны разными связями и отношеніями, мы стѣснены разными соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ нашею свободною волею, но стѣснены не фактически, а нравственно; надъ нами въ большей части случаевъ тяготѣетъ не матеріальная сила, а scrupule de conscience, и мы такъ робки и слабы, что не можемъ сбросить съ себя даже этого ничтожнаго ограниченія. Безличность, безгласность, инерція,—куда ни поглядишь, такъ и лѣзутъ въ глаза; эти свойства въ большей

части случаевъ составляютъ основу ненормальнаго положенія, начиная отъ чисто комическаго и кончая страшно трагическимъ. Возьмите съ одной стороны Женитьбу Гоголя, гдѣ безличность воплощена въ надворномъ совѣтникѣ Подколесинѣ, съ другой стороны Тюфяка Писемскаго, гдѣ вы видите вынужденную безгласность со стороны Юліи Кураевой, которую отецъ насильно выдаетъ замужъ за Бешметева. Въ первомъ случаѣ вы отъ души смѣетесь и если дадите себѣ трудъ вглядѣться въ личность Подколесина, то просто назовете его колпакомъ, какъ не разъ величаетъ его услужливый пріятель Кочкаревъ. Во второмъ случаѣ вамъ будетъ не до смѣху; искреннее негодованіе и глубокое сочувствіе къ оскорбляемой личности заговоритъ въ вашей душѣ тогда, когда вы прочтете, напр., такого рода сцену: Юлія, проплакавъ цѣлый день послѣ помолвки, къ вечеру слегла въ постель, съ сильною головною болью. Отецъ ея, проѣздивъ цѣлый день съ Бешметевымъ за разными покупками, приводитъ его въ спальню своей дочери, показывая видъ, что доставляетъ ей этимъ величайшее удовольствіе. Но этимъ еще не кончается дѣло.

— А что, голова болитъ? спрашиваетъ онъ у дочери.

— Болитъ, папа.

— Хочешь, я тебѣ лекарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха. Сейчасъ пройдетъ; не такъ ли, Павелъ Васильевичъ?

— Что это, папа? сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильевичъ, лечите невѣсту; смѣлѣй.

Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться.

Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, да, кажется, и Юліи не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платкомъ, но Павелъ ничего этого не видалъ.»

Хороши всѣ актеры этой грязной сцены! Хорошъ отецъ, торгующій поцѣлуями своей дочери, и распоряжающійся ея тѣломъ, какъ своею собственностію; хорошъ тюфякъ-женихъ, цѣлующій свою невѣсту по мановенію папеньки; да, коли говорить правду, хороша и та дѣвушка,

которая не смѣетъ выйдти изъ-подъ родительской власти, несмотря на то, что эта власть наталкиваетъ ее на такія гадости, отъ которыхъ возмущается ея физическая и нравственная природа. Невольное презрѣніе къ рабской безгласности продаваемой дѣвушки смѣнится въ вашей душѣ состраданіемъ и сочувствіемъ къ оскорбляемой личности только потому, что вы видите весь механизмъ домашняго гнета, тяготѣющаго надъ несчастною жертвою, вы слышите строгое приказаніе въ словахъ Владиміра Андреича «поцѣлуй, Юлія,» вы понимаете, что послѣ ухода жениха можетъ начаться такая семейная сцена, которой грязныя подробности не будутъ даже прикрыты флеромъ внѣшняго приличія; Владиміръ Андреичъ начнетъ дѣлать внушенія, потомъ браниться и кричать, потомъ никто не поручится намъ за то, что онъ не прибьетъ или не высѣчетъ непочтительную дочь. Все это будетъ происходить въ тѣсномъ семейномъ кругу, безъ постороннихъ свидѣтелей; все это будетъ тщательно скрыто отъ ближайшихъ сосѣдей, насколько можно скрыть семейную тайну въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ слуги знакомы между собою, и гдѣ всѣ господа имѣютъ обыкновеніе выспрашивать у своихъ лакеевъ подробности скандальной хроники; все это, повторяю, совершится безъ офиціальной огласки, но побои останутся побоями, и не сдѣлаются пріятнѣе и споснѣе отъ того, что ихъ не будутъ считать посторонніе зрители. Юлія систематически развращена холопскимъ воспитаніемъ; она забита пріемами военной дисциплины, примѣненными къ патріархальному быту русскаго семейства; она боится папеньки даже послѣ своего замужества; она въ отношеніи къ нему на всю жизнь остается дѣвченкою, и потому отъ нея нельзя многаго требовать. Чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ, не разборчивымъ въ средствахъ, надо обладать значительною силою характера. Сила характера развивается на свободѣ, и глохнетъ подъ внѣшнимъ гнетомъ. Юлія не виновата въ томъ, что она сдѣлалась дрянью подъ ферулою своего нѣжнаго родителя, но въ ту минуту, когда мы ее видимъ, она является уже вполнѣ дрянью, женщиною, отъ которой невозможно ожидать ни благороднаго порыва чувства, ни живаго проблеска мысли. Это губернская барышня въ полномъ смыслѣ этого слова. Умъ ея не занятъ никакими серьезными интересами, и скользитъ по поверхности окружающихъ явленій, не вглядываясь въ нихъ и не отдавая себѣ отчета въ собственныхъ своихъ впечатлѣніяхъ. Она наряжается, выѣзжаетъ, выслушиваетъ любезности, поддерживаетъ салонные разговоры, шепчется съ своими подругами, читаетъ попадаю-

щіеся подъ руку романы, ѣздитъ съ визитами и возвращается домой, ложится спать и встаетъ, словомъ, живетъ со дня на день, ни разу не спросивъ себя о томъ, есть ли въ ея жизни какой нибудь смыслъ, хорошо ли ей живется на свѣтѣ, и нельзя ли жить какъ нибудь полнѣе и разумнѣе. Она умѣетъ мечтать о будущемъ, о томъ, что «выйдетъ за какого нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ и она будетъ гулять съ нимъ по Невскому проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ представлена ко двору, сдѣлается статсъ-дамой.»

Чего, чего нѣтъ въ этихъ мечтахъ! Гвардейскіе эполеты мужа, Невскій проспектъ, высшій свѣтъ и наконецъ дворъ, какъ конечная цѣль всѣхъ стремленій! Характеръ этихъ мечтаній находится въ строгой гармоніи съ характеромъ того образа жизни, который ведетъ Юлія въ родительскомъ домѣ. Всѣ наслажденія, о которыхъ она мечтаетъ, оказываются наслажденіями чисто внѣшними и кромѣ того, совершенно условными и искусственными. Мечтая объ этихъ наслажденіяхъ, дѣвушка мечтаетъ не отъ своего лица, а отъ лица того кружка, въ которомъ она выросла. Почему пріятнѣе выйдти замужъ за гвардейскаго офицера, чѣмъ за губернскаго чиновника? Почему пріятнѣе блистать въ высшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ среднемъ кругу? Неужели эстетическое чувство удовлетворяется созерцаніемъ красныхъ отворотовъ гвардейскаго мундира или бриліантовыхъ фермуаровъ, надѣтыхъ на дамахъ высшаго свѣта? Неужели званіе гвардейскаго офицера или великосвѣтской дамы достается только людямъ отличающимся замѣчательнымъ умомъ, нѣжностью чувства и высокимъ образованіемъ? Неужели всякій гвардейскій офицеръ способенъ быть хорошимъ мужемъ, а всякая великосвѣтская дама—пріятною собесѣдницею? Какъ ни была Юлія мало развита, а мнѣ кажется, и у ней хватило бы здраваго смысла на то, чтобы найдти подобные вопросы совершенно безсмысленными. Стало-быть, что же ее привлекало? что вызывало въ головѣ ея эти завѣтныя мечты? Ясно, что она мечтаетъ именно такъ только потому, что точно такъ же мечтаютъ ея подруги. Всѣ говорятъ, что блистать въ высшемъ свѣтѣ весело; какъ же не повѣрить всѣмъ? Какъ не положиться на общій говоръ, когда нѣтъ ни собственнаго сужденія, ни ясныхъ собственныхъ желаній? Мечтая съ чужаго голоса, Юлія точно такъ же съ чужаго голоса ведетъ свою дѣйствительную жизнь, вышедши замужъ за Бешметева. Она выѣзжаетъ и наряжается, и кромѣ этого ничего не дѣлаетъ. Да что же ей дѣлать? Когда

она жила въ родительскомъ домѣ, ей иногда приходилось отказаться отъ какого нибудь предполагаемаго выѣзда собственно потому, что этотъ выѣздъ могъ нарушить финансовыя или дипломатическія соображенія главы семейства. Очень понятно, что въ подобныхъ случаяхъ, Юлія мечтала о замужествѣ, какъ о вожделѣнной минутѣ освобожденія. Было бы странно, еслибы она не воспользовалась этою минутою. Дѣйствительность разбила большую часть ея воздушныхъ замковъ. Петербургъ, гвардейскіе эполеты и высшій свѣтъ оказались миражемъ. Надо же было хоть чѣмъ нибудь вознаградить себя; надо было пожить въ свое удовольствіе хоть въ тѣхъ узенькихъ и бѣдненькихъ предѣлахъ, которые очертила вокругъ нея судьба. А какъ жить въ свое удовольствіе? Вѣдь это, воля ваша, вопросъ очень важный. Не многіе въ состояніи рѣшить его совершенно ясно и удовлетворительно для самихъ себя, а кто на это способенъ, тотъ почти навѣрное устроитъ себѣ жизнь по-своему и не будетъ ни въ какомъ случаѣ несчастнымъ. Юлія не могла рѣшить этого вопроса удовлетворительно; ей недоставало для этого двухъ вещей: знанія жизни вообще, и знанія своей собственной личности; она не знала, чего можно требовать отъ жизни и не знала, чего потребуетъ именно она. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи надо было поневолѣ пойдти торною дорогою, по которой раньше ея шли сотни губернскихъ барышенъ, сдѣлавшихся дамами по волѣ заботливыхъ родителей. Двинувшись впередъ по этому пути, Юлія не могла остановиться; пустая жизнь отнимаетъ силы даже подумать о серьезномъ дѣлѣ; еслибы Юлія даже подозрѣвала существованіе и возможность какой нибудь другой жизни, она не пожелала бы ее выбрать; еслибы даже она пожелала этого, у ней нехватило бы энергіи на то, чтобы осуществить это желаніе; ни въ себѣ самой, ни вокругъ себя она не нашла бы поддержки, и только безсильное отрицаніе и инстинктивное недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ было бы результатомъ этихъ желаній. Впрочемъ безсознательное недовольство, скука и пресыщеніе неминуемо выпали бы на долю Юліи, еслибы ей никто не мѣшалъ идти по той дорогѣ, на которую навело ее вліяніе общества. Юлія навѣрно бы соскучилась отъ выѣздовъ и нарядовъ, еслибы никто не мѣшалъ ей выѣзжать и рядиться. Но жизнь ея измѣнилась подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: разладъ съ мужемъ и зародившаяся въ ея душѣ любовь къ постороннему мужчинѣ поневолѣ отвлекли ея вниманіе отъ выѣздовъ и нарядовъ; пришлось отстаивать свою свободу отъ пассив-

ной оппозиціи тюфяка Бешметева; пришлось ежеминутно жить съ образомъ любимаго человѣка, и внѣшнія удовольствія губернской свѣтской жизни потеряли половину своей практической важности и большую часть своей прелести; дрязги жизни воплотились въ личности докучливаго мужа, поэзія жизни, которой почти не подозрѣвала Юлія, сказалась сама собою въ восторженномъ поклоненіи красивому, идеализованному образу Бахтіарова. Юлія въ первый разъ перестала быть куклою и почувствовала себя женщиною, существомъ любящимъ и требующимъ сочувствія. Дурно ли, хорошо ли она пристроила свое чувство, это уже совсѣмъ другой вопросъ. Главное дѣло въ томъ, что она любила; однимъ этимъ фактомъ она становилась неизмѣримо выше той Юліи, которая мечтала о гвардейскомъ офицерѣ и о Невскомъ проспектѣ. Любя красивую фигуру, она выражала свою личность, жила своею жизнью, своими глазами принимала и своимъ умомъ обсуживала впечатлѣнія. Она ошибалась, но ошибалась, какъ свойственно человѣку ошибаться; она, по крайней мѣрѣ, переставала быть обезьяною или глупымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ зажженой папироски единственно потому, что вокругъ него курятъ взрослые. Въ любви Юліи къ Бахтіарову есть недостатокъ разборчивости, есть неумѣніе вглядываться въ людей и отличать сусальное золото отъ настоящаго, но этому чувству нельзя отказать въ нѣкоторой высотѣ нравственныхъ требованій. Юлія не умѣетъ распознать настоящаго Бахтіарова, но тотъ Бахтіаровъ, котораго она любитъ, т. е. то воображаемое лицо, которое она ставитъ на мѣсто дѣйствительно существующаго, вовсе не дурной, и даже не дюжинный человѣкъ. Какъ только Бахтіаровъ оказывается подлецомъ, такъ онъ погибаетъ въ глазахъ Юліи; женщина поумнѣе и поопытнѣе Юліи разобрала бы своего героя раньше, объ этомъ спору нѣтъ; но дѣло въ томъ, что умственная неразвитость Юліи, а не нравственная испорченность ея была причиною ея увлеченія. Она любила хорошую и красивую личность и только не видѣла того, что эта личность не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ Бахтіаровымъ. Кто еще не жилъ, тотъ и не умѣетъ жить; кто никогда не мыслилъ и не наблюдалъ, тотъ не можетъ распознавать характеры окружающихъ людей. Юлія не виновата въ своей ошибкѣ. Какъ жертва своего воспитанія и своего общества, она можетъ возбудить къ себѣ состраданіе; горести и радости ея внутренняго міра такъ мелки и ничтожны, что имъ мудрено сочувствовать; разсматривая ихъ, придется только пожалѣть о человѣ-

ческой личности, тратящей нравственныя силы на пустыя и безсвязныя тревоги. Словомъ, Юлія—личность очень обыкновенная по врожденнымъ способностямъ, испорченная безобразною домашнею дисциплиною и постепенно мельчающая подъ вліяніемъ нелѣпыхъ условій семейной и общественной жизни. Личность ея очень неизящна именно потому, что въ большей части случаевъ она сливается съ окружающимъ обществомъ, боится отъ него отшатнуться, по рукамъ и по ногамъ связана его предразсудками и раздѣляетъ почти всѣ его вкусы и наклонности. Она почти нигдѣ не составляетъ исключенія ни въ худшую, ни въ лучшую сторону. Любя Бахтіарова, она порой увлекается и дѣлаетъ неосторожный поступокъ; эти минуты увлеченія выражаютъ собою лучшія, живыя стороны ея характера, но къ сожалѣнію она увлекается дряннымъ человѣкомъ, и недостойная личность ея героя бросаетъ грязную тѣнь на чистоту ея порывовъ. Къ тому же эти порывы слишкомъ слабы; она дѣлаетъ неосторожный шагъ и оглядывается по сторонамъ, прячется, боится и папеньки и мужа. На ея мѣстѣ, женщина способная сильно любить, увлеклась бы за предѣлы всякаго приличія и надѣлала бы множество яркихъ глупостей. На ея мѣстѣ женщина съ твердымъ и честнымъ характеромъ не стала бы прятаться и гордо пошла бы навстрѣчу домашнимъ сценамъ и общественному стыду. Но Юлія не изъ тѣхъ; ей хочется служить и богу и мамону, и вслѣдствіе этого, изъ нея выходитъ ни то ни се, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, какъ выражается наше простонародье.

IV.

А что за человѣкъ мужъ Юліи?—Учился онъ въ университетѣ и мечтаетъ о магистерскомъ экзаменѣ. Въ немъ есть сходство съ Обломовымъ, и самое существенное различіе между этими двумя личностями заключается въ различіи манеры Гончарова и Писемскаго. Гончаровъ щадитъ и любитъ своего героя, а Писемскій безжалостно продергиваетъ свое созданіе, гдѣ только можно, и продергиваетъ его безъ злобной раздражительности, спокойно, холодно и почти весело. При всей своей объективности, Гончаровъ можетъ быть названъ лирикомъ въ сравненіи съ Писемскимъ. Гончаровъ сочувствуетъ отдѣльнымъ личностямъ своихъ произведеній, и отдѣльнымъ поступкамъ своихъ героевъ; иное онъ осуждаетъ, иное объясняетъ и оправдыва-

етъ; критикъ часто уравновѣшиваетъ въ немъ художника. Ничего подобнаго не встрѣтите вы у Писемскаго; его воззрѣній и отношеній къ идеалу вы нигдѣ не встрѣтите, они даже и не просвѣчиваютъ нигдѣ. Онъ никому не сочувствуетъ, никѣмъ и ничѣмъ не увлекается, ни отъ чего не приходитъ въ негодованіе, никого не осуждаетъ и не оправдываетъ. Грязь жизни остается грязью; сырой фактъ такъ и бьетъ въ глаза; берите его какъ онъ есть, осмысливайте, осуждайте, оправдывайте—это ваше дѣло; голосъ автора не поддержитъ васъ въ вашемъ критическомъ процессѣ и не заспоритъ съ вами.— Бешметевъ и Обломовъ похожи другъ на друга тѣмъ, что оба зависятъ отъ окружающей обстановки, несмотря на то, что стоятъ выше ея по умственному развитію. Отсутствіе активной иниціативы, отсутствіе твердой оппозиціи, шаткость и слабость—вотъ основныя черты ихъ характера. Бешметевъ такъ же слабъ, какъ Обломовъ, и притомъ нисколько не лѣнивъ; онъ былъ бы способенъ двигаться впередъ, еслибы кто нибудь велъ его за собою или толкалъ его сзади; общество, въ которое онъ попадаетъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы задержать и отодвинуть его назадъ; онъ страдаетъ отъ этого, но подается и опускается съ ужасающею быстротою. Неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, онъ позволяетъ женить себя черезъ сваху, и не понимаетъ того, что невѣста его терпѣть не можетъ, а что родители смотрятъ на него, какъ на владѣльца пятидесяти незаложенныхъ душъ. Не умѣя ни отразить нападковъ крикливой родни своей, ни отмалчиваться отъ нихъ, онъ, по ихъ настоянію, отказывается отъ предположенной ученой карьеры, отлагаетъ попеченіе о магистерскомъ экзаменѣ и превращается въ столоначальника губернскаго присутственнаго мѣста. Мечты о взаимной любви смѣнились нелѣпою женидьбою; мечты о разумной дѣятельности уснули подъ виц-мундиромъ чиновника, не отказывающагося отъ безгрѣшныхъ доходовъ. Писемскій не говоритъ ничего о доходахъ, но надо думать, что было не безъ того, потому что у Бешметева уже не было денегъ тогда, когда онъ поступилъ на службу; надо было чѣмъ нибудь жить, и мѣсто столоначальника досталось Бешметеву по рекомендаціи Владиміра Андреевича Кураева, котораго практическія воззрѣнія мы уже видѣли, говоря о воспитаніи и замужствѣ Юліи. Далѣе, паденіе Бешметева идетъ еще скорѣе; когда человѣкъ сбился съ настоящей дороги, тогда всякое случайное обстоятельство путаетъ и портитъ его. Нѣтъ настоящей дѣятельности, нѣтъ желаннаго наслажденія—такъ что же дѣлать!? Надо проживать жизнь, убивать время,

забивать въ самомъ себѣ лучшія потребности своей природы, лучшіе результаты своего развитія; чтобы не страдать, надо опошливаться, тупѣть и черствѣть. Все это случилось бы съ Бешметевымъ; онъ отростилъ бы брюшко, сталъ бы мечтать о счастьи получить крестикъ и объ удовольствіи составить вечеркомъ преферансикъ, началъ бы нюхать табакъ, получилъ бы лысину и репутацію исполнительнаго чиновника, и наконецъ умеръ бы, оставивъ своимъ дѣтямъ состояніе исправленное и дополненное. Все это произошло бы тогда, когда бы жизнь потекла спокойно, когда бы мечты не разбивались насильственно, а просто, медленно разсѣялись бы, какъ утренній туманъ. Еслибы Юлія Владиміровна Бешметева постепенно выказалась въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, тогда ея ослѣпленный мужъ помирился бы съ своимъ разочарованіемъ такъ же тихо, какъ онъ помирился съ бюрократическою дѣятельностью. Но толчокъ, полученный Бешметевымъ со стороны его семейной жизни, былъ такъ рѣзокъ и силенъ, что ему только и оставалось или вдругъ выпрыгнуть на прежнюю дорогу и утѣшить себя разумною дѣятельностью, или головою впередъ броситься въ омутъ грязи и гадости, запить, и съ горя ухнуть остатокъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Вообразите себѣ, что человѣкъ любитъ свою жену и надѣется, что она его оцѣнитъ и полюбитъ въ свою очередь. Онъ работаетъ надъ ея нравственнымъ возвышеніемъ и не отчаявается отъ видимой неудачи своихъ первыхъ попытокъ; вдругъ онъ замѣчаетъ, что она нетолько любитъ другаго, но даже вѣшается этому другому на шею, и заодно съ этимъ другимъ дурачитъ его, любящаго мужа и усерднаго наставника. Чистая, непорочная, неопытная дѣвочка вдругъ превращается въ его глазахъ въ очень опытную, очень хитрую и совершенно испорченную женщину, которая проведетъ и выведетъ полдюжины наставниковъ и надзирателей, подобныхъ ему, Бешметеву. Сдѣлавъ подобное открытіе, человѣкъ твердый и рѣшительный вѣроятно плюнулъ бы на все это, разорвалъ бы всякую связь съ своимъ прошедшимъ, понялъ бы то, что умный мужчина можетъ быть счастливъ собственными силами, и поступилъ бы сообразно съ этими размышленіями. Будь онъ въ положеніи Бешметева, такой человѣкъ вышелъ бы въ отставку, поѣхалъ бы въ Москву, занялся бы серьезно магистерскимъ экзаменомъ, и въ освѣжающемъ трудѣ мысли нашелъ бы себѣ полное утѣшеніе, достойное развитаго человѣка. Впрочемъ, надо сказать правду, несчастье, поразившее Бешметева, до такой степени важно, что и покрѣпче его люди могутъ надъ нимъ по-

задуматься. Лаврецкій не чета Бешметеву, а и Лаврецкій, узнавши объ измѣнѣ Варвары Павловны, считаетъ себя очень несчастнымъ человѣкомъ. Большая часть людей умѣютъ еще кое-какъ перенести холодность любимой женщины, но не переносятъ того, что они называютъ ея невѣрностью. Актъ невѣрности сваливаетъ любимое существо съ высокаго и роскошнаго пьедестала въ грязную лужу; какъ ни широки эмансипаціонныя стремленія нашей эпохи, а до сихъ поръ большая часть развитыхъ мужчинъ нечувствительно для самихъ себя смотрятъ на женщину какъ на движимую собственность, или какъ на часть своего тѣла. Когда женщина, уступая силѣ чувства, начинаетъ располагать собою, какъ свободною и полноправною личностью, тогда вдругъ забываются всѣ широкія теоріи; тотъ мужчина, который по своему общественному положенію стоитъ къ этой женщинѣ въ отношеніяхъ друга и защитника, вдругъ выступаетъ на сцену судьею и палачемъ; онъ призываетъ на нее громы общественнаго мнѣнія, онъ отступается отъ нея съ добродѣтельнымъ отвращеніемъ, и общество конечно съ величайшею готовностью начинаетъ кидать грязью въ оставленную и обиженную личность. При болѣе грубыхъ нравахъ, мужчина преслѣдуетъ женщину болѣе чувствительнымъ оружіемъ, начиная отъ грязныхъ намековъ и кончая побоями. Бешметевъ, при своемъ полномъ незнаніи жизни и при полномъ отсутствіи настоящаго, гуманнаго развитія, никогда не думалъ о правахъ женщины и объ отношеніяхъ ея къ мужчинѣ; онъ только мечталъ, лежа на диванѣ, о наслажденіяхъ взаимной любви; мечтамъ этимъ не пришлось осуществиться—и Бешметевъ просто озлился на жизнь и на женщину, не спрашивая у себя, правъ ли онъ въ своемъ озлобленіи, и имѣютъ ли какое нибудь разумное оправданіе его мечты о любовномъ счастіи? Если посмотрѣть глазами самого Бешметева на непріятности его семейнаго быта, тогда можно оправдать всѣ глупости, къ которымъ его приводятъ житейскія испытанія; но если посмотрѣть на дѣло со стороны, то увидимъ, что всѣ несчастья эти составляютъ естественное и неизбѣжное слѣдствіе поведенія самого героя. Молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ почти насильно, и почти зажмуривъ глаза; онъ видитъ, что она хороша собою, и правильныя линіи ея лица мѣшаютъ ему видѣть всю уродливость ихъ взаимныхъ отношеній; любитъ ли его будущая его жена, уважаетъ ли его, сходятся ли они между собою въ понятіяхъ и склонностяхъ, объ этомъ онъ забываетъ справиться; онъ женится, и послѣ свадьбы начинаетъ требовать семейнаго счастія. Нѣ-

лѣпыя требованія! Человѣкъ самъ положилъ руку на раскаленное желѣзо и удивляется тому, что ему больно, и сердится на несчастную плиту, которая жжетъ его безъ всякаго злаго умысла, вслѣдствіе вѣчныхъ законовъ природы. А между тѣмъ, будь вы на мѣстѣ этого человѣка, и вы положили бы руку на раскаленную плиту; вѣдь хватаются же дѣти за горячія жаровни, потому что имъ нравится ихъ странный блескъ и яркій цвѣтъ. Дѣло вотъ въ чемъ: характеръ отдѣльнаго человѣка развивается подъ вліяніемъ окружающей среды и обстоятельствъ жизни; въ человѣкѣ можетъ воспитаться преступникъ или эксцентрикъ гораздо прежде того времени, когда онъ будетъ въ состояніи дѣлать дѣйствительныя глупости и фактическія преступленія. Скажите же, кто въ подобномъ случаѣ болѣе виноватъ: тотъ ли матеріалъ, изъ котораго выкраивается та или другая фигура, или та рука, которая ее выкраиваетъ? Рука эта большею частью дѣйствуетъ безсознательно; ее называютъ случаемъ, судьбою, силою обстоятельствъ, вліяніемъ обстановки; послѣдніе два термина представляютъ нѣкоторый смыслъ, между тѣмъ, какъ первые два отличаются крайнею мистическою неопредѣленностью. Сваливая вину на силу обстоятельствъ, на вліяніе обстановки, мы снимаемъ отвѣтственность съ извѣстнаго лица, но тѣмъ прямѣе и строже относимся къ той идеѣ, которая лежитъ въ основѣ извѣстнаго общества, къ тѣмъ условіямъ быта, къ тѣмъ житейскимъ отношеніямъ, отъ которыхъ недѣлимому трудно отрѣшиться и которыя съ самой колыбели тяготѣютъ въ извѣстномъ направленіи надъ его мыслью и дѣятельностью! Вглядитесь въ личности, дѣйствующія въ повѣсти Писемскаго, — вы увидите, что, осуждая ихъ, вы собственно осуждаете ихъ общество; всѣ они виноваты только въ томъ, что не настолько сильны, чтобы проложить свою оригинальную дорогу; они идутъ туда, куда идутъ всѣ; имъ это тяжело, а между тѣмъ они не могутъ и не умѣютъ протестовать противъ того, что заставляетъ ихъ страдать. Вамъ ихъ жалко, потому что они страдаютъ, но страданія эти составляютъ естественныя слѣдствія ихъ собственныхъ глупостей; къ этимъ глупостямъ ихъ влечетъ то направленіе, которое сообщаетъ имъ общество. Сочувствовать тому, что намъ кажется глупостью, мы не можемъ. Намъ остается только жалѣть о жертвахъ уродливаго порядка вещей, и проклинать существующія уродливости. Тѣмъ и замѣчательна повѣсть Писемскаго, что она рисуетъ намъ не исключительныя личности, стоящія выше уровня массы, а дюжинныхъ людей, копошащихся въ гря-

зи, замаранныхъ съ ногъ до головы, задыхающихся въ смрадной атмосферѣ и неумѣющихъ найдти выхода на свѣтъ. Чтобы дѣйствительно оцѣнить всю грязь нашей вседневной жизни, надо посмотрѣть на то, какъ она дѣйствуетъ на слабыхъ людей; только тогда мы въ полной мѣрѣ поймемъ ея отравляющее вліяніе; сильный человѣкъ легко выкарабкается изъ нея; но людей слабыхъ или неокрѣпшихъ она душитъ и мертвитъ. Читая Дворянское Гнѣздо Тургенева, мы забываемъ почву, выражающуюся въ личностяхъ Паньшина, Марьи Дмитріевны и т. д. и слѣдимъ за самостоятельнымъ развитіемъ честныхъ личностей Лизы и Лаврецкаго; читая повѣсти Писемскаго, вы никогда, ни на минуту не позабудете, гдѣ происходитъ дѣйствіе; почва постоянно будетъ напоминать о себѣ крѣпкимъ запахомъ, русскимъ духомъ, отъ котораго не знаютъ куда дѣваться дѣйствующія лица, отъ котораго порой и читателю становится тяжело на душѣ.

V.

Трудно себѣ представить болѣе яркую и сжатую картину грязной жизни губернскаго города, чѣмъ та, которую нарисовалъ Писемскій въ повѣсти Тюфякъ. И это не каррикатура, даже не сатира. Каждая отдѣльная фигура такъ твердо убѣждена въ полной правотѣ своихъ притязаній, въ полной законности своихъ дѣйствій, что она живетъ мимо воли автора, и что вамъ кажется будто иначе она и не можетъ жить. Это правда; иначе не можетъ она жить; машина заведена въ извѣстномъ направленіи и пойдетъ себѣ своимъ порядкомъ, пока не размотается пружина или не изотрутся колеса, или же пока незамѣченное, но постепенно увеличивающееся внутреннее разстройство не остановитъ разомъ всего развихлявшагося механизма. Семейный деспотизмъ развращаетъ младшихъ членовъ семействъ и готовитъ изъ нихъ будущихъ деспотовъ, которыхъ рука будетъ тяготѣть надъ будущими подчиненными личностями такъ же тяжело, какъ тяготѣли надъ ними самими руки отцовъ и матерей. Та молодая дѣвушка, которая сегодня возбуждала ваше участіе, какъ несчастная жертва, задыхавшаяся отъ сдержанныхъ рыданій при помолвкѣ съ немилымъ человѣкомъ, черезъ нѣсколько недѣль явится передъ вами молодою барынею, держащею въ ежовыхъ рукавицахъ свою прислугу, терзающею мужа капризами и истериками, и тратящею съ возмути-

тельнымъ цинизмомъ его трудовыя копѣйки на украшеніе своей особы. Несчастный мужъ, котораго вы пожалѣете теперь, какъ мученика, явится скоро домашнимъ тираномъ и будетъ съ систематическою жестокостью отравлять существованіе той самой женщины, на которую онъ въ былое время чуть-чуть не молился. Любящая мать, старающаяся устроить счастье своихъ дѣтей, часто связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ узкостью своихъ взглядовъ, близорукостью своихъ разсчетовъ и непрошенною нѣжностью своихъ заботъ. Чувство ея сильно и искренно, но убѣжденія односторонни и ложны, и потому сумма ея вліянія вредна и губительна. Голосомъ этой любящей матери говоритъ почва, на которой она росла и прозябала, и молодой человѣкъ, слышавшій вдали отъ родительскаго дома что-то новое, рванувшійся душою къ этому новому, еще неизвѣстному, но уже привлекательному образу жизни и дѣятельности, рискуетъ остановиться въ нерѣшительности, растрогаться и расплакаться, раскаяться въ завиральныхъ идеяхъ, увидать свой долгъ въ сыновнемъ повиновеніи и нечувствительно заглохнуть въ томъ омутѣ, изъ котораго онъ было старался выкарабкаться. Когда два направленія мысли вступили между собою въ борьбу на жизнь и на смерть, когда нейтралитетъ оказывается невозможенъ, тогда людямъ съ мягкими чувствами и съ нерѣшительнымъ умомъ приходится очень тяжело. Кто не способенъ сжечь за собою корабли и идти смѣло впередъ, шагая черезъ развалины своихъ прежнихъ симпатій, вѣрованій, воздушныхъ замковъ и идеаловъ, и слыша за собою ругательства, упреки, слезы и возгласы негодующаго изумленія со стороны близкихъ людей, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если заглушитъ въ головѣ работу критическаго ума и даже простаго здраваго смысла, если заблаговременно начнетъ отплевываться отъ лукаваго демона, сидящаго въ мозгу каждаго здороваго человѣка, смотрящаго на вещи собственными глазами. Кому жаль разставаться съ прошедшимъ, тому нечего и пытаться заглядывать въ лучшее, свѣтлое будущее. Идти, такъ идти, смѣло, безъ оглядки, безъ сожалѣнія, не унося за собою никакихъ пенатовъ и реликвій, и не раздваивая своего нравственнаго существа между воспоминаніями и стремленіями. Этого никакъ не могутъ взять въ толкъ люди мягкіе и нѣжные; имъ все хочется или согласить между собою двѣ противуположности, или переубѣдить людей неисправимыхъ, состарѣвшихся въ своихъ понятіяхъ и косящихся на все незнакомое; соглашая противуположности и добиваясь отъ самихъ себя историческаго безпристрастія, эти господа

дѣлаются сами совершенно нерѣшительными и безцвѣтными; переубѣждая застарѣлыхъ противниковъ, они нечувствительно мирятся съ ними и переходятъ на ихъ сторону, устроиваютъ свою жизнь по заведенному порядку, и увеличиваютъ собою слой грязной почвы, подобно тому, какъ прошлогоднія растенія увеличиваютъ слой чернозема. Тѣ условія, при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы, что человѣкъ, желающій прожить свою жизнь дѣльно и пріятно, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ, не давать имъ надъ собою никакого вліянія, не дѣлать имъ ни малѣйшей уступки. Какъ вы попробуете на чемъ-нибудь помириться, такъ вы уже теряете вашу свободу; общество не удовлетворится уступками; оно вмѣшается въ ваши дѣла, въ вашу семейную жизнь, будетъ предписывать вамъ законы, будетъ налагать на васъ стѣсненія, пересуживать ваши поступки, отгадывать ваши мысли и побужденія. Каждый шагъ вашъ будетъ опредѣляться не вашею доброю волею, а разными общественными условіями и отношеніями; нарушеніе этихъ условій будетъ постоянно возбуждать толки, которые, доходя до васъ, будутъ досаждать вамъ, какъ жужжаніе сотни мошекъ и комаровъ. Если же вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукою на пресловутое общественное мнѣніе, которое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ право скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы на это не обращаете вниманія, и что эксцентричности ваши идутъ себѣ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься, сочтетъ васъ за погибшаго человѣка, и, такъ или иначе, оставитъ васъ въ покоѣ, перенеся на кого-нибудь другаго свое милостивое вниманіе.. Тюфякъ даетъ намъ необходимые матеріалы, для того, чтобы опредѣлить характеръ нашего общественнаго мнѣнія. Въ губернскомъ городѣ суетятся и хлопочутъ столько же, сколько и въ столицѣ, съ тою только разницею, что въ столицѣ большее количество людей собрано въ одномъ мѣстѣ, и потому, когда всѣ разомъ суетятся, то происходитъ гораздо больше шума, движенія и толкотни. Побудительныя причины, заставляющія столичныхъ жителей суетиться, гораздо разнообразнѣе, именно потому, что жителей очень много, и что они стоятъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и умственнаго развитія. Въ провинціи аристократическое сословіе состоитъ изъ чиновниковъ и помѣщиковъ; литераторы, художники, ученые составляютъ большую рѣдкость; имъ нечего тамъ дѣлать, и

они бываютъ въ провинціи не иначе, какъ на правахъ гостей; да и гдѣ эти господа не гости въ нашемъ отечествѣ? гдѣ ихъ вліяніе на жизнь и понятія общества? гдѣ та сфера жизни, въ которой они распоряжаются, какъ хозяева и заявляютъ свои права? Если и чувствуется въ послѣднее десятилѣтіе какое-то взаимодѣйствіе между мыслями передовыхъ людей и жизнью общества, то какъ еще оно слабо, и какъ немногіе признаютъ дѣйствительность его существованія! Итакъ — чиновники и помѣщики, съ женами и дѣтьми, составляютъ собою губернскую аристократію. Помѣщики, живущіе въ губернскомъ городѣ, поручаютъ свои имѣнія прикащикамъ и бурмистрамъ, изъ ихъ рукъ принимаютъ свои доходы, проживаютъ ихъ, навѣщаютъ иногда свои помѣстья, и, произведя ревизію, получивъ должныя суммы, снова возвращаются въ городъ, чтобы наслаждаться жизнью. Эти господа пользуются обыкновенно обезпеченнымъ состояніемъ, такъ что съ матеріальной стороны они не встрѣчаютъ себѣ препятствій и стѣсненій. Что же они дѣлаютъ? Они ѣздятъ въ гости и принимаютъ гостей, приглашаются на званые обѣды и даютъ такіе же обѣды у себя, танцуютъ и играютъ въ карты на вечерахъ и балахъ, и устраиваютъ у себя такіе же балы и вечера. Это называется пользоваться общественными увеселеніями. Интервалы между увеселеніями въ-родѣ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ наполняются визитами и разговорами, для которыхъ самою интересною темою служатъ городскія событія. Вставая утромъ съ постели, губернскій аристократъ, если ему не предстоитъ какого-нибудь приглашенія, обыкновенно не знаетъ, что предпринять, куда дѣвать день, и отправляется къ кому-нибудь, отъ нечего дѣлать, говоритъ что нибудь отъ нечего дѣлать, беретъ въ руки книжку журнала, садится играть въ карты, выпиваетъ рюмку водки, все отъ нечего дѣлать. Да и въ самомъ дѣлѣ, что же ему дѣлать? — Доходы получаются исправно, нужды ни въ чемъ не предвидится, ѣхать никуда не надо. Что же дѣлать? — Сѣсть за книгу, что-ли? Легко сказать; посмотрите-ка на дѣло поближе, и вы увидите, что ни что не можетъ быть скучнѣе, какъ читать для процесса чтенія, безъ послѣдовательности и системы. Вѣдь не станете же вы, безъ особенной надобности, читать листокъ полицейскихъ вѣдомостей. Что за охота утруждать зрѣніе и напрягать умъ только для того, чтобы убить нѣсколько часовъ? Предпочитать какъ препровожденіе времени книгу живымъ явленіямъ жизни несвойственно человѣческой природѣ. Желая разсѣяться, человѣкъ ищетъ смѣны впечатлѣній. Чѣмъ живѣе

впечатлѣнія и ощущенія, тѣмъ болѣе они его удовлетворяютъ; на этомъ основаніи онъ отправляется въ общество, болтаетъ съ знакомыми, садится за зеленое сукно, танцуетъ и кружится въ освѣщенной залѣ. Вся бѣда въ томъ, что ему нечего дѣлать, что онъ разсѣевается въ продолженіи всей своей жизни. Вѣдь не задавать же себѣ самому задачъ, не трудиться же для препровожденія времени, когда сама жизнь не шевелитъ своимъ потокомъ, не задаетъ никакихъ задачъ и не требуетъ никакого труда. Жизнь эта — странная штука! Губернскія чиновники, кормчіе провинціальнаго общества, работаютъ нерѣдко машинально, почти не сталкиваясь въ своей работѣ съ явленіями жизни, и не выходя изъ сферы тѣхъ неизмѣнныхъ канцелярскихъ формъ, для которыхъ нѣтъ прогресса даже въ языкѣ. Утро занято у этихъ господъ, но ихъ машинальная дѣятельность оставляетъ по себѣ такую же пустоту, какую производитъ бездѣйствіе въ людяхъ праздныхъ. Умъ все-таки остается незанятымъ, и набивается чѣмъ попало, а попадаютъ въ него обыкновенно бюрократическія интриги, городскія сплетни, преферансовыя соображенія и воспоминанія въ родѣ похожденій Чичикова. И вотъ изъ этихъ-то элементовъ составляется общественное мнѣніе, и отдѣлиться отъ него не совсѣмъ легко.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ тѣ немногіе, которыхъ жизнь исходитъ въ борьбѣ или въ совершенномъ отчужденіи отъ окружающей среды. Это люди сильные, которыхъ не легко надломитъ даже губернское общество. Но сильныхъ людей, къ сожалѣнію у насъ не много; наша литература до-сихъ-поръ не представила образа сильнаго человѣка, проникнутаго идеями общечеловѣческой цивилизаціи; большею частью изъ нашихъ университетовъ выходили люди, пламенно-любящіе идею, страстно привязанные къ теоріи, но потерявшіе способность руководствоваться простымъ здравымъ смысломъ, чувствовать просто и сильно, дѣйствовать рѣшительно и въ то же время, умѣренно. Они готовились воевать съ крокодилами и драконами, которыхъ не бываетъ въ нашихъ провинціальныхъ болотахъ, и въ то же время забывали отмахиваться отъ мошекъ и комаровъ, которыя носятся надъ ними цѣлыми миріадами. Они выходили противъ мелкихъ гадинъ съ такимъ оружіемъ, которымъ поражаютъ чудовищъ; они со всего размаху убивали дубиною цѣлаго комара и къ ужасу своему замѣчали, что колоссальная трата энергіи и воодушевленія оплачивалась совершенно незамѣтнымъ резуль-

татомъ. Герои обезсиливали, постоянно махая тяжелыми дубинами; мошки лѣзли имъ въ глаза, въ уши, въ носъ и въ ротъ, облѣпляли ихъ со всѣхъ сторонъ, оглушали ихъ своимъ жужжаньемъ, очень больно кусали и кололи ихъ едва замѣтными жалами, и, высасывая изъ нихъ кровь, постепенно охлаждали ихъ боевой жаръ, ихъ добродѣтельную отвагу и великодушный паѳосъ. Жизнь подступала къ нашимъ героямъ такъ незамѣтно; она охватывала ихъ со всѣхъ сторонъ такъ искусно и такими тонкими сѣтями, что не оставалось теоретикамъ никакой возможности нетолько сопротивляться, но даже замѣтить надвигавшуюся опасность. Уступка за уступкой, шагъ за шагомъ, и къ концу концовъ восторженные энтузіасты становились достойными дѣтьми своихъ отцовъ. Одни бывшіе идеалисты или энтузіасты просто превращались въ *толстыхъ*, о которыхъ говоритъ Гоголь, другіе, болѣе прочнаго закала, съ грустью сознавали свою безполезность, и, никуда не пристроившись, слонялись по бѣлому свѣту, неся въ разстроенной груди невылившуюся любовь къ человѣчеству и разбитыя надежды; немногіе, очень немногіе собирали и пересчитывали свои силы послѣ перваго пораженія, и, приведя ихъ въ извѣстность, принимались за мелкія дѣла дѣйствительности, внося въ свои практическія занятія ту любовь къ истинѣ, и къ добру, которую они бывши юношами, громко исповѣдывали въ теоріи.

Да, масса нашего общества не безъ основанія относилась съ недовѣріемъ къ людямъ мысли, принимавшимся за житейскія дѣла. Лаврецкихъ и Штольцовъ не много! О томъ и о другомъ мы знаемъ только, что они что-то работали, но процесса ихъ работы мы не видимъ; Штольцъ отзывается искуственностью постройки; словомъ, все говоритъ намъ, что въ дѣйствительности очень мало положительныхъ дѣятелей, и что попытка представить такихъ дѣятелей въ литературѣ не удалась именно отъ недостатка наличныхъ матеріаловъ.

VI.

До сихъ поръ еще жизнь нашего общества не поддавалась такому вліянію, которое могло бы шевельнуть стоячую воду, и спустить внизъ по теченію тину, накопившуюся впродолженіи цѣлыхъ столѣтій. Почти никто на занятъ полезнымъ и разумнымъ дѣломъ, почти никто не знаетъ, гдѣ отыскать себѣ такое дѣло, почти никто не сознаетъ въ

себѣ потребности чѣмъ нибудь заняться, и между тѣмъ почти всѣ чѣмъ-то недовольны и отчего-то скучаютъ. Праздность и скука ведутъ за собою много послѣдствій. Безпрерывная умственная праздность нѣсколькихъ поколѣній сохраняетъ для позднѣйшихъ внуковъ тѣ формы быта, тѣ воззрѣнія на отношенія между людьми, отъ которыхъ даже дѣдамъ и прадѣдамъ солоно было жить на свѣтѣ. Патріархальность понятій еще живетъ въ нашемъ обществѣ, несмотря на заграничныя моды, которыя съ замѣчательною быстротою приносятся изъ Парижа въ разныя захолустья православной Руси. Господа въ англійскихъ визиткахъ и барыни въ кринолинахъ подъ—часъ разыгрываютъ такія семейныя и вообще домашнія сцены, на которыя съ удовольствіемъ могли бы посмотрѣть бородатые бояре до-Петровской эпохи. Отражается ли въ этихъ сценахъ народность—это я предоставлю рѣшить знатокамъ и любителямъ; знаю только, что отъ этихъ сценъ больно достается пассивнымъ и подчиненнымъ личностямъ; можетъ быть, эти сцены дѣлаютъ честь исторической памяти русскаго народа, но въ нихъ страдаетъ человѣкъ, въ нихъ топчутъ въ грязь человѣческое достоинство, и потому—Богъ съ нимъ! съ этимъ призракомъ прошедшаго, откуда бы мы его ни почерпнули. Далѣе, праздность нашего общества ведетъ за собою существованіе искуственныхъ интересовъ; надо жъ чѣмъ нибудь заниматься,—и вотъ придумываются какія нибудь цѣли; настоящей жизни нѣтъ, является подставная жизнь, которая никому не приноситъ ни пользы, ни наслажденія, но отъ которой не отрѣшается почти никто. Трехмѣсячные доходы ухлопываются, напримѣръ, на званый обѣдъ или балъ, на которомъ, можетъ быть, не будетъ ни одного человѣка, дѣйствительно дорогаго и близкаго для хозяевъ. Балъ дается съ особеннымъ великолѣпіемъ изъ тщеславія, чтобы заставить говорить въ городѣ; многіе изъ гостей, бывшихъ на балѣ, говорятъ, пріѣхавши домой, что надо и имъ устроить что нибудь подобное, и говорятъ это иногда съ сокрушеннымъ сердцемъ, потому что денегъ мало, а между тѣмъ изъ кожи лѣзутъ—и устраиваютъ. Вотъ вамъ и наполнена жизнь, вотъ и борьба интерссовъ, вотъ и драма, переходящая то въ комическій, то въ трагическій тонъ. Иной почтенный отецъ семейства чуть не за пистолеты хватается, увѣряетъ своихъ домашнихъ, что жить нечѣмъ; глядя на него, подумаешь, что всему семейству придется завтрашній день безъ обѣда сидѣть, а на повѣрку окажется, что все отчаяніе происходитъ оттого, что ему нельзя дать больше одного бала въ нынѣшнемъ сезонѣ. Это

комедія! Но между тѣмъ, вмѣсто одного бала дается два или три; дѣла запутываются, имѣнія закладываются и просрочиваются; долги растутъ, кредитъ падаетъ; являются серьезныя финансовыя разстройства; начинается мѣщанская трагедія. Придуманныя прихоти считаются въ искуственномъ мірѣ нашей общественной жизни необходимыми потребностями; имъ жертвуютъ часто дѣйствительными удобствами жизни. Сколько семействъ средняго круга отказываются отъ сытнаго обѣда для того, чтобы обить комнаты новыми обоями, чтобы купить старшей дочери шелковое платье, или чтобы въ нанятой каретѣ поѣхать куда нибудь на вечеръ! Еслибы еще подобныя распоряженія дѣлались съ общаго согласія, ихъ можно было бы извинить; но вѣдь дѣлами семейства завѣдуютъ только папенька съ маменькой, остальные члены,—лица безъ рѣчей, неимѣющія даже совѣщательнаго голоса,—терпятъ лишенія для того, чтобы покрыть расходы такихъ удовольствій, въ которыхъ они не принимаютъ участія.

Согласитесь, что это возмутительно! А развѣ не возмутительны тѣ мелкія интриги, которыя всѣ клонятся къ тому, чтобы можно было занять и удержать за собою извѣстное мѣсто, извѣстную роль въ обществѣ? Не уважая почти никого въ отдѣльности, члены общества уважаютъ всѣхъ вмѣстѣ; для нихъ ничего не значитъ огорчить или оскорбить сосѣда, и пріобрѣсти въ немъ личнаго врага; но возбудить объ себѣ толки, навлечь на себя вниманіе всего общества какою нибудь эксцентричностью, или потерять ту долю общественнаго вниманія, которою они пользовались за роскошный образъ жизни—это для нихъ невыносимо тяжело. Чтобы удерживать балансъ въ общественномъ мнѣніи—надо прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, надо тратиться и разоряться, надо занимать деньги, не теряя кредита, надо принимать у себя важныхъ лицъ, надо внушать своимъ дѣтямъ такія идеи, которыя не могли бы произвести диссонанса, надо направлять сыновей по такой дорогѣ, которую общество считало бы блестящею, надо располагать по своему произволу и благоусмотрѣнію судьбою дочерей и выдавать ихъ замужъ за людей родовитыхъ, чиновныхъ и богатыхъ. Если вы отецъ семейства, то вы отвѣчаете передъ обществомъ не за одного себя; проступокъ вашей жены, вашей дочери, вашего сына, брата или племянника падаетъ на васъ болѣе или менѣе тяжело, смотря потому, насколько близокъ къ вамъ провинившійся. Взыскивая такимъ образомъ со всѣхъ членовъ семейства за вину одного, общественное мнѣніе конечно оправдываетъ или даже

поощряетъ вмѣшательство родственниковъ и родственницъ въ такія дѣла, которыя, собственно говоря, нисколько до нихъ не касаются. Простой здравый смыслъ говоритъ ясно, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ отвѣчать только за себя, да развѣ еще за малолѣтняго своего ребенка, который долженъ быть подъ хорошимъ присмотромъ, чтобы не имѣть возможности повредить какъ нибудь своему здоровью и не нанести сосѣду убытка или непріятности. Наше русское общественное мнѣніе, неимѣющее ничего общаго съ здравымъ смысломъ, судитъ совсѣмъ не такъ: оно предполагаетъ между членами семейства и даже рода такую крѣпкую связь, такую солидарность отношеній, которыя возможны только въ патріархальномъ быту, и о которыхъ наше время, къ счастью, не имѣетъ понятія. Требованія общественнаго мнѣнія въ полномъ объемѣ неисполнимы, но эти требованія даютъ извѣстное направленіе индивидуальнымъ силамъ; при всѣхъ вашихъ стараніяхъ, вы не усмотрите за всею своею роднею, и не будете въ состояніи привести всѣ ихъ дѣйствія къ должной мѣркѣ; но важно уже то, что вы будете стараться, будете вмѣшиваться, и слѣдовательно, сталкиваясь съ сильными характерами, будете надоѣдать имъ, а имѣя дѣло съ людьми слабыми, будете сбивать ихъ съ толку. Сильные характеры я могу оставить въ сторонѣ; они не поддаются общественному мнѣнію, не слушаютъ чужихъ совѣтовъ, и слѣдовательно не страдаютъ отъ уродливыхъ особенностей почвы. Что же касается до людей неглупыхъ, сколько нибудь развитыхъ, но не настолько сильныхъ, чтобы отстоять результаты своего развитія, то легко можно себѣ представить, какъ тяжело ихъ положеніе. Доходящіе до нихъ слухи о городскихъ толкахъ волнуютъ и смущаютъ ихъ; совѣты какого нибудь нелѣпаго родственника или доброжелателя приводятъ ихъ въ недоумѣніе: голосъ собственнаго просвѣщеннаго убѣжденія говоритъ имъ одно, почва требуетъ совершенно другаго, и они повинуются требованіямъ почвы, не успѣвая заглушить въ себѣ невольнаго протеста. Они унижаются и сами сознаютъ свое униженіе; это внутреннее раздвоеніе мучитъ, озлобляетъ ихъ, и возбуждаетъ въ нихъ желаніе срывать зло на окружающемъ; они дѣлаются несправедливыми, и, чувствуя это, еще болѣе окисляются и становятся еще несноснѣе. Эти люди конечно неспособны внушить къ себѣ уваженіе или сочувствіе, но они-то всего болѣе и нуждаются въ исцѣленіи; они дѣйствительно очень больны; къ—тому же ихъ очень много, и объ нихъ стоитъ подумать. Перемѣнить окружающую ихъ атмосферу

невозможно; для этого нужно было бы перевоспитать все общество; стало быть, надо сдѣлать ихъ по возможности нечувствительными къ міазмамъ этой атмосферы; надо настолько возвысить ихъ надъ уровнемъ окружающаго общества, чтобы они могли смотрѣть à vol d'oiseau на его гнѣвъ, негодованіе и волненіе; чтобы жить въ провинціальномъ обществѣ, не окисляясь и не опошливаясь, надо умѣть презирать людей безъ злобы, презирать ихъ холодно, сознательно, отказываясь отъ всякой попытки возвысить ихъ для себя и понимая совершенную невозможность сойдтись съ ними на какомъ нибудь воззрѣніи. Когда дѣти играютъ въ куклы, было бы смѣшно подойдти къ нимъ и начать имъ доказывать, что они тратятъ попусту драгоцѣнное время,—отнеситесь къ обществу взрослыхъ, какъ къ группѣ играющихъ дѣтей,—и кроткая улыбка смѣнитъ собою тяжелое негодованіе, накопившееся въ вашей груди. Пустые люди! подумаете вы. Да что же изъ этого? Вѣдь не насильно же наполнять ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Есть только одна сторона жизни, съ которою никакъ нельзя помириться; къ счастью, эта сторона скрыта внутри домовъ и не напрашивается на глаза постороннимъ зрителямъ. Бывая въ обществѣ, вы увидите только пустоту его жизни, мелочность и ложность его интересовъ; это еще не большая бѣда, каждый живетъ для себя и потому воленъ, лично для себя, забавляться чѣмъ вздумается и работать надъ чѣмъ угодно, но только *лично для себя*. Приневоливать къ чему бы то ни было членовъ своего семейства, располагать ихъ судьбою по своему близорукому благоусмотрѣнію, опредѣлять карьеру сыновей и выдавать замужъ дочерей — о! это такія права, противъ которыхъ глубоко возмущается человѣческая природа; замѣтьте притомъ, что человѣкъ тѣмъ болѣе расположенъ пользоваться этими возмутительными правами, чѣмъ менѣе онъ способенъ употребить ихъ на благо подчиненныхъ личностей. Необразованный, безнравственный, пьющій губернскій чиновникъ обыкновенно является деспотомъ въ семействѣ, крутитъ и ломитъ всякую оппозицію, не слушаетъ ни резоновъ, ни просьбъ,—съ пьяныхъ глазъ опредѣляетъ сыновей на службу, отправляетъ дочерей подъ вѣнецъ,—и при всемъ этомъ опирается на свои природныя и законныя права, ссылается на свою родительскую любовь и заботливость. Съ этою стороною жизни невозможно помириться; къ ней нельзя даже отнестись съ равнодушнымъ презрѣніемъ; здѣсь страдаютъ и гибнутъ люди, и притомъ люди молодые, неуспѣвшіе испортиться. Но

сцены притѣсненія, драмы семейнаго деспотизма разыгрываются внутри семейства; ихъ можно предполагать и отгадывать, но видѣть ихъ можно только самимъ актерамъ, потому что эти сцены происходятъ безъ постороннихъ зрителей, тогда, когда ни что не требуетъ приличныхъ декорацій и благообразной костюмировки. Прекратить эти халатныя сцены, развертывающія свое полное безобразіе въ спальняхъ, дѣтскихъ, кухняхъ и другихъ жилыхъ комнатахъ, недоступныхъ для гостей, — не можетъ ни законодательство, ни общественное мнѣніе. Пока жена будетъ зависѣть отъ мужа въ отношеніи къ своему пропитанію, пока мужъ будетъ такъ грубъ, что будетъ находить удовольствіе въ притѣсненіи слабаго и зависимаго существа, пока родители и дѣти не будутъ имѣть яснаго понятія о своихъ человѣчески-разумныхъ правахъ, — до тѣхъ поръ можно будетъ обходить букву самаго мягкаго и справедливаго закона, до тѣхъ поръ можно будетъ обманывать контроль самаго чуткаго и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Но на наше общественное мнѣніе полагаться нельзя; оно составлено изъ голосовъ тѣхъ самыхъ семьянъ, которые тяготѣютъ надъ своими домочадцами; оно проникнуто духомъ Домостроя и только облагообразило до нѣкоторой степени внѣшніе пріемы, рекомендуемые попомъ Сильвестромъ. Оно признаетъ за родителями право распоряжаться судьбою дѣтей, и, обязывая послѣднихъ къ пассивному повиновенію, вознаграждаетъ ихъ за потерю свободы правомъ угнетать современемъ другихъ. Наше общественное мнѣніе можетъ быть возмущено только скандаломъ; оно прощаетъ несправедливость и систематическую жестокость, лишь бы не было крика, ляска пощечинъ, кровавыхъ синяковъ и истерическихъ припадковъ; впрочемъ, это общественное мнѣніе умѣетъ быть глухо и слѣпо, умѣетъ смотрѣть сквозь пальцы, и часто оказывается до-того пропитаннымъ духомъ патріархальности, что принимаетъ сторону притѣснителя; часто оно обвиняетъ жертву деспотизма въ томъ, что она не умѣла избѣжать срама и покориться молча. Не даромъ говоритъ пословица: «изъ избы сору не выноси;» кажется, всѣ члены чисто русскаго семейства только и заботятся о томъ, чтобы хранить свой соръ чуть не подъ образами, и низачто не рѣшаются съ нимъ разстаться и вышвырнуть его на улицу. Тайна, въ которую ложный стыдъ облекаетъ разныя семейныя непріятности, искуственный мракъ, который стараются поддержать въ семейномъ святилищѣ, мракъ, непроницаемый ни для какой гласности, конечно содѣйствуютъ сохраненію въ семей-

ныхъ нравахъ и отношеніяхъ той дикости, которая уже выводится въ отношеніяхъ общественныхъ и междусословныхъ. Реформировать семейство можетъ только гуманизація отдѣльныхъ лицъ и возвышеніе личнаго самосознанія и самоуваженія. Человѣкъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ, начиная съ той минуты, когда ребенокъ почувствовалъ свое *я* и отдѣлилъ себя отъ окружающаго міра. Все воспитаніе должно измѣниться подъ вліяніемъ этой идеи; когда она глубоко проникнетъ въ сознаніе каждаго взрослаго недѣлимаго, всякое принужденіе, всякое насилованіе воли ребенка, всякая ломка его характера сдѣлаются невозможными. Мы поймемъ тогда, что формировать характеръ ребенка—нелѣпая претензія; мы поймемъ, что дѣло воспитателя—заботиться о матеріальной безопасности ребенка и доставлять его мысли матеріалы для переработки; кто старается сдѣлать больше, тотъ посягаетъ на чужую свободу и воздвигаетъ на чужой землѣ зданіе, которое хозяинъ непремѣнно разрушитъ, какъ только вступитъ во владѣніе. Когда мы поймемъ все это?—не знаю; все это можетъ быть утопіи, надъ которыми засмѣются практики въ дѣлѣ педагогики и семейной жизни. Смѣйтесь, гг. практики, смѣйтесь! Но не удивляйтесь тому, что возникаютъ утопіи; когда рутина довела до того, что приходится барахтаться и захлебываться въ грязи, тогда поневолѣ отвернешься отъ дѣйствительныхъ фактовъ, проклянешь прошедшее, и обратишься за рѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ не къ опыту, не къ исторіи, а къ творчеству здраваго смысла и къ непосредственному чувству.

VII.

Грозная филиппика моя противъ нашего общества вообще и провинціальнаго въ особенности выставила такимъ образомъ на видъ два главныя свойства: 1) пустоту жизни, порождающую искуственность и ложность интересовъ, и 2) патріархальную рутинность понятій и отношеній, ведущую за собою семейный деспотизмъ. Эти два свойства имѣютъ конечно значительное вліяніе на формированіе тѣхъ нравственныхъ воззрѣній и правилъ, которыя признаетъ и отстаиваетъ общественное мнѣніе. Эти нравственныя воззрѣнія не разъ назывались въ нашей критикѣ условною или мѣщанскою нравственностію. Оба названія довольно мѣтки. Дѣйствительно, принято, условлено не поз-

волять себѣ того или другаго поступка, хотя бы въ этомъ поступкѣ самая тщательная критика не открыла бы ничего предосудительнаго или неизящнаго; принято, условлено, и всѣ такъ и дѣлаютъ; кто не повинуется обычаю—навлекаетъ на себя пареканія; осуждая человѣка за нарушеніе обычая, мы не разбираемъ его поступка собственнымъ здравымъ смысломъ, а просто подводимъ его подъ букву того кодекса, который успѣли заучить въ различныхъ столкновеніяхъ съ людьми и обстоятельствами. Мы какъ будто условились признать авторитетъ этого незримаго кодекса и слѣд. наша общественная нравственность вполнѣ заслуживаетъ названія условной. *Мѣщанская*—эпитетъ довольно выразительный. Нравственныя понятія, установленныя общественнымъ кодексомъ, узки, мелки, робки, непослѣдовательны, какъ мѣщанскій либерализмъ, эмансипирующій личность *до извѣстныхъ предѣловъ*, какъ мѣщанскій скептицизмъ, допускающій критику ума *въ извѣстныхъ границахъ*. Въ основѣ общественной нравственности лежатъ существенныя черты того ложнаго идеала, которому поклоняется общество, того идеала, который изобразилъ Пушкинъ въ Евгеніи Онѣгинѣ, въ стихахъ:

Блаженъ кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N.N. прекрасный человѣкъ!

Общество не любитъ рѣзкостей и оригинальностей; его возмущаютъ яркіе пороки, проявленія сильной страсти, живыя движенія мысли; новыя идеи кажутся ему также предосудительными, какъ нарушенія чужаго права; эмансипація человѣческой личности смѣшивается въ его глазахъ съ отсутствіемъ всякаго человѣческаго чувства, съ яв—

нымъ посягательствомъ на интересы, на личность и собственность ближняго; протестъ противъ патріархальнаго начала, противъ обязательности родственныхъ отношеній вызываетъ такую же бурю негодованія, какую могло бы вызвать какое нибудь грубое насиліе. Горячее слово за свободу и полноправность женщины можетъ упрочить за вами въ обществѣ репутацію развратнаго и опаснаго человѣка, умышленно подрывающаго лучшія чувства человѣческой жизни. Общій уровень умственнаго развитія стоитъ въ нашемъ обществѣ такъ низко, что ни одна идея не доступна ему въ полномъ своемъ объемѣ, въ полномъ величіи и достоинствѣ своего значенія. Общество наше знаетъ какое нибудь одно узенькое, жалкое приложеніе этой идеи; опошлившись въ этомъ приложеніи, и не будучи доступна обществу въ чистомъ своемъ понятіи, идея, великая, широкая и прекрасная встрѣчаетъ себѣ въ обществѣ тупое недовѣріе и наглую насмѣшку. Представьте себѣ, что васъ обманулъ купецъ, торгующій рожью. Что, еслибы вы на этомъ основаніи стали считать мошенниками всѣхъ купцовъ, занимающихся этою отраслью торговли? Вѣдь всякій здравомыслящій человѣкъ имѣлъ бы право обвинить васъ въ безсмысленномъ и несправедливомъ недовѣріи; между тѣмъ, всѣ приговоры, которыми наше общество поражаетъ незнакомыя ему идеи, основаны на подобномъ процессѣ мысли. Судить о цѣлой идеѣ по тому мизерному ея извращенію, которое находится передъ вашими глазами, также нелѣпо и несправедливо, какъ судить о цѣломъ сословіи по худшему его представителю.— Личная свобода, напримѣръ, даетъ лѣнивцу возможность пролежать нѣсколько дней на печи, а пьяницѣ возможность спустить въ кабакѣ послѣдніе сапоги. Еслибы лѣнивецъ былъ Негромъ-невольникомъ, то его принудили бы встать и выдти на работу; еслибы пьяница сидѣлъ гдѣ нибудь подъ присмотромъ, то на немъ уцѣлѣло бы необходимое платье. Ну, чтожъ! Не угодно ли изъ этого вывести заключеніе, что рабство гораздо лучше личной свободы? Такого рода попытка не имѣла бы даже прелести новизны и оригинальности. Такъ разсуждали многіе помѣщики и помѣщицы. Любовь часто ведетъ за собою многія глупости, или, вѣрнѣе, многія глупости прикрываются фирмою любви; во имя любви заключаются экспромтомъ браки, въ которыхъ не соблюдаются ни соразмѣрность лѣтъ, ни соотвѣтствіе характеровъ и наклонностей, ни экономическія требованія простаго практическаго здраваго смысла; старикъ женится на молоденькой институткѣ, неимѣющей понятія о жизни; человѣкъ умный и серьез-

ный—на пустой и вѣтряной дѣвочкѣ, человѣкъ бѣдный и неспособный трудиться—на дѣвушкѣ бѣдной и также неспособной трудиться: начинаются семейныя огорченія, начинается нужда, во всемъ оказывается виноватою любовь,—и нѣжные матери предостерегаютъ сыновей и дочерей, указывая на роковые примѣры и приговаривая со вздохомъ: «А ужъ какъ влюблены-то были!» Поневолѣ, умному и развитому, молодому существу, слушая такія рѣчи, приходится отвѣчать: «я не влюбленъ; я люблю». Это не діалектическая тонкость, это—необходимое разграниченіе. Общество наше понимаетъ только влюбленность, какую то febris erotica, въ которой человѣкъ бѣснуется и дѣлаетъ такія же пошлости, какія предпринималъ добрый рыцарь Донъ-Кихотъ въ горахъ Сіерры-Морены. Надо же заявить этому обществу, что я дескать въ своемъ умѣ и потому въ опекѣ не нуждаюсь, что я способенъ руководствоваться здравымъ смысломъ и между тѣмъ все-таки нахожу величайшее наслажденіе въ сближеніи съ такою-то женщиною, а не въ томъ, чтобы пріобрѣтать много денегъ, и не въ томъ, чтобы быть самымъ блестящимъ кавалеромъ на балѣ или самымъ исполнительнымъ столоначальникомъ въ департаментѣ. Видя дурачества своихъ влюбленныхъ, общество отожествляетъ любовь съ дурачествомъ, и сердится на то, чего оно не знаетъ. Многія женщины нашего общества удерживаются отъ того, что называется паденіемъ,—страхомъ отцовъ или мужьевъ, страхомъ стыда и осужденія; онѣ сами сознаютъ это, и это же самое понимаютъ и мужчины, заботящіеся о поддержаніи ихъ нравственной чистоты; узкость и мелкость ихъ воззрѣній мѣшаетъ этимъ господамъ и барынямъ видѣть въ женщинѣ что-нибудь, кромѣ матеріальныхъ половыхъ влеченій и нравственныхъ обязанностей жены и матери.

Между тѣмъ до этихъ господъ, которые, при всей своей неразвитости, суются толковать о назначеніи женщины, подкладывая подъ это слово, какъ и подъ многія другія, свой доморощенный смыслъ,—доходятъ изумительные для нихъ слухи. Они узнаютъ, что въ Европѣ и въ Америкѣ передовые люди толкуютъ о томъ, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, что она вовсе не обязана только о томъ и думать, чтобы готовить мужу обѣдъ, рожать ему дѣтей и кормить ихъ сначала грудью, а потомъ манной кашкой, что она можетъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, не спрашивая позволенія ни у отца, ни у мужа. Задумываются наши господа; имъ говорятъ о правахъ женщины, и они сейчасъ же понятіе женщины

воплощаютъ въ тѣхъ образахъ, которые суетятся и пищатъ передъ ихъ глазами; они себѣ представляютъ, что случилось бы, если бы ихъ жены и дочери были отпущены на волю, т. е. эмансипированы,—и съ ужасомъ зажмуриваютъ глаза и начинаютъ отмахиваться отъ эмансипаціонныхъ идей, потому что ихъ воображенію представляются неблаголѣпныя картины. Они думаютъ, что женская нравственность и цѣломудріе, супружеская вѣрность и материнская заботливость поддерживаются только стараніями отцовъ и мужей, да гнетомъ общественнаго мнѣнія, и вдругъ имъ предлагаютъ отказаться отъ своего господства надъ женщинами и устранить гнетъ общественнаго мнѣнія. Да какъ же такъ? спрашиваютъ они; да гдѣ же тогда граница, гдѣ будетъ плотина, которая до сихъ поръ сдерживала безнравственныя наклонности? гдѣ возможность, гдѣ обезпеченіе семейнаго счастія?—Словомъ, они видятъ, что можно употребить во зло идею, и уже кромѣ злоупотребленія въ этой идеѣ ничего не видятъ. Дѣйствительно, въ такой странѣ, гдѣ женщина признается полноправною личностью, ей легче завести себѣ любовника, чѣмъ у насъ, точно такъ же какъ у насъ это легче сдѣлать, чѣмъ въ Турціи или въ Персіи; въ этомъ не ошибаются противники эмансипаціи. Но захочетъ ли эмансипированная женщина удариться въ развратъ изъ любви къ разврату—объ этомъ они не спрашиваютъ. Дурно ли дѣлаетъ женщина, если, дѣйствительно, любя мужчину, она отдается ему,—до этого вопроса они не умѣютъ возвыситься

Еслибы къ Киргизамъ проникла какая нибудь европейская идея, то конечно она произвела бы такой диссонансъ, такой сумбуръ, котораго бы не было, еслибы она оставалась неизвѣстною. Безпорядокъ продолжался бы до тѣхъ поръ, пока эта идея не была бы задушена, или пока бы она рѣшительно не восторжествовала и не переработала весь строй народныхъ понятій. Къ числу такихъ рѣзкихъ диссонансовъ безспорно принадлежитъ разладъ между нашими средневѣковыми понятіями о семействѣ и совершенно новыми по своей ширинѣ идеями о полноправности женщины. Многіе ли изъ нашихъ образованныхъ умниковъ достаточно приготовлены, чтобы только понять обширность и величіе этой идеи? Чтобы всецѣло провести ее въ собственной жизни, надо располагать такими силами, которыя достаются на долю немногимъ единицамъ. А между тѣмъ, посмотрите и послушайте. Полу-кретины, неумѣющіе ни мыслить, ни уважать мысли другаго — судятъ и рядятъ, оплевываютъ и закидываютъ грязью то, что

для нихъ пустой звукъ, а для людей съ умомъ и съ душою сознательное и дорогое убѣжденіе. Личная свобода, любовь, полноправность женщины понимаются нашимъ обществомъ только въ опошленномъ, одностороннемъ и извращенномъ видѣ. Точно такъ же понимается имъ идея эгоизма, неразрывно связанная съ идеею свободы личности и составляющая необходимое основаніе всякой истинной любви. Эгоистъ, по понятію нашего общества, тотъ человѣкъ, который никого не любитъ, живетъ только для того, чтобы набивать себѣ карманъ или желудокъ и наслаждается только чувственными удовольствіями или удовлетвореніемъ своей алчности или честолюбію. Тутъ прямо пододвинули подъ слово такое понятіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ его подлиннымъ значеніемъ. Почему же эгоистъ долженъ быть недоступенъ эстетическому наслажденію? Почему онъ не можетъ любить? Почему онъ не можетъ находить наслажденія въ томъ, чтобы дѣлать добро другимъ? Эгоизмъ, т. е. любовь къ собственной личности ставитъ цѣлью жизни наслажденіе, но не ограничиваетъ выбора наслажденія тѣмъ или другимъ кругомъ предметовъ. Я наслаждаюсь тѣмъ, что мнѣ пріятно, а что пріятно—это уже подсказываютъ каждому его наклонности, его личный вкусъ. Стало быть внутри понятія *эгоистъ* открывается необъятный просторъ личнымъ особенностямъ и стремленіямъ. Эгоистами могутъ быть и хорошіе и дурные люди; эгоистъ—человѣкъ свободный, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно; ему пріятно то, чего ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то, чего ему хочется, или, другими словами, остается самимъ собою во всякую данную минуту, и не насилуетъ себя ни изъ угожденія къ окружающему обществу, ни изъ благоговѣнія передъ призракомъ нравственнаго долга. Что ему пріятно, въ этомъ весь вопросъ и тутъ начинается нескончаемое разнообразіе, и ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права подводить это естественное и живое разнообразіе подъ какую нибудь придуманную имъ или наслѣдованную откуда нибудь норму. Отсутствіе нравственнаго принужденія—вотъ единственный существенный признакъ эгоизма, но этого конечно не понимаетъ наше общество; именемъ эгоиста оно называетъ непремѣнно человѣка сухаго и черстваго, не понимая того, что такой человѣкъ даже и самого себя любитъ слабо и вяло, что онъ даже самому себѣ не умѣетъ доставлять тѣ наслажденія, которыя можно вынести изъ сношеній съ другими людьми. Называть эгоизмомъ бѣдность крови и худосочіе, мѣшающія энергическому восприниманію

впечатлѣній, совершенно нелѣпо; и надо согласиться съ тѣмъ, что только бѣдность крови и худосочіе могутъ сдѣлать человѣка нечувствительнымъ къ наслажденіямъ любви, семейной жизни, и дружбы, недоступнымъ тому волненію, которое возбуждаютъ въ насъ истинно художественныя произведенія, неспособнымъ къ творчеству мысли и къ искреннему воодушевленію. Эгоизмъ—система умственныхъ убѣжденій, ведущая къ полной эмансипаціи личности и усиливающая въ человѣкѣ самоуваженіе; а между тѣмъ этимъ словомъ обозначаютъ совокупность нравственныхъ, а можетъ быть, и чисто физическихъ свойствъ, мѣшающихъ развитію полной человѣчности, и слѣдовательно, непозволяющихъ человѣку сильно любить, сильно желать, и сильно наслаждаться жизнью. Отчего происходитъ эта ошибка въ опредѣленіи понятія? Вѣроятно оттого, что мы обыкновенно очень поверхностно смотримъ на вещи. Мы видимъ, напримѣръ, что человѣкъ никого не любитъ, держитъ жену и дѣтей въ черномъ тѣлѣ, копитъ деньги безъ всякой цѣли, или тратитъ ихъ на грязныя удовольствія, въ которыхъ онъ одинъ принимаетъ участіе; изъ этого мы заключаемъ, что этотъ человѣкъ любитъ только самого себя и что слѣдовательно онъ эгоистъ; онъ никого кромѣ самого себя не любитъ, это вѣрно; но слѣдуетъ ли изъ этого заключенія, что онъ самого себя любитъ сильнѣе, чѣмъ тотъ человѣкъ, который находитъ наслажденіе въ томъ, чтобы доставлять другимъ удовольствія и счастье? Эти два человѣка расходятся между собою только во вкусахъ; оба идутъ къ одной цѣли—къ наслажденію; первый пускаетъ въ ходъ тѣ жалкія средства, которыя отыскиваетъ его узенькій умъ и до которыхъ дощупывается его бѣдная, хилая природа; второй живетъ всѣми фибрами своего организма; дышетъ полною грудью, смотритъ на міръ весело, любовно, радуется свѣжей жизни окружающей природы и довольству, разлитому на лицахъ близкихъ и дорогихъ ему людей; одинъ вѣчно безстрастенъ, вялъ, почти болѣнъ; другой здоровъ, свѣжъ, бодръ и вслѣдствіе этого воспріимчивъ къ радостямъ окружающаго міра; различіе, какъ видите, лежитъ скорѣе въ темпераментѣ, чѣмъ въ системѣ умственныхъ убѣжденій. Повторяю, эгоизмъ, если понимать его какъ слѣдуетъ, есть только полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей, а не искорененіе добрыхъ влеченій и благородныхъ порывовъ. Пусть только никто не требуетъ подвиговъ, пусть никто не навязываетъ влеченій и порывовъ, пусть общество уважаетъ личность настолько, чтобы не осуж-

дать ее за отсутствіе влеченій и порывовъ, и пусть самъ человѣкъ не старается искуственно прививать къ себѣ и воспитывать въ себѣ эти влеченія и порывы—вотъ все, чего можно желать отъ послѣдовательнаго проведенія и сознательнаго восприятія идеи эгоизма. Гнетъ общества надъ личностью такъ же вреденъ, какъ гнетъ личности надъ обществомъ; еслибы всякій умѣлъ быть свободенъ, не стѣсняя свободы своихъ сосѣдей и членовъ своего семейства, тогда конечно были бы устранены причины многихъ несчастій и страданій. Другими словами, еслибы всякій былъ эгоистомъ по-своему, не мѣшая другимъ быть эгоистами по-своему, тогда не было бы въ среднемъ кругу ни ссоръ, ни сплетень, ни скандаловъ. *Въ среднемъ кругу*, говорю я, потому что для низшихъ слоевъ общества есть такое зло, которое до-сихъ-поръ не могли устранить, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, лучшіе мыслители Европы. Это зло—пролетаріатъ со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отыскание средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени.

Большая часть идей, находящихся въ обращеніи между передовыми людьми нашего вѣка, превратно понимается массою нашего общества, и вслѣдствіе этого не находитъ себѣ довѣрія. Ничтожный и дешевый скептицизмъ, съ которымъ встрѣчаются у насъ самыя честныя воззрѣнія, самыя теплыя выраженія человѣческаго чувства, самыя благородныя и широкія стремленія мысли, доказываетъ, что наше общество вообще равнодушно къ истинѣ и красотѣ, или что оно не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Послѣднее, мнѣ кажется, вѣрнѣе; схвативъ вершки образованія, слыша слова, знакомыя по французскимъ учебникамъ и романамъ, наша публика всякую идею понимаетъ посвоему, т. е. вкривь и вкось, а наши критики, не давая себѣ труда разъяснить сіи самыя элементарныя понятія, проповѣдуютъ въ пустынѣ и не производятъ на своихъ читателей никакого вліянія, потому что эти читатели принимаютъ ихъ за педантовъ, фразеровъ или шарлатановъ. Видя то, какъ общество относится къ идеямъ, составляющимъ славу нашего вѣка, можно уже до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о достоинствѣ его нравственныхъ воззрѣній. Покорность существующему порядку вещей и отношеній составляетъ одно изъ главныхъ нравственныхъ требованій. Протестъ, какъ бы ни былъ онъ законенъ и неизбѣженъ, въ какой бы формѣ онъ ни выразился, всегда осуждается, какъ преступленіе. Семейная іерархія во всей своей

строгости поддерживается общественнымъ мнѣніемъ; это общественное мнѣніе караетъ какъ тѣхъ, кто снизу возмущается противъ этой іерархіи, такъ и тѣхъ, кто сверху ослабляетъ оковы семейнаго деспотизма. Первыхъ оно называетъ непочтительными дѣтьми, вторыхъ—слабыми родителями. Отношенія между молодыми людьми разныхъ половъ находятся подъ самымъ дѣятельнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія. Въ правильности этихъ отношеній и заключается весь мистическій смыслъ условной нравственности. Всякое проявленіе чувства между молодыми людьми, несвязанными узами брака, и даже непомолвленными, считается наглымъ оскорбленіемъ общественной нравственности. Честная дѣвушка должна больше всѣхъ любить папеньку съ маменькой, а потомъ, когда ее выдадутъ замужъ, она должна всю сумму своей любви перенести на мужа, а потомъ, когда у нея родятся дѣти, на дѣтей. Жить такимъ образомъ значитъ исполнять свой долгъ. Если дѣвушка замѣчаетъ въ своихъ родителяхъ недостатки, она должна убѣждать себя въ томъ, что это ей только такъ показалось, или же, что эти свойства не недостатки, а хорошія качества; если она страдаетъ отъ этихъ недостатковъ, она должна принять эти страданія съ покорностью и считать ихъ крестомъ, возложеннымъ на нее Богомъ; стараться объ устраненіи этихъ страданій—грѣшно. Если родители—люди дурные, то дочь должна считать ихъ хорошими людьми, и любить ихъ, какъ таковыхъ; впрочемъ брать съ нихъ примѣръ общественное мнѣніе не велитъ. Если дѣвушкѣ случится полюбить молодаго человѣка, она немедленно должна во всемъ признаться своимъ родителямъ, или, по крайней-мѣрѣ, маменькѣ, хотя бы она со стороны послѣдней не могла ожидать себѣ сочувствія, хотя бы даже ей пришлось за это выслушать упреки и испытать препятствія; если маменька посовѣтуетъ ей прервать сношенія съ любимымъ человѣкомъ, или, говоря языкомъ патріархальнаго быта, велитъ выкинуть дурь изъ головы, она должна немедленно повиноваться; если родители приищутъ ей жениха, способнаго составить ея счастье, человѣка солиднаго, т. е. прилично-пожилаго, одареннаго состояніемъ, чинами и знаками отличія, она должна съ благодарностью принять отъ нихъ это доказательство ихъ заботливости; въ подобномъ случаѣ общественное мнѣніе поощряетъ только со стороны невѣсты обильныя слезы, долженствующія служить доказательствомъ неизмѣнной привязанности къ родительскому дому; впрочемъ эта привязанность, очень похвальная, если она проявляется до свадьбы, можетъ показаться странною и даже предосудительною, если

*

она слишкомъ сильно будетъ выражаться послѣ замужства. Молодые должны быть, или казаться, счастливыми; молодая женщина должна быть довольна своею участью, хотя бы ея супругу было подъ семьдесятъ лѣтъ и хотя бы ей приходилось быть сидѣлкою, а не женою; если она покажется недовольною, и, если, Боже упаси! въ числѣ знакомыхъ ея мужа отыщется какой-нибудь юноша, котораго нельзя будетъ назвать уродомъ,—общественное мнѣніе отмѣтитъ ее и возьметъ ее подъ присмотръ; при малѣйшемъ предлогѣ молодая женщина будетъ обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности и репутація ея будетъ замарана; объ ней никто не пожалѣетъ, никто не вмѣнитъ ей въ заслугу многолѣтняго повиновенія родителямъ; все прежнее образцовое поведеніе будетъ вмѣнено ей въ вину. «Какова! скажутъ всѣ. А еще какою смиренницею прикидывалась! Ужъ подлинно, въ тихомъ омутѣ».... Я нарочно выбралъ женщину для того, чтобы по ея личности прослѣдить требованія общественной нравственности.

По физическимъ силамъ, по суммѣ умственныхъ силъ, вырабатывающихся въ ней воспитаніемъ, по положенію и правамъ своимъ въ обществѣ, женщина является намъ существомъ слабымъ, подчиненнымъ, подавленнымъ. И общественное мнѣніе только къ тому и стремится, чтобы представить эту слабость нормальнымъ положеніемъ, чтобы упрочить гнетъ, чтобы еще больше подавить и безъ-того подавленную личность. Vae victis!—вотъ варварскій девизъ этого общественнаго мнѣнія. Нѣтъ въ немъ ни человѣколюбія, ни справедливости. Поклоненіе силѣ, къ чему бы она ни примѣнялась, узаконеніе существующаго порядка вещей, какъ бы ни былъ онъ безобразенъ, осужденіе слабаго, какъ бы ни были справедливы его притязанія, перевѣсъ авторитета надъ здравымъ смысломъ,—словомъ, необузданный консерватизмъ патріархальнаго быта,—вотъ чѣмъ отличается наше общественное мнѣніе. Оно знаетъ и поощряетъ только два рода добродѣтелей: со стороны старшихъ и начальниковъ строгость, твердость, настойчивость, недопускающія разсужденія, несмягчаемыя уваженіемъ къ подчиненному, непризнающія въ немъ самобытной личности; со стороны младшихъ и подчиненныхъ пассивное, безсмысленное, чисто внѣшнее повиновеніе, несовмѣстное съ умственною самостоятельностью и обидное для человѣческаго достоинства. Это общественное мнѣніе формируетъ только рабовъ и деспотовъ; свободныхъ людей нѣтъ; кто не чувствуетъ надъ собою гнета, тотъ гнететъ самъ и вымещаетъ на своихъ подчиненныхъ то, что ему приходилось терпѣть въ молодые годы. Что

нарушитъ эти преемственныя преданія школы, семейства и общественнаго быта? когда произойдетъ это нарушеніе?—на все это отвѣтитъ будущее. Но такъ жить, какъ жило и до сихъ поръ живетъ большинство нашего общества, можно только тогда, когда не знаешь о возможности лучшаго порядка вещей и когда не понимаешь своего страданія.

VIII.

Все, что я говорилъ о нашемъ провинціальномъ обществѣ, искуственность занимающихъ его интересовъ, грубость семейныхъ отношеній, неестественность нравственныхъ воззрѣній, подавленіе личной самостоятельности гнетомъ общественнаго мнѣнія, все это выразилось въ повѣсти «Тюфякъ». Мое дѣло будетъ обратить вниманіе читателя на тѣ факты, которые всего болѣе даютъ матеріаловъ для размышленія. Въ «Тюфякѣ» есть двѣ женщины: одну изъ нихъ мы знаемъ—это жена Бешметева; ее всѣ осуждаютъ, съ нею никто не знакомится; знакомыя съ нею дамы прерываютъ съ нею сношенія; все это дѣлается за то, что ее подозрѣваютъ въ интригѣ съ Бахтіаровымъ. Вотъ вамъ образчикъ общественной логики: выдти замужъ за человѣка, котораго не любишь—не бѣда; отдаться любимому человѣку—стыдно и грѣшно. Другая женщина—сестра Бешметева; ея мужъ—лгунъ, мотъ, игрокъ, человѣкъ пустой и ограниченный; въ немъ нѣтъ сильныхъ страстей и пороковъ, но зато нѣтъ ни одной свѣтлой, человѣческой черты, за которую можно было бы простить ему его гаденькія свойства; съ такимъ джентльменомъ живетъ умная, честная, хоть и неразвитая женщина; въ отношеніи къ нему она хранитъ супружескую вѣрность; она страдаетъ отъ его пошлости; ей просто нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать,—и она дѣйствительно медленно истлѣваетъ, сохнетъ отъ пустоты жизни, отъ недостатка внутренняго содержанія. Общественное мнѣніе не жалѣетъ объ ней и не возмущается ея безполезнымъ самоотверженіемъ; оно говоритъ, что Лизавета Васильевна Масурова — добродѣтельная женщина, исполняющая свои обязанности! Еслибы Лизавета Васильевна любила и уважала своего мужа, тогда въ исполненіи ея обязанностей не было бы ничего оскорбительнаго для ея человѣческаго достоинства, тогда она сама была бы счастлива, и въ ея образѣ дѣйствій не видно было бы подвиговъ самоотверженія. Именно по этой

причинѣ наше общество, воспитанное въ правилахъ принижения личности, не поставило бы ей въ заслугу ея хорошаго поведенія; въ нашемъ обществѣ глубоко коренится взглядъ на добродѣтель, какъ на насилованіе природы. Вы услышите на каждомъ шагу: «что жъ за важность, что такой-то не пьетъ?—Онъ не расположенъ къ вину. Что за важность, что такая-то хорошо живетъ съ мужемъ?—Она его любитъ». Если судить такимъ образомъ, то надо всегда ставить раскаявшагося преступника выше человѣка, неспособнаго сдѣлать преступленіе. Естественное расположеніе къ добру считается въ такомъ случаѣ счастливою принадлежностью человѣческой природы, счастливымъ преимуществомъ, а не результатомъ акта свободной воли. По нравственнымъ понятіямъ нашего общества, свободная воля человѣка должна быть направлена на то, чтобы ломать врожденныя наклонности, искоренять тѣ слабости, которыя всего болѣе свойственны нашему нравственному организму и прививать тѣ добродѣтели, которыя ему всего болѣе антипатичны. Идеализмъ, т. е. выкраиваніе людей на одинъ образецъ и вражда къ матеріи, какъ къ источнику всякаго зла, лежитъ въ основаніи этихъ нравственныхъ воззрѣній, которыя раздѣляютъ съ массою даже лучшіе люди общества. Они восхваляютъ женщину за то, что она исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ нелюбимому мужу;—они не понимаютъ того, что выдти замужъ за нелюбимаго человѣка—возмутительно. Они не понимаютъ того, что женщина, соглашающаяся принадлежать человѣку, котораго она разлюбила, подавляетъ въ себѣ естественный голосъ женской гордости и стыдливости, и профанируетъ актъ любви, сводя его на степень хладнокровно-исполняемаго, условнаго обряда. Здѣсь, какъ и вездѣ, приговоры общественнаго мнѣнія клонятся къ тому, чтобы извратить и изуродовать чувство человѣческаго достоинства, чтобы въ угоду неосязательному принципу раздавить и уничтожить живую личность. Самъ Бешметевъ можетъ служить намъ яркимъ примѣромъ того нравственнаго развращенія, которое въ грязной средѣ выпадаетъ на долю молодой и слабой личности, стоявшей на хорошей дорогѣ, но несъумѣвшей на ней удержаться. Поддержало ли, остановило ли его хоть на минуту общественное мнѣніе? Напротивъ, оно постоянно толкало его къ паденію, и потомъ, когда онъ повалился въ пропасть, оно отреклось отъ своего поступка и рѣзко осудило его за нравственное униженіе. Переходъ отъ ученой карьеры къ бюрократической дѣятельности, нелѣпыя отношенія къ женѣ, посягательства на ея свободу, грубая рев-

ность, притѣсненія и попреки—все это оправдывало общественное мнѣніе, ко всему этому оно подзадоривало довѣрчиваго Тюфяка, и все это привело къ чему же?—Къ внутренней пустотѣ, къ озлобленію противъ жены, къ недовольству собою и людьми, къ желанію забыться, къ пьянству запоемъ, къ грязному паденію нравственныхъ силъ, къ разрушенію здоровья, къ преждевременной смерти. И что же сдѣлали тѣ старшіе родственники, которые, какъ проводники общественнаго мнѣнія, управляли дѣйствіями Бешметева? Увидали-ли они, по крайней мѣрѣ, что слишкомъ хорошо повиноваться ихъ совѣтамъ—нелѣпо? Поняли-ли они свою оплошность? Сознали-ли они свою неспособность руководить дѣйствіями молодыхъ и свѣжихъ личностей?—Нимало! Они отступились отъ своего дѣла и не захотѣли понять того, что несчастія, свалившіяся на Бешметева, составляютъ естественныя слѣдствія ихъ совѣтовъ; они обвинили самого же Бешметева, презрительно пожалѣли о немъ, и потомъ, вѣроятно, забыли о несчастной жертвѣ своей нелѣпости.

И это судьи! Это законодатели общественнаго мнѣнія!

Д. ПИСАРЕВЪ.

Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. С.-Петерб. 1861 года.

Странная судьба нашихъ историческихъ дѣятелей! При жизни они составляютъ себѣ чуть не баснословную карьеру, въ нѣсколько дней выростаютъ выше обыкновеннаго человѣческаго роста, шумно проходятъ свое поприще, но едва закрывается за ними могила, какъ къ нимъ чувствуютъ полное равнодушіе. На ихъ дѣла и намѣренія еще скорѣе ложится забвеніе, чѣмъ на ихъ портреты—пыль и паутина. Первое поколѣніе послѣ ихъ смерти, относится къ нимъ хладнокровно, второе ставитъ ихъ, какъ обветшалые кумиры, на заднiй планъ, а третье едва удерживаетъ въ памяти ихъ имена и нѣсколько анекдотовъ о ихъ жизни. Отчего это? Такое явленіе можетъ быть слѣдствіемъ необыкновенно быстраго развитія народа, когда каждые де-

сять лѣтъ становятся для него новой эпохой, когда онъ, переходя изъ одного положенія въ другое лучшее, оставляетъ за собой прошлыя вѣрованія и воззрѣнія, какъ отжившій матеріалъ, совершившій свое назначеніе и ни къ чему болѣе негодный; для такихъ народовъ преданіе теряетъ обаятельную силу; они спѣшатъ воспользоваться настоящимъ, живутъ его интересами и заботами, мало обращая вниманія на свое прошедшее. Есть и другое обстоятельство, по которому мы дѣлаемся равнодушными къ своей исторіи: чѣмъ бѣднѣе ея внутреннее содержаніе, чѣмъ менѣе отрадныхъ явленій представляетъ она нашему воспоминанію, тѣмъ неохотнѣе мы обращаемся къ ней; за неимѣніемъ жизненнаго значенія, она не дастъ намъ ни великихъ опытовъ, ни великихъ людей; здѣсь нечѣмъ интересоваться, потому что все пусто и мертво. Мы не знаемъ, какая изъ этихъ двухъ причинъ охлаждаетъ для насъ интересъ нашего прошедшаго, но мы никакъ не можемъ похвалиться особенными симпатіями къ его судьбамъ...

Могила Сперанскаго еще свѣжа, а между тѣмъ имя его почти забыто. Съ этимъ именемъ соединяется громадная административная дѣятельность, паденіе и ссылка человѣка, такъ высоко поднятаго въ государственной іерархіи; на этомъ имени отразились событія самой интересной эпохи, игра страстей и партій, характеръ общеевропейскаго движенія, и за всѣмъ тѣмъ Сперанскій стоитъ передъ нами въ полутѣни. Общія и внѣшнія черты его личности обозначаются довольно ясно, но внутренняя физіономія ускользаетъ отъ наблюденія; мы не знаемъ бо́льшей части тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя управляли поступками Сперанскаго; лучшіе и самые драматическіе моменты его жизни остаются темными. Что́, напримѣръ, сблизило его такъ тѣсно съ Александромъ I? Что́ говорилось между ними въ томъ кабинетѣ, изъ котораго Сперанскій вышелъ разстроенный, съ слезами на глазахъ и прямо долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника? Какими подземными путями клевета и завистливое тупоуміе приготовили ему паденіе? Кто и какъ постарался убѣдить общественное мнѣніе, что Сперанскій измѣнникъ и врагъ Россіи? Что заставило его потомъ унижаться передъ грубымъ временщикомъ графомъ Аракчеевымъ и заискивать милости у людей, которыхъ онъ въ душѣ презиралъ? — Всѣ эти вопросы остаются нерѣшенными. Сперанскій самъ по себѣ былъ человѣкъ скрытный и уклончивый, особенно во второй половинѣ его жизни; когда несчастіе надломило этотъ характеръ, а оскорбленное често-

любіе набросило тѣнь на его помыслы и желанія, онъ потерялъ довѣріе къ людямъ и, что хуже всего, пересталъ вѣрить въ самого себя. Онъ двоился въ своихъ мнѣніяхъ, избѣгалъ откровенности даже съ любимой его дочерью; у него были тайны, которыхъ онъ не открылъ никому, и графъ Капо-д'Истріа имѣлъ основаніе замѣтить о Сперанскомъ такъ: «мы толковали и о политикѣ, и о наукахъ, и о литературѣ, и объ искуствахъ, въ особенности же о принципахъ, и ни на чемъ я не могъ его поймать. Онъ — точно древніе оракулы; такъ все въ немъ загадачно, осторожно, односложно; не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной бесѣды, которую мнѣ пришлось кончить все-таки ничѣмъ, т. е. нисколько не разгадавъ эту непроницаемую личность» (Жизнь Сперанскаго т. 1, стр. 37). Ту же черту мы находимъ и въ автобіографіи Сперанскаго; здѣсь онъ говорилъ уже не съ современниками, а съ потомками; здѣсь онъ отдавалъ себя на судъ не враговъ и завистниковъ, а своей собственной совѣсти, и слѣдовательно могъ безопасно передавать впечатлѣнія, думы, надежды, огорченія и радости такъ, какъ они волновали его въ извѣстныя минуты; но Сперанскій и здѣсь осторожно обходитъ болѣе щекотливые пункты и многаго касается только слегка. Конечно, мы не вправѣ требовать отъ него, какъ отъ дѣловаго человѣка, съ утра и до вечера занятаго самыми разносторонними соображеніями, — болтливаго разсказчика, но все же онъ могъ быть болѣе сообщительнымъ и менѣе осторожнымъ. Поэтому, съ голоса самого Сперанскаго, напрасно мы стали бы изучать его: по отрывочнымъ и часто недосказаннымъ замѣткамъ его собственныхъ записокъ намъ приходится только угадывать и предполагать о томъ, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно у себя дома и въ кругу людей, окружавшихъ его. Еще менѣе можно ожидать безпристрастныхъ и прямыхъ показаній отъ его современниковъ. Какъ свидѣтели, болѣе или менѣе близко знавшіе его, они раздѣлялись на двѣ противоположныя категоріи — на друзей, безусловно ему преданныхъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на его талантъ и дѣятельность, или на враговъ, также искренно ненавидѣвшихъ его, какъ любили первые. Само собою разумѣется, что одни превозносили его до небесъ, увлекаясь въ своемъ поклоненіи самыми недостатками Сперанскаго; другіе, напротивъ, желая затоптать его въ грязь, старались обнажить его до костей и представить въ самомъ ложномъ свѣтѣ; они не хотѣли простить ему даже его несчастія... Ни тѣ, ни другіе не могли судить о Сперанскомъ съ тѣмъ хладно-

кровіемъ и яснымъ взглядомъ, которые такъ необходимы для истинной оцѣнки «непроницаемой личности»...

Книга, поставленная въ заглавіи нашей статьи, повидимому, должна была вполнѣ раскрыть и обрисовать Сперанскаго. И на это были у біографа его всѣ средства. Располагая богатыми и только ему одному доступными матеріалами, баронъ Корфъ, какъ онъ самъ говоритъ, болѣе пятнадцати лѣтъ обдумывалъ свой трудъ и приводилъ его въ порядокъ. Нельзя отказать этому труду ни въ добросовѣстномъ изслѣдованіи предмета, ни въ усердіи, съ которымъ авторъ собралъ все, что могло разъяснить нѣкоторыя подробности въ жизни Сперанскаго; въ этомъ отношеніи баронъ Корфъ не щадилъ ни времени, ни труда: онъ обращался за свѣдѣніями къ разнымъ лицамъ, знавшимъ Сперанскаго лично или находившимся въ служебныхъ отношеніяхъ съ нимъ; онъ прислушивался къ разсказамъ и преданіямъ; онъ перечиталъ все, что было написано о Сперанскомъ въ иностранной и въ русской литературѣ. Такъ, напримѣръ, остановившись на дѣтскихъ годахъ бѣднаго поповича, онъ замѣчаетъ: «Собираніе этихъ свѣдѣній, сперва на мѣстѣ его родины, потомъ на тѣхъ разрозненныхъ и отдаленныхъ пунктахъ, гдѣ протекло мрачное четырехлѣтіе его жизни, стоило намъ сравнительно едва ли не болѣе всего трудовъ». (Жизнь Сперанскаго. Т. I. стр. IX). Послѣ изысканій о мѣстѣ рожденія Гомера, едва ли кто нибудь изъ біографовъ такъ ревностно занимался метрическимъ свидѣтельствомъ своего героя. И мы ничего не могли бы сказать противъ такой исторической кропотливости, еслибъ авторъ съ тѣмъ же неутомимымъ вниманіемъ прослѣдилъ и болѣе важные факты. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ. Отношеніе Сперанскаго къ современной ему эпохѣ очерчено мало, такъ мало, что мы положительно не видимъ, въ чемъ состояли политическія убѣжденія государственнаго секретаря и были ли они плодомъ его собственнаго ума или только подражаніемъ чужимъ образцамъ? Авторъ утверждаетъ, что Сперанскій увлекался *наполеоновскими идеями*, но что это были за идеи и къ чему онѣ стремились въ соціальномъ устройствѣ народовъ, мы опять этого не видимъ; въ книгѣ барона Корфа постоянно встрѣчается выраженіе, что Сперанскій мечталъ *обновить* Россію, но въ чемъ же заключалось это обновленіе — трудно объяснить себѣ. Неужели организація государственнаго совѣта и *выборное* начало, предполагаемое Сперанскимъ въ судебномъ сенатѣ, могли назваться обновленіемъ Россіи?... Разбирая орга-

низаціонный проектъ, единственный памятникъ, по которому можно судить о политическихъ убѣжденіяхъ и замыслахъ Сперанскаго, авторъ коснулся только второстепенныхъ частей и ничего не сказалъ о главной его идеѣ. Вмѣсто того, чтобъ рѣшать вопросъ: какое имя носилъ Сперанскій до поступленія въ семинарію—Грамотина или Уткина, былъ ли онъ въ домѣ Куракина учителемъ его сына или просто секретаремъ,—читателю было бы гораздо интереснѣе знать, что такъ сильно измѣнило общее направленіе Сперанскаго послѣ опалы его? Почему этотъ свѣтлый и чрезвычайно дѣятельный умъ впадаетъ въ мистическое настроеніе, близкое къ ханжеству старой бабы! Однимъ словомъ, баронъ Корфъ не бросилъ на свой трудъ критическаго свѣта и многое, что особенно важно для біографа Сперанскаго, предоставилъ произвольнымъ выводамъ и догадкамъ своихъ читателей. Впрочемъ онъ самъ предупреждаетъ насъ, чтобъ мы не требовали отъ его книги *философской* оцѣнки фактовъ и окончательнаго приговора надъ Сперанскимъ. «Ей (исторіи), говоритъ авторъ, а не намъ,—близкимъ современникамъ, слѣдовательно судьямъ не безстрастнымъ,—принадлежать будетъ опредѣленіе истиннаго мѣста, которое долженъ занять Сперанскій въ лѣтописяхъ русской государственной жизни, его вліянія на нашъ общественный организмъ и степени его участія въ развитіи нашихъ политическихъ идей.» (Жизнь Сперанскаго. Т. I, стр. IX). Но въ этихъ словахъ выражается больше авторской скромности, чѣмъ дѣйствительнаго значенія. Если баронъ Корфъ далъ строгую систему изложенію своего сочиненія, назвалъ его жизнію Сперанскаго, критически отнесся къ источникамъ, дополнилъ ихъ собственными соображеніями и анализомъ, если онъ въ концѣ втораго тома представилъ сжатую, но полную характеристику бывшаго воспитанника семинаріи, опочившаго отъ дѣлъ своихъ графомъ, если онъ не оставилъ безъ оцѣнки законодательныя и административныя его работы, то такую книгу мы уже не вправѣ назвать простымъ сборникомъ матеріаловъ, а настоящей біографіей Сперанскаго. Но съ другой стороны, если мы примемъ во вниманіе недостатокъ исторической откровенности и болѣе яркаго взгляда на эпоху и самую личность Сперанскаго, то произведеніе трудолюбиваго барона Корфа, дѣйствительно, остается одной разработкой матеріаловъ, ожидающихъ другаго талантливаго пера и болѣе смѣлаго воззрѣнія..

Сперанскій оставилъ по себѣ память *государственнаго* дѣятеля, котораго баронъ Корфъ опредѣляетъ такъ: «Но уже и теперь, ка-

жется, позволительно, безъ всякаго преувеличенія, утверждать, что по таланту, по массѣ глубокихъ и многостороннихъ знаній, ученыхъ и, что называется, дѣловыхъ, по силѣ воображанія, по всеобъемлющей производительности, наконецъ по духу и цѣли своихъ стремленій, когда они не преклонялись предъ сторонними вліяніями, *едва ли кто либо изъ предшественниковъ у насъ Сперанскаго болѣе его соединялъ въ себѣ кечества истиннаго государственнаго человѣка*». (Т. II, стр. 371). Въ этомъ лестномъ отзывѣ такъ много собрано достоинствъ для отдѣльной личности, что Сперанскій могъ бы стать на ряду съ лучшими государственными людьми нетолько у насъ, но и во всей Европѣ. Въ Англіи, которую считаютъ лучшей школой для образованія государственныхъ умовъ, въ XIX столѣтіи только два человѣка могутъ подходить подъ это опредѣленіе—Каннингъ и Робертъ Пиль, да и то не вполнѣ; первому недоставало всеобъемлющей производительности, а второй не имѣлъ нетолько глубокихъ, но и посредственныхъ ученыхъ знаній. Поэтому намъ необходимо условиться въ болѣе точномъ опредѣленіи государственнаго человѣка и тѣхъ свойствъ, которыя должны отличать его.

Въ кочевомъ состояніи, когда еще нѣтъ никакихъ признаковъ административной системы и положительнаго законодательства, нѣтъ ни министерствъ, ни полиціи, извѣстная куча людей уже подчиняется тому или другому управленію, признаетъ надъ собой силу матеріальнаго вліянія или нравственныхъ условій, но эта куча людей еще не составляетъ государства; у нея нѣтъ ни правильно организованной власти, ни постепенно выработаннаго повиновенія. Слѣдуя естественнымъ инстинктамъ человѣческой природы, она живетъ внѣ всякой зависимости отъ лица или письменнаго постановленія. Впослѣдствіи, когда этотъ союзъ окрѣпнетъ подъ рукой завоевателя или особенной партіи, отдѣлившейся отъ массы, начинаетъ слагаться государственный порядокъ. Подъ какимъ бы политическимъ горизонтомъ онъ ни сложился, общество по отношенію къ правительственному сословію находится въ качествѣ довѣрителя своихъ интересовъ. Религіозныя свои заботы оно поручаетъ духовенству, которое, въ случаѣ злоупотребленія, извѣстнаго намъ въ Испаніи, нетолько молится за народъ, но и старается думать за него; соціальные свои интересы оно передаетъ другой власти, которая опекаетъ націю. Такъ или иначе составляется полная политическая система. Въ ней, какъ и во всякой другой системѣ, дѣйствуютъ два различные элемента — содержаніе и

форма; только при гармоническомъ соединеніи этихъ двухъ элементовъ — чисто-механическаго и жизненнаго, отправленія государственнаго организма бываютъ нормальны и не страдаютъ той болѣзненной односторонностью, которую мы замѣчаемъ, напримѣръ, въ современной Австріи; если же форма развивается на-счетъ содержанія, или принципъ уступаетъ мѣсто внѣшнимъ политическимъ обрядамъ, тогда, обыкновенно, внѣшняя сторона парализируетъ внутреннее развитіе общества; тогда государство можетъ существовать само по себѣ, а народъ самъ по себѣ. Въ такомъ случаѣ, дѣятельность государственнаго человѣка ограничивается простымъ формализмомъ, и мы не знаемъ, чѣмъ можно отличить ее отъ бездѣятельности всякаго рядоваго чиновника. Кромѣ того между политической системой и народной жизнію должна находиться взаимная связь, круговая порука, безъ которой трудно представить себѣ здоровое состояніе общества; если оно не вноситъ своихъ живыхъ силъ въ государственное устройство, тогда это послѣднее походитъ на машину, не имѣющую для своего движенія ни масла, ни огня. Но и этой связи мало; кромѣ своихъ народныхъ потребностей, у политическаго организма есть внѣшнія отношенія, извѣстная солидарность съ другими человѣческими обществами. Предполагать, что та или другая народность, замкнутая въ свои заставы, границы и таможни, можетъ держаться совершеннымъ особнякомъ, независимо отъ другихъ націй, было бы странно. Увлеченные этой теоріей, наши славянофилы въ оправданіе своего ученія еще доселѣ ничего не нашли, кромѣ торжковскихъ сапоговъ и областнаго словаря г. Даля.

Стать на высоту всѣхъ этихъ соображеній есть первая обязанность государственнаго человѣка. Въ немъ должны соединяться всѣ лучшія современныя идеи, стремленія и цѣли; его пониманію должны быть доступны всѣ вопросы, занимающіе его эпоху; въ его головѣ должны укладываться нетолько самые разносторонніе матеріалы знаній, но и послѣдніе результаты ихъ. Однимъ словомъ, какъ кормчему корабля, ему необходимо знать не одну поверхность моря, по которой онъ плыветъ, но и дно его, на которомъ онъ можетъ сѣсть на мель. Въ образованіи государственнаго дѣятеля есть своя особенность: ему нестолько важно быть спеціалистомъ или приверженцемъ той или другой доктрины, сколько человѣкомъ современно развитымъ. Трудно вообразить, чтобъ онъ могъ слѣдить самъ за всѣми мелкими подробностями управляемой имъ жизни, — да это и не его дѣло, — но онъ

долженъ дать всему направленіе и на все положить свой собственный ясный взглядъ. Если онъ не имѣетъ этихъ качествъ, столь неразлучныхъ съ его карьерой, то ему остается сосредоточить весь свой трудъ на одномъ государственномъ формализмѣ, на ловкости придворной интриги или партіи, т. е. обратиться въ свой прототипъ— Талейрана и Меттерниха, которыхъ, при извѣстной обстановкѣ, всегда можно замѣнить кѣмъ угодно. Такимъ образомъ съ призваніемъ государственнаго человѣка неизбѣжно соединяется понятіе преобразователя и вождя. Поставленный у самаго источника міроваго движенія, близко знакомый съ требованіями вѣка и своего народа, онъ не можетъ не раздѣлять этого движенія; онъ лучше другихъ понимаетъ, что жизнь, непораженная застоемъ, ежеминутно вызываетъ измѣненія и улучшенія. Положимъ, что прогрессъ совершается медленно и незамѣтно для глазъ, но онъ совершается постоянно въ каждомъ обществѣ, неокаменѣвшемъ въ своихъ устарѣлыхъ формахъ;— прогрессу содѣйствуетъ умная мать у колыбели своего ребенка, наставникъ—въ аудиторіи, литераторъ за письменнымъ столомъ, морякъ— новыми открытіями, ремесленникъ—своимъ тяжелымъ трудомъ; ему содѣйствуютъ, противъ воли, даже тѣ, кто желалъ бы его остановить. Противиться этому движенію государственный человѣкъ рѣшительно не можетъ.

Но чтобъ быть преобразователемъ, надо имѣть извѣстную руководящую идею или принципъ. Безъ принципа нѣтъ у человѣка цѣли, а безъ цѣли нельзя представить себѣ государственнаго дѣятеля. Лишенный самостоятельнаго взгляда и строго проводимой имъ идеи въ жизнь,—онъ не можетъ имѣть ни энергіи, ни опредѣленнаго характера. Положеніе, конечно, незавидное! Но не завидно положеніе и государственнаго преобразователя: ему приходится воздѣлывать поле въ потѣ и трудѣ, а плодами его воспользуется другое поколѣніе; расчищая дорогу своимъ планамъ и идеямъ, онъ долженъ бороться съ тьмой предразсудковъ, упорнаго самолюбія, невѣжества и вражды; при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, его ожидаетъ и тайная и явная непріязнь, пошлая клевета, происки, и въ томъ же народѣ, для котораго онъ создаетъ будущее счастіе, часто находитъ себѣ перваго врага; каждый шагъ его впередъ встрѣчается съ препятствіемъ, которое онъ долженъ или побѣдить или обратить въ свою пользу. Понятно, что для такого дѣла нужна железная воля, полная независимость ума и твердая рѣшимость идти къ своей цѣли напроломъ всѣхъ неудачъ и разочарова-

ній. И эти послѣднія свойства составляютъ главныя черты въ характерѣ государственнаго человѣка.

Теперь посмотримъ, какъ близко подходитъ Сперанскій къ этому типу.

Умственная организація Михаила Михайловича Сперанскаго была превосходная. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, онъ не имѣлъ возможности получить хорошаго образованія; навѣрное можно сказать, что до двадцати лѣтъ ему не попадалась въ руки ни одна порядочная книга, не встрѣтился ни одинъ человѣкъ, который бы могъ заронить въ душу юноши свѣтлую мысль или благородное чувство. Родители его были люди простые, жившіе почти по правиламъ «Домостроя;» домашняя обстановка, среди которой онъ росъ, была въ полномъ смыслѣ аскетическая; мальчикъ не зналъ ни веселыхъ дѣтскихъ игръ, ни материнскихъ нѣжныхъ ласкъ; въ то время, когда другіе дѣти рѣзвятся и наслаждаются правами своего беззаботнаго возраста, онъ, слабый здоровьемъ и задумчивый, «сидитъ себѣ, какъ говорила его мать, на чердакѣ, да все что-то читаетъ или пишетъ.» Подъ одной кровлей съ нимъ жила его бабушка-святоша. Эта костлявая, обтянутая какимъ-то подобіемъ человѣческой кожи, постная и угрюмая фигура непріятно дѣйствовала на нервы Миши. Впослѣдствіи онъ выражался о ней такъ: «этотъ призракъ моего дѣтства исчезъ изъ нашего дому спустя годъ послѣ того, какъ меня отдали въ семинарію; но я какъ будто бы еще и теперь его вижу.» На восьмомъ году Миша былъ отданъ въ духовное училище, и отсель начинается его суровое школьное поприще, обставленное новыми потрясающими призраками.... Бѣдность, грязь, схоластическое ученіе, неимѣвшее въ основѣ ничего реальнаго и освѣжающаго, сопровождали до конца юношеское воспитаніе Сперанскаго.

Но тѣмъ-то оно и оказало существенную услугу ему: всякая нелѣпость, доведенная до крайности, перестаетъ быть вредной. Сперанскій легко могъ поправить недостатки прежняго воспитанія, потому что силы его были выше увлеченія обыкновенной школьной рутиной. А между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства въ его первоначальной жизни благопріятствовали ему. Во-первыхъ, онъ выросъ среди народа, что въ высшей степени было полезно его государственной дѣятельности. Родясь онъ въ барской колыбели, въ кружевахъ и батистѣ, среди толпы крѣпостныхъ людей и наемныхъ воспитателей, вѣроятно, онъ не могъ бы впослѣдствіи работать по 18-ти часовъ въ сутки и перенести тѣ удары, которые такъ непредвидѣнно посыпались на него. Во-вторыхъ,

первые годы, проведенные имъ въ деревнѣ, въ виду полей и подъ чистымъ воздухомъ, вдали отъ городскаго разврата и болѣзненной атмосферы, запасли его здоровьемъ на всю послѣдующую жизнь. Замѣчательно, что Сперанскій, несмотря на сильныя потрясенія, необычайные труды и долговременную сидячую жизнь, рѣдко былъ боленъ и прожилъ почти семьдесять лѣтъ, сохранивъ до послѣднихъ дней полную энергію памяти и соображенія. Послѣ такой дѣятельности, какой отдавался Сперанскій,—это не шутка!

И вотъ съ избыткомъ физическихъ силъ, но при недостаткѣ нравственнаго ихъ удовлетворенія, монастырская ограда и сухая профессорская карьера дѣлаются для него тѣсны. Его гордый и самостоятельный умъ ищетъ болѣе широкой сферы, болѣе свободнаго труда, и Сперанскій рѣшается оставить духовную академію, чтобъ перейдти въ свѣтское званіе. Можетъ быть, одной изъ побудительныхъ причинъ къ этой перемѣнѣ было затаенное честолюбіе молодаго человѣка, который могъ удовлетворить его только подъ монашеской рясой, но никакъ не на педагогическомъ семинарскомъ поприщѣ. Совершенно случайно онъ попалъ въ домъ князя Б. Куракина, въ качествѣ частнаго секретаря. Здѣсь, какъ и вездѣ, Сперанскій съ перваго же дня успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе. Куракинъ, желая испытать его, поручилъ ему написать одинадцать писемъ къ разнымъ лицамъ; работа была окончена быстро и хорошо. «Князь, говоритъ баронъ Корфъ, сперва не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, что дѣло уже выполнено, а потомъ, прочитавъ письма и видя, какъ они мастерски изложены, еще болѣе изумился, расцѣловалъ Иванова (*) за пріисканный ему кладъ и тотчасъ принялъ къ себѣ Сперанскаго.» Сначала жизнь молодаго секретаря, попавшаго въ аристократическое семейство, не представляетъ особенной разницы отъ обыкновенной прислуги князя; Сперанскій, стѣсняясь присутствіемъ за столомъ самого хозяина, предпочелъ обѣдать съ его камердинерами, помѣщался въ одной комнатѣ съ двумя своими товарищами и, какъ видно, вообще былъ не замѣтенъ въ домѣ, затертый въ толпѣ его челяди. Мы не думаемъ, чтобъ это могло унизить Сперанскаго; напротивъ, такая патріархальная скромность возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ. Если онъ не хотѣлъ *рисоваться* и заискивать особенной благосклонности между людьми, отдѣленными отъ него, по духу того времени, цѣлой пропастью ложно-при-

(*) Ивановъ рекомендовалъ Сперанскаго Куракину.

витыхъ понятій, то такое поведеніе заслуживаетъ полной похвалы. Къ сожалѣнію, эта нравственная черта въ характерѣ Сперанскаго стиралась тѣмъ больше, чѣмъ ближе онъ соприкасался съ самымъ обществомъ. Обѣдая съ камердинерами и играя съ ними въ *ламушъ*, онъ положительно ничего не проигрывалъ изъ своего личнаго достоинства; но выигрывалъ уже тѣмъ, что избавлялъ себя отъ двусмысленныхъ взглядовъ и явнаго пренебреженія, которыя не рѣдко ожидали его въ гостиной или за столомъ Куракина.

Относительно чистоты его намѣреній въ это время мы также не сомнѣваемся. Покидая духовное званіе, Сперанскій, конечно, не разсчитывалъ на блестящую карьеру государственнаго секретаря; такія мечты были бы слишкомъ смѣлы для его воображенія и слишкомъ далеки отъ дѣйствительности... Его манило, какъ и всѣхъ, поставленныхъ въ положеніе Сперанскаго, неопредѣленное желаніе выйдти изъ тѣсной сферы существованія, а тамъ что бы ни было,—онъ ничего не терялъ за собой; притомъ, умственныя силы его требовали лучшаго и болѣе просторнаго развитія, требовали также естественно, какъ извѣстнаго устройства легкія требуютъ свѣжаго воздуха. «Жажда ученія, говорилъ Сперанскій впослѣдствіи, побудила меня перейдти изъ духовнаго званія въ свѣтское. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ.» (Жизнь Сперанскаго. Т. I. стр. 45). Мы совершенно вѣримъ этимъ словамъ; неудовлетворенная любознательность одно изъ мучительныхъ и тревожныхъ чувствъ нашей природы. Что предполагалъ онъ сдѣлать изъ своего университетскаго образованія, куда и зачѣмъ идти дальше,—вѣроятно, онъ самъ всего менѣе объ этомъ думалъ. Но когда рука Куракина выдвинула его въ нѣсколько мѣсяцевъ въ первые ряды тогдашняго чиновнаго міра, когда Сперанскій попробовалъ вмѣсто жажды ученія другой жажды—чиновъ, отличій и власти, онъ пересталъ мечтать объ университетѣ, а со всѣмъ пыломъ молодыхъ силъ бросился на указанную ему дорогу. Такъ, обыкновенно, въ его время рѣшалась участь бѣднаго, но даровитаго человѣка: чтобъ вывести его, какъ говорилось тогда, изъ грязи, необходимо было покровительство какого нибудь придворнаго Голіафа и чистая случайность обстоятельствъ. Не угадай и не пріюти Куракинъ Сперанскаго,—вся жизнь послѣдняго могла бы сгинуть за самымъ неблагодарнымъ канцелярскимъ трудомъ.

Получивъ увольненіе изъ академіи и поступивъ въ дѣйствительную службу, Сперанскій скоро вошелъ въ свою новую роль; менѣе

чѣмъ въ два года, онъ занялъ довольно видное положеніе въ административномъ управленіи. Покровитель его Куракинъ упалъ, за нимъ упали еще два генералъ-прокурора, а Сперанскій все оставался на прежнемъ мѣстѣ. Работая день и ночь, примѣняясь до кокетства къ различнымъ характерамъ и требованіямъ своихъ начальниковъ, необходимый всѣмъ, хотя не всѣми любимый, онъ, черезъ четыре года, съ восшествіемъ на престолъ Александра I, былъ назначенъ статсъ-секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ. Отсюда открывается Сперанскому широкое поле дѣятельности.

По смерти Павла, новое правительство увидѣло необходимость начать рядъ преобразованій, подготовленныхъ временемъ и умами. Какъ внѣшнія событія, такъ и внутреннее состояніе Россіи требовало обновленія государственной машины и той органической жизни, которая невольно чувствовалась передъ собиравшейся грозой на европейскомъ горизонтѣ. Страшный образъ Наполеона I уже поднимался во всемъ величіи его генія и во всемъ ужасѣ его разрушительныхъ войнъ. Вездѣ спѣшили укрѣпить себя нетолько каменными крѣпостями, но и сочувствіемъ народа; вездѣ заговорили о политическихъ реформахъ, которыя, такъ сказать, носились въ воздухѣ. Александръ I приблизилъ къ себѣ трехъ людей — Кочубея, Новосильцова и Чарторижскаго, людей, «набитыхъ, по выраженію Державина, французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ».Преобразованія, какъ и слѣдовало ожидать, начались съ готовыхъ европейскихъ формъ, съ учрежденія министерствъ, по образцу французской администраціи. Сперанскій явился жаркимъ поклонникомъ нововведеній и, можетъ быть, никто изъ его современниковъ не отвѣчалъ такъ вѣрно требованіямъ эпохи, какъ онъ. Живой, впечатлительный, трудолюбивый, обладавшій даромъ убѣжденія и гибкимъ умомъ, онъ не замедлилъ стать въ головѣ движенія. Приглашенный Кочубеемъ къ устройству министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ составилъ его планъ и довелъ до окончательной организаціи. Баронъ Корфъ отзывается объ этихъ работахъ такъ: «И онъ (т. е. Сперанскій) и его министръ прежде ничѣмъ не управляли: обоимъ приходилось учиться на самыхъ своихъ реформахъ; оба дѣйствовали какъ бы въ чаду, ощупью, не умѣя дать себѣ достаточнаго отчета въ томъ, что изъ всего ими дѣлаемаго выйдетъ. Сперанскій *по наслышкѣ*, а отчасти уже и по собственнымъ наблюденіямъ, понималъ, что многое у насъ не хорошо и пытался замѣнить худое лучшимъ, но безъ всякой идеи: въ чемъ и гдѣ искать это лучшее и что поставить на мѣсто стараго».

(Т. I стр. 98). Мы были бы совершенно согласны съ этимъ приговоромъ, еслибъ въ судьбѣ такихъ реформъ можно было обвинять отдѣльное лицо или случайныя обстоятельства, а не самый принципъ, изъ котораго развивалось преобразованіе. Строить, съ яснымъ и глубокимъ сознаніемъ того, что мы строимъ, можно только на положительной почвѣ, предварительно разработанной народными силами; а вѣдь это зданіе, какъ и думаетъ баронъ Корфъ, выводилось на основаніи чистой теоріи, которой самое изобрѣтеніе не принадлежало Сперанскому; при томъ кто же изъ государственныхъ людей того времени дѣйствовалъ не въ чаду и ощупью, когда сочинялись цѣлыя конституціи въ нѣсколько дней и вбивались въ народную жизнь насильно. Припомнимъ хартію Лудовика XVIII, данную Франціи, при въѣздѣ его въ Парижъ. Наконецъ передъ Сперанскимъ были готовыя инструкціи, общее распредѣленіе работъ, которыми онъ управлялъ, какъ исполнитель, а не какъ хозяинъ.

Какъ бы то ни было, но министерство, устроенное подъ вліяніемъ его, было лучшее изъ всѣхъ подобныхъ учрежденій. Въ то же время Государь давалъ ему личныя порученія и окончательно сблизился съ нимъ, во время эрфуртскаго свиданія, въ 1808 году. Съ этихъ поръ Сперанскій сдѣлался довѣреннымъ лицомъ у Александра I и одинъ, безъ соперниковъ, соединилъ въ себѣ всѣ обязанности перваго министра. Теперь онъ могъ, не стѣсняясь, располагать всѣми своими силами въ кругу тѣхъ преобразованій, которыя доселѣ раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими. Возвратившись изъ за-границы съ убѣжденіемъ, что «у насъ люди лучше, а учрежденія хуже», что въ дѣлѣ предпринятыхъ реформъ—il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap, онъ отважно принялся ломать старыя государственныя формы. Нѣтъ сомнѣнія, что его самоувѣренность нашла себѣ ободреніе въ личномъ сочувствіи императора; иначе онъ не сталъ бы дѣйствовать такъ смѣло. Надо отдать ему полную справедливость въ одномъ отношеніи—въ необыкновенной энергіи, съ которой онъ велъ свою реформу и отстаивалъ ее отъ враждебныхъ нападеній, впродолженіи четырехъ лѣтъ.

Но какимъ же принципомъ руководился Сперанскій въ своихъ реформахъ? Доселѣ онъ не имѣлъ особенной надобности въ твердыхъ убѣжденіяхъ, потому что канцелярская дѣятельность его не представляла ничего самостоятельнаго. Теперь, напротивъ, весь успѣхъ его начинаній, всѣ лучшіе результаты ихъ зависѣли отъ вѣрнаго взгляда и строгой политической вѣры. Послѣ свиданія съ Наполеономъ, Спе-

ранскій, какъ увѣряетъ баронъ Корфъ, былъ очарованъ нетолько императоромъ Франціи, но и политической ея системой. Что онъ былъ увлеченъ умомъ и громкой популярностію Наполеона — это для насъ еще понятно; съ нимъ увлекались почти всѣ современники, ослѣпленные блескомъ и дымомъ побѣдъ счастливаго корсиканца; имъ увлекся и Александръ I; ему изумлялись самые враги его. Но мы не понимаемъ, какъ Сперанскій могъ очароваться политической системой Франціи? Что онъ нашелъ въ ней особенно замѣчательнаго, кромѣ бюрократической рутины и господствовавшаго тогда военнаго деспотизма? Правда, въ то время наполеоновскій кодексъ сводилъ всѣхъ съ ума своимъ совершенствомъ, но онъ былъ написанъ для Франціи и слѣдовательно не могъ послужить идеаломъ для русскаго закокодателя. Намъ кажется, что увлеченіе Сперанскаго французской политической системой вовсе не вытекало изъ его собственныхъ убѣжденій, а было подражаніемъ: это была дань общему мнѣнію, а не зрѣлая мысль дѣйствительнаго государственнаго человѣка. Можетъ быть, потому-то онъ легко и оставилъ эту систему, когда она потеряла свой насущный кредитъ. Притомъ въ дѣятельности Сперанскаго было много противорѣчій, на которыя мы обратимъ вниманіе читателя послѣ, и такихъ противорѣчій, которыя ясно доказываютъ, что основнаго принципа у него не было. Положимъ, что этихъ противорѣчій онъ не могъ избѣжать, потому что вполнѣ независимаго положенія у него никогда не было, но въ такомъ случаѣ нечего было и говорить: il faut trancher dans le vif.

Для самостоятельной государственной дѣятельности у Сперанскаго прежде всего не доставало образованія, соотвѣтственнаго его общественному положенію. По выходѣ изъ академіи, ему не было ни времени, ни особеннаго побужденія дополнить и расширить сферу познаній, пріобрѣтенныхъ имъ до поступленія въ домъ Куракина. Двѣнадцать лѣтъ онъ провелъ въ постоянныхъ служебныхъ занятіяхъ, поглотившихъ лучшіе его годы и силы. Правда, въ это время онъ выучился англійскому языку, конечно, для пламенно любимой имъ жены Англичанки, но это едва ли не все, что онъ прибавилъ къ своимъ семинарскимъ свѣдѣніямъ. Только въ періодъ ссылки, въ Перми, онъ познакомился съ нѣмецкимъ языкомъ, и только теперь, среди деревенскаго уединенія въ своемъ Великопольѣ, могъ подумать о томъ, что за нѣсколько лѣтъ раньше заставило его мечтать о нѣмецкомъ университетѣ. Но на что же теперь истощалась его страстная любознательность?

на переводы сочиненій Ѳомы Кемпійскаго, Таулера и изученіе патристики, т. е. на то же самое, надъ чѣмъ онъ трудился еще въ семинаріи. По этому одному можно заключить, что двадцать лѣтъ жизни Сперанскаго были нулемъ для его умственнаго развитія; иначе государственный человѣкъ, вѣроятно, не сталъ бы сидѣть за чтеніемъ книгъ, неимѣвшихъ никакого отношенія ни къ его прошлымъ, ни къ настоящимъ трудамъ. Съ такими познаніями трудно было составить себѣ какой-либо государственный принципъ и сдѣлаться представителемъ его на политическомъ поприщѣ. Да и то сказать: поколѣніе современное Сперанскому, смотрѣло на серьезное образованіе, какъ на роскошь, а не какъ на необходимое условіе всякой добросовѣстной общественной дѣятельности; когда многіе, по замѣчанію самого же Сперанскаго, добивались министерской должности, какъ иные добивались аренды или пожалованнаго имѣнія, тогда было бы странно и требовать отъ государственнаго секретаря многосторонне-развитаго Бёрка или ученаго Гизо. Вспомнимъ, что въ одно время съ Сперанскимъ жилъ Карамзинъ, который разсуждалъ о предметахъ внутренней политики не многимъ лучше, чѣмъ теперь позволилъ бы себѣ—умный воспитанникъ гимназіи. Почтенный исторіографъ, нападая на административныя нововведенія Сперанскаго, серьезно думалъ, что скрытныя дѣйствія монарха лучше явныхъ и доступныхъ сознанію народа.

За всѣмъ тѣмъ нельзя не удивляться организаціоннымъ работамъ Сперанскаго. Обнимая всѣ отрасли государственнаго управленія, отъ мельчайшихъ канцелярскихъ подробностей до высшаго проявленія ихъ, возводя все къ одной общей идеѣ, ограничивая произволъ и разрушая устарѣлыя подъяческія западни, онъ велъ рядомъ нѣсколько преобразованій, развивая ихъ не столько на основаніи практическихъ соображеній, сколько изъ теоріи. Быстрота дѣйствій была изумительная. Что прежде обдумывалось и оставалось подъ сомнѣніемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, то подъ рукой Сперанскаго достигало оконченнаго результата въ нѣсколько дней. Государственный совѣтъ, сенатъ, министерства, законодательныя проэкты, финансовыя и экономическія измѣненія, редакція отдѣльныхъ постановленій и рѣшеніе множества частныхъ вопросовъ—все это вытекало изъ головы Сперанскаго и отмѣчалось его талантомъ. Онъ не былъ творцомъ своего дѣла, но былъ главнымъ и единственнымъ организаторомъ его: умри онъ въ 1809 году, новая машина, начатая имъ, прекратила бы свое движе-

ніе, и едва ли кто былъ бы въ состояніи послѣ него повести ее дальше. Коренная идея его плана неизвѣстна намъ или, лучше, она осталась только въ его умѣ, но мы приблизительно можемъ судить о томъ, что главнѣе всего занимало Сперанскаго въ его реформахъ. «Изъ всѣхъ сихъ упражненій, писалъ онъ изъ заточенія Александру I, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоитъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы». Еще раньше, въ 1811 году, въ докладной запискѣ Государю говоря о значеніи государственнаго совѣта, Сперанскій выражался такъ: «излишне было бы изображать здѣсь пользу сего установленія. Приводя ее въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ, Вы лучше другихъ можете обнять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія.» Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ большою зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда Государю самодержавному не представляли истины съ бо́льшею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ бо́льшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые, едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію совѣта; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ Величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню». (Жизнь Сперанскаго. Т. I стр. 110 и 120).

Изъ этого офиціальнаго отзыва видно, что Сперанскій строилъ сверху, а не снизу, выводилъ свое зданіе болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, не столько заботился о его внутреннихъ удобствахъ, сколько о внѣшнемъ расположеніи и стройности наружныхъ частей. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ Сперанскій не имѣлъ достаточно силъ для болѣе серьезнаго труда, чтобъ онъ не могъ провести идею и глубже и дальше, но онъ остановился именно тамъ, гдѣ оканчивалась чисто-механическая постройка и начиналась работа по принципу и мощному убѣжденію... Сперанскій не былъ безусловный поклонникъ бюрократическихъ формъ, а между тѣмъ почти всѣ его предпріятія окончились ничтожнымъ результатомъ—бумажнаго формализма. Поэтому намъ, потомкамъ, передъ которыми совершившійся фактъ освѣщенъ и нѣкоторыми изъ послѣдствій его, надо строго различать то, что *могъ* сдѣлать и что *дѣйствительно* сдѣлалъ Сперанскій. Мы, конечно, вправѣ были бы ожидать отъ него гораздо бо́льшихъ заслугъ, чѣмъ онъ успѣлъ оказать Россіи...

Но не такъ думали его современники. Нововведенія Сперанскаго, какъ они ни были скромны и умѣренны, испугали даже друзей его. Когда, наконецъ, пришло время осуществить и вдохнуть ихъ въ самую жизнь, «тутъ начались, замѣчаетъ баронъ Корфъ, колебанія. Свѣтлый умъ Александра постигъ, что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что во всякомъ случаѣ необходимы сперва разныя переходныя мѣры.» (Т. I, стр. 103). Сомнѣніе, говорятъ, первый шагъ къ отрицанію. Дѣло Сперанскаго было проиграно съ той минуты, когда существенная часть его плана была отложена въ сторону, а побочныя учрежденія стали развиваться помимо основной идеи: —машина была пущена въ ходъ прежде, чѣмъ подложили подъ нее прочныя рельсы. Враги Сперанскаго только этого и ждали; пьедесталъ пошатнулся, оставалось уронить его. Ненависть и озлобленіе противъ государственнаго секретаря росли постепенно, распространяясь, подобно морской волнѣ, тѣмъ шире, чѣмъ были дальше отъ своего источника. Ему не простила служебная аристократія за то, что онъ бѣдный *поповичъ* сталъ поперегъ дороги многимъ изъ тѣхъ шелковыхъ героевъ, которые считали себя во всемъ выше его,—кромѣ ума и личнаго достоинства; противъ него поднялась густая и пестрая масса невѣжественныхъ подьячихъ, въ силу одной инерціи, переходившихъ къ повышеніямъ и наградамъ, — поднялась за то, что Сперанскій указомъ объ экзаменахъ сдѣлалъ образованіе обязательнымъ для каждаго чино-

вника; противъ него возстало дворянство за то, что камергеры и камеръ-юнкеры были принуждены соединить съ этимъ званіемъ и дѣйствительную службу, между тѣмъ, какъ прежде они пользовались этимъ правомъ безусловно. «Послѣ такой неслыханной наглости, прибавляетъ баронъ Корфъ, конечно нельзя было не признать его человѣкомъ самымъ опаснымъ, стремящимся къ уравненію всѣхъ состояній, къ демократіи и, оттуда, къ ниспроверженію всѣхъ основъ имперіи». Т. 1, стр. 174). Наконецъ противъ Сперанскаго возсталъ и народъ, взволнованный смутными предчувствіями наступавшей войны и тяжелыми налогами 1812 года. Но всѣмъ этимъ воспользовалась та партія, которой паденіе Сперанскаго было особенно нужно; она, разумѣется, помогла оклеветать его измѣнникомъ въ общественномъ мнѣніи, т. е. во мнѣніи толпы, готовой вѣрить, со словъ наемнаго сплетника, всему, что питаетъ необузданную фантазію темнаго міра... Стать одному противъ всѣхъ было невозможно, и Сперанскій, оставленный Александромъ I, заключилъ свою политическую карьеру заточеніемъ. Мы не имѣемъ основанія заподозрить Сперанскаго въ прямомъ и честномъ желаніи—служить благу своей страны, но намъ кажется, что ему недоставало гражданскаго мужества для выполненія своихъ цѣлей, тѣмъ болѣе для хладнокровной встрѣчи своего несчастія...

Здѣсь мы разстаемся съ этой благородной и симпатической личностью. Слѣдить подробно за годами его ссылки, говорить о лишеніяхъ и оскорбленіяхъ его во время опалы, раздѣлять съ нимъ его дѣтскія надежды на возвращеніе прежняго значенія и роли—во всемъ этомъ нѣтъ ни особеннаго интереса, ни богатыхъ матеріаловъ для изученія самого Сперанскаго. Томительно и безплодно тянется жизнь его въ Перми, Великопольѣ и Пензѣ; время понемногу уноситъ дни и силы его, а вмѣстѣ съ силами и твердость характера. Послѣ 1812 года мы видимъ *другаго* Сперанскаго, упавшаго духомъ, надломленнаго во всѣхъ его помыслахъ и стремленіяхъ. Онъ со слезами проситъ о *свободѣ и забвеніи*, и въ то же время ищетъ милости у Аракчеева, льститъ его «военнымъ поселеніямъ,» навязывается на расположеніе людей, которыхъ ничтожность была ему извѣстна, притворяется въ чувствахъ и поступкахъ и наконецъ отступается отъ лучшихъ вѣрованій своей молодости. Одному изъ друзей своихъ онъ говорилъ: «признайся, Ѳедоръ Петровичъ, что во время оно, еще не знавъ Россіи и мѣряя все по одному петербургскому аршину, мы

надѣлали тьму глупостей.» Это былъ уже не энергическій преобразователь, не человѣкъ открытой опозиціи и смѣлый защитникъ человѣческихъ правъ, а осторожный, строго-офиціальный чиновникъ, живо помнившій слѣды нанесеннаго ему удара; однимъ словомъ, здѣсь мы видимъ сухой остовъ Сперанскаго отъ его великолѣпнаго прежняго организма.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ самую дѣятельность Сперанскаго и тѣмъ закончимъ его замѣчательную характеристику.

Г. Б.

Историческая Христоматія новаго періода Русской словесности (отъ Петра до нашего времени). Составлена А. Галаховымъ. Томъ I. спб. 1861.

Въ настоящее время, когда историческое изученіе народной жизни заняло такое важное мѣсто въ наукѣ и въ литературѣ, — историческая христоматія составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ потребностей. Представляя въ хронологическомъ порядкѣ выборъ изъ лучшихъ произведеній отечественныхъ писателей, она должна служить важнымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи литературы: то, что́ исторія литературы представляетъ въ послѣдовательной связи, какъ слѣдствіе извѣстнаго умственнаго развитія націи и эстетическихъ требованій разныхъ эпохъ, то самое христоматія представляетъ наглядно, показывая отличительныя черты каждаго писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ интересы, тѣ стремленія, которыя занимали общество въ извѣстное время. Поставьте рядъ однородныхъ произведеній, идущихъ последовательно одни за другими, и вы тотчасъ увидите, какіе вопросы занимали тогда общество, каково было его нравственное состояніе, чего оно требовало отъ своего писателя и что́ ему давало. Такъ тяжелое формированіе итальянской народности дало ей 424 политическихъ писателя въ средніе вѣка. Отыскивая выходъ изъ борь-

бы демократіи съ аристократіей, папы съ императоромъ, она постоянно гонялась за созданіемъ лучшей политической формы. Этотъ политическій элементъ вошелъ и въ произведенія лучшихъ поэтовъ, и нѣтъ надобности читать политическую исторію Италіи, чтобъ опредѣлить характеръ ея волненій. Подобное-же явленіе представляетъ намъ Франція. Деспотизмъ Людовика XIV стѣснилъ развитіе личной дѣятельности и парламентскія пренія. Люди, привыкшіе съ жадностью слѣдить за общественной жизнью, не имѣя возможности высказать своихъ мнѣній гласно, должны были занести ихъ въ мемуары, которые явились на свѣтъ только впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ обиліе памятниковъ того или другаго рода ясно показываетъ умственное и нравственное состояніе общества. Такъ преобладаніе офиціальныхъ произведеній, дидактики, и сухихъ изслѣдованій означаетъ низшую степень развитія народа, когда для его образованія употребляютъ понудительныя мѣры; когда работаютъ однѣ академіи наукъ и для однѣхъ наукъ, а изъ массы начинаютъ проявляться только изрѣдка отдѣльныя личности. Съ другой стороны обиліе философскихъ и соціальныхъ теорій показываетъ полную свободу личности и значительно распространенное просвѣщеніе. Характеръ и количество популярныхъ сочиненій, сила и направленіе сатиры противъ общества или противъ правительства—все должно служить указателемъ группировки статей для составителя христоматіи: онъ обязанъ принимать въ соображеніе нетолько мнѣніе лицъ, стоявшихъ близко къ литературному памятнику, но и мнѣнія о немъ послѣдующихъ поколѣній. Г. Галаховъ такъ и понимаетъ свою задачу. «Для исторіи литературы, говоритъ онъ, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначать то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ... Если наука не всегда видитъ въ ихъ отзывѣ сознательное опредѣленіе литературнаго факта, то этотъ отзывъ всегда уважителенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Ни исторія литературы, ни христоматія не имѣютъ права пренебрегать имъ.».. Совершенно справедливо! Историческая христоматія иначе и не должна смотрѣть на предметъ: поэтому въ нее, въ литературѣ бѣдной, какъ наша, должны войти и замѣчательнѣйшія журнальныя статьи и переводы, тѣмъ болѣе, что литература періода, помѣщеннаго г. Галаховымъ въ первой части, отличается офиціальнымъ дидактизмомъ или отсутствіемъ жизненнаго содержанія. Но поставивъ себя на эту точку зрѣнія, мудрено устоять на ней, впослѣдствіи, при

большемъ развитіи литературы. Чрезвычайно мудрено опредѣлить у насъ, какое произведеніе и на какой классъ общества дѣйствовало. Кружокъ образованныхъ людей весьма не великъ и состоялъ изъ двора, дворянъ, ученыхъ и весьма незначительнаго числа духовныхъ лоцъ; на массу же дѣйствовали большей частью проповѣди, указы и произведенія досужей фантазіи бродячихъ пѣвцовъ. Какіе выбрать изъ этого безчисленнаго множества памятниковъ?—вотъ въ чемъ затрудненіе составителя. Трудъ громадный! Сколько надо прочитать и провѣрить! Поэтому весьма неудивительно, что у г. Галахова встрѣчаются нѣкоторыя недосмотры: такъ напр. у него не приведено ничегоизъ романовъ эмина, ни изъ театра судовѣденія, изданнаго Новиковымъ въ 1791 г., памятника весьма любопытнаго, представляющаго первый примѣръ нашей судебной гласности (*). Представляя примѣры переводовъ, г. Галаховъ даетъ Телемака, Опытъ о человѣкѣ, изъ Оссіана и т. п. и умалчиваетъ о другихъ лучшихъ переводахъ, являвшихся отдѣльно и въ журналахъ. Для примѣра укажемъ на журналъ: «Утренній свѣтъ«, имѣвшій до 900 подписчиковъ—число огромное по тому времени,—въ которомъ помѣщались переводы изъ Виланда, Виргилія, Геспера, Юнга, Бэкона и другихъ (**).

Нельзя также не замѣтить, что г. Галаховъ не вездѣ строго держится хронологическаго порядка. Такъ у него помѣщены произведенія, относящіяся къ 1801 году, а нѣтъ примѣровъ ни изъ Крылова, ни изъ Дмитріева, не говоря уже о другихъ. Очень можетъ быть, что они будутъ помѣщены во 2-й части, или что составитель имѣлъ причины не помѣстить ихъ; въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что онъ не оговорился въ предисловіи. Вообще же вполнѣ опредѣлительное сужденіе о хрестоматіи можно будетъ произнести только по выходѣ всѣхъ частей ея и исторіи Русской литературы.

Несмотря на эти недостатки, книга г. Галахова трудъ добросовѣстный и полезный, особенно по изобилію и подробности при-

(*) Судовѣденіе или чтеніе для судей и всѣхъ любителей юриспруденціи, содержащее достопримѣчательныя и любопытныя судебныя дѣла, юридическія изслѣдованія знаменитыхъ правоискусниковъ, и прочія сего рода произшествія удобныя просвѣщать, трогать, возбуждать къ добродѣтели и составлять полезное и пріятное время провожденіе. Собралъ Василій Новиковъ. Москва. Въ университетской Типографіи у В. Окорокова. 1791 Книга посвящена Екатеринѣ II.

(**) Этотъ журналъ выходилъ отъ 1777—78 года. Второе изданіе было въ 1779. Издавался онъ съ цѣлью—на собранныя деньги учредить школы для бѣдныхъ.

мѣчаній, достаточно объясняющихъ текстъ. Надѣемся, что составитель исправитъ впослѣдствіи ошибки и недосмотры, вкравшіеся въ это изданіе и объяснитъ подробнѣе тотъ критеріумъ, которымъ онъ руководствовался при выборѣ статей.

ПАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С. Петербургъ. 1861).

(Окончаніе).

Но не одними нелѣпыми предположеніями, не одною пьяною и глупою бранью ограничивался Алексѣй Петровичъ съ своимъ соборомъ на сходкахъ и пирушкахъ въ Преображенскомъ. Было тутъ кое-что поважнѣе, посерьёзнѣе, поопредѣленнѣе; проглядывало тутъ, и въ разговорахъ, и въ перепискѣ дружеской компаніи, нѣчто, похожее на заговоръ, и нить этого заговора держалъ въ осторожныхъ рукахъ своихъ «прелюбезный радѣтель», отецъ Яковъ Игнатьевъ. Онъ постоянно велъ съ своимъ духовнымъ сыномъ какіе-то тайные переговоры; въ письмахъ къ нему царевича безпрестанно встрѣчаются какіе-то темные намеки, неясные вопросы и отвѣты, приказанія, порученія, предостереженія. Особенно важнаго, разумѣется, тутъ не могло еще быть ничего; но ближайшимъ, непосредственнымъ результатомъ интригъ и каверзъ, затѣвавшихся въ компаніи и соборѣ царевича, было все болѣе и болѣе возраставшее въ его сердцѣ чувство непріязни къ отцу,—чувство непріязни, быстро переходившее въ положительную ненависть. Алексѣй Петровичъ впослѣдствіи самъ признался въ этомъ, въ собственноручномъ своемъ показаніи, отъ 22 іюня 1718 года. (*)

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с 274. Говоря въ своемъ показаніи о Вяземскомъ и Нарышкиныхъ, Алексѣй Петровичъ ни слова не упоминаетъ о духовникѣ, котораго онъ такимъ образомъ

Особа отца еще больше омерзѣла Алексѣю Петровичу послѣ того, какъ въ 1706 году онъ тайно съѣздилъ въ Суздаль для свиданія съ матерью. Евдокія Ѳедоровна, въ тишинѣ монастырской кельи, не покидала еще надеждъ на иное, лучшее будущее, не переставала еще лелѣять сладостныхъ мечтаній о томъ, что ее *возьмутъ къ Москвѣ*, и она снова будетъ царицей. Это предсказывали ей разные юродивые и блаженные; это пророчествовалъ ей ростовскій епископъ Досиѳей, и суевѣрная Евдокія Ѳедоровна такъ искренно вѣровала во всѣ эти предсказанія и пророчества, что сбросила съ себя монашескую одежду, надѣла свѣтское платье, и со дня на день ожидала вожделѣнныхъ извѣстій о какихъ нибудь важныхъ перемѣнахъ въ государствѣ (*).

выгораживалъ постоянно на всѣхъ допросахъ. Въ первый разъ онъ упомянулъ о немъ въ своемъ добавочномъ показаніи отъ 8 февраля 1718 года, но упомянулъ такъ осторожно, что Якова Игнатьева даже не тронули во все время московскихъ розысковъ. Тѣмъ не менѣе, духовникъ состоялъ уже въ сильномъ подозрѣніи, и въ апрѣлѣ перевезенъ былъ, вмѣстѣ съ другими оговоренными лицами, въ Петербургъ, въ крѣпость. Въ маѣ отъ царевича потребовали обстоятельнаго списка всѣхъ тѣхъ лицъ, *на кого онъ надѣялся*; но Алексѣй Петровичъ и въ этотъ списокъ не включилъ своего «прелюбезнаго радѣтеля», и только уже 17 іюня, предъ собраніемъ высшаго судилища, долженствовавшаго изречь царевичу смертный приговоръ, показалъ, что духовный отецъ его, протопопъ Яковъ, говаривалъ ему: «тебя въ народѣ любятъ и пьютъ про твое здоровье, говоря и называя тебя надеждою россійскою.»—«Съ тѣхъ словъ, прибавилъ Алексѣй Петровичъ,—я и надѣялся на народъ на всякое время всегда.» Это показаніе, разумѣется, привело Якова Игнатьева сначала въ застѣнокъ, а потомъ на плаху. Осторожность царевича въ обвиненіяхъ духовника объясняется, по нашему мнѣнію, во 1-хъ любовью Алексѣя Петровича къ «прелюбезному радѣтелю»; во 2-хъ, боязнью. Царевичъ зналъ, что съ этой стороны именно могутъ быть противъ него самыя грозныя, самыя страшныя улики: переписка съ Яковомъ Игнатьевымъ была не голословнымъ, а фактическимъ, неопровержимымъ доказательствомъ «противныхъ поступковъ» Алексѣя Петровича.

(*) «Бывшей царицѣ, доносилъ Плейеръ цесарю отъ 29—18 апрѣля 1718 года:—архіерей Ростовскій сказалъ, что онъ видѣлъ видѣніе и отъ чудотворной иконы святаго царя Димитрія слышалъ гласъ: царь въ теченіе года умретъ непремѣнно; царевичъ вступитъ на престолъ; она же, какъ мать государя, вызванная изъ монастыря, будетъ жить въ большой чести и довольствѣ. Отъ того она сбросила монашескую одежду, надѣла свѣтское платье и выбрала себѣ любовникомъ Глѣбова, за котораго, по совершеніи пророчества, хотѣла выйдти замужъ и думала жить съ нимъ въ частномъ быту, въ чести и удовольствіи. Годъ миновалъ, а царь былъ въ добромъ здоровьѣ. Царица призвала къ себѣ архіерея и спросила, почему его пророчество не исполнилось? Онъ отвѣчалъ, что было ему еще видѣніе: видѣлъ въ аду отца ея. Молитвами

Досиоей поминалъ Евдокію Өедоровну царицею даже на эктеніяхъ; то же дѣлали и священники Покровскаго монастыря; а любовникъ царицы, маіоръ Глѣбовъ, дѣятельно помогалъ Досиоею во всемъ, велъ съ нимъ и съ другими тайные переговоры, писалъ къ нему цифирныя письма и вообще, какъ видно, шелъ дальше пророчествъ и предсказаній...

Все это сообщила и пересказала сыну Евдокія Өедоровна. Жалобы матери сильно тронули сердце Алексѣя Петровича; пророчество Досиоея и другихъ святыхъ отцевъ не менѣе сильно подѣйствовали на слабую голову царевича, и онъ вернулся въ Преображенское, къ своему собору и компаніи, съ усилившеюся ненавистью къ отцу. Дружба его съ духовникомъ, въ слѣдствіе этого, завязалась еще тѣснѣе, и въ письмахъ за этотъ годъ Алексѣя Петровича къ Якову Игнатьеву встрѣчаются безпрестанно упоминанія о какомъ-то *нашемъ дѣлѣ*, приглашенія на какіе-то совѣщанія и т. п.

Въ началѣ 1707 года Алексѣй Петровичъ потребованъ былъ отцемъ въ Москву и тамъ получилъ выговоръ за тайное посѣщеніе матери. И этотъ, и два слѣдующіе года провелъ онъ въ разныхъ занятіяхъ и порученіяхъ, которыя давалъ ему Петръ, желая пріучить сына къ дѣламъ. Царевичъ заготовлялъ провіантъ, собиралъ рекрутъ, солдатъ и казаковъ, присутствовалъ въ канцеляріи министровъ и т. д. При этомъ онъ не переставалъ и учиться, занимаясь языками, исторіею, географіею, фортификаціею и другими предметами, сначала подъ руководствомъ прежняго своего учителя Никифора Вяземскаго, потомъ подъ руководствомъ Гюйссена, вернувшагося въ Россію въ октябрѣ 1708 года. Въ январѣ 1709 года, исполнивъ одно изъ царскихъ порученій, а именно: приведя изъ Москвы въ Украйну, въ Сумы, пять полковъ, царевичъ, простудившійся дорогой, заболѣлъ жестокой лихорадкой. Болѣзнь была такъ опасна, что царь нѣсколько дней не рѣшался выѣхать изъ Сумъ, и это, по нашему мнѣнію, не можетъ служить доказательствомъ холодности и нерасположенія Петра къ сыну.

архіерея и духовнаго чина онъ отъ огня освобожденъ; но за великіе грѣхи еще держитъ его за ноги чортъ. Архіерей будетъ молиться объ немъ, и какъ скоро выпустятъ его изъ ада, царь умретъ, а царевичъ вступитъ на престолъ и изъ монастыря ее освободитъ. Съ тѣхъ поръ она стала жить съ Глѣбовымъ, котораго указалъ ея духовникъ.»

Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с. 214, 218 и 223.

Но чувства сына были совершенно иныя. Волею-неволею исполняя отцовскія порученія и разъѣзжая по разнымъ городамъ, онъ жилъ мысленно въ своемъ миломъ Преображенскомъ, въ кругу своей дорогой «компаніи», и переписка съ «прелюбезнымъ радѣтелемъ» была его лучшимъ утѣшеніемъ. Таинственное дѣло, затѣянное царевичемъ и его духовникомъ, занимало постоянно въ этой перепискѣ главное мѣсто, и изъ писемъ Алексѣя Петровича можно, между прочимъ, видѣть, что у него были сторонники и между приближенными Петра; что изъ царской свиты передавали ему разныя вѣсти, совѣты, предостереженія и наставленія. «Получилъ я сегодня письмо отъ батюшки изъ Тикотона, писалъ царевичъ къ Якову Игнатьеву изъ Смоленска отъ 21 сентября 1707 года:—изволитъ писать, чтобъ мнѣ ѣхать къ нему въ Минскъ, который отсюда 400 верстъ, и *оттуду пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобъ ѣхать безъ всякаго опасенія*; и мню, что къ вамъ буду вскорѣ повидимому, *а о всемъ вамъ скажетъ словесно* Василій Ивановичъ Колычевъ, который отправленъ отсюда сегодня къ вамъ; и что онъ вамъ скажетъ, извольте вѣрить и *дѣлать такъ*; а я отсюда отъѣзжаю сегодня въ путь (*).

Сообщалъ Алексѣй Петровичъ «прелюбезному радѣтелю» и вообще о своемъ *passe-temps*, о своихъ забавахъ и кутежахъ, которыми онъ довольно часто-таки вознаграждалъ себя за скучныя для него дѣла и занятія. «А мы вчера, писалъ онъ тоже изъ Смоленска:—повеселились изрядно. Отецъ мой духовный *Чижъ* чуть живъ отшелъ до дому, поддержимъ сыномъ; такожъ и протчіе поджарилися. Сіе письмо объяви Никифору и ключарю...» (*)

Въ 1709 году Петръ задумалъ исполнить давнишнее свое желаніе—отправить сына «для науки» за границу. «Зоонъ! писалъ онъ къ Алексѣю Петровичу отъ 23 октября изъ Маріенвердера:—объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ, а кому съ вами

(*) Сторонники царевича Алексѣя с. 8.

(*[1]) Тамъ же с. 7. Должно замѣтить, что всѣ члены царевичева «собора» имѣли свои шутовскія прозвища, подъ которыми и были извѣстны какъ самому Алексѣю Петровичу, такъ и его духовнику. Андрей Нарышкинъ, напр., назывался *Адомъ*, ключарь Иванъ Аѳанасьевъ *Захлюстою*, попъ Алексѣй Васильевъ—*Грачемъ*, попъ Леонтій Григорьевъ—*Леонидомъ*, Крутицкій архіерей—*Голубчикомъ* и т. д. Кто же такой упоминаемый въ приведенномъ нами письмѣ *Чижъ*—неизвѣстно. Кажется, это былъ одинъ изъ Нарышкиныхъ.

ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали бы больше ученію, а именно языкамъ (которые уже учишь, нѣмецкій и французскій), геометріи и фортафикаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда гіометрію и фортификацію скончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ (*)».

Какія непріятности, какія «озлобленія» претерпѣлъ до этой минуты царевичъ отъ царя? Никакихъ; а непріязнь его къ отцу и его великимъ преобразованіямъ была уже такъ сильна, что, отправляясь за границу, Алексѣй Петровичъ уже въ это время имѣлъ, какъ видно, намѣреніе остаться тамъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, *до благопріятныхъ обстоятельствъ*. Намѣреніе это, незаявленное никому царевичемъ прямо, высказывается довольно ясно въ письмахъ его къ «прелюбезному радѣтелю», въ наставленіяхъ и порученіяхъ, которыя онъ давалъ ему насчетъ распродажи его, царевичевыхъ, пожитковъ, «чтобъ ничего даромъ не пропало», насчетъ заготовки и высылки за границу векселей, насчетъ освобожденія на волю служителей, которыхъ слѣдовало отпустить, «куда кто хочетъ» и т. д. Все это, разумѣется, облекалось чрезвычайной таинственностью; все это Алексѣй Петровичъ просилъ дѣлать какъ можно осторожнѣе, содержать «какъ можно тайно» и писемъ его не казать даже друзьямъ. Чтó помѣшало царевичу исполнить его намѣреніе—неизвѣстно; но намѣреніе это положительно существовало, какъ существовали и всѣ другіе «противные умыслы» Алексѣя Петровича, чтó бы ни говорили о нихъ наши остроумные и гуманные обличители и порицатели Петра Великаго, съ М. П. Погодинымъ во главѣ.

Исполняя волю отца, царевичъ въ декабрѣ 1709 года былъ уже въ Краковѣ. Въ мартѣ слѣдующаго года прибылъ онъ въ Варшаву, оттуда отправился въ Дрезденъ, изъ Дрездена поѣхалъ въ Карлсбадъ, и верстахъ въ десяти, отъ этого города, въ мѣстечкѣ Шлакенвертѣ, видѣлся въ первый разъ съ своею будущею супругою, принцессою Бланкенбургскою, Шарлотою. Изъ Карлсбада Алексѣй Петровичъ вернулся снова въ Дрезденъ, и тутъ провелъ около года, занимаясь науками. 19 апрѣля 1711 года, въ польскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ, въ Галиціи, подписанъ былъ трактатъ о бракосочетаніи царевича съ принцессою Шарлотою-Христиною-Софіею, «къ пользѣ, утвержденію и наслѣдству

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, Т. VI, с. 20.

россійской монархіи, также къ вящшей славѣ и приращенію Браун-швейгскаго дома,» и Алексѣй Петровичъ послѣ того отправился къ своей невѣстѣ въ Брауншвейгъ, гдѣ и жилъ во все продолженіе Прутскаго похода.

Но ни впечатлѣнія заграничной жизни, ни занятія науками, ни даже предстоявшая женитьба, ни что не могло отвлечь мысли царевича отъ его несравненнаго Преображенскаго «собора», въ особенности же отъ «прелюбезнаго радѣтеля.» Преображенскіе друзья занимали первое мѣсто въ сердцѣ Алексѣя Петровича; къ нимъ неслись всѣ его помыслы, всѣ его мечты и желанія; ихъ однихъ жалѣлъ и вспоминалъ онъ на чужбинѣ, и письма его изъ-за границы къ духовнику дышали такою пылкою любовью, такою безграничною преданностью, что съ ними въ этомъ отношеніи едва ли могутъ выдержать сравненіе даже любовныя посланія Алексѣя Петровича къ Евфросиньѣ. «Пишешь ко мнѣ, прелюбезный мнѣ радѣтель, что вамъ не безъ тягости мое отсутствіе отъ васъ, писалъ царевичъ изъ Варшавы отъ 27 апрѣля 1710 года:—а и мнѣ во истинну, чаю, не легче отстраненіе отъ васъ. *Самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся, не имѣю во всемъ россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ васъ, Богъ свидѣтель!* Аще и не хотѣлъ бы сего изрещи, по случаю зовущу изрекаю. Дай Боже вамъ долговременно жити: *аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то уже мнѣ весьма въ россійское государство не желательно возвращеніе*, паче же мнѣ и оскорбленіе, что васъ не видѣти, гдѣ прежъ сего видѣлъ. Только всегда прошу Господа Бога и его Богоматерь, *дабы я сподобилъ васъ, прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла, хотя на немногое время видѣть.* И о семъ всемъ въ волю его полагаюсь: можетъ онъ противными намъ полезно устроить» (*).

Изливаясь въ изъявленіяхъ любви и преданности къ «прелюбезному радѣтелю», Алексѣй Петровичъ ничего отъ него не таилъ и съ полною откровенностью сообщалъ ему и о дѣлахъ своихъ, и о забавахъ, и о *піянственномъ веселіи*, которому царевичъ съ своими спутниками предавался очень не рѣдко (**).

(*) Сторонники царевича Алексѣя, с. 12 и 13.

(**) Въ числѣ спутниковъ Алексѣя Петровича въ заграничной поѣздкѣ было и нѣсколько человѣкъ его *компанейщиковъ*, т. е. членовъ его собора: Ники-

Но и веселясь, и учась, и исполняя, повидимому, съ готовностью и охотою всѣ желанія отца, Алексѣй Петровичъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своего таинственнаго *дѣла*, въ секретъ котораго посвященъ былъ всецѣло одинъ «прелюбезный радѣтель». Царевичъ безпрестанно давалъ своему духовнику разныя таинственныя коммиссіи, обстоятельно освѣдомлялся у него о событіяхъ на Москвѣ, просилъ его какія-то *вѣдомости тайныя* пересылать черезъ надежныхъ людей, и постоянно уговаривалъ Якова Игнатьева дѣйствовать, какъ можно осторожнѣе, чтобы не случилось и ему, царевичу, *какое зло*, «понеже (писалъ Алексѣй Петровичъ) смотрѣльщиковъ за вами много, и многіе вѣдаютъ, въ какомъ ты у меня состояніи, и что все мое тебѣ ввѣрено.» Писалъ иногда царевичъ къ своему «прелюбезному радѣтелю» и цифирною азбукою, и не мало радовался, что такою же азбукою можетъ отвѣчать ему и «радѣтель,»—«для того (говорилъ Алексѣй Петровичъ), когда какая нужда будетъ, и мы можемъ ею писать тайно, что надлежитъ.»

Такимъ образомъ, и дѣла, и наклонности, и привязанности, все тянуло царевича на родину, въ Москву; а въ Москвѣ о немъ вспоминали, заботились и тревожились не одни его *компанейщики* и пріятели: Алексѣй Петровичъ имѣлъ очень много партизановъ и приверженцевъ во всѣхъ слояхъ общества; за него были всѣ *большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не во авантажѣ обрѣтались,* и отголоскомъ мнѣній, надеждъ и желаній этихъ *большихъ бородъ* послужило между прочимъ «казанье» Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго,—«казанье,» надѣлавшее много шума и чуть-было не обошедшееся очень дорого краснорѣчивому проповѣднику. Въ 1712 году, на второй недѣлѣ поста, Стефанъ Яворскій, въ Успенскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа, произнесъ слово, наполненное рѣзкими намеками на разныя современныя обстоятельства, и «казанье» свое заключилъ такою молитвою къ святому Алексѣю: «О, угодниче Божій! не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ:

ѳоръ Вяземскій, Ѳедоръ Еварлаковъ, Иванъ Аѳанасьевъ и какой-то изъ Нарышкиныхъ.

онъ также; ты человѣкъ Божій: онъ также истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду; покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца, яко зеницу, отъ всякаго зла соблюди невредимо. Дай намъ видѣти его вскорѣ, всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся воспоминовеніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превожделѣннымъ присутствіемъ!» (*)

Алексѣй Петровичъ, по возвращеніи изъ-за границы, переписалъ это «казанье» для своей библіотеки. Онъ, вообще, очень интересовался проповѣдями Стефана Яворскаго, зная его за одного изъ ревностнѣйшихъ своихъ доброжелателей.

Вѣсть о женитьбѣ царевича произвела, какъ и слѣдовало ожидать, сильное волненіе между его друзьями и партизанами. Всѣ они, разумѣется, были противъ этого брака, главнымъ образомъ потому, что невѣста исповѣдовала *люторскій законъ* (**); когда же они увидѣли, что бракъ царевича, несмотря ни на что, все-таки состоится, мудрый и «прелюбезный радѣтель» сталъ первый совѣтовать своему духовному сыну—всячески стараться обратить еретичку Шарлоту въ православіе. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ что это невозможно.

Онъ, вообще, смотрѣлъ на женитьбу свою очень хладнокровно и готовился къ ней вовсе не такъ, какъ готовится къ такому дѣлу молодой человѣкъ, котораго женятъ противъ воли. Онъ нисколько не унывалъ, готовясь связать себя узами брака съ нѣмецкой принцессой. Взглядъ свой на принцессу царевичъ выказалъ еще прежде «прелюбезному радѣтелю» въ слѣдующемъ откровенномъ письмѣ:

«Извѣствую вашей святыни, писалъ онъ:—курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь Вольфенбительскій, живетъ близь Саксоніи, и у него есть дочь, дѣвица; а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ. И та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи, при королевѣ, аки у сродницы. И на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожъ мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ. И сіе батюшкѣ извѣстно стало. И онъ писалъ ко мнѣ нынѣ: какъ оная мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с. 31.

(**) О неудовольствіи партизановъ Алексѣя Петровича, по поводу женитьбы его на Нѣмкѣ, дѣдъ Шарлоты, герцогъ Антонъ—Ульрихъ, писалъ къ Урбиху, въ августѣ 1710 года (См. исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, ст. 24 и 25).

супружество? А я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу; и я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его волю согласую, чтобъ меня женилъ на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать» (*).

Изъ этихъ словъ, искренность которыхъ заподозривать невозможно, никакъ нельзя вывести заключенія, что Алексѣй Петровичъ питалъ къ невѣстѣ своей невыразимую антипатію, и что Петръ поступилъ, какъ безсердечный тиранъ, заставивъ сына поневолѣ жениться на ненавистной ему женщинѣ. Петръ вовсе не принeволивалъ Алексѣя Петровича жениться именно на Шарлотѣ Вольфенбительской и, вѣроятно, не пошелъ бы противъ желанія царевича, еслибы царевичу полюбилась какая нибудь другая принцесса. Петръ хотѣлъ только, чтобы сынъ его былъ женатъ не на русской, а на иноземкѣ, и хотѣлъ этого весьма основательно: во 1-хъ, изъ политическихъ видовъ, и принимавшихся, и принимающихся всегда и вездѣ въ расчетъ при бракосочетаніяхъ царственныхъ особъ; во 2-хъ, потому, что вліяніе умной и просвѣщенной иноземки могло быть для Алексѣя Петровича во всѣхъ отношеніяхъ несравненно благотворнѣе вліянія какой нибудь ограниченной и невѣжественной русской боярышни, насквозь пропитанной мудрыми правилами «Домостроя». Руководствуясь этими соображеніями, Петръ не могъ не остановить своего вниманія на принцессѣ Вольфенбительской: Шарлота, приходившаяся родной сестрой австрійской императрицы и племянницей англійскаго короля, была невѣстой очень выгодной. Шарлота, сверхъ того, какъ женщина, отличалась весьма многими качествами, вполнѣ объясняющими, почему именно на ней остановился проницательный взглядъ царя. Мы, конечно, знаемъ о супругѣ Алексѣя Петровича очень немного; но и, того, что мы о ней знаемъ, совершенно достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія. Самъ царевичъ, какъ мы уже видѣли, говорилъ про Шарлоту, что *она человѣкъ добръ*, и что лучше ея ему не сыскать; самъ г. Погодинъ, изложившій, по увѣренію г. Задлера, *съ свойственною ему художественностью*, *свой взглядъ о судѣ надъ Алексѣемъ Петровичемъ*, въ знаменитомъ произведеніи этомъ изрекаетъ слѣдующее: «Видно, что Петръ въ 1707 году, когда заключенъ былъ сва-

(*) Тамъ же.

дебный контрактъ, а равно и въ 1711 году, когда произошло бракосочетаніе, не имѣлъ къ сыну никакихъ непріязненныхъ отношеній и видѣлъ въ немъ своего наслѣдника; иначе не сталъ бы вводить его въ родство съ знаменитою Европейскою принцессою.» Какъ же называть послѣ того женитьбу Алексѣя Петровича новымъ доказательствомъ нелюбви къ нему отца, когда въ этой-то женитьбѣ именно и выражается чисто отеческая заботливость, чисто отеческое желаніе Петра устроить положеніе сына, какъ можно лучше? Съ точки зрѣнія романса: «ахъ, люди злые, вы ихъ разрознили сердца!»—поступокъ царя, конечно, долженъ казаться ужаснымъ; но вѣдь въ дѣлѣ Алексѣя Петровича не было никакого *разрозненья сердецъ*. Сердце царевича въ 1711 году было еще совершенно свободно: единственную страсть своей жизни, въ лицѣ знаменитой Афросиньи Ѳедоровой, Алексѣй Петровичъ извѣдалъ уже гораздо позже своего брака.

Бракъ этотъ совершенъ былъ 14 октября 1711 года, въ Торгау. Недѣли черезъ три послѣ свадьбы, царевичъ отправился въ Торунь, куда пріѣхала къ нему и молодая его супруга. Здѣсь жилъ онъ съ полгода, занимаясь собираніемъ провіанта для русской арміи, назначенной къ Штетину; потомъ, по царскому позелѣнію, отправился въ Померанію, для военныхъ дѣйствій. Шарлота осталась ждать его въ Эльбингѣ.

Весну и лѣто 1712 года Алексѣй Петровичъ провелъ подъ Штетиномъ, въ корпусѣ князя Меншикова; осень и зиму въ Мекленбургіи. Въ концѣ этого года, царевичъ, по волѣ отца, поѣхалъ, вмѣстѣ съ Екатериною Алексѣевною, въ Петербургъ; на дорогѣ думалъ было увидѣться съ женою, но въ Эльбингѣ ее уже не нашелъ: она задолго до этого уѣхала къ роднымъ, въ Брауншвейгъ.

Въ февралѣ 1713 года Шарлота, послѣ свиданія съ Петромъ въ Зальцдаленѣ, отправилась въ Петербургъ; супругъ же ея, вмѣстѣ съ государемъ, пошелъ въ Финляндію, къ Або, и вернувшись изъ этого похода не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ, тотчасъ же снова посланъ былъ отцемъ въ Старую Руссу и Ладогу, для распоряженій о сборѣ лѣса на скампавеи.

Въ началѣ августа 1713 года Алексѣй Петровичъ вернулся наконецъ въ Петербургъ и поселился съ молодою женою своею въ особомъ дворцѣ, на лѣвомъ берегу Невы, близь церкви Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. При царевичѣ въ это время состояли: баронъ Гюйсенъ, Никифоръ Вяземскій, Никифоръ Богдановъ, Иванъ Большой Аѳа-

насьевъ, Өедоръ Еварлаковъ, Яковъ Носовъ, Петръ Судаковъ и Петръ Мейеръ.

Возвращеніе Алексѣя Петровича на родину сильно обрадовало всѣхъ его многочисленныхъ друзей, партизановъ и приверженцевъ. Еще болѣе обрадовало ихъ то, что продолжительное пребываніе за границей нисколько не измѣнило царевича ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ: онъ пріѣхалъ изъ *нѣмечины* такимъ же, какимъ туда поѣхалъ, сохранилъ всѣ свои понятія, убѣжденія, воззрѣнія, привязанности, и *большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не во авантажѣ обрѣтались*, могли попрежнему съ умиленіемъ видѣть въ Алексѣѣ Петровичѣ свою *едину надежду*. «Кронпринцъ мало привезъ изъ Германіи нѣмецкаго чувства и права: большую часть времени проводитъ съ московскими попами и дурными людьми; сверхъ того преданъ пьянству», доносилъ Плейеръ своему правительству отъ 19 августа 1713 года; царевичъ же впослѣдствіи разсказалъ самъ о себѣ слѣдующій характеристичный *пассажъ*: «когда я пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ къ отцу моему въ Санктпитербурхъ, писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ показаній:—принялъ онъ меня милостиво и спрашивалъ, не забылъ ли я, чему учился? На что я сказалъ, будто не забылъ, и онъ мнѣ приказалъ къ себѣ принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся, чтобы меня не заставилъ чертить при себѣ, понеже бы не умѣлъ, умыслилъ испортить себѣ правую руку, чтобъ невозможно было оною ничего дѣлать, и, набивъ пистоль, взявъ его въ лѣвую руку, стрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулькою; и хотя пулька миновала руки, однакожъ порохомъ больно опалило; а пулька пробила стѣну въ моей каморѣ, гдѣ и нынѣ видимо. И отецъ мой видѣлъ тогда руку мою опаленную и спрашивалъ о причинѣ, какъ учинилось? Но я ему тогда сказалъ иное, а не истину. Отъ чего мочно видѣть, что хотя имѣлъ страхъ, но не сыновскій (*).»

Не болѣе заграничной жизни оказала вліянія на Алексѣя Петровича и заграничная его супруга. Царевичъ и кронпринцесса рѣшительно не могли сойтись другъ съ другомъ, хотя и жили, повидимому, въ любви и согласіи. Возросшей не въ правилахъ «Домостроя» и тому подобныхъ кодексовъ татарско-византійской мудрости, Шарлотѣ не могли не быть антипатичными весьма многія привычки и

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с. 34.

замашки ея благовѣрнаго супруга; царевичъ же, съ своей стороны, требовалъ отъ жены вовсе не того, что могла дать ему Шарлота, а потому положеніе молодой четы далеко не могло назваться блаженнымъ и завиднымъ. Шарлота грустила и тосковала; Алексѣй Петровичъ сердился, жаловался на жену своимъ друзьямъ и приближеннымъ и, по русскому обычаю, топилъ горе въ винѣ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая какой нибудь *важной перемѣны* и въ своей собственной судьбѣ, и въ судьбахъ всего россійскаго государства. Какъ негодовалъ иногда царевичъ на свою супругу и на всѣхъ тѣхъ, которые, по его мнѣнію, содѣйствовали его женитьбѣ—можно видѣть изъ слѣдующаго, весьма интереснаго, разсказа камердинера Алексѣя Петровича, Ивана Большаго–Аѳанасьева:

«Царевичъ былъ въ гостяхъ, писалъ Аѳанасьевъ въ показаніи своемъ отъ 1 мая 1718 года:—пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронпринцессѣ, а оттуда ко мнѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «Вотъ-де Гаврилъ Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ-де со мною говорить; развѣ-де я умру, то я ему не заплачу. А сыну его, Александру, головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго: они-де и батюшкѣ писали, чтобъ на ней жениться.» Я ему молвилъ: «Царевичъ государь, изволишь сердито говорить и кричать. Кто услышитъ и пронесутъ имъ: будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не только они.» Онъ мнѣ молвилъ: «я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они и нехотя меня свидѣтелемъ учинятъ». Я стою и молчу. Онъ мнѣ говоритъ: «что ты молчишь и задумался?» Я молвилъ: «что мнѣ, государь, говорить?» Посмотрѣлъ на меня долго, и пошелъ молиться въ Крестову. Я пошелъ къ себѣ.

«Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково, и спрашиваетъ: «не досадилъ–ли я вчерась кому?» Я сказалъ: нѣтъ. «Инъ не говорилъ-ли я пьяный чего?» Я ему сказалъ: говорилъ, что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: «кто пьянъ не живетъ? У пьянаго всегда много слишкомъ словъ. Я поистинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ говорю много; а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напра-

сныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, вѣдь—де тебѣ не повѣрятъ. Я запруся, а тебя станутъ пытать». Самъ говорилъ, а самъ смѣялся. Я сказалъ: что мнѣ до этого дѣло и кому мнѣ сказывать (*)?..

Любопытный разсказъ этотъ, дающій намъ весьма удовлетворительное понятіе о чувствахъ Алексѣя Петровича къ женѣ, указываетъ еще разъ и на тѣ надежды, на тѣ желанія царевича, основаніями которыхъ служили ненависть къ отцу его, и недовольство своимъ положеніемъ. Мечты о томъ, что *будетъ время безъ батюшки*, были любимыми мечтами Алексѣя Петровича и высказывались имъ постоянно въ его пріятельскомъ кругу и въ письмахъ къ «прелюбезному радѣтелю», который, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляя всѣ симпатіи и антипатіи своего духовнаго сына, только подливалъ масло въ огонь своими совѣтами, наставленіями и предположеніями. Не успѣвъ воспрепятствовать женитьбѣ царевича на сретичкѣ, т. е. на люторэнкѣ, Яковъ Игнатьевъ съ нетерпѣніемъ дожидался плодовъ этого брака, принимая во вниманіе, что это обстоятельство должно упрочить за Алексѣемъ Петровичемъ права на престолонаслѣдіе. Не прошло еще семи мѣсяцевъ послѣ свадьбы, а уже «прелюбезный радѣтель» съ любопытствомъ освѣдомлялся у своего духовнаго сына, въ какомъ положеніи находится его супруга, и скоро ли она разрѣшится отъ бремени?

Брачнаго плода Алексѣй Петровичъ съ духовникомъ дождались не скоро: Шарлота родила своего перваго ребенка 12 іюля 1714 года. Это была дочь, названная Наталіею. Царевича въ то время въ Петербургѣ не было. Еще въ началѣ 1714 года онъ почувствовалъ себя очень нездоровымъ; доктора нашли, что у него чахотка и присовѣтовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Петръ изъявилъ на это свое согласіе, и Алексѣй Петровичъ, 4 іюня, выѣхалъ изъ Петербурга подъ именемъ русскаго офицера. Путь, вообще, былъ тогда очень не безопасенъ, въ особенности же путь въ окрестностяхъ Данцига. Это сильно безпокоило Петра, и онъ приказалъ русскому послу въ Вѣнѣ, Матвѣеву, испросить у цесаря, для охраненія царевича, надлежащій конвой. Подобною заботливостью о сынѣ Петръ не въ первый уже разъ доказывалъ, что питаетъ къ Алексѣю Петровичу вовсе не такія чувства, какія питалъ къ отцу Алексѣй Петровичъ.

Почти—что черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ своемъ изъ Петербурга царевичъ прибылъ въ Берлинъ, а оттуда отправился въ Карлсбадъ че-

(*) Тамъ же, ст. 35.

резъ Франкфуртъ на Одерѣ. Въ Карлсбадъ онъ пріѣхалъ въ концѣ іюля и остался, почему-то, очень недоволенъ назначеннымъ къ нему, для охраненія его, отъ цесаря, графомъ. По совѣту докторовъ, Алексѣю Петровичу тотчасъ же пустили банками кровь, послѣ чего онъ сталъ пользоваться водами.

Во время этого пользованія, царевичъ очень прилежно читалъ сочиненіе Баронія, выписывалъ изъ него нравившіяся ему мѣста, и выписки свои нерѣдко снабжалъ собственнаго издѣлія примѣчаніями и разсужденіями. И въ этихъ примѣчаніяхъ и разсужденіяхъ, и въ самыхъ выпискахъ ярко высказывался образъ мыслей Алексѣя Петровича,—тотъ образъ мыслей, за который такъ любили царевича всѣ *большія бороды, ради тунеядства своего не во авантажѣ обрѣтавшіяся.* Наиболѣе нравившіяся Алексѣю Петровичу въ сочиненіи Баронія мѣста были такого рода:

«Тюремщиковъ на пасху отпускали Валентіанъ и Θеодосій.

«Постъ въ среду въ Римѣ издавна. Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать; не іерейское дѣло, что разумѣютъ, не глаголати. (Глаголетъ Амвросій).

«Θеодосій царь далъ право, чтобъ не казнить въ великій постъ.

«Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хотя малымъ знакомъ отъ православія отлучаются.

«Постъ рожественскій при Августинѣ былъ (а нынѣ у Римлянъ нѣтъ).

«Θеодосій юнѣйшій среду и пятокъ постилъ. (Что же нынѣ Римляне отметаютъ среды?)

«Сардійскій соборъ помѣстный названъ вселенскимъ неправо, и правило о апеляціи до Риму лживо.

«Причащали подъ двѣма виды при Львѣ папѣ.

«О письмѣ Льва папы, что писалъ къ Толетанскому собору о исхожденіи Духа святаго *отъ Сына* (ложь) и будто сіе на томъ соборѣ уставлено (и то также ложь), понеже къ символу прежь сего и въ Духа святаго на старомъ вселенскомъ соборѣ, а не на семъ, только окромѣ прилога *и отъ сына.*

«О владѣніи Льва папы Цариградомъ не весьма правда.

«Валентіанъ цесарь убитъ за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣяніе. Максимъ цесарь убитъ отъ того, что повѣрилъ себя женѣ (и о семъ ту главу всю не безъ пользы честь).

«Левъ двоеженъ и вдовъ женъ имѣющихъ святить во священство не велѣлъ.

«Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ; и похвала долгому, а короткому сопротивное.

«Постъ великій царя Іустиніана.

«Іустиніанъ будто писалъ къ папѣ, что онъ глава всѣмъ (не весьма правда); а хотябъ и писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе.

«Хилперикъ французскій король убитъ для отыму отъ церквей имѣнія.

«Чудо великое Іоанна Милостиваго, когда Мѣдь (во отбираніи злата отъ Ираклія царя греческаго отъ церкви) обратился въ злато.

«Махометанское злочестіе чрезъ бабъ расширилось, которыя для лживаго его пророчества охотно приняли (зри охота бабъ къ пророкамъ лживымъ)» (*).

Поправившись здоровьемъ, Алексѣй Петровичъ вернулся въ Петербургъ въ концѣ декабря 1714 года. Шарлота вскорѣ опять забеременила; но это было со стороны ея супруга однимъ только простымъ исполненіемъ супружескаго долга, въ которомъ нисколько не участвовало нѣжное чувство: сердце царевича въ это время уже всецѣло принадлежало другой женщинѣ, крѣпостной дѣвкѣ Никифора Вяземскаго, Афросиньѣ Ѳедоровой, которую Алексѣй Петровичъ полюбилъ искренно и страстно.

Крѣпостная дѣвка Никифора Вяземскаго приходилась, дѣйствительно, гораздо болѣе подъ пару царевичу, нежели принцесса Вольфенбительская. Съ Афросиньей Алексѣй Петровичъ сходился во всемъ: и въ понятіяхъ, и въ воззрѣніяхъ, и въ симпатіяхъ, и въ антипатіяхъ. Съ ней могъ поступать и говорить онъ нараспашку, и ей былъ понятенъ и милъ его языкъ, ему былъ понятенъ и милъ ея. Шарлота знала объ этой связи и хотя не питала къ мужу особенно нѣжныхъ и пылкихъ чувствъ, но все-таки очень огорчалась и оскорблялась его невѣрностью, сознавая вполнѣ все свое превосходство надъ своей жалкой соперницей. Она огорчалась и досадовала, но бороться съ Афросиньей не рѣшалась: Шарлота понимала, что борьба эта не приведетъ ни къ чему; она видѣла, что между ея

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, приложеніе 35, с. 324, 325 и 326.

мужемъ и его любовницею образовалась та прочная связь, основанная на сродствѣ душъ, которой не разорвать женщинѣ, неимѣющей на мужчину никакихъ другихъ правъ, кромѣ правъ, предоставляемыхъ закономъ и пустою формальностью. И Шарлота, съ грустью, но безропотно покорилась своей незавидной долѣ; царевичъ же, очень довольный уступчивостью супруги, наслаждался *духовнѣ и тѣлеснѣ* съ избранницею своего сердца, съ каждымъ днемъ привязываясь къ ней болѣе и болѣе...

Любовь къ Афросиньѣ—первая и послѣдняя любовь Алексѣя Петровича—была, дѣйствительно, самымъ яркимъ лучемъ въ его жизни, такъ неудачно начатой, такъ тревожно веденной и такъ трагически кончившейся. Только въ обществѣ своей любовницы, да въ безцеремонномъ кружкѣ своихъ интимныхъ друзей отдыхалъ царевичъ душой и проводилъ время съ удовольствіемъ. Помогать же отцу, работать по его инструкціямъ, слушаться его — было для царевича просто невыносимо, и онъ не разъ, напримѣръ, нарочно принималъ лекарства, «притворяя себѣ болѣзнь», чтобъ только не исполнять разныхъ царскихъ порученій и приказаній. Онъ съ отвращеніемъ ѣздилъ даже на корабельные спуски, на обѣды и праздники, въ которыхъ участвовалъ отецъ, и всегда въ такихъ случаяхъ говаривалъ своимъ друзьямъ: «лучше бы я на каторгѣ былъ, или лихорадкою лежалъ, а нежели бы тамъ былъ». Друзья, конечно, вторили ему во всемъ дружнымъ хоромъ, и начинались у нихъ вѣчные толки и разсужденія о «старыхъ добрыхъ временахъ», о «введеніи всего дурнаго», да о томъ, что Петръ—«тиранъ и врагъ своего народа; посему не безъ опасенія, что подданные его погубятъ, и Богъ его накажетъ». Послѣднее очень радовало Алексѣя Петровича; радовали его также вѣсти, что его, царевича, въ народѣ любятъ, пьютъ за его здоровье и называютъ его *надеждою россійскою*. Слыша это, Алексѣй Петровичъ невольно увлекался розовыми мечтами и начиналъ, по обыкновенію, фантазировать на тему — какъ будетъ онъ жить, и что будетъ дѣлать, когда будетъ царемъ; кого тутъ покараетъ, кого пожалуетъ, кого превознесетъ, кого низвергнетъ. Мечты эти были не праздными мечтами, безплодно тѣшившими Алексѣя Петровича въ минуты досуга: онъ всячески старался объ ихъ осуществленіи; а друзья помогали ему, какъ могли, питая и поддерживая въ немъ разныя, и основательныя и неосновательныя, надежды. Главнѣйшимъ образомъ и царевичъ, и друзья его надѣялись на чернь, на ду-

ховенство и на раскольниковъ, въ высшей степени непріязненно расположенныхъ къ царю за его реформы и нововведенія. Когда же ему сообщали, что народъ уже кое-гдѣ начинаетъ терять терпѣніе и готовъ взволноваться, — это производило на него самое пріятное впечатлѣніе, и онъ навѣрное не отказался-бы отъ участія въ движеніи недовольныхъ, еслибы такое движеніе состоялось въ надлежащихъ размѣрахъ и приняло благопріятный оборотъ.

Надѣялся также царевичъ на болѣзни отца, очень часто хворавшаго вслѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ и не совсѣмъ-то согласной съ правилами гигіены и діэтетики жизни.

Въ ожиданіи этой вожделѣнной смерти, царевичъ, по совѣту друзей, думалъ уѣхать за границу и «остаться тамъ, гдѣ-нибудь, ни для чего иного, только бъ что прожить, отдалясь отъ всего, въ покоѣ». Мысль о бѣгствѣ за границу преслѣдовала его неотступно до той самой минуты, пока не осуществилась на дѣлѣ.

Осуществилась она на дѣлѣ, какъ извѣстно, въ сентябрѣ 1716 года. 12 октября 1715 года у царевича родился сынъ Петръ. Кронпринцесса послѣ этихъ родовъ была постоянно нездорова, и 22 октября, въ полночь, скончалась. Алексѣй Петровичъ, никогда не питавшій, какъ мы уже говорили, къ супругѣ своей, при ея жизни, особенно нѣжныхъ чувствъ, по кончинѣ Шарлоты, по свидѣтельству Плейера, былъ внѣ себя отъ горести и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Въ день погребенія кронпринцессы, возвратясь изъ Петропавловскаго собора въ домъ царевича, для поминовенія усопшей, Петръ отдалъ сыну письмо, подписанное за шестнадцать дней передъ тѣмъ въ Шлиссельбургѣ, наканунѣ рожденія Петра Алексѣевича. Вотъ что было въ этомъ письмѣ:

«Объявленіе сыну моему.

«Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбоэрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкали. Но потомъ, когда сія война началась, (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискуства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышереченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ

котораго трепетали, едва не вящшее нынѣ отъ насъ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено.

«Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва неравная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдства весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины, полюбить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили, и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ? Аще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять: но сіе во истину не есть резонъ: ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть: ибо, во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе? Хотя кому до обоимъ дѣла нѣтъ, и до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, кольми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь, оружіе) оставятъ! Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышеупомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ самъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и предъ очми имѣлъ; чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюш-

ня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій, который не много на войнѣ самъ былъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому, и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и манифактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ!

«Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеописанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь, все, что Богъ далъ, бросилъ!). Еще же и сіе воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ; къ тому же столько лѣтъ почитай не говорю съ тобою. Но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все насторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться, хотя отъ другой половины и все противно идетъ. Однакожъ всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишетъ: како той можетъ церковь Божію управить, иже о домѣ своемъ не радитъ?) не точію тебѣ, но и всему государству.

«Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, то я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный; и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ (*), и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный (**)».

(*) Въ *объявлени розыскнаго дѣла и суда надъ царевичемъ* на полѣ напечатано: «Сіе слово написано въ ту мѣру, понеже писано то письмо до рожденія царевича Петра Петровича за 18 дней; и тако въ то время былъ онъ, царевичъ Алексѣй, одинъ».

(**) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т: VI, с. 46—49:

Прочитавъ это посланіе, Алексѣй Петровичъ тотчасъ же обратился къ другу своему Кикину съ вопросомъ: что дѣлать? Кикинъ совѣтовалъ отречься отъ престола по слабости здоровья. То же говорилъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, пользовавшійся въ то время особенною довѣренностью Петра. «Давай писемъ хоть тысячу, присовокупилъ Долгорукій:—еще когда что будетъ! Старая пословица: улита ѣдетъ, коли то будетъ. Это не запись съ неустойкою, какъ мы прежь сего межь себя давывали».

Ободренный этими словами, царевичъ подалъ отцу слѣдующее письмо:

«Милостивый государь-батюшка!

«Сего октября въ 27 день 1715 года, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государя, вычелъ; на что иного донести не имѣю, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого слабаго, какъ я. Того ради, наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе!) россійскаго на васъ (хотя бы и брата у меня не было; а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Боже здравіе!) не претендую и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу, себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую,

«всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй (*).»

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого отвѣта, Петръ заболѣлъ, и заболѣлъ не на-шутку. Положеніе его было такъ опасно, что нѣсколько дней всѣ министры и сенаторы ночевали во дворцѣ. 2 декабря царь пріобщился святыхъ таинъ и засимъ до самаго Рождества невыходилъ изъ комнаты. Алексѣй Петровичъ навѣстилъ его только одинъ разъ, и съ лихорадочнымъ волненіемъ ожидалъ—не приметъ ли отцовская болѣзнь *надлежащій*, вожделѣнный оборотъ... «Отецъ твой не болѣнъ тяжко, разочаровывалъ его между тѣмъ Кикинъ:—онъ исповѣдывается и при-

(*) Тамъ же с. 49 и 50.

чащается нарочно, являя людямъ, что гораздо болѣнъ; а все притворъ. Что же причащается,—у него законъ на свою стать».

Петръ, дѣйствительно, къ величайшему прискорбію своего нѣжнаго сына и достойныхъ друзей его, поправился, и 19 января 1716 года написалъ къ Алексѣю Петровичу слѣдующее письмо, въ которомъ предлагалъ ему или перемѣниться или постриться.

Получивъ это письмо, Алексѣй Петровичъ снова сталъ совѣтоваться съ Кикинымъ. Кикинъ весьма основательно замѣтилъ, что «вѣдь не гвоздемъ клобукъ къ головѣ прибитъ»,—и царевичъ тотчасъ же отвѣчалъ отцу слѣдующимъ коротенькимъ письмецомъ:

«Милостивѣйшій государь—батюшка!

Письмо ваше, написанное въ 19 день сего мѣсяца, я получилъ того же дня поутру, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о немъ милостиваго позволенія.

«Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй.» (*)

Черезъ недѣлю послѣ этого письма, Петръ отправился за границу, и за два дня до отъѣзда посѣтилъ сына, котораго нашелъ въ постелѣ, притворно больнымъ. На вопросъ отца: «какую резолюцію взялъ»—Алексѣй Петровичъ клялся предъ Богомъ, что желаетъ одного—постричься. «Это молодому человѣку не легко, сказалъ Петръ:—одумайся, не спѣша; потомъ пиши ко мнѣ, что̀ хочешь дѣлать. А лучше бы взялся за прямую дорогу, нежели въ чернцы. Подожду еще полгода».

Выраженіе: «одумайся, не спѣша» ободрило царевича. «Я и отложилъ вдаль», говорилъ онъ самъ впослѣдствіи.

Вскорѣ послѣ царскаго отъѣзда отправился за границу и Кикинъ, давъ Алексѣю Петровичу слово—*найдти ему какое нибудь мѣсто*. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, въ концѣ сентября 1716 года, царевичъ получилъ отъ отца, изъ Копенгагена, собственноручное письмо въ которомъ царь настоятельно требовалъ рѣшенія Алексѣя: «По полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши, куды и въ которое время и

(*) Тамъ же.

день (дабы я покой имѣлъ въ своей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу).

Получивъ это письмо, Алексѣй Петровичъ отправился тотчасъ же къ князю Меншикову и объявилъ ему о намѣреніи своемъ ѣхать къ отцу. Возвратившись отъ Меншикова домой, царевичъ позвалъ камердинера своего Ивана Большаго-Аѳанасьева и спросилъ его: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?» Аѳанасьевъ обѣщался хранить секретъ. «Я не къ батюшкѣ поѣду; поѣду къ цесарю или въ Римъ», сказалъ царевичь.—«Воля твоя, государь; только я тебѣ не совѣтникъ», отвѣчалъ Аѳанасьевъ.— «Для чего?» —«Того ради: когда тебѣ удастся, то хорошо; а если не удастся, ты же на меня будешь гнѣваться.»— «Однакоже ты молчи, и про сіе никому не сказывай, заключилъ царевичь:—Только у меня про это ты знаешь, да Кикинъ; и для меня онъ въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что съ нимъ не увижусь. Авось па дорогѣ.» Передъ самымъ отъѣздомъ, Алексѣй Петровичъ былъ въ сенатѣ, чтобы проститься съ сенаторами, на которыхъ онъ, въ случаѣ *чего либо*, сильно разсчитыталъ.

Съ такими надеждами и предположеніями выѣхалъ Алексѣй Петровичъ изъ Петербурга, 26 сентября 1716 года. Онъ взялъ съ собою Афросинью, брата ея Ивана Ѳедорова и служителей Якова Носова, Петра Судакова и Петра Мейера. На пути изъ Риги, въ четырехъ миляхъ отъ Либавы, встрѣтилась ему тетка его, царевна Марія Алексѣевна, возвращавшаяся изъ Карлсбада. Царевичъ пересѣлъ въ карету къ теткѣ и долго съ ней разговаривалъ. «Куда ѣдешь?» спросила Марія Алексѣевна.—«Ѣду къ батюшкѣ,» отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ.—«Хорошо, сказала царевна:—надобно отцу угождать; то и Богу пріятно. Чтобы прибыли было, еслибъ ты въ монастырь пошелъ?»—«Я ужъ не знаю, буду ли угоденъ, или нѣтъ; ужъ я себя чуть знаю отъ горести; я бы радъ куда скрыться,» отвѣчалъ царевичъ, и горько заплакалъ.—«Куда тебѣ отъ отца уйтить; вездѣ тебя найдутъ,» возразила Марія Алексѣевна, и за симъ завела рѣчь о матери царевича. «Забылъ ты ее, говорила она:—не пишешь и не посылаешь ей ничего. Послалъ ли ты послѣ того, какъ чрезъ меня была посылка?» Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что отдалъ, для передачи матери, деньги Ѳедору Дубровскому; на требованіе же письма сказалъ: «я писать опасаюсь.»—«А что, возразила царевна:—хотя бы тебѣ и пострадать, такъ ничего: вѣдь за мать, не за кого

инаго.»—«Что въ томъ прибыли, сказалъ царевичъ:—что мнѣ бѣда будетъ; а ей пользы ни какой! Жива-ль она?» — «Жива, отвѣчала Марія Алексѣевна:—было откровеніе ей самой и другимъ, что отецъ твой возьметъ ее къ себѣ, и дѣти будутъ, такимъ образомъ: отецъ твой будетъ болѣнъ, и произойдетъ нѣкоторое смятеніе; онъ пріѣдетъ въ Троицкій монастырь на Сергіеву память; мать твоя будетъ тутъ же; онъ исцѣлѣетъ отъ болѣзни и возьметъ ее къ себѣ, и смятеніе утишится. А Петербургъ не устоитъ за нами: быть ему пусту. Многіе говорятъ о томъ.»

Зашла потомъ рѣчь о царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и Алексѣй Петровичъ отзывался о ней хорошо. «Что хвалишь ее? сказала царевна:—Вѣдь она не родная мать. Гдѣ ей такъ тебѣ добра хотѣть! Митрополитъ рязанскій и князь Ѳедоръ Юрьевичь объявленіе ея царицею не благо приняли. Къ тебѣ они склонны. Я тебя люблю и всегда рада всякаго добра: не много васъ у насъ; только бы ты ласковъ былъ.»

На этомъ тетка и племянникъ простились. Въ Либавѣ Алексѣй Петровичъ видѣлся съ Кикинымъ и спросилъ его—нашелъ ли ему какое мѣсто? «Нашелъ, отвѣчалъ Кикинъ:—поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю: тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при дворѣ, за что тебя лишаютъ наслѣдства? Я ему отвѣчалъ: знаешь самъ, что его не любятъ; я чаю, для того больше, а не для чего инаго. Веселовскій говорилъ о тебѣ съ вицеканцлеромъ Шёнборномъ, и по докладу его, цесарь сказалъ, что приметъ тебя, какъ сына. Вѣроятно, дастъ денегъ тысячи по три гульденовъ на мѣсяцъ.»

Слова эти заставили Алексѣя Петровичъ принять окончательное рѣшеніе: проѣхавъ Данцигъ, царевичъ исчезъ...

На этомъ мы остановимся. Мы не безъ умысла остановились на перепискѣ Петра съ сыномъ; письма царя служатъ одними изъ главнѣйшихъ обвинительныхъ актовъ, на которыхъ разыгрываются обличительныя фантазіи г. Погодина и другихъ ярыхъ антогонистовъ «великаго преобразователя нашего,» и мы не можемъ оставить этихъ фантазіи безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Первое письмо царя, отданное царевичу въ день погребенія кронпринцессы, обращаетъ на себя въ особенности вниманіе антагонистовъ Петра, и г. Погодинъ, упомянувъ объ этомъ письмѣ, «*съ свойственною ему художественностію*» предается слѣдующимъ размышленіямъ:

«Алексѣй является вдругъ ни къ чему и никуда неспособнымъ, отчаяннымъ, и получаетъ страшную угрозу, безъ всякихъ, предъ тѣмъ извѣстныхъ, вызывающихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ, по крайней мѣрѣ, видимыхъ, побудительныхъ причинъ!

«А писано было письмо за 16 дней, наканунѣ рожденія сына у царевича; отдано наканунѣ рожденія сына у царя.

«Въ недоумѣніе приходитъ всякій здравомыслящій и безпристрастный изслѣдователь. Что за странности? Царь пишетъ письмо къ сыну съ угрозою лишить его наслѣдства, но не отдаетъ письма, и на другой день по написаніи рождается у царевича сынъ, новый наслѣдникъ; царь держитъ у себя письмо и отдаетъ только черезъ 16 дней, въ день погребенія кронпринцессы, а на другой день послѣ отдачи рождается у него сынъ!

«Вопросы, одинъ за другимъ, тѣснятся у изслѣдователя....»

Вопросы, точно, одинъ за другимъ, тѣснятся у изслѣдователя,— только располагаются-то они въ мозгу его вовсе не такъ, какъ располагаютъ въ мозгу г. Погодина, и отвѣты на нихъ, по нашему мнѣнію, должны быть вовсе не такіе, какіе даетъ Михаилъ Петровичъ. Начнемъ съ того, что царевичъ совсѣмъ не *вдругъ является ни къ чему и никуда неспособнымъ* въ глазахъ отца и получаетъ отъ него угрозу *безъ всякихъ, предъ тѣмъ извѣстныхъ, вызывающихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ, по крайней мѣрѣ, видимыхъ, побудительныхъ причинъ*. Алексѣй Петровичъ давно уже, своимъ поведеніемъ, своими поступками, своими наклонностями и привычками, охлаждалъ къ себѣ отца, и Петръ самъ, въ письмѣ своемъ, напоминаетъ сыну, что онъ не разъ долженъ былъ бранить и наказывать его за его *злой нравъ и упрямство*. «Но ни что сіе успѣло, прибавляетъ царь:—ни что пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и веселиться, и все противно идетъ». Царевичъ, говорятъ его защитники, не разъ получалъ отъ отца разныя порученія и выполнялъ ихъ хорошо,— стало быть, Петръ долженъ былъ быть имъ доволенъ. Да, говоримъ и мы, Алексѣй Петровичъ выполнялъ всѣ возлагавшіяся на него порученія, повидимому, исправно и акуратно; но развѣ человѣкъ съ такимъ проницательнымъ умомъ, какъ Петръ, не понималъ, что единственнымъ мотивомъ исправности и акуратности сына былъ страхъ; что не будь этого мотива, милый сынокъ не сдѣлалъ бы ни шагу изъ своего любезнаго Преображенскаго, не ударилъ бы пальца о па-

лецъ, промѣнялъ бы все на свѣтѣ на *піянственное веселіе* съ своими несравненными друзьями, да на *конверсацію съ попами и чернцами?* «Не трудовъ, но охоты желаю», говорилъ Петръ въ письмѣ къ сыну; а у сына-то именно и не было охоты ни къ чему порядочному. Онъ самъ признавался, что ему были до омерзѣнія противны *всѣ дѣла* его отца; онъ самъ говорилъ, что когда даже приглашали его на царскіе обѣды, или на корабельные спуски, то онъ желалъ бы лучше *на каторгѣ быть, или въ лихорадкѣ лежать,*— и мы вѣримъ вполнѣ искренности его словъ, мы знаемъ, что Алексѣй Петровичъ не могъ думать и чувствовать иначе. Это были прекрасные плоды его первоначальнаго воспитанія; это были непосредственные результаты пагубнаго вліянія на него—сначала матери, съ окружавшими ее святошами и блаженными, потомъ—«прелюбезнаго радѣтеля» и другихъ *компанейщиковъ* царевича, узколобыхъ и неотесанныхъ старовѣровъ, окончательно сбившихъ съ толку слабоголоваго и слабохарактернаго Алексѣя Петровича. А винить Петра за то, что онъ не позаботился надлежащимъ образомъ о воспитаніи сына, будущаго наслѣдника престола, съ самыхъ первыхъ, нѣжныхъ лѣтъ его дѣтства—рѣшительно невозможно. Мы говорили уже объ этомъ въ предшествующей статьѣ, и повторяемъ здѣсь еще разъ, что Петръ самъ, въ пору дѣтства Алексѣя Петровича, былъ еще очень молодъ; Петръ самъ только что наслѣдовалъ; Петръ самъ только что начиналъ многому учиться и знакомиться съ дѣлами, и въ головѣ его было столько всякихъ замысловъ, столько всякихъ плановъ и предноложеній, что мысль о необходимости приготовить себѣ достойнаго преемника, естественно, не могла еще приходить ему на умъ. Какъ скоро же царь сталъ немного посвободнѣе, какъ скоро важнѣйшія государственныя дѣла приведены были имъ въ нѣкоторый порядокъ,—онъ тотчасъ же обратилъ на сына серьезное вниманіе; но сѣмена, посѣянныя Евдокіею Ѳедоровной и ея приближеными, запали уже такъ глубоко въ умъ и душу царевича, что ихъ не могли искоренить оттуда ни уроки умнаго Гюйссена, ни совѣты и наставленія самого Петра, ни походы, ни поѣздка за границу. Изъ-за границы—какъ мы уже видѣли—Алексѣй Петровичъ, къ великой радости друзей своихъ, вернулся точно такимъ же, какимъ туда поѣхалъ, и даже женитьба на иноземкѣ—вопреки пословицѣ: «женишься перемѣнишься»—не измѣнила его нисколько. Словомъ, царевичъ, по русскому выраженію, вышелъ весь въ мать, и его, какъ горбатаго, могла исправить одна могила.

Въ письмѣ своемъ къ сыну Петръ, между прочимъ, укоряетъ его за то, что онъ, мало того, что не любитъ воинскаго дѣла, но ниже *слышать хощетъ* о немъ. «Нерасположеніе къ войнѣ — развѣ это преступленіе?» вопрошаетъ по этому поводу г. Погодинъ. Конечно, не преступленіе, отвѣчаемъ мы; но вѣдь Петръ же и не называетъ за это царевича преступникомъ, а только говоритъ ему, что познанія въ воинскомъ дѣлѣ рѣшительно необходимы для государя,— въ особенности же для государя, находящагося въ такомъ положеніи, въ какомъ находился тогда русскій царь. «Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона», говоритъ Петръ, и съ справедливостью этихъ словъ, надѣемся, согласится и г. Погодинъ. Г. Погодинъ, вообще, въ разбираемомъ нами письмѣ видитъ нѣчто чрезвычайное, нѣчто ужасное и таинственное вмѣстѣ, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, смыслъ и значеніе этого письма весьма понятны, ясны и разумны. Давно уже приглядываясь проницательнымъ взглядомъ къ своему первенцу-сыну, давно уже и внимательно слѣдя за его наклонностями и поведеніемъ, за его вкусами и тенденціями, Петръ не могъ не придти къ убѣжденію, что первенецъ-сынъ будетъ самымъ плохимъ преемникомъ своего отца; что онъ нетолько что не поддержитъ его реформъ и начинаній, но, неминуемо, *разорителемъ оныхъ станетъ* и повернетъ все на прежнюю, старую дорогу. Убѣжденіе это было не радостно для царя: онъ вѣдь сначала любилъ Алексѣя Петровича, и не разъ, какъ мы уже знаемъ, доказывалъ ему любовь свою на дѣлѣ; онъ искренно желалъ, чтобы Алексѣй Петровичъ былъ достойнымъ его наслѣдникомъ и долго не терялъ надежды, что желаніе его исполнится. Но ожиданія его были напрасны. Царевичъ самъ, неуклонно шелъ къ тому, чтобъ разорвать всякую связь съ отцомъ, платилъ ему за его любовь непріязнью и антипатіей, тяготился даже его присутствіемъ, искалъ постоянно общества людей, враждебныхъ Петру, — и Петръ, все это видѣвшій, все это замѣчавшій, все это знавшій, сталъ тоже охладѣвать къ царевичу. Отецъ и сынъ, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе чуждыми другъ другу, и наконецъ—сынъ остановился на намѣреніи уѣхать куда нибудь за границу и жить тамъ въ ожиданіи отцовской кончины; въ головѣ же отца, думавшаго прежде всего о Россіи, мелькнула мысль, что «*лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный*...»

А тутъ еще дѣло наше принимало такой оборотъ, что Алексѣй Петровичъ могъ быть замѣненъ не чужимъ, а *своимъ*—сыномъ женщины, умѣвшей снискать самую горячую любовь, самое искреннее расположеніе Петра. Вліяніе Екатерины на судьбу царевича несомнѣнно; несомнѣнно и вліяніе Меншикова. Меншиковъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ движимый чувствомъ сомосохраненія; Екатерина дѣйствовала, какъ мать, заботившаяся и безпокоившаяся объ участи дѣтей своихъ. Петръ не могъ не покориться вліянію жены и любимца, не могъ не раздѣлять весьма основательныхъ опасеній Екатерины и Меншикова насчетъ ихъ будущности въ случаѣ воцаренія Алексѣя Петровича,—и что же въ этомъ неестественнаго? Развѣ естественнѣе было бъ, еслибы Петръ пожертвовалъ милыми людьми ради немилыхъ? Развѣ лучше, умнѣе, гуманнѣе было бъ, еслибъ онъ далъ полную волю неспособному и безпутному сыну, оставивъ на его произволъ и жену свою, и дѣтей ея, и преданныхъ, испытанныхъ друзей, и всю Россію? «Петръ былъ отецъ Алексѣя,—стало быть, Петръ долженъ былъ любить Алексѣя», говорятъ остроумные обличители и порицатели «великаго преобразователя нашего», и аргументъ этотъ кажется имъ неотразимо побѣдоноснымъ. Положимъ, что это и такъ; но вѣдь едва-ли не столь же побѣдоноснымъ будетъ и слѣдующій аргументъ: Петръ былъ отцомъ дѣтей, рожденныхъ имъ отъ Екатерины,—стало быть, Петръ долженъ былъ любить дѣтей, рожденныхъ отъ него Екатериной. Или, можетъ быть, дѣтей отъ любимой жены любить не слѣдуетъ? Или, можетъ быть, любить слѣдуетъ только тѣхъ, кто за любовь платитъ ненавистью? Такъ что-ли по вашему, г. Погодинъ?

Угрожая сыну—*весьма лишить его наслѣдства, яко удъ гангренный*, Петръ говорилъ, что онъ приведетъ эту угрозу въ исполненіе въ такомъ лишь случаѣ, когда сынъ не исправится, не перемѣнится, останется, попрежнему, *ни рыбой ни мясомъ.* «Нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю», писалъ царь, и только г. Погодинъ, да подобные ему мудрецы могутъ видѣть въ этихъ словахъ нѣчто гнусное и скверное; только г. Погодинъ—по поводу выраженія: «какъ съ злодѣемъ поступлю»—могъ, *съ свойственною ему художественностію*, воскликнуть: «какъ

съ злодѣемъ поступлю! Слушатели! предчувствуете ли роковую развязку? Слово вырвалось нечаянно—и сдѣлалось новою ступенью въ собственномъ сознаніи царя!» Мы думаемъ объ этомъ совершенно иначе; мы полагаемъ, что слово вырвалось у Петра вовсе не нечаянно. Грознымъ финаломъ своего «послѣдняго напоминанія» сыну царь хотѣлъ выразить, что онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ для блага Россіи, не поставитъ никакихъ интересовъ наравнѣ съ интересами государственными, и поступитъ, какъ съ злодѣемъ даже съ роднымъ своимъ сыномъ, если сынъ окажется человѣкомъ, вреднымъ отечеству. «Безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ», писалъ Петръ,—и могъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, быть спокоенъ духомъ, видя въ наслѣдникѣ престола *ненавистника* и будущаго *разорителя* всѣхъ дѣлъ отца, всѣхъ тѣхъ славныхъ великихъ дѣлъ, въ которыя отецъ полагалъ и жизнь свою, и душу?..

Въ отвѣтъ на угрозы и «напоминанія» царя, Алексѣй Петровичъ отказывался отъ наслѣдія короны и просилъ позволенія постричься въ монахи, имѣя въ виду, что «клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ». Петръ убѣждалъ сына подумать, не спѣшить, «а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели въ черицы», и обѣщалъ подождать еще полгода. Пріунывшій было царевичъ ободрился, повеселѣлъ—и укатилъ за границу, съ цѣлью вернуться оттуда не прежде кончины государя-батюшки...

О пребываніи Алексѣя Петровича за границей, такъ обстоятельно и хорошо описанномъ г. Устряловымъ, мы распространяться не будемъ. Скажемъ лишь о томъ, какъ объяснялъ онъ австрійскому правительству причины своего бѣгства изъ отечества и въ чемъ обвинялъ отца и приближенныхъ къ нему лицъ. «Я пришелъ сюда просить императора, моего шурина, о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить; меня и бѣдныхъ дѣтей моихъ хотатъ лишить престола, говорилъ царевичъ императорскому вице-канцлеру Шенборну въ первое же свиданіе съ нимъ:—Императоръ долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мои и дѣтей моихъ права на престолъ. Отецъ хочетъ лишить меня и жизни, и короны. Я ни въ чемъ предъ нимъ не виноватъ; я ничего не сдѣлалъ моему отцу. Согласенъ, что я слабый человѣкъ; но такъ воспиталъ меня Меншиковъ. Здоровье мое съ намѣреніемъ разстроили пьянествомъ. Теперь говоритъ мой отецъ, что я негожусь ни для войны, ни дяд правленія; у меня, однакожъ, довольно ума, чтобъ царствовать, Богъ

даетъ царства и назначаетъ наслѣдниковъ престола; но меня хотятъ постричь и заключить въ монастырь, чтобы лишить правъ и жизни. Я не хочу въ монастырь. Императоръ долженъ спасти меня».

«Я не виноватъ предъ отцомъ, говорилъ царевичъ далѣе:—я всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался; я ослабѣлъ духомъ отъ гоненій и смертельнаго пьянства. Впрочемъ, отецъ былъ ко мнѣ добръ; но съ тѣхъ поръ, какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама родила сына. Она и Меншиковъ постоянно вооружали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти (*).

То же самое сообщилъ Алексѣй Петровичъ и цесарю, безпрестанно напирая на то, что жизни его, царевича, грозитъ самая близкая и страшная опасность; что его, вмѣстѣ съ дѣтьми, непремѣнно хотятъ замучить и извести. При этомъ, разумѣется, онъ немилосердно сочинялъ и лгалъ, клеветалъ и на Петра, и на Екатерину, самъ себѣ противорѣчилъ, сбивался и путался, имѣя въ виду одно—представить изъ себя невинно-гонимую жертву и, такъ или иначе, разжалобить цесаря. Мы уже знаемъ, напр., объ истинныхъ чувствахъ царевича къ отцу, о его ненависти ко всѣмъ дѣйствіямъ и замысламъ царя, о его темныхъ интригахъ и каверзахъ въ сообщничествѣ съ «прелюбезнымъ радѣтелемъ» и другими лицами,—а цесаря Алексѣй Петровичъ увѣрялъ, что онъ противъ отца не погрѣшилъ ни въ чемъ; что онъ его любитъ и чтитъ по предписанію десяти заповѣдей; что противнаго долгу сына и вѣрноподданнаго не дѣлалъ онъ ничего, а о возмущеніи народа никогда даже и не думалъ, хотя исполнить это было бы очень нетрудно, потому что царя всѣ ненавидятъ, а его, царевича, любятъ. Мы знаемъ также, насколько пригоденъ былъ Алексѣй Петровичъ для государственной дѣятельности; мы знаемъ, что онъ самъ признавался друзьямъ въ своей неспособности къ дѣламъ, говоря, что *труда никакого понести не можетъ*; мы знаемъ, каковы были его политическіе планы и цѣли,—а Шёнборна и цесаря царевичъ преснаивно увѣрялъ, что у него «довольно ума, чтобъ царствовать», и что если онъ доселѣ не могъ сдѣлать ничего полезнаго, такъ это оттого, что ему ничего не поручали. Объ отцѣ

(*) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, томъ VI, стр. 65—67.

Алексѣй Петровичъ отзывался разно: то говорилъ, что Петръ до-крайности жестосердъ и кровожаденъ, неимовѣрно гнѣвенъ и мстителенъ; то увѣрялъ, что сердце у него доброе и справедливое, но что онъ очень легко воспламеняется гнѣвомъ, и въ это время дѣлается жестокимъ. Немилость къ себѣ отца царевичъ приписывалъ злой мачихѣ и Меншикову, которые вообще, по словамъ Алексѣя Петровича, имѣли самое гибельное вліяніе на Петра; его же, царевича, хотѣли просто-на-просто отравить, или запоить виномъ до смерти.

Меншикова царевичъ обвинялъ и въ томъ, что онъ далъ ему дурное воспитаніе, не заставлялъ его учиться, постоянно притѣснялъ, и съ молоду окружилъ дураками и негодяями. «Если императоръ выдастъ меня отцу, то все равно, что лишитъ меня жизни, повторялъ безпрестанно Алексѣй Петровичъ:—еслибы отецъ и пощадилъ меня, мачиха и Меншиковъ до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не запоятъ или не отравятъ меня».

Въ жалобахъ и обвиненіяхъ этихъ была, конечно, доля правды; но большая часть ихъ оказывалась положительно выдуманною царевичемъ изъ желанія разжалобить цесаря и представить притѣснителей и недруговъ своихъ въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ. Меншиковъ, правда, мало заботился о воспитаніи Алексѣя Петровича; но развѣ онъ окружилъ его «дураками и негодяями», имѣвшими такое пагубное вліяніе на царевича? Развѣ онъ подобралъ ему его любезную «компанію», его несравненный «соборъ», въ средѣ котораго такъ глубоко вкоренились въ сердцѣ Алексѣя Петровича непріязнь къ отцу, ненависть къ его великимъ дѣламъ, апатія, лѣнь, суевѣріе,— словомъ, все, что такъ страшно отозвалось ему впослѣдствіи? Безцѣнныхъ *компанейщиковъ* своихъ царевичъ сформировалъ себѣ самъ; въ выборѣ ихъ онъ руководствовался однимъ личнымъ своимъ вкусомъ, и Меншиковъ былъ тутъ рѣшительно не при чемъ.

То же слѣдуетъ сказать и о пьянствѣ, на которое такъ часто напиралъ Алексѣй Петровичъ въ жалобахъ своихъ цесарю и его вице-канцлеру. Дворъ Петра, конечно, не могъ служить образцомъ благонравной умѣренности и похвальной трезвости; но все-таки не при дворѣ, не въ обществѣ отца сдѣлалъ царевичъ первую привычку къ *піянственному веселію*. При дворѣ, на шумныхъ царскихъ пирахъ, Алексѣя Петровича, можетъ быть, и принуждали иной разъ пить противъ воли, пить до трескотни въ головѣ, пить до онѣмѣнія и по-

тери разсудка, и царевичъ могъ, пожалуй, вывести изъ этого заключеніе, что его опаиваютъ систематически, съ умысломъ, хотятъ *погубить пьянствомъ*; но кто же принуждалъ его пить на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ Преображенскомъ, гдѣ онъ цѣлыхъ два года жилъ полнымъ властелиномъ, безъ всякой опеки, безъ всякаго надзора? Кто *опаивалъ* его во время его перваго путешествія за границей, гдѣ онъ, по собственному его выраженію, *по московски пилъ въ поминанье прежде бывшихъ благъ?* Кто *губилъ его пьянствомъ* во время переѣзда его изъ Эренберга въ Сент-Эльмо, когда Алексѣй Петровичъ, по словамъ австрійскаго секретаря Кейля, каталъ чуть не *въ мертвую*? Ни Петра, ни Екатерины, ни Меншикова тутъ не было,—стало быть, царевичъ и въ разсказахъ о пьянствѣ сворачивалъ, по русскому выраженію, съ больной головы на здоровую.

Лживость обвиненій, жалобъ и разсказовъ Алексѣя Петровича обнаруживалась и въ другихъ случаяхъ, обнаруживалась на дѣлѣ, самымъ осязательнымъ образомъ. Онъ, какъ мы уже говорили, клятвенно увѣрялъ цесаря, что любитъ и чтитъ отца по предписанію Божіихъ заповѣдей; противнаго долгу сына и вѣрноподданнаго не дѣлалъ ничего; о возмущеніи народа никогда даже и не думалъ и т. д. Онъ призывалъ въ этомъ Бога въ свидѣтели, а между тѣмъ даже и тутъ, за границей, только и думалъ о томъ — не будетъ ли *какой премѣны* въ Россіи, не приметъ ли батюшкина эпилепсія *надлежащаго* оборота, не подниметъся ли гдѣ народъ за «*надежду россійскую*»... А между тѣмъ онъ нетолько находился въ сношеніяхъ съ прежними друзьями, продолжая подстрекать ихъ, но и готовъ былъ вооруженной рукой, съ помощью австрійскихъ войскъ, домогаться престола.

Обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ царевичъ сообщалъ одной Афросиньѣ, сопровождавшей его повсюду. Онъ проводилъ съ ней большую часть своего времени и имѣлъ уже твердое намѣреніе, при первой же возможности, сочетаться съ своей любовницей законнымъ бракомъ. Любовь къ Афросиньѣ, какъ извѣстно, была и главнѣйшей причиной, заставившей Алексѣя Петровича вернуться въ Россію. Онъ поѣхалъ на родину, твердо увѣренный въ прощеніи отца, который *обѣщалъ Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія сыну не будетъ*.

Царевичъ вернулся въ Россію въ началѣ 1718 года. 31 января,

поздно вечеромъ, пріѣхалъ онъ въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ (*).

На другой день по пріѣздѣ Алексѣя Петровича, рано утромъ, былъ у царя тайный совѣтъ и велѣно было приготовить большую аудіенцъ-залу въ Кремлевскомъ дворцѣ. 3 февраля собрались въ эту залу духовенство, министры и другіе первоклассные сановники. Въ Кремлѣ стояли три лейбъ-гвардейскихъ баталіона съ заряженными ружьями.

Царь, явившись въ аудіенцъ-залу, приказалъ привести царевича арестантомъ, безъ шпаги. Когда Алексѣя Петровича привели, Петръ произнесъ ему рѣчь, въ которой строго упрекалъ его за всѣ его дурные и предосудительные поступки. Царевичъ упалъ на колѣна, призналъ себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ прощенія и помилованія. Петръ спросилъ, чего же онъ именно проситъ? «Жизни и милости», отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ. Царь велѣлъ сыну встать и обѣщалъ ему исполнить его просьбу, если онъ откажется отъ наслѣдства и откроетъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, всѣхъ участвовавшихъ и помогавшихъ ему въ бѣгствѣ. Алексѣй Петровичъ на все согласился. Тогда Петръ на другой день обнародовалъ манифестъ, возвѣщавшій всѣмъ вѣрноподданнымъ объ отреченіи царевича и о причинахъ этого отреченія. Вслѣдъ затѣмъ Алексѣю Петроовичу были предложены вопросные пункты, съ увѣщаніемъ, чтобы онъ отвѣчалъ откровенно, «а ежели что укроешь, прибавилъ Петръ въ заключеніи, то на меня не пеняй: понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ.»

Царевичъ отвѣчалъ на вопросные пункты, повидимому, весьма подробно, обстоятельно и откровенно; но, при тщательномъ розыскѣ, отвѣты его оказались во многомъ несправедливыми и неполными. Оговоренные имъ, какъ главнѣйшіе его сообщники и совѣтники, Кикинъ, Никифоръ Вяземскій, Нарышкинъ, Дубровскій, Иванъ Большой-Аѳанасьевъ и нѣкоторые другіе были немедленно арестованы и допрошены. Они оговорили въ свою очередь еще нѣсколько лицъ; тѣ тоже были арестованы и тоже оговорили еще нѣсколько человѣкъ,—и дѣло быстро разрослось до громадныхъ размѣровъ. Прикосновенными къ нему явились даже такіе люди, которыхъ Петръ никакъ уже не ожидалъ найдти въ этой категоріи: князья Яковъ Ѳедоровичъ и Василій Владиміровичъ Долго-

(*) Тамъ же, с. 142.

рукіе, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князья Дмитрій Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ Голицыны, Бауръ и пр. Заподазривался и Рамодоновскій съ Стрѣшневымъ; тѣнь подозрѣнія падала даже на Меньшикова!..

И вотъ начались своимъ порядкомъ розыски; пошли *чикить застѣнки.* Но всего этого было еще мало, и наконецъ Петръ пришелъ къ заключенію, что необходимо подвергнуть пыткѣ и самого царевича, очевидно, о многомъ и о многихъ умалчивавшаго...

Говоря объ этомъ обстоятельствѣ, обличители и порицатели «великаго преобразователя нашего» не находятъ, разумѣется, въ россійскомъ діалектѣ достаточно *крѣпкихъ* словъ для выраженія своего негодованія. Разсказъ о пыткахъ и смерти Алексѣя Петровича производитъ, дѣйствительно, на нервы не очень-то благотворное впечатлѣніе, но прежде, чѣмъ поддаться этому впечатлѣнію и, подъ вліяніемъ его, произнести безпощадно-суровый приговоръ Петру, мы покорнѣйше попросимъ нашихъ читателей вооружиться хоть на нѣсколько минутъ небольшимъ запасомъ хладнокровія и разсмотрѣть вмѣстѣ съ нами нѣкоторыя обстоятельства царевичева дѣла. За симъ пусть каждый приходитъ къ какому угодно ему заключенію.

Изъ допросовъ и розысковъ, предшествовавшихъ розыску царевича, Петръ прежде всего увидѣвъ и убѣдился, что, за исключеніемъ самаго маленькаго кружка, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ-трехъ человѣкъ, никто въ цѣлой Россіи не понимаетъ его цѣлей и стремленій, никто въ цѣлой Россіи не раздѣляетъ его взглядовъ и убѣжденій, никто не сочувствуетъ ему, не благодаритъ его; онъ увидѣлъ ясно, убѣдился положительно, что онъ — одинъ, или почти что одинъ, что реформамъ и нововведеніямъ его желаютъ гибели даже и тѣ, которые, повидимому, съ такою готовностью помогали ему совершать эти реформы; что все, съ такимъ невѣроятнымъ трудомъ возводимое имъ, зданіе можетъ рухнуть тотчасъ же по смерти зодчаго, можетъ рухнуть недостроенное, недодѣланное, можетъ рухнуть потому лишь, что не привыкли, не любятъ русскіе люди жить въ свѣтлыхъ, высокихъ и чистыхъ покояхъ; что милы и любезны имъ одни темные, низкіе, безобразные терема, да курныя избы съ дымомъ, чадомъ, вонью и грязью...

Не весело было увидѣть это Петру, не радостно было въ этомъ убѣдиться! Дѣло реформы было для него не прихотью, не капризомъ,

не средствомъ прославить свое имя и стяжать себѣ право на монументъ: дѣло реформы было для него святымъ дѣломъ служенія родинѣ, первостепеннымъ долгомъ, важнѣйшею обязанностію. Въ это дѣло положилъ онъ жизнь и душу; это дѣло почиталъ онъ существенно необходимымъ для Россіи.

Онъ видѣлъ уже результаты своихъ неусыпныхъ стараній, пожиналъ уже плоды своихъ гигантскихъ трудовъ — и вдругъ долженъ былъ остановиться съ горестнымъ недоумѣніемъ, съ невольнымъ страхомъ. Тупоуміе не понимало генія; невѣжество не признавало просвѣщенія; ветхое, отживавшее, разрушавшееся ворчало и шипѣло на молодое и свѣжее со всею безобразною злобою беззубой, но ехидной старости. Добрая старая Русь поголовно протестовала противъ новаго порядка вещей, и во главѣ протестовавшихъ, во главѣ этой дикой, безсмысленной, но все-таки вредной и опасной оппозиціи красовался царскій сынъ, наслѣдникъ престола,—человѣкъ, который не сегодня—завтра могъ стать во главѣ всей Россіи, съ правомъ «вязати и рѣшити» по усмотрѣнію!..

Было тутъ надъ чѣмъ призадуматься Петру—отцу и государю вмѣстѣ! Рѣшеніе вопроса предстояло ему двоякое: онъ могъ поступить или какъ отецъ, или какъ государь, зная, что въ обоихъ случаяхъ ему придется отвѣчать передъ потомствомъ. Какъ отецъ, онъ долженъ былъ наказать, даже строго наказать провинившагося сына, и затѣмъ все-таки пощадить его; какъ государь, онъ долженъ былъ думать о томъ лишь, чтобы произвести самое тщательное и самое безпристрастное слѣдствіе надъ подданнымъ, заподозреннымъ въ важныхъ государственныхъ противносятхъ», и затѣмъ уже поступить съ этимъ подданнымъ по всей строгости законовъ. Будь Петръ менѣе увѣренъ въ правотѣ своихъ собственныхъ дѣйствій,—онъ, вѣроятно, избралъ бы первый путь, не рѣшился бы пожертвовать сыномъ еще не вѣрному, проблематическому дѣлу; но Петръ былъ несокрушимо убѣжденъ (да и имѣлъ на это право), что всѣ начинанія его существенно полезны, положительно необходимы для Россіи,—и Петръ рѣшился поступить съ сыномъ, ратовавшимъ противъ этихъ начинаній, какъ съ врагомъ Россіи. Не легкая должна была происходить въ его сердцѣ борьба, пока онъ не принялъ этого страшнаго рѣшенія; но какъ скоро онъ его принялъ—ни объ отцѣ, ни о сынѣ не могло ужъ быть и рѣчи: на сцену выступали судья и подсудимый.

За судьей и подсудимымъ неизбѣжно должны были послѣдовать и заплечные мастера. Иначе и быть не могло. Поставивъ сына на степень простаго подсудимаго, Петръ не могъ обойти ни одной изъ узаконенныхъ формъ тогдашняго уголовнаго процесса; розыскъ же, сверхъ того, оказывался необходимымъ по самымъ обстоятельствамъ дѣла. Допросы и пытки, предшествовавшіе допросамъ и пыткамъ царевича, не открывали ничего, кромѣ всеобщаго неудовольствія противъ царя, всеобщаго негодованія на его реформы и нововведенія и всеобщаго желанія, такъ или иначе. воспрепятствовать этимъ реформамъ и нововведеніямъ и повернуть все на старый ладъ, къ старымъ добрымъ обычаямъ. Словомъ, опредѣленнаго, правильно организованнаго, готоваго ежеминутно обнаружиться возстаніемъ заговора еще не было; но симптомы, признаки, *знаменія* его замѣчались вездѣ, и всѣ нити этого несомнѣнно уже зрѣвшаго заговора сходились, какъ къ центру, къ царевичу, который, несмотря на то, никакъ въ этомъ не признавался. Такое положеніе было хуже всего: будь заговоръ уже составленъ и открытъ, Петръ могъ бы подавить его въ самомъ основаніи, въ самомъ началѣ могъ бы предотвратить его гибельныя послѣдствія; теперь же, зная только, что есть *что-то*, что готовится *что-то*, что можетъ быть *что-то*, Петръ, естественно, долженъ былъ воображать себѣ это *что-то* гораздо важнѣйшимъ, нежели оно было на самомъ дѣлѣ, и опасенія его были весьма основательны. Взбѣшенный, встревоженный и глубоко огорченный всѣми этими событіями, царь рѣшился во что бы то ни стало добиться истины, вывѣдать всѣхъ злоумышленниковъ, узнать обстоятельно всѣ ихъ намѣренія и поразить этихъ злыхъ враговъ славы и счастія Россіи въ самое сердце. Провѣривъ мысленно еще разъ все совершенное имъ для блага отечества, заглянувъ еще разъ съ невольнымъ отвращеніемъ и тоскою въ то темное, страшное, скаредное будущее, которое готовилъ своей родинѣ безсмысленный Алексѣй Петровичъ, сопоставивъ еще разъ когда-то любимаго сына и вѣчно-любимую Россію, Петръ рѣшительно сталъ на сторону послѣдней,—и царевичъ преданъ былъ розыску.

Съ перваго розыску царевичъ подтвердилъ все, сказанное имъ на допросахъ, дополнивъ при этомъ показанія свои нѣкоторыми новыми подробностями. Онъ признался и въ нелюбви къ отцу, и въ желаніи ему смерти, и въ ненависти ко всѣмъ его дѣламъ, и въ намѣреніи, при первой же возможности, повернуть все по старому, и въ готовности пристать къ бунтовщикамъ, съ цѣлью какимъ бы то ни было

путемъ «доступить наслѣдства», и во всѣхъ своихъ *бунтовныхъ умыслахъ, коварныхъ вымыслахъ и притворахъ, подыскахъ и произыскиваніяхъ къ престолу отеческому*. На второмъ розыскѣ царевичъ, между прочимъ, открылъ что писалъ изъ-за границы письмо къ кіевскому митрополиту, «чтобъ тѣмъ привесть къ возмущенію тамошній народъ». И на этомъ розыскѣ, и на первомъ, почти всѣ показанія Алексѣя Петровича подтверждены были и другими оговоренными имъ лицами; улики были неопровержимы, обвиненія важны, признанія полны, и назначенный, послѣ втораго розыска, для сужденія царевича верховный судъ единогласно приговорилъ Алексѣя Петровича къ смерти. «Хотя, говорилось въ приговорѣ:—его царское величество, въ письмѣ своемъ изъ Спаа отъ 10 іюля 1717 года, обѣщалъ ему прощеніе въ побѣгѣ, если добровольно возвратится, и потомъ 3 февраля, въ столовой палатѣ, повторилъ свое обѣщаніе, но съ явнымъ выговоромъ, ежели онъ все то, что противное дѣлалъ, или умышлялъ, и всѣхъ сообщниковъ, безъ всякой утайки, объявитъ; иначе обѣщанное прощеніе не будетъ въ прощеніе. Затѣмъ судъ произнесъ приговоръ.

Здѣсь намъ слѣдовало бы остановиться и, разобравъ съ самыми ѣдкими замѣчаніями приговоръ верховнаго суда, съ паоосомъ воскликнуть: «и этотъ приговоръ произошелъ на основаніи однѣхъ пыточныхъ рѣчей! И на основаніи однѣхъ пыточныхъ рѣчей произошелъ смертный приговоръ! Да развѣ можно вѣрить пыточнымъ рѣчамъ? Развѣ не знали мудрые судьи, что кнутомъ и вискою можно вынудить какое угодно признаніе? Развѣ сказанное подъ кнутомъ, на вискѣ, можетъ почитаться сказаннымъ отъ чистаго сердца?» и т. д.

Мысль эта, абсолютно справедливая, ни коимъ образомъ не можетъ быть примѣнена къ дѣлу царевича, и остроумные критики г. Устрялова, такъ упорно за нее держащіеся, едвали чрезъ это вплетутъ лишній листокъ въ лавровые вѣнки свои. Дѣло другое вопросъ: заслуживали ли «вины» царевича и его сторонниковъ такого жестокаго наказанія, какія за ними послѣдовали, и не дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ Петръ, руководствуясь какими нибудь иными интересами, кромѣ интересовъ чисто государственныхъ? Г. Погодинъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи-обличители склоняются на сторону послѣдняго предположенія, объясняя гибель царевича одними интригами и происками Екатерины съ Меншиковымъ, да личною непріязнью Петра къ Алексѣю Петровичу, какъ къ сыну нелюбимой жены. Нами

тоже было уже замѣчено, что участіе Екатерины и Меншикова въ дѣлѣ царевича несомнѣнно; но, тѣмъ не менѣе, мы никакъ не рѣшимся сказать, что это участіе было единственною причиною гибели царевича, и что Петръ принесъ сына въ жертву женѣ и любимцу, подстрекаемый къ тому еще личною ненавистью. Петръ, точно, принесъ сына въ жертву—только не женѣ и любимцу, а Россіи; Петръ правда, въ послѣдніе годы жизни царевича замѣтно охладѣлъ къ нему, потому что не охладѣть не могъ. Петръ, дѣйствительно, долженъ былъ крѣпко задумываться при мысли объ участи, ожидающей Екатерины и Меншикова въ случаѣ воцаренія Алексѣя Петровича,— только это одно все-таки не заставило бы его троекратно пытать роднаго сына, тѣмъ болѣе, что пытки тутъ не привели бы ровно ни къ чему. Но сынъ возсталъ противъ того, что клонилось къ славѣ и счастію Россіи; сынъ явился врагомъ своего отечества—и отецъ самъ повелъ сына въ застѣнокъ, отецъ, не колеблясь, подписалъ его смертный приговоръ, въ надеждѣ, что безпристрастное потомство разумно разберетъ, кто правъ, кто виноватъ, и не назоветъ неслыханнымъ злодѣйствомъ акта, вызваннаго одной печальной необходимостью.

И потомство, дѣйствительно (за исключеніемъ разнаго рода *Маниловыхъ* и *Коробочекъ*), взглянуло на кровавое дѣло царевича вовсе не такъ, какъ обыкновенно глядятъ люди на всякія другія кровавыя дѣла. Мы невольно содрогаемся, читая нѣкоторыя подробности этого дѣла; мы готовы бываемъ порою воскликнуть: «это ужасно! это возмутительно!» — но стоитъ лишь намъ въ это время подумать: «а что сталось бы съ Россіей, еслибы уцѣлѣлъ и воцарился Алексѣй Петровичъ?» — и готовое сорваться у насъ съ языка восклицаніе тотчасъ же замѣняется вопросами: «что же было дѣлать Петру? Какъ же слѣдовало ему поступить съ сыномъ?»

А и въ самомъ дѣлѣ, — что же было дѣлать Петру? Какъ же слѣдовало ему поступить съ сыномъ? — Заточить его въ крѣпость? Постричь въ монахи? Посхимить? Сослать въ какой-нибудь дальній край? — Но вѣдь нѣтъ такой крѣпости, изъ которой бы нельзя было убѣжать; нѣтъ такого обѣта, которой бы нельзя было нарушить; нѣтъ такого дальняго края, изъ котораго бы нельзя было пріѣхать куда требуется. Народъ любилъ царевича столько же, сколько ненавидѣлъ его великаго отца, и народъ добылъ бы его вездѣ, отыскалъ бы его всюду. Умри Петръ, — Алексѣй Петровичъ тотчасъ же провозглашенъ бы былъ царемъ, и россійская исторія возъи-

мѣла бы совершенно отличное отъ теперешняго теченіе, — теченіе, которое врядъ ли бы можно было сравнить съ величавымъ теченіемъ большой, широкой и прекрасной рѣки. Просвѣщаемые и руководимые Алексѣемъ Петровичемъ, Россіяне соблюли бы всецѣло всѣ свои коренныя доблести и добродѣтели, и «въ настоящее время, когда» и пр., т. е. въ лѣто отъ Р. Х. 1861, мы, вѣроятно, не имѣли бы еще даже и такого продукта гуманизирующей цивилизаціи, какова безподобная «Домашняя Бесѣда»; сидѣли бы себѣ по приказамъ, «уставя брады» и хлопая ушами, а дома сокрушали бы ребра женамъ и дѣтямъ, «дабы въ благоденствѣ по Бозѣ жизнь свою препроводить и милость Божію получить».

Нѣтъ, какъ кто ни старайся, «какихъ ни вымышляй пружинъ», чтобъ оправдать царевича и обвинить царя,—всѣ эти старанія не приведутъ ни къ чему, если только дѣло будетъ разсматриваться не съ точки зрѣнія мягкосердечія и нѣжности чувствъ. Колоссальный образъ Петра не теряетъ нисколько своего величія даже и послѣ троекратныхъ розысковъ надъ сыномъ; царевичъ же, даже и послѣ этихъ розысковъ, вызываетъ одинъ вздохъ сожалѣнія — и только! Современемъ, можетъ быть, по дѣлу Алексѣя Петровича явятся, какія нибудь новыя свѣдѣнія, прольютъ новый, яркій свѣтъ на событія, обнаружатъ никому еще неизвѣстные, никѣмъ еще неподозрѣваемые мотивы и побужденія какъ со стороны судей, такъ и со стороны подсудимыхъ, перемѣнятъ роли и сужденія объ актерахъ... Все это очень возможно; а потому мы и сказали выше, что по дѣлу царевича нельзя еще произнести теперь послѣдняго, рѣшительнаго слова. Разсматривая же это дѣло на основаніи матеріаловъ, уже имѣющихся у насъ подъ руками, мы никогда не сойдемся во взглядахъ и мнѣніяхъ съ г. Погодинымъ, тѣмъ болѣе, что и самъ маститый историкъ нашъ, въ концѣ своего *художественнаго* изслѣдованія «о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ», не выдержалъ таки характера, и патетически объявилъ, что «не можетъ поворотиться» языкъ его для произнесенія слова суда основателю академіи, и засимъ не безъ умиленія провозгласилъ Петру *вѣчную память*!

Не сходясь во взглядахъ и мнѣніяхъ съ г. Погодинымъ, мы еще менѣе того можемъ сойтись съ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями — обличителями «великаго преобразователя нашего», относящимися къ нему еще безцеремоннѣе безцеремоннаго автора несравненныхъ *граматокъ къ русскому народу*. У г. Погодина, по крайней-мѣрѣ,

не поворачивается языкъ для произнесенія слова суда основателю академіи; у новѣйшихъ же изслѣдователей—обличителей языкъ поворачивается на все, и Петръ, въ ихъ разсказахъ, является какимъ-то безобразнымъ геніемъ—разрушителемъ, какимъ-то страшнымъ Ариманомъ, производящимъ ужасы и неистовства единственно *изъ любви къ искусству*. Въ статьяхъ нашихъ мы старались показать всю нелѣпость этого взгляда; въ статьяхъ нашихъ мы не разъ замѣчали, что безпощадно-крутыя и суровыя мѣры, помрачавшія славное царствованіе Петра, вызывались однюю существеннѣйшею необходимостью, имѣя всегда основаніемъ разумно сознаваемое чувство законности. Доказательствомъ тому служатъ не слова, а факты; доказательствомъ тому и стрѣльцы, и царевичъ, и дѣло фрейлины Гамильтонъ.

О дѣлѣ фрейлины Гамильтонъ мы распространяться не будемъ, почитая это совершенно безполезнымъ. Гамильтонъ была преступница, уличенная преступница, дѣтоубійца, и казнь постигла ее по винѣ и по закону. Жалѣть о несчастной женщинѣ можно и должно; но обвинять за нее Петра было бы въ высшей степени несправедливо. *Блѣдная, окровавленная тѣнь* Гамильтонъ можетъ, пожалуй, вставать изъ могилы и являться къ г. Циммерману (*); но *требовать очищенія памяти своей отъ неправеднаго осужденія* (какъ выражается г. Циммерманъ) *блѣдная, окровавленная тѣнь* не имѣетъ права, ибо осужденіе ея было *праведно*: Гамильтонъ, прежде, чѣмъ стать *блѣдной, окровавленной тѣнью*, «была брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и выбросила. Также она же у царицы государыни Екатерины Алексѣевны крала алмазныя вещи и золотыя».

Не знаемъ, убѣдитъ ли нашихъ читателей все сказанное нами о Петрѣ и его порицателяхъ; перестанутъ ли они вѣрить гуманнымъ изслѣдователямъ--обличителямъ и ихъ *пикантнымъ* разсказцамъ, основаннымъ будто бы на послѣднихъ, самоновѣйшихъ *выводахъ науки*: за гуманныхъ изслѣдователей-обличителей, за ихъ *пикантные* разсказцы—мода; а господство моды могущественно, хотя и кратковременно!

Какъ бы то ни было,—а намъ пора кончить: говорить намъ болѣе нечего. О жестокости Петра, о причинахъ и послѣдствіяхъ его крутыхъ, грозныхъ, кровавыхъ мѣръ еще можно толковать *pro* и *con-*

(*) См. статью: «Фрейлина Гамильтонъ». Сѣверная Пчела за 1860 г., № 73.

tra, принимая во вниманіе недостаточность точныхъ объ этомъ предметѣ свѣдѣній, шаткость взглядовъ на преступленія и проступки, скудость общихъ историческихъ познаній и т. п.; государственная же его дѣятельность, значеніе и достоинство его реформы не должны быть, по нашему мнѣнію, спорнымъ пунктомъ. «Людей, еще сомнѣвающихся въ необходимости Петровской реформы, мы можемъ лишь пожалѣть, посовѣтовавъ имъ обратиться къ хорошему врачу-психіатру, если только врачъ-психіатръ еще можетъ что нибудь для нихъ сдѣлать», сказали мы въ третьей статьѣ нашей, и наврядъ ли отступимся когда нибудь отъ этого мнѣнія. Говоримъ: «наврядъ-ли», потому что кто поручится за будущее? Лѣта, болѣзни, неожиданныя потрясенія и разные сюрпризы жизни нерѣдко радикально мѣняютъ человѣка, переворачиваютъ вверхъ-дномъ всѣ его взгляды и убѣжденія, превращаютъ либерала въ консерватора, натуръ-философа въ святошу, поэта въ прозаика, благороднѣйшаго юношу въ *благонамѣреннѣйшаго* мужа. Лѣта, болѣзни, неожиданныя потрясенія и разные болѣе или менѣе гнусные сюрпризы жизни могутъ и насъ привести къ воззрѣніямъ нетолько въ Бозѣ почившей «Русской», но и благополучно юродствующей «Домашней Бесѣды»: все это, къ сожалѣнію, не удивительно; все это, къ несчастію, не рѣдкость!

Но пока мы не стары, пока мы здоровы, пока мы въ состояніи сообразить, что дважды два—не три, и не пять,—мы не перестанемъ думать и говорить (разумѣется, безъ стереотипныхъ восклицаній), что Петръ Великій былъ, дѣйствительно, великій государь и великій человѣкъ, что годъ рожденія его долженъ считаться важнѣйшею эпохою въ русской исторіи, эрою въ нашей жизни. Намъ, вѣроятно, скажутъ: «это не ново»; мы отвѣтимъ: это очень старо; но вѣдь еще старѣе восторгаться стариной, которую если можно похвалить, то развѣ только за то, что она ужъ не очень артачилась передъ напоромъ Петра и, лишь глухо протестуя, уступила мѣсто молодой и свѣжей силѣ....

І. ШИШКИНЪ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мемуары Ревердиля о Струэнзе и Датскомъ дворѣ отъ 1760 до 1772 года.

Struensée et la cour de Copenhague (1760—1772) mémoires de Reverdil.

Царствованіе Христіана VII и министерство Струэнзе представляютъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и драматичныхъ эпизодовъ исторіи Даніи. Съ одной стороны отупѣвшее, погрязшее въ бюрократическомъ формализмѣ, общество, управляемое слабымъ королемъ; съ другой — молодой талантливый министръ, врагъ предразсудковъ и застоя, воспитанникъ XVIII вѣка, обожатель красавицы королевы... А эта королева!.. какую драму пережила она въ самой веснѣ жизни!.. она была осуждена испытать все ея горе. Беззащитная, неопытная, она была связана узами брака съ человѣкомъ, который не могъ ни оцѣнить ее, ни внушить къ себѣ любви; одинъ только человѣкъ любилъ ее искренно и она была причиной смерти этого человѣка; она перенесла всѣ ужасы тюрьмы, уголовнаго процесса, преслѣдованія общественнаго мнѣнія, и умерла вдали отъ любезной Даніи на 23 году. Участь ея легко можно было предвидѣть всякому, кто изучилъ характеръ Христіана, кто слѣдилъ за его воспитаніемъ. Отецъ его, Фредерикъ V, былъ одинъ изъ безпечнѣйшихъ государей Даніи: онъ не занимался ни государственными дѣлами, ни семейными. Поручивъ надзоръ за воспитаніемъ сына генералу Ревентлоу, онъ оставался совершенно спокоенъ. Генералъ Ревентлоу пользовался репутаціей справедливо заслуженной честности; онъ былъ образованнѣе

другихъ придворныхъ, отличался строгостью принциповъ. Чего же болѣе? А между тѣмъ король не обратилъ вниманія на его деспотическій и неровный характеръ, на его непослѣдовательность въ идеяхъ. Въ очень непродолжительное время вспыльчивый генералъ выражалъ два противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ; эти свойства тѣмъ болѣе были вредны при воспитаніи, что наслѣдный принцъ былъ подверженъ съ малолѣтства припадкамъ меланхоліи. На шестомъ году его повезли первый разъ въ итальянскую оперу. Ребенокъ былъ такъ пораженъ ростомъ и костюмомъ актеровъ, что сталъ смотрѣть на нихъ какъ на существа высшія, съ которыми онъ можетъ сравниться современемъ только послѣ многихъ испытаній и метаморфозъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ часто разсматривать свои руки и ощупывать животъ, чтобы узнать, приближается-ли къ желаемому совершенству, о которомъ, впрочемъ, имѣлъ весьма смутныя и различныя понятія. Вмѣсто того, чтобъ заняться излѣченіемъ болѣзни, суровый Ревентлоу прибѣгнулъ къ строгимъ мѣрамъ: онъ считалъ безпечность и разсѣянность ребенка во время уроковъ за лѣность и упрямство, и немилосердно колотилъ его, читая длинныя проповѣди противъ тѣлесной силы, называя ее нетолько безполезною и неблагородною, но даже вредной. Естественно, что такая система не могла выбить изъ головы принца его завѣтную *idée fixe*, напротивъ онъ сталъ еще упорнѣе держаться за нее: главнѣйшимъ его желаніемъ было получить даръ нечувствительности — желаніе весьма законное у ребенка, котораго всякій день бьютъ. По такой системѣ воспитывали Христіана до 12 лѣтъ. Несмотря на видимую неспособность мальчика, несмотря на его болѣзненные припадки, его не оставляли въ покоѣ: сухіе педагоги думали, что наука должна привлекать сама по себѣ, и, не умѣя дать ей живой формы, набивали голову одинадцатилѣтняго ребенка сухой номенклатурой и всей премудростью вольфіанской философіи. Въ 1760 году, когда Христіану исполнилось двѣнадцать лѣтъ, въ воспитаніи его произошла маленькая перемѣна. Къ нему, въ число учителей помѣстили Швейцарца Ревердиля (автора разбираемыхъ мемуаровъ). Это былъ честный протестантъ, строгой нравственности, съ большими познаніями, но неотличавшійся ни смѣлостью взглядовъ, ни оригинальностью сужденій, ни особенной предпріимчивостью. Однимъ словомъ, онъ былъ изъ числа золотой посредственности, отличался всѣми особенностями узкаго пуританизма, но зато любилъ свое дѣло и не былъ интриганомъ. Эти каче-

ства доставили ему сперва каѳедру математики въ копенгагенской академіи, а потомъ и мѣсто при наслѣдномъ принцѣ. Ученикъ и учитель понравились другъ-другу... «Христіанъ, говоритъ Ревердиль, былъ красивый двѣнадцатилѣтній мальчикъ; объ немъ разсказывали много удачныхъ его остротъ, онъ успѣвалъ во всѣхъ упражненіяхъ, которымъ предавался съ интересомъ; онъ говорилъ, съ большой пріятностью и даже изяществомъ, на трехъ языкахъ, необходимыхъ при дворѣ: датскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, и считался въ числѣ блестящихъ танцоровъ». Ревердиль съ своей стороны понравился принцу своей мягкостью и перемѣной системы ученія, принявъ за правило превращать уроки въ бесѣду. Но этотъ способъ не нравился Ревентлоу, который никакъ не могъ понять ученья безъ крику и палки. Едва онъ замѣчалъ, что ученикъ съ учителемъ начинаютъ бесѣдовать, какъ тотчасъ же кричалъ изъ сосѣдней комнаты громовымъ голосомъ на нѣмецкомъ языкѣ (предполагая, что Ревердиль не знаетъ его): «Ваше высочество! какъ только меня нѣтъ тамъ, такъ онъ ничего не дѣлаетъ»—и вслѣдъ затѣмъ онъ являлся, заставлялъ повторять урокъ, дѣлалъ къ нему свои комментаріи, привязывался къ каждому слову и кончалъ тѣмъ, что осыпалъ несчастнаго ребенка ударами, а иногда даже прибѣгалъ къ розгамъ. Нетолько въ будніе дни, но и въ праздники Христіанъ не зналъ отдыха. Неумолимый менторъ тащилъ его въ церковь и почти такъ же громко, какъ проповѣдникъ повторялъ питомцу своему замѣчательнѣйшія мѣста проповѣди и, потомъ, возвратившись домой, заставлялъ пересказывать ихъ—и горе, если принцъ ошибался, неизбѣжное наказаніе ожидало его. Эта тиранія распространялась даже на одежду и на удовольствія ребенка: онъ не смѣлъ выбрать себѣ одежды и долженъ былъ безпрекословно подчиняться волѣ своего тирана. Что касается до удовольствій, то слѣдующій случай лучше всего покажетъ, какія сюрпризы готовилъ гувернеръ своему воспитаннику. Графъ Мольтке, одинъ изъ фаворитовъ короля, вздумалъ дать въ честь наслѣднаго принца балъ; Ревентлоу не позволилъ, чтобъ ему объявили объ этомъ, опасаясь, что онъ будетъ разсѣянъ во время лекцій. Мало того, его цѣлый день бранили и били, а потомъ, не сказавъ ни слова, повезли на балъ. Несчастный мальчикъ такъ перепугался, что вообразилъ, что его везутъ въ крѣпость, и въ продолженіе всего бала оставался при этой идеѣ; даже долго спустя послѣ того, онъ не могъ говорить объ этой почти безъ ужаса. Судите, какъ должно было это подѣйствовать на

его больную голову. Къ довершенію несчастія со всякимъ годомъ увеличивались причины зла. Товарищи принца оказывали на него самое пагубное вліяніе. Особенно Шперлингъ, племянникъ Ревентлоу. Съ самаго нѣжнаго возраста онъ обнаруживалъ дѣятельность и безпокойное любопытство придворнаго, гоняющагося за дворцовыми скандалами. Онъ имѣлъ мало ума, но умѣлъ нравиться и былъ продувнымъ интриганомъ: лгалъ, сплетничалъ, распускалъ ложные слухи, измѣнялъ своимъ друзьямъ и совершенно владѣлъ собой. Когда пришло для принца время страстей, Шперлингъ, болѣе его опытный на этомъ поприщѣ, искусившійся въ развратѣ, предложилъ Христіану свои услуги. Избытокъ наслажденій, ослабилъ и безъ-того разстроенныя способности принца и увеличилъ еще болѣе его болѣзнь.

Весьма естественно, что при такомъ воспитаніи, Христіанъ, сдѣлавшись королемъ, долженъ былъ попасть въ руки любимцевъ; оставалось только рѣшить, кто будетъ управлять имъ. Первыя мѣста, какъ и слѣдовало ожидать, достались Ревентлоу и Мольтке, которые оба старались привлечь на свою сторону министра Бернсторфа, человѣка умнаго, но слабохарактернаго и склоннаго подчиняться игу фаворитовъ. Ревердиль и другой учитель принца Нильсенъ остались на второмъ планѣ. Честный Швейцарецъ не жалѣлъ о томъ; напротивъ онъ старался обратить всѣ мечты новаго короля на пользу Даніи, которая, при его восшествіи на престолъ, была обременена долгами. Уничтоженіе безполезныхъ расходовъ, болѣе разумныя постановленія относительно рыбной ловли и горнаго дѣла, и главное—освобожденіе крестьянъ могли вывести страну изъ затруднительнаго положенія. Но не всѣ были такъ благородны. Другія лица, окружавшія короля, думали только о себѣ и постоянно интриговали, чтобъ столкнуть другъ друга. Представимъ портреты важнѣйшихъ изъ нихъ. Графъ Сенъ-Жермень, военный министръ, отличался крутымъ характеромъ и совершеннымъ непониманіемъ государственныхъ нуждъ, потому что хотѣлъ довести датскую армію до 100 т. человѣкъ, не обращая вниманія на флотъ, тогда какъ въ немъ состояла главная сила Даніи. Принцъ Карлъ Гессенскій, честный человѣкъ, но по способностямъ полная ничтожность, совершенно ввѣрился генералу Гуту, превосходному офицеру, но жалкому политику, подозрительному и желчному и вполнѣ подчинявшемуся внушеніямъ графа Данескіольдъ-Самсое. Этотъ вельможа былъ прежде, при дѣдѣ Христіана, морскимъ министромъ и много сдѣлалъ по своему вѣдомству, но съ огромнѣй-

ными издержками; сверхъ того, пользуясь довѣренностью и слабостью короля, онъ перебралъ пропасть денегъ для самого себя, которыя впрочемъ скоро промоталъ. Принужденный удалиться при Фредерикѣ V, онъ сохранилъ въ душѣ воспоминаніе о нанесенномъ оскорбленіи и жажду мести. Ранцау-Ашебергъ отличался необузданнымъ честолюбіемъ, жадностью къ деньгамъ, безсовѣстностью и былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ. Репутація его была весьма сомнительная. Увлеченный страстью къ одной итальянской актрисѣ, онъ слѣдовалъ за ней изъ города въ городъ, подъ разными переодѣваніями. Во время этого путешествія онъ попался въ выдачѣ фальшиваго векселя и другихъ подобныхъ продѣлкахъ и съ большимъ трудомъ успѣлъ спастись отъ уголовнаго процесса. Возвратившись въ Данію, онъ присоединился къ партіи, враждебной министерству и вошелъ въ сношенія съ Фалькенскіольдомъ, Струэнзе и Брандтомъ. Первый былъ изъ числа лучшихъ офицеровъ датской службы, образовавшійся во французскихъ войскахъ во время семилѣтней войны. Второй былъ сынъ профессора богословія принадлежавшаго къ одной изъ методистскихъ сектъ, извѣстной подъ именемъ Франкистовъ. Онъ родился въ Галле (въ Саксоніи) въ 1737 году и съ юности предался съ жаромъ медицинѣ. Естественныя науки и узкій пуританизмъ сектаторовъ скоро внушили молодому доктору отвращеніе ко всѣмъ сектамъ. Изученіе физіологіи бросило его въ эпикуреизмъ: онъ пришелъ къ заключенію, что мысль есть не что иное, какъ впечатлѣніе нашихъ органовъ и что наши идеи въ сущности не болѣе, какъ ощущенія. Изъ этого онъ выводилъ, что мы должны стремиться къ достиженію возможно-большаго числа наслажденій, съ тѣмъ только, чтобъ эти наслажденія не вредили другимъ, и что, поступая такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право пренебрегать всѣми принципами и общественнымъ мнѣніемъ. Но изъ того не слѣдуетъ заключать, чтобы, при такихъ убѣжденіяхъ, Струэнзе сдѣлался эгоистомъ; напротивъ онъ былъ честенъ, искрененъ, вѣренъ въ дружбѣ и великодушенъ; мало того, страсть къ наслажденіямъ не заставляла его забывать науку, и онъ прилежно слѣдилъ за всѣми открытіями по части естественныхъ знаній. Несмотря на это, къ нему имѣли мало довѣрія; никто не думалъ, чтобъ веселый собесѣдникъ, волокита, игрокъ и охотникъ могъ быть хорошимъ докторомъ. Удивительное исцѣленіе мадамъ Ранцау отъ оспы разубѣдило невѣрующихъ и открыло ему двери въ высшій кругъ. Другой пріятель Ранцау Брандтъ вовсе не походилъ на Струэнзе, хотя и былъ его другомъ. Самонадѣянный,

тщеславный, сплетникъ, волокита и мотъ, онъ считалъ верхомъ счастія имѣть право входить къ королю по тайной лѣстницѣ.

Таковы были главныя дѣйствующія лица нашей исторіи. Скоро прибавилась къ нимъ принцесса Матильда, сестра Георга III. Ей было съ небольшимъ 17 лѣтъ, когда она прибыла въ Данію, но характеръ ея уже сформировался; она была добра, обходительна, и въ то же время тверда; натура ея была нѣжная и глубокая, и любовь дѣлала ее способной на такія пожертвованія, какихъ нельзя было ожидать отъ нея съ перваго взгляда. Положеніе молодой принцессы сначала было невыносимо: мужъ былъ къ ней равнодушенъ; при ней не было ни одной Англичанки; гофмейстерина мадамъ Плессенъ, женщина строгихъ правилъ, но высокомѣрная и сварливая, не понимала ея; на вечера ея сходились побранить молодое поколѣніе и посовѣтовать о королѣ.

Не станемъ говорить о всѣхъ интригахъ, которыми одна партія старалась восторжествовать надъ другой. Два капитальные вопроса интересовали тогда Данію: освобожденіе крестьянъ и негоціація съ Россіей относительно обмѣна Голштиніи. Придворные сдѣлали изъ этихъ вопросовъ средства къ низверженію противниковъ. Естественно, что первый вопросъ не могъ разрѣшиться благопріятнымъ образомъ при слабомъ Христіанѣ. Коммиссія, наряженная по этому дѣлу, рѣшила, что датскіе крестьяне счастливѣйшіе люди въ мірѣ, и что вопросъ такъ важенъ, что надо учредить для этого еще коммиссію, и дѣйствительно коммиссія была учреждена подъ пышнымъ названіемъ: департаментъ сельской экономіи. Составили новый проэктъ, разсуждали о немъ, дѣлали измѣненія, дополненія; забыли только о бездѣлицѣ—о личной свободѣ крестьянъ. Но если эти реформы на бумагѣ не принесли никакой пользы крестьянамъ, зато онѣ принесли огромную пользу партіи Бернсторфа и Голька, сдѣлавшагося въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ пажа фаворитомъ; графъ Сенъ-Жермень и Ревердиль лишились мѣстъ своихъ и были принуждены оставить Копенгагенъ. Чтобъ заставить короля рѣшиться на эту мѣру, ловкіе интриганы умѣли привлечь на свою сторону русскаго посланника Сальдерна (о которомъ читатели Русскаго Слова имѣютъ уже понятіе (*), увѣривъ его, что Сенъ-Жермень, Ревердиль, Ранцау и другіе противятся негоціаціи съ Россіей. Грубый Голштинецъ, командовавшій въ Даніи почти

(*) Р. Сл. Сентябрь. 1861 г, стат. «Выдержка изъ Исторіи Польши», стр. 9 и слѣд.

самовластно, повернуть, по своему обыкновенію, дѣло круто: нетолько Сенъ-Жерменъ и Реверділь были отставлены, но вмѣстѣ съ ними и Ранцау и Шперлингъ и мадамъ Плессенъ, хотя послѣднюю очень любила королева. Реверділь въ своихъ мемуарахъ приписываетъ причину своего паденія враждѣ къ нему Голька и Шперлинга, невзлюбившихъ его будто бы за правду и нежеланіе пристать къ какой нибудь партіи. Намъ кажется, дѣло объясняется гораздо проще. Однажды, когда король хотѣлъ отставить Шперлинга, Реверділь сообщилъ ему объ этомъ, и тѣмъ успѣлъ примириться съ Христіаномъ. Эта услуга, разумѣется, взбѣсила Голька, который хотѣлъ быть фаворитомъ безъ соперниковъ. Что же касается короля, то онъ былъ этимъ очень недоволенъ, во-первыхъ потому, что его заставили удержать человѣка, котораго онъ не могъ терпѣть; во-вторыхъ, онъ, какъ и всѣ меланхолики, долго никого не могъ любить, и Реверділь начиналъ надоѣдать ему своими наставленіями, мѣшалъ предаваться съ полной свободой разврату, отзывался дерзко о методѣ и стѣснялъ въ стремленіяхъ къ достиженію нечувствительности. Эта манія короля съ лѣтами нетолько усилилась, но къ ней присоединились еще другія странности: такъ, ему нравилось чтобъ его били. Графъ Голькъ съ усердіемъ вѣрнаго подданнаго исполнялъ его волю и часто не переставалъ колотить несчастнаго Христіана до тѣхъ поръ, пока не получалъ отъ него награды для себя или для друзей своихъ. Въ другіе разы король ложился на полъ и представлялъ преступника на колесѣ, а одинъ изъ придворныхъ палача. Эта фантазія родилась у него послѣ того, какъ онъ присутствовалъ при казни Мёрля. Мёрль былъ сержантъ, который убилъ казначея, чтобъ украсть у него полковую сумму. Къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, принадлежало то, что этотъ казначей былъ его благодѣтелемъ. Въ подобныхъ случаяхъ датскіе законы чрезвычайно строги: Мёрля и его сообщника приговорили къ колесованію и терзанію клещами. Король пожелалъ узнать, до чего можетъ дойти стойкость человѣка въ перенесеніи боли, и онъ, ни мало не колеблясь, подписалъ приговоръ, а въ день казни отправился на площадь, переодѣтый. Съ этихъ поръ страсть къ переодѣванію сдѣлалась также его маніей. Ее усиливало знакомство съ миледи (такъ называлась бывшая любовница англійскаго посланника, сдѣлавшаяся теперь фавориткой короля). Однажды его видѣли въ простомъ сѣромъ платьѣ, возвращающагося поутру отъ ней. Другой разъ онъ, съ миледи, переодѣтой офицеромъ, съ Гولькомъ и еще другимъ придворнымъ разорили нѣсколько пу-

бличныхъ домовъ, обитательницъ ихъ выгнали на улицу ударами сабель плашмя, и мебель выбросили въ окошко. Полиція явилась, но, узнавъ виновниковъ скандала, остановилась.... Наконецъ терпѣніе нетолько народа, но и министровъ истощилось: миледи заставила Христіана подарить ей отель и сдѣлать ее баронессой. Датская аристократія была взволнована, министры обратились къ Сальдерну, и тотъ выхлопоталъ у короля предписаніе заключить миледи въ гамбургскій смирительный домъ.

Едва король отдѣлался отъ миледи, какъ въ немъ разыгралась прежняя страсть сдѣлаться нечувствительнымъ (dur). Онъ надѣялся достигнуть этого состоянія во время путешествія, въ которомъ надѣялся сохранить строгое инкогнито. Эту страсть разжигалъ въ немъ Голькъ, думая, что въ путешествіи найдетъ новый источникъ доходовъ и новые случаи блеснуть безумными издержками. Опасаясь, чтобы министры не стали противиться отъѣзду короля, онъ сдѣлался къ нимъ необыкновенно внимателенъ и склонилъ Христіана подписывать всѣ ихъ доклады. Такая услужливость не осталась безъ награды: министры согласились и отправили вмѣстѣ съ королемъ Бернсторфа и барона Шиммельмана, бывшаго прежде лодочникомъ на Эльбѣ, потомъ подрядчикомъ для прусской арміи и наконецъ возведеннаго въ баронское достоинство, благодаря своему богатству. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ сопровождать короля, находился и Струэнзе. Во время путешествія ему часто случалось лѣчить Христіана и даже вмѣшиваться въ его удовольствіе. Нечувствительно онъ сближался съ своимъ паціентомъ и умѣлъ внушить ему идею управлять самовластно, не обращая вниманія на совѣтъ министровъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ очень хорошо понималъ, что король долженъ будетъ кому нибудь предаться. Имѣя это въ виду, онъ расчитывалъ дать фаворитку и самому сдѣлаться ея любовникомъ. Выборъ его палъ на мадамъ Габелль, молодую патріотку съ нѣжнымъ сердцемъ, но строгими правилами. Онъ увѣрилъ ее, что Христіанъ по возвращеніи изъ-за границы совершенно измѣнился и что ей остается только довершить его возрожденіе. Это польстило ея самолюбію; она мечтала быть Агнессой Сорель и начала сближаться съ королемъ; но мечты ея были непродолжительны: скоро она увидѣла, что онъ нисколько не измѣнился. Тогда дружба къ Струэнзе смѣнилась ненавистью: бѣдная женщина не пережила разрушенія надеждъ своихъ, впала въ глубокую меланхолію и въ непродолжительномъ времени умерла. Королева очень хо-

рошо знала о намѣреніяхъ Струэнзе и отзывалась о немъ съ крайнимъ презрѣніемъ; непріятность ея положенія увеличивалась еще болѣе болѣзнью, которую нѣкоторые принимали за водяную. Лѣкарства, данныя Матильдѣ, не принесли облегченія. Король призвалъ своего любимца, и тотъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что все зло происходитъ отъ сидячей жизни; поэтому онъ предписалъ гимнастическія упражненія, отсутствіе этикета, и развлеченія.

Королева начала брать уроки верховой ѣзды и замѣтно поправилась; это чудесное исцѣленіе облегчило Струэнзе доступъ къ ней: Матильда увидѣла, что была несправедливо предубѣждена противъ него. Разсуждая съ нимъ о разныхъ предметахъ, она нашла, что онъ образованнѣе и симпатичнѣе раззолоченной толпы пустыхъ царедворцевъ, окружавшихъ ее. Онъ понравился ей еще больше, когда она увидѣла, что онъ знаетъ причину ея страданій: равнодушіе короля и волокитство Голька. Струэнзе не походилъ на него: онъ предлагалъ ей свою преданность безъ всякихъ видовъ и обѣщалъ употребить всѣ средства для сближенія съ ней короля. Это ему удалось. Христіанъ сталъ больше и больше подчиняться вліянію королевы: она развлекала его, она разнообразила его удовольствія. Струэнзе тоже всякій день болѣе сближался съ нею: то Христіанъ посылалъ его переговорить о какомъ нибудь праздникѣ, то королева призывала для чтенія,—однимъ словомъ случаи видѣться представлялись на всякомъ шагу. Незамѣтно рождалась между ними любовь. Матильда чувствовала потребность въ человѣкѣ, который бы понялъ ее, которому она могла бы передать свои радости и печали, свои сомнѣнія и надежды. Струэнзе съ своей стороны тоже съ каждымъ днемъ болѣе оцѣнивалъ королеву: начавъ интригу съ политической цѣлью, онъ скоро увлекся и полюбилъ истинно. Скоро замѣтилъ онъ, что страсть его раздѣляютъ, и на одномъ маскарадѣ открылся въ любви. Ему отвѣчали признаніемъ.....

Возвышеніе Струэнзе раздражало придворныхъ. Его развязность, доходившая иногда до фамильярности, его ненависть къ этикету и цѣлые часы, проводимые у Матильды, давали обильную пищу злословію. Сплетни ходили по городу раньше, чѣмъ старанія Струэнзе увѣнчались успѣхомъ. Это неудовольствіе распространилось скоро и въ народѣ. Во время путешествія по Гольштейну, королева нѣсколько разъ являлась въ мужскомъ костюмѣ. Это поразило патріархальныхъ Нѣмцевъ; ихъ мѣщанская добродѣтель возмутилась при видѣ такого, по ихъ мнѣнію, скандала. Чтобъ нѣсколько парализировать такую оппозицію и

подвинуться къ мѣсту перваго министра, Струэнзе рѣшился призвать къ себѣ Ранцау и Брандта. Но въ сущности они принесли ему только вредъ: первый расчитывалъ сдѣлаться первымъ лицемъ въ государствѣ; второй надѣялся удовлетворить всѣмъ своимъ прихотямъ и страсти къ злословію; одинъ Струэнзе имѣлъ въ виду общее благо: онъ умѣлъ убѣдить королеву въ необходимости быстрыхъ и обширныхъ реформъ, изобразивъ ей печальное положеніе Даніи, и она съ охотой вызвалась содѣйствовать ему. Общія ихъ усилія были такъ велики, что расшевелили даже Христіана и сдѣлали его на нѣкоторое время способнымъ къ работѣ, хотя эта работа состояла въ томъ, что онъ писалъ то, что ему диктовали почти по слову.

Первымъ дѣйствіемъ тріумвирата было низверженіе Бернсторфа. Неудача противъ Алжира послужила превосходнымъ предлогомъ къ отставкѣ его. Вслѣдъ за нимъ пришла очередь другаго министра Данескіольдъ-Лаурвига, а потомъ добрались и до остальныхъ. Дѣла приготовлялись директорами, исправлявшими должность министровъ безъ права доклада, и отсылались къ королю въ запечатанныхъ портфеляхъ. Рѣшенія слѣдовали той же дорогой. Разогнавъ министровъ, Струэнзе рѣшился приступить къ преобразованіямъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ его вліянія былъ указъ объ уничтоженіи цензуры; потомъ слѣдовало уничтоженіе государственнаго совѣта и замѣненіе его конференцъ-совѣтомъ, который долженъ былъ собираться только по приглашенію короля. Съ этихъ поръ указы быстро слѣдовали одни за другими: менѣе чѣмъ въ полгода ихъ вышло изъ королевскаго кабинета до 600, и хотя они скрѣплены статсъ-секретаремъ Шумахеромъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они писаны подъ диктовку Струэнзе. Вслѣдъ за министрами онъ началъ удалять отъ мѣстъ другихъ любимцевъ, позволявшихъ себѣ разныя злоупотребленія. Это были большей частью выслужившіеся придворные, занявшіе должности не въ слѣдствіе заслугъ или способностей, но по дворцовымъ интригамъ. Люди, замѣнившіе ихъ, вполнѣ оправдали выборъ Струэнзе. Въ военномъ министерствѣ произошли такія-же перемѣны: генералъ Гутъ и полковникъ Фалькенскіольдъ заняли мѣста неопытныхъ генераловъ, воспитанныхъ въ канцеляріяхъ и на парадахъ.

Быстро подвигался Струэнзе: скоро онъ былъ сдѣланъ графомъ и первымъ министромъ. Такое необыкновенное возвышеніе взволновало датское общество. Табель о рангахъ вошла въ плоть и кровь его, до такой степени, что даже на дружескихъ обѣдахъ проходили

въ столовую по чинамъ и по чинамъ разносили блюда. Названіе кого нибудь по имени считалось непростительнымъ невѣжествомъ. Чиноманія, вслѣдствіе этихъ условій, съ каждымъ годомъ дѣлала громадные успѣхи: пришлось нетолько подвести подъ табель о рангахъ всѣ мѣста, но создать еще множество сверхштатныхъ, и раздавать патенты только для означенія ранга и, такъ какъ легче было получить титулъ, чѣмъ мѣсто, то и вышло, что вѣрнѣйшее средство къ повышенію въ чинъ было: не служить или имѣть чинъ независимый отъ должности. Дворянство бросилось ко двору, потому что тамъ была большая часть такихъ мѣстъ. Полезные чиновники и офицеры должны были сидѣть по десяти лѣтъ въ чинѣ. Эта страсть къ титуламъ проникла даже въ средній классъ. Таланты, промышленность, услуги, оказанныя государству, считались за ничто, если не были вознаграждены какимъ нибудь чиномъ. Вслѣдствіе этого самыя полезныя занятія, ремесла, мелкая торговля находились въ униженіи. Струэнзе рѣшился прекратить такой порядокъ вещей. Рядъ указовъ поразилъ датскую бюрократію: одними изъ нихъ запрещалось просить о новыхъ титулахъ, другими предписывалось, чтобы члены совѣтовъ, канцелярій и другихъ учрежденій занимали мѣста по должности и старшинству, а не по чину; третьими уничтожались пажи, которыхъ замѣнили лучшими кадетами, перемѣнявшимися ежегодно. За этими реформами быстро слѣдовали другія: учрежденіе воспитательныхъ домовъ для подкидышей, ускореніе судопроизводства, вѣротерпимость въ отношеніи къ лютеранамъ и католикамъ, позволеніе гернгутерамъ селиться въ Шлезвигѣ, преобразованіе госпиталей и устройство реальныхъ школъ. Но, занимаясь этими преобразованіями, Струэнзе не упускалъ изъ виду и смягченія нравовъ, вѣрный своему принципу не стѣснять личную дѣятельность, пока она не нарушаетъ правъ другой личности. На этомъ основаніи, сокративъ большую часть праздниковъ, онъ позволилъ въ прочіе дни играть военной музыкѣ на площадяхъ и общественныхъ гуляньяхъ и разрѣшилъ спектакли въ субботу. Эти распоряженія тѣмъ болѣе вооружили противъ него общественное мнѣніе, что онъ прекратилъ постройку церкви изъ мрамора и позволилъ женитьбу на племянницѣ и сестрѣ жены. Духовенство и ханжи вопили, въ особенности, когда онъ приступилъ къ преобразованію народныхъ школъ. Къ довершенію бѣдствія, въ Копенгагенѣ обнаружился голодъ: годъ былъ неурожайный нетолько въ Даніи, но и во всей Европѣ, и Струэнзе, несмотря на всѣ мѣры, принятыя для покупки хлѣба, не могъ запастись имъ своевременно.

Въ такомъ стѣсненномъ положеніи, осаждаемый со всѣхъ сторонъ интригами и клеветами, новый министръ старался окружить себя людьми честными и преданными. Ранцау и Брандтъ, какъ мы уже сказали, только вредили ему своей гордостью, заносчивостью, мотовствомъ и сплетнями; приказанія его только тогда исполнялись, когда онъ самъ наблюдалъ за приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе; между тѣмъ присутствіе его было необходимо при королѣ, котораго неслѣдовало допускать до сближенія съ партіей, враждебной Струэнзе. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ Ревердиля возвратиться. Бывшій педагогъ былъ не опасенъ. Несмотря на то, что онъ не сочувствовалъ реформамъ Струэнзе, находя ихъ уничтожающими блескъ короны, несмотря на то, что пуританизмъ его возмущался скептическимъ эпикуреизмомъ министра, онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобъ интриговать противъ него. Поставивъ себя въ тѣсные предѣлы долга, онъ понималъ, что реформы необходимы для Даніи, хотя не такихъ реформъ и не такихъ способовъ приведенія ихъ въ дѣйствіе хотѣлъ онъ. Доктринеръ въ душѣ, онъ требовалъ медленнаго, постепеннаго развитія государственныхъ учрежденій съ помощью совѣтовъ, съ инниціативой, исходящей отъ короля. Онъ любилъ бывшаго своего воспитанника и ему досадно было, что онъ становился въ тѣни, на второмъ планѣ, заслоняемый величавой фигурой Струэнзе. Но, сознавая это, онъ въ то же время совершенно понималъ, что Струэнзе былъ необходимъ для Даніи, и потому, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что министръ въ письмѣ упомянулъ, что желаетъ воспользоваться его содѣйствіемъ для освобожденія крестьянъ.

По прибытіи въ Данію, Ревердиль увидѣлъ, что главная его обязанность состояла въ развлеченіи короля. Болѣзнь его усилилась, Брандтъ надоѣлъ ему и въ то же время внушалъ нѣкоторый страхъ; онъ былъ радъ пріѣзду бывшаго учителя и не скрывался передъ нимъ. А между тѣмъ публика полагала, что король совершенно здоровъ, что фавориты распустили слухъ, будто онъ помѣшанный, что они держатъ его въ-заперти и дурно обходятся съ нимъ. Это мнѣніе было такъ распространено, Христіанъ такъ мало являлся въ публикѣ, а когда являлся, такъ умѣлъ скрывать себя, что даже доктора, бывшіе при немъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, говорили: «надо быть самому сумасшедшимъ, чтобъ увѣрять, что король съ ума сошелъ». Неблагопріятные слухи о Струэнзе этимъ не ограничивались: въ народѣ увѣряли, что онъ воспитывалъ наслѣднаго принца по самой варварской

методѣ, съ тѣмъ, чтобъ ослабить его разсудокъ, а между тѣмъ, безпристрастно говоря, это было только примѣненіе системы Руссо. Принцъ былъ слабаго тѣлосложенія, подверженъ англійской болѣзни, упрямъ и капризенъ; онъ не любилъ играть одинъ и требовалъ, чтобъ около него пѣли и плясали, и такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ пріучался къ деспотизму. Струэнзе перемѣнилъ методу: онъ велѣлъ давать ему самую простую пищу, большей частью холодную; три раза въ недѣлю его купали въ холодной водѣ и такъ пріучили къ этому, что потомъ онъ самъ просился купаться. Для большаго пріученія его къ холоду, его помѣстили въ комнатѣ, съ весьма умѣренной температурой и заставляли ходить безъ чулокъ. Ему позволяли дѣлать все, что онъ могъ исполнить собственными силами. Если онъ требовалъ какую нибудь вещь съ упорствомъ, ему не давали ее, но не присоединяли къ отказу ни угрозъ, ни наказаній, ни утѣшеній, ни ласкъ. Если принцъ падалъ, его оставляли лежать, пока онъ не поднимался самъ; никто не изъявлялъ ни малѣйшаго страха и ни слова не говорилъ на этотъ счетъ. Онъ игралъ съ своими товарищами, какъ равный имъ: они помогали другъ другу одѣваться и прислуживали сами себѣ за столомъ. Они могли дѣлать что угодно: играть, кувыркаться, ломать игрушки, но отъ нихъ удаляли все, что могло ихъ ранить. Часто они оставались одни и даже въ темнотѣ. Если они ушибались, ихъ не жалѣли, если они ссорились, имъ предоставляли примириться самимъ. Эта система исправила характеръ принца и такъ развила его способности, что королева рѣшилась обнародовать ее.

Но не одни распоряженія Струэнзе возбуждали къ нему негодованіе; весьма много способствовалъ такому настроенію умовъ графъ Брандтъ. Его зависть, сплетни, насмѣшки сдѣлали ему пропасть враговъ; они пользовались дерзкимъ обращеніемъ его съ королемъ, чтобъ представлять его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, въ особенности послѣ одного происшествія.

Однажды за завтракомъ королевы, въ присутствіи человѣкъ десяти, Христіанъ, который, почти постоянно молчалъ, вдругъ, возвысивъ голосъ и представляя одного актера, вскричалъ, обращаясь къ Брандту: «я васъ вздую палками, слышите-ли, графъ! я вамъ говорю!» Брандтъ, молча перенесъ эту незаслуженную обиду, присутствующіе тоже только глубокимъ молчаніемъ выразили свои чувства, но королева и Струэнзе отвели Христіана въсторону и уговаривали извиниться, но тотъ не хотѣлъ этого сдѣлать ни подъ какимъ видомъ и,

призвавъ Ревердиля, удалился съ нимъ изъ комнаты. Послѣ завтрака, при докладѣ, Струэнзе сказалъ королю, что Брандтъ оскорбленъ и будетъ требовать удовлетворенія. На это Христіанъ возразилъ, что Брандтъ трусъ и не въ состояніи почувствовать оскорбленія.

Послѣ обѣда Брандтъ явился къ королю и, оставшись съ нимъ наединѣ, сталъ требовать удовлетворенія. Христіанъ отвергнулъ шпагу и пистолеты и предложилъ драться на кулакахъ: очевидно, онъ былъ въ болѣзненномъ положеніи; но Брандтъ не понялъ этого и принялъ его вызовъ. Въ дракѣ онъ такъ разгорячился, что избилъ короля. Это дѣло имѣло роковыя послѣдствія для побѣдителя, хотя Христіанъ сначала нетолько простилъ его по ходатайству Струэнзе, но еще чрезъ нѣсколько времени далъ титулъ сіятельства (Excellence), принадлежащій первому классу.

Мало-по-малу надъ головой министра скоплялась грозная туча. Недовольные вельможи составили было заговоръ похитить министра, но, по разногласію и малодушію заговорщиковъ, это не удалось. Другой разъ подобное же покушеніе было подготовлено вдовствующей королевой: она умѣла воспользоваться неудовольствіемъ морскихъ рабочихъ (конопатчиковъ) и склонила на свою сторону ихъ начальника, капитана Винтерфельда. Поводомъ къ неудовольствію послужило предписаніе Струэнзе поспѣшить работой; для этого пришлось работать въ праздники, и суѣверные матросы готовы были видѣть въ этомъ гибель Даніи. Недовольные воспользовались такимъ настроеніемъ умовъ и уговорили матросовъ арестовать или убить фаворитовъ во время народнаго праздника, который король намѣренъ былъ дать 28 сентября, но Струэнзе во-время узналъ объ этомъ замыслѣ, и ни король, ни окружающіе его не были на праздникѣ.

Обѣ эти попытки не имѣли никакихъ послѣдствій для заговорщиковъ: Струэнзе былъ слишкомъ великодушенъ, чтобъ мстить имъ; но великодушіе его осталось не понято; недовольные составили новый заговоръ; на этотъ разъ имъ удалось привлечь на свою сторону часть войска, недовольнаго проэктомъ министра объ уничтоженіи гвардіи. Не желая дѣйствовать слишкомъ круто Струэнзе предположилъ начать реформу прикомандированіемъ къ армейскому гарнизону Копенгагена по ротѣ гвардіи къ каждому полку. Это распоряженіе возбудило бунтъ, хотя солдатамъ и офицерамъ были оставлены ихъ преимущества. Раздраженные солдаты требовали или отставки или точнаго соблюденія заключенныхъ съ ними при вербовкѣ условій. Вѣрный своей

системѣ терпимости и личной свободы, Струэнзе и въ этомъ случаѣ рѣшился дѣйствовать убѣжденіемъ, но не оружіемъ; онъ согласился дать имъ отставку, и нѣкоторые офицеры, пользовавшіеся любовью солдатъ, успѣли уговорить ихъ разойтись. Большая часть изъ нихъ въ тотъ-же день завербовались въ другіе полки, остальные уѣхали въ Норвегію или остались въ Копенгагенѣ, въ ожиданіи революціи.

Дѣйствительно, революція была не далеко. Одиноко стоялъ Струэнзе на вершинѣ своего могущества, только слабая рука королевы поддерживала его; другіе—же, друзья и враги, подкапывали со всѣхъ сторонъ его ненадежный пьедесталъ,—и самый опасный изъ нихъ былъ Ранцау. Обремененный долгами, недовольный тѣмъ, что не могъ сдѣлаться первымъ въ генеральномъ совѣтѣ, онъ изъ друга сдѣлался непримиримымъ врагомъ Струэнзе, особенно съ тѣхъ поръ, когда государственная канцелярія, въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы его кредиторовъ, дала понять ему, что онъ можетъ быть арестованъ, какъ и всякій другой. Сообщники представлялись Ранцау на каждомъ шагу, но надо было умѣючи выбирать ихъ. Паденіе Струэнзе передавало власть въ руки Остена, и потому хитрый царедворецъ обратился къ Бернсторфу, но тотъ не хотѣлъ войти съ нимъ ни въ какія сношенія. Тогда онъ предложилъ свои услуги вдовствующей королевѣ и принцу Фридерику. Они приняли его предложенія, только послѣ нѣкотораго колебанія, потому что его вольнодумство и прежняя жизнь внушали имъ недовѣріе. Но графъ Ранцау былъ мастеръ притворяться: онъ прикинулся раскаявшимся грѣшникомъ и увѣрилъ королеву Юлію, что Струэнзе составилъ заговоръ, съ цѣлью заставить короля отречься отъ престола и вручить регентство Матильдѣ, а себя объявить протекторомъ. Въ доказательство этого онъ досталъ отъ какого-то господина Сума копію съ мнимаго заговора и представилъ ее вдовствующей королевѣ. Очень можетъ быть, что она и не вѣрила всѣмъ этимъ выдумкамъ, но выгоды ея требовали повѣрить, и она дала свое согласіе на всѣ мѣры, предложенныя Ранцау. Тогда полковникъ Келлеръ и генералъ Эйхштедтъ увѣдомили преданнѣйшихъ изъ своихъ офицеровъ, чтобъ они собрались въ опредѣленное время.

Наступилъ вечеръ. Послѣ чая, король, королева, принцъ Фредерикъ, Струэнзе и весь дворъ отправились на балъ. Балъ прошелъ какъ обыкновенно: принцъ танцовалъ, Келлеръ игралъ въ карты съ Брандтомъ и Струэнзе, которые и не подозрѣвали, что это послѣдняя ночь, проведенная ими на свободѣ. Въ три часа всѣ разошлись, и въ

половинѣ четвертаго драгуны Эйхштедта оцѣпили замокъ, и полковникъ Келлеръ, получивъ приказаніе отъ королевы Юліи, отправился арестовать фаворитовъ. Между тѣмъ Ранцау, размысливъ объ опасностяхъ своего предпріятія, рѣшился выпутаться изъ него двойной измѣной. Въ 8 часовъ вечера онъ пошелъ къ брату Струэнзе, но не засталъ его, потомъ черезъ два часа снова зашелъ къ нему, но тотъ не возвращался еще съ ужина отъ генерала Гелера; тогда Ранцау написалъ къ нему записку, въ которой упрашивалъ доставить ему свиданіе съ министромъ до полуночи. Записка эта дошла по назначенію только въ три часа утра. Такимъ образомъ поправить дѣло было не возможно, и Струэнзе и Брандтъ были арестованы и отвезены въ крѣпость. Другихъ постигла та же участь; только полковникъ Фалькенскіольдъ былъ оставленъ подъ арестомъ дома. Исполнивъ главнѣйшую часть своего предпріятія, заговорщики отправились къ королю. Онъ испугался и считалъ себя въ большой опасности, но его успокоили, объявивши, что явились для его спасенія, и тутъ-же разсказали ему подробности мнимаго заговора; вмѣстѣ съ тѣмъ его увѣрили, что необходимо арестовать королеву Матильду и еще семнадцать человѣкъ, приближенныхъ къ ней и къ фаворитамъ. Христіанъ подписалъ все, что ему диктовали. Матильда была отвезена въ Кроненбургъ, надъ арестованными фаворитами былъ наряженъ судъ.

Народъ, узнавъ о паденіи Струэнзе, подстрекаемый агентами враговъ его, пришелъ въ такую радость, что разграбилъ болѣе 60 домовъ. Новое правительство нашло такую радость весьма естественной, и только по прошествіи 24 часовъ приняло мѣры остановить безпорядки.

Не станемъ говорить о допросѣ Струэнзе и Брандта; участь ихъ была рѣшена раньше; надо было только добиться признанія перваго о связи его съ Матильдой, а этого онъ никакъ не хотѣлъ сказать. Но когда онъ узналъ, что она заключена въ Кроненбургѣ, слезы невольно выступили изъ глазъ его, онъ былъ взволнованъ, растерялся. Судьи воспользовались минутнымъ ослабленіемъ его твердости и вырвали у него роковое признаніе. Королева тоже не могла запираться, когда ей представили протоколъ, подписанный Струэнзе; она тоже призналась во всемъ, но вину принимала на себя...

Брандта и Струэнзе приговорили лишиться сперва правой руки, потомъ головы; трупы ихъ должны были быть четвертованы и выставлены на колесѣ, головы и руки на столбахъ. Королева была раз-

ведена съ мужемъ и принуждена разстаться съ дочерью и выслана изъ Даніи. Она удалилась въ Ганноверъ и тамъ, въ уединеніи, жила скромно, равнодушная ко всему, какъ будто страшная драма, въ которой она была однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, совершенно истощила ея силы, притупила чувствительность.

Струэнзе палъ, и Данія снова вошла въ прежнее положеніе, снова пошла по старой дорогѣ. Струэнзе былъ способенъ спасти ее, но ни въ образованныхъ классахъ, ни въ народѣ не нашелъ данныхъ необходимыхъ для ея возрожденій. Государственный переворотъ 1660 года сдѣлалъ корону наслѣдственной, вмѣсто избирательной. Средній классъ и духовенство, недовольные алчностью и феодальными замашками дворянства, вырвали власть изъ рукъ аристократіи и передали ее королю. Но преемники Фредерика III не умѣли воспользоваться этой властью и, вмѣсто того, чтобы съ помощью ея совершить необходимыя государственныя реформы, они обратились къ аристократіи и опять попали въ ея руки, съ тою только разницей, что зависимость ихъ была не феодальная, а придворно-бюрократическая. Вслѣдствіе этого, низшіе классы снова стали почти въ прежнія отношенія къ высшимъ и сохранили права свои только на бумагѣ. Струэнзе хотѣлъ возвратить наслѣдственной монархіи настоящее ея значеніе, поставляя его въ счастіи народа, въ подкрѣпленіи того принципа, которому она обязана была властью. Но намѣреніе его, естественно, не могло исполниться. Данія была деморализована бюрократіей и узкимъ пуританизмомъ. Возрожденіе ея могло совершиться только съ помощью народныхъ героевъ, съ пробужденіемъ въ народѣ сознанія о правахъ принадлежащихъ ему, съ распространеніемъ просвѣщенія. Такія проявленія народной жизни могли родиться или вслѣдствіе вліянія литературы, или столкновенія съ другими націями или правительственныхъ распоряженій. Но литература въ Даніи была убита, сношенія съ остальной Европой ограничивалась путешествіями короля и придворныхъ, или торговлей, и-то не въ большихъ размѣрахъ; правительственныя распоряженія не были такъ стѣснительны, чтобъ возбудить народъ къ возстанію, и въ то же время не были такъ либеральны, чтобъ содѣйствовать народному развитію. Струэнзе думалъ пособить послѣднему недостатку, но, къ несчастью, средства не соотвѣтствовали его цѣлямъ, у него не было достойныхъ помощниковъ; принципъ личной свободы, положенный имъ въ основаніе прогресса,

былъ совершенно вѣренъ, но для приложенія его къ практикѣ нужны были люди и время. Мы видѣли, какими людьми онъ былъ окруженъ; время же его проходило въ отраженіи постоянныхъ интригъ, въ поддерживаніи расположенія короля, который готовъ былъ по прихоти каждаго встрѣчнаго подписать какой угодно указъ. Сверхъ того министерство Струэнзе было такъ кратковременно, что онъ не могъ привести къ окончанію свои реформы, и потому мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какіе-бы результаты принесли принятыя имъ мѣры. Нельзя не замѣтить одного, что дѣятельность его была изумительна и охватывала всѣ части государственнаго управленія. Главная ошибка въ которой можно упрекнуть его, была въ томъ, что онъ потратилъ силы на второстепенныя реформы, оставивъ безъ вниманія капитальный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; тогда какъ удачнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса онъ могъ упрочить свое положеніе. Другая ошибка его состояла въ томъ, что онъ былъ слишкомъ вѣренъ обязанностямъ дружбы: ограничивая расходы другихъ, онъ позволялъ Брандту дѣлать безумныя издержки; хотя, правду сказать, другаго исхода не было. Около короля необходимо было помѣстить такое лицо, которое-бы развлекало его, занималось его удовольствіями,—безъ этого министерство не продержалось-бы трехъ дней,—кого же было выбрать, какъ не Брандта, который, несмотря на всѣ свои недостатки, все-таки любилъ Струэнзе и былъ заинтересованъ въ поддержкѣ его министерства? Когда же Брандтъ надоѣлъ королю, мы видѣли, что онъ не затруднился пригласить Ревердиля, хотя и не ожидалъ съ его стороны поддержки. Впрочемъ строго нельзя и судить Струэнзе ни за его дружбу, ни за его любовь. Онъ былъ одинокъ и сердце его искало съ кѣмъ подѣлиться: дружба его была обусловлена прежними отношеніями. Онъ былъ не виноватъ, что полюбилъ королеву; онъ поддался впечатлѣнію своей страстной натуры; онъ не походилъ на тѣхъ холодныхъ доктринеровъ, которыхъ жизнь размѣрена по циркулю, которые никогда не скажутъ лишняго слова, которые никогда не позволятъ себѣ никакого сильнаго чувства, никакого увлеченія. Жизнь ихъ не жизнь, а прозябаніе: они не знаютъ ея горестей, зато не знаютъ и ея наслажденій! Струэнзе не походилъ на нихъ, не походилъ и на коварныхъ лицемѣровъ, которые подъ маской добродѣтели и строгости принциповъ скрываютъ всѣ пороки. Онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобъ унижаться до лицемѣрія, онъ открыто исповѣдывалъ свои принципы, онъ не скрывалъ своихъ недостатковъ, и тяжелой

цѣной заплатилъ за свои заблужденія. Полна разнообразныхъ ощущеній была жизнь его, онъ до дна осушилъ кубокъ наслажденія, онъ былъ человѣкомъ во всемъ, и гуманный образъ его невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе потомковъ, наученныхъ событіями цѣнить чистоту и необходимость его реформъ.

В. ПОПОВЪ.

Берлинъ. Осенняя сказка Генриха Гейне.

Гейне, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, ближайшій къ намъ по времени, по складу мысли, и по образамъ, жилъ и умеръ вдали отъ своихъ соотечественниковъ, т. е. отъ людей говорившихъ съ нимъ на одномъ языкѣ. Благонравные Нѣмцы приходили въ ужасъ отъ его безпощаднаго смѣха и не понимали его ѣдкой грусти; все въ направленіи его таланта, все въ личныхъ особенностяхъ его паѳоса и юмора приводило ихъ въ краску, въ негодованіе или въ ужасъ; когда поэтъ говорилъ имъ о наслажденіи, о полной чашѣ жизни, о связи человѣка съ природою,—они скромно опускали глазки и находили его безнравственнымъ; когда онъ разбивалъ своимъ сарказмомъ устарѣлыя идеи, обезсмысленныя формы, тяжелыя оковы разума—тогда противъ него подымался сонмъ профессоровъ и протестантскихъ піетистовъ, и своимъ маленькимъ аршинчикомъ эти люди принимались мѣрить идеи генія; геній конечно далеко превышалъ ихъ масштабъ и они называли его уродомъ. Когда наконецъ поэтъ становился трибуномъ вѣка, ораторомъ за права человѣческой личности,—ему зажимали ротъ, какъ вредному, безмозглому крикуну. Поэтъ умеръ и картина перемѣнилась. Нѣмцы поняли, наконецъ, что Гейне—безсмертный поэтъ,—что онъ войдетъ въ исторію литературы помимо всякихъ узкихъ теорій, и что на немъ будетъ воспитываться молодое поколѣніе помимо всякихъ отчаянныхъ возгласовъ благонамѣренныхъ педагоговъ. Тѣ люди, которые знали Гейне, состарѣлись и успѣли

выказать въ полномъ блескѣ свою умственную нищету; выдвинулось впередъ то поколѣніе, которое, читая Фохта, Молешота и Бюхнера, идетъ къ дѣлу помимо фразъ, и слѣдовательно способно понимать своего поэта и чувствомъ, и мыслью. Изданія сочиненій Гейне стали расходиться съ изумительною быстротою; въ 1860 году Кампе напечаталъ девятнадцатое изданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣмецкой публикѣ явилась надежда получить со временемъ собраніе посмертныхъ произведеній Гейне, и въ нынѣшнемъ году Штейнманъ, пользовавшійся личнымъ знакомствомъ поэта, напечаталъ два тома его неизданныхъ мелкихъ стихотвореній, три тома писемъ, и осеннюю сказку «Берлинъ» Книжки Штейнмана взволновали нѣмецкую критику, и во многихъ періодическихъ изданіяхъ появились скептическіе отзывы о подлинности изданныхъ имъ произведеній. Скептическіе отзывы эти получили особенную силу, когда родной братъ поэта, Густавъ Гейне, печатно объявилъ, что стихотворенія и письма, изданныя Штейнманомъ, не могутъ принадлежать перу Генриха Гейне, что всѣ бумаги покойнаго находятся у него, Густава Гейне, и у вдовы поэта, и что, слѣдовательно, изданія Штейнмана ничто иное, какъ поддѣлка, предпринятая изъ корыстныхъ видовъ. Штейнманъ однако не упалъ духомъ, и, продолжая изданія посмертныхъ произведеній Гейне, отвѣчалъ рѣзкою брошюрою на нападки, направленные противъ литературной честности издателя и противъ подлинности издаваемыхъ матеріаловъ. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ, что Густавъ Гейне не присутствовалъ при кончинѣ своего брата, что Генрихъ Гейне не упоминаетъ о Густавѣ въ своемъ завѣщаніи, и назначаетъ своимъ душеприкащикомъ не брата своего, а посторонняго человѣка, доктора Христіани. Что же касается до изданныхъ стихотвореній, то Штейнманъ ручается за ихъ подлинность, и предлагаетъ каждому желающему—явиться къ нему и убѣдиться въ томъ, что письма и стихи дѣйствительно писаны рукою Гейне. Такое печатное приглашеніе говоритъ конечно въ пользу Штейнмана, хотя и не можетъ устранить всякое сомнѣніе. Противники Штейнмана могутъ во всякое время завести съ нимъ формальный процессъ, и, если они этого не сдѣлаютъ, то конечно дадутъ намъ право думать, что Штейнманъ правъ. Пока этотъ вопросъ еще не совсѣмъ рѣшенъ, обратимся къ самымъ сочиненіямъ Гейне, изданнымъ Штейнманомъ и посмотримъ, есть ли въ нихъ хоть блѣдное подобіе того, что мы привыкли встрѣчать въ вѣчно-свѣжихъ произведеніяхъ великаго лирика. Возьмемъ, на первый разъ, осеннюю

сказку «Берлинъ.» Въ предисловіи издатель объявляетъ. что эта сказка составлена изъ черновыхъ набросковъ, и что, для общей связи, чужая рука должна была вставлять нѣкоторыя строки и куплеты. Откровенное сознаніе Штейнмана свидѣтельствуетъ въ пользу его искренности и даетъ намъ право думать, что мы имѣемъ дѣло не съ обманщикомъ; но за то, это сознаніе такъ наивно, что трудно удержаться отъ улыбки. Кто сколько нибудь знакомъ съ Гейне, тотъ очень хорошо понимаетъ, что подражать ему совершенно невозможно; его обороты и формы такъ эксцентричны и капризны, что только колоссальный талантъ нашего поэта спасаетъ ихъ отъ уродливости: Гейне непереводимъ; наши поэты, даровитые и бездарные, берутъ у Гейне идеи и образы, пишутъ свои стихотворенія на эту заимствованную тему, потомъ ставятъ въ заголовкѣ: изъ Гейне, и воображаютъ себѣ, что они его перевели. Ихъ стихотворенія бываютъ хороши или дурны, смотря потому, написаны ли они М. Л. Михайловымъ или какимъ нибудь г. Семперверо, но во всякомъ случаѣ это не переводы; Гейне остается самъ по себѣ, а стихотвореніе, навѣянное имъ, само по себѣ; теперь, представьте же себѣ, любезный читатель, каково должно быть—дополнять Гейне, работать подъ Гейне, какъ столяры работаютъ подъ орѣхъ. Попытка Штейнмана округлить черновые наброски великаго поэта напоминаетъ какъ нельзя больше распоряженія иныхъ богатыхъ вельможъ, приказывающихъ поновить какую нибудь старую картину знаменитаго мастера; но, что извинительно вельможѣ — то кажется страннымъ въ скромномъ издателѣ посмертныхъ сочиненій Гейне, въ человѣкѣ, соприкосавшемся съ литературною дѣятельностью и имѣющемъ нѣкоторое понятіе о ея требованіяхъ. Если бы Штейнманъ, какъ слѣдуетъ добросовѣстному издателю, далъ намъ въ руки то, что нашлось въ подлинныхъ бумагахъ, мы бы, по самой отрывочности, могли судить о томъ, какъ въ головѣ Гейне зрѣли и слагались его обаятельныя, причудливыя созданія, для которыхъ и не приберешь другаго имени, какъ «сонъ въ лѣтнюю ночь» или «зимняя сказка»; тотъ процессъ творчества, который всякій поэтъ скрываетъ при своей жизни, являясь передъ публикою не иначе, какъ en grande tenue, или покрайней мѣрѣ, въ изящномъ négligé,—этотъ процессъ творчества, повторяю я, хоть сколько нибудь сдѣлался бы для насъ понятнымъ; но теперь, благодаря наивной услужливости добраго Штейнмана, что прикажете дѣлать съ его книгою? если бы онъ сдѣлалъ свои вставки въ совер-

шенно обработанное произведеніе Гейне, эти вставки бросились бы въ глаза, какъ заплаты другаго цвѣта; но бѣда въ томъ, что сказка «Берлинъ» находилась въ положеніи эскиза, а Гейне, какъ сообщаетъ тотъ-же Штейнманъ, въ комментаріяхъ къ письмамъ, сильно шлифовалъ свои стихи, выпуская ихъ въ свѣтъ, слѣдовательно, намъ не остается никакого критеріума, чтобы строго отдѣлить гейневскіе стихи отъ негейневскихъ. На этомъ основаніи, подѣлимся съ читателями только общимъ впечатлѣніемъ. «Берлинъ» во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо ниже Атта Тролля и Германіи. Разсказать сюжетъ этой осенней сказки совершенно невозможно, точно также, какъ разсказать сюжетъ Атта Тролля или Германіи; фантазія поэта скачетъ отъ одного предмета къ другому, не заботясь ни объ общей связи, ни о соразмѣрности частей, ни о постепенности переходовъ. Но въ Атта Троллѣ и въ Германіи Гейне, перепрыгивая отъ одного предмета къ другому, рисуетъ рядъ отдѣльныхъ, блестящихъ, совершенно законченныхъ картинъ; онъ бросаетъ читателю совершенно неожиданно цѣлые букеты смѣлыхъ идей, которыя дѣйствуютъ на васъ особенно сильно нечаянностью своего появленія, своею парадоксальностью и неподражаемою оригинальностью формы. Ничего этого нѣтъ въ Берлинѣ. Отдѣльныя картины не додѣланы; въ нихъ недостаетъ рельефности; идеи, конечно, достойны передоваго поэта нашего времени, но такъ какъ образы, въ которыхъ выражены эти идеи, не доведены поэтомъ до полной ясности и осязательности, то и самыя идеи не могутъ дѣйствовать такъ сильно и не производятъ того впечатлѣнія, которые мы привыкли выносить изъ Гейне. Кромѣ того, говоря о Берлинѣ, Гейне вдается въ частности и мелочи, которыя могутъ быть вполнѣ интересны только тому, кто совершенно знакомъ съ закулисными тайнами берлинскаго литературнаго и театральнаго міра; эти мелочи встрѣчаются у Гейне вездѣ; полемическія выходки противъ Масмана, противъ Генгстенбера, противъ швабскихъ поэтовъ есть и въ Атта Троллѣ и въ Германіи; но тамъ эти выходки до такой степени блестятъ остроуміемъ, что онѣ получаютъ общій интересъ; намъ нѣтъ дѣла до того, кого бранитъ Гейне; мы видимъ какъ онъ бранитъ, отгадываемъ, за что онъ бранитъ, и совершенно удовлетворяемся этими свѣдѣніями. Въ недодѣланной сказкѣ «Берлинъ» напротивъ того, эти выходки не отличаются игривостью и оставляютъ совершенно равнодушнымъ читателя-иностранца. Въ заключеніе укажу на тѣ главы, въ которыхъ наиболѣе проявляется юморъ и блескъ

гейневской поэзіи. Всѣхъ главъ 27; особеннаго вниманія заслуживаютъ 15-я глава, въ которой Гейне говоритъ о судьбѣ своихъ первыхъ поэтическихъ опытовъ, 19-ая, въ которой онъ, страстный поклонникъ Наполеона I, какъ геніальной личности, изображаетъ въ нѣсколькихъ штрихахъ исторію Европы въ началѣ XIX вѣка; и наконецъ эпилогъ къ осенней сказкѣ, въ которомъ Гейне совѣтуетъ приготовить обѣдъ для людоѣдовъ изъ различныхъ представителей германской мысли и берлинской жизни, изъ различныхъ, враждебныхъ нашему поэту элементовъ и направленій. Въ другихъ мѣстахъ поэмы есть разбросанныя картинки, много удачныхъ выраженій, но, повторяю, все вмѣстѣ неясно и не производитъ цѣлостнаго впечатлѣнія. Постараюсь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ поговорить о мелкихъ стихотвореніяхъ Гейне, изданныхъ Штейнманомъ, о его письмахъ и прозаическихъ статьяхъ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

СМѢСЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1861 ГОДА.

Каждый годъ въ залахъ академіи художествъ открывается выставка картинъ, архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній; каждый годъ академія выставляетъ программы своихъ учениковъ, печатаетъ длинные каталоги, и между тѣмъ эти выставки проходятъ какъ-то безслѣдно, незамѣтно и не оставляютъ по себѣ никакого впечатлѣнія. Публика гуляетъ по заламъ, останавливается передъ двумя-тремя картинами, любуется нѣкоторыми портретами и выходитъ оттуда какъ изъ штенбоковскаго пассажа съ его изящно-безцвѣтными магазинами. Журналистика съ своей стороны провожаетъ художественную выставку глубокимъ молчаніемъ, и только фельетонисты, какъ по долгу службы, сообщаютъ читателю о нѣкоторыхъ лучшихъ произведеніяхъ, точно разсказываютъ ихъ сюжетъ — и дѣло съ концомъ!.. Что же за причина такого равнодушія? Неужели же большинство публики такъ мало эстетически развито, что проходитъ холодно мимо трудовъ русскихъ художниковъ и съ большимъ любопытствомъ готово толпиться въ залахъ мануфактурной, цвѣточной или овощной выставокъ? Или, неужели нашъ русскій художественный міръ такъ бѣденъ истинными дарованіями, что въ немъ нѣтъ ни одного выдающагося, сильнаго таланта? И въ томъ и въ другомъ случаѣ — это несправедливо. Съ одной стороны сдѣлалось уже неоспоримымъ, что общественное мнѣніе всегда откликалось на всѣ яркія явленія въ мірѣ искуства или литературы и рѣдко ошибалось въ своей оцѣнкѣ; — съ

другой стороны—нельзя и сомнѣваться въ томъ, что русская живопись имѣетъ у себя не одного достойнаго, даровитаго представителя.

Поэтому нужно будетъ поискать другаго отвѣта на нашъ первый вопросъ—объ общемъ равнодушіи къ русскимъ художественнымъ выставкамъ. Поищемъ его.

Какъ ни мало мы двигаемся впередъ, какъ ни робки первые шаги русскаго прогресса, но все--таки общественное сознаніе и развитіе (не говоря о массахъ) ростетъ теперь не по днямъ, а по часамъ, испуганное и пристыженное сардоническимъ крикомъ г. Ламанскаго: «вы не созрѣли!» Созрѣть мы дѣйствительно еще не успѣли, да и странно, требовать отъ насъ этой зрѣлости, но мы охотно воспитываемся и начинаемъ умнѣть; а это уже успѣхъ!.. Возьмемъ для примѣра хоть нашу литературу. Пусть у насъ нѣтъ такихъ мощныхъ голосовъ, какъ голоса Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго, пусть литература бѣдна и скупа на громадные таланты, на безсмертныя созданія, но зато у ней есть другое великое достоинство—сближеніе съ жизнію, съ обществомъ и нераздѣльная связь съ нимъ. Время олимпійскихъ праздниковъ въ литературѣ миновало невозвратно,—наступили будни, трудовыя, чернорабочія будни. Торжество одной блестящей формы безъ содержанія—потеряло свою прелесть и непозволительное бѣшенство фантазіи г.г. Марлинскаго, Полеваго и др. теперь кажется рѣшительно анахронизмомъ. Аристократическая муза прежнихъ поэтовъ перерядилась въ простую мѣщанку; Венеры, купидоны и амуры, наводнявшіе русскую поэзію, появились въ новомъ маскарадѣ простыхъ смертныхъ и вмѣсто прежнихъ серебряныхъ звуковъ лиръ мы слушаемъ теперь обличительные диссонансы. Пусть обвиняютъ насъ за мелочность, за раздражительность, но мы не разрюмимся теперь отъ пѣсенъ кн. Вяземскаго и Трилуннаго, а съ большимъ удовольствіемъ будемъ слушать обличительные стихи и прозу г.г. Розенгейма и Корытникова. Прежде литература была отдыхомъ, забавой, — мы читали, чтобъ развлечься, забыться, теперь же она не хочетъ, чтобъ мы *забывались*, ощупываетъ наши общественныя недостатки, тревожитъ нашъ сонъ, безпокоитъ нашу совѣсть... Въ насъ развилось теперь не чувство самоуслажденія, довольства и нравственной спячки, а лихорадочное безпокойство, и желчное чувство досады на свою собственную личность, на недостатки, съ которыми мы такъ сжились... При такой раздражительности, странно и требовать отъ людей строгой, холодной критики и спокойнаго анализа .. Гдѣ тутъ быть философами—

Сенеками!.. Этотъ возрастъ общественной дѣятельности слишкомъ юнъ и горячъ для этого... Все спѣшитъ пока откликнуться на голосъ жизни, заявить свое участіе въ ней: умственное движеніе наступило, но время кабинетнаго анализа еще не пришло...

И вотъ въ этой-то будничной, кипучей суетѣ, въ этой чернорабочей артели сдѣлался невозможнымъ праздный зритель текущихъ событій, пѣвецъ con amore, праздношатающійся діалектикъ. Какъ-то немыслимъ сталъ идеалъ художника, который для формы забываетъ содержаніе, гоняется за одной внѣшностью и восклицаетъ, обращаясь къ толпѣ:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!...

Все мертвое, ложное, рефлексированное и риторское — пережило свой магическій романъ и потому теперь писателя или поэта, занимающагося риторическими упражненіями не спасетъ отъ паденія или забвенія даже самый талантъ его, какъ бы онъ ни былъ великъ. Мы знаемъ не одинъ такой примѣръ, и вовсе не удивляемся тому факту, что у насъ въ литературѣ проходятъ незамѣченными личности писателей несомнѣнно даровитыхъ, но мертвыхъ и глухихъ ко всему, чѣмъ кипитъ и волнуется вокругъ ихъ ежедневная, мѣщанская дѣйствительность. Олимпійское спокойствіе Гёте — непонятно въ наше время...

Въ другомъ совершенно положеніи находится русская живопись. Этотъ міръ живетъ въ сторонѣ отъ большой дороги жизни и нашихъ общественныхъ интересовъ и волненій. Кисть русскихъ художниковъ не пошла дальше формы, внѣшности и громкой фразы въ искуствѣ. За малыми исключеніями, наши художники смотрятъ на искуство, какъ на нѣчто отдѣльное отъ жизни и чуждое идеи. Рѣдко можно встрѣтить произведеніе запечатлѣнное мыслью и той жизненной правдой, которая должна отражаться на всемъ, что создаетъ творчество современнаго человѣка. Большинство публики, только смутно сознавая, что такого рода произведенія ее не удовлетворяютъ, равнодушно смотритъ на нихъ.

Положеніе русскаго молодаго художника и его академическая карьера заслуживаютъ особаго вниманія, и мы, прежде чѣмъ будемъ го-

ворить о выставкѣ нынѣшняго года, потолкуемъ сначала объ участи самихъ художниковъ. Участь ихъ достойна полнаго сожалѣнія, какъ достойна сожалѣнія всякая молодая сила, пропадающая безъ пользы и слѣда. Цѣлый рядъ картинъ русской кисти, выставляемыхъ на академическихъ выставкахъ или находящихся въ частныхъ рукахъ, привели насъ къ тому убѣжденію, что развитіе нашихъ художниковъ чрезвычайно какъ слабо и блѣдно, что у нихъ нѣтъ содержанія, нѣтъ той реальности, безъ которой всѣ произведенія мертвы, какъ отрывки, какъ азбука. Гоняясь за формой, они дальше формы и нейдутъ и ничего кромѣ ея и не видятъ въ искуствѣ; на самую природу они смотрятъ не глазами художника, но, пугаясь своего непосредственнаго чувства, въ своихъ произведеніяхъ подражаютъ не ей, и ея живымъ образамъ, а стариннымъ образцамъ живописи и древнимъ маэстрамъ. У нашихъ художниковъ нѣтъ смѣлой оригинальности, потому что нѣтъ воспитанія. Но можно-ли слишкомъ винить ихъ за это? Прослѣдимъ тотъ путь, которымъ они начинаютъ свое артистическое поприще. Нашъ юноша-художникъ, почувствовавъ свое призваніе, поступаетъ въ ученики академіи съ богатымъ запасомъ силъ, съ полнымъ желаніемъ учиться и всего себя отдать искуству. Но искуство, кромѣ дарованія и страстнаго желанія служить ему, требуетъ отъ посвященнаго еще и другихъ условій: оно требуетъ не одинхъ школьныхъ упражненій и классныхъ этюдовъ съ натуры, но полнаго по возможности развитія и воспитанія. Положимъ, въ живописи, больше чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо классическое изученіе формы, строгость рисунка и знаніе анатоміи, но на одинхъ этихъ пріемахъ остановиться нельзя. Исполненіе этихъ условій не задача кисти, какъ понимаютъ многіе, а только средства, которыя не будутъ стѣснять и связывать художника въ его дальнѣйшихъ работахъ. И вотъ, молодой человѣкъ лѣтъ 17 или 18-ти поступаетъ въ академическіе классы. Кончивъ или не кончивъ въ 18 лѣтъ курсъ наукъ въ какомъ нибудь низшемъ учебномъ заведеніи, молодой человѣкъ, взявшись за карандашъ, большею частію не богатъ знаніемъ. Ему еще нужно учиться и воспитывать себя. Быть въ одно и то же время ученикомъ академіи художествъ и воспитанникомъ какого нибудь учебнаго заведенія, не возможно, по самому распредѣленію академическихъ классовъ. Учиться самому! — но это рѣдкія исключенія, и объ нихъ мы не говоримъ. Большинству же юношей это совершенно не подъ силу: большею частію бѣдняки, они заняты вопросами дня и заботами о насущномъ кускѣ хлѣба. Имъ нужно жить чѣмъ нибудь,

кое-какъ одѣть себя, внести въ академію деньги, — и вотъ уходитъ все ихъ время на добываніе скудныхъ средствъ и работы. Кто же не знаетъ, какъ трудно достать работу для неизвѣстнаго, только начинающаго художника. Фотографія теперь убила портретную живопись и жить рисованіемъ портретовъ—совершенно стало невозможно. Что же остается? Малеванье грошевыхъ вывѣсокъ для табачныхъ лавокъ и кой-какія ничтожныя работы, за самую неблагодарную цѣну. Гдѣ же тутъ время учиться, сидѣть за книгой?!—послѣдняя надежда на академическіе классы. И вотъ новый художникъ аккуратно ходитъ съ своимъ картономъ въ академію, благоговѣетъ предъ фресками Рафаэля и картинами Бруни, рисуетъ чернымъ карандашемъ этюды съ мраморныхъ статуй и по рисунку переходитъ изъ класса въ классъ. Далѣе идетъ конкурсъ на премію, задается программа, большею частію изъ греческой миѳологіи, получается медаль—и карьера сдѣлана. Въ задачахъ программъ ярче всего высказывается — что́ именно требуется отъ художника, чего ждутъ и за что награждаютъ его. Ему даютъ тему изъ библіи или изъ миѳологіи, даютъ готовое содержаніе и требуютъ одного рисунка, *тѣльности* и гармоніи линій. Задачамъ этимъ художникъ совершенно не сочувствуетъ, даже не понимаетъ ихъ. Творчеству его негдѣ проявиться, развитію тоже... Русскій человѣкъ далеко не аскетъ, по самому свойству своей натуры, а поневолѣ долженъ держаться старой рутины художественнаго шаманства или мистицизма католическихъ артистовъ древнихъ временъ. Не сочувствуя чуждымъ для него идеаламъ, но воспитанный только на нихъ однихъ, художникъ, придерживаясь манеры и характера разныхъ знаменитостей, отдается одной только формѣ и думаетъ только о томъ, чтобъ голыя фигуры его картины поражали своей прозрачностью, рельефностью и строгостью рисунка. Самыя программы, т. е. исполненіе заданнаго сюжета поражаетъ зрителя своей наивностью, неискренностью и театральнымъ расположеніемъ группъ и фигуръ. Эффектъ обстановки, ловкое освѣщеніе картины — вотъ главныя задачи при исполненіи такихъ произведеній. (О программахъ нынѣшняго года мы еще будемъ говорить послѣ). При такой скудной подготовкѣ дѣлается понятнымъ, что у насъ между художниками бываютъ таланты, но произведеній хорошихъ почти нѣтъ. Всѣ богатыя способности размѣниваются на мелочь, на легкій жанръ или на рисовку портретовъ съ удивительными бобрами и художники довольствуются довольно не лестнымъ успѣхомъ въ публикѣ.

Нельзя при этомъ не подивиться нашему народному патріотизму: какъ извѣстно, въ живописи есть разныя школы—есть школа итальянская, голландская, французская, нашлись при этомъ патріоты, которые провозгласили, что есть и *русская школа.* Какая же это русская школа? Въ исторіи русской живописи есть дѣйствительно замѣчательныя личности, рѣзко отдѣляющіяся отъ толпы, но гдѣ же самая школа? Ужъ не школа-ли Бруни и его картинъ съ темнымъ тономъ, съ колоритомъ петербургскихъ туманныхъ дней и съ мертвымъ рисункомъ? Что-то плохо въ это вѣрится... Только два художника стоятъ у насъ выше всѣхъ головой, но стоятъ совершенно одиноко — это Брюловъ и Ивановъ. Два эти художника совершенно не похожи одинъ на другаго—это двѣ крайности, двѣ противуположности. Еслибы можно было достоинствами одного пополнить недостатки другаго, то вышелъ-бы міровой, великій геній. Но вѣдь это только утопія...

Брюловъ не стоялъ въ головѣ какой нибудь школы, да у него и не могло быть ея. Это былъ истинный художникъ, поэтъ Петербурга прошлой эпохи. Страстный, раздражительный, капризный и впечатлительный ко всему, что вокругъ него дѣлалось, онъ былъ чуждъ кабинетнаго долгаго труда и усидчивой работы; творя по вдохновенію, онъ бѣсился всегда на медленность, на самый механизмъ своего творчества. Поэтому-то большею частью картины его не окончены. Брюловъ былъ лучшимъ представителемъ художника своей эпохи. Ему не было ни времени, ни охоты создавать какую нибудь школу, систематически обдумывать свои произведенія. Гдѣ тутъ было обдумывать?—геній художника, художника не чуждаго своему времени, звалъ, толкалъ его къ быстрой, къ огненной работѣ, пока нервы были въ напряженіи, пока желчь кипѣла въ груди. И между тѣмъ, какъ у другихъ художниковъ, съ аскетическою набожностью и спокойствіемъ смотрѣвшихъ на искуство, работа шла хило и медленно, у Брюлова вдругъ вырвался крикъ ужаса и безнадежности, крикъ смерти и отчаянія въ его художественной импровизаціи «Послѣдній день Помпеи». Вникните въ смыслъ этой картины, забудьте, что передъ вами клокочущій Везувій и чуждые типы, вдумайтесь въ идею картины, въ этотъ хаосъ смерти, которая капризно и произвольно давитъ вокругъ себя все: убиваетъ людей, разрушаетъ зданія, ломаетъ землю,—вдумайтесь во все это и вы поймете, что такую картину могъ только написать русскій художникъ—именно Брюловъ. Геній этого художника еще мало оцѣненъ у насъ и какъ-то смѣшно намъ слушать голоса тѣхъ педан-

товъ въ искуствѣ, которые обвиняютъ Брюлова за то, что онъ мало работалъ надъ собой и не долго задумывался надъ полотномъ своихъ картинъ. Говорить такъ—значитъ не понимать Брюлова и его дѣятельность.

Совершенно въ другомъ родѣ личность Иванова. Нерѣшительный и робкій онъ былъ способенъ къ долгой и неутомимой работѣ и двадцать лѣтъ писалъ свою картину: «явленіе Христа народу». Постоянно недовольный своей работой, измѣняющій сегодня то, что написалъ вчера, онъ все-таки не успѣлъ кончить своей картины, и, зная его мнительность и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, нужно еще удивляться, какъ онъ рѣшился привезть свою картину въ Петербургъ и выставить ее передъ публикой. Добросовѣстность Иванова послужила во вредъ его картинѣ. Занятый столько лѣтъ строгой обработкой ея частныхъ подробностей, фигуръ и лицъ, онъ повредилъ этимъ цѣлому ея характеру, ея общей гармоніи. Отдѣльно на картинѣ все превосходно, все изумительно вѣрно: и голова Іоанна, и группы Евреевъ и передній и задній ландшафтъ, но въ цѣломъ не вышло полнаго единства, полной законченной драмы. И вотъ почему «явленіе Христа народу» было встрѣчено всѣми довольно холодно, несмотря на то, что картину всѣ хвалили, всѣ удивлялись ей. Много лѣтъ публика только по слуху знала о новомъ великомъ произведеніи русскаго художника, который полъ-жизни работалъ надъ своей картиной. Гоголь восторженно прокричалъ о ней въ своихъ «Письмахъ»; всѣ ждали чего-то великаго, ждали геніальнаго размаха кисти, новаго слова въ искуствѣ, и вдругъ увидѣли произведеніе дѣйствительно замѣчательное, но на немъ отразилась вся робость, все недовѣріе къ самому себѣ ея композитора. Произведеніе стольких лѣтъ, такого напряженнаго вниманія и глубоко сосредоточенной думы, исполненнаго съ такимъ благоговѣніемъ къ искуству, съ такимъ самоотверженіемъ художника, была холодно принята, потому что въ ней раздвоился художникъ, въ ней выразилось то нравственное состояніе души, въ которомъ находился Ивановъ послѣднее время своей дѣятельности. Субъективность и самая личность художника проглядывали во всемъ трудѣ его. Картина его осталась великимъ памятникомъ даровитѣйшаго, но больнаго труженика, предметомъ поклоненія и удивленія, но не могла создать новой школы и сильно подѣйствовать на общественное сознаніе.

Гдѣ же послѣ того наша *русская школа* и гдѣ ея представители? Да и можно-ли ожидать этого, зная, что у нашихъ художниковъ

нѣтъ еще почвы подъ ногами, нѣтъ своего элемента и оригинальности,—вездѣ одна подражательность, гоньба за внѣшностью или одни только слабые и робкіе опыты.

Посмотримъ теперь на программы, видѣнныя нами на выставкѣ нынѣшняго года, и главное обратимъ вниманіе на ихъ содержаніе. Этотъ отдѣлъ выставки состоитъ изъ десяти картинъ, писанныхъ по задачѣ на золотую медаль и изображающихъ два сюжета. Первая тема: «Харонъ, перевозящій тѣни черезъ рѣку Стиксъ»; другая тема: «Великая княгиня Софія Витовтовна вырываетъ поясъ у князя Василія Косаго на свадьбѣ Василія II Темнаго».

Харонъ, перевозящій черезъ Стиксъ! Вотъ на какомъ сюжетѣ русскій начинающій художникъ долженъ пробовать свои силы и искуственно подогрѣвать свое воображеніе для образовъ чуждой ему миѳологіи. Мы бы еще поняли и оправдали и самое миѳологическое содержаніе задачи, еслибы, по крайней мѣрѣ предметъ былъ взятъ изъ древне-славянскихъ вѣрованій. Нашъ славянскій сказочный міръ, съ его демоническимъ населеніемъ, съ его русалками, бабами-ягами и разными таинственными дивами знакомъ нашему воображенію, хоть по старымъ впечатлѣніямъ дѣтства и въ самой его сказочной нелѣпости есть только однимъ намъ понятная поэзія. Но русская обыденная жизнь, но наши народные миѳы для задачи считаются унизительнымъ родомъ, оскорбляющимъ искуство: тутъ нуженъ высокій слогъ, торжественный эпосъ и академическія ходули. Прошлый годъ на программу были заданы «Олимпійскія игры», а нынче «Харонъ»... Гдѣ же тутъ высказаться *русскому* художнику, *русской* школѣ въ воздушныхъ и едва уловимыхъ для осязанія фигурахъ греческой миѳологіи? Художникъ только тогда совершенно отвѣчаетъ за свою картину, когда онъ вполнѣ хозяинъ ея содержанія, когда она задумана, выстрадана имъ самимъ. Гдѣ есть задача, тамъ нѣтъ творчества, какъ нѣтъ творчества и поэзіи въ лирическомъ произведеніи, написанномъ на заданную тему. Слѣдовательно, въ заданныхъ программахъ мы должны искать одной экспресіи картины—и только. Сознавая при этомъ всю необходимость художественныхъ задачъ для перваго испытанія молодыхъ художниковъ, мы только жалѣемъ объ одномъ, что характеръ этихъ испытаній не помогаетъ развитію мысли художника, не даетъ ему возможности быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ, а учитъ только подражать и насиловать свою фантазію. Если уже лишать художника заданной программой произвольнаго

выбора сюжета, то нужно желать, чтобы хотя самая задача носила на себѣ болѣе жизненный элементъ, была по самому своему содержанію не чужда душѣ художника.

Другая программа нынѣшняго года была задана изъ русской исторіи, да и то неудачно. Неужели русская исторія такъ бѣдна драматическими положеніями, что нужно было остановиться на такомъ бѣдномъ и ничтожномъ историческомъ случаѣ, какъ домашняя ссора на свадьбѣ Василія Темнаго? Что характернаго въ этомъ фактѣ? Кто его помнитъ, кромѣ спеціалистовъ? Поэтому совершенно нельзя обвинять публику, которая, толпясь вокругъ этихъ картинъ, съ недоумѣніемъ спрашивала другъ—друга: Что это за ссора? Зачѣмъ она вырываетъ поясъ у Василія Косаго? Мы были при этомъ свидѣтелями, какъ одинъ офицеръ, желая блеснуть ученостью, замѣтилъ громко: «Въ каталогѣ, вѣроятно, ошибка: вмѣсто Софьи Витовтовны нужно читать Софья Алексѣевна, сестра Петра Великаго».

Взглянемъ теперь на положеніе художника передъ такой задачей. Отыскавъ въ историческихъ разсказахъ г. Ишимовой этотъ блѣдный, незначительный фактъ, ничѣмъ рѣзко невыдающійся и ничего необъясняющій, художникъ поневолѣ обращаетъ свое вниманіе только на внѣшнюю сторону картины, на ея обстановку и на историческую вѣрность костюмовъ. Поэтому нельзя сказать ни дурнаго, ни хорошаго о картинахъ, писанныхъ на этотъ сюжетъ; онѣ всѣ похожи одна на другую, всѣ исполнены тщательно и нѣкоторыя со вкусомъ. Не дурны двѣ программы: г.г. Верещагина и Чистякова, особенно послѣдняго, въ картинѣ котораго много экспресіи и движенія. Изъ числа же картинъ, изображающихъ «Харона», замѣчательна картина г. Маковскаго, которому можно сдѣлать только одинъ упрекъ за пристрастіе его къ эфекту новой французской школы. Но картина г. Маковскаго еще не окончена вполнѣ.

Теперь перейдемъ къ самой коренной выставкѣ текущаго года, которая, не говоря уже о ея бѣдномъ содержаніи, даже *количествомъ* произведеній гораздо малочисленнѣе выставокъ предшествовавшихъ годовъ. Какъ и всегда, въ нынѣшнемъ году отдѣлъ портретной живописи и пейзажей былъ гораздо значительнѣе прочихъ отдѣловъ живописи и въ особенности исторической. О портретахъ и пейзажахъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ свое время, а теперь пока остановимъ наше вниманіе на произведеніяхъ (de genre) молодыхъ нашихъ художниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ жанристы, обладаютъ

замѣчательнымъ дарованіемъ и среди скудной посредственности нынѣшней выставки картины ихъ еще больше и ярче выдвигаются впередъ и производятъ впечатлѣніе на всѣхъ понимающихъ искуство. Мы остановимся сначала на двухъ небольшихъ картинахъ г.г. Якоби и барона Клодта. Первый изъ нихъ, молодой даровитый художникъ г. Якоби еще въ прошломъ году обратилъ на себя вниманіе картиной «Свѣтлый праздникъ нищаго». Сюжетъ новой его картины: «Привалъ партіи арестантовъ, отправляемыхъ подъ конвоемъ въ Сибирь». Сильное и тяжкое впечатлѣніе производитъ на каждаго этотъ привалъ, и чѣмъ дольше смотришь на картину, тѣмъ тяжелѣе становится на душѣ. Передъ вами открывается слѣдующая сцена: Темное, осеннее утро только проснулось и едва проглядываетъ сквозь волнистый туманъ. Передъ глазами растилается и теряется вдали необозримая русская степь, по своему однообразному спокойствію надрывающая душу непонятной тоской. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе главная группа передняго плана: на телѣгѣ, покрытый грязной рогожкой, лежитъ умершій или умирающій каторжникъ. На его исхудаломъ лицѣ уже лежитъ печать смерти. Голова его запрокинута назадъ и все тѣло вытянулось. Передъ нимъ стоитъ конвойный офицеръ, и вся его фигура, выраженіе его лица передъ тѣломъ умирающаго дышетъ потрясающей правдой дѣйствительности. Передъ вами стоитъ вѣрный типъ человѣка, которому всю жизнь суждено водить арестантовъ изъ одного мѣста въ другое. Посмотрите на это безстрастное, суровое лице, огрубѣвшее подъ морозами и вѣтрами, поражающее своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ; посмотрите, какъ этотъ человѣкъ, съ дорожной трубкой въ зубахъ, съ равнодушнымъ и тупымъ видомъ поднимаетъ одной рукой закрытый глазъ умершаго, чтобы удостовѣриться въ его дѣйствительной смерти, посмотрите на эту дорожную сцену—и она потрясетъ васъ своей страшной правдой. Во время этого осмотра одна рука умершаго арестанта спустилась съ телѣги и какой-то неисправимый мошенникъ воровски стаскиваетъ съ руки покойника дорогой изумрудный перстень... На заднемъ планѣ видѣнъ привалъ всего обоза и кружокъ отдыхающихъ арестантовъ, далѣе сверкаютъ штыки, а еще далѣе тянется необозримая, мертвая степь... Отъ всей картины вѣетъ холодомъ и ужасомъ, и отъ нея не можетъ оторваться глазъ зрителя... Произведеніе г. Якоби есть лучшее на всей выставкѣ, и, несмотря на то, что нѣкоторые «строгіе цѣнители-судьи» находятъ невѣрность въ его рисункѣ, передъ кар-

тиной этой постоянно стоитъ безмолвный кружокъ пораженныхъ зрителей. Г. Якоби дѣйствительно не поклонникъ формы и онъ считаетъ ее второстепеннымъ дѣломъ, считаетъ средствомъ, а не цѣлью. Мы видѣли двѣ картины этого художника—и вездѣ у него идея преобладаетъ надъ формой; онъ не любитъ щеголять жеманствомъ кисти новѣйшей французской школы и поражать эфектомъ, а вездѣ въ немъ видѣнъ современный артистъ, для котораго занятіе искуствомъ не роскошь досуга, не риторическое упражненіе, но серьезное дѣло, трудная задача художника-*человѣка*. Въ трудѣ г. Якоби нѣтъ той молчалинской аккуратности и тщательной манерной вырисовки, которую такъ любятъ рутинеры искуства, но зато есть мысль и страстность, столь рѣдкія въ нашихъ художникахъ. Поэтому мы и не рѣшаемся дѣлать упрекъ г. Якоби за нѣкоторую небрежность или вѣрнѣе невѣрность въ мелкихъ подробностяхъ рисунка,—все это придетъ современемъ, когда онъ будетъ больше работать; механизмъ рисунка вырабатывается привычкой работы, страстность же и гуманность опытомъ не пріобрѣтешь... Сдѣлаемъ сравненіе, чтобъ пояснить нашу мысль. Было же время въ нашей литературѣ, когда стихи Некрасова, постоянно слабые по отдѣлкѣ, угловатые, неровные, читались и заучивались наизусть, дѣйствовали электрически, значитъ въ нихъ было что-то другое, было *что-то* повыше формы и внѣшности... Ту же самую силу, съ тѣми же самыми недостатками встрѣчаемъ мы теперь и въ картинѣ г. Якоби, отъ котораго вправѣ ждать многаго въ будущемъ. За свой «привалъ» г. Якоби получилъ 1 золотую медаль.

Другая картина, обратившая наше вниманіе по своему меланхолически-грустному характеру, ученика академіи барона Клодта, «Послѣдняя весна». Отъ этой картины вѣетъ поэтической скорбью. Передъ вами закулисная домашняя драма: внутренность небогатой спальни больной дѣвушки. Въ раскрытыя рамы окна заглянула только ожившая, молодая весна; заглянуло теплое, блѣдно-голубое небо; деревья сада стали опушаться первою зеленью, и между тѣмъ, какъ въ природѣ все поетъ:

Весна идетъ! весна идетъ!—

въ маленькой спальнѣ закатывается и вянетъ другая весна: потухаетъ жизнь молодой дѣвушки. У окна, въ большомъ, покойномъ креслѣ сидитъ больная. По блѣднымъ, худымъ щекамъ, по лихорадно горящимъ глазамъ видно, что жить ей осталось не долго, что эту нарядную,

веселую весну она видитъ уже въ послѣдній разъ. Какъ бы для контраста, у ногъ больной сидитъ ея младшая сестра, свѣжая, румяная и полная жизни. Другая сестра стоитъ у окна и тихо роняетъ изъ глазъ слезы. За ширмами, на кровати сидятъ отецъ и мать, убитые горемъ, со страхомъ дожидаясь послѣдней минуты прощанія съ ихъ умирающей дочерью... Въ картинѣ г. Клодта особенно поражаетъ каждаго зрителя эта двойственность, это сближеніе: съ одной стороны проснувшаяся весна, яркія краски жизни и молодости, съ другой стороны шепотъ подходящей смерти за плечомъ молодой умирающей дѣвушки... Во всей этой картинѣ, несмотря на ея грустное содержаніе, есть что-то мирящее, что-то успокоивающее и граціозно-печальное... Передъ нею нельзя не припомнить слова поэта, какъ разъ выражающія задачу картины:

> И пусть у гробоваго входа
> Младая будетъ жизнь играть
> И равнодушная природа
> Красою вѣчною сіять...

Г. Перовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по своей картинѣ «Сынъ дьячка, произведенный въ коллежскіе регистраторы,» выставилъ нынче «Проповѣдь въ селѣ». Художникъ этотъ отличается простодушнымъ, наивнымъ юморомъ въ своихъ произведеніяхъ. Этой же самой наивной простотой вѣетъ и отъ новой его картины. Сельскій священникъ въ убогой и бѣдной церкви говоритъ проповѣдь. Впереди два крестьянина внимательно слушаютъ его поученіе и видимо ничего не понимаютъ. На парадномъ мѣстѣ сидятъ на стульяхъ помѣщикъ съ молодой женой. Первый—толстенькій и сопливый баринъ, типъ старосвѣтскаго помѣщика, сладко уснулъ на своемъ стулѣ... Молодая женщина тоже не слушаетъ, а улыбается на рѣчи молодаго человѣка, наклонившагося къ ней сзади. Очень мѣтко схваченъ художникомъ типъ стараго лакея, въ поношенной ливреѣ, который, стоя сзади своихъ господъ, презрительно осматриваетъ смиренныхъ мужичковъ, стоящихъ въ церкви: мы, де-скать, при господахъ служимъ, всякую манеру понимаемъ, а вы что?—лапотники!

У г. Перова есть своя особая оригинальность юмориста, въ которой онъ не имѣетъ себѣ соперника. Онъ, какъ и баронъ Клодтъ, получилъ 1 золотую медаль.

Изъ разряда живописи de genre, или какъ переводитъ каталогъ академіи—живописи *обыкновеннаго рода*, кромѣ этихъ трехъ картинъ, мы найдемъ не много произведеній, заслуживающихъ особаго вниманія. Есть впрочемъ три картины, замѣтныя по экспрессіи, г.г. Корзухина, Мясоѣдова и Петрова. Первый выставилъ: «Пьяный отецъ семейства»—картину изъ деревенской жизни. Молодая, исхудалая и забитая женщина, окруженная дѣтьми, съ ужасомъ и страхомъ встрѣчаетъ входящаго мужа, который «загулялъ»... На лицѣ несчастной жены читается горькая повѣсть бѣдности и гнета,—читается

Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ...

Не лишены также достоинствъ и картины Мясоѣдова—«Поздравленіе молодыхъ» и Петрова—«Смотрины невѣсты», обѣ изъ крестьянскаго быта.

Передъ картиной г. Шильдера, мы стояли съ удивленіемъ, но удивленіе это было вовсе не отъ красотъ произведенія, но отъ недоразумѣнія, въ чемъ состоитъ сюжетъ картины? Каждое лице хорошей картины, каждая сцена на ней, всегда должны говорить сами за себя, должны пониматься безъ суфлера и коментарія, но у г. Шильдера совсѣмъ другое дѣло: сюжетъ его картины не доступенъ для пониманія, какъ сфинксъ. На полотнѣ нарисована цѣлая група людей, мужчинъ и женщинъ; одни стоятъ неподвижно, другіе ходятъ, третьи плачутъ, видно, что вышла какая-то бѣда, а какая именно—это художественный ребусъ, недоступный даже для самыхъ догадливыхъ. Наконецъ, послѣ долгаго, безполезнаго вдумыванья, мы должны были прибѣгнуть къ помощи благодѣтельнаго каталога и изъ него узнали, что картина г. Шильдера называется: «Расплата съ кредиторомъ».

Но мы признаемся откровенно, что еслибы въ каталогѣ значилось другое названіе, хоть напр. «дока на доку нашелъ» или «не по носу табакъ», то это удовлетворилобы насъ точно такъ же, какъ и первое названіе. Это мы замѣчаемъ потому, что не совсѣмъ довѣряемъ точности каталога художественной выставки. Съ нимъ случаются странныя, непонятныя превращенія! Напр. останавливаетесь вы передъ картиной «Весталка, стерегущая огонь въ храмѣ». Картина стоитъ подъ № 11. Вы раскрываете каталогъ и подъ № 11 читае-

те: «художественныя принадлежности». Видите вы напр. портретъ старика-солдата въ гвардейскомъ мундирѣ (за № 27) и подъ этимъ номеромъ находите объясненіе: «портретъ г-жи Делажъ». Что за чудеса! Далѣе: любуетесь вы головой лошади, написанной въ натуральную величину, а каталогъ спѣшитъ васъ увѣрить, что это «портретъ самого художника».

Къ *рѣдкостямъ* выставки мы также относимъ и двѣ картины иностраннаго художника г. Iебенса (Iebens), ученика знаменитаго Поля Делароша. Мы потому назвали его произведенія *картинами*, что не нашли другаго болѣе точнаго слова. Мы не можемъ назвать картиной отдѣльныхъ группъ солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые конные, нѣкоторые пѣшіе. Ученикъ же Поля Делароша группы своихъ солдатъ, несвязанныхъ на картинѣ никакимъ дѣйствіемъ, назвалъ очень смѣло: «*сценами изъ военнаго быта*». Это уже ничѣмъ не объяснимо! Какимъ образомъ разбросанную кучку солдатъ, стоящихъ съ фронтовымъ спокойствіемъ, можно назвать сценой изъ *военнаго быта?* Сколько мы знаемъ по опыту и по мастерскимъ военнымъ разсказамъ гр. Толстова, военный бытъ немножко поразнообразнѣе того, чѣмъ онъ представляется иностранному художнику. Бытъ этотъ заслуживаетъ большаго вниманія и о немъ нельзя имѣть понятія по вырѣзаннымъ и отдѣльнымъ фигурамъ солдатъ, одѣтыхъ въ полную парадную форму. Пора же перестать смотрѣть намъ на военныхъ только съ ихъ парадной, стороны; пора бы съ большимъ уваженіемъ взглянуть на ихъ внутренній бытъ, на ихъ гражданское значеніе. Г. Iебенсъ, живущій въ Россіи съ 1848 г., долженъ былъ бы узнать этотъ бытъ, если принимается писать картины изъ военнаго міра. А то написалъ шеренгу солдатъ, подписалъ: «сцена изъ военнаго быта»—и дѣло съ концомъ!

Другой иностранный художникъ г. Мане (изъ Парижа!—гласитъ каталогъ) тоже отличился на славу, приславъ на нашу выставку свою картину «Нимфа и Сатиръ». Слабѣе этой картины нѣтъ ничего на выставкѣ. Все,—рисунокъ, расположеніе фигуръ, колоритъ — все это до такой степени слабо, невѣрно, что невольно дивишься смѣлости французскаго художника. Но остроумнѣе всего то, что г. Мане назначилъ за свою картину *тысячу руб. серебромъ* (!).

Къ числу далеко недюжинныхъ произведеній мы должны отнести «Иродіаду» профессора Худякова. Въ картинѣ взятъ тотъ моментъ, когда Иродіада вошла съ золотымъ блюдомъ въ темницу и дожидает-

ся палача съ головой Іоанна Крестителя. Въ фигурѣ Иродіады много страсти и характера.

Укажемъ еще на прекрасную по экспрессіи картину г. Страшинскаго «Дѣвушка въ кабинетѣ брата». Пятнадцатилѣтняя сестра забралась тихонько въ кабинетъ и съ жадностью женскаго любопытства хочетъ взглянуть на большую картину, задернутую покрываломъ. Одна ея рука подняла уголъ холста, закрывающаго эротическую картину, въ другой рукѣ ея романъ Поль-де-Кока... На лицѣ дѣвочки въ одно и то же время написаны и страхъ за свой поступокъ и лукавое любопытство. Все въ ней говоритъ:

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай—не рай!..

Теперь мы остановимся на двухъ-трехъ большихъ картинахъ, которыя больше всего оправдываютъ нашу мысль: что наши художники ставятъ форму выше содержанія, а если захотятъ взять сюжетъ для своей картины изъ какого нибудь литературнаго произведенія, то не умѣютъ съ нимъ справиться. При этомъ высказывается ими совершенное непониманіе выводимыхъ лицъ и положеній въ романѣ или поэмѣ знаменитаго писателя. Брать тему для своей картины изъ произведеній Гёте или Пушкина нужно очень осторожно; чтобъ завладѣть, усвоить себѣ художественные образы поэта, нужно самому быть развитымъ художникомъ. Безъ этого цѣль картины не будетъ достигнута и на полотнѣ вы увидите одну жалкую пародію на великое созданіе. Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову, когда мы остановились предъ картиной г. Шереметьева: «Фаустъ предъ домомъ Маргариты». Создать на полотнѣ два Гётевскіе типа—Фауста и Мефистофеля—задача не легкая для художника. Тутъ одной внѣшней отдѣлкой и эфектомъ никого не удовлетворишь. Зритель ищетъ на картинѣ того Фауста, котораго пытливый, неутомимый умъ всю жизнь искалъ удовлетворенія въ тайнахъ науки, въ знаніи—и не находилъ его, который просилъ забвенія и въ объятіяхъ любви,—и не получалъ его, который, наконецъ, пыталъ и жизнь и самую смерть—и ни что не удовлетворяло его. Передъ такимъ образомъ художникъ теряется, робѣетъ... Но г. Шереметьевъ, какъ видно, не оробѣлъ и выбралъ для своей картины самый опасный моментъ, когда Мефистофель ведетъ Фауста къ дому Маргариты. Что же сдѣлалъ г. Шереметьевъ? У

входа запертой двери онъ поставилъ худощаваго, съ узкой бородою господина, нарядивъ его въ роскошную одежду. Передъ вами стоитъ балетный теноръ, великолѣпно костюмированный, или Гамлетъ провинціальнаго театра, сбирающійся своей декламаціей

театръ залить слезами
и воплемъ надорвать всѣмъ душу...

И это, по мнѣнію художника, Фаустъ! Съ Мефистофелемъ онъ еще меньше церемонился. Онъ предполагалъ, что стоило только нарисовать козлиную фигурку съ безобразнымъ и сладострастнымъ, гадкимъ лицомъ и—Мефистофель готовъ. Такихъ доморощенныхъ и гаденькихъ мефистофелей можно узнавать только въ истасканныхъ и чувственныхъ физіономіяхъ подагрическихъ старичишекъ, дрожащихъ при видѣ каждаго свѣжаго и чистаго личика.

Такой же точно безцвѣтностью и безхарактерностью отличается и другая картина г. Шереметьева: «Послѣднія минуты Комона Лафорсъ, убитаго во время Варѳоломеевской ночи.»

Другой художникъ, г. Міодушевскій, выставилъ «сцену изъ повѣсти Пушкина Капитанская дочка». Въ повѣсти Пушкина есть дѣйствительно не мало трагическихъ мѣстъ и сценъ, надъ которыми можно задуматься артисту; что не глава, то новая яркая картина; сюжетовъ такъ много, что трудно остановиться на одномъ выборѣ. Вотъ сцена съ заячьимъ тулупомъ и споръ Савельича съ Пугачевымъ; вотъ страшная сцена на площади Бѣлогорской крѣпости послѣ взятія ея самозванцемъ; вотъ наконецъ картина, гдѣ Пугачевъ въ большой избѣ толкуетъ съ своими *енералами* и бражничаетъ съ ними. Однимъ словомъ, повѣсть эта—богатая канва для кисти русскаго художника. Что же всего болѣе поразило и заняло Міодушевскаго въ Капитанской дочкѣ? Онъ остановился на послѣдней страничкѣ и на той морали разсказа, что «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ Карается». Онъ выбралъ для своей картины тотъ моментъ, когда дочь погибшаго капитана Миронова по призыву государыни явилась къ ней въ кабинетъ. Императрица сидѣла за туалетомъ, и, поднимая упавшую къ ногамъ молодую дѣвушку, подавала ей извѣстное письмо. Сцена эта, вполнѣ обрисовывающая человѣчную личность Екатерины II, въ то же время совершенно неудобна для сюжета картины. Тактъ художника долженъ подсказать ему, что безъ движенія, безъ характерныхъ

положеній его произведеніе будетъ всегда мертво и холодно. Особенно же страненъ и непонятенъ такой неудачный выборъ сюжета изъ «Капитанской дочки», гдѣ что ни глава, то драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ. Еслибы въ художникѣ было побольше реальности, то она указала бы ему на сюжетъ, которымъ онъ долженъ былъ воспользоваться... Такимъ образомъ картина г. Міодушевскаго вышла суха и безжизненна и поражаетъ только изящной и тщательной отдѣлкой роскошнаго туалета Екатерины и мелкими подробностями обстановки ея пышной уборной. Мы же ожидали отъ подобной картины чего-то другаго...

Той же самой невыдержанностью и безхарактерностью отличается и картина другаго художника г. Зигмунда: «Арфистъ и Миньона» изъ поэмы Гёте. То же непониманіе образовъ германскаго поэта, та же холодность и безцвѣтность...

Мы знаемъ только одну картину русскаго художника, въ которой онъ съумѣлъ уловить поэтическую мысль поэта и воплотить ее на полотнѣ во всей ея дѣвственной граціозной прелести. Молодой и въ высшей степени даровитый художникъ Чивилевъ, на котораго такъ много уповала наша академія и который неожиданно не такъ давно умеръ за границей, оставилъ послѣ себя нѣсколько картинъ. Картины его, вѣроятно, появятся на выставкѣ будущаго года. Между прочими картинами есть одна, писанная на чрезвычайно трудную тему Лермонтовскаго «ангела»:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

Передать прелесть этой картины невозможно: глядя на нее, весь проникаешься чарующими звуками Лермонтовской пѣсни, положенной на музыку Варламовымъ. Этюдъ Чивилева находится теперь въ частныхъ рукахъ, гдѣ намъ удалось его видѣть, и есть одно изъ послѣднихъ произведеній этого безвременно-угасшаго таланта...

На выставкѣ мы встрѣтили произведеніе прошлогодняго нашего знакомца г. В. Смоковскаго. Если въ трудахъ его мы нашли мало прогресса, зато въ немъ самомъ прогрессъ неоспоримъ. Прошлый годъ, выставивъ свою картину, онъ титуловалъ себя въ каталогѣ такъ:

Надворный Совѣтникъ В. Смоковскій.

Нынче же художникъ-любитель явился передъ нами безъ всякихъ

чиновъ съ своей картиной «Государственный сеймъ», на которомъ канцлеръ Ив. Замойскій приноситъ жалобы народа королю Зигмунду III. Произведеніе это замѣчательно только тѣмъ, что художникъ, желая всѣмъ лицамъ, которыхъ очень много на картинѣ, придать общій польскій типъ, далъ общее не народное, а фамильное сходство, т. е. вездѣ, въ каждомъ лицѣ рисовалъ портретъ одного и того же человѣка. Поэтому всѣ группы отличаются страннымъ и скучнымъ однообразіемъ: передъ вами будто стоитъ цѣлая толпа братьевъ-близнецовъ, одѣтыхъ въ одинъ и тотъ же костюмъ. Странное же понятіе составилъ г. Смоковскій о типахъ вообще!.. Что же касается до общаго характера его картины, то нужно отдать ему полную справедливость: въ картинѣ нѣтъ никакого характера.

Мы забыли еще сказать о двухъ картинахъ, изъ которыхъ первая «Умирающій отецъ», г. Журавлева, замѣчательна по отдѣльнымъ группамъ, хотя не выдержана въ цѣломъ. Изъ всѣхъ фигуръ особенно удались двѣ—фигура дочери больнаго и доктора. Въ положеніи опрокинувшейся на столъ дѣвушки и горько плачущей, столько искренняго, глубокаго горя, столько скорби, что нельзя не понять чувства, ея волнующаго. Какъ бы для противуположности, зритель видитъ на картинѣ личность доктора, трогающаго пульсъ больнаго. Во всей фигурѣ доктора столько дерзкаго нахальства столько презрѣнія къ окружающей бѣдности, что вы невольно вспоминаете тѣхъ врачей, для которыхъ каждый больной тогда только заслуживаетъ полнаго вниманія медика, когда за ихъ визиты платятъ имъ щедро. Докторъ на картинѣ г. Журавлева явился въ бѣдную семью въ шубѣ и, не снимая съ головы шляпы, небрежно держитъ больнаго за руку. Въ сторонѣ видны остальные члены семейства, убитые горемъ; въ дверяхъ показывается священникъ.... Несмотря на довольно избитое содержаніе картины, въ ней есть теплота и чувство.

Не можемъ сказать того же самаго о «духовномъ завѣщаніи» князя Черкасскаго. Безъ помощи каталога понять его картину тоже едва-ли возможно. Вы видите на постели умирающую старуху, рядомъ съ ней женщину, держащую въ рукѣ перо, далѣе какихъ-то людей, сидящихъ у стола. У изголовья старухи стоитъ юродивый, что-то въ родѣ Ивана Яковлевича, а все это вмѣстѣ составляетъ «духовное завѣщаніе». Единства въ картинѣ нѣтъ никакого, и что выражаютъ сгруппированныя вокругъ умирающей лица—понять безъ объясненія невозможно.

О другихъ картинахъ исторической живописи и жанра мы не будемъ ничего говорить; даже перечислять ихъ нѣтъ охоты... Перейдемъ теперь прямо къ разряду пейзажей и портретной живописи, т. е. къ главному характеру выставки, гдѣ отъ видовъ и портретовъ можетъ закружиться голова у каждаго посѣтителя.

Лучшіе пейзажи выставки принадлежатъ безспорно кисти профессора Айвазовскаго. Отдавая полную справедливость заслугамъ этого профессора, мы въ то же время очень далеки той общей восторженности, съ которой у насъ всегда встрѣчаютъ его картины. Славу свою г. Айвазовскій составилъ своими морскими видами, въ которыхъ море и морскія волны доведены дѣйствительно до поразительной прозрачности и натуральности. Его морскія бури—это верхъ совершенства. Но овладѣвъ тайной красокъ морскихъ видовъ, г. Айвазовскій дальше и не пошелъ, и нужно замѣтить, что всѣ его картины очень однообразны. Вездѣ одна и та же его знаменитая волна на всѣхъ его морскихъ видахъ. Мы видимъ въ его картинахъ заученность, непонятный для насъ фокусъ, но не видимъ творчества и вдохновенія. У насъ если составятъ о художникѣ мнѣніе, то уже не рѣшаются и боятся измѣнить ему; то же самое случилось и съ картинами Айвазовскаго, которыя никто не рѣшается критиковать. Одна изъ картинъ его на нынѣшней выставкѣ дѣйствительно очень не дурна—это «стадо овецъ, загоняемое вьюгой въ море». Буря гонитъ несчастныхъ животныхъ и онѣ, испуганныя, бросаются въ море... Это буря, это смятеніе стада—выражены съ силой и смѣлостью опытнаго художника... Другая картина Айвазовскаго «Буря подъ Евпаторіей» отличается его прежними достоинствами и тѣмъ же фокусомъ въ писаніи воды... Глазъ зрителя невольно обманывается при видѣ его бурнаго моря. Но мы немножко строже къ каждому художнику въ своихъ требованіяхъ и смотримъ нѣсколько посерьезнѣе на искуство. Вѣдь глазъ нашъ также обманывается и поражается, глядя на изумительныя декораціи нѣкоторыхъ балетовъ, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Декотаторъ еще не художникъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Жители Петербурга должны помнить замѣчательную панораму Палермо, сгорѣвшую, къ несчастію, отъ пожара. Въ этой панорамѣ, зритель, входя въ бесѣдку, безъ всякихъ оптическихъ стеколъ видитъ предъ собой все Палермо, съ его окрестностями, съ садами, съ городомъ и съ далеко синѣющимъ моремъ. Обманъ такъ обаятеленъ, что въ первую минуту нельзя вѣрить, чтобъ на разстояніи 10 квадр. саженъ

могла помѣщаться такая громадная картина. А между тѣмъ все это одинъ фокусъ, расчетливый обманъ декоратора—не болѣе... Перейдемъ къ другимъ хорошимъ пейзажамъ, которыхъ весьма не много. Къ лучшимъ изъ нихъ мы должны причислить «Богомолокъ» г. Попова. Среди глухой и голой степи отдыхаютъ женщины, идущія на богомолье. На горизонтѣ собрались темныя тучи и гроза быстро бѣжитъ по степи; вдалекѣ, по дорогѣ всталъ темный столпъ пыли... «Буря» г. Вележева, также какъ и первый пейзажъ, замѣчательна по колориту и по свѣжести. Представителемъ всѣхъ остальныхъ пейзажистовъ выставки можетъ быть г. Рѣдковскій съ своей картиной: «Видъ на сѣверномъ берегу Финскаго залива». Это не пейзажъ, а фотографія. Въ цѣломъ нѣтъ никакой гармоніи и вкуса: видимо каждая часть картины вырисована отдѣльно, поэтому невольно рябитъ въ глазахъ отъ этихъ красокъ, отъ этой зелени... Такова большая часть пейзажей, въ которыхъ художники гоняются не за общей правдой цѣлой картины, а за ея частными подробностями.

Но всѣ эти пейзажи—верхъ совершенства въ сравненіи съ морскими видами и пейзажами шведскаго живописца Ларсонъ, который выставилъ тридцать произведеній своей знаменитой кисти. Г. Ларсонъ считается знаменитостью въ своемъ отечествѣ, а между тѣмъ любой ученикъ нашей академіи можетъ быть его учителемъ. Такого злоупотребленія красокъ намъ не удавалось еще встрѣчать нигдѣ. Зеленое небо, желтыя и красныя волны, гнѣдыя тучи.. однимъ словомъ страшный калейдоскопъ красокъ, перемѣшанныхъ съ геніальною смѣлостью.

Картины г. Ларсона большею частію всѣ *бурнаго* содержанія, и его бури такъ всегда свирѣпы, что зритель становится въ совершенный тупикъ передъ ними. Вотъ напр. передъ нами громадная морская картина и съ помощію каталога мы узнаемъ, что это «Кораблекрушеніе въ Богусландскихъ скалахъ въ Норвегіи». Смотрите вы на картину, но въ ея пестрыхъ цвѣтахъ ничего не можете разобрать: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, во время морской бури можно что-нибудь разглядѣть! Напрасно одинъ пунктуальный старичекъ на выставкѣ допрашивалъ всѣхъ:

— Гдѣ же кораблекрушеніе? гдѣ погибающій корабль? Никто не могъ дать ему отвѣта.—Ясное дѣло, что

Ничего въ волнахъ не видно!...

Стоя передъ этой «бурей», мы невольно подумали, что Фетъ нашелъ себѣ достойнаго соперника въ живописи и вспомнили его извѣстное стихотвореніе:

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря далекаго шумъ,
Буря на морѣ и думы
Много мучительныхъ думъ,
Буря, и волны, и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ...

и т. д., всего не помнимъ. Впечатлѣніе послѣ этого стихотворенія то же самое, какъ и послѣ осмотра «бурь» г. Ларсона. Мы замѣтили еще при этомъ, что шведскій живописецъ такъ любитъ слово буря, что готовъ назвать ею каждое свое произведеніе. Есть у него картина, которая въ каталогѣ значится такъ: «Сѣверный ландшафтъ съ водопадомъ (буря)», когда же вы взглянете на ландшафтъ, то увидите, что на немъ никакого признака нѣтъ волненія, а царствуетъ полное спокойствіе и тишина. Замѣчательно при этомъ, что самый любимый цвѣтъ г. Ларсона—это желто-бурый цвѣтъ шведскихъ перчатокъ. У него все желто: небо, деревья, скалы и море... Но довольно о (*придворномъ*) шведскомъ живописцѣ, какъ величаетъ себя самъ г. Ларсонъ, и скажемъ теперь нѣсколько словъ о портретной и акварельной живописи.

Большая часть выставки, какъ мы уже говорили, состоитъ изъ портретовъ, а между тѣмъ хорошихъ портретовъ очень мало. Г. Тютрюмовъ, составившій себѣ нѣкотораго рода извѣстность портретною живописью и мастерствомъ передавать на холстѣ золото, бархатъ, боберъ и разные мѣха, выставилъ нынче два портрета, далеко уступающіе по исполненію прежнимъ его работамъ.

Профессоръ Моллеръ выставилъ поясной портретъ г-жи Миллеръ, написанный очень рельефно и мягко. Еще можемъ указать на портреты: г.г. Воротилкина (портретъ профессора А. П. Брюлова), Сенкевича (портретъ самого художника), Жодейко (головка еврейской дѣвушки) и Миловзорова (плотникъ съ топоромъ). Всѣ же остальные— есть только болѣе или менѣе удачное примѣненіе фотографіи къ живописи, образцы трудолюбія, терпѣнія и усидчивости.

Изъ ряда акварельной живописи лучшими можно считать двѣ кар-

тины г. Россова: «Видъ изъ окрестностей Выборга» и «Видъ татарскаго острова при закатѣ солнца». Колоритъ этихъ видовъ такъ прозраченъ, что кажется, что передъ вами не акварель, а картины писанныя масляными красками.

По граціозности и нѣжности кисти также замѣчательны портреты писанные карандашемъ и акварелью г. Беллоли, того самаго, который писалъ фреску для Маріинскаго театра. Объ остальныхъ аквареляхъ лучше умолчимъ. Наша статья вышла и безъ-того довольно утомительна отъ перечня произведеній разныхъ художниковъ.

Мы заключимъ нашу статью тѣмъ же, чѣмъ ее начали: желаніемъ, чтобы наши русскіе художники съ большею строгостью смотрѣли на свое искуство, чтобъ они не останавливались на одной внѣшности, не гонялись въ своихъ картинахъ только за тѣмъ, чтобъ передать:

> **Въ дымныхъ тучахъ—пурпуръ розы**
> **Отблескъ янтаря...**

или же

> Серебро и колыханье
> Соннаго ручья...

Пора нашимъ художникамъ перестать походить на того спутника Гейне, который всю жизнь только занимался созерцаніемъ, и, глядя на берега Рейна, постоянно восклицалъ: «какъ природа-то вообще хороша»!...

Д. М—Ъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объясненіе отсутствія «Лѣтописи» въ предъидущей книжкѣ. — Наши газеты и зеркала на почтовыхъ станціяхъ.—Путевыя наблюденія надъ состояніемъ нашего провинціальнаго общества.—О русскомъ нищемъ и вообще о *нищемъ*.—О нищенствѣ, пролетаріатѣ и пауперизмѣ.—Разные мотивы на эту же тему.—Объ отношеніи личности къ обществу и общества къ личности.—Выводы изъ размышленій объ этомъ. Отношеніе русскаго литератора къ читающему его обществу.—О необходимости со стороны послѣдняго подумать о мѣрахъ къ предупрежденію голодной смерти между лицами, занимающимися литературой.—О вспомоществованіи студентамъ.—По вопросу объ эпидемическомъ неимѣніи денегъ.—Разныя оффиціальныя извѣстія: русскія, финляндскія и польскія.—О двухъ молодыхъ дѣвушкахъ, слушавшихъ лекціи естественныхъ наукъ въ здѣшней медико-хирургической академіи.—О возможности и у насъ врачей-женщинъ. — О раздѣленіи нашего департамента русской журналистики на три отдѣленія, и о журналахъ, принадлежащихъ къ каждому изъ нихъ. — Особенность журналовъ, принадлежащихъ къ третьему отдѣленію.—Воззваніе Аскоченскаго къ Россіянамъ, «здравый смыслъ погребающимъ».

Отсутствіе «Современной Лѣтописи» въ предъидущемъ номерѣ «Русскаго Слова», именно такой «Лѣтописи», къ какой привыкъ уже читатель изъ многихъ предъидущихъ книжекъ журнала, послѣдовало, конечно, не отъ недостатка предметовъ, о которыхъ слѣдовало бы говорить въ этомъ отдѣлѣ, а отъ другихъ случайныхъ причинъ, независящихъ отъ редакціи. Объясненія этихъ причинъ беретъ на себя самъ составитель «Лѣтописи». Дѣло въ томъ, что для всякаго публициста необходимо наивозможно-ближайшее знакомство съ страной,

объ интересахъ и вопросахъ которой онъ пишетъ; знакомство же это, какъ всякому порядочному Русскому должно быть извѣстно, невозможно посредствомъ чтенія нашихъ россійскихъ газетъ; онѣ никакъ не могутъ похвалиться тѣмъ, чтобы подобно зеркалу отражали въ себѣ умственную, нравственную и соціальную жизнь русскаго общества. (Впрочемъ, наши газеты справедливо будетъ сравнить съ зеркалами, которыя обыкновенно встрѣчаются на станціяхъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, также въ уѣздныхъ городахъ у тамошняго мѣщанства и т. п. За неимѣніемъ такихъ зеркалъ, которыя показываютъ, напримѣръ, носъ и всякій другой аттрибутъ человѣческой физіономіи именно въ томъ видѣ, каковы они въ сущности и на томъ мѣстѣ, гдѣ они дѣйствительно состоятъ,—всякому изъ насъ случалось, конечно, не разъ обходиться станціонными зеркалами съ равнодушіемъ и невзыскательностью истинно-русскими; совершенно такимъ же образомъ и любезная наша родина смотрится въ свои газеты, хотя она и не находится на станціи для перемѣны лошадей, а проживаетъ себѣ, лежа на боку вотъ уже тысячу лѣтъ. Такимъ образомъ, откладывая въ сторону Сенатскія Вѣдомости, лѣтописецъ «Русскаго Слова» отправился изъ столицы въ самую *глупь* Россіи—въ центральныя провинціи, съ цѣлью взглянуть на *все* au naturel, безъ газетныхъ прикрасъ и мистификацій; взглянуть на Россію такъ, какъ она живетъ, т. е. ѣстъ и спитъ во всю ширину своей натуры. И вотъ, вооружившись всѣми путевыми принадлежностями наблюдательнаго человѣка, какъ-то: микроскопомъ, зрительной трубой, записной книгой, картами, издаваемыми для юношества не опекунскимъ совѣтомъ, а извѣстнымъ Зуевымъ, мы отправились. Но что же оказывается? Чѣмъ дальше мы удалялись отъ столицы, тѣмъ наблюденіямъ нашимъ было меньше пищи, такъ-что, доѣхавъ до губернскаго города Т..., мы очутились въ положеніи Крузо, выброшеннаго волной на пустынный островъ...

А между тѣмъ читатель, въ особенности читатель столичный, вправѣ спросить: «ну какъ-дескать, поживаютъ вообще въ провинціи? бѣдно-ли, богато-ли, думаютъ ли тамъ о чемъ нибудь, и о чемъ именно, кромѣ своихъ мѣстныхъ и земскихъ интересовъ?» Живутъ, просто, припѣваючи; картина благоденствія удивительная!.. Что же касается до того, думаютъ ли о чемъ нибудь въ провинціяхъ,— можно положительно отвѣчать, что думаютъ мало, по непривычкѣ къ этому...

Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы...»

Дѣйствительно, мы встрѣтили очень мало высокихъ чувствъ, но зато много совершенной безчувственности. На этотъ разъ особеннымъ предметомъ нашего наблюденія былъ русскій нищій, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь немного. Русскій нищій — существо кроткое, смирное, безъ претензій, безъ требованій, существо униженное, даже можетъ быть въ собственныхъ своихъ глазахъ; существо, смотрящее на многое въ мірѣ со всѣмъ не тѣми глазами, которыми смотрятъ люди подающіе милостыню отъ своихъ излишковъ; но все это опредѣляетъ натуру нищаго, а его соціальное положеніе, его гражданское и общественное значеніе далеко еще не опредѣлено. Не думайте, читатель, что *нищій* не имѣетъ гражданскаго и общественнаго значенія; напротивъ, въ Европѣ онъ занимаетъ очень видное мѣсто и даже голосъ его не совсѣмъ «гласъ вопіющаго въ пустынѣ».

Если мы условимся понимать подъ словомъ *нищій* всякаго, кто проситъ, это будетъ не вѣрно: наши мужики очень часто просятъ, какъ скоро имѣютъ случаи столкнуться съ «бариномъ», «купцомъ», «хозяиномъ» и т. п., но неужели же они нищіе?... Если всякій, у кого нѣтъ собственности, есть нищій, то что́ же послѣ этого *пролетарій*? Если бѣдность есть нищенство, то что же послѣ этого *пауперизмъ*? При всемъ различіи этихъ трехъ оттѣнковъ одного и того же цвѣта, есть что-то общее, родное, близкое между ними; они, какъ близнецы, вѣчно странствующіе, вѣчно непонятые, по всѣмъ знакомые, свои, могутъ быть узнаны одинъ по другому.... но отъ нихъ отворачиваются, ихъ не хотятъ узнать поближе; отъ нихъ откупаются подаяньемъ... Именно потому, что наша читающая публика не большая охотница до подобныхъ предметовъ, — мы и хотимъ занятъ нѣсколько ея вниманіе размышленіемъ о нищихъ; притомъ намъ не было случая коснуться этого предмета поближе.

Бѣдность, хроническая неизлѣчимая бѣдность, называемая въ богатой Европѣ пауперизмомъ, и нищенство, хотя и разнятся одно отъ другаго въ нашихъ понятіяхъ, но въ сущности есть одно и то же; это, кажется, такъ ясно, что не нужно и доказывать; но по формѣ бѣдность отличается отъ нищенства именно тѣмъ, что человѣкъ, находящійся въ пауперизмѣ, не всегда проситъ милостыню, нищій же на-

противъ и называется потому нищимъ, что проситъ у тѣхъ, кто бо-гаче его, эксплоатируя такимъ образомъ сильнѣйшаго.

Итакъ, мы не ошибемся, опредѣляя, что нищій есть бѣднякъ *просящій;* изъ этого слѣдуетъ, конечно, по обще-принятому убѣжденію, что *бѣднякъ* непросящій не есть уже нищій, и что, слѣдовательно, такъ называемое «*искорененіе нищенства*», преслѣдуемое съ самымъ жаркимъ усердіемъ, имѣетъ цѣлью заставить *бѣдняка* перестать просить и съ тѣмъ вмѣстѣ перестать быть *нищимъ*.

Чтобы какъ можно болѣе уяснить этотъ предметъ, мы сравнимъ бытъ и всѣ житейскія условія бѣдняка просящаго, т. е. нищаго, и бѣдняка непросящаго.

Представимъ себѣ нищаго столичнаго, или только городскаго, или, даже нищаго ярмарочнаго, нищаго большой дороги, церковной ограды, *богатаго* кладбища и т. п. и сравнимъ его бытъ съ бытомъ крестьянина-земледѣльца какого-либо безплоднаго захолустья, или съ бытомъ инородца звѣропромышленника, бѣломорскаго эскимоса, рыболова Архангельской губерніи, или, наконецъ, съ бытомъ сибирскаго рудокопа, работающаго на вольныхъ золотыхъ пріискахъ. Столичный нищій носитъ сапоги, обитаетъ непремѣнно въ домѣ, во всякомъ случаѣ болѣе комфортабельномъ, чѣмъ курная черная избенка, холодная и тѣсная; нищій богатаго кладбища имѣетъ кофей, и, судя по краснымъ носамъ многихъ изъ нихъ, даже—водку; и все это имѣетъ постоянно; трудъ его состоитъ въ томъ же, въ чемъ состоитъ препровожденіе времени многихъ хорошо-обезпеченныхъ людей, шатающихся отъ нечего дѣлать по улицамъ, трактирамъ и т. п., и бывающихъ часто въ церквахъ. Крестьянинъ же безплоднаго захолустья, не имѣя сапогъ, шагаетъ въ плохихъ часто лаптишкахъ не по столичнымъ тротуарамъ, а по скотопрогонной черноземной дорогѣ, подъ дождемъ, отъ котораго плохо защищается домотканной шерстяной ветошкой, изъ которой сшитъ его зипунишко; пища его груба и скудна: это хлѣбъ и скудное количество соли; звѣропромышленникъ, отправляясь на промыселъ по лѣсамъ, питается однимъ мясомъ дичи и не знаетъ крова по нѣскольку недѣль; Тунгусъ и архангельскій рыболовъ ѣдятъ рыбу безъ соли и хлѣба и тоже не знаютъ крова. Спрашивается, кто бѣднѣе и кто имѣетъ болѣе неудовлетворенныхъ житейскихъ человѣческихъ нуждъ?... Жить такъ, какъ живутъ крестьяне безплодныхъ захолустьевъ, какъ живутъ Тунгусы и рудокопы,—можно вездѣ. Отчего же являются бѣдняки просящіе, т. е. нищіе? Отчего не просятъ Тунгусы, рудокопы,

крестьяне безплодныхъ захолустьевъ, тогда, какъ они въ сущности бѣднѣе всякаго нищаго? Мы находимъ на это одинъ отвѣтъ: не у кого просить: большею частію всѣ члены той среды, въ которой они живутъ, одинаково бѣдны. Вѣдь и наши нищіе перестали бы просить, еслибы не у кого было, и слѣдовательно перестали бы быть нищими, къ великому удовольствію комитетовъ и обществъ, озабоченныхъ искорененіемъ нищенства. «Но что же вышло бы изъ этого?» можетъ спросить читатель: «не было бы нищихъ, а всѣ были бы бѣдны?» На это можно отвѣтить, что искорененіе нищенства, составляющее одно изъ серьезныхъ современныхъ стремленій (серьезныхъ при извѣстномъ взглядѣ на вещи), вовсе не имѣетъ въ виду уничтоженія бѣдности. Притомъ же, и бѣдность, или пауперизмъ—общественная бѣдность—понятіе чрезвычайно условное. Не правда ли, вѣдь нельзя назвать богатствомъ, когда человѣкъ живетъ въ курной тѣсной канурѣ, ѣстъ одинъ хлѣбъ безъ соли, не носитъ сапоговъ, не имѣетъ теплой мѣховой одежды, требуемой климатомъ. Самая крайняя бѣдность,—это возможность голодной смерти, но до этого не доходитъ и классическій европейскій пауперизмъ; вообще же мы думаемъ, что справедливо назвать пауперизмомъ отсутствіе возможности удовлетворить своимъ первымъ житейскимъ потребностямъ такъ, какъ того требуетъ общее современное состояніе цивилизаціи. Если мы живемъ въ такой вѣкъ, когда умѣютъ шить сапоги, когда извѣстенъ способъ варить пиво, курить водку, производить пшеницу и на сѣверѣ, когда умѣютъ строить удобныя и красивыя помѣщенія; когда дѣлаютъ часы для правильнѣйшаго опредѣленія времени; если мы живемъ въ такое время, когда поняты соціальныя положенія всѣхъ и каждаго, поняты безъ иллюзій, практически, то намъ легко опредѣлить, что такое бѣдность и пауперизмъ?—Никакая призма экономическихъ теорій не въ состояніи извратить существующаго факта; никакая логика не примиритъ васъ съ пауперизмомъ, хотя и безъ пролетаріата, такъ же, какъ, пожалуй, пролетарій не мирится съ своимъ положеніемъ, и безъ крайняго пауперизма. И то и другое въ отдѣльности, и то и другое вмѣстѣ, все одинаково плохо, и все кладетъ равно темныя пятна на современныя человѣческія отношенія.

Если бѣдность и въ особенности нищенство не извѣстны безъ богатствъ, то слѣдовательно и богатство немыслимо безъ нищенства и бѣдности. Они поддерживаютъ другъ-друга, порождаютъ одно и другое, и слѣдовательно одинакова виноваты въ своихъ правахъ граж-

данства, и судей для нихъ нѣтъ, потому что не можетъ быть безпристрастныхъ jures, которые сказали бы правду.

Если нищенство нуждается въ помощи богатства, то въ свою очередь и богатство нуждается въ нищенствѣ. Чѣмъ бы безъ нищихъ стало удовлетворяться то естественное стремленіе подѣлиться своими излишками, какое можно замѣтить между слишкомъ достаточными классами? Кому бы пришлось раздавать крупицы съ своихъ столовъ по праздникамъ, пиршествамъ, торжествамъ? На чемъ бы пришлось оттѣнить яркія краски своего довольства, заходящаго черезъ край? Весь блескъ, весь эффектъ богатства оцѣняется только по сравненію.... Статистическія данныя о нищихъ, а также и о числѣ людей, неудовлетворяющихъ какъ слѣдуетъ своимъ житейскимъ потребностямъ, были бы несомнѣнно интересны; но, къ сожалѣнію, мы ихъ не имѣемъ, и удовольствіе дѣлать какіе либо выводы по этому предмету, обыкновенно, достается лишь на долю туристовъ, и то не всѣхъ, а только тѣхъ, кто умѣетъ подъ-часъ заглянуть и за кулисы. У нищихъ есть своя эманципація. Они могутъ выходить изъ своего печальнаго состоянія двумя путями: какъ отдѣльныя личности, посредствомъ случайныхъ обстоятельствъ или необычайныхъ усилій частнаго лица—улучшить свое положеніе; другой путь заключается въ соціальныхъ преобразованіяхъ цѣлыхъ сословій, въ болѣе правомѣрномъ распредѣленіи труда и капитала, что составлеетъ главную задачу нашего времени. Къ сожалѣнію, эти послѣднія преобразованія совершаются медленно и тяжело, потому что встрѣчаютъ противодѣйствіе, со стороны инерціи самого общества. Во всякомъ случаѣ, истинно полезныя и благотворныя реформы тѣ, въ которыхъ личность и общество взаимно и дружно помогаютъ уничтоженію зла или исцѣленію соціальнаго недуга. По поводу этой темы мы не находимъ лишнимъ сказать здѣсь объ отношеніи личности къ обществу, подъ вліяніемъ одного изъ послѣднихъ сочиненій Стюарта Милля.

Всѣ общественные вопросы, практическіе и отвлеченные, о которыхъ трактуютъ наши журналы и которыхъ не чуждо самое общество, по внутреннему своему свойству таковы, что представляютъ двѣ діаметральныя противоположныя категоріи. Стремленія однихъ направляются къ безграничному развитію личности; стремленія другихъ имѣютъ цѣлью усилить контроль общества на счетъ ограниченія индивидуальной свободы. И тѣ и другіе стремятся къ общественному благу, предполагая это благо въ совершенно-противоположныхъ началахъ. Несогласимые

споры всегда бывают ожесточены, потому что чѣмъ труднѣе бываетъ убѣдить антагониста, тѣмъ сильнѣе дѣлается самое желаніе навязать ему свое убѣжденіе; потому бездоказательные споры—самые горячіе споры. Еще у всѣхъ въ памяти свѣжо ратоборство европейскихъ экономистовъ съ соціалистами и коммунистами; въ этой борьбѣ много поломано копьевъ и иступлено перьевъ, но ни одна сторона не считаетъ себя окончательно побѣжденной и только сознанное обѣими сторонами безсиліе къ дальнѣйшему спору послужило уважительной причиной того, что споръ оконченъ. Противники убѣдились только въ одномъ—въ необходимости критеріума, и европейскіе мыслители, вмѣсто того, чтобы продолжать безконечные споры объ отдѣльныхъ предметахъ экономіи и политики, обратились къ общему вопросу: насколько всякая отдѣльная личность можетъ быть свободна, не причиняя вреда обществу, и насколько общество можетъ простирать свое вліяніе на отдѣльную личность, не дѣйствуя во вредъ ей и самому себѣ чрезъ посредство излишняго и несправедливаго порабощенія индивидуума. Деспотизмъ общества надъ индивидуумомъ уничтожаетъ личную энергію, столь необходимую для совершенствованія жизни самого общества; безграничное развитіе личности также въ свою очередь вредитъ обществу тѣмъ, что можетъ противодѣйствовать его интересамъ вслѣдствіе побужденія эгоизма. Индивидуумъ вправѣ защищать свои естественныя права и интересы, и общество вправѣ охранять себя отъ всякаго вреда, наносимаго ему и также нѣкоторой части составляющихъ его членовъ. Каждый членъ общества вправѣ требовать отъ него охраны и защиты для себя, потому что самъ даетъ обществу извѣстную долю силъ и дѣятельности; также какъ и общество, гарантируя извѣстную свободу и права каждаго изъ своихъ членовъ, имѣетъ основаніе требовать отъ нихъ именно того, что находитъ для себя истинно-полезнымъ. Таковы обоюдныя отношенія лица къ обществу и общества къ лицу.

Мы не допускаемъ, чтобы можно было опредѣлить умозрительно, чего именно можетъ требовать общество отъ отдѣльной личности и наоборотъ,—и еще менѣе допускаемъ возможность строго формулировать права общества и личности, потому что общество, какъ и отдѣльное лицо, всегда находится подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ, слѣдовательно имѣетъ и различныя потребности: что обществу нужно сегодня, въ томъ завтра оно можетъ уже не нуждаться. Слѣдовательно права общества на каждаго изъ

своихъ членовъ условливаются не теоріей, а самой жизнью, безконечно разнообразной и вѣчно-измѣняющейся; поэтому требованія общества можно назвать ненормальными тогда лишь, когда оно требуетъ отъ личности болѣе того, въ чемъ дѣйствительно нуждается; права же индивидуума могутъ и должны простираться до той грани, когда они дѣлаются уже дѣйствительно вредными обществу. А такъ какъ и самый вредъ и польза общественные условливаются обстоятельствами, въ которыхъ находится общество, то слѣдовательно и права личности также не могутъ быть опредѣлены умозрительно и условливаются состояніемъ и обстоятельствами общества.

Всякій актъ общественной дѣятельности, совершаемый не во имя дѣйствительныхъ требованій жизни, а во имя теоріи, не можетъ имѣть ни прочныхъ основаній, ни благопріятныхъ послѣдствій, потому что умозрѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть настолько практически-истинны, сколько самая жизнь, выражающаяся въ самой природѣ вещей.

Изъ всего, что мы сказали, безусловно логичны слѣдующіе выводы:

1) Личность не можетъ находиться внѣ вліянія и зависимости общества; измѣняется только степень индивидуальной свободы, всегда обусловливаемая обществомъ, согласно положенію и обстоятельствамъ, въ которыхъ оно находится, произволъ же общества не можетъ быть ограниченъ по теоріи, потому что зависитъ отъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ самой жизни, неподчиняющейся никакимъ соображеніямъ человѣка.

2) Что вліяніе общества вполнѣ законно до тѣхъ поръ, покуда не дѣлается излишнимъ и безплоднымъ, въ противномъ случаѣ оно является злоупотребленіемъ, и какъ всякое злоупотребленіе—неразумно, потому что ненормально, — и должно возбуждать протестъ со стороны членовъ общества, способныхъ доказать безплодность этого вліянія. Такимъ образомъ общество, какъ собирательный индивидуумъ, по природѣ своей снабжено правомъ и силой пропорціонально отношенію числа къ каждой единицѣ его составляющей.

3) Одни настоятельныя практическія требованія жизни должны регулировать отношенія общества къ личности, и всякая идеализація потребностей, какъ все несуществующее въ дѣйствительности, но лишь воображаемое, есть лишній баластъ, задерживающій живое развитіе общества.

4) Общество не можетъ поставить ни одного изъ своихъ членовъ

внѣ своихъ заботъ и защиты, потому что въ противномъ случаѣ оно перестало бы быть *обществомъ* и его постановленія не были бы *общи* всѣмъ его членамъ; поэтому общество, давая съ своей стороны лицу все, что отъ него можетъ зависѣть, вправѣ и требовать отъ каждаго изъ своихъ членовъ именно всего того, въ чемъ нуждается въ данную минуту. Неудовлетвореніе членомъ общества этихъ требованій есть безнравственность, преступленіе, эксплоатація, потому что даромъ пользоваться ничѣмъ нельзя и за все, чѣмъ мы пользуемся, должны вознаградить требуемымъ. Общій обмѣнъ мы видимъ повсюду въ природѣ: земля, дающая силу для растенія, получаетъ въ вознагражденіе тукъ, образуемый этимъ же растеніемъ; а всякій индивидуумъ получаетъ отъ общества все, что составляетъ достояніе человѣческой жизни—и среду, воспитывающую и развивающую его внутреннія силы, и формы жизни, сложившіяся временемъ и опытомъ, и науку, и арену дѣятельности; слѣдовательно не имѣетъ никакого права не подчиниться обществу. На этомъ основано то естественное стремленіе каждаго индивидуума болѣе или менѣе угадывать потребности общества въ данное время и удовлетворять ихъ по мѣрѣ силъ, которое мы встрѣчаемъ повсюду въ общественной жизни; ослабленіе или отсутствіе этого стремленія обличаетъ нравственное растлѣніе, порождаемое, можетъ быть, злоупотребленіемъ самаго общества, истощившаго излишнимъ своимъ вліяніемъ на личность всякую энергію и свѣжесть инстинктовъ индивидуума.

и 5) Все лишнее въ обоюдныхъ отношеніяхъ лица и общества положительно вредно, потому что противодѣйствуетъ естественному развитію общественной жизни.

Таковъ, по нашему мнѣнію, критеріумъ, который долженъ руководить современнаго мыслителя во всѣхъ выводахъ, касающихся соціальныхъ предметовъ.

Степень развитія личности, приведенная въ гармонію съ дѣйствительными потребностями общества, должна составлять задачу каждаго изъ обществъ; задача эта, трудная сама по себѣ, усложняется въ нашей литературѣ еще наплывомъ чуждыхъ мнѣній, возросшихъ, естественно, на такой почвѣ данныхъ и фактовъ, которыхъ у насъ нѣтъ, — мы говоримъ о теоріяхъ европейскихъ экономистовъ, безусловно принятыхъ многими въ Россіи. Степень развитія личности въ передовыхъ государствахъ Европы привела къ необходимости нѣкотораго ограниченія ея въ экономическомъ отношеніи; но изъ этого вовсе не

слѣдуетъ, чтобы вообще развитіе индивидуализма было вреднымъ принципомъ; напротивъ, у насъ, недостатокъ этого развитія столько же вреденъ, сколько, напримѣръ, вредны въ Англіи, Франціи и Германіи экономическіе законы, основанные на принципѣ безграничнаго развитія личности; также въ свою очередь Россія можетъ служить плохимъ примѣромъ для Европы въ отношеніи экономическихъ законовъ, основанныхъ на порабощеніи личности. У всякаго народа есть свои потребности, и они-то очень убѣдительно опровергаютъ всякій абсолютизмъ воззрѣній: такимъ образомъ можно, не обращая въ доктрину степени развитія личности въ государствахъ Европы, стремиться къ достиженію ея у насъ, и, убѣждаясь въ относительныхъ достоинствахъ нашихъ экономическихъ явленій, не выдавать ихъ идеаломъ для Европы.

Самымъ поучительнымъ примѣромъ отношенія личности къ обществу у насъ можетъ служить литераторъ, котораго силы и дѣятельность такъ необходимы нашему соціальному развитію. Спрашивается: нуждается ли русское общество въ литературѣ? Кажется, нуждается. Обязано ли оно нѣкоторымъ сочувствіемъ къ положенію литератора? Разумѣется, обязано; потому что оно пользуется его трудомъ, его мыслію и чувствомъ; оно принимаетъ отъ него лучшія эстетическія наслажденія и претворяетъ выработанныя имъ мнѣнія въ свой насущный хлѣбъ. Съ другой стороны, оно хорошо знаетъ, что наша пишущая братія не отличается особенными избытками, что она не получаетъ ни пенсіоновъ, ни наградъ, ни повышеній, ничего подобнаго; между тѣмъ у насъ есть головы, которыя также могутъ болѣть и оставлять насъ, хотя временно, безъ хлѣба; въ груди каждаго изъ насъ также можетъ развиваться чахотка; мы можемъ слѣпнуть, старѣть и проч., да и вообще свѣжесть умственныхъ силъ, необходимая для нашего труда, не слишкомъ бываетъ долговѣчна; наши жены также родятъ дѣтей и могутъ оставаться вдовами; литературъ-генераловъ, получающихъ крупные гонорары, между нами весьма не много. Хоть бы русское общество застраховывало свое литературное сословіе вмѣстѣ съ гуртами овецъ, свиней, быковъ и т. п., все не было бы въ перспективѣ голодной смерти; вѣдь нельзя же всѣмъ служить по откупамъ, по коммисаріатамъ, по разнымъ судамъ, палатамъ, департаментамъ; нельзя же посвящать себя въ одно и то же время разнымъ занятіямъ... Чтобъ облегчить это положеніе, *сословіе* литераторовъ образовало особенный фондъ, для пособія нуждающимся писателямъ.

Литературный фондъ обставленъ всѣми бюрократическими аттрибутами; тамъ есть предсѣдатель, члены, казначей и проч. Но что они тамъ дѣлаютъ, это почтенное начальство, мы ничего не знаемъ. Рѣдко появляются въ печати отчеты о засѣданіяхъ, о пріемѣ новыхъ приношеній, и о пособіи нашимъ бѣднымъ братьямъ. Кажется, не мѣшало бы почаще извѣщать публику о своихъ распоряженіяхъ. Если литературный фондъ страдаетъ недостаткомъ суммъ, то мы будемъ знать, что общество не сочувствуетъ ему, что оно находитъ гораздо больше интереса въ разведеніи лошадей кровной породы, чѣмъ въ поддержаніи своего литературнаго *сословія*. Если же оно сочувствуетъ, а литературный фондъ опочиваетъ спокойнымъ сномъ, тогда мы будемъ знать, что наши благодѣтели и его дѣятели оказываются совершенно бездѣятельными. Неужели и здѣсь нужна инищіатива какого нибудь банкира?

Другой предметъ общественнаго сочувствія и благотворительности— это недостаточные студенты: они—наше молодое поколѣніе, надежда нашего развитія и преуспѣянія; общество не можетъ равнодушно отвернуться отъ молодыхъ людей, которые должны впослѣдствіи составить лучшую его часть.

Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Слова«, говоря о новыхъ постановленіяхъ для университетовъ, мы предложили съ своей стороны, для пособія нуждающимся студентамъ, удерживать по одному проценту съ рубля, съ гонорара, платимаго сотрудникамъ журнала, и постановили эту жертву непремѣннымъ условіемъ сотрудничества въ нашемъ журналѣ; теперь накопилась уже въ кассѣ Редакціи нѣкоторая сумма изъ произведенныхъ у сотрудниковъ нашихъ вычетовъ одного процента. Такъ какъ событія въ университетѣ, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, способствовали къ тому, что число студентовъ значительно уменьшилось, поэтому мы рѣшились предоставить всю сумму, образующуюся изъ означенныхъ вычетовъ, тѣмъ только студентамъ, которые будутъ вновь поступать въ университетъ, при слѣдующихъ пріемахъ.

По поводу нашихъ филантропическихъ тенденцій, читатель, пожалуй, воскликнетъ, даже съ нѣкоторой яростью: «да что вы тутъ разглагольствуете о благотворительности, когда ни у кого нѣтъ денегъ!» Дѣйствительно денегъ нѣтъ ни у кого: ни у помѣщика, ни у купца, ни даже у банкира, ни у мѣщанина, ни у крестьянина; но отчего нѣтъ денегъ, что дѣлать, чтобы онѣ были? мы скажемъ кратко:

деньги, въ наше спекулятивное и исполненное финансовыхъ изобрѣтеній время, это—кредитъ, довѣріе. Если есть довѣріе, напримѣръ, къ лоскутку бумаги, подписанному банкиромъ, то и онъ имѣетъ деньги, и тотъ, въ чьихъ рукахъ этотъ лоскутокъ; если же нѣтъ довѣрія, то ни банкиръ, ни обладающій кредитнымъ лоскуткомъ бумаги, не имѣютъ денегъ и дѣлаются банкротами.

Теперь переходимъ къ офиціальнымъ извѣстіямъ, обнародованнымъ со времени выпуска нашей сентябрской книжки.

Первымъ извѣстіемъ заносимъ возвращеніе Государя Императора въ С.-Петербургъ, ожидавшееся всѣми съ нетерпѣніемъ.

Затѣмъ сообщаемъ перечень правительственныхъ извѣстій по разнымъ начатымъ и текущимъ дѣламъ.

1) Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи *законодательныхъ* и *административныхъ* вопросовъ по управленію Великаго Княжества Финляндскаго собраніемъ депутатовъ отъ четырехъ сословій, созываемыхъ въ Гельсингфорсѣ къ 20 января наступающаго года.

2) 19 сентября (1 октября открыто въ Царствѣ Польскомъ общее собраніе государственнаго совѣта царства; главными предметами совѣщаній положены: отчеты правительственныхъ мѣстъ царства, за 1860 г. и проэкты постановленій о народномъ обученіи, о дѣлахъ крестьянскихъ, о гражданскихъ правахъ Евреевъ и горнозаводскій уставъ. Труды эти продолжались до 4 (16) октября; а съ этого дня, вице-президентъ совѣта, маркизъ Вѣлопольскій, съ разрѣшенія председателя, отсрочилъ засѣданія общаго собранія на три недѣли.

Засѣданія общаго собранія государственнаго совѣта открыты были рѣчью исправляющаго должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, графа К. К. Ламберта.

3) Отъ 4 же октября было изъ Варшавы слѣдующее офиціальное извѣстіе:

Вслѣдствіе манифестацій, нарушавшихъ общественное спокойствіе, а равно въ ожиданіи предназначавшейся, на слѣдующій день, въ значительныхъ размѣрахъ, демонстраціи, поводомъ къ которой должно было служить воспоминаніе о Костюшкѣ—Царство Польское объявлено, 2-го октября, на военномъ положеніи. Демонстрація, однако, состоялась, не взирая на объявленное военное положеніе и на послѣдовавшее воспрещеніе. При выходѣ изъ церквей, много виновныхъ было арестовано. Сконища разсѣяны кавалерійскими разъѣздами, причемъ ни убитыхъ, ни раненыхъ не было. Упорствовавшіе въ демонстраціи,

предлогомъ къ которой служило воспоминаніе о Костюшкѣ, не хотѣли выйти изъ двухъ церквей, и потому были арестованы въ ночь войсками, съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ святости мѣста.»

Отъ 5 октября сообщено изъ Варшавы, что двѣ церкви окруженныя войсками 2 октября были запечатаны по распоряженію капитула, а всѣ прочія закрыты. 5-го же октября скончался римско-католическій архіепископъ Фіалковскій, пріобрѣвшій особенную любовь и уваженіе своей паствы.

4) 2-го (14) октября намѣстникъ графъ Ламбертъ I объявилъ, по Высочайшему Его Императорско-Царскаго Величества повелѣнію, Царство Польское состоящимъ на военномъ положеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Ламбертъ издалъ къ жителямъ Царства Польскаго прокламацію, въ которой, между прочимъ, изложено: «Враги общественнаго порядка, приписывая снисходительность правительства не благимъ его намѣреніямъ, а вѣроятно безсилію, съ каждымъ днемъ становятся дерзновеннѣе. Толпы уличной черни насильственно врываются въ жилища мирныхъ гражданъ, разбиваютъ лавки и мастерскія, грабятъ въ особенности осѣдлыхъ здѣсь иностранцевъ, и, стараясь посредствомъ внушеннаго ими страха овладѣть волею всѣхъ сословій, не остановились даже нанести безчестіе священному для народа сану епископа. Полиція нетолько не уважается, но ежедневно подвергается обидамъ. Войско, призываемое для водворенія порядка, встрѣчается оскорбленіями. Повсемѣстно распространяются самыя возмутительныя объявленія и воззванія къ народу. Подъ видомъ религіозныхъ обрядовъ совершаются политическія демонстраціи; такъ, во время выноса тѣла умершаго архіепископа варшавскаго, въ процессіи были несены разныя эмблемы возмутительныя и изъявляющія соединеніе Литвы съ Польшею. Потворство и преступное содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ римско-католическаго духовенства превратили католическіе храмы въ мѣста враждебныхъ правительству изъявленій. Священники проповѣдуютъ ненависть и неуваженіе къ верховной власти. Въ костелахъ и внѣ оныхъ поютъ воспрещенные правительствомъ гимны, производятъ сборы денегъ и вещей на революціонныя цѣли и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаемыя въ высокоторжественные дни молебствія за Государя Императора заглушены пѣніемъ тѣхъ же запрещенныхъ гимновъ.

Все это составляетъ рядъ такихъ преступленій, которыя не могли быть терпимы. Но предстоявшіе выборы въ уѣздные и городскіе со-

вѣты побуждали меня воздержаться отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, дабы не нарушить свободнаго выполненія дарованныхъ краю учрежденій.

Между тѣмъ ходъ выборовъ не оправдалъ моихъ ожиданій. Во многихъ мѣстахъ они совершились подъ вліяніемъ нравственнаго насилія и сопровождались тѣми же враждебными правительству явленіями. Избиратели, забывъ, что права, имъ предоставленныя, состоятъ только въ выборѣ членовъ и кандидатовъ въ уѣздные и городскіе совѣты, подписывали прошенія, или адресы, строго закономъ воспрещенные.

Подобныя дѣйствія, угрожающія ниспроверженіемъ законной власти и водворившія въ краѣ анархію, вынуждаютъ правительство прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ.

Посему, для огражденія спокойствія мирныхъ жителей края и для возстановленія общественнаго порядка, Царство Польское, по Высочайшему Его Императорско-Царскаго Величества повелѣнію, объявляется на военномъ положеніи, на основаніи публикуемыхъ втѣстѣ съ симъ правилъ.

5) Дежурный генералъ 1-й арміи, генералъ-маіоръ Ганъ 2 объявилъ въ варшавскихъ газетахъ, отъ имени правительства, слѣдующее объявленіе: «Костелы Св. Яна и Бернардиновъ въ г. Варшавѣ заперты по распоряженію прелата Бѣлобрежскаго; поводомъ закрытія сказанныхъ костеловъ послужили будто бы сдѣланныя въ оныхъ злоупотребленія, изслѣдованіе которыхъ правительство предоставило вполнѣ духовному начальству.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ духовное начальство распорядилось прекращеніемъ богослуженія въ другихъ костелахъ. Не видя никакихъ уважительныхъ основаній къ такому распоряженію, правительство оставляетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія отъ сего произойти могутъ, на тѣхъ, которые сдѣлали эти распоряженія. Объ этомъ объявляется по арміи для свѣдѣнія.

6) Исправлявшій должность полицмейстера г. Варшавы, генералъ-маіоръ Пильсудскій, по распоряженію высшаго начальства, предварилъ жителей города, отъ 6 (18) октября, что всякаго рода собранія публики передъ костелами строжайше-воспрещены, и что, въ случаѣ ослушанія, для разогнанія собравшихся будетъ употреблено оружіе.

7) Объ отобраніи оружія въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ

напечатано въ газетахъ слѣдующее официальное извѣстіе, изъ котораго, впрочемъ, мы выпускаемъ подробности правилъ о порядкѣ пріема отъ частныхъ лицъ и сдачи оружія въ инвалидныя команды:

8) Въ предъидущей книжкѣ, между прочимъ, мы сообщили о закрытіи С. Петербургскаго университета. О послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ и правилахъ, обнародованныхъ начальствомъ университета, можно прочитать официальныя извѣстія въ № 229—С.—П. Вѣдомостей, и въ Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ отъ 12 сего октября. Мы не перепечатываемъ здѣсь этихъ извѣстій.

Заявляемъ утѣшительный фактъ, сообщенный въ №. 30 Медицинскаго Вѣстника. Въ фельетонѣ этой газеты, подъ рубрикой: «Возможны ли врачи—женщины въ Россіи?» — мы читаемъ, что «въ прошломъ году двѣ молодыя дѣвицы слушали курсъ естественныхъ наукъ въ петербургской медико-хирургической академіи. Въ числѣ прочихъ предметовъ ученія, онѣ очень прилежно занимались нормальною анатоміею человѣка, работали надъ трупами въ анатомическомъ институтѣ и удовлетворительно выдержали экзаменъ..... Мы слышали даже, будто одна молодая женщина представила формальное прошеніе въ одно учебно—медицинское заведеніе о допущеніи ея къ слушанію полнаго медицинскаго курса, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи его, ей позволено было воспользоваться всѣми правами лѣкарскаго диплома. Но мы не знаемъ еще, какой отвѣтъ былъ данъ на это прошеніе.» Очень жаль, если отрицательный. Пора признать права женщины, по крайней мѣрѣ, на участіе во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, какими доселѣ исключительно занимаются мужчины. Надѣемся, что кромѣ нашихъ постныхъ старушекъ и г. Каткова никто не станетъ спорить, что женщина можетъ быть превосходнымъ физіологомъ и хирургомъ. Ея умственныя способности тѣ же, что и у насъ; ея симпатичное любящее сердце можетъ быть источникомъ самаго благотворнаго вліянія на больныхъ и страждущихъ; ея физическія силы, если только онѣ правильно развиты, не слабѣе нашихъ. Слѣдовательно, нѣтъ кажется основанія отказать женщинѣ въ правѣ быть лѣкаремъ или естествоиспытателемъ. Напередъ можно сказать, что эти первыя героини (женщина—герой, если только она идетъ противъ общепринятаго предразсудка или рутины) вызовутъ улыбки и двусмысленныя сомнѣнія со стороны нашихъ *благонамѣренныхъ* матушекъ и отцовъ; но кто же серьезно станетъ обращать вниманіе на мнѣніе этихъ *благонамѣренныхъ*? Имъ нѣтъ дѣла среди нашего поколѣнія; они го-

товятся отойти туда, гдѣ нѣтъ мѣста ни болѣзнямъ, ни печалямъ.... Во всякомъ случаѣ, гораздо отраднѣе видѣть женщину въ анатомической клиникѣ, съ скальпелемъ въ рукѣ, съ пятнами крови на ея бѣломъ фартукѣ, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ въ двѣнадцать часовъ ночи, подъ фонаремъ съ незнакомымъ мужчиной.... Гораздо полезнѣе, если она образуетъ изъ себя хорошаго профессора, чѣмъ будетъ изнывать цѣлую жизнь безъ дѣла и цѣли, особенно внѣ семейной сферы.

Благодаримъ г. Чистовича за сообщеніе такого факта; мы объ одномъ жалѣемъ, что онъ помѣстилъ его въ фельетонѣ, а не на первомъ мѣстѣ своей газеты: такія извѣстія у насъ стоятъ того, чтобъ ихъ печатать подъ золотой каймой. Здѣсь дѣло идетъ о практическомъ рѣшеніи вопроса—эманципаціи женщины.

Одно замѣчаніе, сдѣланное этой газетой, мы не совсѣмъ поняли. Соглашаясь, что умственныя способности женщины нисколько не противорѣчатъ ея медицинскимъ занятіямъ, авторъ прибавляетъ: « Но не такъ ясно представляется дѣло со стороны практической, со стороны примѣненія знаній къ выполненію обязанностей профессіи и, кажется, что апріорическое рѣшеніе его едва ли можетъ считаться самымъ справедливымъ рѣшеніемъ.» Надѣемся, что Медицинскій Вѣстникъ не откажетъ намъ въ удовольствіи прочитать его мнѣніе вполнѣ высказаннымъ объ этомъ предметѣ. Съ своей стороны мы убѣждены, что и въ практическомъ отношеніи нѣтъ никакихъ препятствій для женщины сдѣлаться хорошимъ сотрудникомъ г. Чистовича или студентомъ и пропрофессоромъ медицинской академіи.

Въ заключеніе обращаемся къ литературнымъ замѣткамъ: нашъ малороссійскій журналъ «Основа» мало говоритъ о Малороссіи, толкуя предпочтительно все объ отдаленномъ прошедшемъ. ———За тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ журналахъ. Одна газета какъ-то занялась раздѣленіемъ нашего литературнаго департамета на отдѣленія; дѣйствительно, журналы наши можно подраздѣлить на три отдѣленія: къ первому принадлежатъ журналы извѣстныхъ пріятныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; ко второму — журналы положительно безцвѣтные; къ третьему отдѣленію принадлежатъ весьма не многіе, имѣющіе, яркіе и грубые цвѣта, самаго неприличнаго свойства, такъ напримѣръ « Домашняя Бесѣда ». Это послѣднее отдѣленіе недавно обогатилось новымъ дѣятелемъ: г. И. Аксаковъ началъ въ Москвѣ изданіе газеты «День». Дай Богъ поменьше такихъ *дней*!, которые

хуже всякой ночи! Дай Богъ Россіи поменьше такихъ редакторовъ, такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ г. И. Аксаковъ.

Люди этой исключительной партіи всегда стараются говорить съ яростію, какъ бы вызывая на споръ, о такихъ предметахъ, которые не доступны спору. Имъ нѣтъ дѣла до того, будутъ-ли опровергать ихъ дикіе вопли,—они заботятся только о томъ, чтобы чѣмъ нибудь произвести скандалъ; пустить шутиху, которая отуманила бы читателя. Метить на успѣхъ подписки этимъ способомъ, значитъ не дорожить редакторской совѣстью. Въ ямѣ московской журналистики много покоится лже-русскихъ, лже-славянскихъ журналовъ: къ ихъ числу, по всей вѣроятности, присоединится скоро и «День», г. Аксакова. Туда ему и дорога! Дѣло не въ мнѣніяхъ: мнѣнія всякія возможны, но дѣло въ формѣ и тактѣ высказыванія ихъ. Мы думаемъ, что всякій Русскій отвернется отъ «Дня» послѣ его втораго выпуска.

Даже г. Аскоченскій, редакторъ Домашней Бесѣды, какъ видно изъ послѣдняго выпуска его журнала (№ 42), принимаетъ какое-то двусмысленное, неразгаданное отношеніе къ современному обществу. Такъ напримѣръ г. Аскоченскій началъ оказывать какую-то особенную услужливость одному изъ нашихъ сотрудниковъ, г. Писареву, въ статьяхъ котораго положительно нѣтъ ни малѣйшаго запаха, любимаго г. Аскоченскимъ. Если сей почтенный редакторъ не мститъ за что нибудь г. Писареву своими похвалами, то мы теряемся въ догадкахъ, что дѣлается съ г. Аскоченскимъ; къ тому же послѣднія строки означеннаго номера «Бесѣды» оканчиваются словами, которымъ могъ бы позавидовать любой прогрессивный журналъ:

«О Россіяне! говоритъ г. Аскоченскій. До чего мы дожили! Что видимъ! Что дѣлаемъ! Здравый смыслъ погребаемъ!»

Въ Физикатъ, въ Физикатъ, Викторъ Ипатьичъ!

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о кабалистической литературѣ. — Кабала и ея завѣты. — Дѣтскій плачъ и смѣхъ взрослыхъ. — Мои недоумѣнія и колебанія. — Голоса русскихъ поэтовъ. — Я начинаю завидовать. — Совѣтъ всѣмъ свистунамъ. — Разный взглядъ на жизнь — человѣка и художника. — Что это: проза или стихи? — Два московскихъ поэта: г. Росковшенко и кн. Вяземскій. — Кто лучше? — Фазы поэтической дѣятельности кн. Вяземскаго. — Послѣдняя ступень. — Моя *замѣтка* въ стихахъ. — Г. Юркевичъ, какъ левъ журнальнаго сезона. — Новое открытіе о немъ и его сотрудничество въ «Домашней Бесѣдѣ». — Розги, какъ *энергическіе мотивы жизни*. — Пѣсня къ дѣтямъ. — Параллель: гг. Щедринъ и Пятковскій. — Новая манера хвалить самого себя печатно. — Что такое полемика? — Романсъ «темнаго человѣка». — Петербургъ и его общественныя новости. — Ожиданіе маэстра Верди и его новой оперы. — Смерть Максимова 1. — Двѣ выставки. — Петербургскія улицы и компанія водопроводовъ. — Замѣчаніе иностранца. — Дикарь изъ Ситхи, Калужа Текентинъ. — Его взглядъ на тѣлесное наказаніе. — Петербургскій дикарь — гонитель женщинъ. — Извѣстія о новыхъ журналахъ. — *Повѣтрія времени и общественные миражи,* гонимые г. Колошинымъ. — Еще стихотвореніе. — Вредъ формализма. — Нѣсколько примѣровъ изъ исторіи русскаго прогресса. — Ревель старый и Ревель новый. — Шалости тамошняго магистрата. — Взрывы улицъ. — Пѣсня бюргеровъ. — Фантастическій *городокъ* и ахенскія собаки Гейне. — *Евгеній-Борода* и его привычки. — Проводы старшины клуба и его спичъ. — Комедія Островскаго предъ судомъ губернскаго оратора. — Начальникъ частнаго заведенія. — Какъ смѣютъ воспитанники храпѣть ночью? — Провинціальный полькёръ, бравшій за границей уроки канкана. — Дама, читающая географію Арсеньева на гуляньяхъ. — Поэтическія воспоминанія по географіи. — Новая донна Анна надъ гробницей командора. — Губернскій обличитель и его преслѣдованія. — Адресъ и жалобы. — Фантастическій педагогъ и его теорія наказанія. — Что выше: дѣйствительность или вымыселъ? — Остроуміе лѣсничаго. — Дрова, обращенныя въ сѣно. — Пѣсня лѣсничаго. — Оригинальный процессъ въ г. Херсонѣ. — Случаи изъ дѣятельности нѣкоторыхъ судебныхъ слѣдователей. — Безвинный арестантъ. — Наглая продѣлка одного спекулятора.

Съ тѣхъ поръ, какъ русская журналистика раздѣлилась на два стана — свистуновъ и поморныхъ съ одной стороны, и на кабалистиковъ (по выраженію г. Громеки) съ другой, я, по свойственной своему характеру робости, постоянно мучился вопросомъ: къ которо-

му же стану наконецъ примкнуть? Къ свистунамъ? Пожалуй — это было бы больше по сердцу, но зато опасно: того и гляди тебя назовутъ мазурикомъ; если же присоединиться къ кабалистамъ... тутъ уже я совершенно терялся и никакъ не могъ вообразить себя въ этой новой для меня ролѣ.

— Скажите же, пожалуйста, спрашивалъ я самыхъ отчаянныхъ кабалистовъ: чѣмъ нужно быть, что нужно дѣлать, чтобъ сдѣлаться другомъ и членомъ кабалистической школы?

Антагонисты свистуновъ развертываютъ передо мной вмѣсто всякаго отвѣта свою новую *кабалу* и въ ней я читаю слѣдующія наставленія ихъ учителя:

«Не предавай насмѣшкамъ *лучшія человѣческія вѣрованія*», (т. е. не смѣй называть чернаго—бѣлымъ и умиляйся предъ каждымъ явленіемъ).

«Не повинуйся одному только влеченію чувства»...

«Вступи въ мирную область искуственныхъ понятій идеала и обязанности» и ты будешь спасенъ.

Какъ вообще всѣ кабалистическія изреченія можно толковать и понимать различно, такъ эти афоризмы не удовлетворили моей пытливости. Я смутно понялъ только одно, что всѣмъ намъ ставятъ въ упрекъ наши юморные стишки и юмористическія элегіи, что мы откровенно смѣемся въ то время, когда кабалистическіе прозаики и поэты считаютъ предосудительнымъ даже улыбнуться. Имъ хочется —

Устъ румяныхъ безъ улыбки,

величественной терпимости и холоднаго спокойствія. Что бы вокругъ ни дѣлалось, какъ бы ни гримасничала имъ жизнь, они готовы воскликнуть словами одного изъ кабалистическихъ поэтовъ:

Другъ мой! Будемъ плакать какъ дѣти,
Чтобъ недѣтское горе забыть!..

Они не хотятъ понимать тѣхъ, которые говорятъ имъ такъ: друзья мои, будемте смѣяться, какъ взрослые, чтобъ не забыть нашего недѣтскаго горя. Смѣхъ не всегда успокоиваетъ, онъ и раздражаетъ часто... Нѣтъ, господа!...

Бросьте намёки вы злостные!
Мы вамъ на это отвѣтимъ:
Будемъ смѣяться, какъ взрослые,
Стыдно намъ плакать, какъ дѣтямъ.

Но вернусь къ главному... Оглушенный со всѣхъ сторонъ криками и упреками направленными противъ свистуновъ всѣхъ разрядовъ за то, что они будто ведутъ себя неприлично и занимаются пустяками, я задалъ наконецъ себѣ вопросъ — чѣмъ же занимаются кабалистическіе поэты? (О прозаикахъ было уже достаточно говорено). И вотъ, позабывъ на время свой *поморный* мірокъ и его свистопляску, я предался изученію пѣвцовъ, поющихъ не отъ міра сего... Я добросовѣстно началъ читать все, что было писано ими въ разныхъ толстыхъ и тощихъ журналахъ, и только теперь, когда я окончилъ свой трудъ, я понялъ, что значитъ благонравный и солидный поэтъ нашего времени. Во мнѣ даже, къ чему скрывать?— появилось новое чувство невольной зависти отъ одной мысли, что я не могу сдѣлаться такимъ поэтомъ. Зато сколько же и наслажденій я испыталъ во время своихъ изысканій!.. Я тутъ только признался самому себѣ, что если я и поэтъ, то поэтъ совершенно *безобразный*, потому что въ моей поэзіи нѣтъ никакихъ яркихъ *образовъ*.

Поэтъ вообще не долженъ ничѣмъ стѣсняться, ни мыслію, ни формой... Попалось мнѣ стихотвореніе нашего поэта-критика Ап. Григорьева и я никакъ не могъ прочесть его правильно и отгадать тактъ размѣра. Какъ профанъ, я вообразилъ, что только по ошибкѣ типографіи его проза напечатана рѣзаными строками, но мое невѣжество тотчасъ же обличили... Чтобъ сколько нибудь объяснить свою непростительную ошибку, приведу хоть три куплета изъ стиховъ А. Григорьева:

Не вспоминай мнѣ, не вспоминай
Тѣхъ дней погибшихъ, но милыхъ лѣтъ,
Когда я цѣлымъ своимъ существомъ,
Тебѣ былъ отданъ... О, вѣрь же и знай,
Что днямъ тѣмъ, пока лишь мы оба живемъ,
Пока въ насъ есть силы, — забвенія нѣтъ!

*
* *

Забудешь ли и забуду ли я,
Когда я, играя прядями кудрей,
Чуялъ, какъ грудь колыхалась твоя...
Я вновь тебя вижу... Душею моей
Клянуся: со влагою темной въ очахъ,
Съ дыханіемъ жаркимъ въ безмолвныхъ устахъ.

* *
*

Глаза твои нѣгой смѣшавшая страсть
Вѣкамъ велѣла покровомъ упасть
На синеву твоихъ зрачковъ;
И длинныя иглы рѣсницъ на твоихъ
Ланитахъ прозрачныхъ лежали въ тотъ мигъ,
Какъ ворона крылья на глади снѣговъ.

Для опыта попробую хоть первый куплетъ написать прозой:

«Не вспоминай мнѣ, не вспоминай тѣхъ дней погибшихъ, но милыхъ лѣтъ, когда я цѣлымъ своимъ существомъ тебѣ былъ отданъ... О, вѣрь же и знай, что днямъ тѣмъ, пока лишь мы оба живемъ, пока въ насъ есть силы—забвенія нѣтъ»...

Назовите меня какъ хотите, а по-моему въ прозѣ эти строки гораздо лучше. Но никогда восторгъ мосй не доходилъ до такой степени, какъ при чтеніи двухъ новыхъ произведеній московскихъ поэтовъ г. Росковшенко и к. Вяземскаго. Кто изъ нихъ оригинальнѣе, кто выше? рѣшить очень трудно. По формѣ нужно отдать преимущество г. Росковшенко, а по глубинѣ мысли кн. Вяземскому.

Едва я только нашелъ у перваго такое двустишіе:

Спасемъ изъ тины, — извинить прошу —
Любви, куда ты по уши погрязъ,

то рѣшилъ, что ему только не уступаетъ по характерности другое единственное въ своемъ родѣ двустишіе:

Онъ
Блохою жизни былъ укушенъ,
Иною солью просоленъ...

По лиризму же у г. Росковшенко нѣтъ соперниковъ... я наслаждался, читая такіе стихи:

Набрось на землю свой густой покровъ,
Любви *споспѣшествующая* ночь,
Чтобы пытливыя глаза сомкнулись.
Когда Ромео прилетитъ ко мнѣ,
Неслышимъ и незримъ! *Обрядъ любви*
Влюбленнымъ красотой ихъ озаренъ..(?!)
Приди скорѣй, услужливая ночь,
Въ одеждѣ черной, скромная жена,
И научи меня, *какъ потерять*
Въ той партіи, гдѣ выигрышъ, въ игрѣ-жь
На ставкѣ, пара непорочныхъ дѣвствъ.
Румянецъ щекъ моихъ одѣнь покровомъ,
Пока любовь, смѣлѣе ставъ, увидитъ
Простую скромность въ дѣйствіи своемъ.
Прійди, о ночь!...

Со временъ Овчинникова мы не слыхали такихъ звуковъ... Но ни Овчинниковъ, ни Росковшенко не могли доставить мнѣ столько удовольствія, сколько послѣдняя «замѣтка» кн. Вяземскаго. Фазы поэтической дѣятельности этого великосвѣтскаго писателя весьма замѣчательны. Было время, когда онъ пѣлъ объ однихъ только мотылькахъ и фіалкахъ самыя сладенькія пѣсенки. Потомъ, были времена, когда онъ писалъ такія посланія:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ... и т. д.

Потомъ, когда у насъ въ литературѣ проглянула реальность, онъ бросилъ этотъ родъ и началъ оплакивать бѣдность и нищету, сожалѣть о несчастныхъ, ходящихъ безъ сапогъ,—и казалось тѣмъ было и покончилъ. Онъ замолчалъ и объ немъ всѣ забыли, вѣроятно и не вспомнили бы, еслибъ не его юбилей, который возбудилъ толки о Вяземскомъ, какъ о поэтѣ, и толки не совсѣмъ для него лестные. Вотъ тогда-то кн. Вяземскій и явился передъ нами въ новомъ свѣтѣ и открыто отказался отъ своихъ прежнихъ идеаловъ. Онъ принялся за свистопляску своего собственнаго издѣлія и разразился такими рѣчами, обращенными къ молодому поколѣнію:

Свободой дорожу (кто?), но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей, (!!)
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Всего стихотворенія я приводить не рѣшаюсь, но выписываю только нѣкоторыя лучшія мѣста изъ него. Вотъ какъ к. Вяземскій выясняетъ свой новый идеалъ:

Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ
Свободу дай ему—онъ тотъ же будетъ рабъ; (*)
Дай власть ему въ чаду болѣзненно—мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ, онъ малодушно слабъ.

—

Онъ недовѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху;
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ:
Душой свободенъ былъ Шенье всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

—

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подъ—часъ;
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, что выше насъ.

—

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
Лѣнивой нищеты—къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу—того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго — къ законному суду.

Пояснять, подчеркивать красоты этого произведенія — кажется нѣтъ надобности,—ими можно только наслаждаться... Чего нѣтъ въ этой «замѣткѣ!»...

Въ ней о Штиглицѣ есть слово
Приведенъ Шенье въ примѣръ,
Гракхъ, Жуковскій—сынъ Бѣлева,
Даже самъ есть Робеспьеръ.

Читая «замѣтку», мнѣ все казалось, что я слышу не одинъ, а нѣсколько разныхъ голосовъ, слившихся въ одинъ общій хоръ...

Въ томъ посланіи примѣрномъ
Словно пѣли, — я внималъ, —
То Молчалинъ съ Олоферномъ,
То съ Мареушей — Ювеналъ.

Сочетаніе кажется невозможное, но на самомъ дѣлѣ выходитъ, что такъ... Кн. Вяземскій превзошелъ самого себя, и его «замѣтку» я рѣшительно предпочитаю теперь стихотвореніямъ г. Роскошенко. Воодушевленный г. Вяземскимъ, я окончательно отказываюсь отъ всякаго подражанія свистоплясикѣ, но настраиваю свою лиру на иной ладъ, и пою:

Замѣтка.

От журнальныхъ топей
Сторонись, бѣднякъ!
Этихъ всѣхъ утопій
Смертоносенъ мракъ.

—

Стали всѣ газеты
Нравственнымъ шинкомъ...
Вѣкъ нашъ старый! гдѣ ты,
Съ трезвымъ языкомъ?

—

Смотритъ злобнымъ глазомъ
Демократъ, какъ звѣрь.
— Разумъ, разумъ, разумъ!
Всѣ твердятъ теперь.

—

Нашимъ грознымъ хрипомъ
Крикъ ихъ не уймешь,
Избраннымъ принципомъ
Бредитъ молодежъ.

—

Вѣкъ нашъ старый! Гдѣ ты?
Близокъ твой конецъ:
Чу! поетъ куплеты
Вяземскій — пѣвецъ.

Хотѣлось мнѣ остановиться еще на двухъ–трехъ поэтахъ, но на этотъ разъ довольно. Мы знаемъ теперь, чѣмъ занимаются *серьезные* поэты нашего времени, знаемъ теперь, что значитъ эта «область искуственныхъ понятій идеала и обязанности!!.. Довольно!..

Русскій Вѣстникъ, въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ, приложилъ особенное стараніе, чтобъ поднять какъ можно выше двѣ личности—кн. Вяземскаго и г. Юркевича. О кн. Вяземскомъ мы уже говорили: онъ самъ позаботился о своихъ лаврахъ. Что же касается до г. Юркевича, то по милости двухъ журналовъ и полемикъ съ г. Чернышевскимъ, онъ сдѣлался львомъ нашего журнальнаго сезона. У Русскаго Вѣстника его выраженія вошли чуть не въ пословицу, Отечественныя Записки вызываютъ г. Чернышевскаго на бой съ новымъ философомъ и предлагаютъ даже для этого страницы своего журнала.

Кто жъ таинственный этотъ пришлецъ?

Кто сей философъ, сдѣлавшійся яблокомъ раздора между нашими журналами?

Вотъ весьма плачевная разгадка этого вопроса. Начну немного издалека. Въ 1861 году, извѣстный ученый г. В. Шульгинъ, по поводу открытія въ Кіевѣ Фундуклеевскаго женскаго училища, написалъ статью, въ которой вооружился противъ устарѣвшихъ пріемовъ воспитанія. «Страхъ Господень, писалъ между прочимъ г. Шульгинъ, не изгнанъ изъ современнаго образованія (какъ думаютъ старовѣры), которое все стремится къ тому, чтобы развить въ молодомъ поколѣніи уваженіе къ человѣку, научить его почитать образъ Божій и въ себѣ и въ другихъ людяхъ. Ужъ не изъ этого ли заключаютъ защитники старины о недостаткѣ страха Божія, что теперь не слѣдуютъ въ воспитаніи правиламъ Домостроя? Мы сами пойдемъ и будемъ вести къ своей великой цѣли наше молодое поколѣніе, не подгоняя его ни кулакомъ, ни пинкомъ, мы поведемъ всѣхъ, не исключая и тѣхъ людей, въ которыхъ добрая старина видѣла только рабовъ, а мы уважаемъ образъ Божій».

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ появилась эта благородная статья, въ Домашней Бесѣдѣ былъ помѣщенъ отвѣтъ на нее, отвѣтъ подписанный... кѣмъ бы вы думали?—*П. Юркевичемъ.* Это тотъ самый писатель, о которомъ такъ прокричали наши журналисты. Г. Юркевичъ, какъ сотрудникъ Дом. Бесѣды — слѣдовательно и поборникъ ея принциповъ, началъ опровергать г. Шульгина въ его теоріи новѣйшаго воспитанія. Г. Юркевичъ, разбирая вопросъ о необходимости розогъ и вообще тѣлеснаго наказанія, съ энергіей спѣшитъ доказать, что розга въ педагогическомъ дѣлѣ полезна и совершенно

необходима для школы. Какъ философъ, чуждый тривіальныхъ выраженій, онъ розгу только въ крайнихъ случаяхъ величаетъ *розгой*, обыкновенно же называетъ ее *энергическимъ мотивомъ жизни*. « Жизнь, говоритъ онъ, нуждается въ основахъ и мотивахъ болѣе энергическихъ, нежели отвлеченныя понятія науки, каковы, напр., достоинство человѣка, человѣчное образованіе»... Можетъ быть все это очень остроумно, но защита *энергическаго мотива жизни*, т. е. по-просту-розогъ—статья не совсѣмъ красивая... Впрочемъ, если уже дѣлать болѣе точныя сравненія, то розгу скорѣе нужно назвать ut'diez-омъ жизни. Во всякомъ случаѣ діалектическое непризнаніе розогъ—фактъ утѣшительный... Честь и слава г. Юркевичу за то, что онъ хоть изъ языка, а не изъ школы выгналъ слово: розга. Чего же теперь бояться дѣтямъ?

Розогъ не бойтеся, дѣти.
Знайте—ученымъ игривымъ
Прутья ужасные эти
Названы *жизни мотивомъ*.

—

Пусть выростаютъ—березы,
Гибкіе отпрыски ивы, —
Вы, улыбаясь сквозь слезы,
Молвите — это мотивы!

—

Если жъ случится вамъ нынѣ
Съ плачемъ снести наказанье —
Что жъ? и *мотивы* Россини
Будятъ порою рыданья.

—

Дѣти! отрите же слезы!
Можете строгость снести вы:
Прежде терпѣли-жъ вы лозы,
Такъ и стерпите *мотивы*!...

Очень жалко, что г. Юркевичъ въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ не упомянулъ объ этихъ *мотивахъ*, и не порисовался передъ читателемъ тѣмъ, что онъ сотрудникъ Домашней Бесѣды! Отчего-бы не порисоваться, не похвастаться немножко! Вѣдь похвалить себя слегка нынче допускается. Вотъ г. Пятковскій, послѣ

долгихъ ожиданій чужихъ похвалъ, самъ печатно превознесъ себя. Написавши статью о «Щедринѣ и провинціальныхъ корреспондентахъ», г. Пятковскій былъ обличенъ «Искрой, въ томъ, что онъ не понялъ «литераторовъ-обывателей» Щедрина и на этомъ основаніи обругалъ всѣхъ провинціальныхъ обличителей. И вотъ г. Пятковскій пишетъ оправданіе. Но оправдать себя онъ не могъ, и сознавая это, взялъ да и расхвалилъ свою первую статью. Что можетъ быть наивнѣе, напр., такого пріема: «*статья моя*, пишетъ онъ, *возбудила живой говоръ въ разныхъ кружкахъ нашего общества*». Почему г. Пятковскій вообразилъ, что его статья, возбудила говоръ, да еще живой, въ нашемъ обществѣ, Богъ его знаетъ. Даже предположимъ невозможное, положимъ говоръ (брань вѣдь есть тоже говоръ) дѣйствительно былъ, да развѣ можно объ этомъ писать самому? Вотъ, дескать я какой, «литературой существую», какъ говоритъ Хлестаковъ. Вотъ оно, что значитъ самолюбіе-то!..

Далѣе г. Пятковскій ставитъ себя еще болѣе въ комическое положеніе, назвавшись помощникомъ г. Щедрина (вотъ удивится г. Щединъ, когда узнаетъ, что у него есть помощникъ!). Объясняя смыслъ своей статьи, г. Пятковскій восклицаетъ:

— Я хотѣлъ помочь г. Щедрину и растолковать еще проще... Я понимаю мысль его: ему пріятно было поставить свое имя рядомъ съ именемъ г. Щедрина: г. Пятковскій и г. Щединъ! дѣйствительно пріятно. Ну, г. Пятковскій и не поцеремонился, а для мягкости и галантерейности назвалъ себя помощникомъ автора «Губернскихъ Очерковъ». Такимъ образомъ, прежде у насъ существовало одно званіе литератора, теперь же есть новая роль—помощника литератора.

Но, нужно замѣтить, у г. Щедрина весьма странный помощникъ! Напр. «Искра» сдѣлала большую услугу г. Пятковскому, посвятивъ ему цѣлые три номера, а это тоже своего рода популярность, которой бы онъ никакъ не добился другими путями. Кажется, за это можно быть благодарнымъ, но г. Пятковскій показалъ видъ, что онъ этимъ недоволенъ, и обвиняетъ «Искру» въ томъ, что она не умѣетъ полемизировать. Вотъ подите съ нимъ: статью его просто-на-просто назвали *срундой*, безъ всякой полемики, потому что полемику могутъ возбудить только одни нерѣшенные, спорные вопросы, а г. Пятковскій называетъ это споромъ. Хорошъ споръ!.. Онъ, пожалуй, подумаетъ, что и я вызываю его на полемику! Чего добраго!..

Вмѣсто всякой полемики, я посвящаю ему свою пѣсню:

Пиши смѣлѣй,
Не знай печали,
Мы рядъ статей
Твоихъ читали.
Весь свѣтъ рѣшилъ,
Что ты писатель,
И очень милъ;
Самъ «Указатель»
Заговорилъ...
Не безъ волненья
Твержу весь день я —
Вблизи, вдали,
Хвали, хвали,
Свои творенья.
Не вѣрь инымъ
Лукавымъ взглядамъ
И съ Щедринымъ
Стой всюду рядомъ.

Думая посвятить большую часть своего дневника провинціи, скажу теперь нѣсколько словъ объ общественныхъ новостяхъ Петербурга.

Театральный сезонъ начался. Итальянская опера открылась 11 сентября «пророкомъ» Мейербера, и снова любимцы нашей публики г. Тамберликъ и г-жа Пантье-Дидье были встрѣчены жаркими рукоплесканіями. Вновь приглашенные пѣвцы Анджелини (басъ) и Граціани (баритонъ) дебютировали въ Гернани.

На-дняхъ ожидаютъ въ Петербургѣ самого композитора Верди, который будетъ ставить на нашей сценѣ только что оконченную имъ оперу.

На сценѣ Александринскаго театра продолжаетъ играть съ успѣхомъ Васильевъ 2, являясь большею частію въ роляхъ Мартынова. Русская сцена недавно лишилась одного изъ своихъ заслуженныхъ артистовъ—Максимова 1. У таланта Максимова было много поклонниковъ, у него была своя особая публика, для которой утрата его была очень замѣтна.

Что еще сказать о Петербугѣ?.. Кромѣ художественной выставки, о которой есть особая статья въ Русскомъ Словѣ, еще открыта дру-

гая выставка въ большой залѣ городской думы—*выставка плодовъ и овощей*.

Теперь два слова о петербургскихъ улицахъ... Какой-то иностранецъ весьма справедливо замѣтилъ, что нельзя рѣшить, каковы наши уличныя мостовыя, потому что лѣтомъ и осенью онѣ всѣ взломаны и передѣлываются, а зимой лежатъ подъ снѣгомъ. Каждый, странствующій теперь по нашимъ улицамъ рискуетъ часто поплатиться за свои прогулки жизнію. Отъ водопроводовъ запруженъ весь городъ. Водопроводная компанія вотъ уже три года перерываетъ весь Петербургъ и все еще не можетъ почить отъ дѣлъ своихъ. На всякомъ шагу встрѣчаете вы цѣлые горы грязной земли; у тротуаровъ и воротъ вырыты огромныя ямы, гдѣ пѣшеходъ можетъ сломать себѣ шею. Недавно, такимъ образомъ, завалило землею нѣсколько рабочихъ у Милютиныхъ лавокъ, изъ которыхъ одинъ былъ вытащенъ мертвымъ... Скоро-ли же всему этому будетъ конецъ?

Въ Петербургѣ недавно былъ гость—дикарь изъ Ситхи, Калужа Андрей Текентинъ. Говорятъ, это явленіе замѣчательное. Дикарь этотъ, первый изъ своихъ соотечественниковъ явился въ чужомъ городѣ и народѣ. Онъ чрезвычайно любознателенъ и несмотря на то, что пробылъ въ Петербургѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, могъ настолько уже объясняться по—русски, чтобъ его понимали. Обычаи нашей жизни ему очень понравились.

Интересны слова Андрея Текентина о колонистахъ Ситхи:

«Тѣ, которые приходятъ къ намъ въ Ситху,—все негодяи и потому наши имѣютъ такое дурное понятіе о Русскихъ ».

Дикарь отправился ненадолго въ отечество, только для того, чтобы его земляки не подумали, что онъ убитъ Русскими и не стали бы мстить за него Русскимъ, находящимся въ Ново—Архангельскѣ...

— Какъ же бы они стали мстить? спрашивали его.

— А вотъ какъ!.. отвѣчалъ онъ, сдѣлавъ энергическій жестъ.

На пароходѣ ***Николай***, принадлежащемъ россійско-американской компаніи, на которомъ онъ прибылъ въ Петербургъ, онъ исправлялъ должность матроса. Одинъ разъ, за неисполненіе своей обязанности, онъ получилъ нѣсколько ударовъ палкою и нѣсколько линьковъ.

Дикарь отозвался объ этихъ побояхъ съ негодованіемъ, ***Мотивы*** г. Юркевича ему не понравились.

— Калужу нельзя бить, говорилъ онъ:—Калужа убиваетъ того, кто его бьетъ... Вотъ какъ разсуждаетъ ситхинскій дикарь!.. Раз-

скажу теперь объ одномъ нашемъ *столичномъ* дикарѣ и посмотримъ, который изъ нихъ лучше? На этихъ дняхъ въ одномъ изъ петербургскихъ собраній былъ поднятъ вопросъ о допущеніи дамъ въ ихъ вечерніе клубы и по этому случаю назначена балотировка. Но у петербургскихъ дамъ явился сильный антагонистъ, одинъ изъ старшинъ собранія. Старшина этотъ принялся за дѣло и началъ всѣхъ подговаривать, чтобъ положили черные шары. Хлопоталъ, шептался, уговаривалъ и добился-таки того, что нашлись такіе охотники, которые положили *пятьдесятъ* черныхъ шаровъ.

Но торжество старшины было не надолго... Болѣе 150 бѣлыхъ шаровъ убили его замыселъ и столичный дикарь пріунылъ...

Бѣдныя русскія женщины! не кому за васъ подать голосъ, заступиться за ваши права!

Съ приближеніемъ новаго года начинаютъ появляться объявленія о новыхъ журналахъ. Въ Москвѣ будетъ выходить еженедѣльная газета *День*, К. Аксакова.

Г. Колошинъ будетъ издавать газету «*Зритель*, которая станетъ служить, какъ гласитъ объявленіе—отраженіемъ жизни и органомъ нуждъ Москвы и Московской губерніи (?!)? Колошинъ объявилъ, что онъ будетъ ратовать противъ *современныхъ миражей* и *повѣтрій времени*... Весьма любопытно!..

Вотъ еще новые журналы:

Гамелицъ, газета на древне-еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (съ 1 октябр. 1861 г.)

Грамотей, народный журналъ (тоже съ октября) 5 книгъ въ годъ.

Сѣверное сіяніе, русскій художественный альбомъ, 12 выпусковъ въ годъ.

Гудокъ—Сатирическій листокъ, подъ редакціею Обличительнаго Поэта.

Ясная Поляна, 12 книгъ въ годъ. Изъ. Гр. Л. Толстаго.

Модный Магазинъ—журналъ для дамъ, 24 выпуска въ годъ; изъ. Софьи Мей.

Зоря—модный журналъ.

Кромѣ того есть еще слухъ о другихъ новыхъ изданіяхъ. Что жъ? Дай имъ Богъ всѣмъ успѣхъ въ будущемъ году... Не могу удержаться, чтобъ не привѣтствовать ихъ возрожденія своею пѣснею: привычка—вторая натура.

Шопотъ «Зрителя», «Сіянье,»
«Грамотѣя» тѣнь,
«Гамелица» колыханье,
«Надъ» «Поляной» «День».
«Нувелиста» плачъ и пѣни,
«Музыкальный Свѣтъ»,
Рядъ волшебныхъ объявленій,
И потокъ газетъ.
Предъ подпиской много прозы,
Близость января,
Смѣхъ «Гудка», «Амура» слезы,
И «Зоря», «Зоря»...

Прежде чѣмъ я отправлюсь съ читателемъ куда нибудь подальше отъ столицы, разскажу одинъ случай изъ петербургской жизни, случай, доказывающій, какъ крѣпко еще держится у насъ формализмъ и пристрастіе къ канцеляризму. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ, въ квартирѣ г. Б. воры ночью взломали топоромъ дверь, но украсть ничего не успѣли, разбудивъ жильцовъ. Хозяинъ квартиры тотчасъ же привелъ помощника надзирателя съ городовымъ, но они, взглянувъ на слѣды взлома, ушли назадъ. На другой день надзиратель пришелъ къ жильцу и высказавъ свое сожалѣніе за его безпокойство, въ утѣшеніе разсказалъ новый случай ловкаго дневнаго грабежа...

— Это, говоритъ, что!.. У насъ не такія еще дѣла бываютъ...

Затѣмъ онъ тоже ушелъ... Г. Б. подалъ лично объявленіе куда слѣдуетъ дальше, но объявленіе не приняли, потому что оно было написано не по формѣ и не на гербовой бумагѣ (?!). Такимъ образомъ, въ то время, когда нужно слѣдить за ворами по горячимъ слѣдамъ, формализмъ мѣшаетъ быстрому ходу дѣла и даетъ возможность избѣгнуть быстраго преслѣдованія.

Мнѣ случилось уже однажды разсказать о формальности того земскаго суда, который счелъ нужнымъ сдѣлать вопросъ: «существуетъ-ли Польское королевство?» Предлагаю теперь подобный же образчикъ изъ того-же города, именно донесеніе полиціи.

Требовалось доставить свѣдѣніе о всѣхъ проживающихъ въ городѣ великобританскихъ или англійскихъ подданныхъ, означая вмѣстѣ съ тѣмъ и полъ. Полиція доноситъ пресерьезно, что по самымъ тщательнымъ розыскаміямъ «великобританскихъ подданныхъ и полъ англійскихъ (?) уроженцевъ въ городѣ не оказалось.

Бессарабскія областныя вѣдомости сообщаютъ фактъ еще лучше. Квартальнымъ надзирателямъ одного города поручено освѣдомиться: не проживаютъ-ли въ городѣ англійскіе или великобританскіе подданные. Одинъ квартальный надзиратель, желая отличиться по исправности службы—началъ дѣлать самыя быстрыя справки и наконецъ донесъ по начальству, что въ его кварталѣ проживаетъ одинъ англійскій подданный NN, а «великобританскихъ» не имѣется.

Вотъ еще три случая, которые говорятъ сами за себя.

Составитель статистическихъ свѣдѣній просилъ одно присутственное мѣсто доставить ему вѣдомость «о движеніи народонаселенія»... Мѣсто растерялось отъ такого вопроса, и составило по этому случаю совѣтъ.

— Какое, говорятъ, у насъ движеніе народонаселенія? Все это новая фанаберія... Затѣмъ послѣдовалъ формальный отвѣтъ: «Движенія народоселенія въ нынѣшнемъ году не было, а было таковое въ военное время въ 1854 и 1855 годахъ»...

Одному засѣдателю донесено было волостью, какъ происшествіе— о бывшемъ ночью землетрясеніи. Засѣдатель, донося объ этомъ суду, прибавилъ: «что онъ отправляется въ ту же минуту по горячимъ слѣдамъ, узнать причину этого происшествія».

Завѣдующій полицейскою частью въ посадѣ *Новой Прагѣ* (Херсонской губерн.), въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ имъ въ губернской статистическій комитетъ, показываетъ, что въ посадѣ Новой Прагѣ римско-католическаго духовенства 10 д. муж. пола и 5 жен. пола...

Согласно своему обѣщанію, я отправлюсь теперь съ читателемъ въ путешествіе и первой нашей станціей пусть будетъ Ревель... Для того, чтобъ избѣгать медленности, мы бросимъ всякій маршрутъ и будемъ переноситься изъ стороны въ сторону, изъ одного города въ другой—на томъ пегасѣ, котораго звали прежде *сивкой-буркой*, а нынче называютъ гласностью...

Мы въ Ревелѣ... Если вы объ этомъ городѣ составили себѣ понятіе по «Ревельскому турниру» Марлинскаго, то вы рѣшительно ошибаетесь... Въ Ревелѣ нѣтъ теперь и тѣни средневѣковой воинственности, нѣтъ и слѣдовъ его рыцарей и блестящихъ турнировъ... Вы найдете тамъ однихъ мирныхъ бюргеровъ, пьющихъ пиво, однихъ невозмутимыхъ и флегматическихъ членовъ клуба шварценгейнтеровъ... Тишина кругомъ невозмутимая... Но въ ту минуту, когда

мы переносимся съ вами въ эти мѣста, въ Ревелѣ «все обстоитъ не совсѣмъ благополучно»... Въ городѣ точно случилось землетрясеніе.. улицы взрыты, около домовъ зіяютъ ужасныя ямы—и цѣлыя горы булыжника загораживаютъ входы въ дома... Несчастные бюргеры въ своихъ длинныхъ фракахъ не смѣютъ выйдти на улицу и тоскливо только выглядываютъ въ окна домовъ своихъ...

Напрасно мы распрашиваемъ остзейскихъ гражданъ о случившемся,—они нѣмы, какъ хранимые ими останки Дюка де-Кроа... Только съ помощью одного заѣзжаго больнаго и газетки S. Petersburger Zeitung (№ 203) мы узнаемъ наконецъ причину всего этого смятенія.. Вся бѣда произошла отъ тамошняго магистрата, основавшаго — *мостовую коммиссію.* Коммиссія эта должна по закону состоять изъ городскихъ старшинъ и домовладѣльцевъ всѣхъ сословій; губернаторъ— предсѣдатель этой коммиссіи. Улицы, которыя уже намощены, должны быть содержимы домовладѣльцемъ въ порядкѣ.

Но въ Ревелѣ коммиссія устроилась не на такихъ основаніяхъ: она состоитъ только изъ членовъ градоначальства, членовъ гильдіи и предсѣдательствуетъ въ ней *камериръ* (Kämmerir). Хотя въ городѣ почти вездѣ хорошая мостовая, но это не помѣшало новому учрежденію. Коммиссія передала перемощеніе города берлинскому каменьщику. Этотъ энергическій дѣятель тотчасъ же приступилъ къ своему ужасному разрушенію... Онъ взрылъ цѣлыя улицы и для успѣшнаго хода своихъ работъ—придумалъ новое средство—взрывать мостовую порохомъ. Городъ дрогнулъ, точно отъ блокады: въ домахъ были выбиты стекла и мирные прохожіе безъ войны получили по нѣскольку ранъ (напр. г. докторъ Крихъ, Herr Dr. Krich). Но ревельскій разрушитель не унывалъ: онъ возвышалъ улицы и тротуары, какъ ему хотѣлось, загородилъ входы во дворъ и дома, напустилъ воду въ погреба и бралъ своевольно булыжникъ и тротуарные камни, (за которые домовладѣльцы платили большія деньги) и продавалъ ихъ другимъ.

«Изъ всего этого видно, заключаетъ Zeitung, что все это есть нечто иное, какъ спекуляція и незаконный поборъ съ жителей Ревеля, поборъ, сдѣланный только въ видахъ одного обогащенія одного городскаго камерира. Коммиссія облекаетъ этотъ поступокъ въ законную форму и орудіемъ котораго служитъ берлинскій каменьщикъ, вызвавшій своимъ своевольствомъ общественное негодованіе!!.. Но негодованіе это выразилось скромно и молча, какъ и

слѣдуетъ благороднымъ бюргерамъ...Посѣтивъ эти драгоцѣнныя по историческимъ воспоминаніямъ мѣста, я выѣхалъ оттуда, посылая прощальный привѣтъ почтеннымъ и терпѣливымъ гражданамъ, и въ то же время напѣвая переложенную мною пѣсенку бюргеровъ:

Не заѣзжай
Въ нашъ мирный край
Парижскій франтъ,
Но лишь хвали
Его вдали —
Kennst du das Land?

—

Гдѣ прежде въ срокъ
Призывный рогъ
Звалъ на турниръ,
Тамъ съ давнихъ поръ
Открылъ *поборъ*
Самъ *камериръ*.

—

Иной кварталъ
Онъ весь срывалъ,
Какъ диллетантъ,
Но городъ спалъ,
Иль распѣвалъ —
Kennst du das Land?

Мнѣ бы слѣдовало теперь опять распустить свои паруса и отправиться куда нибудь далѣе, но.... да простятъ мнѣ читатели капризъ мой. Бываютъ такія минуты душевнаго спокойствія, когда рѣшительно невозможно никакое обличеніе, когда хочется помечтать, пофантазировать.... И вотъ именно теперь мнѣ захотѣлось дать волю своему воображенію и разсказать вамъ не обличительный случай, а повѣсть, которая давно меня безпокоитъ. Самой повѣсти я можетъ быть, по лѣности, никогда не напишу, а эскизъ ея, легкій очеркъ пришла смертная охота набросать вамъ... Не все же въ самомъ дѣлѣ обличать да обличать... нужно и творчество свое попробовать...

Ни плана, ни завязки и развязки отъ моего очерка не ждите, но слушайте меня, какъ слушаете порою сонъ или воспоминаніе, когда-

то знакомое, но давно забытое... Моихъ героевъ никогда не было, но они могли быть и можетъ быть когда нибудь и будутъ...

Передо мною тихій, губернскій городокъ... такъ *городкомъ*, пожалуй, и будемъ звать его. Славныя, привольныя мѣста, гдѣ русская лѣнь еще найдетъ себѣ не одинъ теплый и покойный уголокъ, гдѣ новый, безпокойный прогрессъ ничѣмъ не преодолѣетъ общую спячку. Скука стоитъ въ *городкѣ* такая величественная, что напомнила мнѣ древній Ахенъ, посѣщенный Гейне. Когда я шелъ по деревяннымъ мосткамъ улицъ, то

Собаченки бѣжали за мною толпой
И покорнѣйше такъ умоляли:
Чужеземецъ! толкни насъ хоть въ рыло ногой,
Можетъ быть мы-бы меньше скучали.

Благодатный край! И какъ патріархально еще живутъ тамъ люди! Завидно дѣлается, глядя на нихъ.

Ни безпокойства, ни волненья....

Приходитъ, напримѣръ, начальникъ, *Евгеній-Борода*, на службу и умиляется духомъ, видя, что его подчиненные, придерживаясь старины, кланяются ему въ ноги. А кто по забывчивости не положитъ земнаго поклона, того Борода беретъ за вихоръ, или за другое какое больное мѣсто—и наставляетъ. Затѣмъ опять все идетъ тихо...

Есть въ *Городкѣ* два клуба—одинъ русскій, другой нѣмецкій, гдѣ я будто вижу милыя и спокойныя личности моихъ воображаемыхъ гражданъ. Словно передо мной стоитъ одинъ изъ старшинъ нѣмецкаго клуба *Трегубый* и все смѣется... Много онъ взятокъ перебралъ на своемъ вѣку, но за добродушіе всѣ любили его...

— Смѣшитъ всё, Геннадій Ѳомичъ, говорили всѣ кругомъ, слушая громкій смѣхъ *Трегубаго*.

Но Трегубаго вдругъ перевели въ другой городъ, и для него поспѣшили сдѣлать прощальный обѣдъ и поднести на дорогу подарки по подпискѣ. Подписка закипѣла, и вотъ послѣ обѣда, послѣ привычныхъ тостовъ подарки были поднесены, и умиленный старшина разчувствовался: онъ рѣшился сказать спичь.

Всѣ смолкли и ждали спича.

Поднявшись съ мѣста, старшина положилъ руку на грудь, и сказалъ:

— Господа! Мое сердце... есть... было... и будетъ..... вѣроят-

но отъ волненія спичь на этомъ и прервался. Единодушное рукоплесканіе было отвѣтомъ говорившему.

Черезъ нѣсколько времени Трегубый уѣхалъ въ Присурскъ.

Въ томъ же нѣмецкомъ клубѣ каждый годъ бываютъ выборы въ старшины и въ члены. По этому случаю дѣлается обѣдъ, а послѣ обѣда начинаютъ выбирать старшинъ. Поэтому понятно, что баллотировка бываетъ шумная и не всегда толковая; но дѣло всегда оканчиватся благополучно.

Случилось одному изъ членовъ замѣтить на такомъ собраніи, что всѣ посѣтители держатъ себя не совсѣмъ спокойно и подъ вліяніемъ хорошихъ винъ, каждый говоритъ, не слушая другаго.

Но такое замѣчаніе не осталось безъ отвѣта; нашелся одинъ гражданинъ, слывущій за оратора, который тотчасъ далъ отпоръ:

— У насъ каждый воленъ говорить, что ему угодно; въ нашемъ клубѣ мы всѣ Сѣверо-Американцы!..

Но этотъ городской ораторъ не вездѣ и не всегда такъ вольнодумствуетъ, но готовъ всѣми силами своего коммиссаріатскаго красноречія отстаивать порой милую, неизмѣнную рутину.

Давали разъ въ пользу воскресныхъ школъ спектакль, гдѣ было играно «Доходное мѣсто» Островскаго. Ораторъ нашъ сидѣлъ въ ложѣ и, недовольный піесой, только по солидности не свисталъ.

— Что это такое? говорилъ онъ въ антрактѣ. Развѣ можно на благородные спектакли ставить такія безнравственныя комедіи! Если бъ была моя воля, я бы самого автора этой піесы туда бы запряталъ, куда Макаръ и телятъ не загонялъ.. Да!..

Младшій учитель словесности, вообще трудно владѣющій своими мозгами, шепотомъ высказывалъ свое сочувствіе городскому цицерону.

Но вотъ еще новая личность, которую ярко нарисовало мое воображеніе, какъ будто я ее зналъ давно. Передо мной стоитъ суровый начальникъ частнаго учебнаго заведенія *Вишнёвка*, который вездѣ какъ тѣнь слѣдитъ за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ. Онъ слѣдитъ за ними даже ночью. Разъ, взойдя въ ихъ спальню, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ храпятъ во снѣ, и иные даже бредятъ.

Вишнёвка съ негодованіемъ будитъ надзирателя.

— Что это у васъ дѣлается? Такъ-то вы слѣдите за нравственностью учениковъ?..

Сонный надзиратель оторопѣлъ, и не знаетъ о чемъ идетъ рѣчь.

— Я вамъ говорю первый и послѣдній разъ, продолжаетъ *Вишнёвка*, если я еще застану, что воспитанники хранятъ ночью, то... то попрошу васъ выдти въ оставку.

Въ другой разъ неутомимый педагогъ зашелъ въ классъ французскаго языка и замѣтилъ, что одинъ изъ учениковъ отвѣчалъ учителю не вставая съ мѣста.

Вишнёвка не выдержалъ. — Какъ позволяете вы этому мальчишкѣ отвѣчать сидя? Какъ можете оставлять такіе поступки безъ наказанія?

Французъ (тотчасъ видно иностранца!) отвѣчалъ, что вина эта такъ ничтожна, что онъ не счелъ нужнымъ за нее взыскивать.

— Нѣтъ-съ, вина эта такъ важна, что я даже перенесу ее на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта.... вотъ что—съ....

Но вотъ *Вишнёвку* заслоняютъ другія лица.... Вотъ проходитъ передо—мной владѣтель рощи съ сѣдою французской бородкой *Кинь-Дякъ*, который на ухо увѣряетъ меня, что онъ такъ похожъ на Луи—Наполеона, что, проѣзжая черезъ Парижъ, смутилъ этимъ сходствомъ весь городъ ... Вотъ при звукѣ бальной музыки летитъ по паркету губернскій полькеръ, завитой, раскрашенный и затянутый.... Хотя мѣстные зоилы подтрунивали надъ нимъ въ глаза, и смѣясь говорили:

О, праведные боги!
На мѣсто головы вы умудрились ноги!

Зато все женское населеніе *городка* — носитъ его на рукахъ, особенно старушки. Съѣздивъ на мѣсяцъ куда—то за границу, чтобъ изучить какія-то мудреныя и новыя *па*, губернскій львенокъ, возвратившись на родину, вдругъ позабылъ русскій языкъ.

Встрѣчаясь съ своими знакомыми, онъ начиналъ напр. говорить о чемъ нибудь и вдругъ останавливался, пріискивая русское слово.

— Ахъ, забылъ, твердилъ онъ: какъ это *у васъ* по-русски зовется.... да-бишь — *тарантасъ*, кажется...

А дамы—что за дамы въ этомъ благословенномъ уголкѣ!.. Вотъ, смотрите, идетъ по саду наша эманципированная барыня, съ книгой въ рукахъ, сзади козачекъ съ мантильей. Г-жа Онта—*ученая* дама, и только въ одни ученые или вѣрнѣе *учебные* разговоры и вступаетъ.

Она гуляетъ по саду съ книгой,—бьюсь объ закладъ—не узнаете съ какой.... Что-же она читаетъ?

— Романъ Жоржъ-Занда?

— Нѣтъ!

— «Подводный Камень»?

— Опять нѣтъ. Она читаетъ.... географію Арсеньева....

— Что-же находитъ интереснаго въ географіи эта *учебная* дама? Географія—такая сухая матерія!...

— Напрасно вы такъ думаете, Моя героиня умѣетъ помирить пріятное съ полезнымъ, и разнообразитъ по-своему изученіе географіи. Читаетъ она напр.: рѣка Гвадалквивиръ, и тотчасъ же начинаетъ для памяти напѣвать:

Ночной зефиръ,
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ...

Найдетъ она на картѣ Азіи—«Амуръ» и тотчасъ вспомнитъ восковаго купидончика, который стоитъ у ней на этажеркѣ, и, вздохнувъ, скажетъ про себя:

L'amour embellit tout,

и—даже географію....

Вотъ и другая моя героиня «дама великолѣпная во всѣхъ отношеніяхъ» и большая любительница заѣзжихъ молоденькихъ правовѣдовъ. Будто вижу, какъ гордо и плавно ты идешь

И на лентѣ ведешь собаченку....

Вонъ тамъ, вдали отъ шумной толпы, ты усыпаешь богатый памятникъ цвѣтами, и льешь надъ нимъ свои слезы, какъ Донна-Анна надъ гробницею стараго командора. А дома межъ тѣмъ хвораетъ твой больной старикъ мужъ....

А вотъ раздается серебряный голосъ нашей Кн. Плѣниры, каждый годъ поющей «Коня» изъ оперы «Жизнь за царя» и вынѣвшей наконецъ поясъ Гименея...

Цѣлая вереница полу-знакомыхъ, но милыхъ лицъ встаетъ передо мной, кружится и о чемъ-то проситъ. А надъ богоспасаемымъ *город-*

комъ носится призракъ обломовщины и сквозь сонные глаза улыбается кроткая и самодовольная лѣнь... Такъ бы и полетѣлъ къ вамъ, добродушные люди, отдохнуть, «забыться и уснуть»...

Но не всегда эта благодатная тишь и благодать паритъ надъ городкомъ... Вдругъ, откуда не возьмется хитрый обличитель и возмутитъ мирный сонъ гражданъ какой нибудь невинной статейкой.

Въ моемъ фантастическомъ *городкѣ* живетъ одинъ безпокойный юноша и зовутъ его въ городкѣ *сочинителемъ*, за двѣ, за три статейки, напечатанныя въ журналахъ. Сочинитель этотъ, какъ бѣльмо у всѣхъ въ глазу:

Книжки читаетъ, по улицамъ рыщетъ,
Пищи себѣ для сатиры онъ ищетъ,

—

Видитъ повсюду корысть, да порокъ...
Словомъ встревожилъ онъ весь *городокъ*...

Вздумалось ему написать въ губернскихъ вѣдомостяхъ статейку по поводу крестьянскаго вопроса. Статья, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, была напечатана. Вдругъ...

Вдругъ оживился кругъ дворянскій —
И *городка* нельзя узнать...

Статья сочинителя вызвала общее почему-то негодованіе.

— Распни, распни его!—кричали самые озлобленные.

— Подъ судъ—какъ пить дадутъ!—толковали иные.

Когда смятеніе немного утихло всѣ рѣшили, что нужно принять какія нибудь мѣры противъ такого зловреднаго человѣка. Составилось засѣданіе, на которомъ порѣшили: написать адресъ по начальству объ исключеніи сочинителя изъ службы.

Адресъ—такъ адресъ написать.... Но тутъ вышло маленькое препятствіе: кому сочинить адресъ? Никто не берется. Суматоха вышла ужасная. Одинъ какой-то шутникъ предложилъ, чтобъ за составленіемъ адреса обратились къ самому обвиняемому сочинителю....

Наконецъ, какимъ-то образомъ, общими силами адресъ былъ написанъ, но подписываться на немъ *первымъ* никто не хотѣлъ....

— Я вторымъ подпишусь, говорилъ одинъ, отстраняя отъ себя бумагу.

— Я тоже вторымъ и т. д.

Спорили, шумѣли, но адресъ все-таки не состоялся. Тогда нашлись два господина, которые вызвались быть депутатами отъ общества и обратились къ городской власти съ просьбой — объ исключеніи изъ службы вреднаго сочинителя.

Къ ужасной ихъ досадѣ начальство не признало справедливости этой просьбы и сочинитель попрежнему служитъ въ *городкѣ*.

Есть въ моемъ *городкѣ* одно частное закрытое учебное заведеніе. Такихъ заведеній нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ и только одно мое воображеніе могло создать его. Гдѣ могъ бы я въ нашъ прогрессивный вѣкъ найдти остатки этой древней педагогіи во всей ея патріархальной чистотѣ и цѣломудріи? Кругомъ гробовая тишина и спокойствіе: никто не смѣетъ громко засмѣяться или зашумѣть. Вотъ стоитъ угрюмый педагогъ неподвижно какъ соляной столпъ, но вдругъ бросается на одного юношу и начинаетъ его бить съ художественною жестокостью. Вся бѣда случилась изъ того, что юноша, проходя взадъ и впередъ мимо свирѣпаго наставника, на разстояніи цѣлыхъ пяти минутъ, не снялъ въ другой разъ передъ нимъ фуражки. Но педагогъ не всегда *самъ* прибѣгаетъ къ наказанію, но придумалъ для этого особую методу расправы.

— Ты виноватъ, такъ долженъ быть наказанъ, говорилъ онъ ученику, а вы не виноваты, продолжалъ онъ, обращаясь къ его товарищамъ, но можете быть виноваты, и потому сами его должны наказать. Ну, маршъ на расправу....

И несчастные дѣти должны бить своего товарища,—и горе тому изъ нихъ, кто вздумаетъ смягчить это наказаніе.

Педагогъ своихъ воспитанниковъ не называетъ никогда по именамъ, но каждому изъ нихъ далъ по кличкѣ.

— Эй, ты, оселъ! крикнетъ онъ обращаясь къ толпѣ мальчиковъ,—выходитъ одинъ.

— Лошадь!—выходитъ другой.

Такимъ образомъ у каждаго есть такое граціозное прозваніе.

Но, намъ пора изъ нашаго *городка*, давно пора.... Когда нибудь изъ неясныхъ очерковъ и силуэтовъ я составлю цѣлую повѣсть, а теперь изъ міра вымысла перенесемся въ область дѣйствительности.

Дѣйствительность бываетъ часто гораздо затѣйливѣе самаго кудреватаго вымысла и поражаетъ своею неожиданностью. Пріѣхалъ въ одну губернію лѣсной ревизоръ, желавшій добросовѣстно исполнить

возложенное на него поручение. Въ городѣ, положимъ N, онъ узналъ, что въ одной лѣсной дачѣ срублено незаконнымъ образомъ и приготовлено къ вывозу 100 деревьевъ. Ревизоръ расиросилъ о дорогѣ къ мѣсту вырубки и отправился вмѣстѣ съ лѣсничимъ осматривать дачу. Лѣсничій показывалъ ему только тѣ мѣста, которыя находились въ порядкѣ. Подъѣзжаютъ они наконецъ къ небольшой дорожкѣ, ведущей къ вырубленному мѣсту; лѣсничій хотѣлъ ѣхать прямо, но ревизоръ попросилъ его своротить съ дорожки.

Долго лѣсничій не хотѣлъ ему сопутствовать, но ревизоръ настоялъ и они отправились къ роковому мѣсту. Пріѣзжаютъ. На небольшой полянѣ дѣйствительно лежатъ 100 срубленыхъ деревьевъ.

Ревизоръ, возмущенный такимъ поспупкомъ, обращается къ лѣсничему.

—Что это такое, милостивый государь! Вы говорили мнѣ, что у васъ никакихъ порубокъ нѣтъ....

Ихъ и дѣйствительно нѣтъ.

—Какъ нѣтъ? Вы мнѣ еще въ глаза смѣетесь... А это что такое по вашему? и онъ указалъ ему на деревья.

—Это? Это..... *сѣно*, отвѣчалъ находчивый лѣсничій.

—Вы съ ума сошли! кричитъ удивленный и взбѣшенный ревизоръ, и обращается къ одному изъ стоявшихъ тамъ полѣсовщиковъ:

—Это что такое?

—Сѣно, ваше выс–діе! отвѣчаетъ тотъ.

Отъ такой наглости ревизоръ совершенно растерялся. Онъ началъ спрашивать всѣхъ присутствующихъ (а тамъ были одни полѣсовщики и сторожа, подвластные лѣсничему) и всѣ отвѣчали ему, что на полянѣ передъ ними лежитъ сложенное сѣно. День клонился уже къ вечеру. Пока ревизоръ пріѣхалъ въ N, пока сбиралъ понятыхъ и дѣлалъ нужныя распоряженія,—наступила ночь. Когда же на другое утро съ разсвѣтомъ, ревизоръ въ сопровожденіи свидѣтелей и многихъ любопытныхъ пріѣхалъ на поляну, то нашелъ на ней только сложенный полускирдъ сѣна, а вырубленныхъ деревьевъ не осталось и слѣда.

Вотъ какія комедіи разыгрываются иногда въ нашихъ лѣсахъ!.. Помните-ли вы извѣстную пѣсенку, которая казалась прежде только однимъ фарсомъ и шалостью:

Воротился ночью мельникъ.—
— Жёнка! что за сапоги?
— Ахъ ты пьяница, бездѣльникъ,
Гдѣ ты видишь сапоги?...
Иль мутитъ тебя лукавый?—
Это вёдра... Вёдра? Право?—
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу —
Ни во снѣ, ни наяву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ!..

Сѣно нашего остроумнаго лѣсничаго еще хитрѣе этихъ ведеръ, и стоитъ съ своей стороны тоже пѣсни.

ПѢСНЯ ЛѢСНИЧАГО.

Съ дѣтства я полонъ стыда былъ дѣвичьяго...
Тутъ же и стыдъ и позоръ:
Вдругъ обвинять въ лѣсокрадствѣ лѣсничаго
Началъ при всѣхъ ревизоръ.

—

Сталъ онъ улики взводить небывалыя...
Думаю: какъ не кричи, —
Сами мы тоже ребята не малые,
Ну-ка, поди, уличи!

—

Тащимся въ лѣсъ съ нимъ, но вмѣстѣ мы въѣхали
Въ темную чащу едва,
Такъ на порубленный лѣсъ и наѣхали...
Видитъ: напалъ на дрова!

—

— Вотъ вамъ улика! Что, снова заспорите?
Принялъ безпечный я видъ:
— Сѣно напрасно звать лѣсомъ изволите:
Это здѣсь *сѣно* лежитъ.

—

Дровъ и слѣда нѣтъ! Вы сѣно замѣтили...
Мечетъ и рвєтъ ревизоръ,
А понятыхъ позабылъ взять въ свидѣтели!
Вышелъ не больно хитеръ!

—

Утромъ привезъ онъ съ собой городничаго,
Съѣхался судъ, голова,
Но лишь нашли только сѣно лѣсничаго:
Тамъ, гдѣ стояли дрова.

—

Всѣ были съ носомъ!.. А лѣсъ-то въ іюнѣ я
Продалъ безъ всякихъ тревогъ.
Что жъ? за одно хоть свое остроуміе
Я поощрить себя могъ.

Намъ еще не удавалось ни разу заглядывать въ г. Херсонъ... На этотъ разъ приходится добраться и до него и поговорить объ одномъ мѣстномъ происшествіи, взволновавшемъ чуть-ли не всю губернію. По обязанности неусыпнаго стража нашей алгебраической гласности спѣшу передать слѣдующую исторію. Въ концертѣ, который былъ данъ недавно въ г. Херсонѣ г. Ѳери Клетцеромъ, былъ между- прочими посѣтителями нѣкто г. К. Господинъ этотъ не пользовался въ городѣ хорошей репутаціей и держалъ себя постоянно неприлично въ обществѣ, особенно въ обществѣ женскомъ. До поры до времени дерзости сходили ему съ рукъ, и потому:

Вдругъ о себѣ подумалъ онъ высоко,

и рѣшилъ что все можетъ дѣлать безнаказанно. Въ продолженіе всего концерта онъ такъ громко смѣялся и разговаривалъ, что помѣшалъ и слушателямъ и самому концертанту. Такое обидное пренебреженіе къ обществу вывело нѣкоторыхъ изъ терпѣнія и они рѣшились двукратнымъ шиканьемъ выразить свое неудовольствіе. Но на г. К. это мало подѣйствовало: онъ продолжалъ шумѣть, но между прочимъ замѣтилъ, что между шикавшими былъ г. Ж. Съ этой минуты онъ мысленно объявилъ ему вендету и рѣшился мстить. Случай для мести представился скоро. Въ городскомъ собраніи назначенъ былъ балъ; дежурнымъ директоромъ (почему-то не въ очередь) случилось быть г. К. Между тѣмъ въ городѣ разнеслись слухи объ этой исторіи, о предполагаемой мести г. К. и многіе совѣтывали г-ну Ж., во избѣжаніе скандала совсѣмъ не ѣздить на балъ, но г. Ж., не вѣря слухамъ, отправился въ собраніе. Когда онъ вошелъ, г. К. обратился къ нему:

—Вы не имѣете права входить въ собраніе. Я не могу васъ допустить въ него!

—Позвольте узнать,—на какомъ основаніи?

—Не мое дѣло отвѣчать вамъ на это, потому что такъ распорядилась дирекція, а я только простой исполнитель ея постановленія.

Г. Ж. принужденъ былъ ѣхать назадъ, но объявилъ, что не оставитъ этого дѣла такъ, а потребуетъ отъ г. К. или отъ дирекціи отчета въ ихъ дѣйствіяхъ...

На другой день вечеромъ г. Ж. отправился въ концертъ г. Коммисаржевскаго, гдѣ встрѣтивъ двухъ директоровъ собранія *Никол. Петр. и Викт. Иван.* спросилъ ихъ объ опредѣленіи клуба. Оба директора отвѣчали что о немъ и небыло рѣчи. Тогда г. Ж. тотчасъ же обратился къ бывшему тамъ же г-ну К., требуя у него объясненія за его произвольный и дерзкій поступокъ Г. К изъявилъ полную готовность съ нимъ объясниться, но убѣдительно просилъ отложить это объясненіе до конца концерта. Но когда концертъ кончился, г. К. сопровождая даму, вышелъ изъ залы, сѣлъ въ экипажъ и—слѣдъ его простылъ.... На другой день онъ уѣхалъ тихонько въ деревню...

Когда въ Одесскомъ Вѣстникѣ всѣ эти похожденія были обличены, г. К. не зналъ, что ему дѣлать... Отвѣчать печатно—онъ не рѣшился (опасно)... И вотъ по совѣту знатоковъ дѣла г. К. подалъ жалобу въ уголовный судъ... Въ жалобѣ своей онъ сознается, что упоминаемый въ корреспонденціи г. К. есть никто иной, какъ онъ Ал. Ив. сынъ К—нъ, такъ какъ *онъ* не пустилъ г. Ж. въ благородное собраніе (такъ о чемъ же жалоба-то?), то онъ не можетъ не принять статьи на свой счетъ; а такъ какъ, продолжаетъ, (онъ названъ въ статьѣ *балагуромъ*) составленіе подобныхъ оскорбительныхъ сочиненій (?!) есть проступокъ, подвергающій виновнаго тюремному заключенію (вотъ оно что!), то, прилагая при семъ исковыхъ пошлинъ 1 р. 80 к., проситъ узнать имя автора литературнаго произведенія (!?) и произвести по этому предмету безотлагательное слѣдствіе, которое по окончаніи представить въ надлежащее судебное мѣсто.»

Сознавая свою вину и признавая справедливость обвиненія, г. К. въ то же время подаетъ жалобу въ уголовный судъ и требуетъ, чтобы его обвинителя посадили въ тюрьму!.. забавнѣе этого быть ничего не можетъ. Неужели онъ воображаетъ, что посадить въ тюрьму такъ

легко, что стоитъ только выслать порціонныя деньги? Нѣтъ, прежде чѣмъ кончится судъ, совершаемый законнымъ порядкомъ, общественный судъ уже свершилъ свой приговоръ надъ г. К—номъ. А г. К—нъ будто считаетъ себя правымъ и передъ г. Ж. и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, за бѣду онъ сдѣлалъ? Шумѣлъ въ обществѣ? Вина не большая. Изгналъ, не имѣя на то права, одного почтеннаго человѣка съ бала дворянскаго собранія, и потомъ, испугавшись объясненія, уѣхалъ тихонько въ деревню? Велика важность! А тутъ его вдругъ печатно *балагуромъ* назвали— какъ же за это не притянуть къ суду? Дѣйствительно, г. К—на нельзя винить...

Пусть онъ точно въ концертѣ мѣшалъ
Слушать музыку вамъ, господа!
Но зачѣмъ же былъ поднятъ скандалъ
И всѣ начали шикать тогда?

—

Пусть онъ гостя на балъ не пустилъ,
Чтобы выместить злобу свою,
Но за что жъ на него помѣстилъ
Кто-то злую въ Одессѣ статью?..

—

Пусть уѣхалъ онъ ночью въ село,
Былъ неловокъ, труслив черезчуръ,
Но зачѣмъ же въ статьѣ очень зло
Названъ прямо онъ былъ *балагуръ*?

—

Нѣтъ, пристрастенъ вашъ городъ Херсонъ!
А писатель вашъ... кажется мнѣ,
Не мѣшало бы, еслибы онъ
Посидѣлъ хоть недѣлю въ тюрьмѣ.

Будемъ дожидаться теперь конца Херсонской исторіи и блистательнаго оправданія г. К—на. Вѣдь невинность всегда восторжествуетъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ самыхъ важныхъ должностей въ наше время есть должность судебнаго слѣдователя, и поэтому наше правительство опредѣлило, между прочимъ, чтобы мѣста судебныхъ

слѣдователей занимались преимущественно людьми, окончившими курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но несмотря на это распоряженіе, между судебными слѣдователями попадаются такіе господа, которые всѣ свои знанія кажется вынесли только изъ одного уѣзднаго училища. Такимъ представляется намъ г. М., судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ которымъ мы познакомились по письму корреспондента г. Алексѣева. Исторія весьма любопытная: «По весьма незначительному дѣлу, пишетъ онъ, иностранецъ В. получилъ 20-го іюля повѣстку судебнаго слѣдователя М—явиться къ нему въ квартиру для допроса *19-го числа того же мѣсяца.* Для объясненія физической невозможности явиться въ назначенный день и часъ по подобному извѣщенію и опасаясь отвѣтственности, на основаніи наказа слѣдователямъ ст. 26-й, по приглашенію В,. неговорящаго по-русски, я поѣхалъ съ нимъ къ судебному слѣдователю. Намъ указали его квартиру; въ передней велѣли дожидаться; чрезъ нѣкоторое время насъ ввели въ комнату, въ которой сидѣли писецъ слѣдователя и священникъ. Послѣдній пригласилъ насъ сѣсть. До выхода г. слѣдователя мы успѣли осмотрѣться. Комнатка, въ одно окно, была меблирована кроватью, пятью стульями и столомъ съ бумагами; на полу лежало нѣсколько книгъ дѣлъ.... Послѣ нѣкотораго ожиданія вошелъ молодой человѣкъ, поклонился священнику и предложилъ ему чаю. Насъ онъ будто не замѣтилъ, какъ будто и не было насъ въ комнаткѣ. Поговоривъ съ священникомъ, М. наконецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какой вы націи?

— Русской, отвѣчалъ я.

— Изъ какой вы страны?

— Изъ Россіи.

Поглядѣвъ на меня, онъ спросилъ: — Зачѣмъ же вы здѣсь?

— Меня просилъ г. В. объяснить вамъ причину, почему онъ не могъ быть у васъ въ назначенное время?

— Это ничего. А онъ какой націи?

— Бельгіецъ.

— Надо требовать переводчика изъ губернскаго правленія. Впрочемъ: еще вопросъ, знаетъ ли переводчикъ по-бельгійски?

Немного подумавъ, М. спросилъ меня:

— Не можете-ли вы сказать, какимъ языкомъ говорятъ Бельгійцы?

При этомъ вопросѣ я едва удержался отъ смѣха и отвѣчалъ, что *не знаю*.

— Какъ-же быть? Все-таки надо требовать переводчика, рѣшилъ г. слѣдователь и отпустилъ насъ.

Желая присутствовать при назидательномъ допросѣ г. В., и слышать, какъ офиціальный переводчикъ будетъ передавать вопросы и отвѣты, я просилъ дозволенія быть допущеннымъ на другой день присутствовать при допросѣ. Г. судебный слѣдователь съ достоинствомъ изволилъ дать на то свое согласіе, назначивъ намъ явиться къ нему на другой день въ девять часовъ.

Высказанное слѣдователемъ невѣжество заставило меня пожалѣть, что выборъ въ судебные слѣдователи падаетъ иногда на подобныхъ людей безъ образованія и воспитанія. Въ глазахъ нашихъ чиновныхъ властей иностранецъ есть просто цеховой людъ: сапожникъ, портной или нѣчто подобное. Слѣдователь считаетъ себя вправѣ писать ему *ты* (какъ это и сдѣлалъ г. М. въ повѣсткѣ В., хотя нетолько *дружбы*, но даже знакомства между этими лицами не существовало). На другой день, ровно въ девять часовъ мы поднялись по знакомой лѣстницѣ и постучались въ дверь квартиры слѣдователя. Отвѣта не было. Г. В. написалъ на своей карточкѣ часъ своей явки и оставилъ ее дѣвушкѣ, для передачи М.

Теперь разскажемъ другой случай, гдѣ личность судебнаго слѣдователя выставляется съ иной стороны:—съ гуманной. Вотъ какую исторію мы узнали:

Въ одномъ изъ степныхъ хуторовъ молодой дворянинъ К. застрѣлился у себя въ комнатѣ, оставивъ своему знакомому Д., владѣльцу хутора, записку, въ которой просилъ его не удивляться его поступку и извинить его, если онъ самоубійствомъ надѣлаетъ ему много хлопотъ. Несчастный К. страдалъ ипохондріей. На выстрѣлъ сбѣжались люди. К., выстрѣлившій себѣ въ сердце, умеръ въ ихъ присутствіи.

Пріѣхалъ слѣдователь; съ нимъ, въ качествѣ членовъ слѣдственной коммиссіи, засѣдатель уѣзднаго суда и становой приставъ. Начались допросы. Показанія четырехъ человѣкъ свидѣтелей и собственноручная записка самоубійцы не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ причинѣ смерти К. Послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, коммиссія составила актъ о томъ, что смерть К. произошла въ слѣдствіе самоубійства. Казалось, что тутъ бы и дѣлу конецъ;—но уз-

навъ, что покойный бывалъ у сосѣдняго помѣщика N, слѣдователь со всей слѣдовательной коммиссіей отправился туда. N, къ несчастію, не было дома. Г-жа N, недавно оправившаяся послѣ родовъ, была нѣсколько встревожена пріѣздомъ нежданныхъ гостей. Зато гости, ничѣмъ невстревоженные, расположились въ залѣ, какъ у себя дома, отодвинули столъ и засѣли вокругъ него вооружась перьями, послѣ чего слѣдователь провозгласилъ: «всѣ сюда!» Слѣдователь предложилъ пріѣхавшему съ нимъ священнику привесть г—жу N къ присягѣ; на просьбу отложить исполненіе этого обряда до пріѣзда мужа— слѣдователь замѣтилъ, что надобно исполнять въ точности законъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности. Хотя и *съ нежеланіемъ*, сказано въ актѣ коммиссіи, г-жа N приняла присягу, но неожиданный наѣздъ слѣдственной коммиссіи, извѣстіе о самоубійствѣ К., вмѣстѣ съ присяжнымъ обрядомъ, такъ подѣйствовали на неоправившееся еще послѣ болѣзни здоровье г-жи N, что съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Священникъ поспѣшилъ подать помощь больной, между тѣмъ какъ слѣдователь настаивалъ на томъ, чтобы г-жа N немедленно подписала присяжный листъ. Напрасно N просила дать ей немного успокоиться, обѣщая подписать его въ своей комнатѣ, — слѣдователь отвѣчалъ, что это противузаконно, и требовалъ немедленной подписи, грозя отвѣтственностью за ослушаніе. Человѣколюбивѣе другихъ оказался священникъ: онъ одинъ упрашивалъ слѣдователя дать предварительно успокоиться г-жѣ N. Наконецъ присяжный листъ подписанъ, но не въ той комнатѣ, гдѣ были члены коммиссіи, а въ сосѣдней, въ присутствіи священника. Это показалось слѣдователю преступленіемъ; онъ принялся кричать, опять стращать г-жу N и требовалъ вторичной подписки въ присутствіи коммиссіи.

Сдѣлавъ пространное объясненіе того, какъ г-жа N подписала и присяжный листъ и отвѣтные пункты у себя въ комнатѣ, коммиссія составила слѣдующее заключеніе:

«Коммиссія проситъ распоряженія объ удостовѣреніи въ подписи г-жею N присяжнаго листа и отвѣтныхъ пунктовъ, такъ какъ члены коммиссіи не бывъ лично при подписаніи и не знавъ почерка руки г-жи N, не могутъ ручаться въ дѣйствительности подписи ея рукою тѣхъ бумагъ»...

Замѣчательно при этомъ, что другія лица, спрошенныя по дѣлу о самоубійствѣ К., прислали отвѣтъ съ мѣста жительства, слѣдовательно подписали ихъ не въ присутствіи коммиссіи; а что коммиссія

не знала ихъ почерка,—это доказывается тѣмъ, что она называя ихъ по чинамъ, спрашивала: «грамотны-ли они?» Погрозивъ г-жѣ N отвѣтственностью за нарушеніе закона, коммиссія расположилась въ помѣщичьемъ домѣ. Только на другой день она уѣхала, оставивъ г-жу N больной»...

Но бываютъ факты и покрупнѣе того, который мы привели сейчасъ. Нашъ пишущій бумажный міръ, своимъ сухимъ и безстрастнымъ бюрократизмомъ для одной только формы, губитъ не рѣдко жизнь человѣка.

Вотъ какой случай былъ недавно напечатанъ. *Кіевскій Телеграфъ* сообщаетъ, что въ 1860 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, въ 11 верстахъ отъ города, вблизи дороги, въ лѣсу, найденъ былъ убитымъ солдатъ, вѣдомства путей сообщенія Николаевской желѣзной дороги, Ефимъ Алялинъ, который за три дня передъ тѣмъ, по этой самой дорогѣ, проходилъ съ какимъ-то молодымъ солдатомъ и ночевалъ въ деревнѣ Раковичахъ, гдѣ жена сотскаго отвела имъ обоимъ отдѣльныя квартиры; послѣ же ночлега утромъ видѣли ихъ отдыхавшихъ въ Негребовской корчмѣ, откуда они отправились вмѣстѣ. Алялинъ, отпущенный въ отставку, на родину, слѣдовалъ изъ С.-Петербурга до Кіева по этапу, а оттуда уже пошелъ свободно на своемъ пропитаніи, а какъ Алялинъ, идя по этапу, легко могъ сойтись съ какимъ нибудь молодымъ солдатомъ и потомъ идти съ нимъ далѣе за Кіевъ, то это предположеніе заставило слѣдователя истребовать списки всѣмъ лицамъ, которые слѣдовали вмѣстѣ съ Алялинымъ по этапу до Кіева и дорогою, на дальнѣйшихъ пунктахъ, примыкали къ этапамъ. Списки были собраны, но какъ въ нихъ не значилось примѣтъ слѣдовавшимъ лицамъ, то и посланы были въ разныя губерніи военнымъ начальникамъ сообщенія со списками отправленнымъ къ нимъ нижнимъ чинамъ съ тѣмъ, чтобы *они сами сличили примѣты съ описаніемъ подозрѣваемаго въ убійствѣ и, если примѣты окажутся сходными, произвели бы у этихъ лицъ обыски признаковъ совершенія убійства, а затѣмъ выслали бы, какъ имѣющихъ сходство, въ Радомысль, для предъявленія очевидцамъ. Личность убійцы была обрисована довольно опредѣлительно, почему и можно было сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное заключеніе о сходствѣ сличаемаго лица.* Между тѣмъ, командиръ Ковенскаго баталіона внутренней стражи, получивъ отъ слѣдователя отзывъ, о сличеніи примѣтъ двухъ

нижнихъ чиновъ, Кизлярской инвалидной команды, Ивана Волченка и Кавказскаго линейнаго № 24-го баталіона Яна Черешонка, отправленныхъ къ нему по этапу въ то время, какъ слѣдовалъ Аляпинъ, и справившись, что Янъ Черешонокъ, прибывъ къ нему въ Ковно, отправился на родину въ Вилькомирскій уѣздъ на собственное пропитаніе, сообщилъ прямо отъ себя тамошнему исправнику, о сдѣланіи обыска у Черешонка *и объ отправкѣ его, во всякомъ случаѣ*, къ радомысльскому исправнику, для предъявленія очевидцамъ *молодаго солдата, подозрѣваемаго въ убійствѣ*. Вилькомирскій исправникъ поручилъ исполнить становому приставу О. который при свидѣтеляхъ составилъ актъ, что при обыскѣ у Черешонка ни вещей, которыя можно было бы признать принадлежащими Аляпину, ни указа объ отставкѣ его, не найдено, и прибавилъ при этомъ, что Черешонко *старъ и боленъ и, будучи не въ силахъ работать, содержится на счетъ помѣщика Поморницкаго*. Несмотря на всю очевидность, что солдатъ этотъ не могъ быть убійцею, приставъ, во исполненіе предписанія полученнаго отъ Вилькомирскаго исправника, написаннаго на оборотѣ требованія командира Ковенскаго баталіона внутренней стражи, гдѣ не было пояснено примѣтъ разыскиваемаго убійцы и только требовалось во всякомъ случаѣ препроводить Черешонка къ радомысльскому исправнику, отправилъ задыхающагося, больнаго, 60–ти–лѣтняго старика въ острогъ для отсылки по этапу. Такимъ образомъ, несчастный Янъ Черешонко пошелъ по мытарствамъ съ этапа на этапъ, за 1,250 верстъ, и шелъ онъ три мѣсяца, прикованный на прутѣ, какъ преступникъ. Когда онъ добрался до г. Радомысля, то слѣдователь, какъ ни былъ удивленъ высылкою его, но для формы вызвалъ очевидцевъ убійцы и показалъ имъ несчастнаго старца. Услышавъ отъ нихъ, что это не тотъ человѣкъ, онъ приказалъ Черешонку отправить обратно въ Ковенскую губернію по этапу, но не въ родѣ арестанта. И опять Черешонко шелъ на родину нѣсколько мѣсяцевъ по этапу, но по крайней мѣрѣ уже не на прутѣ, а свободно. Мы не говоримъ, продолжаетъ *Кіевскій Телеграфъ*, что при самомъ строгомъ сличеніи примѣтъ нельзя было ошибиться и не задержать невиннаго, но насъ удивляетъ то, какимъ образомъ признать старость—за молодость, человѣка, едва передвигающаго ноги — за бойкаго и живаго... Убійца молодой, крѣпкій живой, а Черешонко—старикъ 60 лѣтъ, изнеможенный, удушливый; у убійцы зубы замѣчательной бѣлизны, а у послѣдняго отъ старости нѣтъ многихъ зубовъ.

Заключу свой дневникъ разсказомъ о дѣлѣ г. Дарагана, который сдѣлался жертвой наглой продѣлки и черезъ нее лишился своего капитала, состоявшаго изъ ста сорока тысячъ рублей серебромъ. Вотъ въ чемъ все дѣло, очень поучительное въ своемъ родѣ: Армянинъ Караханов, личность темная, загадочная, проживавшая въ С.-Петербургѣ по какому-то весьма сомнительному, странному виду, въ концѣ прошлаго года явился къ титулярному совѣтнику Закревскому и, выдавая себя за какого-то князя и богача, предложилъ ему взять агентство транспортированія кладей по московской желѣзной дорогѣ по передачѣ отъ купца Харичкова, который, какъ впослѣдствіи оказалось, вовсе объ этой передачѣ и не помышлялъ. Карахановъ умѣлъ дѣло это представить въ самомъ обольстительномъ по громадности выгодъ видѣ и обѣщалъ свое содѣйствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что для успѣха предпріятія необходимо имѣть въ наличности капиталъ не менѣе 140,000 р. Закревскій, поддавшись на убѣжденія Караханова, отправился въ Москву, къ своему знакомому, коллежскому ассесору Дарагану, и принялся настойчиво склонять его къ участію въ дѣлѣ. Дараганъ хотя и не согласился вступить въ самое дѣло, не имѣя о немъ положительныхъ свѣдѣній, но, зная Закревскаго до сей поры за человѣка честнаго, къ которому имѣлъ полное довѣріе, отдалъ ему подъ сохранную росписку капиталъ 140,000 р. именными жены его банковыми 5% билетами, съ тѣмъ однако, чтобы Закревскій, для внушенія къ себѣ довѣрія, предъявилъ только капиталъ тому лицу, которое будетъ устраивать передачу агентства. Ни свойство акта, которымъ не предоставлялось Закревскому никакихъ правъ на распоряженіе сказанною суммою, ни свойство самыхъ билетовъ, какъ именныхъ и безъ бланковыхъ надписей, не могли, конечно, возбудить въ г. Дараганѣ никакихъ опасеній, особенно при томъ довѣріи, которое онъ имѣлъ къ Закревскому. Вскорѣ послѣ полученія Закревскимъ денегъ прибылъ въ Москву къ г. Дарагану Карахановъ, о которомъ до того времени онъ не имѣлъ никакого понятія и отъ имени Закревскаго объявилъ, что на предпріятіе по агентству Харичкова уже требуется не 140 т., а 400 т. р. Извѣстіе это, а равно и сбивчивыя, загадочныя объясненія Караханова, перемѣшанныя съ разными хвастливыми и наглыми выходками, встревожили г. Дарагана, и онъ, подозрѣвая обманъ, поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы истребовать отъ Закревскаго капиталъ свой обратно. Но уже было поздно: Закревскій данныя ему подъ сохранную записку билеты передалъ помянутому,

выдававшему себя за князя, армянину Караханову, съ фальшивыми на нихъ бланковыми надписями. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Сдѣланныя на билетахъ бланковыя надписи нестолько не сходны съ почеркомъ жены г. Дарагана, которой принадлежатъ билеты, но и между собою не сходны въ такой степени, что разница очевидна съ перваго взгляда; за всѣмъ тѣмъ Карахановъ, представившій билеты съ этими надписями при одномъ объявленіи, успѣлъ перевести ихъ на свое имя безъ всякаго препятствія, а чрезъ нѣсколько времени, когда уже г. Дараганъ, увидя, что съ нимъ сыграна столь наглая, безчестная продѣлка, заявилъ о ней и началъ дѣло, Карахановъ опять успѣлъ билеты, переведенные на его имя, перемѣнить на безъименные, на тѣ, на которые въ настоящее время и наложено запрещеніе. Г. Дараганъ обратился къ содѣйствію и защитѣ правительства. Закревскій и Карахановъ арестованы и содержатся подъ стражею; слѣдствіе производится, и вотъ уже истекаетъ седьмой мѣсяцъ, какъ начато дѣло.

[illegible] Чарвинову, [illegible] не
[illegible] подписаніе, [illegible] на
[illegible] обстоятельства. [illegible]
[illegible] не [illegible] съ [illegible] Харгина, который при
[illegible], но и между собою не сошлись въ своей [illegible], что
[illegible] за [illegible] Карвинова,
представлявшій [illegible] съ этими [illegible] при [illegible] обстоятельствахъ,
[illegible] на [illegible] пришествія, а [illegible]
[illegible] что съ нимъ, [illegible]
[illegible] и въ [illegible]
[illegible] Карвинова [illegible] имущество, [illegible] на [illegible],
[illegible] на [illegible], въ тѣ, на которые въ настоящее время
и [illegible] Г., [illegible] обратился къ [illegible] и на
[illegible] Харгина и Карвинова, [illegible]
[illegible], [illegible], [illegible] уже [illegible]
[illegible]

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 33.

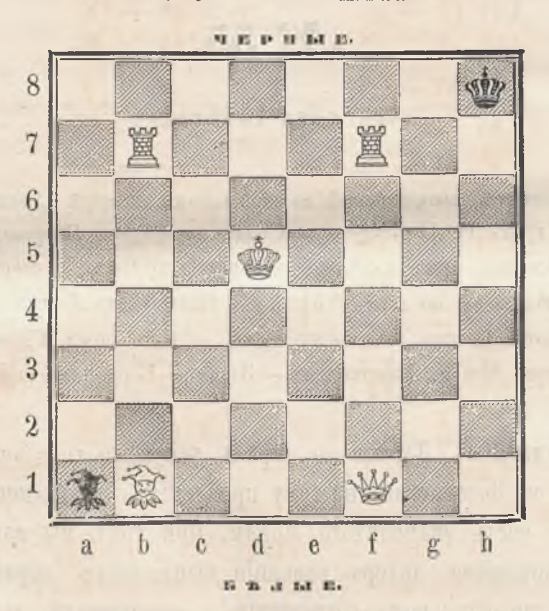
(Сентябрь 1861 года).

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный въ апрѣльскомъ выпускѣ Шахматнаго Листка.—Новый трудъ Н. И. Петровскаго надъ кипергаңью Петрова, посвященной Морфи.—Нѣсколько словъ о способѣ составленія проблемъ и сократимости ихъ рѣшеній.—Объясненіе по поводу одной изъ бывшихъ въ Листкѣ задачъ.—Одна партія изъ матча Колиша съ Андерсеномъ. — Пять игоръ Гейдебранда фонъ деръ Лаза съ Ганстейномъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Въ Шахматномъ Листкѣ за апрѣль текущаго года мы сообщили варьяцію г-на Водзинскаго на тему проблемы, составленной А. Д. Петровымъ въ честь знаменитаго Морфи. При томъ мы замѣтили, что маневры, которыми авторъ варьяціи вынуждаетъ обратный матъ, подлежатъ значительному сокращенію и приглашали любителей заняться отысканіемъ этого сокращенія. Однимъ словомъ, мы предложили придуманное г-мъ Водзинскимъ положеніе не какъ задачу, гдѣ число ходовъ обыкновенно за ранѣе опредѣлено, а какъ такой шахматный этюдъ, въ которомъ именно требуется отыскать кратчайшій путь къ достиженію извѣстной цѣли. *Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ; во сколько ходовъ?* Въ такой формѣ поставленъ былъ вопросъ. Онъ не остался безъ отвѣта: изъ многихъ городовъ Россіи мы получили письма съ различными рѣшеніями проблемы въ тридцать, двадцать семь, двадцать пять ходовъ. Нѣкоторые изъ этихъ рѣшеній очень замы-

словаты и обнаруживаютъ въ открывшихъ ихъ любителяхъ основательное знаніе шахматнаго дѣла, но всѣ они уступаютъ рѣшенію Н. И. Петровскаго, который вынуждаетъ обратный матъ въ двадцать два хода. Сообщая здѣсь это рѣшеніе мы приводимъ всѣ его *существенные* варіянты, но считаемъ совершенно лишнимъ выписывать такіе варіянты, которые, не измѣняя сущности дѣла, легко будутъ угаданы всякимъ сколько нибудь внимательнымъ читателемъ.

Положеніе шашекъ.



Рѣшеніе Н. И. Петровскаго.

Бѣлые.	Черные.
1) f1 — h3 +	h8 — g8
2) h3 — e6	g8 — h8 **(A.) (B.) (C.) (D.)**
3) e6 — h6 +	h8 — g8
4) f7 — f4	Слонъ на b2, c3, d4, e5, f6 или h8.
5) f4 — g4 +	Слонъ на g7

6) h6 — e6 +	g8 — h8 (*)
7) g4 — h4 +	g7 — h6
8) b7 — b8 +	h8 — g7
9) h4 — g4 +	h6 — g5
10) b8 — b7 +	g7 — h8
11) e6 — c8 +	g5 — d8
12) g4 — h4 +	h8 — g8
13) d5 — e6	g8 — f8
14) e6 — f5	f8 — g8
15) f5 — g6	g8 — f8
16) g6 — h7	f8 — e8
17) h7 — h8	e8 — f8
18) b1 — h7	f8 — e8
19) h4 — e4 +	e8 — f8
20) b7 — f7 +	f8 — f7°
21) c8 — e6 +	f7 — f8
22) e6 — f6 +	d8 — f6°✕

(A.)

2)	Слонъ на e5, d4, c3 или b2.
3) f7 — f4 +	g8 — h8
4) e6 — h6 +	h8 — g8
5) f4 — g4 +	Слонъ на g7.

и т. д. какъ въ главномъ варіантѣ.

(B.)

2)	a1 — f6
3) f7 — h7 +	g8 — f8
4) e6 — c8 +	f6 — d8
5) h7 — h1	f8 — g8
6) d5 — e6	g8 — f8
7) e6 — f5	f8 — g8
8) f5 — g6	g8 — f8

(*) Черные могли бы пойти королемъ на f8, но въ такомъ случаѣ бѣлая ладья прямо дастъ шахъ на f4, заставляя ихъ заслониться слономъ на f6, вслѣдствіе чего рѣшеніе очевидно сократится. Мы уже сказали выше, что *такого рода* варіанты нѣтъ надобности приводить вполнѣ.

9)	g6 — h7	f8 — e8
10)	h7 — h8	e8 — f8
11)	b1 — h7	f8 — e8
12)	h1 — e1 +	e8 — f8
13)	b7 — f7 +	f8 — f7°
14)	c8 — e6 +	f7 — f8
15)	e6 — f6 +	d8 — f6° ✕

(C.)

2)	. . . . . .	a1 — h8
3)	f7 — h7 +	g8 — f8
4)	h7 — h5	Слонъ на g7, e5, d4, c3, b2, a1 (a)
5)	h5 — f5	Слонъ на f6
6)	e6 — d7	f8 — g8
7)	d7 — c8 +	f6 — d8
8)	f5 — h5	g8 — f8
9)	d5 — e6	f8 — g8
10)	e6 — f5	g8 — f8
11)	f5 — g6	f8 — g8
12)	h5 — h1	g8 — f8
13)	g6 — h7	f8 — e8
14)	h7 — h8	e8 — f8
15)	b1 — h7	f8 — e8
16)	h1 — e1 +	e8 — f8
17)	b7 — f7 +	f8 — f7°
18)	c8 — e6 +	f7 — f8
19)	e6 — f6 +	d8 — f6° ✕

(a.)

4)	. . . . . .	Слонъ на f6
5)	e6 — c8 +	f6 — d8

6) d5 — e6 и т. д. вынуждая обратный матъ на 16-мъ ходѣ.

(D.)

2)	. . . . . .	a1 — g7
3)	f7 — f3 +	g8 — h8

4)	f3 — h3 +	g7 — h6
5)	b7 — b8 +	h8 — g7
6)	h3 — g3 +	h6 — g5
7)	b8 — b7 +	g7 — h8
8)	e6 — c8 +	g5 — d8
9)	g3 — h3 +	h8 — g8
10)	d5 — e6	g8 — f8
11)	e6 — f5	f8 — g8
12)	f5 — g6	g8 — f8
13)	g6 — h7	f8 — e8
14)	h7 — h8	e8 — f8
15)	b1 — h7	f8 — e8
16)	h3 — e3 +	e8 — f8
17)	b7 — f7 +	f8 — f7°
18)	c8 — e6 +	f7 — f8
19)	e6 — f6 +	d8 — f6°✕

Занимаясь рѣшеніемъ кипергаии г-на Водзинскаго, г-нъ Петровскій вздумалъ еще разъ внимательно пересмотрѣть и самый ея первообразъ т. е. проблему Петрова, посвященную Морфи.

Огромное превосходство силъ со стороны бѣлыхъ (ферзь, двѣ ладьи и конь противъ коня) и крайне не выгодное положеніе чернаго коня на клѣткѣ a1 естественно наводятъ на мысль, что игрокъ, владѣющій бѣлыми, можетъ заставлять непріятельскія шашки приходить въ самыя разнообразныя положенія, а изъ этого прямо вытекаетъ возможность выпудить обратный матъ нѣсколькими различными способами. Этой мыслью руководился г-нъ Петровскій при своихъ новыхъ изысканіяхъ. Но чтобъ вполнѣ понять ихъ значеніе, необходимо припомнить вкратцѣ исторію проблемы, о которой идетъ рѣчь. Она была напечатана въ первый разъ въ Шахматномъ Листкѣ за апрѣль 1859 года (*). Ровно черезъ полъ-года

(*) При этомъ въ діаграмму, изображающую задачу, вкралась маленькая неточность: одна изъ ладей поставлена на a7, тогда какъ ей слѣдуетъ быть на b7. Хотя это обстоятельство нисколько не измѣняетъ рѣшенія, тѣмъ не менѣе мы, два мѣсяца спустя, перепечатали проблему въ исправленномъ видѣ (Шахм. Лист. 1859 года стр. 140).

мы имѣли удовольствіе извѣстить читателей, что проблема разгадана русскимъ любителемъ Н. И. Петровскимъ и при томъ не въ сорокъ ходовъ, какъ она была предложена, а въ тридцать пять. Это рѣшеніе имѣетъ тотъ недостатокъ, что допускаетъ варіянты, тогда какъ по мысли автора проблемы (не выраженной впрочемъ въ ея условіяхъ), всѣ ходы черныхъ должны быть форсированы. Это побудило г-на Петровскаго вновь припяться за проблему и два мѣсяца спустя любители игры могли уже любоваться рѣшеніемъ въ двадцать девять ходовъ безъ всякихъ варіянтовъ. (Шахм. Лист. 1859 года стр. 313). Само собою разумѣется, что сократив рѣшеніе на одиннадцать ходовъ, г-нъ Петровскій употребилъ въ дѣло совсѣмъ не тѣ маневры, которые имѣлъ въ виду авторъ проблемы, такъ что даже окончательное положеніе шашекъ, какъ читателямъ уже извѣстно, получается иное. При всемъ томъ, всѣ эти рѣшенія (автора, Петровскаго въ тридцать пять и его же въ двадцать девять ходовъ) имѣютъ одинъ общій характеръ въ томъ отношеніи, что черный король гонится изъ занимаемаго имъ угла h8 почти безпрерывными шахами, вокругъ всей доски, на первую ея полосу, при чемъ кони дѣлаютъ весьма небольшое число ходовъ. Напротивъ того теперь г-нъ Петровскій задался мыслью вынудить обратный матъ совершенно новымъ путемъ, а именно: оставить непріятельскаго короля на восьмой полосѣ доски, привести своего къ нему въ опозицію, заставить чернаго коня рядомъ прыжковъ приблизиться къ ихъ величествамъ, и тамъ нанести рѣшительный ударъ. Понятно, что этотъ планъ рѣшенія несравненно замысловатѣе предыдущихъ: принудить короля, обязаннаго по правиламъ игры уклоняться отъ шаха, занимать какія угодно клѣтки — не штука; но заставить непріятельскаго коня

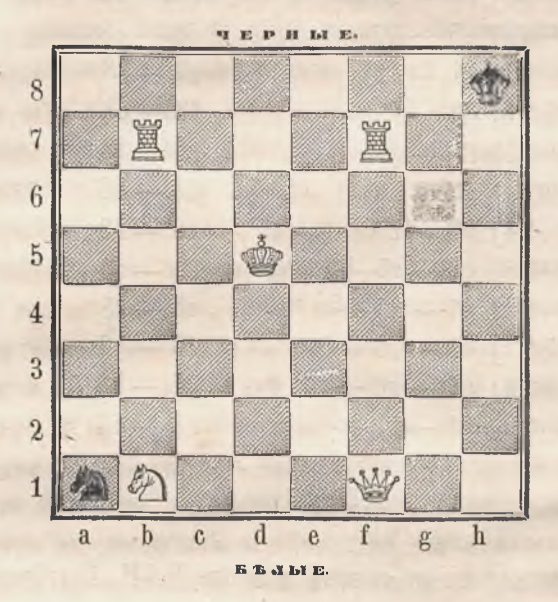
То смирно стоять подъ стрѣлами враговъ,

То мчаться по бранному полю,

заставить его обскакать почти всю доску именно извѣстными прыжками — трудность инаго рода! И г-нъ Петровскій побѣдилъ ее самымъ блестящимъ образомъ: онъ достигаетъ цѣли по вышеизъясненному плану въ двадцать девять ходовъ безъ всякихъ варіянтовъ. Приводя здѣсь это по истинѣ великолѣпное рѣшеніе со

слѣдующими къ нему діаграммами, мы приглашаемъ любителей обратить на него особенное вниманіе.

Первоначальное положеніе шашекъ.

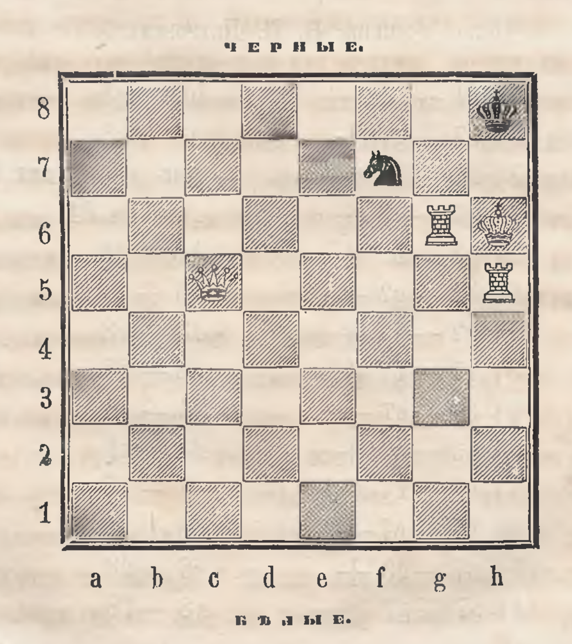


Новое рѣшеніе Н. И. Петровскаго.

1) f1 — f6 +	h8 — g8
2) f7 — g7 +	g8 — h8
3) f6 — b2	конь на c2 или b3.
4) g7 — g3 +	конь на d4.
5) g3 — h3 +	h8 — g8
6) b2 — g2 +	g8 — f8
7) g2 — g7 +	f8 — e8
8) g7 — f7 +	e8 — d8
9) f7 — e7 +	d8 — c8
10) h3 — c3 +	d4 — c6
11) e7 — f7	c8 — d8
12) f7 — c7 +	d8 — e8
13) c7 — c8 +	c6 — d8
14) b7 — g7	e8 — f8

15)	c3 — g3	f8 — e8
16)	d5 — e5	e8 — f8
17)	e5 — f5	f8 — e8
18)	f5 — g5	e8 — f8
19)	g5 — h6	f8 — e8
20)	b1 — d2	e8 — f8
21)	d2 — f3	f8 — e8
22)	f3 — g5	e8 — f8
23)	g3 — h3	f8 — e8
24)	h3 — h5	e8 — f8
25)	c8 — c5 +	f8 — e8
26)	g7 — e7 +	e8 — f8
27)	e7 — e6 +	f8 — g8
28)	e6 — g6 +	g8 — h8
29)	g5 — f7 +	d8 — f7°✕

Положеніе мата по новому рѣшенію Н. И. Петровскаго.



Многимъ можетъ показаться страннымъ, что такой знатокъ шахматнаго дѣла, какъ г-нъ Петровъ, не усмотрѣлъ кратчайшаго и красивѣйшаго рѣшенія имъ самимъ сочиненной проблемы. А между тѣмъ, подобные случаи не рѣдки; исторія шахматной игры можетъ указать большое число задачъ, составленныхъ знаменитыми шахматистами на огромное число ходовъ и разрѣшенныхъ впослѣдствіи игроками, далеко уступавшими въ силѣ авторамъ этихъ произведеній, путемъ кратчайшимъ. Это странное повидимому явленіе объясняется довольно просто, если вникнуть въ самый способъ составленія шахматныхъ проблемъ.

Извѣстно, что всякая сколько нибудь хорошая задача имѣетъ свою основную мысль, свою *идею;* иныя основаны напримѣръ на пожертвованіи одной или нѣсколькихъ шашекъ, другія на выигрышѣ времени, на двойномъ шахѣ, на превращеніи пѣшки въ извѣстнаго офицера и проч. и проч. Конечно, не всегда легко съ точностію опредѣлить словами, въ чемъ именно заключается идея той или другой проблемы, но всякій истинный шахматистъ сознаетъ, чувствуетъ ея присутствіе, подобно тому какъ диллетантъ музыки чувствуетъ идею мелодіи, даже и тогда, когда не сумѣетъ перевести ее на простой человѣческій языкъ. Я не берусь рѣзко обозначить, въ чемъ именно заключается напримѣръ идея киперганей Петрова, а ктоже изъ смыслящихъ шахматное дѣло станетъ оспаривать, что онѣ имѣютъ свой собственный *стиль*, отмѣчены однимъ общимъ характеромъ.

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что основная мысль, о которой идетъ рѣчь, прежде всего раждается въ головѣ сочинителя проблемы; но если онъ выразитъ ее во всей простотѣ т. е. посредствомъ какаго нибудь весьма несложнаго положенія, тогда задача будетъ слишкомъ легко разгадана. Ему необходимо предстоитъ замаскировать свою идею введеніемъ новыхъ, побочныхъ комбинацій. Если онъ пойдетъ по этому пути не очень далеко, ограничится небольшимъ измѣненіемъ первоначальнаго концепта, тогда, при нѣкоторой опытности и вниманіи, ему не трудно будетъ убѣдиться въ совершенной безошибочности своего произведенія. Но если онъ задастся мыслью создать проблему необычайно

трудную, рѣшеніе которой требовало бы сорокъ, пятьдесятъ или болѣе ходовъ, и станетъ безпрестанно передѣлывать ея первобытную форму, тогда легко можетъ случиться, что эти безпрерывныя передѣлки породятъ новыя комбинаціи, посредствомъ которыхъ условія задачи могутъ быть выполнены короче, чѣмъ авторъ считалъ это возможнымъ. Понятно, что автору проблемы труднѣе открыть этотъ новый путь рѣшенія, чѣмъ всякому другому, именно потому, что мысли его заняты тѣмъ способомъ, какой онъ имѣлъ въ виду при ея сочиненіи.

Если мы полагаемъ, что знаменитые шахматисты не заслуживаютъ слишкомъ строгаго упрека за сочиненіе проблемъ, рѣшеніе которыхъ подвергается впослѣдствіи сокращенію, то тѣмъ болѣе считаемъ безотвѣтственными журналы, принимающіе на свои страницы такого рода произведенія. Конечно, редакторъ всякаго шахматнаго обозрѣнія обязанъ при полученіи задачи убѣдиться прежде всего въ томъ, что она вѣрна, т. е. что условія ея дѣйствительно выполняются, согласно правиламъ игры, въ означенное число ходовъ. Но требовать отъ него ручательства въ несократимости разгадки такихъ сложныхъ энигмъ какъ напримѣръ кипергани Петрова или Бецеля—было бы крайне неосновательно. Припомнимъ, что проблема посвященная Морфи сокращена хитрѣйшимъ изъ русскихъ Эдиповъ не прежде, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ по ея напечатаніи, а для отысканія новаго рѣшенія потребовалось еще два года; можно указать и такія задачи, коихъ сокращенное рѣшеніе открыто послѣ того, какъ онѣ уже много лѣтъ были извѣстны шахматной публикѣ. Впрочемъ, все сказанное относится только до шахматныхъ произведеній чрезвычайно сложныхъ, задуманныхъ на огромное число ходовъ. Что же касается проблемъ обыкновенныхъ, въ пять, семь ходовъ, то онѣ конечно должны быть не только безошибочны, но и несократимы; по крайней мѣрѣ редакція Шахматнаго Листка употребляетъ всевозможное стараніе, чтобъ помѣщаемыя въ немъ задачи соединяли оба эти свойства. Но на грѣхъ мастера нѣтъ, говоритъ пословица, и въ прошломъ мѣсяцѣ мы имѣли неосторожность принять въ нашъ журналъ проблему, которая, не принадлежа вовсе къ числу особенно сложныхъ, подлежитъ однако зна-

чительному сокращенію. Мы говоримъ о задачѣ № 97 (*); она предложена авторомъ въ 15 ходовъ и разрѣшается имъ такъ:

1) h7 — h6	a1 — b1
2) g8 — h7 +	b1 — a1
3) h6 — g6	a1 — b1
4) g6 — g5 +	b1 — a1
5) g5 — f5	a1 — b1
6) f5 — f4 +	b1 — a1
7) f4 — e4	a1 — b1
8) e4 — e3 +	b1 — a1
9) e3 — d3	a1 — b1
10) d3 — d2 +	b1 — a1
11) h7 — g8	a1 — b1
12) c3 — g7	b1 — a1 (A)
13) e2 — c3	b2 — b1 (дѣлаютъ любаго офицера).
14) c3 — b1° +	a1 — b1°
15) g8 — h7 ×	

(A.)

12)	a2 — a1 (дѣлаютъ любаго офицера).
13) e2 — c3 ×	

Маневры бѣлымъ королемъ представляютъ довольно замысловатое подражаніе винтообразному движенію ферзя въ знаменитой проблемѣ Больтона, но бѣда въ томъ, что они совершенно излишни; ларчикъ отпирается несравненно проще, а именно:

1) g8 — b3	a1 — b1
2) c3 — g7	b1 — a1 (A)
3) e2 — d4	a1 — b1 (B)
4) b3 — c2 +	b1 — c1 (C)
5) g7 — h6 ×	

(*) Положеніе шашекъ слѣдующее: *Бѣлые:* король на h7, слоны на c3 и g8, конь на e2. *Черные:* король на a1, пѣшки на a2 и b2.

(A.)

2)	a2 — a1 (любой офицеръ).
3) e2 — c3 +	b1 — c1
4) g7 — h6 ⨯	

(B.)

3)	b2 — b1 (любой офицеръ)
4) d4 — c2 ⨯	

(C.)

4)	b1 — a1
5) d4 — b3 ⨯	

Но довольно о проблемахъ; давно пора перейти къ партіямъ, въ отдѣлѣ которыхъ мы сообщаемъ на этотъ разъ одну еще неизвѣстную читателямъ партію изъ матча Колиша съ Андерсеномъ и пять гамбитныхъ игоръ Гейдебранда фонъ деръ Лаза съ покойнымъ Ганстейномъ.

ПАРТІЯ № 210.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Вторая игра-матча).

Андерсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e6	12) d1 — d2	f8 — e8
2) d2 — d4	d7 — d5	13) a1 — e1	c6 — e7
3) e4 — d5°	e6 — d5°	14) f3 — e5	e6 — f5
4) g1 — f3	g8 — f6	15) f2 — f4	a8 — c8
5) f1 — d3	f8 — d6	16) g2 — g4	f6 — e4
6) 0 — 0	0 — 0	17) d2 — g2	e4 — c3°
7) h2 — h3	h7 — h6	18) g4 — f5°	c3 — e4
8) c2 — c4	c7 — c6	19) d3 — e4° (1)	d5 — e4°
9) b1 — c3	c8 — e6	20) g2 — e4° (2)	f7 — f6
10) c4 — d5°	c6 — d5°	21) e5 — g4	d6 — b4
11) c1 — e3	b8 — c6	22) e1 — e2	e7 — d5

23)	e4 — d3	g8 — h8
24)	e3 — c1 (3)	d8 — d7
25)	e2 — e8° +	c8 — e8°
26)	g4 — e3	b4 — a5
27)	a2 — a3	d5 — e3°
28)	c1 — e3°	a5 — b6 (4)
29)	e3 — f2	d7 — d5
30)	g1 — h2	e8 — e4
31)	f2 — e3	d5 — f5°
32)	b2 — b4	b6 — c7 (5)
33)	d4 — d5	e4 — f4°
34)	d3 — f5°	f4 — f5° +
35)	h2 — g2	f5 — d5°
36)	e3 — a7°	d5 — g5 +
37)	g2 — f2	g5 — g3
38)	f1 — d1	g3 — a3°
39)	a7 — c5 (6)	b7 — b6
40)	c5 — e3	a3 — b3
41)	d1 — d4	c7 — e5
42)	d4 — d8 +	h8 — h7
43)	e3 — b6°	b3 — b4°
44)	b6 — e3	b4 — b2 +
45)	d8 — d2	b2 — d2° +
46)	e3 — d2°	h7 — g6
47)	f2 — f3	f6 — f5
48)	d2 — b4	g6 — h5
49)	f3 — g2	g7 — g5
50)	b4 — d2	h5 — g6
51)	d2 — c1	h6 — h5
52)	c1 — a3	g5 — g4
53)	a3 — c1	f5 — f4
54)	c1 — d2	g6 — f5
55)	g2 — f2	f5 — e4
56)	d2 — e1	g4 — g3 +
57)	f2 — g1	f4 — f3

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 210.

(1) Г. Ланге справедливо замѣчаетъ, что еслибъ вмѣсто этого хода, бѣлые продвинули пѣшку на f6, то открыли бы себѣ выгодныя линіи для нападенія.

(2) И тутъ слѣдовало бы играть f5 — f6; сила атаки вполнѣ вознаградила бы пожертвованіе пѣшки.

(3) Очень слабый ходъ.

(4) Угрожая взять непосредственно слона, ибо если бѣлые возьмутъ ладью, то потеряютъ ферзя, т. е. 29. $\frac{}{e8 - e3^\circ}$ 30. $\frac{d3 - e5}{b6 - d4}$ и бѣлый ферзь погибъ.

(5) Рѣшительный ударъ.

(6) 39. $\frac{d1 - d7}{\quad}$ могло бы имѣть послѣдствіемъ: 39. $\frac{\quad}{c7 - e5}$ 40. $\frac{d7 - b7^{\circ}}{a1 - a7^{\circ}}$ 41. $\frac{b7 - a7^{\circ}}{e5 - d4 +}$ и черные завоевали слона за пѣшку.

ПАРТІЯ № 211.

ГАМБИТЪ КОНЯ.

(Играна 25-го марта 1841 года).

	Ганстейнъ. (Бѣлые).	Лаза. (Черные).			
1)	e2 — e4	e7 — e5	14)	f7 — g8°	c8 — g4
2)	f2 — f4	e5 — f4°	15)	f3 — f2	c7 — c6
3)	g1 — f3	g7 — g5	16)	b1 — d2	b6 — d7
4)	f1 — c4	f8 — g7	17)	e4 — e5	d6 — b8
5)	d2 — d4	d7 — d6	18)	a2 — a4	d8 — c7
6)	c2 — c3	h7 — h6 (1)	19)	g8 — e6	g4 — e6°
7)	d1 — b3	d8 — e7	20)	b3 — e6°	g7 — f8
8)	0 — 0	b8 — d7 (2)	21)	f2 — f7	b8 — e8
9)	g2 — g3 (3)	g5 — g4 (4)	22)	e6 — f6	h8 — g8
10)	c1 — f4°	g4 — f3°	23)	e5 — e6	a8 — d8
11)	f1 — f3°	d7 — b6 (5)	24)	d2 — e4	c7 — b8
12)	f4 — d6° (6)	e7 — d6°	25)	f7 — d7° и бѣлые, имѣя перевѣсъ въ пѣшкахъ, выигрываютъ.	
13)	c4 — f7°+	e8 — d8			

Примѣчанія къ партіи № 211.

(1) Бильгеръ совѣтуетъ надвигать пѣшку на коня (g5 — g4), но и h7 — h6 составляетъ хорошую защиту.

(2) Вѣрный ходъ.

(3) Этотъ способъ разбивать цѣпь непріятельскихъ пѣшекъ (вмѣсто h2 — h4) не былъ кажется—замѣчаетъ фонъ деръ Лаза—извѣстенъ во время Филидора.

(4) Лучшій ходъ.

(5) Слабо съиграно.

(6) Очень хорошо.

ПАРТІЯ № 212.

ГАМБИТЪ КОНЯ.

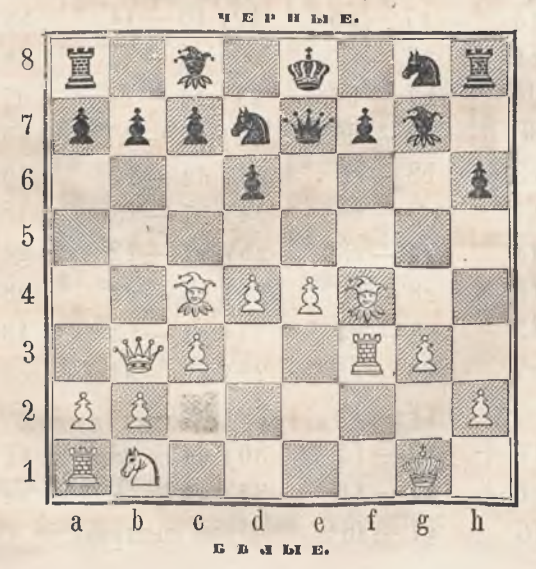
(Играна 15-го апрѣля 1841 года.)

Ганстейнъ. (Бѣлые).	Лаза. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	15) c3 — c4 (4)	e6 — g4
2) f2 — f4	e5 — f4°	16) f3 — f1	g4 — h3
3) g1 — f3	g7 — g5	17) f1 — f3	f6 — g4
4) f1 — c4	f8 — g7	18) e4 — e5	d6 — e5°
5) d2 — d4	d7 — d6	19) c4 — c5	b6 — d7
6) c2 — c3	h7 — h6	20) b3 — b7°	a8 — b8
7) d1 — b3	d8 — e7	21) b7 — e4	f7 — f5
8) 0 — 0	b8 — d7	22) e4 — d5 +	g8 — h8
9) g2 — g3	g5 — g4	23) d2 — b3	e7 — f7
10) c1 — f4°	g4 — f3°	24) d5 — f7°	f8 — f7°
11) f1 — f3° (1)	g8 — f6 (2)	25) d4 — e5°	d7 — e5°
12) b1 — d2 (3)	0 — 0	26) f4 — e5°	g4 — e5°
13) a1 — e1	d7 — b6	27) f3 — e3	e5 — d3°
14) c4 — d3	c8 — e6	28) e3 — d3°	g7 — b2°

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 212.

(1) До сихъ поръ игра идетъ совершенно также какъ, предыдущая; она пришла въ положеніе, изображаемое на прилагаемой здѣсь діаграммѣ:



(2) Въ той партіи черные пошли d7—d6; настоящій ходъ основательнѣе.

(3) Въ другой партіи, игранной 1-го апрѣля того же года, бѣлые пошли 12 $\frac{e4-e5}{}$ и битва продолжалась такъ:

12)	d6 — e5°
13) d4 — e5°	f6 — g4
14) c4 — f7° +	e7 — f7°
15) e5 — e6	f7 — h5
16) e6 — d7° +	c8 — d7°
17) h2 — h4	0 — 0 — 0
	черные имѣютъ рѣшительный перевѣсъ.

(4) Отходить ферземъ на c2, было бы конечно лучше.

ПАРТІЯ № 213.

ГАМБИТЪ КОНЯ.

(Играна 2-го сентября 1841 года).

Лаза. (Бѣлые).	Ганстейнъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	17) f1 — f6° +	f7 — g7
2) f2 — f4	e5 — f4°	18) b1 — d2	c6 — e5°
3) g1 — f3	g7 — g5	19) f6 — f4	h8 — e8
4) f1 — c4	f8 — g7	20) a1 — e1	d8 — d7
5) d2 — d4	h7 — h6	21) f4 — d4	d7 — f5
6) 0 — 0	d7 — d6	22) g2 — h7°	e5 — f3 +
7) c2 — c3	b8 — c6	23) d2 — f3°	f5 — f3°
8) g2 — g3	g5 — g4	24) h7 — f3°	e8 — e1° +
9) c1 — f4°	g4 — f3°	25) g1 — f2	g4 — f3°
10) d1 — f3°	g8 — f6	26) f2 — e1°	a8 — e8 +
11) e4 — e5	c8 — g4	27) e1 — f2	f3 — c6
12) f3 — g2 (1)	d6 — e5°	28) a2 — a4 (2)	e8 — b8
13) d4 — e5°	f6 — h5	29) b2 — b4	c6 — a4°
14) c4 — f7° +	e8 — f7°	30) d4 — g4 +	g7 — h7
15) f4 — g5 +	h5 — f6	31) g4 — f4	a4 — b3 и черные выиграли.
16) g5 — f6°	g7 — f6°		

Примѣчанія къ партіи № 213.

(1) Лучше было бы отступить ферземъ на e3.

(2) Нехорошо; играя иначе, бѣлые могли бы дольше защищаться своими пѣшками.

ПАРТІЯ № 214.

ГАМБИТЪ КОНЯ.

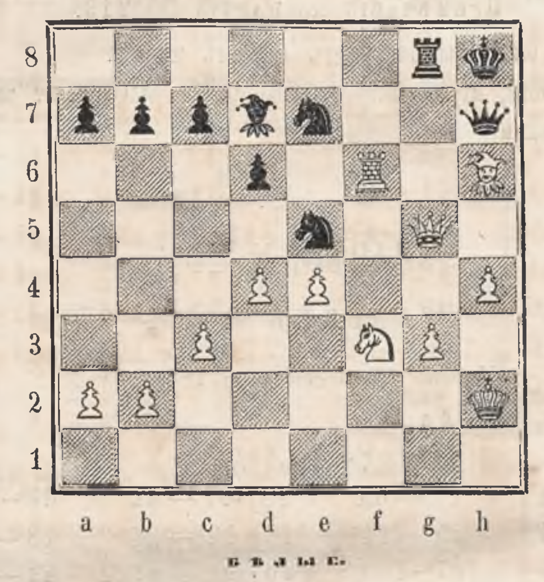
(Играна 13-го сентября 1841 года).

Ганстейнъ. (Бѣлые).	Лаза. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	18) b1 — d2	d7 — d6
2) f2 — f4	e5 — f4°	19) h2 — h4	c8 — h3
3) g1 — f3	g7 — g5	20) g1 — h2	h3 — d7
4) f1 — c4	h7 — h6	21) a1 — f1	c6 — e7
5) 0 — 0	g8 — e7 (1)	22) f1 — f6	a8 — g8
6) d2 — d4	e7 — g6	23) d2 — f3	g6 — e5 (2)
7) c2 — c3	f8 — g7	24) d4 — e5°	g8 — g5°
8) g2 — g3	g5 — g4	25) f3 — g5°	h7 — g8
9) f3 — e1	f4 — f3	26) f6 — f8	g8 — f8°
10) e1 — f3°	g4 — f3°	27) h6 — f8°	e7 — g6
11) d1 — f3°	0 — 0	28) e5 — e6	g6 — f8°
12) c4 — f7°+	g8 — h8	29) e6 — d7°	f8 — d7°
13) f3 — h5	f8 — f7°	30) g5 — e6	d7 — f6
14) f1 — f7°	d8 — g8	31) e6 — c7°	f6 — e4°
15) f7 — g7°	g8 — g7°	32) h2 — g2 и бѣлые выигрываютъ.	
16) c1 — h6°	g7 — h7		
17) h5 — g5	b8 — c6		

Примѣчанія къ партіи № 214.

(1) Эта защита неправильна.

(2) Настоящее положеніе чрезвычайно любопытно:



Игра черныхъ представляется съ перваго взгляда лучше, но хорошо расчитанное пожертвованіе ферзя, на которое рѣшаются бѣлые, разомъ измѣняетъ дѣло.

ПАРТІЯ № 215.

ГАМБИТЪ КОНЯ.

(Играна 30-го августа 1841 года).

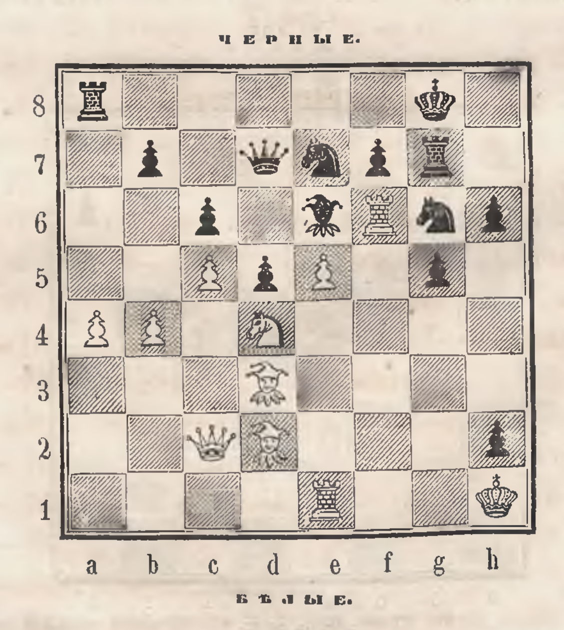
Ганстейнъ. (Бѣлые).	Лаза. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	9) b1 — d2	d7 — b6
2) f2 — f4	e5 — f4°	10) c4 — d3	e7 — g6
3) g1 — f3	g7 — g5	11) e4 — e5	d6 — d5
4) f1 — c4	h7 — h6	12) a2 — a4	a7 — a5
5) d2 — d4	d7 — d6	13) b3 — c2	h7 — g7
6) c2 — c3	b8 — d7 (1)	14) d2 — b3	c8 — e6
7) 0 — 0	g8 — e7	15) c1 — d2	d8 — d7
8) d1 — b3	h8 — h7	16) b3 — c5	f8 — c5°

17)	d4 — c5°	b6 — c8
18)	a1 — e1	c8 — e7
19)	f3 — d4	c7 — c6
20)	b2 — b4	a5 — b4°
21)	c3 — b4	e8 — f8
22)	g2 — g3	f4 — g3°
23)	f1 — f6	g3 — h2° +
24)	g1 — h1	f8 — g8 (2)
25)	d4 — e6°	f7 — e6°
26)	d3 — g6°	e7 — g6°
27)	f6 — g6°	d7 — f7
28)	g6 — f6	f7 — h5
29)	e1 — f1	h5 — h3
30)	a4 — a5	h6 — h5
31)	c2 — c3	h3 — g4
32)	h1 — h2°	h5 — h4
33)	f1 — g1	g4 — e4
34)	c3 — e3	g5 — g4
35)	e3 — e4°	g4 — g3 +
36)	h2 — h3	d5 — e4°
37)	d2 — h6	и бѣлые выигрывают.

Примѣчанія къ партіи № 215.

(1) Защиты противъ настоящаго гамбита, безъ хода 3. f8 — g7, неудовлетворительны. Противъ нихъ можно обыкновенно съ выгодою употреблять ходъ g2—g3.

(2) Черные, какъ видно изъ прилагаемой діаграммы, имѣютъ три лишнія пѣшки, но они тотчасъ же теряютъ за нихъ офицера; къ тому же положеніе ихъ не выгодное:

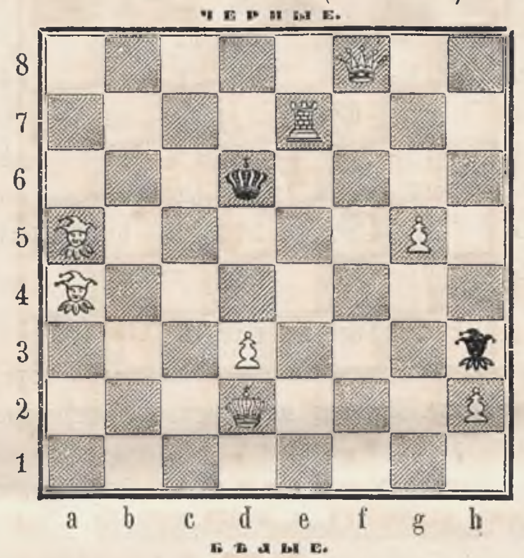


Задачи.

№ 104.

Удачный выстрѣлъ.

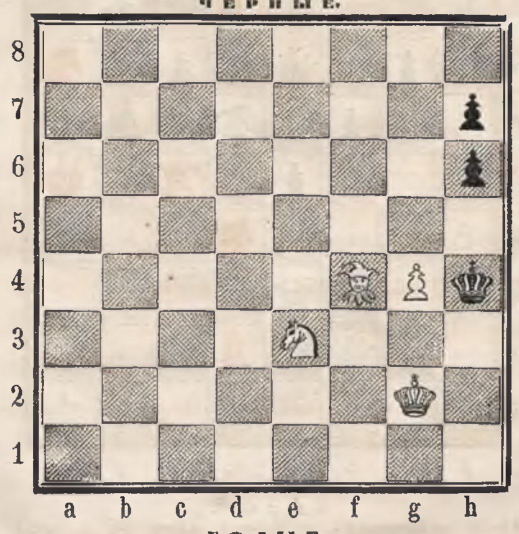
Н. П. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 15 ходовъ.

№ 105.

С. А. ЯЦКЕВИЧА. (въ Херсонѣ).

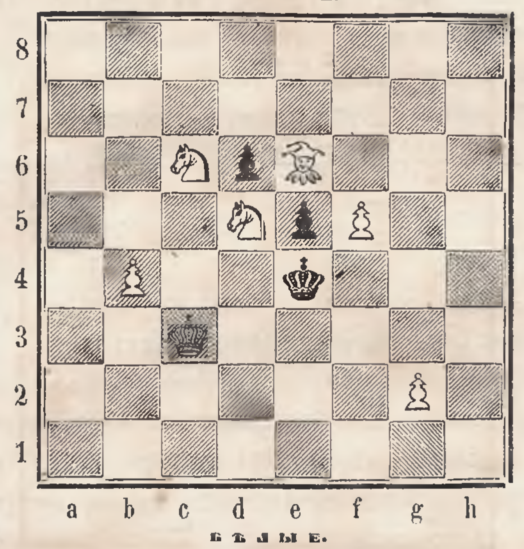


Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 106.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.



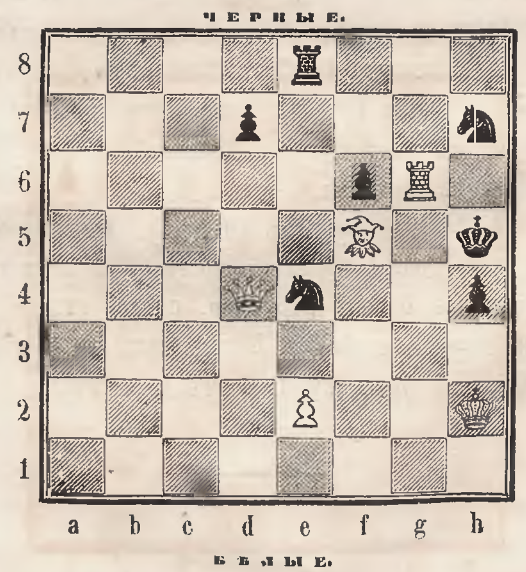
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 107.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *Г-ну—К* (въ Новгородѣ). Вы ошибаетесь полагая, что «Савойскій Крестъ» обозначенъ въ нашемъ къ Вамъ отвѣтѣ не вѣрно. Впрочемъ, тамъ дѣйствительно есть опечатка, не въ положеніи шашекъ, а въ условіяхъ проблемы по усовершенствованной ея формѣ: вмѣсто *матъ* надо читать *патъ*. Рѣшается проблема слѣдующимъ образомъ: a) *въ первоначальномъ видѣ:* 1. $\frac{c2-c5+}{d7-d5}$ 2. $\frac{b1-e4+}{f5-e4}$ 3. $\frac{g8-g5+}{f7-f5}$ 4. $\frac{f5-f4\times}{\text{матъ}}$ b) *въ усовершенствованномъ видѣ:* 1 $\frac{c2-c5+}{d7-d5}$ 2. $\frac{b1-e4+}{f5-e4}$ 3. $\frac{h4-h5+}{f7-f5}$ 4. $\frac{h5-g5}{\text{патъ}}$.

Проблемы Больтона подъ названіемъ «Сфинксъ» не существуетъ, и если г-нъ Яншъ, сообщая «Архимедовъ Винтъ», сказалъ, что любопытно будетъ видѣть имена Эдиповъ, которымъ удастся совладать съ этимъ сфинксомъ, то онъ очевидно хотѣлъ выразить этимъ только, что задача представляетъ замысловатую, трудно-разрѣшаемую загадку. Изъ настоящаго Листка, Вы изволите усмотрѣть, что проблема, предложенная Вами въ пятнадцать ходовъ, требуетъ въ дѣйствительности только пяти.

Г-ну В. Вод—му (Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ). Задачу А. Д. Петрова, посвященную Н. Д. Ахшарумову, Вы рѣшили въ пятнадцать ходовъ вѣрно, но въ тринадцать ошибочно. На ходъ черныхъ 13. $\frac{}{h1-h5+}$ бѣлые могутъ и *должны* заслониться слономъ т. е. 14. $\frac{g7-h6}{}$; какой же тутъ матъ? Замѣчаніе Ваше, относительно одного изъ тезисовъ князя Урусова, совершенно, по нашему мнѣнію, основательно; но съ разсужденіями Вашими о помянутой проблемѣ Г-на Петрова мы не согласны.

Г-ну Н. П. Остр—му (въ Москвѣ). По случаю болѣзни, продержавшей меня долгое время въ постели, я не могъ еще къ сожалѣнію исполнить Вашего порученія, но непремѣнно сдѣлаю это на дняхъ и не замедлю сообщить Вамъ отвѣтъ по почтѣ. Премного благодаренъ Вамъ за присылку проблемъ и замѣчанія.

ОБЪ ИЗДАНІИ

въ 1862 году (годъ четвертый)

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ МІРЪ

СЪ САТИРИЧЕСКИМЪ ЛИСТКОМЪ

ГУДОКЪ.

Постепенно возраставшее въ теченіе настоящаго года сочувствіе публики къ нашему изданію, убѣждаетъ насъ, что мы успѣли вполнѣ возстановить къ нему общественное довѣріе, начинавшее колебаться до поступленія его въ наши руки. Мы настойчиво стремились къ этой цѣли, потому что довѣріе публики ко всякому изданію есть непремѣнное условіе его успѣха; теперь намъ остается, опираясь на это довѣріе, осуществлять наши дальнѣйшія предположенія относительно улучшенія изданія; мы приняли за правило вообще не оставаться въ долгу у публики: за всякое проявленіе ея сочувствія, за всякую поддержку нашего дѣла, мы постоянно будемъ отвѣчать горячимъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ея многостороннихъ и разнообразныхъ требованій отъ современнаго періодическаго изданія, имѣющаго, по своей программѣ, соціальное значеніе.

Что касается до характера и направленія нашего журнала, то мы первые сознаемся, что далеко еще не успѣли выполнить нашей задачи въ этомъ отношеніи; до сихъ поръ направленіе нашего журнала обозначалось лишь отрицательно: все, что было напечатано на страницахъ «Русскаго Міра» —смѣемъ надѣяться—не носитъ на себѣ

никакихъ признаковъ староверства и обскурантизма, или какихъ либо узкихъ сословныхъ интересовъ. Мы вѣримъ въ одни лишь современныя стремленія, мало-по-малу обнаруживающіяся и въ нашемъ обществѣ; вѣримъ въ однѣ лишь идеи нашей эпохи, уважаемъ не интересы отдѣльныхъ сословій, а интересы цѣлаго народа, и съ этой-то точки зрѣнія смотримъ на всѣ современныя событія у насъ и въ Европѣ, на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, на всю обстановку общественной жизни, и вообще на всю массу дѣлъ, вопросовъ и заботъ, занимающихъ умъ и сердце современнаго человѣка. Насколько будетъ возможно, мы будемъ высказывать наши воззрѣнія, но во всякомъ случаѣ просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ строгими къ намъ во всемъ, что касается выполненія нашей задачи, и вѣрить, что они въ этомъ отношеніи будутъ къ намъ вполнѣ справедливы.

Поставляя себѣ цѣлью какъ можно болѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ читающей русской публики, мы увеличиваемъ съ будущаго 1862 г. число постоянныхъ рубрикъ нашего журнала, согласно съ утвержденной программой, извѣстной публикѣ изъ прежнихъ нашихъ объявленій, и объ этомъ скажемъ теперь нѣсколько словъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ: повѣсти, разсказы и стихотворенія, преимущественно оригинальныя и имѣющія соціальное значеніе; также статьи историческія, политическія, экономическія, и научныя. Принимая вообще литературу и науку за средство къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, мы будемъ руководствоваться этимъ взглядомъ и въ выборѣ печатаемыхъ статей. Бѣдность и упадокъ нашей современной литературы, можетъ быть, лишатъ насъ возможности вести этотъ отдѣлъ именно такъ, какъ бы мы желали; но мы ручаемся за одно, что съ нашей стороны употреблены будутъ всѣ средства и усилія, чтобы сдѣлать его интереснымъ. Редакціи журналовъ не могутъ создавать талантовъ, и относительно произведеній изящной и научной литературы болѣе всего поставлены въ зависимость отъ постороннихъ причинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ будетъ заключать въ себѣ: 1) **Обозрѣнія** текущихъ событій, извѣстія **политическія**, внѣшнія и внутреннія; обозрѣніе **законодательства и администраціи; офиціальныя** извѣстія; передовыя статьи по этимъ предметамъ; **производства** въ чины, **опредѣленія** и **пере-**

мѣщенія по гражданской и военной частямъ, и всякаго рода другія извѣстія, имѣющія какой либо интересъ и значеніе. 2) Сводъ извѣстій и постановленій **по крестьянскому дѣлу,** заимствованныхъ изъ официальныхъ и неофиціальныхъ источниковъ. 3) **КРИТИЧЕСКУЮ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКУЮ** хронику о журналистикѣ и литературѣ, русской и иностранной. 4) **ТЕАТРАЛЬНЫЯ и МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** 5) **БИРЖЕВУЮ и АКЦІОНЕРНУЮ** хронику. 6) **ФЕЛЬЕТОНЪ,** заключающій въ себѣ городскія, провинціальныя и иностранныя неполитическія извѣстія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, гдѣ, между прочимъ, будетъ **СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,** въ которомъ соединены будутъ свѣдѣнія, относящіяся къ ежедневнымъ практическимъ потребностямъ жителей Петербурга, именно: извѣстія о торгахъ, аукціонахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и т. п.; цѣны акцій и другихъ бумагъ на здѣшней биржѣ; курсы; цѣны товаровъ; цѣны на съѣстные припасы; часы отхода почтъ, поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, омнибусовъ, и проч. и **свѣдѣнія объ** отдаваемыхъ въ Петербургѣ **квартирахъ, дачахъ** и другихъ помѣщеніяхъ; свѣдѣнія эти будутъ собираемы отъ Редакціи. *Эта послѣдняя рубрика нашего справочнаго листка* открывается по желанію многихъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ и имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между пріискивающими и отдающими квартиры. Въ особенности Справочный листокъ можетъ быть практически полезенъ для пріѣзжающихъ въ столицу и незнакомыхъ съ условіями здѣшней жизни.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія къ «РУССКОМУ МІРУ», будетъ издаваться при немъ съ 1862 года сатирическій листокъ съ карикатурами «**ГУДОКЪ**», о составѣ и характерѣ котораго говорится ниже. Подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» получаютъ «**ГУДОКЪ**» безплатно.

Изданіе при «РУССКОМЪ МІРѢ» въ текущемъ 1861 году **музыкальныхъ приложеній** имѣло успѣхъ выше всякихъ ожиданій; болѣе половины подписчиковъ, получившихъ одну газету, абонировались въ теченіе года и на музыкальныя приложенія. Желая и въ этомъ отношеніи удовлетворить потребности публики, мы увеличиваемъ съ 1862 года число музыкальныхъ пьесъ и самый объемъ ихъ: музыкальныя приложенія (всего до **70** пьесъ) въ теченіе года будутъ составлять до **800** страницъ собственно нотъ, на лучшей веле-

невой бумагѣ. Разсылаемыя подписчикамъ, еженедѣльно, музыкальныя пьесы составятъ въ теченіе года **три** тома, отъ **250** до **300** страницъ каждый, на которые, въ концѣ каждой трети года, высылаемы будутъ изящныя обертки съ оглавленіемъ пьесъ, составляющихъ томъ. Такимъ образомъ для подписчика каждая музыкальная пьеса обойдется съ пересылкою около **6** коп. сер.

Отличительная особенность нашего времени, безспорно, необыкновенное разнообразіе, съ которымъ совершается движеніе событій, законодательства, административныхъ мѣръ и проч., такъ что одно простое сообщеніе извѣстій, касающихся современной общественной и политической жизни, обременяя лишь массой и разнородностью свѣдѣній вниманіе читателя, и удовлетворяя одному лишь минутному любопытству, не можетъ произвести на него того общаго и цѣльнаго впечатлѣнія, которое можетъ быть достигнуто группировкой, обобщеніемъ и уясненіемъ событій, постановленій и административныхъ мѣръ; поэтому мы находимъ, что изданія, выходящія болѣе одного раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, не имѣющія ни возможности, ни времени обобщать и объяснять всего того, что печатаютъ на своихъ столбцахъ, не удовлетворяютъ самой насущной и самой важной потребности общества,—именно: яснаго сознанія современнаго положенія дѣлъ; доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что наши ежедневныя газеты не имѣютъ никакой иниціативы для общественнаго мнѣнія, которая вся нераздѣльно принадлежитъ ежемѣсячнымъ журналамъ. Желая содѣйствовать читающей публикѣ въ наиболѣе ясномъ и наглядномъ усвоеніи общаго понятія о текущихъ дѣлахъ, а также и вслѣдствіе того, что журналы посылаются въ провинціи по тяжелой почтѣ, при чемъ, конечно, теряется уже быстрота въ сообщеніи извѣстій,—мы рѣшились съ 1862 г. ограничиться выпускомъ нумеровъ «РУССКАГО МІРА,» вмѣсто двухъ, **только одинъ разъ въ недѣлю**, отъ **4** до **5** печатныхъ листовъ въ каждомъ; всего же, за исключеніемъ пасхальной недѣли, въ которую вовсе не будетъ выпуска, въ годъ выйдетъ **51** нумеръ.

На 1862 годъ предлагаются подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за цѣлый годъ, по выбору, одна изъ слѣдующихъ **ПРЕМІИ:** 1) **Первый томъ сочиненій А. Ѳ. Писемскаго,** заключающій въ себѣ: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедію «Ипохондрикъ». 2) **Второй томъ,** заключающій: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и

разсказы: «Mr Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедію «Раздѣлъ» и критическую статью «Разборъ сочин. Н. В. Гоголя». 3) **Третій томъ,** заключающій разсказы: «Плотничья артель», «Старая барыня», романъ «Тысяча душъ» съ передѣланными двумя главами во 2-й и 3-й части; драму «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» (*). 4) **Аскольдова могила,** А. Верстовскаго. 5) **Травіата,** Верди. 6) **Севильскій Цирюльникъ,** Россини. 7) **Трубадуръ,** Верди. 8) **Марта,** Флотова. 9) **Фенелла** (Muette de Portici), Обера. 10) **Балъ-Маскарадъ,** Верди. 11) **Арольдо** (Стифелио), Верди. 12) **Іоанна Гусманъ** (Сицилійскія Вечерни), его же. 13) **Виндзорскія кумушки,** Николаи и 14) **Страделла,** Флотова (Всѣ означенныя оперы аранжированы для фортепьяно въ 2 руки).

Всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ», получая каждогодно, въ видѣ преміи, одинъ изъ выпусковъ предпринятаго съ 1861 года изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», постепенно могутъ составить безплатно избранную библіотеку изъ сочиненій русскихъ писателей. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску означеннаго изданія, всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое изданіе «Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», получать по **1** р. **50** к., а съ пересылкою по **2** р. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе **2** р. **50** к. сер. Предоставляется также право всѣмъ подписчикамъ на «РУССКІЙ МІРЪ» пріобрѣтать музыкальныя изданія О. Стелловскаго (въ числѣ **4,500** сочиненій) съ уступкою **50%**. Подробный каталогъ онымъ разсылается всѣмъ подписчикамъ безденежно.

Цѣна на **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, безъ музыкальныхъ приложеній:**

НА ГОДЪ: Безъ доставки . . . . **6** р.
Съ доставкою на домъ . . . . **7** —
Съ пересылкою по почтѣ . . . . . . **8** —

На **полгода** уплачивается половина этихъ цѣнъ.

(*) Первые два тома соч. А. Ѳ. Писемскаго вышли уже въ свѣтъ и поступили въ продажу, а третій томъ выйдетъ въ ноябрѣ сего 1861 года.

На **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, съ музыкальными приложеніями:**

НА ГОДЪ:	Безъ доставки	**10** р.
	Съ доставкою на домъ.	**11** —
	Съ пересылкою по почтѣ	**12** —

На полгода съ музыкальными приложеніями подписка не принимается; равно какъ не принимается подписка и на одни музыкальныя приложенія безъ журнала **РУССКІЙ МІРЪ.**

Редакція «РУССКАГО МІРА», принимая въ соображеніе матеріальныя средства большинства нашей читающей публики и желая облегчить подписку на годовое изданіе журнала, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, что она допускаетъ разсрочку въ уплатѣ подписной суммы чрезъ гг. казначеевъ по третямъ или по мѣсяцамъ; равнымъ образомъ и лица другихъ сословій могутъ пользоваться правомъ разсрочки, съ тѣмъ, что гг. иногородные должны высылать на пересылку за цѣлый годъ, а подписную сумму уплачивать впередъ не менѣе какъ за треть года.

ГУДОКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ,

будетъ выходить съ 1 января 1862 года еженедѣльно, въ видѣ прибавленія къ «Русскому Міру», по одному печатному листу въ каждый нумеръ, подъ редакціей

Обличительнаго поэта.

Характеръ и составъ этого листка мы опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Отрицаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни,—вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція «ГУДКА». Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отрицаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приноситъ обществу несомнѣнную пользу. Мы вѣ-

римъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя «искуства для искуства», но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы вѣримъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью; все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать.

СОСТАВЪ **ГУДКА** БУДЕТЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

1) **Небольшіе разсказы, очерки** и **сцены** изъ руской жизни.

2) **Сатирическія** и **юмористическія** стихотворенія.

3) **Вчера** и **Сегодня**—общественная хроника.

4) **Афоризмы, эпиграммы, вопросы, мелкія замѣтки** и пр.

5) **Провинціальная хроника.**

6) **Каррикатуры.**

Открывая при ГУДКѢ отдѣлъ провинціальной корреспонденціи, мы просимъ сообщать намъ факты изъ губернской жизни, не стѣсняясь ни формой статей, ни литературнымъ изложеніемъ.

Желающіе получать ГУДОКЪ **отдѣльно** отъ РУССКАГО МІРА, платятъ за годъ безъ перес. **4** р. с., съ перес. и доставкою на домъ **5** р. с.

Бывшіе подписчики на **ГУДОКЪ** *имѣютъ право получать этотъ листокъ безплатно, на полгода; для чего и благоволятъ сообщить въ Контору Русскаго Міра настоящіе свои адресы.*

Подписка принимается: **въ С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «РУССКІЙ МІРЪ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ѳ. Стелловскаго,** поставщика двора Его Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27. Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной. **Въ Москвѣ:** Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда.

Редакторъ А. ГІЕРОГЛИФОВЪ.
Издатель Ѳ. СТЕЛЛОВСКІЙ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Предпринятое съ 1861 г. изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** имѣетъ цѣлью— совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, то для наибольшаго распространенія настоящее изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія Сочиненій русскихъ авторовъ не будетъ соблюдено хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ-за оканчаніемъ печатанія сочиненій **А. Ѳ. Писемскаго** будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ: Кантеміра, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Выходящіе въ 1861 году три выпуска заключаютъ въ себѣ сочи-

нелія **А. Ѳ. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ* (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ».

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «Mr. Батмановъ«, «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя».

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая барыня», «Тысяча душъ», съ передѣлан.; драма «Горькая судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ».

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска **три р.**, на пересылку за два фунта; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ помянутыхъ пьесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ; цѣны публикуются въ «Русскомъ Мірѣ».

НА ИЗДАНІЕ ЭТО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **три** руб. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска **Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб. безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ; полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ и подписчикамъ на журналъ «РУС-

СКІЙ МІРЪ», которые, получая каждогодно по одному тому изданія **безплатно** и имѣя право пріобрѣтать остальные по выбору, платя только по 1 р. 50 коп. за томъ, могутъ, такимъ образомъ, составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и **безплатно** — изъ получаемыхъ ими въ премію томовъ.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, у Ѳ. Стелловскаго.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 28 октября 1861 года,
Ценсоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ТИБЛЕНА И КОМП.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ

ВЪ 1862 ГОДУ.

В 1862 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже знакомы въ теченіи *шестнадцати лѣтъ*. Вступая въ семнадцатый годъ своего существованія, наше мѣстное изданіе не имѣетъ причинъ измѣнять своего характера и будетъ слѣдовать направленію, данному ему нѣсколько лѣтъ назадъ, обобщеніемъ съ европейскими интересами, съ общечеловѣческими идеями. Эта потребность давно уже чувствовалась, потому что годъ отъ году болѣе и болѣе Кавказъ дѣлается Европою, стряхивая съ себя азіатскую исключительность.—Тѣмъ не менѣе, стоя на рубежѣ двухъ странъ, межъ Востокомъ и Западомъ, мы никогда не отказывались знакомить читателей какъ съ мѣстною здѣшней исторіей, нравами и обычаями разнообразныхъ племенъ, населяющихъ нашу живописную и *во всѣхъ отношеніяхъ* интереснѣйшую страну, такъ и съ сопредѣльными ей странами и государствами. Наши корреспонденціи съ Тегераномъ, которыя сдѣлались постояннымъ отдѣломъ газеты, возбуждаютъ вниманіе въ образованномъ мірѣ и перепечатываются во всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ. Мы не мо-

жемъ не радоваться такому успѣху, хотя и во вредъ изданію нашему, небогатому средствами и числомъ подписчиковъ; напротивъ, мы будемъ стараться какъ можно болѣе развить этотъ отдѣлъ *корреспонденціи съ Востока* и надѣемся, что доведемъ это развитіе до того, что и русскія и иностранныя политическія газеты устанутъ брать у насъ этотъ готовый матеріалъ—и можетъ быть многія обратятся къ прямому источнику. Мы высказываемъ эту мысль, какъ надежду, какъ цѣль, къ которой мы будемъ стремиться.

Кавказскіе наши читатели конечно замѣтили, что отдѣлъ *политическаго обозрѣнія* у насъ если не многословенъ, то всегда полонъ и отличается свѣжестію сообщаемыхъ новостей, такъ что наша газета опережаетъ въ Тифлисѣ с.-петербургскія и московскія почти цѣлой недѣлей—иногда болѣе. И на будущій годъ мы не оставляемъ заботы объ этомъ скорѣйшемъ сообщеніи новостей.

Что касается до другихъ отдѣловъ, то мы будемъ вести ихъ, какъ и доселѣ, желая быть по возможности полными и разнообразными, что конечно не такъ легко для изданія во сто сорокъ иль въ полтораста листовъ. Мы имѣемъ привычку не обѣщать, но стараться вводить еще улучшенія сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція. Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году мы нашли возможность ввести рубрику *промышленной и земледѣльческой хроники*, которая представляетъ современный интересъ для всѣхъ любознательныхъ и интересующихся нашимъ краемъ читателей. Въ редакціи также есть запасъ статей чисто ученыхъ и чисто литературныхъ. Мы надѣемся въ будущемъ году напечатать въ газетѣ нѣсколько повѣстей изъ кавказскихъ нравовъ и нѣсколько описательныхъ очерковъ нашей богатой страны.

По составу своему газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ.

I. Правительственныя распоряженія.—Сюда же относятся и *всѣ* Высочайшие приказы по Кавказской арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе.

V. Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказкаго и Закавказкаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, библіографія и т. д.—VI. Фельетонъ. Метеорологическія наблюденія Тифлисской Магнитной обсерваторіи, и наконецъ VII. Разныя объявленія и извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. *Отъ тифлисскихъ подписчиковъ*, **ВЪ ТИФЛИСѢ**, *исключительно* въ Редакціи, что на Александровской площади.

2. *Отъ иногородныхъ подписчиковъ*, **ВЪ ТИФЛИСѢ**, въ Редакціи газеты «Кавказъ».

3. **ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ**, въ Газетной Экспедиціи.

4. **ВЪ МОСКВѢ**, въ Газетной Экспедиціи и у коммисіонера Императорскаго Московскаго университета Ѳ. О. Свѣшникова.

5. Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ.

ПОДПИСЫВАТЬСЯ ТАКЖЕ МОЖНО И ВО ВСѢХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ; но за исправное и своевременное доставленіе газеты Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только предъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались: ВЪ ТИФЛИСЪ, ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗЪ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Съ доставкою и пересылкою.		Безъ дост. на домъ и пересылк.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
ГОДОВАЯ ЦѢНА:	За газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій)	9	»	8	50
	За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»)	5	50	5	»
	За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями	12	50	12	»
ПОЛУГОД. ЦѢНА:	За газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій)	5	»	4	50
	За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»)	3	»	2	50
	За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями	6	50	6	»

**. Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получить всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но не зависимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ что годъ будетъ считаться съ того только №, предъ которымъ поступитъ подписка.*

Редакторъ Ѳедотъ Бобылевъ.